This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ириналлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

1869

"VESTNIK EVROPY"

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U.S. Consul,
at Birmingham, Eng.

~~13184~~
~~Slav 530.2~~
PSlav 176.25

1869
2

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY
AUG 0 3 1983

ОБРЫВЪ

РОМАНЪ *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Тихой, сонной рысью пробирался Райскій, въ рогожной перекладной кибиткѣ, на тройкѣ тощихъ лошадей, по переулкамъ, къ своей усадьбѣ. Онъ не безъ смущенія завидѣлъ дымокъ, вьющійся изъ трубъ родной кровли, раннюю, нѣжную зелень березъ и липъ, осѣняющихъ этотъ пріютъ, черепичную кровлю стараго дома и блеснувшую между деревьевъ и опять скрывшуюся за ними серебряную полосу Волги. Оттуда, съ берега, повѣяла на него струя свѣжаго, здороваго воздуха, какимъ онъ давно не дышалъ. Вотъ ближе, ближе: вонъ запестрѣли цвѣты въ садикѣ, вонъ дальше видны аллеи липъ и акацій, и старый вязъ, лѣвѣе яблони, вишни, груши. Вонъ рѣзвятся собаки на дворѣ, жмутся по угламъ и грѣются на солнцѣ котята; вонъ скворечники зыблются на тонкихъ жердяхъ; по кровлѣ новаго дома толкутся голуби, поверхъ рѣютъ ласточки. Вонъ за усадьбой, со стороны деревни, цѣлая луговина покрыта разостланными на солнцѣ полотнами. Вонъ баба катитъ боченокъ по двору, кучеръ рубитъ дрова, другой, какой-то, садится въ телѣгу, собирается ѣхать со двора: все незнакомые ему люди. А вонъ Яковъ сонно смотритъ съ крыльца по сторонамъ. Это знакомый: какъ постарѣлъ! Вонъ

---

*) См. часть первая, янв. 5—137 стр.

другой знакомый: Егоръ, зубоскалъ, напрасно въ третій разъ силится вскочить верхомъ на лошадь, та не дается; горничныя, въ свою очередь, скалятъ надъ нимъ зубы. Онъ едва узналъ Егора: оставилъ его мальчишкой восемнадцати лѣтъ. Теперь онъ возмужалъ: усы до плечъ, и все тотъ же хохолъ на лбу, тотъ же нахальный взглядъ и вѣчно-оскаленные зубы! Вонъ, кажется, еще знакомое лицо: какъ будто Марина или Өедосья—что-то въ этомъ родѣ: онъ смутно припомнилъ молодую, лѣтъ пятнадцати дѣвушку, похожую на эту самую, которая теперь шла черезъ дворъ. И все успѣлъ зоркимъ взглядомъ окинуть Райскій, пробираясь пѣшкомъ подлѣ экипажа, мимо рѣшетчатаго забора, отдѣляющаго домъ, дворъ, цвѣтникъ и садъ отъ проѣзжей дороги. Онъ продолжалъ любоваться всей этой знакомой картиной, переходя глазами съ предмета на предметъ, и вдругъ остановилъ ихъ неподвижно на неожиданномъ явленіи.

На крыльцѣ, въ родѣ веранды, уставленной большими кадками съ лимонными, померанцовыми деревьями, кактусами, алоэ и разными цвѣтами, отгороженной отъ двора большой рѣшоткой и обращенной къ цвѣтнику и саду, стояла дѣвушка лѣтъ двадцати, и съ двухъ тарелокъ, которыя держала передъ ней дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, босая, въ выбойчатомъ платьѣ, брала горстями пшено и бросала птицамъ. У ногъ ея толпились куры, индѣйки, утки, голуби, наконецъ воробьи и галки. «Цыпъ, цыпъ, ти, ти, ти! гуль! гуль, гуль», ласковымъ голосомъ приглашала дѣвушка птицъ къ завтраку. Куры, пѣтухи, голуби, торопливо хватали, отступали, какъ будто опасаясь ежеминутнаго предательства, и опять совались. А когда тутъ же вертѣлась галка и, подскакивая бокомъ, норовила воровски клюнуть пшена, дѣвушка топала ногой, «прочь, прочь: ты зачѣмъ?» кричала она, замахиваясь, и вся пернатая толпа въ летъ разбрасывалась по сторонамъ, а черезъ минуту опять головки кучей совались, жадно и торопливо клевать, какъ будто воруя зерна. «Ахъ ты, жадный!» говорила дѣвушка, замахиваясь на большого пѣтуха—никому не даешь—кому ни брошу, вездѣ схватитъ».

Утреннее солнце ярко освѣщало суетливую группу птицъ и самую дѣвушку. Райскій успѣлъ разглядѣть большіе темно-сѣрые глаза, кругленькія здоровыя щеки, бѣлые тѣсные зубы, свѣтло-русую, вдвое сложенную на головѣ косу и вполнѣ развитую грудь, рельефно отливавшуюся въ тонкой ситцевой блузѣ. На шеѣ не было ни косынки, ни воротничка: ничто не закрывало бѣлой шеи, съ легкой тѣнью загара. Когда дѣвушка замахнулась на прожорливаго пѣтуха, у ней половина косы, отъ этого движенія, упала на шею и спину, но она, не обращая вниманія,

продолжала бросать зерна. Она, то смѣялась, то хмурилась, глядѣла такъ свѣжо и бодро, какъ это утро, наблюдая, всѣмъ ли поровну достается, не подскакиваетъ ли галка, не набралось ли много воробьевъ. «Гусенка не видала»? спросила она у дѣвочки груднымъ, звонкимъ голосомъ. «Нѣтъ еще, барышня, сказала та: да его бы выкинуть кошкамъ. Афимья говоритъ, что околѣетъ». — «Нѣтъ, нѣтъ, я сама посмотрю, перебила дѣвушка, у Афимьи никакой жалости нѣтъ: она живого готова бросить». Райскій, не шевелясь, смотрѣлъ, никѣмъ не замѣчаемый, на всю эту сцену: на дѣвушку, на птицъ, на дѣвчонку. «Такъ и есть: идиллія! я зналъ! Это должно быть троюродная сестрица: думалъ онъ: какая она миленькая! Какая простота, какая прелесть! но которая: Вѣрочка или Марѳинька!»

Онъ, не дожидаясь, пока ямщикъ завернетъ въ ворота, бросился впередъ, пробѣжалъ остатокъ рѣшетки и вдругъ очутился передъ дѣвушкой. «Сестрица!» вскрикнулъ онъ, протягивая руки. Въ одну минуту, какъ будто по волшебству, все исчезло. Онъ не успѣлъ уловить, какъ и куда пропали дѣвушка и дѣвчонка: воробьи, мимо его носа, проворно и дружно махнули на кровлю. Голуби, похлопывая крыльями точно ладонями, въ разсыпную кружились надъ его головой, какъ слѣпые. Куры съ отчаяннымъ кудахтаньемъ бросились по угламъ, и даже пробовали съ испугу скакать на стѣну. Индѣйскій пѣтухъ, поднявъ лапу и озираясь вокругъ, неистово выругался по своему, точно сердитый командиръ оборвалъ всю команду на ученьѣ за безпорядокъ. Всѣ люди на дворѣ, опѣшивъ за работой, съ разинутыми ртами, глядѣли на Райскаго. Онъ самъ почти испугался и смотрѣлъ на пустое мѣсто: передъ нимъ по землѣ были только одни разсыпанныя зерна.

Но въ домѣ уже послышался шумъ, говоръ, движеніе, звонъ ключей и голосъ бабушки: «гдѣ онъ? гдѣ?» Она идетъ, торопится, лицо у ней сіяетъ, объятія растворяются. Она прижала его къ себѣ и около губъ ея улыбка образовала лучи. Она, хотя постарѣла, но постарѣла ровною, здоровою старостью: ни болѣзненныхъ пятенъ, ни глубокихъ нависшихъ надъ глазами и ртомъ морщинъ, ни тусклаго, скорбнаго взгляда. Видно, что ей живется крѣпко, хорошо, что она, если и борется, то не даетъ одолѣвать себя жизни, а сама одолѣваетъ жизнь и тратитъ силы въ этой борьбѣ скупо. Голосъ у ней не такъ звонокъ, какъ прежде, да ходитъ она теперь съ тростью, но не горбится, не жалуется на недуги. Также она безъ чепца, также острижена коротко, и тотъ же блещущій здоровьемъ и добротой взглядъ озаряетъ все лицо, не только лицо, всю ея фигуру.

— Борюшка! другъ ты мой! — Она обняла его раза три. Слезы

навернулись у ней и у него. Въ этихъ объятіяхъ, въ голосѣ, въ этой, вдругъ охватившей ее радости, точно какъ будто обдало ее солнечное сіяніе, было столько нѣжности, любви, теплоты! Онъ почувствовалъ себя почти преступникомъ, что, шатаясь по свѣту, въ холостой, безпріютной жизни своей, искалъ привязанностей, волоча сердце и соря чувствами, гоняясь за запретными плодами, тогда какъ здѣсь сама природа уготовила ему теплый уголъ, симпатіи и счастье.

Теперь онъ готовъ былъ влюбиться въ бабушку. Онъ такъ и вцѣпился въ нее, цѣловалъ ее въ губы, въ плечи, цѣловалъ ея сѣдые волосы, руки. Она ему казалась совсѣмъ другой теперь, нежели пятнадцать, шестнадцать лѣтъ назадъ. У ней не было тогда такого значенія на лицѣ, какое онъ видѣлъ теперь, ума, чего-то новаго. Онъ удивлялся, не сообразивъ въ эту минуту, что тогда еще онъ самъ не былъ на столько мудръ, чтобы умѣть читать лица и угадывать по нимъ умъ или характеръ.

— Гдѣ ты пропадалъ? Вѣдь я тебя цѣлую недѣлю жду: спроси Мареиньку — мы не спали до полуночи, я глаза проглядѣла. Мареинька испугалась какъ увидѣла тебя, и меня испугала — точно съумасшедшая прибѣжала. Мареинька! гдѣ ты? Поди сюда.

— Это я виноватъ: я перепугалъ ее, — сказалъ Райскій.

— А она бѣжать! умна очень! А ждала со мной, не ложилась спать, ходила на встрѣчу, на кухню бѣгала. Вѣдь каждый день твои любимыя блюда готовимъ. Я, Василиса и Яковъ, собираемся по утрамъ на совѣтъ и все припоминаемъ твои привычки. Другіе все почти новые люди, а эти трое, да Прохоръ, да Маришка, да развѣ Улита и Терентій помнятъ тебя. Все придумываемъ, какъ тебя устроить, чѣмъ кормить, какъ укладывать спать, на чемъ тебѣ ѣздить. А всѣхъ востреѣ Егорка: онъ напоминалъ больше всѣхъ: я его за это въ твои камердинеры пожаловала... Да что это я болтаю: соловья баснями не кормятъ! Василиса! Василиса! Чтожъ мы сидимъ: скорѣй вели собирать на столъ, до обѣда долго, онъ позавтракаетъ. Чай, кофе давай, птичьяго молока достань! — И сама засмѣялась. — Дай же взглянуть на тебя. — Бабушка поглядѣла на него пристально, подведя его къ свѣту.

— Какой ты не хорошій сталъ... сказала она, оглядывая его — нѣтъ, ничего, живетъ! загорѣлъ только! Усы тебѣ къ лицу. Зачѣмъ бороду отпускаешь? Обрѣй, Борюшка, я не люблю... Э, э! Кое-гдѣ сѣдые волоски: что̀ это, батюшка мой, рано старѣться началъ!

— Это не отъ старости бабушка, сказалъ онъ.

— Отчего же? Здоровъ ли ты?

— Здоровъ, живу — поговоримъ о другомъ. Вотъ вы, слава Богу, такая же...

— Какая такая?

— Не старѣетесь: такая же красавица! Знаете: я не видалъ такой старческой красоты никогда...

— Спасибо за комплиментъ — внучекъ: давно я не слыхала — какая тутъ красота! Вонъ на кого полюбуйся — на сестеръ — скажу тебѣ на ухо, шепотомъ прибавила она: такихъ ни въ городѣ, ни близко отъ него нѣтъ. Особенно другая... развѣ Настинька Мамыкина поспоритъ: помнишь, я писала, дочь откупщика?

Она лукаво мигнула ему.

— Что-то не помню, бабушка...

— Ну, объ этомъ послѣ, а теперь завтракать скорѣй и отдохни съ дороги...

— Гдѣ же другая сестра? спросилъ Райскій оглядываясь.

— Гоститъ у попадьи за Волгой, — сказала бабушка, такой грѣхъ: та нездорова сдѣлалась и прислала за ней. Надо же въ это время случиться! Сегодня же пошлю за ней лошадь...

— Нѣтъ, нѣтъ, удержалъ ее Райскій: зачѣмъ для меня тревожить. Увижусь, когда воротится.

— Да какъ это ты подобрался: караулили, ждали и все даромъ! — говорила Татьяна Марковна. — Мужики караулили у меня по ночамъ. Вотъ и теперь послала-было Егорку верхомъ на большую дорогу, не увидитъ ли тебя? А Савелья въ городъ — узнать. А ты опять — какъ тогда! Да дайте же завтракать! Что это не дождешься? Помѣщикъ пріѣхалъ въ свое родовое имѣніе, а ничего не готово: точно на станціи! Чтó прежде готово, то и подавайте.

— Бабушка! Ничего не надо. Я сытъ по горло. На одной станціи я пилъ чай, на другой молоко, на третьей попалъ на крестьянскую свадьбу — меня виномъ подчивали, ѣлъ медъ, пряники...

— Ты ѣхалъ къ себѣ, въ бабушкино гнѣздо, и не постыдился ѣсть всякую дрянь. Съ утра пряники! Вотъ бы Марѳиньку туда: и до свадьбы и до пряниковъ охотница. Да войди сюда, не дичись! звала она, обращаясь къ двери. — Стыдится, что ты засталъ ее въ утреннемъ неглиже. Выйди, это не чужой, — братъ.

Принесли чай, кофе, наконецъ завтракъ. Какъ ни отговаривался Райскій, но долженъ былъ приняться за все: это было одно средство успокоить бабушку и не испортить ей утро.

— Я не хочу! отговаривался онъ.

— Какъ съ дороги не поѣсть: это ужъ обычай такой! твердила она свое.

— Вотъ бульону, вотъ цыпленка... Еще пирогъ есть...

— Не хочу, бабушка: — говорилъ онъ, но она клала ему на тарелку, не слушая его, и онъ ѣлъ и бульонъ, и цыпленка.

— Теперь индѣйку, продолжала она: — принеси Василиса барбарису моченаго.

— Какъ можно индѣйку! — говорилъ онъ, принимаясь и за индѣйку.

— Сытъ ли дружокъ? спрашивала она: — доволенъ ли?

— Еще бы! Чего же еще? развѣ пирога... Тамъ пирогъ какой-то, говорили вы...

— Да, пирогъ забыли, пирогъ!

Онъ поѣлъ и пирога — все изъ «обычая».

— Что-же ты, Мареинька, давай свое угощенье: вотъ пріѣхалъ братъ. Выходи же.

Минутъ черезъ пять тихо отворилась дверь, и медленно, съ стыдливою неловкостью, съ опущенными глазами, краснѣя вышла Мареинька. За ней Василиса внесла цѣлый подносъ всякихъ сластей, варенья, печенья и прочаго. Мареинька застѣнчиво стояла, съ полуулыбкой, взглядывая однако на него съ лукавымъ любопытствомъ. На шеѣ и рукахъ были кружевные воротнички, волосы въ тугосложенныхъ косахъ плотно лежали на головѣ; на ней было барежевое платье, талія крѣпко опоясывалась голубой лентой.

Райскій вскочилъ, бросилъ салфетку и остановился передъ нею, любуясь ею.

— Какая прелесть! весело сказалъ онъ: — и это моя сестра Мареа Васильевна! Рекомендуюсь! А гусенокъ живъ?

Мареинька смутилась, неловко присѣла на его поклонъ и стыдливо сѣла въ уголъ.

— Вы оба съ ума сошли, сказала бабушка: — развѣ этакъ здороваются?

Райскій хотѣлъ поцѣловать у Мареиньки руку.

— Мареа Васильевна... сказалъ онъ.

— Это еще что за Васильевна такая? Ты развѣ разлюбилъ ее? Мареинька — а не Мареа Васильевна! Этакъ ты и меня въ Татьяны Марковны пожалуешь! Поцѣлуйтесь: вы братъ и сестра.

— Я не хочу, бабушка: вонъ онъ дразнитъ меня гусенкомъ... Подсматривать не годится!.. сказала она.

Всѣ засмѣялись. Райскій поцѣловалъ ее въ обѣ щеки, взялъ за талію, и она одолѣла смущеніе и вдругъ рѣшительно отвѣчала на его поцѣлуй, и вся робость слетѣла съ лица. Видно было, что еще минута, одно слово — и изъ-за этой смущенной

улыбки польется болтовня, смѣхъ. Она и такъ съ трудомъ сдерживала себя — и отъ этого была неловка.

— Марѳинька! помните, помнишь... какъ мы тутъ бѣгали, рисовали... какъ ты плакала?..

— Нѣтъ... ахъ, помню... какъ во снѣ... Бабушка? Я помню, или нѣтъ?... —

— Гдѣ ей помнить: ей и пяти лѣтъ не было...

— Помню, бабушка, ей-богу помню, какъ во снѣ...

— Перестань, сударыня, божиться: это ты у Николая Андреича переняла?..

Едва Райскій коснулся старыхъ воспоминаній, Марѳинька исчезла и скоро воротилась съ тетрадями, рисунками, игрушками, подошла къ нему ласково и довѣрчиво заговорила, потомъ сѣла такъ близко, какъ не сѣла бы чопорная дѣвушка. Колѣни ихъ почти касались между собою, но она не замѣчала этого.

— Вотъ видите, братецъ, — живо заговорила она, весело бѣгая глазами по его глазамъ, усамъ, бородѣ, оглядывая руки, платье, даже взглянувъ на сапоги, — видите, какая бабушка: говоритъ, что я не помню — а я помню, вотъ, право, помню, какъ вы здѣсь рисовали, я тогда у васъ на колѣняхъ сидѣла... Бабушка припрятала всѣ ваши рисунки, портреты, тетради, всѣ вещи — и берегла тамъ, вотъ въ этой темной комнатѣ, гдѣ у ней хранится серебро, брилльянты, кружева... Она недавно вынула, какъ только вы написали, что пріѣдете, и отдала мнѣ. Вотъ мой портретъ—какая я была смѣшная! а вотъ Вѣрочка. А вотъ бабушкинъ портретъ, вотъ Василисинъ. Вотъ Вѣрочкино рисованье. А помните, какъ вы меня несли черезъ воду одной рукой, а Вѣрочку посадили на плечо!

— Ты и это помнишь? спросила вслушавшись бабушка: — какая хвастунья — не стыдно тебѣ! Это недавно Вѣрочка разсказывала, а ты за свое выдаешь! Та помнитъ кое-что, и то мало, чуть-чуть...

— Вотъ теперь я какъ рисую! сказала Марѳинька показывая нарисованный букетъ цвѣтовъ.

— Это очень хорошо—браво, сестрица! сказалъ Райскій:—съ натуры?

— Съ натуры.

— Я изъ воску умѣю лѣпить цвѣты!

— А музыкой занимаешься?

— Да, играю на фортепьяно.

— А Вѣрочка: рисуетъ, играетъ?—Марѳинька отрицательно качала головой.

— Нѣтъ, она не любитъ—сказала она.

— Что же она, рукодѣльемъ занимается?—Мареинька опять покачала головой.

— Вѣра читать любитъ? допытывался Райскій.

— Да, читаетъ, только никогда не скажетъ что̀, и книги не покажетъ, не скажетъ даже, откуда достала.

— Та совсѣмъ дикарка—странная такая у меня. Богъ знаетъ въ кого уродилась! серьезно замѣтила Татьяна Марковна, и вздохнула.—Ненадоѣдай же пустяками брату, обратилась она къ Мареинькѣ: онъ усталъ съ дороги, а ты глупости ему показываешь. Дай лучше намъ поговорить о серьезномъ, объ имѣніи.

Все время, пока Борисъ занятъ былъ съ Мареинькой, бабушка задумчиво глядѣла на него, опять припоминала въ немъ черты матери, но замѣтила и перемѣны: убѣгающую молодость, признаки зрѣлости, раннія морщины, и странный, непонятный ей взглядъ, «мудреное» выраженіе. Прежде, бывало, она такъ и читала у него на лицѣ, а теперь тамъ было написано много такого, чего она разобрать не могла.

А у него было тепло и свѣтло на душѣ. Его осѣнила тихая задумчивость, навѣянная этими картинами и этой встрѣчей.

«Пусть такъ и останется: свѣтло и просто! пожелалъ онъ мысленно...

«Постараюсь ослѣпнуть умомъ, хоть на каникулы, и быть счастливымъ. Только ощущать жизнь, а не смотрѣть въ нее, или смотрѣть за тѣмъ только, чтобъ срисовывать сюжеты, не дотрогиваясь до нихъ разъѣдающимъ, какъ уксусъ, анализомъ... А то горе! Будемъ же смотрѣть, что̀ за сюжеты Богъ далъ мнѣ? Мареинька, бабушка, Вѣрочка — на что̀ онѣ годятся: въ романъ, въ драму, или только въ идиллію?»

II.

Онъ зѣвнулъ широко, и когда очнулся отъ задумчивости, передъ нимъ бабушка стоитъ со счетами, съ приходо-расходной тетрадью, съ дѣловымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Не усталъ-ли ты съ дороги? можетъ быть уснуть хочешь: вонъ ты зѣваешь? спросила она:—тогда оставимъ до утра.

— Нѣтъ, бабушка, я только и дѣлалъ что спалъ? Это нервическая зѣвота. А вы напрасно безпокоитесь: я счетовъ смотрѣть не стану...

— Какъ не станешь? Зачѣмъ же ты пріѣхалъ, какъ не принять имѣніе, не потребовать отчета?..

— Какое имѣніе! небрежно сказалъ Райскій.

— Какое имѣніе: вотъ посмотри, сколько тяглъ, земли? вотъ года четыре назадъ прикуплено — видишь, сто двадцать четыре десятины. Вотъ изъ нихъ подъ выгонъ отдаются...

— Право? машинально спросилъ Райскій; вы прикупили?

— Не я, а ты! не ты-ли мнѣ довѣренность прислалъ на покупку?

— Нѣтъ, бабушка; не я. Помню, что какія-то бумаги вы присылали мнѣ, я ихъ передалъ пріятелю своему, Ивану Ивановичу, а тотъ...

— Ты же подписалъ: гляди, вотъ копіи! показывала она.

— Можетъ быть, я и подписалъ, сказалъ онъ, не глядя, только не помню и не знаю что̀.

— О чемъ же ты помнишь? Вѣдь ты читалъ мои счеты, вѣдомости, что̀ я посылала къ тебѣ?

— Нѣтъ, бабушка, не читалъ.

— Какъ же, тамъ все показано, куда поступали твои доходы — ты видѣлъ?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Стало быть, ты не знаешь, куда я твои деньги тратила?

— Не знаю, бабушка, да и не желаю знать! отвѣчалъ онъ, приглядываясь изъ окна къ знакомой ему дали, къ синему небу, къ меловымъ горамъ, за Волгой.—Представь, Маѳинька: я еще помню стихи Дмитріева, что̀ въ дѣтствѣ училъ:

О Волга пышна, величава,
Прости, но прежде удостой
Склонить свое вниманье къ лирѣ
Пѣвца, незнаемаго въ мірѣ,
Но воспоеннаго тобой...

— Ты, Борюшка, прости меня: а ты, кажется, полоумный? сказала бабушка.

— Можетъ быть, бабушка, равнодушно согласился онъ.

— Куда же ты дѣвалъ вѣдомости объ имѣніи, что̀ я посылала тебѣ? Съ тобой онѣ?

Онъ покачалъ отрицательно головою.

— Гдѣ же онѣ?

— Какія вѣдомости, бабушка: ей-богу, не знаю.

— Вѣдомости о крестьянахъ, объ оброкѣ, о продажѣ хлѣба, объ отдачѣ огородовъ... Помнишь-ли, сколько за послѣдніе года дохода было? По тысячѣ четыреста двадцати пяти рублей — вотъ смотри.—Она хотѣла щелкнуть на счетахъ.—Вѣдь ты получалъ деньги: послѣдній разъ тебѣ послано было 550 рублей ассигнаціями, ты тогда писалъ, чтобъ не посылать. Я и клала въ приказъ: тамъ у тебя...

— Что̀ мнѣ до этого за дѣло, бабушка! съ нетерпѣніемъ сказалъ онъ.

— Кому же дѣло? съ изумленіемъ спросила она: ты этакъ не думаешь-ли, что я твоими деньгами пользовалась? смотри, вотъ здѣсь отмѣчена всякая копѣйка. Гляди.... Она ему совала большую шнуровую тетрадь.

— Бабушка! я рвалъ всѣ счеты, и эти, ей-богу, разорву, если вы будете приставать съ ними ко мнѣ.

Онъ взялъ-было счеты, но она быстро вырвала ихъ у него.

— Разорвешь! какъ ты смѣешь! вспыльчиво сказала она.— Рвалъ счеты!

Онъ засмѣялся и внезапно обнялъ ее и поцѣловалъ въ губы: какъ бывало дѣлывалъ мальчикомъ. Она вырвалась отъ него и вытерла ротъ.

— Я тутъ тружусь, сижу иногда за полночь, пишу, считаю каждую копѣйку: а онъ рвалъ! То-то ты ни слова мнѣ о деньгахъ, никакого приказа, распоряженія, ничего! Что̀ же ты думалъ объ имѣніи?

— Ничего, бабушка. Я даже забывалъ, есть-ли оно, нѣтъ-ли. А если припоминалъ, такъ вотъ эти самыя комнаты, потому что въ нихъ живетъ единственная женщина въ мірѣ, которая любитъ меня и которую я люблю.... За то только ее одну, и больше никого... Да вотъ теперь полюблю сестеръ—весело оборотился онъ, взявъ руку Марѳиньки и цѣлуя ее; все полюблю здѣсь—до послѣдняго котенка!

— Отъ роду не видывала такого человѣка, сказала бабушка, снявъ очки и поглядѣвъ на него.—Вотъ только Маркушка у насъ бездомный такой...

— Какой это Маркушка? Мнѣ что-то Леонтій писалъ... Что̀ Леонтій, бабушка, какъ поживаетъ? Я пойду къ нему...

— Что̀ ему дѣлается? сидитъ надъ книгами, воззрится въ одно мѣсто и не оттащишь его! супруга воззрится въ другое мѣсто.... онъ и не видитъ, что̀ подъ носомъ дѣлается. Вотъ теперь съ Маркушкой подружился: будетъ прокъ! Ужъ онъ приходилъ, жаловался, что тотъ книги, что-ли, твои растаскалъ....

— Bu-ona sera! bu-ona sera! напѣвалъ Райскій изъ «Севильскаго цирюльника».

— Странный, необыкновенный ты человѣкъ! говорила съ досадой бабушка. — Зачѣмъ пріѣхалъ сюда: говори толкомъ!

— Видѣть васъ, пожить, отдохнуть, посмотрѣть на Волгу, пописать, порисовать.

— А имѣніе? Вотъ тебѣ и работа: пиши! коли не усталъ, поѣдемъ въ поле: озимь посмотрѣть.

— Послѣ, послѣ, бабушка.

— Ти, ти, ти, та, та, та, ля, ля, ля.... выдѣлывалъ онъ тщательно опять мотивъ изъ «Севильскаго цирюльника».

— Полно тебѣ: ти, ти, ти, ля, ля, ля! передразнила она:— хочешь смотрѣть и принимать имѣніе?

— Нѣтъ, бабушка, не хочу! рѣшительно сказалъ онъ.

— Кто же будетъ смотрѣть за нимъ: я стара, мнѣ не углядѣть, не управиться. Я возьму да и брошу: что̀ тогда будешь дѣлать?...

— Ничего не буду дѣлать; махну рукой да и уѣду...

— Не прикажешь ли отдать въ чужія руки?

— Нѣтъ, пока у васъ есть охота—посмотрите, поживите.

— А когда умру?

— Тогда... оставить какъ есть.

— А мужики: пусть дѣлаютъ, что̀ хотятъ?

Онъ кивнулъ головой.

— Я думалъ, что они и теперь дѣлаютъ, что́ хотятъ. Ихъ отпустить бы на волю... сказалъ онъ.

— На волю: около пятидесяти душъ, на волю! повторила она: — и даромъ, ничего съ нихъ не взять?

— Ничего! сказалъ онъ.

— Чѣмъ же ты станешь жить?

— Они наймутъ у меня землю, будутъ платить мнѣ что̀-нибудь.

— Что̀-нибудь: изъ милости, что̀ вздумается! Ну, Борюшка!

Она взглянула на портретъ матери Райскаго. Долго глядѣла она на ея томные глаза, на задумчивую улыбку.

— Да, сказала потомъ вполголоса: не тѣмъ будь помянута покойница, а она виновата! Она тебя держала при себѣ, шептала что̀-то, играла на клавесинѣ, да надъ книжками плакала. Вотъ что̀ и вышло! пѣть да рисовать!

— Что̀ же съ домомъ дѣлать? куда серебро, бѣлье, брилліанты, посуду дѣвать? спросила она, помолчавъ. — Мужикамъ что-ли отдать?

— А развѣ у меня есть брилліанты и серебро?... спросилъ онъ.

— Сколько я тебѣ лѣтъ твержу! Отъ матери осталось: куда оно дѣнется? На̀ вотъ, постой, я тебѣ реестры покажу...

— Не надо, ради Бога, не надо: мое, мое, вѣрю. Стало быть, я въ правѣ распорядиться этимъ по своему усмотрѣнію?

— Ты хозяинъ, такъ какъ же не въ правѣ? гони насъ вонъ: мы у тебя въ гостяхъ живемъ — только хлѣба твоего не ѣдимъ, извини... Вотъ гляди, мои доходы, а вотъ расходы....

Она совала ему другія большія шнуровыя тетради, но онъ устранилъ ихъ рукой.

— Вѣрю, вѣрю бабушка: ну такъ вотъ что̀: пошлите за чиновникомъ въ палату и велите написать бумагу: домъ, вещи, землю, все уступаю я милымъ моимъ сестрамъ, Вѣрочкѣ и Марѳинькѣ, въ приданое....

Бабушка сильно нахмурилась и съ нетерпѣніемъ ждала конца рѣчи, чтобы разразиться.

— Но пока вы живы, продолжалъ онъ: все должно оставаться въ вашемъ непосредственномъ владѣніи и завѣдываніи. А мужиковъ отпустить на волю...

— Не бывать этому! пылко воскликнула Бережкова. — Онѣ не нищія, у нихъ по пятидесяти тысячъ у каждой. Да послѣ бабушки втрое, а можетъ быть и побольше останется: это все имъ! Не бывать, не бывать! И бабушка твоя, слава Богу, не нищая! У ней найдется уголъ, есть и клочокъ земли, и крышка, гдѣ спрятаться. Богачъ какой, гордецъ! въ даръ жалуетъ! не хотимъ, не хотимъ! Марѳинька! гдѣ ты? иди сюда!

— Здѣсь, здѣсь, сейчасъ! отозвался звонкій голосъ Марѳиньки изъ другой комнаты, куда она вышла, и она впорхнула веселая, живая, рѣзвая, съ улыбкой, и вдругъ остановилась. Она глядѣла, то на бабушку, то на Райскаго, въ недоумѣніи. Бабушка сильно расходилась.

— Вотъ слышишь: братецъ тебѣ жаловать изволитъ домъ, и серебро, и кружева. Ты вѣдь бесприданница, нищенка! присѣдай же ниже, благодари благодѣтеля, поцѣлуй у него ручку. Что̀ же ты?

— Марѳинька прижалась къ печкѣ и глядѣла на обоихъ, не зная что̀ ей сказать.

Бабушка отодвинула отъ себя всѣ книги, счеты, гордо сложила руки на груди и стала смотрѣть въ окно. А Райскій сѣлъ возлѣ Марѳиньки, взялъ ее за руку.

— Скажи, Марѳинька, ты бы хотѣла переѣхать отсюда въ другой домъ, спросилъ онъ:—можетъ быть, въ другой городъ?

— Ахъ, сохрани Боже: живо перебила она: какъ это можно! Кто это выдумалъ такую нелѣпость!..

— Вонъ кто, бабушка! сказалъ Райскій, смѣясь.

Марѳинька сконфузилась, а бабушка, къ счастью, не слыхала. Она сердито глядѣла въ окно.

— Вѣдь у меня тутъ все: садъ, и грядки, цвѣты.... А птицы? кто же будетъ ходить за ними? Какъ можно—ни за что....

— Ну, вотъ бабушка хочетъ уѣхать и увезти васъ обѣихъ.

— Бабушка, душенька, куда, зачѣмъ, что̀ это вы затѣяли? бросилась она ласкаться къ бабушкѣ.

— Отстань! сердито оттолкнула ее бабушка.

— Ты не хотѣла бы, Мароинька, не правда-ли, выпорхнуть изъ этого гнѣздышка?

— Нѣтъ, ни за что! качая головой рѣшительно сказала она. Бросить цвѣтникъ, мои комнатки... какъ это можно!

— И Вѣрочка тоже?

— Она еще пуще меня: она ни за что не разстанется съ старымъ домомъ...

— Она любитъ его?

— Она тамъ и живетъ, тамъ ей только и хорошо. Она умретъ, если ее увезутъ — мы обѣ умремъ!

— Ну, такъ вы никогда не уѣдете отсюда, прибавилъ Райскій: вы обѣ здѣсь выйдете замужъ, ты Мароинька, будешь жить въ этомъ домѣ, а Вѣрочка въ старомъ.

— Слава Богу: за чѣмъ же пугаете? А вы гдѣ сами станете жить?

— Я жить не стану, а когда пріѣду погостить, вотъ какъ теперь, вы мнѣ дайте комнату въ мезонинѣ—и мы будемъ вмѣстѣ гулять, пѣть, рисовать цвѣты, кормить птицъ: ти, ти, ти, цыпъ, цыпъ, цыпъ! передразнилъ онъ ее.

— Ахъ, вы злой! сказала она.—Я думала, вы не успѣли даже разглядѣть меня, а вы все подслушали!

— Ну, такъ это дѣло рѣшеное: вы съ Вѣрочкой принимаете отъ меня въ подарокъ все это, да?

— Да... братецъ... весело сказала она и потянулась было къ нему.

— Не смѣть! горячо остановила бабушка, до тѣхъ поръ сердито молчавшая. Мароинька сѣла на свое мѣсто.

— Безстыдница! укоряла она Мароиньку: гдѣ ты выучилась отъ чужихъ подарки принимать? Кажется, бабушка не тому учила; вѣкъ свой чужой копѣйкой не поживилась... А ты, не успѣла и двухъ словъ сказать съ нимъ, и ужъ подарки принимаешь. Стыдно, стыдно! Вѣрочка ни за что бы у меня не приняла: та — гордая!

Мароинька надулась.

— Сами же давича... сказали, говорила она сердито, что онъ намъ не чужой, а братъ, и велѣли поцѣловаться съ нимъ; а братъ можетъ все подарить.

— Это логично! противъ этого спорить нельзя, сказалъ Райскій.—И такъ рѣшено: это все ваше, я у васъ гость...

— Не бери! повелительно сказала бабушка—скажи: не хочу, не надо, мы не нищія, у насъ у самихъ есть имѣніе.

— Не хочу, братецъ, не надо—начала она съ ироніей повторять и засмѣялась.—Не надо, такъ не надо! прибавила она и вздохнула, лукаво поглядывая на него. Ему въ этой сценѣ нравились и бабушка, и Мареинька, каждая по своему — и онъ продолжалъ дразнить ихъ.

— А скоро-ли вы этакой садикъ разведете? поддразнивалъ Райскій: скоро-ли вамъ выстроятъ домикъ? когда-то еще обживетесь въ немъ, когда насажаете яблонь, грушъ? Онѣ долго вотъ этакія маленькія будутъ. Надо разбивать клумбы, цвѣты разводить: на это года два пойдетъ. Скоро-ли разобьете гряды? скоро ли турецкіе бобы и плющь обовьются около рѣшетки? Вонъ какъ здѣсь разрослось: насквозь ничего не видно. Скоро-ли дерну навозятъ? А птицы: куры, индѣйскіе пѣтухи, голуби, канарейки, чижики... Вѣдь это все мое, я ничего туда не дамъ на новое жилище...

— Канарейки мои, спорила Мареинька: я на свои деньги покупала. А вотъ садика жаль, и дома этого жаль, тутъ у меня все мое заведеніе, все хозяйство! и деревни жаль! съ оттѣнкомъ грусти сказала она: тамъ всѣ меня знаютъ, всѣ любятъ, и я всѣхъ знаю... и всѣхъ люблю... всѣхъ...

Она вздохнула.

— А домъ старый, а лѣсъ?

— Дома стараго мнѣ не жаль: тамъ пусто, мрачно! Въ лѣсъ я одна никогда не хожу, тамъ все запущено, дичь, глушь: не продерешься! Бабушка все расчистить собирается....

— Да ужъ ничего этого не будетъ тамъ у васъ, въ бабушкиномъ имѣніи, продолжалъ Райскій.—Здѣсь прижилось вамъ—здѣсь вы съ младенчества. Здѣсь готовое, насиженное гнѣздо, а тамъ надо заводить, разводить.... Бери, Мареинька!

— Не надо! твердила бабушка, черезъ годъ все будетъ свое. Скажи ему, чтобы дарилъ другимъ, что ничего не возьмешь....

— Возьмешь? шепотомъ спрашивалъ онъ у Мареиньки.

Она поглядѣла на него, на бабушку, потомъ опять на него.

— Вѣдь я тебѣ братъ, игралъ съ маленькой.... Возьмешь?...

— Возьму! шепнула она.—Я бы сейчасъ взяла, да бабушка....

— Посмотри! какой коверъ вокругъ дома! Безъ садика что̀ за житье?

— Я садикъ возьму! шепнула она, только бабушкѣ не го-во-ри-те! досказала она движеніями губъ, безъ словъ.

— А кружева, бѣлье, серебро? говорилъ онъ вполголоса.

— Не надо! кружева у меня свои есть, и серебро тоже! Да я люблю деревянной ложкой ѣсть... У насъ все по-деревенски.

— А эти саксонскія чашки, эти пузатые чайники? такихъ теперь не дѣлаютъ. Ужели не возьмешь?

— Чашки возьму, шептала она, и чайники, еще вонъ этотъ диванчикъ возьму и маленькія кресельца, да эту скатерть, гдѣ вышита Діана съ собаками. Еще бы мнѣ хотѣлось взять мою комнатку.... со вздохомъ прибавила она.

— Ну, весь домъ—пожалуйста, Марѳинька, милая сестра....

Марѳинька поглядѣла на бабушку, потомъ, украдкой, утвердительно кивнула ему.

— Ты любишь меня? да?

— Ахъ, очень, сказала она; какъ вы писали, что пріѣдете, я всякую ночь вижу васъ во снѣ, только совсѣмъ не такимъ...

— Какимъ же?

— Такимъ румянымъ, не задумчивымъ, а веселымъ; вы, будто, все шалите, да бѣгаете....

— Я вѣдь такой иногда бываю.

Она недовѣрчиво покосилась на него и покачала головой.

— Такъ возьмешь домикъ? спросилъ онъ.

— Возьму, только чтобъ и Вѣрочка старый домъ согласилась взять. А то одной стыдно: бабушка браниться станетъ.

— Ну, вотъ и кончено! громко и весело сказалъ онъ: милая сестра! Ты не гордая, не въ бабушку!

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Что̀ кончено? вдругъ сказала бабушка:—ты приняла? Кто тебѣ позволилъ? Коли у самой стыда нѣтъ, такъ бабушка не допуститъ на чужой счетъ жить. Извольте, Борисъ Павловичъ, принять книги, счеты, реестры и всѣ крѣпости на имѣніе. Я вамъ не прикащица досталась.

Она выложила передъ нимъ бумаги и книги.

— Вотъ четыреста-шестьдесятъ-три рубля денегъ—это ваши. Въ мартѣ мужики принесли за хлѣбъ. Тутъ по счетамъ увидите, сколько внесено въ приказъ, сколько отдано за постройку и починку службъ, за новый заборъ; жалованье Савелью — все есть.

— Бабушка!

— Бабушки нѣтъ, а есть Татьяна Марковна Бережкова. Позвать сюда Савелья! сказала она, отворивъ дверь въ дѣвичью.

Черезъ четверть часа вошелъ въ комнату, бокомъ, пожилой, лѣтъ сорока пяти мужикъ, сложенный плотно, будто изъ однѣхъ широкихъ костей, и оттого казавшійся толстымъ, хотя жиру у него не было ни золотника. Онъ былъ мраченъ лицомъ, съ навис-

шими бровями, широкими вѣками, которыя поднималъ медленно и даромъ не тратилъ ни взглядовъ, ни словъ. Даже движеній почти не дѣлалъ. Отъ одного разговора на другой онъ тоже переходилъ трудно и медленно. Мысленная работа совершается у него тяжело, такъ что когда онъ старается выговорить свою мысль, то въ этомъ помогаетъ себѣ бровями, складками на лбу, и отчасти указательнымъ пальцемъ. Онъ остриженъ въ скобку, бороду брѣетъ рѣдко, и у него на губахъ и на подбородкѣ почти всегда торчитъ щетина.

— Вотъ помѣщикъ пріѣхалъ, сказала бабушка, указывая на Райскаго, который наблюдалъ, какъ Савелій вошелъ, какъ медленно поклонился, медленно поднялъ глаза на бабушку, потомъ, когда она указала на Райскаго, то на него, какъ медленно поворотился къ нему и задумчиво поклонился.

— Ты теперь приходи къ нему съ докладомъ, говорила бабушка:—онъ самъ будетъ управлять имѣніемъ.

Савелій опять оборотился въ половину къ Райскому, и изподлобья, но немного поживѣе, поглядѣлъ на него. «Слушаю!» разстановисто произнесъ онъ и брови поднялись медленно.

— Бабушка! удерживалъ полу-шутя, полу-серьезно Райскій.

— Внучекъ! холодно отозвалась она.

Райскій вздохнулъ.

— Что̀ изволите приказать? тихо спросилъ Савелій, не поднимая глазъ. Райскій молчалъ и думалъ, что̀ бы приказать ему.

— Чудесно! Вотъ что̀, живо сказалъ онъ. — Ты знаешь какого-нибудь чиновника въ палатѣ, который бы могъ написать бумагу о передачѣ имѣнія?

— Гаврила Ивановичъ Мѣшечниковъ пишетъ всѣ бумаги намъ, произнесъ онъ не вдругъ, а подумавши.

— Ну, такъ попроси его сюда, сказалъ онъ.

— Слушаю! потупившись отвѣчалъ Савелій, и медленно, задумчиво поворотившись, пошелъ вонъ.

— Какой задумчивый этотъ Савелій! сказалъ Райскій, провожая его глазами.

— Будешь задумчивъ, какъ навяжется такая супруга, какъ Марина Антиповна! помнишь Антипа? ну, такъ его дочка! А золото-мужикъ, большія у меня дѣла дѣлаетъ: хлѣбъ продаетъ, деньги получаетъ,—честный, распорядительный: да вотъ гдѣ-нибудь да подстережетъ судьба! У всякаго свой крестъ! А ты что̀ это затѣялъ, или въ самомъ дѣлѣ съума сошелъ? спросила бабушка помолчавъ.

— Вѣдь это мое? сказалъ онъ, обводя рукой кругомъ себя, вы не хотите ничего брать и запрещаете внукамъ....

— Ну, пусть и будетъ твое! возразила она.—Зачѣмъ же отпускать на волю, дарить?

— Надо же что-нибудь дѣлать! Я уѣду отсюда, вы управлять не хотите: надо устроить...

— Зачѣмъ уѣзжать: я думала, что ты совсѣмъ пріѣхалъ. Будетъ тебѣ мыкаться! женись и живи. А то хорошо устройство: отдать тысячъ на тридцать всякаго добра!

Она безпокойно задумалась и, очевидно, боролась съ собой. Ей бы и въ голову никогда не пришло устранить отъ себя управленіе имѣніемъ, и не хотѣла она этого. Она бы не знала что̀ дѣлать съ собой. Она хотѣла только попугать Райскаго—и вдругъ онъ принялъ это серьезно. «Пожалуй, чего добраго? отъ него станется: вонъ онъ какой!» думала она въ страхѣ. «Такъ и быть, сказала она: я буду управлять, пока сила есть. А то, пожалуй, дядюшка такъ управитъ, что подъ опеку попадешь! Да чѣмъ ты станешь жить? Странный ты человѣкъ!»

— Мнѣ съ того имѣнія присылаютъ деньги: тысячи двѣ серебромъ—и довольно. Да я работать стану, добавилъ онъ: рисовать, писать.... Вотъ собираюсь за-границу пожить: для этого то̀ имѣніе заложу или продамъ....

— Богъ съ тобой, что̀ ты, Борюшка! Долго ли этакъ до сумы дойти! рисовать, писать, имѣніе продать! Не будешь ли по урокамъ бѣгать, школьниковъ учить? Эхъ, ты! изъ офицеровъ вышелъ, вонъ теперь въ короткохвостомъ сертучишкѣ ходишь! Вмѣсто того, чтобы четверкой въ дормёзѣ прикатить, притащился на перекладной, одинъ, безъ лакея, чуть не пѣшкомъ пришелъ. А еще Райскій! Загляни въ старый домъ, на предковъ: постыдись хоть ихъ! Срамъ, Борюшка! то ли бы дѣло, съ этакими эполетами, какъ у дяди Сергѣя Ивановича, пріѣхалъ: съ тремя тысячами душъ взялъ бы....

Райскій засмѣялся.

— Что̀ смѣешься! Я дѣло говорю. Какая бы радость бабушкѣ! Тогда бы не сталъ дарить кружевъ да серебра: понадобилось бы самому....

— Ну, а какъ я не женюсь, и кружевъ не надо, то рѣшено, что это все Вѣрочкѣ и Маѳинькѣ отдадимъ.... Такъ или нѣтъ?

— Ты опять свое! заговорила бабушка.

— Да, свое, продолжалъ Райскій, и если вы не согласитесь, я отдамъ все въ чужія руки—это кончено, даю вамъ слово...

— Вотъ—и слово далъ! безпокойно сказала бабушка. Она колебалась. — Имѣніе отдаетъ! Странный, необыкновенный человѣкъ! повторяла она,—совсѣмъ пропащій! Да какъ ты жилъ, что̀ дѣлалъ, скажи на милость! Кто ты на семъ свѣтѣ есть?

Всѣ люди, какъ люди. А ты — кто! Вонъ еще и бороду отпустилъ — сбрѣй, сбрѣй, не люблю!

— Кто я, бабушка? повторилъ онъ вслухъ:—несчастнѣйшій изъ смертныхъ!—Онъ задумался и прилегъ головой къ подушкѣ дивана.

— Не говори этого никогда! боязливо перебила бабушка:— судьба подслушаетъ, да и накажетъ: будешь въ самомъ дѣлѣ несчастный! Всегда будь доволенъ, или показывай, что доволенъ.

Она даже боязливо оглянулась, какъ-будто судьба стояла у нея за плечами.

— Несчастный! а чѣмъ, позволь спросить? заговорила она:— здоровъ, уменъ, имѣніе есть, слава Богу, вонъ какое!—она показала головой въ окна. — Чего еще? рожна, что-ли, надо?

Марѳинька засмѣялась, и Райскій съ нею.

— Что это значитъ, рожонъ?

— А то, что человѣкъ не чувствуетъ счастья, коли нѣтъ рожна, сказала она, глядя на него черезъ очки.—Надо его ударить бревномъ по головѣ, тогда онъ и узнаетъ, что счастье было, и какое оно плохенькое ни есть, а все лучше бревна.

«Вотъ что́, практическая мудрость!» подумалъ онъ.

— Бабушка! это жизненная замѣтка — это правда! вы философъ!

— Вотъ ты и умный, и ученый, а не зналъ этого! замѣтила она.

— Помиримтесь! сказалъ онъ, вставши съ дивана: вы согласились опять взять въ руки этотъ клочекъ....

— Имѣніе, а не клочекъ! перебила она.

— Согласитесь же отдать всю ветошь и хламъ этимъ милымъ дѣвочкамъ. Я бобыль, мнѣ не надо, а онѣ будутъ хозяйками. Не хотите, отдадимъ на школы....

— Школьникамъ! Не бывать этому! чтобы этимъ озорникамъ досталось! Сколько они однихъ яблоковъ перетаскаютъ у насъ черезъ заборъ!

— Берите скорѣй, бабушка! Ужели вы на старости лѣтъ бросите это гнѣздо?...

— Ветошь, хламъ! Тысячъ на десять серебра, бѣлья, хрусталя — ветошь! — твердила бабушка.

— Бабушка! просила Марѳинька: мнѣ цвѣтничекъ и садикъ, да мою зеленую комнату, да вотъ эти саксонскія чашки съ пастушкомъ, да салфетку съ Діаной...

— Замолчишь ли ты, безстыдница! скажутъ, что мы попрошайки, обобрали сироту!

— Кто скажетъ? спросилъ Райскій.

— Всѣ! первый Нилъ Андреичъ заголоситъ.

— Какой Нилъ Андреичъ?

— А помнишь: предсѣдатель въ палатѣ? Мы съ тобой заѣзжали къ нему, когда ты послѣ гимназіи пріѣхалъ сюда—и не застали. А потомъ онъ въ деревню уѣхалъ; ты его и не видалъ. Тебѣ надо съѣздить къ нему: его всѣ уважаютъ и боятся, даромъ что онъ въ отставкѣ....

— Чортъ съ нимъ! что́ мнѣ за дѣло до него! сказалъ Райскій.

— Ахъ, Борисъ, Борисъ—опомнись! сказала почти набожно бабушка. Человѣкъ почтенный....

— Чѣмъ же онъ почтенный?

— Старый, серьезный человѣкъ, со звѣздой!

Райскій засмѣялся.

— Чему смѣешься?

— Что́ значитъ «серьезный»? спросилъ онъ.

— Говоритъ умно, учитъ жить, не запоетъ: ти, ти, ти, да та, та, та. Строгій: за дурное осудитъ! вотъ что́ значитъ серьезный.

— Всѣ эти серьезные люди—или ослы великіе, или лицемѣры! замѣтилъ Райскій.—«Учитъ жить»: а самъ онъ умѣетъ ли жить?

— Еще бы не умѣлъ! нажилъ богатство, вышелъ въ люди...

— Иной думаетъ у насъ, что вышелъ въ люди, а въ самомъ-то дѣлѣ, онъ вышелъ въ свиньи....

Марѳинька засмѣялась.

— Не люблю, не люблю, когда ты такъ дерзко говоришь! гнѣвно возразила бабушка.—Ты во что́ самъ вышелъ, сударь: ни Богу свѣча, ни чорту кочерга! А Нилъ Андреичъ все-таки почтенный человѣкъ, что́ ни говори: узнаетъ, что ты такъ небрежно имѣніемъ распоряжаешься—осудитъ! И меня осудитъ, если я соглашусь взять: ты сирота....

— Вы мнѣ когда-то говорили, что онъ племянницу обобралъ, въ казнѣ воровалъ, —и онъ же осудитъ....

— Помолчи, помолчи объ этомъ, торопливо отозвалась бабушка, помни правило: «языкъ мой — врагъ мой, прежде ума моего родился!»

— Развѣ я маленькій, что не въ правѣ отдать кому хочу, еще и родственницамъ? Мнѣ самому не надо, продолжалъ онъ, стало-быть, отдать имъ — и разумно и справедливо.

— А если ты самъ женишься?

— Я не женюсь.

— Почемъ знать? какая-нибудь встрѣча.... вонъ здѣсь есть богатая невѣста.... Я писала тебѣ....

— Мнѣ не надо богатства: сказалъ Райскій.

— Не надо богатства: чтò городитъ! Жену вѣдь надо?

— И жену не надо.

— Какъ не надо? какъ же ты проживешь? спросила она недовѣрчиво. Онъ засмѣялся и ничего не сказалъ.

— Пора, Борисъ Павловичъ, сказала она: вонъ въ вискѣ сѣдина показывается. Хочешь посватаю? а какая красавица, какъ воспитана!

— Нѣтъ, бабушка, не хочу!

— Я не шучу — замѣтила она: у меня давно было въ головѣ.

— И я не шучу, у меня никогда въ головѣ не было.

— Ты хоть познакомься!

— И знакомиться не стану.

— Женитесь, братецъ, вмѣшалась Марѳинька; я бы стала нянчить дѣтей у васъ... я такъ люблю играть съ ними.

— А ты, Марѳинька, думаешь выйти замужъ?

Она покраснѣла.

— Скажи мнѣ правду, на ухо — говорилъ онъ.

— Да... иногда думаю.

— Когда же иногда?

— Когда дѣтей вижу: я ихъ больше всего люблю...

Райскій засмѣялся, взялъ ее за обѣ руки и прямо смотрѣлъ ей въ глаза. Она покраснѣла, ворочалась то въ одну, то въ другую сторону, стараясь не смотрѣть на него.

— Ты послушай только: она тебѣ наговоритъ! приговаривала бабушка, вслушавшись и убирая счеты. — Точно дитя: чтò на умѣ, то и на языкѣ!

— Я очень люблю дѣтей, оправдывалась она, смущенная: мнѣ завидно глядѣть на Надежду Никитишну: у ней семь человѣкъ... Куда ни обернись, вездѣ дѣти. Какъ это весело! Мнѣ бы хотѣлось побольше маленькихъ братьевъ и сестеръ, или хоть чужихъ дѣточекъ. Я бы и птицъ бросила, и цвѣты, музыку, все бы за ними ходила. Одинъ шалитъ, его въ уголъ надо поставить, тотъ проситъ кашки, этотъ кричитъ, третій дерется; тому оспочку надо прививать, то ушки пронимать, а этого надо учить ходить... Чтò можетъ быть веселѣе! Дѣти такіе милые, граціозные отъ природы, смѣшные, добрые, хорошенькіе!

— Есть и безобразные — сказалъ Райскій: развѣ ты и ихъ любила бы?..

— Есть больные, строго замѣтила Марѳинька: а безобразныхъ нѣтъ. Ребенокъ не можетъ быть безобразенъ. Онъ еще не испорченъ ничѣмъ... — Все это говорила она съ жаромъ, почти

страстно, такъ что ея граціозная грудь заволновалась подъ кисеей, какъ будто запросилась на просторъ.

— Какой идеалъ жены и матери! милая Мареинька—сестра! какъ счастливъ будетъ мужъ твой!—Она стыдливо сѣла въ уголъ.

— Она все съ дѣтьми: когда они тутъ, ее не отгонишь, замѣтила бабушка: поднимутъ шумъ, гамъ, хоть вонъ бѣги!

— А есть у тебя кто-нибудь на примѣтѣ — продолжалъ Райскій: женихъ какой-нибудь?...

— Что̀ это ты, мой батюшка, опомнись! какъ она безъ бабушкина спроса будетъ о замужствѣ мечтать?

— Какъ, и мечтать не можетъ безъ спроса?

— Конечно не можетъ.

— Вѣдь это ея дѣло.

— Нѣтъ, не ея, а пока бабушкино, замѣтила Татьяна Марковна.—Пока я жива, она изъ повиновенія не выйдетъ.

— Зачѣмъ это вамъ бабушка?

— Что́ зачѣмъ?

— Такое повиновеніе: чтобъ Мареинька даже полюбить безъ вашего позволенія не смѣла?

— Выйдетъ замужъ, тогда и полюбитъ.

— Какъ «выйдетъ замужъ и полюбитъ»: полюбитъ и выйдетъ замужъ, хотите вы сказать!

— Хорошо, хорошо, это у васъ тамъ такъ, говорила бабушка, замахавъ рукой,—а мы здѣсь прежде осмотримъ, узнаемъ что́ за человѣкъ, пудъ соли съѣдимъ съ нимъ, тогда и отдаемъ за него.

— Такъ у васъ еще не выходятъ дѣвушки, а отдаютъ ихъ—бабушка! Есть ли смыслъ въ этомъ...

— Ты, Борюшка, пожалуйста, не учи ихъ этимъ своимъ идеямъ!... Вонъ, покойница мать твоя была такая же... да и сошла прежде времени въ могилу.

Она вздохнула и задумалась.

«Нѣтъ, это все надо передѣлать! сказалъ онъ про себя... Не даютъ свободы—любить. Какая грубость! А вѣдь добрые, нѣжные люди! Какой еще туманъ, какое затмѣніе въ ихъ головахъ! Мареинька! я тебя просвѣщу! обратился онъ къ ней.

— Видите ли, бабушка: этотъ домикъ, со всѣмъ что́ здѣсь есть, какъ будто для Мареиньки выстроенъ, сказалъ Райскій — только дѣтскія надо надстроить. Люби, Мареинька, не бойся бабушки. А вы, бабушка, мѣшаете принять подарокъ!

— Ну, добро, посмотримъ, посмотримъ—сказала она:—если не женишься самъ, такъ какъ хочешь, на свадьбу подари имъ

кружева чтò ли: только, чтобы никто не зналъ, пуще всего Нилъ Андреичъ... надо въ тихомолку...

— Свободный, разумный и справедливый поступокъ—въ тихомолку! Долго ли мы будемъ жить, какъ совы, бояться свѣта дневного, слушать совиную мудрость Ниловъ Андреевичей!...

— Шш! ш, ш! зашипѣла бабушка:—услыхалъ бы онъ! Человѣкъ онъ старый, заслуженный, а главное серьезный! Мнѣ не сговорить съ тобой—поговори съ Титомъ Никонычемъ. Онъ обѣдать придетъ, — прибавила Татьяна Марковна.

«Странный, необыкновенный человѣкъ! думала она.—Все ему ни почемъ, ничего въ грошъ не ставитъ! имѣніе отдаетъ, серьезные люди у него—дураки, себя несчастнымъ называетъ! Погляжу еще чтò будетъ.»

III.

Райскій взялъ фуражку и собрался идти въ садъ. Марѳинька вызвалась показать ему все хозяйство и свой садикъ, большой садъ, и огородъ, цвѣтникъ, бесѣдки.

— Только въ лѣсъ боюсь: я не хожу съ обрыва, тамъ страшно, глухо! — говорила она.— Вѣрочка пріѣдетъ, она проводитъ васъ туда. — Она надѣла на голову косынку, взяла зонтикъ, и летала по грядамъ и цвѣтамъ, какъ сильфъ, блестя красками здоровья, веселостью сѣро-голубыхъ глазъ и лѣтнимъ нарядомъ изъ прозрачныхъ тканей. Вся она казалась какой-то радугой изъ этихъ цвѣтовъ, лучей, тепла и красокъ весны. Борисъ видѣлъ все это у себя въ умѣ и видѣлъ себя, задумчиваго, тяжелаго. Ему казалось, что онъ портитъ картину, для которой ему тоже нужно быть молодому, бодрому, живому, съ такими же, налитыми жизненной влагой глазами, съ такой же рѣзвостью движеній. Ему хотѣлось бы рисовать ее безкорыстно, какъ артисту, безъ себя, вотъ какъ бы нарисовалъ онъ, напримѣръ, бабушку. Тамъ онъ видѣлъ одну ее—и фантазія услужливо рисовала ее во всей старческой красотѣ: и выходила живая фигура, которую онъ наблюдалъ покойно, объективно.

А съ Марѳинькой это не удавалось. И садъ, казалось ему, хорошъ отъ того, что она тутъ. Марѳинька рѣяла около него, осматривала клумбы, поднимала головку то у того, то у другого цвѣтка. — Вотъ этотъ розанъ вчера еще почкой былъ, а теперь посмотрите, какъ распустился! — говорила она съ торжествомъ, показывая ему цвѣтокъ.

— Какъ ты сама! — сказалъ онъ.

— Ну, ужъ хороша роза! — возразила она безъ всякаго кокетства.

— Ты лучше ея! говорилъ Райскій, продолжая любоваться ею.

— Понюхайте, какъ она пахнетъ, — возражала она. Онъ нюхалъ цвѣтокъ и шелъ за ней.

— А вотъ эти маргаритки надо полить, и піоны тоже! — говорила она опять, и уже была въ другомъ углу сада, черпала воду изъ бочки и съ граціознымъ усиліемъ несла лейку, поливала кусты и зорко осматривала, не надо ли полить другіе.

— А въ Петербургѣ еще и сирени не зацвѣли, — сказалъ онъ.

— Ужели? А у насъ ужъ отцвѣли, теперь акаціи начинаютъ цвѣсти. Для меня праздникъ, когда липы зацвѣтутъ — какой запахъ!

— Сколько здѣсь птицъ! сказалъ онъ, вслушиваясь въ веселое щебетанье на деревьяхъ.

— У насъ и соловьи есть — вонъ тамъ, въ рощѣ! И мои птички всѣ здѣсь пойманы, говорила она. — А вотъ тутъ въ огородѣ мои грядки: я сама работаю. Подальше — тамъ арбузы, дыни, вотъ тутъ цвѣтная капуста, артишоки.

— Пойдемъ, Мареинька, къ обрыву, на Волгу смотрѣть.

— Пойдемте, только я близко не пойду, боюсь. У меня голова кружится. И не охотница я до этого мѣста! Я не долго съ вами пробуду! бабушка велѣла объ обѣдѣ позаботиться. Вѣдь я хозяйка здѣсь, сказала она. — У меня ключи отъ серебра, отъ кладовой. Я вамъ велю достать вишневаго варенья: это ваше любимое, — Василиса сказывала. — Онъ улыбкой поблагодарилъ ее.

— А чтò къ обѣду? спросила она. — Бабушка намѣрена угостить васъ на славу.

— Вѣдь я обѣдалъ. Развѣ къ ужину?

— До ужина еще полдникъ будетъ: за чаемъ простоквашу подаютъ: чтò вы лучше любите, творогъ со сливками... или...

— Да, я люблю творогъ... разсѣянно отвѣчалъ Райскій.

— Или простоквашу? спросила она.

— Да, хорошо простоквашу...

— Чтó же лучше? спросила она, и не слыша отвѣта, обернулась посмотрѣть, чтò его занимаетъ. А онъ пристально слѣдилъ, какъ она, переступая черезъ канавку, приподняла край платья и вышитой юбки и какъ изъ-подъ платья вытягивалась кругленькая, точно выточенная, и крѣпкая небольшая нога, въ бѣломъ чулкѣ, съ коротенькимъ, будто обрубленнымъ носкомъ, обутая въ лакированный башмакъ, съ красной сафьянной отдѣлкой и съ пряжкой.

— Ты любишь щеголять, Марѳинька: лакированный башмакъ! сказалъ онъ. Онъ думалъ, что она смутится, пойманная въ расплохъ, и приготовился наслаждаться ея смущеніемъ, смотрѣть, какъ она быстро и стыдливо броситъ изъ рукъ платье и юбку.

— Это мы съ бабушкой на ярмаркѣ купили, сказала она, приподнявъ еще немного юбку, чтобы онъ лучше могъ разглядѣть башмакъ.—А у Вѣрочки лиловые, прибавила она.—Она любитъ этотъ цвѣтъ. Что̀ же вамъ къ обѣду: вы еще не сказали?

Но онъ не слушалъ ее. «Милое дитя! думалъ онъ, тебѣ не надо притворяться стыдливой!»

— Я не хочу ѣсть, Марѳинька. Дай руку, пойдемъ къ Волгѣ. Онъ прижалъ ея руку къ груди и чувствовалъ, какъ у него бьется сердце, чуя близость... чего? наивнаго, милаго ребенка, доброй сестры, или... молодой, расцвѣтшей красоты? Онъ боялся, станетъ ли его на то, чтобъ наблюдать ее какъ артисту, а не отдаться, по обыкновенію, легкому впечатлѣнію? у него передъ глазами былъ идеалъ простой, чистой натуры, и въ душѣ созидался образъ какого-то тихаго семейнаго романа, и въ тоже время онъ чувствовалъ, что романъ понемногу захватывалъ и его самого, что ему хорошо, тепло, что окружающая жизнь — какъ будто втягиваетъ его...

— Ты поешь, Марѳинька? спросилъ онъ.

— Да... немножко, застѣнчиво отвѣчала она.

— Что̀ же?

— Русскіе романсы; начала италіянскую музыку, да учитель уѣхалъ. Я пою Una voce poco fa: только трудно очень для меня. А вы поете?

— Дикимъ голосомъ, но за то безпрестанно.

— Что̀ же?

— Все.—И онъ запѣлъ изъ «Ломбардовъ», потомъ маршъ изъ «Семирамиды», и вдругъ замолкъ. Онъ взглядывалъ близко ей въ глаза, жалъ руку и соразмѣрялъ свой шагъ съ ея шагомъ. «Ничего больше не надо для счастья, думалъ онъ: умѣй только остановиться во время, не заглядывать вдаль. Такъ бы сдѣлалъ другой на моемъ мѣстѣ. Здѣсь все есть для тихаго счастья—но... это не мое счастье!» Онъ вздохнулъ. «Глаза привыкнутъ... воображеніе устанетъ, — и впечатлѣніе износится... иллюзія лопнетъ какъ мыльный пузырь, едва разбудивъ нервы!..» Онъ выпустилъ ея руку и задумался.

— Что̀ жъ вы молчите, спросила она? «Ничего не говоритъ!» про себя прибавила потомъ.

— Ты любишь читать... читаешь, Мароинька? спросилъ онъ очнувшись.

— Да, когда соскучусь, читаю.

— Чтò же?

— Чтò попадется: Титъ Никонычъ журналы носитъ, повѣсти читаю. Иногда у Вѣрочки возьму французскую книгу какую-нибудь. «Елену» недавно читала, миссъ Еджевортъ, еще «Джанъ Айръ»... Это очень хорошо... Я двѣ ночи не спала: все читала, не могла оторваться.

— Чтò тебѣ больше нравится? спросилъ онъ: какой родъ чтенія?

Она подумала немного, очевидно затрудняясь опредѣлить родъ.

— Да вы смѣяться будете, какъ давича, надъ гусенкомъ... сказала она, не рѣшаясь говорить.

— Нѣтъ, нѣтъ, Мароинька: смѣяться надъ такой милой, хорошенькой сестрой! Вѣдь ты хорошенькая?

— Ну, чтò за хорошенькая! небрежно сказала она: толстая, бѣлая! Вотъ Вѣрочка такъ хорошенькая, прелесть!

— Чтò же ты любишь читать? Поэзію читаешь: стихи?

— Да, Жуковскаго, Пушкина недавно Мазепу прочла.

— Что же, нравится?

Она отрицательно покачала головой.

— Отчего?

— Жалко Марію. Вотъ «Гулливеровы путешествія» нашла у васъ въ библіотекѣ и оставила у себя. Я ихъ разъ семь прочла. Забуду немного и опять прочту. Еще Кота Мура, Братья Серапіоны, Песочный человѣкъ — это больше всего люблю.

— Какія же тебѣ книжки еще, кромѣ Гулливера, нравятся? спросилъ онъ.—Читала ли ты серьезное что-нибудь?

— Серьезное? повторила она, и лицо у ней вдругъ серьезно сморщилось немного: да, вонъ у меня изъ вашихъ книгъ остались нѣкоторыя, да я ихъ не могу одолѣть....

— Какія же?

— Шатобріана — Les Martyrs.... Это ужъ очень высоко для меня!

— Ну, а исторію?

— Леонтій Иванычъ давалъ Мишле, «Précis de l'histoire moderne» потомъ Римскую исторію, кажется, Жибона...

— То-есть, Джибона: что же?

— Я не дочитала... слишкомъ величественно! Это надо только учителямъ читать, чтобъ учить...

— Ну, романы читаешь?

— Да.... только такія, гдѣ кончается свадьбой.

Онъ засмѣялся, и она за нимъ.

— Это глупо? да? спросила она.

— Нѣтъ, мило. Въ тебѣ глупаго не можетъ быть.

— Я всегда прежде посмотрю, продолжала она смѣлѣе: и если печальный конецъ въ книгѣ — я не стану читать. Вонъ «Басурмана» начала, да Вѣрочка сказала, что жениха казнили, я и бросила.

— Стало-быть, ты и «Горя отъ ума» не любишь? Тамъ не свадьбой кончается.

Она потрясла головой.

— Софья Павловна гадкая, замѣтила она, а Чацкаго жаль— пострадалъ за то, что умнѣе всѣхъ!

Онъ съ улыбкой вслушивался въ ея литературный лепетъ и съ возрастающимъ наслажденіемъ вглядывался ей въ глаза, въ бѣленькіе, тѣсные зубы, когда она смѣялась.

— Мы будемъ вмѣстѣ читать, сказалъ онъ: у тебя сбивчивыя понятія, вкусъ не развитъ. Хочешь учиться? будешь понимать, дѣлать вѣрно критическую оцѣнку....

— Да, только выбирайте книжки, гдѣ веселый конецъ, свадьба....

— И дѣтки чтобъ были? лукаво спросилъ онъ: — чтобъ одного кашкой кормили, другому оспочку прививали? Да?

— Злой, злой! говорила она: ничего не стану говорить вамъ.... Вы все замѣчаете, ничего не пропустите....

— Такъ ты не выйдешь ни за кого безъ бабушкина спроса?

— Не выйду! сказала она съ твердостью, даже немного хвастливо, что она не въ состояніи сдѣлать такого дурного поступка.

— Почему же такъ? спросилъ онъ.

— А если онъ картежникъ, или пьяница, или дома никогда не сидитъ, или безбожникъ какой-нибудь, вонъ какъ Маркъ Иванычъ.... почемъ я знаю? А бабушка все узнаетъ....

— А Маркъ Иванычъ безбожникъ?

— Никогда въ церковь не ходитъ.

— Ну, а если этотъ безбожникъ или картежникъ понравится тебѣ?...

— Все-равно, я не выйду за него!

— А если ты полюбишь?...

— Картежника, или такого, который смѣется надъ религіей, вонъ какъ Маркъ Иванычъ... Будто это можно? Я съ нимъ и не заговорю никогда; какъ же полюблю?

— Такъ что̀ бабушка скажетъ, такъ тому и быть?

— Да, она лучше меня знаетъ.

— А когда же ты будешь сама знать и жить?

— Когда.... буду въ зрѣлыхъ лѣтахъ, буду своимъ домомъ жить, когда у меня будутъ свои....

— Дѣти? спросилъ Райскій.

— Свои коровы, лошади, куры, много людей въ домѣ.... Да, и дѣти.... — краснѣя, добавила она.

— А до тѣхъ поръ, все бабушка?

— Да. Она умная, добрая, она все знаетъ. Она лучше всѣхъ здѣсь и въ цѣломъ свѣтѣ! съ одушевленіемъ сказала она.

Онъ замолчалъ, припоминалъ Бѣловодову, разговоръ съ ней, сходство между той и другой, и разныя причины этого сходства, и причины несходства. У него рисовались оба образа, и просились во что-то: обѣ готовыя, обѣ прекрасныя — каждая своей красотой—обѣ разливали яркій свѣтъ на какую-то картину. Что̀ изъ этого будетъ—онъ незналъ, и пока рѣшилъ написать Марѳинькинъ портретъ масляными красками.

Они подошли къ обрыву. Марѳинька боязливо заглянула внизъ и, вздрогнувъ, попятилась назадъ.

Райскій бросилъ взглядъ на Волгу, забылъ все и замеръ неподвижно, воззрясь въ ея задумчивое теченіе, глядя какъ она раскидывается по лугамъ широкими разливами. Полноводье еще не сбыло, и рѣка завладѣла плоскимъ пребрежьемъ, а у крутыхъ береговъ шумливо и кругами омывала подножія горъ. Въ разныхъ мѣстахъ, незамѣтно, будто не двигаясь, плыли суда. Высоко на небѣ рядами висѣли облака. Марѳинька подошла къ Райскому и смотрѣла равнодушно на всю картину, къ которой привыкла давно.

— Вотъ эти суда посуду везутъ, говорила она,—а это расшивы изъ Астрахани плывутъ. А вотъ, видите, какъ эти домики окружило водой. Тамъ бурлаки живутъ. А вонъ, за этими двумя горками, дорога идетъ къ попадьѣ. Тамъ теперь Вѣрочка. Какъ тамъ хорошо, на берегу! Въ іюлѣ мы будемъ ѣздить на островъ, чай пить. Тамъ бездна цвѣтовъ!

Райскій молчалъ.

— Тамъ зайцы водятся, только теперь ихъ затопило, бѣдныхъ! У меня кролики есть, я вамъ покажу! прибавила она.

Онъ продолжалъ молчать.

— Въ концѣ лѣта суда съ арбузами придутъ, продолжала она: сколько ихъ тутъ столпится! Мы покупаемъ только мочить, а къ дессерту свои есть, крупные, иногда въ пудъ вѣсомъ бываютъ. Прошлый годъ больше пуда одинъ былъ, бабушка архіерею отослала.

Райскій все смотрѣлъ.

«Все молчитъ!» шепнула Мароинька про себя.

— Пойдемъ туда! вдругъ сказалъ онъ, показывая на обрывъ и взявъ ее за̀-руку.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, боюсь! говорила она, дрожа и пятясь.

— Со мной боишься?

— Боюсь!

— Я тебѣ не дамъ упасть. Развѣ ты не вѣришь, что я сберегу тебя?

— Вѣрю, да боюсь. Вонъ Вѣрочка не боится: одна туда ходитъ, даже въ сумерки! Тамъ убійца похороненъ, а ей ничего!

— Ну, еслибъ я сказалъ тебѣ: «закрой глаза, дай руку и иди, куда я поведу тебя»,—ты бы дала руку? закрыла бы глаза?

— Да.... дала бы, и глаза бы закрыла, только.... однимъ глазомъ тихонько бы посмотрѣла....

— Ну, вотъ теперь попробуй — закрой глаза, дай руку; ты увидишь, какъ я тебя сведу осторожно: ты не почувствуешь страха. Давай же, ввѣрься мнѣ, закрой глаза.

Она закрыла глаза, но такъ, чтобъ можно было видѣть, и только онъ взялъ ее за̀-руку и провелъ шагъ, она вдругъ увидѣла, что онъ сдѣлалъ шагъ внизъ, а она стоитъ на краю обрыва, вздрогнула и вырвала у него руку.

— Ни за что не пойду, ни за что! съ хохотомъ и визгомъ кричала она, вырываясь отъ него.—Пойдемте, пора домой, бабушка ждетъ! Что̀ же къ обѣду? спрашивала она; любите ли вы макароны? свѣжіе грибы?

Онъ ничего не отвѣчалъ и любовался ею.

— Какая ты прелесть! Ты цѣльная, чистая натура! и какъ ты вѣрна ей, сказалъ онъ, ты находка для художника! Сама естественность!

Онъ поцѣловалъ у нея руку.

— Чего-чего не наговорили обо мнѣ! Да куда же вы? спрашивала она.

Отвѣта не было. Она подошла опять къ обрыву шага на два, робко заглянула туда и увидѣла только, какъ съ шумомъ раздавались кусты врозь и какъ Райскій, точно по крупнымъ уступамъ лѣстницы, прыгалъ по горбамъ и впадинамъ оврага.

— Страсть какая! съ дрожью сказала Мароинька и пошла домой.

IV.

Райскій обогнулъ весь городъ и изъ глубины оврага поднялся опять на гору, въ противоположномъ концѣ отъ своей усадьбы. Съ вершины холма онъ сталъ спускаться въ предмѣстье. Весь городъ лежалъ передъ нимъ, какъ на ладони. Онъ съ пристрастнымъ чувствомъ, пробужденнымъ старыми, почти дѣтскими воспоминаніями, смотрѣлъ на эту кучу разнохарактерныхъ домовъ, домиковъ, лачужекъ, сбившихся въ кучу, или разбросанныхъ по высотамъ и по ямамъ, ползущихъ по окраинамъ оврага, спустившихся на дно его, домиковъ съ балконами, съ маркизами, съ бельведерами, съ пристройками, надстройками, съ венеціянскими окошками, или едва замѣтными щелями вмѣсто оконъ, съ голубятнями, скворечниками, съ пустыми, заросшими травой, дворами. Смотрѣлъ на искривленные, безконечные, идущіе между плетнями, переулки, на пустыя, безъ домовъ, улицы, съ громкими надписями: «Московская улица», «Астраханская улица», «Саратовская улица», съ базарами, гдѣ навалены груды лыкъ, соленой и сушеной рыбы, кадки дегтю и калачи, на зіяющія ворота постоялыхъ дворовъ, съ далеко-разносящимся запахомъ навоза, и на бренчащіе по улицѣ дрожки.

Было за полдень давно; надъ городомъ лежало оцѣпенѣніе покоя, штиль на сушѣ, какой бываетъ на морѣ, штиль широкой, степной, сельской и городской русской жизни. Это не городъ, а кладбище, какъ всѣ эти города. Онъ, не то умеръ, не то уснулъ, или задумался. Растворенныя окна зіяли, какъ разверзстыя, но не говорящія уста; нѣтъ дыханія, не бьется пульсъ. Куда же убѣжала жизнь? Гдѣ глаза и языкъ у этого лежащаго тѣла? Все пестро, зелено и все молчитъ. Райскій вошелъ въ переулки и улицы: даже вѣтеръ не ходитъ. Пыль, уже третій день нетронутая, однимъ узоромъ отъ проѣхавшихъ колесъ лежитъ по улицамъ; въ тѣни забора отдыхаетъ козелъ, да куры, вырывъ ямки, усѣлись въ нихъ, а неутомимый пѣтухъ ищетъ поживы, проворно раскапывая, то одной, то другой ногой кучу пыли. Собаки, свернувшись по три, по четыре, лежатъ разношерстной кучей на любомъ дворѣ, бросаясь, по временамъ, отъ праздности, съ лаемъ на рѣдкаго прохожаго, до котораго имъ никакого дѣла нѣтъ.

Просторъ и пустота — какъ въ пустынѣ. Кое-гдѣ высунется изъ окна голова съ сѣдой бородой, въ красной рубашкѣ, поглядитъ, зѣвая, на обѣ стороны, плюнетъ, и спрячется. Въ другое окно, съ улицы, увидишь храпящаго, на кожаномъ диванѣ, человѣка, въ халатѣ: подлѣ него на столикѣ лежатъ «Вѣ-

домости», очки, и стоитъ графинъ квасу. Другой сидитъ по цѣлымъ часамъ у воротъ, въ картузѣ, и въ мирномъ бездѣйствіи смотритъ на канаву съ крапивой и на заборъ на противоположной сторонѣ. Давно ужъ онъ мнётъ носовой платокъ въ рукахъ — и все не рѣшается высморкаться: лѣнь. Тамъ кто-то бездѣйствуетъ у окна, съ пенковой трубкой, и когда бы кто ни прошелъ мимо, всегда сидитъ онъ—съ довольнымъ, ничего не желающимъ и не скучающимъ взглядомъ. Въ другомъ мѣстѣ видѣлъ Райскій такую же, сидящую у окна, пожилую женщину, весь вѣкъ проведшую въ своемъ переулкѣ, безъ суматохи, безъ страстей и волненій, безъ ежедневныхъ встрѣчъ съ безконечно-разнообразной породой подобныхъ себѣ, и не вѣдающую скуки, которую такъ глубоко и тяжко вѣдаютъ въ большихъ городахъ, въ центрѣ дѣлъ и развлеченій.

Райскій, идучи изъ переулка въ переулокъ, видѣлъ кое-гдѣ семью за трапезой, а тамъ, въ мѣщанскомъ домѣ, ужъ подавали самоваръ. Въ безлюдной улицѣ за версту слышно, какъ разговариваютъ двое, трое между собой. Звонко раздаются голоса въ пустотѣ и шаги по деревянной мостовой. Гдѣ-то въ сараѣ кучеръ рубитъ дрова, тутъ же поросенокъ хрюкаетъ въ навозѣ; въ низенькомъ окнѣ, въ уровень съ землею, отдувается коленкоровая занавѣска съ бахрамой, путаясь въ резедѣ, бархатцахъ и бальсаминахъ. Тамъ сидитъ, наклоненная надъ шитьемъ, бодрая, хорошенькая головка и шьетъ прилежно, не смотря на жаръ и всѣхъ одолѣвающую дремоту. Она одна бодрствуетъ въ домѣ и, можетъ быть, сторожитъ знакомые шаги... Изъ отворенныхъ оконъ одного дома обдало его сотней звонкихъ голосовъ, которые повторяли азы и дѣлали совершенно лишнею надпи[сь] «Школа» на дверяхъ. Тамъ забрелъ онъ на постройку дома, кучу щепокъ, стружекъ, бревенъ, и на кружокъ расположившихъ[ся] около огромной деревянной чашки плотниковъ. Большой каравай хлѣба, накрошенный въ квасъ лукъ, да кусокъ красноватой соленой рыбы — былъ весь обѣдъ. Мужики сидѣли смирно, и молча, по очереди, опускали ложки въ чашку и опять клали ихъ, жевали, не торопясь, не смѣялись и не болтали за обѣдомъ, а прилежно и будто набожно исполняли трудную работу.

Райскому хотѣлось нарисовать эту группу усталыхъ, серьезныхъ, буро-желтыхъ, какъ у отаитянъ, лицъ, эти черствыя, загорѣлыя руки, съ негнущимися пальцами, крѣпко вросшими, будто желѣзными, ногтями, эти широко и мѣрно растворяющіеся рты и медленно жующія уста, и этотъ—поглощающій хлѣбъ и кашу—голодъ. Да, голодъ, а не аппетитъ: у мужиковъ не бываетъ ап-

петита. Аппетитъ выработывается праздностью, моціономъ и нѣгой, голодъ — временемъ и тяжкой работой.

«Однако, какая широкая картина тишины и сна! — думалъ онъ, оглядываясь вокругъ—какъ могила! Широкая рама для романа! Только что̀ я вставлю въ эту раму?» Онъ мысленно снималъ рисунокъ съ домовъ, замѣчалъ выглядывавшія физіономіи встрѣчныхъ, группировалъ лица бабушки, дворни. Все это пока толпилось около Марѳиньки. Она была центромъ картины. Фигура Бѣловодовой отступила на второй планъ и стояла одиноко.

Онъ медленно, машинально шелъ по улицамъ, мысленно разработывая свой новый матеріалъ. Всѣ фигуры становились отчетливо у него въ головѣ, всѣхъ онъ видѣлъ ихъ тамъ, какъ живыми. «Что̀, еслибъ на этомъ сонномъ, неподвижномъ фонѣ—да легла картина страсти! мечталъ онъ. Какая жизнь вдругъ хлынула бы въ эту раму! Какія краски.... Да гдѣ взять красокъ и... страсти тоже?...»

«Страсть! повторилъ онъ очень страстно. — Ахъ, еслибъ на меня излился ея жгучій зной, сжегъ бы, пожралъ бы артиста, чтобъ я слѣпо утонулъ въ ней и утопилъ эти свои параллельные взгляды, это пытливое, двойное зрѣніе! Надо, чтобъ я не глазами, на чужой кожѣ, а чтобъ собственными нервами, костями и мозгомъ костей вытерпѣлъ огонь страсти, и послѣ желчью, кровью и по̀томъ написалъ картину ея, эту геенну людской жизни! Страсть Софьи.... Нѣтъ, нѣтъ! холодно думалъ онъ. Она «выше міра и страстей.» Страсть Марѳиньки!» онъ засмѣялся. Оба образа поблѣднѣли, и онъ печально опустилъ голову и равнодушно глядѣлъ по сторонамъ.

— Да, изъ нихъ выйдетъ романъ, думалъ онъ; романъ, пожалуй, вѣрный, но вялый, мелкій, у одной съ аристократическими, у другой съ мѣщанскими подробностями. Тамъ широкая картина холодной дремоты въ мраморныхъ саркофагахъ, съ золотыми, шитыми на бархатѣ, гербами на гробахъ; здѣсь—картина теплаго лѣтняго сна на зелени, среди цвѣтовъ, подъ чистымъ небомъ, но все сна, непробуднаго сна!»

Онъ пошелъ поскорѣе, вспомнивъ, что у него была цѣль прогулки, и поглядѣлъ вокругъ, кого бы спросить, гдѣ живетъ учитель Леонтій Козловъ. И никого на улицѣ: ни признака жизни. Наконецъ, онъ рѣшился войдти въ одинъ изъ деревянныхъ домиковъ. На крыльцѣ его обдалъ такой крѣпкій запахъ, что онъ засовался въ затрудненіи, которую изъ трехъ, бывшихъ тамъ дверей отворить поскорѣе. За одной послышалось движеніе, и онъ вошелъ въ небольшую переднюю. «Кто тамъ?» съ изумленіемъ

спросила пожилая женщина, которая держала въ объятіяхъ самоваръ и готовилась нести его, повидимому, ставить.

— Не можете-ли вы мнѣ сказать, гдѣ здѣсь живетъ учитель Леонтій Козловъ? спросилъ Райскій. Она, молча, съ испугомъ продолжала глядѣть на него во всѣ глаза.

— Кто тамъ? послышался голосъ изъ другой комнаты, и въ то же время зашаркали туфли и показался человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, въ пестромъ халатѣ, съ синимъ платкомъ въ рукахъ.

— Вотъ учителя какого-то спрашиваетъ! сказала наконецъ одурѣлая баба.

Господинъ въ халатѣ тоже воззрился съ удивленіемъ на Райскаго.

— Какого учителя? здѣсь не живетъ учитель... говорилъ онъ, продолжая съ изумленіемъ глядѣть на посѣтителя.

— Извините, я пріѣзжій, только сегодня утромъ пріѣхалъ, и не знаю никого: я случайно зашелъ въ эту улицу и хотѣлъ спросить....

— Не угодно-ли пожаловать въ комнату? ласково пригласилъ хозяинъ войти. Райскій послѣдовалъ за нимъ въ маленькую залу, гдѣ стояли простые, обитые кожей стулья, такое же канапе и ломберный столикъ подъ зеркаломъ.—Прошу садиться! просилъ онъ.

— Вы какого учителя изволите спрашивать? продолжалъ онъ, когда они сѣли.

— Леонтія Козлова.

— Есть купецъ Козловъ, торгуетъ въ рядахъ... задумчиво говорилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, Козловъ, учитель древней словесности, повторилъ Райскій.

— Словесности.... нѣтъ, не знаю, задумчиво повторилъ онъ: вамъ бы въ гимназіи спросить — она тамъ на горѣ....

«Это я и самъ знаю», подумалъ Райскій. — Извините, сказалъ онъ,— я думалъ, что всякій его знаетъ, такъ какъ онъ давно въ городѣ.

— Позвольте.... не онъ ли у предсѣдателя учитъ дѣтей? Такъ онъ тамъ и живетъ: бравый такой изъ себя....

— Нѣтъ, нѣтъ — этотъ не бравый! съ усмѣшкой замѣтилъ Райскій уходя.

Вышедши на улицу, онъ наткнулся на какого-то прохожаго и спросилъ, не знаетъ-ли онъ, гдѣ живетъ учитель Леонтій Козловъ. Тотъ подумалъ немного, оглядѣлъ съ ногъ до головы Райскаго, потомъ отвернулся въ сторону, высморкался въ пальцы и сказалъ, указывая въ другую сторону: «это должно быть тамъ,

на выѣздѣ, за мостомъ: тамъ какой-то учитель живетъ.» Къ счастію Райскаго, прохожій кантонистъ вслушался въ разговоръ.

— Эхъ ты: это садовникъ! сказалъ онъ.

— Знаю, что садовникъ, да онъ учитель, возразилъ первый. Къ нему господа на выучку ребятъ присылаютъ...

— Имъ не его надо, возразилъ писарь, глядя на Райскаго:— пожалуйте за мной! прибавилъ онъ и проворно пошелъ впередъ. Райскій слѣдовалъ за нимъ изъ улицы въ улицу, и, наконецъ, вожатый привелъ его къ тому дому, откуда звонко и дружно раздавались азы.

— Вонъ школа, вонъ и учитель самъ сидитъ! прибавилъ онъ, указывая въ окно на учителя.

— Да это совсѣмъ не то! съ неудовольствіемъ отозвался Райскій, бѣсясь на себя, что забылъ дома спросить адресъ Козлова.

— А то еще на горѣ есть гимназія... сказалъ кантонистъ.

— Ну, хорошо, спасибо, я найду самъ, поблагодарилъ Райскій и вошелъ въ школу, полагая, что учитель вѣрно знаетъ, гдѣ живетъ Леонтій. Онъ не ошибся: учитель, загнувъ въ книгу палецъ, вышелъ съ Райскимъ на улицу и указалъ, какъ пройдти одну улицу, потомъ завернуть на право, потомъ на лѣво. «Тамъ упретесь въ садикъ, прибавилъ онъ: тутъ Козловъ и живетъ.»

«Да, долго еще до прогресса, думалъ Райскій, слушая раздававшіеся ему вслѣдъ дѣтскіе голоса и проходя въ пятый разъ по однѣмъ и тѣмъ же улицамъ и опять не встрѣчая живой души. Что̀ за фигуры, что̀ за нравы, какія явленія—всѣ, всѣ годятся въ романъ, думалъ онъ: всѣ эти штрихи, оттѣнки, обстановка—перлы для кисти... Каковъ-то Леонтій: измѣнился, или все тотъ же ученый, но недогадливый младенецъ? Онъ—тоже находка для художника!»—И вошелъ въ домъ.

V.

Леонтій принадлежалъ къ породѣ тѣхъ, погруженныхъ въ книги и ничего, кромѣ нихъ, не вѣдающихъ ученыхъ, живущихъ прошлою или идеальною жизнію, жизнію цифръ, гипотезъ, аксіомъ, теорій и системъ, и не замѣчающихъ настоящей, кругомъ текущей жизни. Выводится и, кажется, вывелась теперь эта любопытная порода людей на бѣломъ свѣтѣ: Изида сняла вуаль съ лица, и жрецы ея, стыдясь, сбросили парики, мантіи, длиннополые сюртуки, надѣли фраки, пальто, и вмѣшались въ толпу. Рѣдко гдѣ встрѣтишь теперь небритыхъ, нече-

саныхъ ученыхъ, съ неподвижнымъ и вѣчно задумчивымъ взглядомъ, съ одною вертящеюся около науки рѣчью, съ односторонкимъ, ушедшимъ въ науку умомъ, иногда и здравымъ смысломъ, неловкихъ, стыдливыхъ, убѣгающихъ женщинъ, глубокомысленныхъ, съ забавною разсѣянностью и съ умилительной младенческой простотой, — этихъ мучениковъ, рыцарей и жертвъ науки. И педантъ науки—теперь сталъ анахронизмомъ, потому что ею не удивишь никого.

Леонтій принадлежалъ еще къ этой породѣ, съ немногими смягченіями, какія сдѣлало время. Онъ родился въ одномъ городѣ съ Райскимъ, воспитывался въ одномъ университетѣ. Глядя на него, еще на ребенка, непремѣнно скажешь, что и ученые, по крайней мѣрѣ такіе, какъ эта порода, подобно поэтамъ, тоже — nascuntur. Всегда, бывало, онъ съ растрепанными волосами, съ блуждающими гдѣ-то глазами, вѣчно копающійся въ книгахъ, или въ тетрадяхъ, какъ будто у него не было дѣтства, не было нерва—шалить, рѣзвиться. Потѣшалась же надъ нимъ и молодость. То мазнетъ его сажей по лицу какой-нибудь шалунъ, Леонтій не догадается и ходитъ съ пятномъ цѣлый день, къ потѣхѣ публики, да еще ему же достанется отъ надзирателя, зачѣмъ выпачкался. Дастъ ли ему кто щелчка или дернетъ за волосы, ущипнетъ,—онъ сморщится, и вмѣсто того, чтобъ вскочить, броситься и догнать шалуна, онъ когда-то соберется обернуться, и посмотритъ разсѣянно во всѣ стороны, а тотъ ужъ за версту убѣжалъ, а онъ почесываетъ больное мѣсто, опять задумывается, пока новый щелчекъ, или звонокъ къ обѣду, не выведутъ его изъ созерцанія. Съѣдятъ ли у него изъ-подъ рукъ завтракъ или обѣдъ, онъ не станетъ производить слѣдствія, а возьметъ книгу посерьезнѣе, чтобы заморить аппетитъ, или уснетъ, утомленный голодомъ. Промыслить обѣдъ, стащить или просто попросить — онъ былъ еще менѣе способенъ, нежели преслѣдовать похитителей. За то, если ошибкой, невзначай, самъ набредетъ на съѣстное, чужое-ли, свое-ли—то непремѣнно, бывало, съѣстъ.

Какъ однако ни потѣшались товарищи надъ его задумчивостью и разсѣянностію, но его теплое сердце, кротость, добродушіе и поражавшая даже ихъ, мальчишекъ въ школѣ, простота, цѣльность характера, чистаго и высокаго—все это пріобрѣло ему ничѣмъ ненарушимую симпатію молодой толпы. Онъ имѣлъ причины быть многими недоволенъ: имъ никто и никогда. Выросши изъ періода шалостей, товарищи поняли его и окружили уваженіемъ и участіемъ, потому что, кромѣ характера, онъ былъ авторитетомъ и по знаніямъ. Онъ походилъ на нѣмецкаго гелертера, зналъ древніе и новые языки, хотя ни на одномъ не говорилъ,

зналъ всѣ литературы, былъ страстный библіофилъ. Фактическія знанія его были обширны и не были стоячимъ болотомъ, не строились, какъ у нѣкоторыхъ изъ усидчивыхъ семинаристовъ въ умѣ строются кладбища: гдѣ прибавляется знаніе за знаніемъ, какъ строится памятникъ за памятникомъ, и всѣ они поростаютъ травой и безмолвствуютъ. У Леонтія, напротивъ, билась въ знаніяхъ своя жизнь, хотя прошлая, но живая. Онъ открытыми глазами смотрѣлъ въ минувшее. За строкой онъ видѣлъ другую строку. Къ древнему кубку придѣлывалъ и пиръ, на которомъ изъ него пили, къ монетѣ—карманъ, въ которомъ она лежала. Часто съ Райскимъ уходили они въ эту жизнь. Райскій, какъ диллетантъ—для удовлетворенія мгновенной вспышки воображенія, Козловъ—всѣмъ существомъ своимъ; и Райскій видѣлъ въ немъ въ эти минуты тоже лице, какъ у Васюкова за скрипкой, и слышалъ живой, вдохновенный разсказъ о древнемъ бытѣ или напротивъ самъ увлекалъ его своей фантазіей—и они полюбили другъ въ другѣ этотъ живой нервъ, которымъ каждый былъ по своему связанъ съ знаніемъ. Леонтій впадалъ въ пристрастіе къ греческой и латинской грамотѣ и бывалъ иногда сухъ, казался педантиченъ, и это не изъ хвастовства, а потому, что она была ему мила, она была одеждой, сосудомъ, облекавшимъ милую, дорогую, изученную имъ и привѣтливо открывавшуюся ему старую жизнь, давшую начало настоящей и грядущей жизни. Онъ любилъ ее, эту родоначальницу нашихъ знаній, нашего развитія, но любилъ слишкомъ горячо, весь отдался ей, и отъ него ушла и спряталась современная жизнь. Онъ былъ въ ней какъ будто чужой, не свой, смѣшной, неловкій.

Леонтій былъ классикъ и безусловно чтилъ все, что̀ истекало изъ классическихъ образцовъ или что̀ подходило подъ нихъ. Уважалъ Корнеля, даже чувствовалъ слабость къ Расину, хотя и говорилъ съ усмѣшкой, что они заняли только тоги и туники, какъ въ маскарадѣ, для своихъ маркизовъ: но все же въ нихъ звучали древнія имена дорогихъ ему героевъ и мѣстъ. Въ новыхъ литературахъ, тамъ, гдѣ не было древнихъ формъ, признавалъ только одну высокую поэзію, а тривіальнаго, вседневнаго не любилъ; любилъ Данте, Мильтона, усиливался прочесть Клопштока — и не могъ. Шекспиру удивлялся, но не любилъ его; любилъ Гёте, но не романтика-Гёте, а классика, наслаждался римскими элегіями и путешествіями по Италіи больше нежели Фаустомъ, Вильгельма Мейстера не признавалъ, но зналъ почти наизусть Прометея и Тасса. Онъ шелъ смотрѣть Рафаэля, но авторитета фламандской школы не уважалъ, хотя невольно улыбался, глядя на Теньера.

Онъ былъ такъ бѣденъ, какъ нельзя уже быть бѣднѣе. Жилъ въ какомъ-то чуланчикѣ, между печкой и дровами, работалъ при свѣтѣ плошки, и еслибъ не симпатія товарищей, онъ не зналъ бы, гдѣ взять книгъ, а иногда бѣлья и платья. Подарковъ онъ не принималъ, потому что нечѣмъ было отдарить. Ему находили уроки, заказывали диссертаціи и дарили за это бѣлье, платье, рѣдко деньги, а чаще всего книги, которыхъ отъ этого у него накопилось больше нежели дровъ.

Все юношество кипѣло около него жизнью, строя великолѣпные планы будущаго: одинъ онъ не мечталъ, не игралъ ни въ полководцы, ни въ сочинители, а говорилъ одно: «буду учителемъ въ провинціи», считая это скромное назначеніе своимъ призваніемъ. Товарищи, и между прочимъ Райскій, старались расшевелить его самолюбіе, говорили о творческой производительной дѣятельности и о профессорской каѳедрѣ. Это, конечно, былъ маршальскій жезлъ, вѣнецъ его желаній. Но онъ глубоко вздыхалъ въ отвѣтъ на эти мечты. «Да, прекрасно, говорилъ онъ, вдумываясь въ назначеніе профессора: дѣйствовать на ряды поколѣній живымъ словомъ, передавать все, что самъ знаешь и любишь! Сколько и самому для себя занятій, сколько средствъ: библіотека, живые толки съ собратами, можно потомъ за границу, въ Германію, въ Кембриджъ... въ Эдинбургъ, одушевляясь прибавлялъ онъ: познакомиться, потомъ переписываться... Да, нѣтъ, куда мнѣ! прибавлялъ онъ отрезвляясь: профессоръ обязанъ другими должностями, онъ въ совѣтахъ, его зовутъ на экзамены.... Рѣчь на актѣ надо читать.... Я потеряюсь, куда мнѣ! нѣтъ, буду учителемъ въ провинціи!» заключалъ онъ рѣшительно и утыкалъ носъ въ книгу или тетради.

Всѣ болѣе или менѣе обманулись въ мечтахъ. Кто хотѣлъ воевать, истреблять родъ людской, не успѣлъ вернуться въ деревню, какъ развелъ кучу подобныхъ себѣ и осовѣлъ на мѣстѣ, погрузясь въ толки о долгахъ въ опекунскій совѣтъ, въ карты, въ обѣды. Другой мечталъ добиться высокаго поста въ службѣ, на которомъ можно свободно дѣйствовать на широкой аренѣ, и добился мѣста члена въ клубѣ, которому и посвятилъ свои досуги. Вотъ и Райскій мечталъ быть артистомъ, и все «носитъ еще огонь въ груди», все производитъ начатки, отрывки, мотивы, эскизы и широкіе замыслы, а имя его еще не громко, произведенія не радуютъ свѣта. Одинъ Леонтій достигъ заданной себѣ цѣли и уѣхалъ учителемъ въ провинцію. Пришло время разставаться, товарищи постепенно уѣзжали одинъ за другимъ. Леонтій оглядывался съ безпокойствомъ, замѣчалъ пустоту и тосковалъ, не зная, по непрактичности своей, что съ собой дѣлать,

куда дѣваться. «И ты?» уныло говорилъ онъ, когда кто-нибудь приходилъ прощаться. Рѣдкій могъ не заплакать, разставаясь съ нимъ, и самъ онъ задыхался отъ слезъ, не помня ни щипковъ, ни пинковъ, ни проглоченныхъ насмѣшекъ и непроглоченныхъ, по ихъ милости, обѣдовъ и завтраковъ.

Наконецъ надо было и ему хлопотать о себѣ. Но гдѣ ему? Райскій поднялъ на ноги все, профессора приняли участіе, писали въ Петербургъ и выхлопотали ему желанное мѣсто, въ желанномъ городѣ.

Тамъ на родинѣ, Райскій, съ помощью бабушки и нѣсколькихъ знакомыхъ, устроили его на квартирѣ, и только уладились всѣ эти внѣшнія обстоятельства, Леонтій принялся за свое дѣло, съ усердіемъ и терпѣніемъ вола и осла вмѣстѣ, и ушелъ опять въ свою, или лучше сказать чужую, минувшую жизнь.

Татьяна Марковна не совсѣмъ была внимательна къ богатой библіотекѣ, доставшейся Райскому, и книги продолжали изводиться въ пыли и въ прахѣ стараго дома. Изъ нихъ Марѳинька брала изрѣдка кое-какія книги, безъ всякаго выбора: какъ напримѣръ, Свифта, Павла и Виргинію, или возьметъ Шатобріана, потомъ Расина, потомъ романъ мадамъ Жанлисъ, и книги берегла, если не больше, то наравнѣ съ своими цвѣтами и птицами. Прочими книгами въ старомъ домѣ одно время завѣдывала Вѣра, т. е. брала, что̀ ей нравилось, читала или не читала, и ставила опять на свое мѣсто. Но все-таки до книгъ дотрогивалась живая рука, и онѣ кое-какъ уцѣлѣли, хотя нѣкоторыя, постарѣе и позамасленнѣе, тронуты были мышами. Вѣра писала объ этомъ чрезъ бабушку къ Райскому, и онъ поручилъ передать книги на попеченіе Леонтья. Леонтій обмеръ, увидя тысячи три волюмовъ— и старыя, запыленныя, заплеснѣвѣлыя книги получили новую жизнь, свѣтъ и употребленіе, пока, какъ видно изъ письма Козлова, какой-то Маркъ чуть было не докончилъ дѣла мышей.

VI.

Леонтій былъ женатъ. Экономъ какого-то казеннаго заведенія въ Москвѣ держалъ между прочимъ столъ для приходящихъ студентовъ, давая, за рубль съ четвертью мѣдью, три, а за полтинникъ четыре блюда. Студенты гурьбой собирались туда. Ихъ привлекали не однѣ щи, каша, лапша, макароны, блины и т. п. изъ казенной капусты, крупы и муки, не дешевизна стола, а также и дочь эконома, которая управляла и отцемъ и студентами.

Она была очень молоденькая въ ту эпоху, когда учились Райскій и Козловъ, но не смотря на свои шестнадцать или семнадцать лѣтъ, чрезвычайно бойкая, всегда порхавшая, быстроглазая дѣвушка. У ней былъ прекрасный носъ и граціозный ротъ, съ хорошенькимъ подбородкомъ. Особенно профиль былъ правиленъ, линія его строга и красива. Волосы рыжеватые, немного потемнѣе на затылкѣ, но чѣмъ шли выше, тѣмъ были свѣтлѣе, и верхняя половина косы, лежавшая на маковкѣ, была золотисто-красноватаго цвѣта: отъ этого у ней на головѣ, на лбу, отчасти и на бровяхъ, тоже немного рыжеватыхъ, какъ будто постоянно горѣлъ лучъ солнца. Около носа и на щекахъ роились веснушки и не совсѣмъ пропадали даже зимой. Изъ-подъ нихъ пробивался пунцовый пламень румянца. Но веснушки скрадывали огонь щекъ и придавали лицу тѣнь, безъ которой оно казалось какъ-то слишкомъ ярко освѣщено и открыто. Оно имѣло еще одну особенность: постоянно лежащій смѣхъ въ чертахъ, когда и не было чему, и не расположена она была смѣяться. Но смѣхъ какъ будто застылъ у ней въ лицѣ и шелъ больше къ нему, нежели слезы, да едва ли кто и видалъ ихъ на немъ.

Студенты всѣ влюблялись въ нее, по очереди, или по нѣскольку въ одно время. Она всѣхъ водила за носъ и про любовь одного разсказывала другому и смѣялась надъ первымъ, потомъ съ первымъ надъ вторымъ. Нѣкоторые изъ-за нея перессорились. Кто-то догадался и подарилъ ей парижскія ботинки и серьги, она стала ласковѣе къ нему: шепталась съ нимъ, убѣгала въ садъ и приглашала къ себѣ по вечерамъ пить чай. Другіе узнали и послѣдовали тому же примѣру: кто дарилъ матерію на платье, подъ предлогомъ благодарности за хлопоты о продовольствіи, кто доставалъ ложу, носили ей конфекты, и Улинька стала одинаково любезна почти со всѣми. Тутъ развернулись ея способности. Если кто бывало станетъ ревновать ее къ другимъ, она начнетъ смѣяться надъ этимъ, какъ надъ дѣломъ невозможнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣла казаться строгой, бранила волокитъ за то, что завлекаютъ и потомъ бросаютъ неопытныхъ дѣвицъ. Она порицала и осмѣивала подругъ и знакомыхъ, когда онѣ увлекались, живо и съ удовольствіемъ разскажетъ всѣмъ, что сегодня на зарѣ застали Лизу, разговаривающую съ письмоводителемъ чрезъ заборъ въ саду, или что вонъ къ той барынѣ (и имя, и отчество, и фамилію скажетъ) ѣздитъ все баринъ въ каретѣ и выходитъ отъ нея часу во второмъ ночи. Соперниковъ она учила, что̀ и какъ говорить, когда спросятъ о ней, когда и гдѣ были вчера, куда уходили, что̀

шептали, зачѣмъ пошли въ темную аллею или въ бесѣдку, зачѣмъ приходилъ вечеромъ тотъ или другой — все.

Леонтій, разумѣется, и не думалъ ходить къ ней: онъ жилъ на квартирѣ на хозяйскихъ однообразныхъ харчахъ, т. е. на щахъ и кашѣ, и такой роскоши, чтобъ обѣдать за рубль съ четвертью, или за полтинникъ, ѣсть какіе-нибудь макароны, или свиныя котлеты, — позволять себѣ не могъ. И одѣться ему было не во что: одинъ вицъ-мундиръ и двое брюкъ, изъ которыхъ однѣ нанковые для лѣта, — вотъ весь его гардеробъ. Но Райскій раза три повелъ его туда; Леонтій не обращалъ вниманія на Ульяну Андреевну и жадно ѣлъ, чавкая вслухъ и думая о другомъ, и потомъ робко уходилъ домой, не говоря ни съ кѣмъ, кромѣ сосѣда, т. е. Райскаго. И не красивъ онъ былъ: худъ, задумчивъ, черты неправильныя, какъ будто всѣ врознь, ни румянца, ни бѣлизны на лицѣ: оно было какое-то безцвѣтное. Только когда онъ углубится въ длинные разговоры съ Райскимъ, или слушаетъ лекцію о древней и чужой жизни, читаетъ старца-классика — тогда только появлялась вдругъ у него жизнь въ глазахъ, и глаза эти бывали умны, оживлены. Но гдѣ Улинькѣ было замѣтить такую красоту? Она замѣтила только, что у него, то на вицъ-мундирѣ пуговицы нѣтъ, то панталоны разорваны, или худые сапоги. Да еще странно казалось ей, что онъ ни разу не посмотрѣлъ на нее пристально, а глядѣлъ, какъ на стѣну, на скатерть. Этого еще никогда ни съ кѣмъ не случалось, кто приходилъ къ ней. Даже и не впечатлительные молодые люди, и тѣ остановятъ глаза прежде всего на ней.

А этотъ ни на нее, ни на кухарку Устинью не взглянетъ, когда та подаетъ блюда, мѣняетъ тарелки. А Устинья тоже замѣчательна въ своемъ родѣ. Она — постоянный предметъ вниманія и развлеченія гостей. Это была нескладная баба, съ такимъ лицомъ, которое какъ будто чему-нибудь сильно удивилось когда-то, да такъ на всю жизнь и осталось съ этимъ удивленіемъ. Но Леонтій и ее не замѣчалъ. Ужъ у Улиньки не разъ скалились зубы на его фигуру и разсѣянность, но товарищи, особенно Райскій, такъ много наговорили ей хорошаго о немъ, что она ограничивалась только своимъ насмѣшливымъ наблюденіемъ, а когда не хватало терпѣнія, то уходила въ другую комнату разразиться смѣхомъ.

— Какой смѣшной этотъ Козловъ у васъ! говорила она.

— Онъ предобрый! хвалилъ его кто-нибудь.

— Преумный, съ какими познаніями: по-гречески только профессоръ, да протопопъ въ соборѣ лучше его знаютъ! говорилъ другой. — Его адъюнктомъ сдѣлаютъ.

— Высокой нравственности! — прибавлялъ съ увлеченіемъ третій.

Однажды — это было въ пятый или шестой разъ, какъ онъ пришелъ съ Райскимъ обѣдать — онъ, по разсѣянности, пересидѣлъ за обѣдомъ всѣхъ товарищей; всѣ ушли, онъ остался одинъ и задумчиво жевалъ какое-то пирожное изъ рису. Онъ не замѣтилъ, что Ульяна Андреевна подставила другую, полную миску, съ тѣмъ же рисомъ. Онъ продолжалъ машинально доставать ложкой рисъ и класть въ ротъ. Она тихонько перемѣнила третью, подложивъ еще рису, и сама изъ-за двери другой комнаты наблюдала, какъ онъ ѣлъ, и зажимала платкомъ ротъ, чтобъ не расхохотаться вслухъ. Онъ все ѣлъ.

«Добрый!» думала она, — собакъ не бьетъ! Какая же это доброта, коли онъ ничего подѣрить не можетъ! «Умный»! продолжала она штудировать его: ѣстъ третью тарелку рисовой каши и не замѣчаетъ! Не видитъ, что всѣ кругомъ смѣются надъ нимъ! «Высоко-нравственный»! — Она подумала, подумала надъ этимъ эпитетомъ, почесала себѣ пальцомъ темя, осмотрѣла разсѣянно свои ногти и зѣвнула.

«На немъ, кажется, и рубашки нѣтъ: не видать! хороша нравственность!» заключила она. — Онъ все ѣлъ.

«Экъ жретъ: и не взглянетъ!» думала она и не выдержала, принялась хохотать. Онъ услыхалъ смѣхъ, очнулся, растерялся и сталъ искать фуражки.

— Не торопитесь, доѣдайте, сказала она: хотите еще?

— Нѣтъ... нѣтъ... Я домой... говорилъ онъ стыдливо, не глядя на нее, и совался изъ угла въ уголъ, отыскивая фуражку. А Улинька давно схватила ее съ-окна и надѣла на себя.

— Гдѣ жъ она? Кто-нибудь изъ вашихъ унесъ, сказала она.

— Не можетъ быть... говорилъ Леонтій, бросая туда и сюда разсѣянные взгляды: — свою бы оставилъ, а то нѣтъ никакой...

«Вездѣ глядитъ, только не на меня, — медвѣдь!» думала она.

— Нѣтъ ли какой-нибудь шапки? спросилъ онъ, — тутъ не далеко, я дойду какъ-нибудь.

— Куда вы? рано: пойдемте въ садъ! Можетъ быть, фуражку сыщемъ, звала она... — Не затащилъ ли кто-нибудь туда, въ бесѣдку?

Онъ машинально пошелъ за ней, и когда они прошли шаговъ десять по дорожкѣ, онъ взглянулъ случайно на нее и увидѣлъ свою фуражку. Кромѣ фуражки онъ опять ничего не замѣтилъ.

— Ахъ! обрадовался онъ, это вы... Тутъ только онъ взглянулъ на нее, потомъ на фуражку, опять на нее, и вдругъ оста-

новился съ удивленнымъ лицомъ, какъ у Устиньи, даже ротъ немного открылъ и сосредоточилъ на ней испуганные глаза, какъ будто въ первый разъ увидалъ ее. Она засмѣялась. «Насилу разглядѣлъ!» подумала она и надѣла на него фуражку.

— Что жъ вы стали? идите со мной, сказала она.

— Мнѣ пора! отвѣчалъ онъ, не двигаясь съ мѣста.

— Куда пора? успѣете — я не пущу васъ.

Она быстро опять сняла у него фуражку съ головы; онъ машинально обѣими руками взялъ себя за голову, какъ будто освидѣтельствовалъ, что фуражки опять нѣтъ, и лѣниво пошелъ за ней, по временамъ робко и съ удивленіемъ глядя на нее.

— Отъ чего вы къ намъ обѣдать не ходите? приходите завтра, сказала она.

— Дорого! отвѣчалъ онъ.

— Дорого! развѣ вы... такъ бѣдны? съ любопытствомъ спросила она.

— Да, я очень... отвѣчалъ онъ, потупясь. Онъ было застыдился своей бѣдности, потомъ вдругъ ему стало стыдно этой мелкой черты, которая вдругъ откуда-то ошибкой закралась къ нему въ характеръ.—Я очень бѣденъ, сказалъ онъ, развѣ вамъ не говорилъ Райскій, что мнѣ иногда за квартиру нечѣмъ заплатить: вы видите?—Онъ показывалъ ей полинявшій, и отчасти замаслившійся рукавъ вицъ-мундира.

Она равнодушно глядѣла на изношенный рукавъ, какъ на дѣло до нея не касающееся, потомъ на всю фигуру его, довольно худую, на худыя руки, на выпуклый лобъ и безцвѣтныя щеки. Только теперь разглядѣлъ Леонтій этотъ, далеко запрятанный въ черты ея лица смѣхъ.

— Вы смѣетесь надо мной? спросилъ онъ съ удивленіемъ. Такъ неестественно казалось ему смѣяться надъ бѣдностью.

— И не думала, равнодушно сказала она: что̀ за рѣдкость— изношенный мундиръ? Мало ли я ихъ вижу!

Онъ недовѣрчиво поглядѣлъ на нее; она дѣйствительно не смѣялась и не хотѣла смѣяться, только смѣялось у ней лице.

— Вонъ у васъ пуговицы нѣтъ. Постойте, не уходите, подождите меня здѣсь! замѣтила она, проворно побѣжала домой и черезъ двѣ минуты воротилась съ ниткой, иглой, съ наперсткомъ и пуговицей.

— Стойте смирно, не шевелитесь! сказала она, взяла въ одну руку бортъ его сюртука, прижала пуговицу, и другой рукой живо начала сновать взадъ и впередъ иглой мимо носа Леонтья. Щека ея была у его щеки, и ему надо было удерживать дыханіе, чтобъ не дышать на нее. Онъ усталъ отъ этого

напряженнаго положенія, и даже его немного бросило въ потъ. Онъ не спускалъ глазъ съ нея: «да у ней чистый римскій профиль»! съ удивленіемъ думалъ онъ.

Черезъ двѣ минуты она кончила, потомъ крѣпко прижалась щекой къ его груди, около самаго сердца, и откусила нитку. Леонтій онѣмѣлъ на мѣстѣ и стоялъ растерянный, глядя на нее изумленными глазами. Это кошачье проворство движеній, рука, чуть не задѣвающая его по носу, наконецъ прижатая къ груди щека кружили ему голову. Онъ будто охмѣлѣлъ. Отъ нея вѣяло на него тепломъ и нѣжнымъ запахомъ какихъ-то цвѣтовъ. «Чтó это такое, чтó же это?... она, кажется, добрая: вывелъ онъ заключеніе: еслибъ она только смѣялась надо мной, то пуговицы бы не пришила. И гдѣ она взяла ее? Кто-нибудь изъ нашихъ потерялъ!

— Что жъ стоите? скажите *merci*, да поцѣлуйте ручку! Ахъ, какой! сказала она повелительно, и прижала крѣпко свою руку къ его губамъ, все съ тѣмъ же проворствомъ, съ какимъ пришивала пуговицу, такъ что поцѣлуй его раздался въ воздухѣ, когда она уже отняла руку.

Леонтій взглянулъ на нее еще разъ и потомъ уже никогда не забылъ. Въ немъ зажглась вдругъ сильная, ровная и глубокая страсть.

— Приходите завтра обѣдать, сказала она.

— Дорого, отвѣчалъ онъ наивно. Но занялъ у Райскаго немного денегъ и пришелъ. Потомъ опять пришелъ.

Это замѣтили товарищи, и Райскій сталъ приглашать его чаще. Леонтій понялъ, что надъ нимъ подтруниваютъ, и хотѣлъ было съ разу положить этому конецъ, переставъ ходить. Онъ упрямился.

— Пойдемъ! звалъ его Райскій.

— Нѣтъ, Борисъ, не пойду, отговаривался онъ: — чтò мнѣ тамъ дѣлать: вы всѣ любезны, красивы, разговаривать мастера, а я! Чтò я ей? Она вонъ все смѣется надо мной!

— Да, можетъ быть, она не станетъ смѣяться... нерѣшительно говорилъ Райскій: — когда покороче познакомится съ тобой....

— Станетъ, какъ не станетъ! говорилъ Леонтій съ жалкой улыбкой, оглядывая себя съ ногъ до головы.

Но однакожъ пошелъ и ходилъ часто. Она не гуляла съ нимъ по темной аллеѣ, не пряталась въ бесѣдку, и не разговорчивъ онъ былъ, не дарилъ онъ ее, но и не ревновалъ, не дѣлалъ сценъ, ничего, чтò дѣлали другіе, по самой простой причинѣ: онъ не видалъ, не замѣчалъ и не подозрѣвалъ ничего, чтò дѣлала она, чтó дѣлали другіе, чтò дѣлалось вокругъ. Онъ видѣлъ только ея рим-

свій чистый профиль, когда она стояла или сидѣла передъ нимъ, чувствовалъ вѣющій отъ нея на него жаръ и запахъ какихъ-то цвѣтовъ, да часто потрогивалъ себя за пришитую ею пуговицу. Онъ слушалъ, что̀ она говорила ему, не слыхалъ, что́ говорила другимъ, и вѣрилъ только тому, что̀ видѣлъ и слышалъ отъ нея. И ей не нужно было притворяться передъ нимъ, лгать, прикидываться. Она держала себя съ нимъ прямо, просто, какъ держала себя, когда никого съ ней не было. Онъ такъ и принималъ за чистую монету всякій ея взглядъ, всякое слово, молчалъ, много ѣлъ, слушалъ, и только иногда воззрится въ нее странными, будто испуганными глазами, и молча слѣдитъ за ея проворными движеніями, за рѣзвой рѣчью, звонкимъ смѣхомъ, точно вчитывается въ новую, незнакомую еще ему книгу, въ ея нѣмое, вѣчно насмѣшливое лицо.

— Что̀ ты видишь въ ней? приставали товарищи.

Онъ смущался, уходилъ и самъ не зналъ, что̀ съ нимъ дѣлается. Передъ выходомъ у всѣхъ оказалось что-нибудь: у кого колечко, у кого вышитый кисетъ, не говоря о тѣхъ знакахъ нѣжности, которые не оставляютъ слѣда по себѣ. Иные удивлялись, кто почувствительнѣе, ударились въ слезы, а большая часть посмѣялись надъ собой и другъ надъ другомъ.

Только Леонтій продолжалъ смотрѣть на нее серьезно, задумчиво, и вдругъ объявилъ, что женится на ней, если она согласится, лишь только онъ получитъ мѣсто и устроится. Надъ этимъ много смѣялись товарищи, и она также. Она прозвала его женихомъ и смѣясь обѣщала написать къ нему, когда придетъ время выходить замужъ. Онъ принялъ это не шутя. Съ тѣмъ они и разстались. Что̀ было съ ней потомъ, никто не знаетъ. Извѣстно только, что отецъ у ней умеръ, что она куда-то уѣзжала изъ Москвы и воротилась больная, худая, жила у бѣдной тетки, потомъ, когда поправилась, написала къ Леонтью, спрашивала, помнитъ ли онъ ее и свои старыя намѣренія. Онъ отвѣчалъ утвердительно, и лѣтъ черезъ пять послѣ выпуска, ѣздилъ въ Москву и пріѣхалъ оттуда женатымъ на ней.

Онъ любилъ жену свою, какъ любятъ воздухъ и тепло. Мало того, онъ, погруженный въ созерцаніе жизни древнихъ, въ ихъ мысль и искусство, умудрился видѣть и любить въ ней какой-то блескъ и колоритъ древности, античность формы. Вдругъ иногда она мелькнетъ мимо него, сядетъ съ шитьемъ напротивъ, онъ нечаянно изъ-за книги поразится лучемъ какого-то свѣта, какой играетъ на ея профилѣ, на рыжихъ вискахъ или на бѣломъ лбу. Его поражала линія ея затылка и шеи. Голова ея казалась ему похожей на головы римскихъ женщинъ на класси-

ческихъ барельефахъ, на камеяхъ: съ строгимъ, чистымъ профилемъ, съ такими же каменными волосами, немигающимъ взглядомъ и съ застывшимъ въ чертахъ лица сдержаннымъ смѣхомъ.

VII.

Леонтій не узналъ Райскаго, когда тотъ внезапно показался въ его кабинетѣ. — «Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить...» началъ было онъ. Но только Борисъ Павловичъ заговорилъ, онъ упалъ въ его объятія.

— Жена! Улинька! поди-ка, посмотри, кто пріѣхалъ! кричалъ онъ въ садикъ жéнѣ. Та бросилась и поцѣловала Райскаго.

— Какъ вы возмужали и... похорошѣли! сказала она, и глаза у нея загорѣлись отъ удовольствія. Она бросила бѣглый взглядъ на лице, на костюмъ Райскаго, и потомъ лукаво и смѣло глядѣла ему прямо въ глаза. «Вы всѣхъ здѣсь съума сведете, меня первую... Помните?..» начала она, и глазами договорила воспоминаніе. Райскій немного смутился и поглядывалъ на Леонтія что̀ онъ, а онъ ничего. Потомъ онъ, не скрывая удивленія, поглядѣлъ на нее, и удивленіе его возрасло, когда онъ увидѣлъ, что годы такъ пощадили ее: въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ она казалась, если уже не прежней дѣвочкой, то только развѣ расцвѣтшей, развившейся и прекрасно сложившейся физически женщиной. Бойкость выглядывала изъ ея позы, глазъ, всей фигуры. А глаза по прежнему мечутъ искры; тотъ же у ней пунцовый румянецъ, веснушки, тотъ же веселый, безпечный взглядъ, и кажется, таже дѣвическая рѣзвость!

— Какъ вы... сохранились, сказалъ онъ: — все такая же...

— Моя рыжая Клеопатра! замѣтилъ Леонтій. — Что̀ ей дѣлается: дѣтей нѣтъ, горя мало...

— Вы не забыли меня: помните? спросила она.

— Еще бы не помнить! отвѣчалъ за него Леонтій. — Если ее забылъ, такъ кашу не забываютъ... А Улинька правду говоритъ: ты очень возмужалъ, тебя узнать нельзя: съ усами, съ бородой! Ну, что̀ бабушка? Ка̀къ я думаю обрадовалась! не больше впрочемъ меня. Да радуйся же, Уля: что ты уставила на него глаза и ничего не скажешь?

— Что̀ же мнѣ сказать?

— Скажи — salve, amico...

— Ну, ты свое: я и безъ тебя съумѣю поздороваться, не учи! сказала она.

— Не знаетъ, что̀ сказать лучшему другу своего мужа! Ты вспомни, что онъ познакомилъ насъ съ тобой; съ нимъ мы просиживали ночи, читывали...

— Да, еслибъ не ты, перебилъ Райскій: — римскіе поэты и историки были бы для меня все равно, что китайскіе. Отъ нашего Ивана Ивановича не много узнали...

— А въ школѣ, продолжалъ Козловъ, не слушая его, — защищалъ отъ забіякъ, и самъ во все время оттаскалъ меня за волосы... всего два раза...

— Такъ было и это? спросила жена: — ужели вы его били?

— Вѣроятно шутя...

— Ахъ, нѣтъ, Борисъ: больно! сказалъ Леонтій: — иначе бы я не помнилъ, а то помню, и за что̀. Одинъ разъ я нечаянно на твоемъ рисункѣ на оборотѣ сдѣлалъ выписку откуда-то — для тебя же: ты взбѣсился! А въ другой разъ... ошибкой съѣлъ что-то у тебя...

— Не рисовую ли кашу? спросила жена.

— Вотъ, она мнѣ этой рисовой кашей житья не даетъ, замѣтилъ Леонтій: — увѣряетъ, что я незамѣтно съѣлъ три тарелки и что за кашей и за кашу влюбился въ нее. Что̀ я, въ самомъ дѣлѣ, уродъ что-ли?

— Нѣтъ, ты у меня «умный, добрый и высокой нравственности», сказала она, съ своимъ застывшимъ смѣхомъ въ лицѣ, и похлопала мужа по лбу, потомъ поправила ему галстухъ, выправила воротнички рубашки и опять поглядѣла лукаво на Райскаго. Онъ, по взглядамъ, какіе она обращала къ нему, видѣлъ, что въ ней улыбаются старыя воспоминанія, и что она не только не хоронитъ ихъ въ памяти, но передаетъ глазами и ему. Но онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ того, что́ въ ней происходило. Онъ наблюдалъ ее молча и у него въ головѣ начался новый рисунокъ и два новые характера, ея и Леонтья. «Все та же; все вѣрна себѣ, не измѣнилась», думалъ онъ. «А Леонтій знаетъ ли, замѣчаетъ ли? Нѣтъ, по прежнему, кажется, знаетъ наизусть чужую жизнь и не видитъ своей. Какъ они живутъ между собой... Увижу, посмотрю»...

— Кстати о кашѣ: ты съ нами отобѣдаешь, да? спросилъ Леонтій.

— Какъ это можно! вступилась жена: — приглашать на такой столъ, какъ нашъ! вѣдь вы ужъ не студенты: Борисъ Павловичъ въ Петербургѣ избаловался, я думаю...

— Ты что̀ ѣшь? спросилъ Леонтій.

— Все, отвѣчалъ Райскій.

— А если все, такъ будешь сытъ. Ну, вотъ, какъ я радъ. Ахъ, Борисъ... право, и высказать не умѣю!

Онъ сталъ собирать со стола бумаги и книги.

— Бабушка какъ бы не стала ждать... колебался Райскій.

— Ну, ужъ ваша бабушка! съ неудовольствіемъ замѣтила Ульяна Андреевна.

— А что̀?

— Не люблю я ее!

— За что̀-же?

— Командовать очень любитъ... и осуждать тоже...

— Да, правда, она деспотка. Это отъ привычки владѣть крѣпостными людьми. Старые нравы!

— Если послушать ее, продолжала Ульяна Андреевна: — такъ всѣ сиди на мѣстѣ, не повороти головы, не взгляни ни на право, ни на лѣво, ни съ кѣмъ слова не смѣй сказать: мастерица осуждать! А сама съ Титомъ Никонычемъ неразлучна: тотъ и днюетъ и ночуетъ тамъ...

Райскій засмѣялся. — Что вы, она, просто, святая! сказалъ онъ.

— Ну, ужъ святая: то не хорошо, другое не хорошо! Только и свѣта, что внучки! А кто ихъ знаетъ, какія онѣ будутъ! Марѳинька только съ канарейками да съ цвѣтами возится, а другая сидитъ, какъ домовой, въ углу, и слова отъ нее не добьешься. Что̀ будетъ изъ нея — посмотримъ!

— Это Вѣрочка? Я еще ее не видалъ, она за Волгой гоститъ...

— А кто ее знаетъ, что̀ она тамъ дѣлаетъ за Волгой?

— Нѣтъ, я бабушку люблю, какъ мать, сказалъ Райскій: — и отъ многаго въ жизни отдѣлался, а она все для меня авторитетъ. Умна, честна, справедлива, своеобычна: у ней какая-то сила есть. Она не дюжинная женщина. Мнѣ кое-что мелькнуло въ ней...

— Поэтому, вы повѣрите ей, если она...

Ульяна Андреевна отвела Райскаго къ окну, пока мужъ ея собиралъ и пряталъ по ящикамъ разбросанныя по столу бумаги и ставилъ на полки книги.

— Поэтому, вы повѣрите, если она скажетъ вамъ...

— Всему, сказалъ Райскій.

— Не вѣрьте, неправда, говорила она, я знаю, она начнетъ вамъ шептать вздоръ.... про M-r Шарля...

— Кто это M-r Шарль?

— Это французъ, учитель, товарищъ мужа: они тамъ сидятъ,

читаютъ вмѣстѣ до глубокой ночи... Чѣмъ я тутъ виновата? А по городу, Богъ знаетъ, что̀ говорятъ... будто я... будто мы...

Райскій молчалъ.

— Не вѣрьте — это глупости, ничего нѣтъ... Она смотрѣла какимъ-то русалочнымъ, фальшивымъ взглядомъ на Райскаго, говоря это.

— Что̀ мнѣ за дѣло? сказалъ Райскій, порываясь отъ нея прочь: — я и слушать не стану...

— Когда же къ намъ опять придете? спросила она.

— Не знаю, какъ случится...

— Приходите почаще... вы, бывало, любили...

— Вы все еще помните прошлыя глупости, сказалъ Райскій, отодвигаясь отъ нея: — вѣдь мы были почти дѣти...

— Да, хороши дѣти! я еще не забыла, какъ вы мнѣ руку оцарапали...

— Что вы! сказалъ Райскій, еще отступая отъ нея.

— Да, да. А кто до глубокой ночи караулилъ у рѣшетки?...

— Какой я дуракъ былъ, если это правда! да, нѣтъ, быть не можетъ!

— Да, вы теперь умны стали, и тоже, я думаю, «высокой нравственности»... Шалунъ! прибавила она пѣвучимъ, нѣжнымъ голосомъ.

— Полноте, полноте! унималъ онъ ее. Ему становилось неловко.

— Да, мое время проходитъ... сказала она со вздохомъ и смѣхъ на минуту пропалъ у нея изъ лица.—Не много мнѣ осталось... Что̀ это, какъ мужчины счастливы: они долго могутъ любить...

— Любить! иронически, почти про себя, сказалъ Райскій.

— Вы теперь уже не влюбитесь въ меня — нѣтъ? говорила она.

— Полноте: ни въ васъ, ни въ кого! сказалъ онъ: — мое время ужъ прошло: вонъ, сѣдина пробивается! И что вамъ за любовь — у васъ мужъ, у меня свое дѣло... Мнѣ теперь предстоитъ одно: искусство и трудъ. Жизнь моя должна служить и тому и другому...

Онъ задумался, и Мареинька, чистая, безупречная, съ свѣжимъ дыханіемъ молодости, мелькнула у него въ умѣ. Его тянуло домой, къ ней, и къ бабушкѣ, но радость свиданія съ старымъ товарищемъ удержала.

— Ну, ужъ выдумаютъ: трудъ! съ досадой отозвалась Ульяна Андреевна.—Состояніе есть, собой молодецъ: только бы жить, а они — трудъ! Что̀ это, право, скоро всѣ на Леонтья будутъ по-

хожи: тотъ уткнетъ носъ въ книги и знать ничего не хочетъ. Да пусть его! Вы-то зачѣмъ туда же?.. Пойдемте въ садъ... Помните нашъ садъ?... шептала она.

— Да, да, пойдемте! присталъ къ нимъ Леонтій: — тамъ и обѣдать будемъ. Вели, Улинька, давать, что̀ есть — скорѣе. Пойдемъ, Борисъ, поговоримъ... Да... вдругъ спохватился онъ: что̀ же ты со мной сдѣлаешь... за библіотеку?

— За какую библіотеку? Что̀ ты мнѣ тамъ писалъ? Я ничего не понялъ! Какой-то Маркъ книги рвалъ...

— Ахъ, Борисъ Павловичъ, ты не можешь представить, сколько онъ мнѣ горя надѣлалъ, этотъ Маркъ: вотъ посмотри!

Онъ досталъ книги три и показалъ Райскому томы съ вырванными страницами.

— Вотъ что̀ онъ сдѣлалъ изъ Вольтера: какіе тоненькіе томы Dictionnaire philosophique стали... А вотъ тебѣ Дидро, а вотъ переводъ Бекона, а вотъ Макіавелли....

— Что̀ мнѣ за дѣло? съ нетерпѣніемъ сказалъ Райскій, отталкивая книги... — Ты точно бабушка: та лѣзетъ съ какими-то счетами, этотъ съ книгами! развѣ я затѣмъ пріѣхалъ, чтобы вы меня со свѣта гнали?

— Да какъ же, Борисъ: не знаю тамъ, съ какими она счетами лѣзла къ тебѣ, а вѣдь это лучшее достояніе твое, это — книги, книги... Ты посмотри!

Онъ съ гордостью показывалъ ему ряды полокъ до потолка, кругомъ всего кабинета, и книги въ блестящемъ порядкѣ.

— Вотъ только на этой полкѣ почти все попорчено: проклятый Маркъ! А прочія всѣ цѣлы! Смотри! У меня каталогъ составленъ: полгода сидѣлъ за нимъ. Видишь!...

Онъ хвастливо показывалъ ему толстую писанную книгу, въ переплетѣ. — Все своей рукой написалъ! прибавилъ онъ, поднося книгу къ носу Райскаго.

— Отстань, я тебѣ говорю! съ нетерпѣніемъ отозвался Райскій.

— Ты вотъ садись на кресло и читай вслухъ по порядку, а я влѣзу на лѣстницу и буду тебѣ показывать книги. Онѣ всѣ по номерамъ... говорилъ Леонтій.

— Вонъ что̀ выдумалъ! Отстань, я ѣсть хочу.

— Ну, такъ послѣ обѣда — и въ самомъ дѣлѣ теперь не успѣемъ.

— Послушай: тебѣ хотѣлось бы имѣть такую библіотеку? спросилъ Райскій.

— Мнѣ? Такую библіотеку? — Ему вдругъ какъ будто солнцемъ ударило въ лице: онъ просіялъ и усмѣхнулся во всю ши-

рину рта, такъ что даже волосы на лбу зашевелились.—Такую библіотеку, произнесъ онъ: — вѣдь тутъ тысячи три: почти все! сколько мемуаровъ однихъ! Мнѣ?—Онъ качалъ головой.—Съ ума сойду!

— Скажи: ты любишь меня, спросилъ Райскій: — по прежнему?

— Еще бы! Изъ нужды выручалъ, оттаскалъ за волосы всего два раза...

— Ну, такъ возьми себѣ эти книги въ вѣчное и потомственное владѣніе, сказалъ Райскій: — но на одномъ условіи...

— Мнѣ, взять эти книги!—Леонтій смотрѣлъ, то на книги, то на Райскаго, потомъ махнулъ рукой и вздохнулъ.

— Не шути, Борисъ: у меня въ глазахъ рябитъ... Нѣтъ, vade retro... Не обольщай...

— Я не шучу.

— Бери, когда даютъ! живо прибавила жена, которая услышала послѣднія слова.

— Вотъ, она у меня всегда такъ! жаловался Леонтій.—Отъ купцовъ на праздники и къ экзамену родители явятся съ гостинцами—я вонъ гоню отсюда, а она ихъ приметъ оттуда, со двора. Взяточница! Съ виду точь-въ-точь Тарквиніева Лукреція, а любитъ лакомиться, не такъ, какъ та!...

Райскій улыбнулся, она разсердилась.

— Поди ты съ своей Лукреціей! небрежно сказала она: — съ кѣмъ онъ тамъ меня не сравниваетъ? Я — и Клеопатра, и какая-то Постумія, и Лавинія, и Корнелія, еще матрона... Ты лучше книги бери, когда дарятъ! Борисъ Павловичъ подаритъ мнѣ...

— Не смѣй просить! повелительно крикнулъ Леонтій. — А мы что̀ ему подаримъ? Тебя, что ли, отдамъ? добавилъ онъ, нѣжно обнявъ ее рукой.

— Отдай: я пойду — возьмите меня! — сказала она, вдругъ сверкнувъ Райскому въ глаза взглядомъ какъ будто огнемъ.

— Ну, если не берешь, такъ я отдамъ книги въ гимназію: дай сюда каталогъ! Сегодня же отошлю къ директору... сказалъ Райскій и хотѣлъ взять у Леонтія реестръ книгъ.

— Помилуй: это значитъ, гимназія не увидитъ ни одной книги... Ты не знаешь директора? съ жаромъ возсталъ Леонтій и сжалъ крѣпко каталогъ въ рукахъ. — Ему столько же дѣла до книгъ, сколько мнѣ до духовъ и помады... Растаскаютъ, разорвутъ — хуже Марка!

— Ну, такъ бери!

— Да какъ же вдругъ этакое сокровище подарить! Ее про-

дать въ хорошія, надежныя руки — такъ... Ахъ, Боже мой! Никогда не желалъ я богатства, а теперь тысячъ бы пять далъ... Не могу, не могу взять: ты мотъ, ты блудный сынъ — или нѣтъ, нѣтъ, ты слѣпой младенецъ, невѣжа...

— Покорно благодарю...

— Нѣтъ, нѣтъ — не то, говорилъ растерявшись Леонтій. — Ты — артистъ: тебѣ картины, статуи, музыка. Тебѣ что̀ книги? Ты не знаешь, что̀ у тебя тутъ за сокровища! Я тебѣ послѣ обѣда покажу...

— А! Ты и послѣ обѣда, вмѣсто кофе, хочешь мучить меня книгами: въ гимназію!

— Ну, ну, постой: на какомъ условіи ты хотѣлъ отдать мнѣ библіотеку? спросилъ Леонтій: — не хочешь ли изъ жалованья вычитать, я все продамъ, заложу себя и жену...

— Пожалуйста, только не меня... вступилась она: — я и сама съумѣю заложить или продать себя, если захочу!

Райскій поглядѣлъ на Леонтья, Леонтій на Райскаго.

— За словомъ въ карманъ не пойдетъ! сказалъ Козловъ.

— На какомъ же условіи? Говори! обратился онъ къ Райскому.

— Чтобъ ты никогда не заикался мнѣ о книгахъ, сколько бы ихъ Маркъ ни рвалъ...

— Такъ ты думаешь, я Марку дамъ теперь близко подойти къ полкамъ? спросилъ онъ.

— Онъ не спросится тебя, подойдетъ и самъ, сказала жена: чего онъ испугается, этотъ уродъ?

— Да, это правда: надо крѣпкіе замки придѣлать, сказалъ Леонтій. — Да и ты хороша: вотъ, говорилъ онъ, обращаясь къ Райскому: — любитъ меня, какъ дай Богъ, чтобъ всякаго такъ любила жена... (Онъ обнялъ ее за плечи: она опустила глаза, Райскій тоже; смѣхъ у ней пропалъ изъ лица). Еслибъ не она, ты бы не увидалъ на мнѣ ни одной пуговицы, продолжалъ Леонтій; я ѣмъ, сплю покойно, хозяйство хоть и маленькое, а идетъ хорошо; какія мои средства: а на все хватаетъ!

Она мало-по-малу подняла глаза и смотрѣла прямѣе на нихъ обоихъ, отъ того, что послѣднее было правда.

— Только вотъ бѣда, продолжалъ Леонтій: — къ книгамъ холодна. По-французски болтаетъ проворно, а дашь книгу, половины не понимаетъ; по-русски о сю пору, съ ошибками пишетъ. Увидитъ греческую печать, говоритъ, что хорошо бы этакій узоръ на ситецъ, и ставитъ книги вверхъ дномъ, а по-латыни заглавія не разберетъ. Opera Horatii — переводитъ «Гораціевы оперы»!...

— Ну, не поминай же мнѣ больше о книгахъ: на этомъ

условіи я только не отдамъ ихъ въ гимназію—заключилъ Райскій. — А теперь давай обѣдать: или я къ бабушкѣ уйду. Мнѣ ѣсть хочется.

VIII.

— Скажи пожалуйста: ты такъ вѣкъ думаешь прожить? спросилъ Райскій послѣ обѣда, когда они остались въ бесѣдкѣ.

— Да, а какъ же? Чего же мнѣ еще? спросилъ съ удивленіемъ Леонтій.

— Ничего тебѣ не хочется, никуда не тянетъ тебя? Не проситъ голова свободы, простора? Не тѣсно тебѣ въ этой рамкѣ? Вѣдь въ глазахъ, вблизи — все вонъ этотъ заборъ, вдали — вонъ этотъ куполъ церкви, дома... подъ носомъ...

— А подъ носомъ — вонъ что̀! Леонтій указалъ на книги: мало, что ли? Книги, ученики... жена въ придачу (онъ засмѣялся) да душевный миръ... Чего больше?

— Книги! Развѣ это жизнь? Старыя книги сдѣлали свое дѣло; люди рвутся впередъ, ищутъ улучшить себя, очистить понятія, прогнать туманъ, условиться по-опредѣлительнѣе въ общественныхъ вопросахъ, въ правахъ, въ нравахъ; наконецъ привести въ порядокъ и общественное хозяйство... А онъ глядитъ въ книгу, а не въ жизнь!

— Чего нѣтъ въ этихъ книгахъ, того и въ жизни нѣтъ, или не нужно! — торжественно рѣшилъ Леонтій. — Вся программа, и общественной, и единичной жизни, у насъ позади: всѣ образцы даны намъ. Умѣй напасть на свою форму, а она готова. Не отступай только и будешь знать, что̀ дѣлать. Позади найдешь образцы формъ и политическихъ и общественныхъ порядковъ! И лично для себя тоже самое: кто ты: полководецъ, писатель, сенаторъ, консулъ, или невольникъ, или школьный мастеръ, или жрецъ? — Смотри: вотъ они всѣ — живые здѣсь — въ этихъ книгахъ. Учи ихъ жизнь и живи, учи ихъ ошибки и избѣгай, учи добродѣтели и, если можно, подражай! Да трудно! Ихъ лица строги, черты крупны, характеры цѣльны и неразбавлены мелочью! Трудно вливаться въ эти величавыя формы, какъ трудно надѣвать ихъ латы, поднимать мечи, сѣкиры! Не поднять и подвиговъ ихъ! Мы и давай выдумывать какую-то свою, новую жизнь! Вотъ отчего мнѣ никогда ничего и никуда дальше своего угла не хотѣлось: не вѣрю я въ этихъ нынѣшнихъ великихъ людей....

Онъ говорилъ съ жаромъ, и черты лица у самого у него сдѣлались, какъ у тѣхъ героевъ, о которыхъ онъ говорилъ.

— Стало быть, по твоему, жизнь тамъ и кончилась, а это все не жизнь? Ты не вѣришь въ развитіе, въ прогрессъ?

— Какъ не вѣрить, вѣрю! Вся эта дрянь, мелочь, на которую разсыпался современный человѣкъ — исчезнетъ, все это приготовительная работа, сборъ и смѣсь еще не-осмысленнаго матеріала. Эти историческія крохи соберутся и сомнутся рукой судьбы опять въ одну массу, и изъ этой массы выльются со временемъ опять колоссальныя фигуры, опять потечетъ ровная, цѣльная жизнь, которая впослѣдствіи образуетъ вторую древность. Какъ не вѣровать въ прогрессъ! Мы потеряли дорогу, отстали отъ великихъ образцовъ, утратили многіе секреты ихъ бытія. Наше дѣло теперь—понемногу опять взбираться на потерянный путь и... достигать той же крѣпости, того же совершенства въ мысли, въ наукѣ, въ правахъ, въ нравахъ и въ своемъ общественномъ хозяйствѣ... цѣльности въ добродѣтеляхъ, и пожалуй, въ порокахъ! Низость, мелочи, дрянь — все поблѣднѣетъ: выправится человѣкъ и опять встанетъ на желѣзныя ноги... Вотъ и прогрессъ!

— Ты все тотъ же старый студентъ, Леонтій! Все нянчишься съ отжившей жизнью, а о себѣ не подумаешь; кто ты самъ?

— Кто? повторилъ Козловъ: — учитель латинскаго и греческаго языковъ. Я также нянчусь съ этими отжившими людьми, какъ ты съ своими, никогда не жившими идеалами и образами — ты кто? Вѣдь ты художникъ, артистъ? Что̀ же ты удивляешься, что я люблю какіе-нибудь образцы? Давно ли художники перестали черпать изъ этого источника....

— Да, художникъ! со вздохомъ сказалъ Райскій: — художество мое здѣсь — (онъ указалъ на голову и грудь) здѣсь образы, звуки, формы, огонь, жажда творчества, и вотъ еще я почти не началъ...

— Что̀ же мѣшаетъ? Вѣдь ты рисовалъ какую-то большую картину: ты писалъ, что готовишь ее на выставку...

— Чортъ съ ними, съ большими картинами! съ досадой сказалъ Райскій: — я бросилъ почти живопись. Въ одну большую картину надо всю жизнь положить, а не выразить и сотой доли изъ того живого, что̀ проносится мимо и безвозвратно утекаетъ. Я пишу иногда портреты...

— Что̀ же ты дѣлаешь теперь? спросилъ Леонтій.

— Есть одно искусство: оно лишь можетъ удовлетворить современнаго художника: искусство слова, поэзія: оно безгранично. Туда уходитъ и живопись, и музыка—и еще тамъ есть то, чего не даетъ ни то, ни другое...

— Чтожъ ты, пишешь стихи?

— Нѣтъ... съ досадой сказалъ Райскій: стихи это младенческій лепетъ.—Ими споешь любовь, пиръ, цвѣты, соловья... лирическое горе, такую же радость — и больше ничего...

— А сатира? возразилъ Леонтій — вотъ, постой, вспомнимъ римскихъ старцовъ...

Онъ пошелъ было къ шкафу, Райскій остановилъ его.

— Сиди смирно, сказалъ онъ. — Да, иногда можно удачно хлеснуть стихомъ по больному мѣсту. — Сатира—плеть: ударомъ обожжетъ, но ничего тебѣ не выяснитъ, не дастъ животрепещущихъ образовъ, не раскроетъ глубины жизни съ ея тайными пружинами, не подставитъ зеркала... Нѣтъ, только романъ можетъ охватывать жизнь и отражать человѣка...

— Такъ ты пишешь романъ... о чемъ же?

Райскій махнулъ рукой.

— И самъ еще не знаю! сказалъ онъ.

— Не пиши, пожалуста, только этой мелочи и дряни, что̀ и безъ романа на всякомъ шагу въ глаза лѣзетъ. Въ современной литературѣ всякаго червяка, всякаго мужика, бабу — все въ романъ суютъ... Возьми-ка предметъ изъ исторіи, воображеніе у тебя живое, пишешь ты бойко. Помнишь о древней Руси ты писалъ?... А то далась современная жизнь!... муравейникъ, мышиная возня: дѣло ли это искусства?... Это газетная литература!

— Ахъ, ты старовѣръ! какъ ты отсталъ здѣсь! О газетахъ потише: — это Архимедовъ рычагъ: онѣ ворочаютъ міромъ...

— Ну, ужъ міръ! Эти ваши Наполеоны, да Пальмерстоны...

— Это современные титаны: Цесари и Антоніи... сказалъ Райскій...

— Полно, полно! съ усмѣшкой остановилъ Леонтій: развѣ титаниды, выродки старыхъ большихъ людей. Вонъ почитай у М-г Шарля есть книжечка, Napoleon le petit, Гюго. Онъ современнаго Цесаря представляетъ въ настоящемъ видѣ: какъ этотъ Регулъ во фракѣ далъ клятву почти на форумѣ спасать отечество, а потомъ...

— А твой титанъ — настоящій Цесарь что̀: не тоже ли самое хотѣлъ сдѣлать?

— Хотѣлъ, да подлѣ случился другой титанъ—и не далъ!

— Ну, мы затѣяли съ тобой опять старый, безконечный споръ: сказалъ Райскій: когда ты осѣдлаешь своего конька, за тобой не угоняешься: оставимъ это пока. Обращусь опять къ своему вопросу: ужели тебѣ не хочется никуда отсюда, дальше этой жизни и занятій?

Козловъ отрицательно покачалъ головой.

— Помилуй Леонтій; ты ничего не дѣлаешь для своего времени, ты пятишься какъ ракъ: оставимъ римлянъ и грековъ —они сдѣлали свое; будемъ же дѣлать и мы, чтобъ разбудить это (онъ указалъ вокругъ на спящія улицы, сады и дома), превращать эти обширныя кладбища въ жилыя мѣста, встряхивать спящіе умы отъ застоя!

— Какъ же это сдѣлать? спросилъ Козловъ.

— Я буду рисовать эту жизнь, отражать какъ въ зеркалѣ, а ты...

— Я.... тоже кое-что дѣлаю: нѣсколько поколѣній къ университету приготовилъ... робко замѣтилъ Козловъ и остановился, сомнѣваясь: заслуга ли это?

— Ты думаешь я схожу въ классъ, а оттуда домой, да и забылъ? За водочку, потомъ вечеромъ за карты, или трусь у губернатора на вечерахъ: ни ни! Вотъ моя академія, говорилъ онъ, указывая на бесѣдку: вотъ и портикъ — это крыльцо, а дождь идетъ—въ кабинетѣ: наберется ко мнѣ юности, облѣпятъ меня. Я съ ними разсматриваю рисунки древнихъ зданій, домовъ, утвари, — самъ черчу, объясняю, какъ бывало тебѣ: что̀ самъ знаю, всѣмъ дѣлюсь. Кто постарше, съ тѣми впередъ заглядываю, разбираю имъ Софокла, Аристофана. Не все конечно; нельзя всего: гдѣ наготы много, я тамъ прималчиваю... толкую имъ эту образцовую жизнь, какъ толкуютъ образцовыхъ поэтовъ: развѣ это теперь ужъ не надо никому? говорилъ онъ, глядя вопросительно на Райскаго.

— Хорошо, да все это не настоящая жизнь, сказалъ Райскій: такъ жить теперь нельзя. Многое умерло изъ того, что́ было, и многое родилось, чего не вѣдали твои греки и римляне. Нужны образцы современной жизни, очеловѣчиванія себя и всего около себя. Это задача каждаго изъ насъ....

— Ну, за это я не берусь: довольно съ меня и того, если я дамъ образцы старой жизни изъ книгъ, а самъ буду жить про себя и для себя. А живу я тихо, скромно, ѣмъ, какъ видишь, лапшу... Что-же дѣлать?.. Онъ задумался.

— Жизнь «для себя и про себя» — не жизнь, а пассивное состояніе: нужно слово и дѣло, борьба. А ты хочешь жить барашкомъ!

— Я ужъ сказалъ тебѣ, что я дѣлаю свое дѣло и ничего знать не хочу, никого не трогаю и меня никто не трогаетъ!

— Ты напоминаешь мнѣ Софью, кузину: та тоже не хочетъ знать жизни — за-то она — великолѣпная кукла! Жизнь достанетъ вездѣ, и тебя достанетъ! Что́ ты тогда будешь дѣлать, неприготовленный къ ней?

— Чтò ей меня доставать? я такой маленькій человѣкъ, что она и не замѣтитъ меня. Есть у меня книги, хотя и не мои... (онъ робко поглядѣлъ на Райскаго). Но ты оставляешь ихъ въ моемъ полномъ распоряженіи. Нужды мои не велики, скуки не чувствую; есть жена: она меня любитъ...

Райскій посмотрѣлъ въ сторону.

— А я люблю ее... добавилъ Леонтій тихо.—Посмотри, посмотри: говорилъ онъ, указывая на стоявшую на крыльцѣ жену, которая пристально глядѣла на улицу и стояла къ нимъ бокомъ: — профиль, профиль: видишь, какъ сзади отдѣлился этотъ локонъ, видишь этотъ немигающій взглядъ? Смотри, смотри: линія затылка, очеркъ лба! падающая на шею коса! — Чтò, не римская голова?

Онъ заглядѣлся на жену, и тайное умиленіе медленнымъ лучемъ прошло у него по лицу и застыло въ задумчивыхъ глазахъ. Даже румянецъ пробился на щекахъ. Видно было, что рядомъ съ книгами, которыми питалась его мысль, у него горячо пріютилось и сердце, и онъ самъ не зналъ, чѣмъ онъ такъ крѣпко связанъ съ жизнью и съ книгами, не подозрѣвалъ, что еслибъ пропали книги, не пропала бы жизнь, а отними у него эту живую «римскую голову», по всей жизни его прошелъ бы параличъ. «Счастливое дитя, думалъ Райскій; спитъ, и въ ученомъ снѣ своемъ не чуетъ, что подлѣ него, эта любимая имъ, римская голова, полна тьмы, а сердце пустоты: и что одной ей безсиленъ онъ преподать «образцы древнихъ добродѣтелей!»

IX.

Ужъ на закатѣ вернулся Райскій домой. Его встрѣтила на крыльцѣ Марѳинька.

— Гдѣ это вы пропадали, братецъ? Какъ на васъ сèрдится бабушка! сказала она, — просто не глядитъ.

— Я у Леонтья былъ, отвѣчалъ онъ равнодушно.

— Я такъ и знала, ужъ я уговаривала, уговаривала бабушку — и слушать не хочетъ, даже съ Титомъ Никонычемъ не говоритъ. Онъ у насъ теперь, и Полина Карповна тоже. Нилъ Андреичъ, княгиня, Василій Андреевичъ, присылали поздравить съ пріѣздомъ...

— Имъ чтó за дѣло?

— Они каждый день присылали узнавать о пріѣздѣ.

— Очень нужно!

— Подите, подите къ бабушкѣ: она вамъ дастъ! пугала Мароинька.—Вы очень боитесь? сердце бьется?

— Райскій усмѣхнулся.

— Она очень сердита. Мы наготовили столько блюдъ!

— Мы ужинать будемъ, сказалъ Райскій.

— Въ самомъ дѣлѣ: вы хотите, будете? Бабушка, бабушка! говорила она радостно, вбѣгая въ комнату.—Братецъ пришелъ: ужинать будетъ!

Но бабушка, насупясь, сидѣла и не глядѣла, какъ вошелъ Райскій, какъ они обнимались съ Титомъ Никонычемъ, какъ жеманно кланялась Полина Карповна, сорокапятилѣтняя, разряженная женщина, въ кисейномъ платьѣ, съ весьма открытой шеей, съ плохо застегнутыми на груди крючками, съ тонкимъ кружевнымъ носовымъ платкомъ и съ вѣеромъ, которымъ она играла, то складывала, то кокетливо обмахивалась, хотя уже не было жарко.

— Какимъ молодцомъ! Какъ возмужали — васъ не узнаешь! говорилъ Титъ Никонычъ, сіяя добротой и удовольствіемъ.

— Очень, очень похорошѣли! протяжно, говорила почти про себя Полина Карповна Крицкая, которая, къ соблазну бабушки, въ прошлый пріѣздъ наградила его поцѣлуемъ.

— Вы не перемѣнились, Титъ Никонычъ! замѣтилъ Райскій, оглядывая его: почти не постарѣли, такъ бодры, свѣжи, и также добры, любезны?—Титъ Никонычъ расшаркался, поднявъ немного одну ногу назадъ.

— Слава Богу: только вотъ ревматизмы и желудокъ не совсѣмъ.... старость!—Онъ взглянулъ на дамъ и конфузливо остановился.

— Ну, слава Богу: вотъ вы и нашъ гость, благополучно доѣхали... продолжалъ онъ:—А Татьяна Марковна опасались за васъ: и овраги, и разбойники... На долго пожаловали?

— О, вѣрно, лѣто пробудете, замѣтила Крицкая: здѣсь природа, чистый воздухъ! Здѣсь такъ многіе интересуются вами...

Онъ съ боку поглядѣлъ на нее и ничего не сказалъ.

— Какъ у предводителя всѣ будутъ рады! Какъ вице-губернаторъ желаетъ васъ видѣть!.. окрестные помѣщики нарочно пріѣдутъ въ городъ... приставала она.

— Они не знаютъ меня, что̀ имъ?...

— Такъ много слышали интереснаго, говорила она, смѣло глядя на него. — Вы помните меня?

Бабушка отвернулась въ сторону, замѣтивъ, какъ играла глазами Полина Карповна.

— Нѣтъ... признаюсь... забылъ...

— Да, въ столицѣ всѣ впечатлѣнія скоро проходятъ! сказала она томно.—Какъ хорошъ вашъ дорожный туалетъ? прибавила потомъ, оглядывая его.

— Въ самомъ дѣлѣ я еще въ дорожномъ пальто, сказалъ Райскій. — Тамъ надо бы вынуть изъ чемодана все платье и бѣлье.... Надо позвать Егора.—Егоръ пришелъ, и Райскій отдалъ ему ключъ отъ чемодана.

— Вынь все изъ него и положи въ моей комнатѣ, сказалъ онъ, а чемоданъ вынеси куда-нибудь на чердакъ.

— Вамъ, бабушка, и вамъ, милыя сестры, я привезъ кое-какія бездѣлицы на память.. Надо бы принести ихъ сюда...

Марѳинька вся покраснѣла отъ удовольствія.

— Бабушка, гдѣ вы меня помѣстите? спросилъ онъ.

— Домъ твой: гдѣ хочешь, холодно сказала она.

— Не сердитесь, бабушка—я въ другой разъ не буду... смѣясь сказалъ онъ.

— Смѣйся, смѣйся, Борисъ Павловичъ, я вотъ при гостяхъ скажу, что не хорошо поступилъ: не успѣлъ носа показать, и пропалъ изъ дома. Это неуваженіе къ бабушкѣ...

— Какое неуваженіе? Вѣдь я съ вами жить стану, каждый день вмѣстѣ. Я зашелъ къ старому другу и заговорился...

— Конечно, бабушка, братецъ не нарочно: Леонтій Ивановичъ такой добрый...

Молчи ты, сударыня, когда тебя не спрашиваютъ: рано тебѣ перечить бабушкѣ! Она знаетъ что́ говоритъ! строго остановила ее Бережкова.

Марѳинька покраснѣла и съ усмѣшкой сѣла въ уголокъ.

— Ульяна Андреевна съумѣла лучше угостить тебя; гдѣ мнѣ столичныхъ франтовъ принимать! продолжала свое бабушка. —Что она тамъ тебѣ, какихъ фрикасе наставила? отчасти съ любопытствомъ спросила Татьяна Марковна.

— Была лапша, вспоминалъ Райскій, пирогъ съ капустой и яицами... жареная говядина съ картофелемъ...

Бережкова иронически засмѣялась.

— Лапша и говядина!

— Да, еще каша на сковородѣ: превкусная, досказалъ Райскій.

— Такихъ рѣдкостей, ты, я думаю, давно не пробовалъ въ Петербургѣ.

— Какъ давно: я очень часто обѣдаю съ художниками.

— Это вкусныя блюда, снисходительно замѣтилъ Титъ Никонычъ, — но тяжелы для желудка.

— И вы тоже! Ну, хорошо, развеселясь сказала бабушка.

Завтра, Марѳинька, мы имъ велимъ потроховъ наготовить, студеня, пироговъ съ морковью, не хочешь ли еще гуся...

— Фи, сдѣлала Полина Карповна, станутъ ли «они» кушать такія неделикатныя блюда?

— Хорошо, сказалъ Райскій, особенно если начинить его кашей....

— Это неудобосваримое блюдо! замѣтилъ Титъ Никонычъ:— лучше всего легкій супецъ изъ крупы, котлетку или цыпленка и желе... вотъ настоящій обѣдъ...

— Нѣтъ, я люблю кашу, особенно ячменную или изъ полбы! сказалъ Райскій, люблю еще деревенскій студень. Велите приготовить: я давно не ѣлъ...

— Грибы, братецъ, любите? спросила Марѳинька: у насъ множество.

— Какъ не любить? Нельзя ли къ ужину?...

— Прикажи, Марѳинька, Петру.... сказала бабушка.

— Напрасно, матушка, напрасно! говорилъ, морщась Титъ Никонычъ: тяжелое блюдо....

— Ты не шутя ужинать будешь? спросила Татьяна Марковна, смягчаясь.

— И очень не шутя, сказалъ Райскій.—И если въ погребахъ моего «имѣнія» есть шампанское—прикажите подать бутылку къ ужину: мы съ Титомъ Никонычемъ выпьемъ за ваше здоровье. Такъ Титъ Никонычъ?

— Да—и поздравимъ васъ съ пріѣздомъ,—хотя на ночь грибы и шампанское.... неудобосваримо...

— Опять за свое: вели, Марѳинька, шампанское въ ледъ поставить.... сказала бабушка.

— Какъ угодно — ce qu'une femme veut... любезно заключилъ Ватутинъ, шаркнувъ ножкой и спрятавъ ее подъ стулъ.

— Ужинъ ужиномъ, а обѣдать слѣдовало дома: вотъ ты огорчилъ бабушку. Въ первый день пріѣзда изъ семьи ушелъ.

— Ахъ, Татьяна Марковна, вступилась Крицкая: это у насъ по-мѣщански, а въ столицѣ....

Глаза у бабушки засверкали.

— Это не мѣщане, Полина Карповна, съ крѣпкой досадой сказала Татьяна Марковна, указывая на портреты родителей Райскаго и также Вѣры и Марѳиньки, развѣшанные по стѣнамъ: —и не чиновники изъ палаты, прибавила она, намекая на покойнаго мужа Крицкой.

— Борисъ Павловичъ хотѣлъ сдѣлать предъ обѣдомъ моціонъ, вѣроятно зашелъ далеко, и тѣмъ самымъ поставилъ себя

въ нѣкотораго рода невозможность поспѣть.... началъ оправдывать его Титъ Никонычъ.

— Молчите вы съ своимъ моціономъ! добродушно крикнула на него Татьяна Марковна.—Я ждала его двѣ недѣли, отъ окна не отходила, сколько обѣдовъ пропадало! Сегодня наготовили, вдругъ пріѣхалъ и пропалъ! На что похоже? И что̀ скажутъ люди: обѣдалъ у чужихъ — лапшу да кашу: какъ будто бабушкѣ нечѣмъ накормить!

Титъ Никонычъ уклончиво усмѣхнулся, немного склоня голову, и замолчалъ.

— Бабушка! заключимъ договоръ, сказалъ Райскій: предоставимъ полную свободу другъ другу, и не будемъ взыскательны! Вы дѣлайте какъ хотите, и я буду дѣлать, что́ и какъ вздумаю.... Обѣдъ я вашъ съѣмъ сегодня за ужиномъ, вино выпью и ночь всю пробуду до утра, по крайней мѣрѣ сегодня. А куда завтра дѣнусь, гдѣ буду обѣдать и гдѣ ночую — не знаю!

— Браво, браво! радостно, съ дѣтской рѣзвостью восклицала Крицкая.

— Что же это такое? Цыганъ, что ли ты? съ удивленіемъ сказала бабушка.

— М-сье Райскій поэтъ, а поэты свободны, какъ вѣтеръ! замѣтила Полина Карповна—опять играя глазами, шевеля носкомъ башмака и всячески стараясь задѣть чѣмъ-нибудь вниманіе Райскаго. Но чѣмъ она больше хлопотала, тѣмъ онъ былъ холоднѣе. Его ужъ давно коробило отъ ея присутствія. Только Марѳинька, глядя на нее, изъ-подтишка посмѣивалась. Бабушка не обратила вниманія на ея замѣчаніе.

— Два своихъ дома, земля, крестьяне, сколько серебра, хрусталя—а онъ будетъ изъ угла въ уголъ шататься... какъ окаянный, какъ Маркушка бездомный!

— Опять Маркушка! Надо его увидать и познакомиться съ нимъ! сказалъ Райскій.

— Нѣтъ, ты не огорчай бабушку, не дѣлай этого! повелительно сказала бабушка.—Гдѣ завидишь его, бѣги!

— Почему же?

— Онъ тебя съ пути собьетъ!

— Нужды нѣтъ, а любопытно: онъ, должно быть, замѣчательный человѣкъ. Правда, Титъ Никонычъ?

Ватутинъ усмѣхнулся.

— Онъ, такъ сказать, загадка для всѣхъ, отвѣчалъ онъ. — Должно быть, сбился въ ранней молодости съ прямого пути... Но, кажется, съ большими дарованіями и свѣдѣніями: могъ бы быть полезенъ....

— Грубъ, невѣ*жя*! сказала съ достоинствомъ Крицкая, глядя въ сторону. Она немного пришепетывала.

— Да, съ дарованіями: тремя стами рублей поплатились вы за его дарованія. Отдалъ ли онъ вамъ? спросила Татьяна Марковна.

— Я... не спрашивалъ! сказалъ Титъ Никонычъ: впрочемъ онъ со мной... почти вѣжливъ.

— Не бьетъ при встрѣчѣ, не стрѣлялъ еще въ васъ? Чуть Нила Андреевича не застрѣлилъ, сказала она Райскому.

— Собаки его мнѣ шлейфъ разорвали, жаловалась Крицкая.

— Не приходилъ опять обѣдать къ вамъ «безъ церемоніи?» спросила опять бабушка Ватутина.

— Нѣтъ, вамъ не угодно, чтобъ я его принималъ, я и отказываю, сказалъ Ватутинъ.—Онъ однажды пришелъ ко мнѣ съ охоты ночью и попросилъ кушать: сутки не кушалъ, сказалъ Титъ Никонычъ, обращаясь къ Райскому, я накормилъ его и мы пріятно провели время....

— Пріятно! возразила бабушка, слушать тошно! Пришелъ бы ко мнѣ объ эту пору: я бы ему дала обѣдъ! Нѣтъ, Борисъ Павловичъ: ты живи, какъ люди живутъ, побудь съ нами дома, кушай, гуляй, съ подозрительными людьми не водись, смотри, какъ я распоряжаюсь имѣніемъ, побрани, если что̀-нибудь не такъ...

— Все это, бабушка, скучно: будемъ жить, ка̀къ кому вздумается...

— Обѣдать, гдѣ попало, лапшу, кашу? не придти домой.... такъ что ли? Хорошо же: вотъ я буду уѣзжать въ Новоселово, свою деревушку, или соберусь гостить къ Аннѣ Ивановнѣ Тушиной, за Волгу: она давно зоветъ, и возьму всѣ ключи, не велю готовить, а ты вдругъ придешь къ обѣду: что́ ты скажешь?

— Ничего не скажу.

— Не удивитъ и не огорчитъ это тебя?

— Нисколько.

— Куда же ты дѣнешься?

— Въ трактиръ пойду.

— Въ трактиръ! съ ужасомъ сказала бабушка. И Титъ Никонычъ сдѣлалъ движеніе.

— Кто же васъ пуститъ въ трактиръ? возразилъ онъ: мой домъ, кухня, люди, я самъ—къ вашимъ услугамъ, — я за честь поставлю....

— Развѣ ты ходишь по трактирамъ? строго спросила бабушка.

— Я всегда въ трактирѣ обѣдаю.

— Не играешь ли на бильярдѣ, или не куришь ли?

— Охотникъ играть и курю. Надо достать сигары. Я васъ отличными попотчую, Титъ Никонычъ.

— Покорнѣйше благодарю: я не курю. Никотинъ очень вредно дѣйствуетъ на легкія и на желудокъ: осадокъ дѣлаетъ и насильственно ускоряетъ пищевареніе. Притомъ.... непріятно дамамъ.

— Странный, необыкновенный человѣкъ! сказала бабушка.

— Нѣтъ, бабушка: вы необыкновенная женщина.

— Чѣмъ же я необыкновенная?

— Какъ же: ѣшь дома, не ходи туда, спи, когда не хочется— зачѣмъ стѣснять себя?

— Чтобъ угодить бабушкѣ.

— О деспотка, вы, бабушка, эгоистка! Угодить вамъ — не угодить себѣ: угодить себѣ—не угодить вамъ: нѣтъ ли выхода изъ этой крайности? Отчего же вы не хотите угодить внуку?

— Слышите: бабушка угождай внуку! Да я тебя маленькаго на рукахъ носила!

— Если вы будете очень стары, я васъ на себѣ повезу, возразилъ Райскій.

— Развѣ я не угождаю тебѣ? Кого я ждала недѣлю, почти не спала? Заботилась готовить, что̀ ты любишь, хлопотала, красила, убирала комнаты, и новыя рамы вставила, занавѣски купила шелковыя....

— Это все вы угождали себѣ, а не мнѣ!

— Себѣ! съ изумленіемъ повторила она.

— Да, вамъ эти хлопоты пріятны, они занимаютъ васъ; признайтесь, вамъ бы безъ нихъ и дѣлать нечего было? Обѣдами вы хотѣли похвастаться, вы добрая, радушная хозяйка. Приди Маркушка къ вамъ, вы бы и ему наготовили всего....

— Правда, правда, братецъ: непремѣнно бы наготовила, сказала Мареинька — бабушка предобрая, только притворяется....

— Молчи ты, тебя не спрашиваютъ! опять остановила ее Татьяна Марковна: все переговариваетъ бабушку! Это она при тебѣ такая стала; она смирная, а тутъ вдругъ! Чего не выдумаетъ: Маркушку угощать!

— Да, да, слѣдовательно вы дѣлали, что вамъ нравилось. А вотъ, какъ я вздумалъ захотѣть, что́ мнѣ нравится, это разстроило ваши распоряженія, оскорбило вашъ деспотизмъ. Такъ, бабушка, да? Ну, поцѣлуйте же меня и дадимъ другъ другу волю.

— Какой странный человѣкъ! Слышите, Титъ Никонычъ, что́ онъ говоритъ! обратилась бабушка къ Ватутину, отталкивая Райскаго.

— Пріятно слушать: очень, очень умно — я ловлю каждое слово: сказала Крицкая, которая все ловила взглядъ Райскаго, но напрасно.

Титъ Никонычъ потупился, потомъ дружески улыбнулся Райскому.

— И я не выжила изъ ума! сказала сердито бабушка на замѣчаніе гостьи.

— Видно, что Борисъ Павловичъ читалъ много новыхъ, хорошихъ книгъ... уклончиво произнесъ Ватутинъ. —Слогъ прекрасный! Однако, матушка, сюда самоваръ несутъ, я боюсь....

— Пойдемте на крыльцо, въ садикъ, чай пить, сказала Татьяна Марковна.

— Не сыро-ли будетъ тамъ? замѣтилъ Ватутинъ.

Въ тотъ же вечеръ бабушка и Райскій заключили, если не миръ, то перемиріе.

Бабушка убѣдилась, что внукъ любитъ и уважаетъ ее: и какъ мало надо было, чтобы убѣдиться въ этомъ! Райскій разобралъ чемоданъ и вынулъ подарки: бабушкѣ онъ привезъ нѣсколько фунтовъ отличнаго чаю, до котораго она была большая охотница, потомъ новаго изобрѣтенія кофейникъ съ машинкой и шелковое платье темно-коричневаго цвѣта. Сестрамъ по браслету, съ вырѣзанными шифрами. Титу Никонычу замшевую фуфайку и панталоны, какъ просила бабушка, и кусокъ морского каната класть въ уши, какъ просилъ онъ. Бабушка была тронута до слезъ.

— Меня, старуху, вспомнилъ! говорила она, сѣвши подлѣ него и трепля его по плечу.

— Кого же мнѣ вспомнить: вы у меня однѣ, бабушка!

— Да какъ же это, говорила она: счеты рвалъ, на письма не отвѣчалъ, имѣніе бросилъ, а тутъ вспомнилъ, что я люблю иногда рано утромъ одна напиться кофе: кофейникъ привезъ, не забылъ, что чай люблю и чаю привезъ, да еще платье! Баловникъ, мотъ! Ахъ, Борюшка, Борюшка, ну, не странный ли ты человѣкъ!

Марѳинька такъ покраснѣла отъ удовольствія, что щеки у ней во все время, пока разсматривали подарки и говорили о нихъ, оставались красны.

Она, какъ случается съ дѣтьми, отъ сильной радости, забыла поблагодарить Райскаго.

— А ты и не благодаришь — хороша! какъ обрадовалась! сказала Татьяна Марковна. Марѳинька сконфузилась и присѣла. Райскій засмѣялся.

— Какая я дура — присѣдаю! сказала она. Она подошла и обняла его.

Титъ Никонычъ смутился, растерялся въ шарканьѣ и благодарственныхъ привѣтствіяхъ.

Райскій тоже, увидя свою комнату, слѣдя за бабушкой, какъ она чуть не сама дѣлала ему постель, какъ опускала занавѣски, чтобъ утромъ не безпокоило его солнце, какъ заботливо разспрашивала, въ которомъ часу его будить, что̀ приготовить — чаю или кофе по утру, масла или яицъ, сливокъ или варенья — убѣдился, что бабушка не все угождаетъ себѣ этимъ, особенно когда она попробовала рукой, мягка ли перина, сама поправила подушки повыше и велѣла поставить графинъ съ водой на столикъ, а потомъ раза три заглянула, спитъ ли онъ, не безпокойно ли ему, не нужно ли чего-нибудь.

Титъ Никонычъ и Крицкая ушли. Послѣдняя затруднялась, какъ ей одной идти домой. Она говорила, что не велѣла пріѣхать за собой, надѣясь, что ее проводитъ кто-нибудь. Она взглянула на Райскаго. Титъ Никонычъ сейчасъ же вызвался, къ крайнему неудовольствію бабушки: «Егорка бы проводилъ, шептала она; сидѣла бы дома — кто просилъ!»

— Благодарю васъ, благодарю, сказала Полина Карповна мимоходомъ Райскому.

— За что́? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— За пріятный, умный разговоръ — хотя не со мной.... но я много унесла изъ него...

— Разговоръ, больше, практическій, сказалъ онъ: о кашѣ, о гусѣ, потомъ ссорились съ бабушкой....

— Не говорите, я знаю.... говорила она нѣжно: я замѣтила два взгляда, два только.... они принадлежали мнѣ, да, признайтесь. О, я чего-то жду и надѣюсь.... Съ этимъ она ушла. Райскій обратился къ Марѳинькѣ, взглядомъ спрашивая, что́ это такое.

— Какіе это два взгляда! сказалъ онъ. Марѳинька засмѣялась.

— Она всегда такая у насъ! замѣтила она.

— Что она тамъ тебѣ шептала? не слушай ее! сказала бабушка: она все еще о побѣдахъ мечтаетъ.

Райскій сбросилъ-было долой гору наложенныхъ одна на другую мягкихъ подушекъ и взялъ съ дивана одну жесткую, потомъ прогналъ Егорку, посланнаго бабушкой раздѣвать его. Но бабушка передѣлала опять по своему: велѣла положить на свое мѣсто подушки и воротила Егора въ спальню Райскаго.

— Какая настойчивая деспотка! говорилъ Райскій, терпѣливо снося, какъ Егорка снималъ сапоги, разстегнулъ ему платье,

даже хотѣлъ было снять чулки. Райскій утонулъ въ мягкихъ подушкахъ.

Черезъ полчаса бабушка заглянула къ нему въ комнату.

— Чтò вы? спросилъ онъ.

— Я пришла посмотрѣть, горитъ ли у тебя свѣчка: что ты не погасишь? замѣтила она. Онъ засмѣялся.

— Покурить хочется, да сигары забылъ у васъ на столѣ, сказалъ онъ.

Она принесла сигары. — На вотъ, кури скорѣй, а то я не лягу, боюсь, говорила она.

— Ну, такъ я не стану курить.

— Кури, говорятъ тебѣ! приказывала она. Но онъ потушилъ свѣчку. «Какой своеобычный: даже бабушки не слушаетъ! Странный человѣкъ!» думала Татьяна Марковна, ложась.

Райскій прожилъ этотъ день, какъ давно не жилъ, и заснулъ такимъ вольнымъ, здоровымъ сномъ, какимъ, казалось ему, не спалъ съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ этотъ кровъ.

X.

Райскій провелъ уже нѣсколько такихъ дней и ночей, и еще больше предстояло ему провести ихъ подъ этой кровлей, между огородомъ, цвѣтникомъ, старымъ, запущеннымъ садомъ и рощей, между новымъ, полнымъ жизни, уютнымъ домикомъ и старымъ, полинявшимъ, частію съ обвалившейся штукатуркой домомъ, въ поляхъ, на берегахъ, надъ Волгой, между бабушкой и двумя дѣвочками, между Леонтьемъ и Титомъ Никонычемъ. Онъ невольно пропитывался окружавшимъ его воздухомъ, не могъ отмахаться отъ впечатлѣній, которыя клала на него окружающая природа, люди, ихъ рѣчи, весь складъ и оборотъ новой жизни. Онъ на каждомъ шагу становился въ разладъ съ ними, но пока не страдалъ еще отъ этого разлада, а снисходительно улыбался, поддавался кротости, простотѣ этой жизни, какъ, ложась спать, поддался деспотизму бабушки и утонулъ въ мягкихъ подушкахъ. Если онъ зѣвалъ, то пока не отъ скуки, а отъ пищеваренія, или отъ здоровой усталости.

Жилось ему спосно: здѣсь не было ни въ комъ претензіи казаться чѣмъ-нибудь другимъ, лучше, выше, умнѣе, нравственнѣе; а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оно было выше, нравственнѣе, нежели казалось, и едва ли не умнѣе. Тамъ, въ кучѣ людей съ развитыми понятіями, бьются изъ того, чтобы быть

проще и не умѣютъ; здѣсь, не думая о томъ, всѣ просты, никто не лѣзъ изъ кожи поддѣлаться подъ простоту.

Бабушка была, по-прежнему, хлопотлива, любила повелѣвать, распоряжаться, дѣйствовать, ей нужна была роль. Она вѣкъ свой дѣлала дѣло, и если не было, такъ выдумывала его. По-прежнему, у ней не было позыва идти вникать въ жизнь дальше стѣнъ, садовъ, огородовъ «имѣнія» и, наконецъ, города. Этимъ замыкался весь ея міръ. Она говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости, ссорится за нихъ съ Райскимъ, и весь наружный обрядъ жизни отправляется у ней по затверженнымъ правиламъ. Но когда Райскій приглядѣлся попристальнѣе, то увидѣлъ, что въ тѣхъ случаяхъ, которые не могли почему-нибудь подойти подъ готовыя правила, у бабушки вдругъ выступали собственныя силы, и она дѣйствовала своеобразно. Сквозь обветшавшую, и иногда никуда не пригодную мудрость, у ней пробивалась живая струя здраваго практическаго смысла, собственныхъ идей, взглядовъ и понятій. Только когда она пускала въ ходъ собственныя силы, то сама будто пугалась немного и безпокойно искала подкрѣпить ихъ какимъ-нибудь бывшимъ примѣромъ.

Райскому нравилась эта простота формъ жизни, эта опредѣленная, тѣсная рама, въ которой пріютился человѣкъ, и пятьдесятъ, шестьдесятъ лѣтъ живетъ повтореніями, не замѣчая ихъ, и все ожидая, что завтра, послѣ завтра, на слѣдующій годъ, случится что-нибудь другое, чего еще не было, любопытное, радостное. «Какъ это они живутъ», думалъ онъ, глядя, что ни бабушкѣ, ни Мареинькѣ, ни Леонтью, никуда не хочется, и не смотрятъ они на дно жизни, что̀ лежитъ на немъ, и не уносятся теченіемъ этой рѣки впередъ, къ устью, чтобъ остановиться и подумать, что̀ это за океанъ, куда вынесутъ струи? Нѣтъ! «Что Богъ дастъ», говоритъ бабушка.

Разсуждаетъ она о людяхъ, ей знакомыхъ, очень метко, разсуждаетъ правильно о томъ, что̀ дѣлалось вчера, что̀ будетъ дѣлаться завтра, никогда не ошибается; горизонтъ ея кончается — съ одной стороны полями, съ другой Волгой и ея горами, съ третьей городомъ, а съ четвертой — доро̀гой въ міръ, до котораго ей дѣла нѣтъ.

Желаетъ она въ концѣ зимы, чтобъ весна скорѣй наступила, чтобъ рѣка прошла къ такому-то дню, чтобъ лѣто было теплое и урожайное, чтобъ хлѣбъ былъ въ цѣнѣ, а сахаръ дешевле, чтобъ, если можно, купцы давали его даромъ, также какъ вино, кофе и прочее. Любила, чтобъ къ ней губернаторъ изрѣдка заѣхалъ съ визитомъ, чтобы пріѣзжее изъ Пе-

тербурга важное или замѣчательное лицо непремѣнно побывало у ней, и вице-губернаторша подошла, а не она къ ней, послѣ обѣдни въ церкви поздороваться, чтобъ, когда ѣдетъ по городу, ни одинъ встрѣчный не проѣхалъ и не прошелъ не поклонясь ей, чтобы купцы засуетились и бросили прочихъ покупателей, когда она явится въ лавку, чтобъ никогда никто не сказалъ о ней дурного слова, чтобы дома всѣ ее слушались до того, чтобъ кучера никогда не курили трубки ночью, особенно на сѣновалѣ, и чтобъ Тараска не напивался пьянъ, даже когда они могли бы дѣлать это такъ, чтобъ она не узнала. Любила она, чтобы всякій день кто-нибудь завернулъ къ ней, а въ имянины ея всѣ, начиная съ архіерея, губернатора и до послѣдняго повытчика въ палатѣ, чтобы три дня городъ поминалъ ея роскошный завтракъ, нужды нѣтъ, что ни губернаторъ, ни повытчики не пользовались ея искреннимъ расположеніемъ. Но еслибы не пришелъ въ этотъ день М-г Шарль, котораго она тернѣть не могла, или Полина Карповна, она бы искренно разобидѣлась. Въ этотъ день она, по всей вѣроятности, втайнѣ желала, чтобы зашелъ на пирогъ даже Маркушка.

До пріѣзда Райскаго, жизнь ея покоилась на этихъ простыхъ и прочныхъ основахъ, и ей въ голову не приходило, чтобы тутъ было что-нибудь не такъ, чтобы она весь вѣкъ жила въ какой-то «борьбѣ съ противорѣчіями», какъ говорилъ Райскій. Если когда-нибудь и случалось противорѣчіе, какой-нибудь разладъ, то она приписывала его никакъ не себѣ, а другому лицу, съ кѣмъ имѣла дѣло, а если никого не было, такъ судьбѣ. А когда явился Райскій и соединилъ въ себѣ и это другое лицо, и судьбу, она удивилась, отнесла это къ непослушанію внука и къ его странности. Она горячо защищалась, сначала преданіями, сентенціями и пословицами, но когда эта мертвая сила, отъ перваго прикосновенія живой силы анализа, разлеталась въ прахъ, она сейчасъ хваталась за свою природную логику. Этого только и ждалъ Райскій, зная, что она сейчасъ очутится между двухъ огней: между стариной и новизной, между преданіями и здравымъ смысломъ—и тогда ей надо было, или согласиться съ нимъ, или отступить отъ старины. Но бабушка тріумфа ему никогда не давала, она сдаваться не любила и кончала споръ, опираясь деспотически на авторитетъ, уже не мудрости, а родства и своихъ лѣтъ.

Райскій, не уступая ей на почвѣ логики, спускалъ флагъ передъ ея симпатіей и, смѣясь, становился передъ ней на колѣни и цѣловалъ у ней руку.

Онъ удивлялся, какъ могло все это уживаться вмѣстѣ, и какъ бабушка, не замѣчая вѣчнаго разлада старыхъ и новыхъ

понятій, ладила съ жизнью и переваривала все это вмѣстѣ, и была такъ бодра, свѣжа, не знала скуки, любила жизнь, вѣровала, не охлаждаясь ни къ чему, и всякій день былъ для нея какъ-будто новымъ, свѣжимъ цвѣткомъ, отъ котораго на завтра она ожидала плодовъ.

Бабушка, Мароинька, даже Леонтій,—а онъ мыслящій, ученый, читающій—всѣ нашли свою точку опоры въ жизни, стали на нее и счастливы.

Бабушка добыла себѣ, какъ-будто купила на вѣсъ, жизненной мудрости, пробавляется ею и знать не хочетъ того, чего съ ней не было, чего она не видала своими глазами, и не заботится, есть ли тамъ еще что-нибудь, или нѣтъ. Отъ этого она открыла большіе глаза на его «мудреныя», казавшіяся ей иногда шальными, слова, «цыганскіе» поступки, споры. «Странный, своеобычный человѣкъ», говорила она, и надивиться не могла, какъ это онъ не слушается ея и не дѣлаетъ, что̀ она указываетъ. Развѣ можно жить иначе? Титъ Никонычъ въ восхищеніи отъ нея; самъ Нилъ Андреичъ отзывается одобрительно, весь городъ тоже уважаетъ ее, только Маркушка зубы скалитъ, когда увидитъ ее,—но онъ пропащій человѣкъ.

А тутъ внукъ, свой человѣкъ, котораго она мальчишкой воспитывала, «отъ рукъ отбился», смѣетъ оправдываться, защищаться, да еще споритъ съ ней, обвиняетъ ее, что она не такъ живетъ, не то дѣлаетъ, какъ нужно. А она, кажется, всю жизнь, какъ по пальцамъ, знаетъ: ни купцы, ни дворня ее не обманутъ, въ городѣ всякаго насквозь видитъ, и въ жизни своей, и ввѣренныхъ ея попеченію дѣвочекъ, и крестьянъ, и въ кругу знакомыхъ — никакихъ ошибокъ не дѣлаетъ, знаетъ, какъ гдѣ ступить, что̀ сказать, какъ и своимъ, и чужимъ добромъ распорядиться! Словомъ, какъ по нотамъ играетъ! А онъ не слушается, и еще осуждаетъ ее!

Она сдѣлала изъ наблюденій и опыта мудрый выводъ, что всякому дается извѣстная линія въ жизни, по которой можно и должно достигать извѣстнаго значенія, выгодъ, и что всякому дана возможность сдѣлаться (относительно) важнымъ или богатымъ, а кто прозѣваетъ время и удобный случай, пренебрежетъ данными судьбой средствами, тотъ и пеняй на себя! «Всякому— говорила она — судьба даетъ какой-нибудь даръ: одному, напримѣръ, дано много ума или какой-нибудь «остроты» и умѣнья (подъ этимъ она разумѣла талантъ, способности),—за то богатства не дала»—и сейчасъ примѣръ приводила: или архитектора, или лекаря, или Степку, мужика. «Дуракъ-дуракомъ, трехъ перечесть не можетъ, лба не умѣетъ перекрестить, едва знаетъ,

гдѣ право, гдѣ лѣво, ни за сохой, ни въ саду—а посуду, чашки, ложки или крестики точитъ, дѣтскіе кораблики, игрушки—точно изъ мѣди льетъ. И сколько на ярмаркѣ продастъ! Другой красивъ: картинка—за то—пѣтый дуракъ! вонъ Балакинъ: ни одна умная дѣвушка нейдетъ, а заглядѣнье! Не зѣвай, и онъ будетъ счастливъ. «Богъ дурака поваля кормитъ!» — приводила она и пословицу въ подкрѣпленіе: — найдетъ дуру съ богатствомъ! А есть и такіе, что ни «остроты» судьба не дала, ни богатства, за то дала трудолюбіе: этимъ беретъ! Ну, а кто лежебокой былъ, или прозѣвалъ, загубилъ даръ судьбы — самъ виноватъ! Оттого много на свѣтѣ погибшихъ: праздныхъ, пьяницъ съ разодранными локтями, одна нога въ туфлѣ, другая въ калошѣ, носъ красный, губы растрескались, винищемъ разитъ!»

Райскій расхохотался, слушая однажды такое разсужденіе, и особенно характеристическій очеркъ пьяницы, самаго противнаго и погибшаго существа, въ глазахъ бабушки: до того, что хотя она не замѣтила ни малѣйшей наклонности къ вину въ Райскомъ, но всегда съ безпокойствомъ смотрѣла, когда онъ вздумаетъ выпить стаканъ, а не рюмку вина, или рюмку водки. «Хорошо ли тебѣ, не много ли?» говорила она, морщась и качая головой. Къ пьяницѣ и къ пьянству у ней было физіологическое отвращеніе.

— Да, да, смѣйся! говорила она, а это правда!

— Можно, вѣдь, бабушка, погибнуть и по чужой винѣ; возражалъ Райскій, желая прослѣдить за развитіемъ ея житейскихъ понятій: есть между людей вражда, страсти. Чѣмъ виноватъ человѣкъ, когда ему подставляютъ ногу, опутываютъ его интригой, крадутъ, убиваютъ.... Мало ли что!

— Виноватъ, виноватъ! рѣшала она, не слушая аппеляціи. — Ужъ если кто несчастенъ, погибаетъ, свихнулся, впалъ въ нищету, въ крайность, какъ-нибудь обиженъ, опороченъ, и поправиться не можетъ, значитъ самъ виноватъ. Какой-нибудь грѣхъ, да былъ за нимъ, или есть: если не порокъ, такъ тяжкая ошибка! «Вражда, страсти!» все одинъ и тотъ же врагъ стережетъ насъ всѣхъ... Богъ накажетъ иногда, да и проститъ, коли человѣкъ смирится и опять пойдетъ по хорошему пути. А кто все спотыкается, падаетъ и лежитъ въ грязи, значитъ, не прощенъ, а не прощенъ потому, что не одолѣетъ себя, не сладитъ съ виномъ, съ картами, или укралъ, да не отдаетъ краденаго, или гордъ, обидчикъ, золъ не въ мѣру, грязенъ, обманщикъ, предатель.... Мало ли зла: что-нибудь да есть! А хочетъ, такъ выползетъ опять на дорогу. А если просто слабъ, силенки нѣтъ, значитъ, вѣры нѣтъ, когда

есть вѣра, есть и сила. Да, да, ужъ это такъ, не говори, не говори, смѣйся, а молчи! прибавила она, замѣтивъ, что онъ хочетъ возразить. — Статочное ли это дѣло, чтобъ человѣкъ такъ пропалъ, изъ-за другихъ, потому что захотѣли погубить? Не зѣвай, смотри за собой, упалъ, такъ вставай на ноги, да смотри, нѣтъ ли лукавства за самимъ. А нѣтъ, такъ помолись — и поправишься. Вонъ Алексѣя Петровича три губернатора гнали, имѣнье было въ опекѣ, дошло до того, что никто взаймы не давалъ, хоть по-міру ступай: а теперь выждалъ, вытерпѣлъ, раскаялся — какіе были грѣхи — и вышелъ въ люди....

— Ну, хорошо, бабушка: а помните, былъ какой-то буянъ, полиціймейстеръ, или исправникъ: у васъ крышу велѣлъ разломать, постой вамъ поставилъ противъ правилъ, заборъ сломалъ, и чего-чего не дѣлалъ!

— Да, правда: онъ злой, негодный человѣкъ, врагъ мой былъ, не любила я его! Чѣмъ же кончилось: пріѣхалъ новый губернаторъ, узналъ всѣ его плутни и прогналъ: онъ смотался, спился, своя же крѣпостная дѣвка завладѣла имъ—и пикнуть не смѣлъ. Умеръ—никто и не пожалѣлъ!

— Ну, вотъ видите! что же вы сдѣлали: вы ли виноваты?

— Я! сказала бабушка, я наказана не даромъ. Даромъ судьба не наказываетъ...

— Въ самомъ дѣлѣ! что же такое?

— Чтó! повторила она: молодъ ты, чтобъ знать бабушкины проступки. Ужъ такъ и быть, изволь, скажу: тогда откупа пошли, а я вздумала велѣть пиво варить для людей, водку гнали дома, немного, для гостей и для дворни, а все же запрещено было; мостовъ не чинила... Отъ меня взятки-то гладки, онъ и озлобился; видишь! Ужъ коли кто несчастливъ, такъ значитъ, по дѣломъ. Проси скорѣе прощенія, а то пропадешь, пойдетъ все дальше хуже.... и....

— И потомъ «красный носъ, растрескавшіяся губы, одна нога въ туфлѣ, другая въ калошѣ!» договорилъ Райскій, смѣясь. Ахъ, бабушка, чего я не захочу, чтó принудитъ меня? или если скажу себѣ, что непремѣнно поступлю такъ, вооружусь волей....

— Никогда не говори: «непремѣнно», живо перебила Татьяна Марковна—Боже сохрани!

— Отъ чего же? вотъ еще новости! сказалъ Райскій.—Марѳинька! я непремѣнно сдѣлаю твой портретъ, непремѣнно напишу романъ, непремѣнно познакомлюсь съ Маркушкой, непремѣнно проживу лѣто съ вами и непремѣнно воспитаю васъ всѣхъ трехъ, бабушку тебя и.... Вѣрочку.

Марѳинька засмѣялась, а Татьяна Марковна посмотрѣла на него черезъ очки.

— Ты никакъ съ ума сошелъ; поучись-ка у бабушки жить. Самонадѣянъ очень. Дастъ тебѣ когда-нибудь судьба за это «непремѣнно». Не говори этого! А прибавляй всегда: «хотѣлось бы», «Богъ дастъ, будемъ живы да здоровы»... А то судьба накажетъ за самонадѣянность: никогда не выйдетъ по твоему....

— У васъ, бабушка, о судьбѣ такое же понятіе, какъ у древняго грека о фатумѣ: какъ о личности какой-нибудь, какъ будто воплощенная судьба тутъ стоитъ да слушаетъ...

— Да, да — говорила бабушка, какъ будто озираясь: кто-то стоитъ да слушаетъ. Ты только не остерегись, забудь, что можно упасть—и упадешь. Понадѣйся безъ оглядки, судьба и обманетъ, вырветъ изъ рукъ, къ чему протягивалъ ихъ! Гдѣ меньше всего ждешь, тутъ и оплеуха...

— Ну, когда же счастье? ужели все оплеухи?

— Нѣтъ не все: когда ждешь скромно, сомнѣваешься, не забываешься: оно и упадетъ. Пуще всего не задирай головы и не подымай носа, побаивайся: ну, и дастся. Судьба любитъ осторожность, отъ того и говорятъ: «береженаго Богъ бережетъ». И тутъ не пересаливай: кто слишкомъ трусливо пятится, она тоже не любитъ, и подстережетъ. Кто воды боится, весь вѣкъ бѣгаетъ рѣки, въ лодку не сядетъ, судьба подкараулитъ: когда-нибудь да сядетъ, тутъ и бултыхнется въ воду.

Райскій засмѣялся.

— О, судьба-проказница! продолжала она.—Когда ищешь въ кошелькѣ гривенника, попадаютъ все двугривенные, а гривенникъ послѣ всѣхъ придетъ; ждешь кого-нибудь: приходятъ да не тѣ, кого ждешь, а дверь, какъ на смѣхъ, хлопаетъ да хлопаетъ, а кровь у тебя кипитъ да кипитъ. Пропадетъ вещь: весь домъ перероешь, а она у тебя подъ носомъ—вотъ что!

— Какое рабство! сказалъ Райскій.—И такъ всю жизнь прожить, растеряться въ мелочахъ! За чѣмъ же, для какой цѣли эти штуки, бабушка, дѣлаетъ кто-то, по вашему мнѣнію, съ умысломъ? Нѣтъ, я отчаяваюсь воспитать васъ... Вы испорчены!

— Для какой цѣли? повторила она: а для такой, чтобъ человѣкъ не засыпалъ и не забывался, а помнилъ, что надъ нимъ кто-нибудь да есть; чтобы онъ шевелился, оглядывался, думалъ, да заботился. Судьба учитъ его терпѣнію, дѣлаетъ ему характеръ, чтобъ поворачивался живо, оглядывался на все зоркимъ глазомъ, не лежалъ на боку и дѣлалъ, что̀ каждому предопредѣлилъ Господь...

— То-есть, вы думаете, что къ человѣку приставленъ какой-то невидимый квартальный надзиратель, чтобъ будить его?

— Шути, шути, а шутя правду сказалъ, замѣтила бабушка.

— Какъ жизнь-то эластична! задумчиво сказалъ Райскій.

— Что?

— Я думаю — говорилъ онъ, не то Мареинькѣ, не то про себя—во что хочешь вѣруй: въ религію, въ математику, или въ философію, жизнь поддается всему. Ты, Мареинька, гдѣ училась?

— Въ пансіонѣ у M-me Meyer.

— По тысячѣ двѣсти рублей ассигнаціями платили за каждую—сказала бабушка: обѣ пять лѣтъ были тамъ.

— Ты помнишь Птоломееву систему міра?

— Птоломей... вѣдь это царь былъ... сказала Мареинька, немного покраснѣвъ отъ того, что не помнила никакой системы.

— Да, царь и ученый: ты знаешь, что прежде въ центрѣ міра полагали землю и все обращалось вокругъ нея, потомъ Галилей, Коперникъ нашли, что все обращается вокругъ солнца, а теперь открыли, что и солнце обращается вокругъ другого солнца. Проходили вѣка — и явленія физическаго міра поддавались всякой изъ этихъ теорій. Такъ и жизнь: подводили ее подъ фатумъ, потомъ подъ разумъ, подъ случай—подходитъ ко всему. У бабушки есть какой-то домовой....

— Не домовой, а Богъ и судьба, сказала она.

— Слѣдовательно двое, и вотъ шестьдесятъ лѣтъ, со всѣми маленькими явленіями, улеглись въ эту теорію. И какъ ловко пришлось! А тутъ мучаешься, бьешься.... изъ чего?

Онъ мысленно проводилъ параллель между собой и бабушкой.

«Я бьюсь, размышлялъ онъ, чтобы быть гуманнымъ и добрымъ: бабушка не подумала объ этомъ никогда, а гуманна и добра.

«Я недовѣрчивъ, холоденъ къ людямъ и горячъ только къ созданіямъ своей фантазіи, бабушка горяча къ ближнему и вѣритъ во все. Я вижу гдѣ обманъ, знаю, что все—иллюзія, и не могу ни къ чему привязаться, не нахожу ни въ чемъ примиренія: бабушка не подозрѣваетъ обмана ни въ чемъ и ни въ комъ, кромѣ купцовъ, и любовь ея, снисхожденіе, доброта покоятся на тепломъ довѣріи къ добру и людямъ, а если я... бываю снисходителенъ, такъ это изъ холоднаго сознанія принципа, у бабушки принципъ весь въ чувствѣ, въ симпатіи, въ ея натурѣ. Я ничего не дѣлаю, она весь вѣкъ трудится...»

XI.

Онъ задумался, и отъ бабушки перенесъ глаза на Марѳиньку и съ нѣжностью остановилъ ихъ на ней. «А что: думалось ему, не увѣровать-ли и мнѣ въ бабушкину судьбу, (здѣсь всему вѣрится) и не смириться-ли, не склонить-ли голову подъ иго этого кроткаго быта, не стать-ли героемъ тихаго романа? «Судьба» пошлетъ и мнѣ долю, «удачу, счастье». Право, не жениться-ли?... Онъ потянулся и зѣвнулъ, глядя на Марѳиньку, любуясь нѣжной бѣлизной ея лба, мягкостью и здоровымъ цвѣтомъ щекъ и рукъ. Какъ онъ ни разглядывалъ ее, какъ ни пыталъ, съ какой стороны ни заходилъ, а все видѣлъ пока только, что Марѳинька была свѣжая, бѣлокурая, здоровая, склонная къ полнотѣ дѣвушка, живая и веселая. Она прилежна, любитъ шить, рисуетъ. Если сядетъ за шитье, то углубится серьезно и молча, долго можетъ просидѣть, сядетъ за фортепіано, непремѣнно проиграетъ все до конца, что̀ предположитъ; книгу прочтетъ всю и долго разсказываетъ о томъ, что̀ читала, если ей понравится. Поётъ, ходитъ за цвѣтами, за птичками, любитъ домашнія заботы, охотница до лакомствъ. У ней есть шкапикъ, гдѣ всегда спрятанъ изюмъ, черносливъ, конфекты. Она разливаетъ чай, и вообще присматриваетъ за хозяйствомъ. Она любитъ воздухъ; ей нужды нѣтъ загорѣть: она любитъ, какъ ящерица, зной. Желанія у ней вращаются въ кругу ея быта: она любитъ, чтобы святая недѣля была сухая, любитъ святки, сильный морозъ, чтобы сани скрипѣли и за носъ щипало. Любитъ катанье и танцы, толпу, праздники, пріѣздъ гостей и выѣзды съ визитами — до страсти. Охотница до нарядовъ, украшеній, мелкихъ бездѣлокъ на столѣ, на этажеркахъ. Но не смотря на страсть къ танцамъ, ждетъ съ нетерпѣніемъ лѣта, поры плодовъ, любитъ, чтобы много вишень уродилось и арбузы вышли большіе, а яблоковъ народилось бы столько, какъ ни у кого въ садахъ.

Марѳиньку всегда слышно и видно въ домѣ. Она то смѣется, то говоритъ громко. Голосъ у ней пріятный, грудной, звонкій, въ саду слышно, какъ она пѣсенку поетъ на верху, а черезъ минуту слышишь ужъ ея говоръ на другомъ концѣ двора, или раздается смѣхъ по всему саду.

Еще въ дѣтствѣ, бывало, узнаетъ она, что у мужика пала корова или лошадь, она влѣзетъ на колѣни къ бабушкѣ и выпроситъ лошадь и корову. Изба ветха, или строеніе на дворѣ, она попроситъ лѣску. Умеръ у бабы сынъ, мать отстала отъ работы, сидѣла въ углу какъ убитая, Мар-

ѳинька каждый день ходила къ ней и сидѣла часа по два, глядя на нее, и приходила домой съ распухшими отъ слезъ глазами. Коли мужикъ заболѣвалъ трудно, она приласкается къ Ивану Богдановичу, лекарю, и сама вскочитъ къ нему на дрожки и повезетъ въ деревню. То и дѣло проситъ у бабушки чего-нибудь: холста, коленкору, сахару, чаю, мыла. Дѣвкамъ даетъ старыя платья, велитъ держать себя чисто. Къ слѣпому старику носитъ чего-нибудь лакомаго поѣсть, или дастъ немного денегъ. Знаетъ всѣхъ бабъ, даже ребятишекъ по именамъ, послѣднимъ покупаетъ башмаки, шьетъ рубашонки и креститъ почти всѣхъ новорожденныхъ. Если случится свадьба, Марѳинька не знаетъ предѣла щедрости: съ трудомъ ее ограничиваетъ бабушка. Она даетъ бѣлье, обувь, придумаетъ какой-нибудь затѣйливый сарафанъ, истратитъ всѣ свои карманныя деньги и долго послѣ того экономничаетъ. Только пьяницъ, какъ бабушка же, не любила, и однажды даже замахнулась зонтикомъ на мужика, когда онъ, пьяный, хотѣлъ ударить при ней жену. Когда идетъ по деревнѣ, дѣти отъ нея безъ ума: они, завидя ее, бѣгутъ къ ней толпой, она раздаетъ имъ пряники, орѣхи, иного приведетъ къ себѣ, умоетъ, возится съ ними. Всѣ собаки въ деревнѣ знаютъ и любятъ ее; у ней есть любимыя коровы и овцы.

Она никогда не задумывалась, а смотрѣла на все бодро, зорко.

Когда не было никого въ комнатѣ, ей становилось скучно, и она шла туда, гдѣ кто-нибудь есть. Если разговоръ на минуту смолкнетъ, ей ужъ не ловко станетъ, она зѣвнетъ и уйдетъ, или сама заговоритъ. Въ будни она ходила въ простомъ шерстяномъ или холстинковомъ платьѣ, въ простыхъ воротничкахъ, а въ воскресенье непремѣнно нарядится, зимой въ шерстяное или шелковое, лѣтомъ въ кисейное платье, и держитъ себя немного важнѣе, особенно до обѣдни, не сядетъ гдѣ попало, не примется ни за домашнее дѣло, ни за рисованіе, развѣ послѣ обѣдни поиграетъ на фортепіано. «Счастливое дитя! думалъ Райскій, любуясь ею: проснешься-ли ты, или проиграешь и пропоешь жизнь подъ защитой бабушкиной «судьбы»? Попробовать разбудить этотъ сонъ.... что будетъ»?

— Пойдемъ Марѳинька гулять, сказалъ онъ однажды вскорѣ послѣ пріѣзда. — Покажи мнѣ свою комнату и комнату Вѣрочки, потомъ хозяйство, познакомь съ дворней. Я еще не оглядѣлся.

Онъ ничѣмъ не могъ сдѣлать ей больше удовольствія. Она весело побѣжала впередъ, отворяя ему двери, обращая его вниманіе на каждую мелочь, болтая, прыгая, напѣвая.

Въ ея комнатѣ было все уютно, миніатюрно и весело. Цвѣты на окнахъ, птицы, маленькій кіотъ надъ постелью,

множество разныхъ коробочекъ, ларчиковъ, гдѣ напрятано было всякаго добра, лоскутковъ, нитокъ, шелковъ, вышиванья (она славно шила шелкомъ и шерстью по канвѣ). Въ ящикахъ лежали ладонки, двойныя сросшіеся орѣшки, восковые огарочки, въ папкахъ насушено было множество цвѣтовъ, на окнахъ лежали найденные на Волгѣ въ пескѣ цвѣтные камешки, раковинки. Стѣну занималъ большой шкафъ съ платьями — и все въ порядкѣ, все чисто прибрано, уложено, завѣшено. Постель была маленькая, но заваленная подушками, съ узорчатымъ шелковымъ на ватѣ одѣяломъ, обшитымъ кисейной бахрамой. По стѣнамъ висѣли англійскія и французскія гравюры, взятыя изъ стараго дома и изображающія семейныя сцены: то старика, уснувшаго у камина и старушку читающую библію, то мать и кучу дѣтей около стола, то снимки съ Теньеровскихъ картинъ, наконецъ голову собаки и множество вырѣзанныхъ изъ книжекъ картинъ съ животными, даже нѣсколько картинокъ модъ.

Она отворила шкапъ, откуда пахнуло запахомъ сластей.

— Не хотите ли миндалю? спросила она.

— Нѣтъ, не хочу.

— Ну, изюму? это кишмишь, мелкій, сладкій такой. — Она разгрызла орѣхъ и взяла въ ротъ двѣ изюминки.

— Пойдемъ въ комнату Вѣры: я хочу видѣть! сказалъ Райскій.

— Надо сходить за ключомъ отъ стараго дома: Райскій подождалъ на дворѣ. Яковъ принесъ ключъ, и Марѳинька съ братомъ поднялись на лѣстницу, прошли большую переднюю, корридоръ, взошли во второй этажъ и остановились у двери комнаты Вѣры.

Райскій уже нарисовалъ себѣ мысленно эту комнату: представилъ себѣ мебель, убранство, гравюры, мелочи, почему-то все не такъ, какъ у Марѳиньки, а иначе.

Онъ съ любопытствомъ переступилъ порогъ, оглядѣлъ комнату и — обманулся въ ожиданіи: тамъ ничего не было! «Вотъ бабушка сказала бы, что судьба подшутила: ожидаешь одного, не оглянешься, не усумнишься, забудешься—и обманетъ». Простая кровать съ большимъ занавѣсомъ, тонкое бумажное одѣяло и одна подушка. Потомъ диванъ, коверъ на полу, круглый столъ передъ диваномъ, другой маленькій письменный у окна, покрытый клеенкой, на которомъ однакоже не было признаковъ письма, небольшое старинное зеркало и простой шкафъ съ платьями. И все тутъ. Ни гравюры, ни книги, никакой мелочи, почему бы можно было узнать вкусъ и склонности хозяйки.

— Гдѣ же у ней все? спросилъ Райскій.

— У ней ничего нѣтъ.

— Какъ ничего? гдѣ чернильница, бумаги?..

— Это все въ столѣ — и ключъ у ней.

Райскій подошелъ сначала къ одному, потомъ къ другому окну. Изъ оконъ открывались виды на поля и деревню съ одной стороны, на садъ, обрывъ и новый домъ съ другой.

— Пойдемте, братецъ, отсюда: здѣсь пустотой пахнетъ, сказала Мареинька: какъ ей не страшно одной: я бы умерла! А она еще не любитъ, когда къ ней сюда придешь. Безстрашная такая! пожалуй, на кладбище одна ночью пойдетъ, вонъ туда: видите? — Она указала ему изъ окна на кучку крестовъ, сжавшихся тѣсно на холмѣ, поодаль отъ крестьянскихъ дворовъ.

— А ты не ходишь? спросилъ онъ.

— Я днемъ хожу туда, и то съ Агафьей, или мальчишку изъ деревни возьму. А то такъ на похороны, если мужичокъ умретъ. У насъ, слава Богу, рѣдко мрутъ.

Райскій опять поглядѣлъ на пустую комнату и старался припомнить черты маленькой Вѣрочки и припоминалъ только тоненькую, черненькую дѣвочку, съ темнокарими глазками, съ бѣленькими зубками, и часто съ замаранными ручонками. «Какая же она теперь? «Хорошенькая», говоритъ Мареинька и бабушка тоже: «увидимъ!» думалъ онъ, а теперь пока шелъ слѣдомъ за Мареинькой.

XII.

Они вышли на другой дворъ, гдѣ были разныя службы, кладовыя, людскія, погреба и конюшни. На дворѣ все суетилось, въ кухнѣ трещалъ огонь, въ людской обѣдали люди, въ сараѣ Тарасъ возился что-то около экипажей, Прохоръ велъ поить лошадей. За столомъ въ людской слышался разговоръ. До Райскаго и Мареиньки долеталъ грубый говоръ, грубый смѣхъ, смѣшанные голоса, внезапно пріутихшіе, какъ скоро люди изъ оконъ замѣтили барина и барышню.

Однако до нихъ успѣлъ долетѣть маленькій отрывокъ изъ дружелюбной бесѣды.

— А что, Мотька: вѣдь ты скоро умрешь, говорилъ, не то Егорка, не то Васька.

— Полно тебѣ, не грѣши! унималъ его задумчивый и набожный Яковъ.

— Право, ребята, помяните мое слово, продолжалъ первый голосъ: у кого грудь ввалилась, волосы изъ дымчатыхъ сдѣлались красными, глаза ушли въ лобъ,—тотъ безпремѣнно умретъ...

Прощай, Мотинька: мы тебѣ гробокъ сколотимъ, да полѣнцо въ голову положимъ...

— Нѣтъ, погоди: я тебя еще вздую... отозвался голосъ, должно быть Мотьки.

— На ладонъ дышешь, а задоришься! Поцѣлуйте его, Матрена Ѳадеевна: вонъ онъ какой красавецъ: лучше покойника не найдешь... И пятна желтыя на щекахъ: прощай Мотя...

— Полно Бога гнѣвить! строго унималъ Яковъ.

Дѣвки тоже вступились за больного и напали на озорника.

Вдругъ этотъ разговоръ нарушенъ былъ чьимъ-то воплемъ съ другой стороны. Изъ дверей другой людской вырвалась Марина и быстро, почти не перебирая ногами, промчалась черезъ дворъ. За ней вслѣдъ вылетѣло полѣно, очевидно направленное въ нее, но, благодаря ея увертливости, пролетѣвшее мимо. У ней однакожъ были растрепаны волосы, въ рукѣ она держала гребенку и выла.

— Чтò такое? не успѣлъ спросить Райскій, какъ она очутилась возлѣ нихъ. «Что это, баринъ!» вопила она съ плачущимъ, искаженнымъ лицомъ, остановясь передъ нимъ и указывая на дверь, изъ которой выбѣжала. «Чтò это такое, барышня! обратилась она увидѣвши Марѳиньку, житья нѣтъ!» Тутъ же, увидѣвъ выглядывавшія на нее изъ кухни лица дворни, она вдругъ сквозь слезы засмѣялась и показала рядъ бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ, потомъ опять быстро смѣхъ смѣнился плачущей миной. «Я къ барынѣ пойду: онъ убьетъ меня!»—говорила она и пронеслась въ домъ.

— Что такое? спрашивалъ Райскій у людей. Егорка скалилъ зубы, у иныхъ женщинъ былъ тоже смѣхъ на лицѣ, прочія опустили головы и молчали. — Что такое? повторилъ Райскій обращаясь къ Марѳинькѣ. Изъ дома слышались жалобы Марины, нарушаемыя выговорами Татьяны Марковны.

Райскій вошелъ въ комнату.

— Вотъ посмотри, каково ее опять мужъ отдѣлалъ! обратилась бабушка къ Райскому. — А за дѣло, негодяйка, за дѣло!

— Понапрасну, барыня, все попапрасну. Пёсъ его знаетъ, что померещилось ему, чтобъ сгинуть ему, проклятому! Я ходила въ кусты, сучьевъ наломать, тутъ встрѣтился графскій садовникъ — дай, говоритъ — я тебѣ помогу, и дотащилъ сучья до калитки, а Савелій выдумалъ...

— Врешь, врешь, негодяйка! строго говорила барыня: не даромъ, не даромъ!

— Вотъ сквозь землю провалиться. Дай Богъ до утра не дожить...

— Перестань клясться! На той недѣлѣ ты выпросилась ко всенощной, а тебя видѣли въ слободкѣ съ фельдшеромъ...

— Не я, барыня, дай Богъ околѣть мнѣ на этомъ мѣстѣ...

— Какъ же Яковъ тебя видѣлъ, онъ лгать не станетъ.

— Не я, барыня, должно быть, чортъ былъ во образѣ моемъ...

— Прочь съ глазъ моихъ! Позвать ко мнѣ Савелья! заключила бабушка.

— Борисъ Павлычъ, ты баринъ, разбери ихъ!

— Я ничего не понимаю!—сказалъ онъ. Савелій встрѣтился съ Мариной на дворѣ. До ушей Райскаго долетѣлъ звукъ глухого удара, какъ будто кулакомъ по спинѣ, или по шеѣ, потомъ опять визгъ, плачъ.

Марина рванулась, быстро опять пробѣжала черезъ дворъ и скрылась въ людскую, гдѣ ее встрѣтилъ хохотъ, на который и она, отирая передникомъ слезы и втыкая гребень въ растрепанные волосы, отвѣчала хохотомъ же. Потомъ опять боль напомнила о себѣ. «Дьяволъ, лѣшій, чтобъ ему издохнуть!»—говорила она, то плача, то отвѣчая на злой хохотъ дворни хохотомъ.

Савелій, съ опущенными глазами, неловко и тяжело переступилъ порогъ комнаты и сталъ въ углу.

— Что это ты не уймешься, Савелій? начала бабушка выговаривать ему.—Долго ли до грѣха? вѣдь ты такъ когда нибудь ударишь, что и духъ вонъ, а проку все не будетъ.

— Собакѣ собачья и смерть! мрачно проговорилъ Савелій, глядя въ землю. На лбу у него собрались крупныя складки; онъ былъ блѣденъ.

— Ну, какъ хочешь, а я держать тебя не стану, я не хочу уголовнаго дѣла въ домѣ. Шутка ли, чтò попадется подъ руку, съ плеча и бьетъ! Вѣдь я говорила тебѣ: не женись, а ты все свое, не послушалъ — и вотъ!

— Это точно что... проговорилъ онъ тихо, опуская голову.

— Это въ послѣдній разъ, замѣтила бабушка.—Если еще разъ случится, я ее отправлю въ Новоселово.

— Что жъ съ ней дѣлать? тихо спросилъ Савелій.

— А что ты сдѣлаешь дракой? Уймется что ли она?

— Все-таки... острастка... сказалъ Савелій, глядя въ землю.

— Ступай, да чтобъ этого не было, слышишь?

Онъ медленно взглянулъ изъ-подлобья, сначала на барыню, потомъ на Райскаго, и медленно обернувшись, задумчиво прошелъ дворъ, отворилъ дверь и бокомъ перешагнулъ порогъ своей комнаты. А Егорка, пока Савелій шелъ по двору, скаля зубы, показывалъ на него сзади пальцемъ дворнѣ и толкалъ Марину къ окну, чтобы она взглянула на своего супруга. «Отстань

ты, чортъ этакой!» И она съ досадой замахнулась на него, потомъ широко улыбнулась, показывая зубы.

— Что это такое, бабушка? спросилъ Райскій.

Бабушка объяснила ему это явленіе. Въ дворню изъ деревни была взята Марина дѣвчонкой шестнадцати лѣтъ. Проворствомъ и способностями она превзошла всѣхъ и каждаго и превзошла ожиданія бабушки. Не было дѣла, котораго бы она не разумѣла; гдѣ другому надо часъ, ей не нужно и пяти минутъ. Другой только еще выслушаетъ приказаніе, почешетъ голову, спину, а она ужъ на другомъ концѣ двора, ужъ сдѣлала дѣло, и всегда отлично, и воротилась. Позовутъ ли ее одѣть барышень, гладить, сбѣгать куда нибудь, убрать, приготовить, купить, на кухнѣ ли помочь: въ нее всю какъ будто вложена какая-то молнія, рукамъ дана цѣпкость, глазу вѣрность. Она все замѣтитъ, угадаетъ, сообразитъ и сдѣлаетъ — въ одну и ту же минуту. Она вѣчно двигалась, дѣлала что-нибудь, и когда остановится безъ дѣла, то руки хранятъ пріемъ, по которому видно, что она только-что дѣлала что-нибудь или собирается дѣлать. И чиста она была на руку: ничего не стащитъ, не спрячетъ, не присвоитъ, не корыстна и не жадна: не съѣстъ тихонько. Даже немного ѣла, все на ходу; моетъ посуду и съѣстъ что-нибудь съ собранныхъ съ господскаго стола тарелокъ, какой нибудь огурецъ, или хлебнетъ стоя щей ложки двѣ, отщипнетъ кусочекъ хлѣба и ужъ опять бѣжитъ.

Татьяна Марковна не знала ей цѣны и сначала взяла ее въ комнаты, потомъ, по просьбѣ Вѣрочки, отдала ей въ горничныя. Въ этомъ званіи Маринѣ мало было дѣла, и она продолжала дѣлать все и за всѣхъ въ домѣ. Вѣрочка какъ-то полюбила ее, и она полюбила Вѣрочку и умѣла угадывать по глазамъ, что ей нужно, что нравилось, что нѣтъ.

Но... но... не смотря на все это, бабушка разжаловала ее изъ камерфрейлинъ въ дворовыя дѣвки, потомъ обрекла на черную работу, мыть посуду, бѣлье, полы и т. п. Только ради ея проворства и способностей, она оставлена была при старомъ домѣ и продолжала пользоваться довѣренностью Вѣры, и та употребляла ее по своимъ особымъ порученіямъ.

Марина потеряла милости барыни за то, что познала «любовь и ея тревоги», въ лицѣ Никиты, потомъ Петра, потомъ Терентья, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Не было лакея въ дворнѣ, виднаго парня въ деревнѣ, на которомъ бы она не остановила благосклоннаго взгляда. Границъ и предѣловъ ея любвямъ не было. Будь она въ Москвѣ, въ Петербургѣ, или другомъ городѣ и положеніи, — тамъ опасеніе, страхъ лишиться хлѣба, мѣста,

положили бы какую-нибудь узду на ея склонности. Но въ ея обезпеченномъ состояніи крѣпостной дворовой дѣвки, узды не существовало. Ее не прогонятъ, куска хлѣба не лишатъ, а къ стыду можно притерпѣться, какъ скоро однажды навсегда узнаетъ все тѣсный кружокъ лицъ, съ которыми она болѣе или менѣе состояла въ родствѣ, кумовствѣ, или нѣжныхъ отношеніяхъ.

Марина была, не то что хороша собой, а было въ ней что-то втягивающее, раздражающее, нельзя назвать, что̀ именно, что̀ привлекало къ ней многочисленныхъ поклонниковъ: не то скользящій быстро по предметамъ, ни на чемъ не останавливающійся взглядъ этихъ, изъ желта-сѣрыхъ, лукавыхъ и безстыжихъ глазъ, не то какая-то нервная дрожь плечъ и бедръ, и подвижность, игра во всей фигурѣ, въ щекахъ, въ губахъ, въ рукахъ, легкій, будто летучій шагъ, широкая ли, внезапно все лицо и рядъ бѣлыхъ зубовъ освѣщавшая улыбка, какъ будто къ нему вдругъ поднесутъ въ темнотѣ фонарь, также внезапно пропадающая и уступающая мѣсто слезамъ, даже, когда нужно, воплямъ—Богъ знаетъ что̀! Только кто съ ней поговоритъ, поглядитъ на нее, а она на него, даже кто просто встрѣтитъ ее, тотъ поворотитъ съ своей дороги и пойдетъ за ней. Она даже не радѣла слишкомъ о своемъ туалетѣ, особенно, когда разжаловали ее въ чернорабочія: платье на ней толстое, рукава засучены, шея и руки по локоть грубы отъ загара и отъ работы; но сейчасъ же, за чертой загара, начиналась бѣлая, мягкая кожа. Сложена она была хорошо: талія ея, безъ корсета и кринолина, тонко и стройно покачивалась надъ грязной юбкой, когда она неслась по двору будто летѣла.

Съ Савельемъ случилось тоже, что съ другими: т. е. онъ поглядѣлъ на нее раза два изъ-подлобья, и хотя былъ не красивъ, но удостоился ея благосклоннаго вниманія, ни болѣе ни менѣе, какъ прочіе. Потомъ пошелъ къ барынѣ просить позволенія жениться на Маринѣ. «Ты съума сошелъ», въ изумленіи сказала Татьяна Марковна. «Я выкупъ дамъ», произнесъ въ отвѣтъ на это Савелій.—«Не надо мнѣ выкупа, а ты знаешь ее, какъ же ты будешь жить?»—«Это мое дѣло» промолвилъ Савелій. Бережкова дала ему сроку двѣ недѣли, и черезъ двѣ недѣли ровно онъ пришелъ въ комнаты и сталъ въ углу. «Что ты?»—«Позвольте повѣнчаться», былъ отвѣтъ. «Да вѣдь она не уймется!»—«Уймется, не будетъ!»—«Ну, смотри, пеняй на себя! Я напишу къ Борису Павловичу, Марина не моя, а его—какъ онъ хочетъ.» Бабушка написала, Райскій ничего не отвѣчалъ, и Савелій женился.

Марина не думала мѣняться, и о супружествѣ имѣла темное понятіе. Не прошло двухъ недѣль, какъ Савелій засталъ у себя въ

гостяхъ гарнизоннаго унтеръ-офицера, который быстро ускользнулъ изъ дверей и перелѣзъ черезъ заборъ. Савелій поблѣднѣлъ и вопросительно взглянулъ на жену: та истощила весь запасъ клятвъ, ничего не помогло. Онъ подумалъ немного, потупившись, крупныя складки показались у него на лбу, потомъ заперъ дверь, медленно засучилъ рукава, и взявъ старую вожжу, изъ висѣвшихъ на гвоздѣ, началъ отвѣшивать медленные, но тяжелые удары по чему ни попало. Марина выказала всю данную ей природой ловкость, извиваясь какъ змѣя, бросаясь изъ угла въ уголъ, прыгая на лавки, на столы, металась къ окнамъ, на печь, даже пробовала въ печь: вожжа слѣдовала за ней и доставала ее повсюду, пока, наконецъ, Марина не попала случайно на дверь. Она откинула крючекъ съ петли, и избитая, растрепанная, съ плачемъ и воплемъ, вырвалась на дворъ. Дворня съ ужасомъ внимала этому истязанію, вопли дошли до слуха барыни. Она съ тревогой вышла на балконъ: тутъ жертва супружескаго гнѣва предстала передъ ней съ тѣми же воплями, жалобами и клятвами, какихъ былъ свидѣтелемъ Райскій. Но этотъ урокъ не повелъ ни къ чему. Марина была все таже, опять претерпѣвала истязаніе и бѣжала къ барынѣ, или ускользала отъ мужа и пряталась дня три на чердакахъ, по сараямъ, пока не проходилъ срокъ, и съ нимъ его гнѣвъ. Она была живуча, какъ кошка, и быстро оправлялась отъ побоевъ, сама дружно и безстыдно раздѣляла смѣхъ дворни надъ ревностью мужа, надъ его стараніями исправить ее, и даже надъ побоями.

Но Савелій мѣнялся, онъ сталъ худѣть, рѣже показывался въ людской, среди дворни, и сильно задумывался. На жену онъ и прежде смотрѣлъ изъ-подлобья, а потомъ почти вовсе не глядѣлъ, но всегда зналъ, въ какую минуту гдѣ она, что́ дѣлаетъ. Этому она сама надивиться не могла: ужъ она ли не проворна, она-ли не мастерица скользнуть какъ тѣнь изъ одной двери въ другую, изъ переулка въ слободку, изъ сада въ лѣсъ— нѣтъ, увидитъ, узнаетъ, точно чутьемъ, и явится, какъ тутъ, и почти всегда съ вожжей! Это составляло зрѣлище, потѣху дворни.

Савелій падалъ духомъ, молился Богу, сидѣлъ молча, какъ бирюкъ, у себя въ клѣтушкѣ, тяжело покрякивая. Между тѣмъ онъ же впадалъ въ странное противорѣчіе: на ярмаркѣ онъ всѣ деньги истратитъ на жену, купитъ ей платье, платковъ, башмаковъ, серьги какія-нибудь. На святую недѣлю, молча, поведетъ ее подъ качели и столько накупитъ, и молча же, насуетъ ей въ руки орѣховъ, пряниковъ, черныхъ стручьевъ, моченыхъ грушъ, что она употчуетъ всю дворню.

— Чтó ты скажешь? спросила Татьяна Марковна, сообщивъ всѣ эти подробности внуку.

— Это прелесть! сказалъ онъ. — Это цѣлая драма! — И сейчасъ въ головѣ у него быстро возникъ очеркъ народной драмы. Какъ этотъ угрюмый, сосредоточенный характеръ мужика могъ сложиться въ цѣльную, оригинальную и сильную фигуру? Какъ не опошлился онъ среди всякой мелочи? Какъ устояла страсть среди этого омута разврата? Онъ надивиться не могъ и далъ себѣ слово глубже вникнуть въ источникъ этого характера. И Марина улыбалась ему въ художественномъ очеркѣ. Онъ видѣлъ въ ней не просто распущенную дворовую женщину, въ родѣ горькихъ, безнадежныхъ пьяницъ между мужчинами, а безкорыстную жрицу культа, «матерь наслажденій»...

— Что же съ ними дѣлать? спросила бабушка: надумался-ли ты? — Не сослать ли ихъ?..

— Ахъ, нѣтъ, не трогайте, не мѣшайте! съ испугомъ вступился онъ.—Вы мнѣ испортите эту живую, натуральную драму...

— Ну, скажите на милость! не трогать! Онъ убьетъ ее.

— Такъ что-же! — У насъ нѣтъ жизни, нѣтъ драмъ вовсе: убиваютъ въ дракѣ, пьяные, какъ дикари! А тутъ, въ кои-то вѣки завязался настоящій человѣческій интересъ, сложился въ драму, а вы — мѣшать!... Оставьте, ради Бога! Посмотримъ, чѣмъ это разрѣшится... кровью, или...

— Вотъ чтó я сдѣлаю, сказала Татьяна Марковна: попрошу священника, чтобъ онъ поговорилъ съ Савельемъ: да кстати, Борюшка, и тебя надо отчитать. Радуется, что бѣда надъ головой!

— Скажите, бабушка: Марина одна такая у насъ, или....

Бабушка сердито махнула рукой на дворню.

— Всѣ въ родствѣ! съ омерзѣніемъ сказала она: Матрешка неразлучна съ Егоркой, Машка, помнишь, за дѣтьми ходила дѣвчонка? у Прохора въ сараѣ живмя живетъ. Акулина съ Никиткой, Танька съ Васькой... Только Василиса да Яковъ и есть порядочные! Но тѣ всѣ прячутся, стыдъ еще есть: а Марина!...

Она плюнула, а Райскій засмѣялся.

— Сейчасъ же пойду, непремѣнно набросаю очеркъ... сказалъ онъ: — слава Богу, страсть! Прошу покорно — Савелій!

— Опять «непремѣнно!» замѣтила бабушка.

Онъ живо вскочилъ, и только хотѣлъ бѣжать къ себѣ, какъ, и бабушка, и онъ, оба увидали Полину Карповну Крицкую, которая входила на крыльцо и уже отворяла дверь. Спрятаться и отказать не было возможности: поздно.

— Вотъ тебѣ и «непремѣнно!» шепнула Татьяна Марковна:

видишь! Теперь пойдетъ таскаться, не отъучишь ее! Принесла нелегкая! стоитъ Марины! Что́ это, по твоему: тоже драма?

— Нѣтъ, это кажется... комедія! сказалъ Райскій и поневолѣ сталъ всматриваться въ это явленіе.

— Bonj-*ur*, bon-j*ur*! нѣжно пришепетывала Полина Карповна: какъ я рада, что вы дома; вы не хотите посѣтить меня, я сама опять пришла. Здравствуйте, Татьяна Марковна!

— Здравствуйте, Полина Карповна! живо заговорила бабушка, переходя внезапно въ радушный тонъ: милости просимъ, садитесь сюда, на диванъ! Василиса, кофе, завтракъ—чтобъ былъ готовъ!

— Нѣтъ, merci, я пила.

— Помилуйте, какъ можно, теперь рано: до обѣда долго.

— Нѣтъ, я ничего не хочу, благодарю васъ.

— Нельзя же: отъ васъ далеко... И бабушка настояла, чтобъ подали кофе. Райскій съ любопытствомъ глядѣлъ на барыню, набѣленную пудрой, въ локонахъ, съ розовыми лентами на шляпкѣ и на груди, значительно открытой, и въ ботинкѣ пятилѣтняго ребенка, такъ что кровь отъ этого прилила у ней въ голову. Перчатки были новыя, желтыя, лайковыя, но онѣ лопнули по швамъ, потому что были меньше руки. За ней шелъ только-что выпущенный кадетъ, съ чуть-чуть пробивающимся пушкомъ на бородѣ. Онъ держалъ на рукѣ шаль Полины, зонтикъ и вѣеръ. Онъ, вытянувъ шею, стоялъ почти не дыша за нею.

— Вотъ, позвольте познакомить васъ: Michel Раминъ, въ отпуску здѣсь... Татьяна Марковна ужъ знакома съ нимъ.

Юноша, вмѣсто поклона, болтнулся всей фигурой, густо покраснѣлъ и опять окоченѣлъ на мѣстѣ.

— Dites quelque chose, Michel! сказала вполголоса Крицкая. Но Мишель покраснѣлъ еще гуще и остался на мѣстѣ.

— Asseyz-vous donc, сказала она и сама сѣла.

— Ныньче *жярко:* très *cheux!* продолжала она: гдѣ мой вѣеръ? Дайте его сюда, Michel!—Она начала обмахиваться, глядя на Райскаго.

— Не хотѣли посѣтить меня! повторила она.

— Я нигдѣ не былъ, сказалъ Райскій.

— Не говорите, не оправдывайтесь; я знаю причину: боялись....

— Чего? съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Ah, le monde est si méchant!

— Чортъ знаетъ, что такое! думалъ Райскій, глядя на нее во всѣ глаза.

— Такъ? угадала? говорила она.—Я еще въ первый разъ замѣтила, que nous nous entendons! Эти два взгляда — помните? Voilà, voilà, tenez.... этотъ самый! о, я угадываю его....

Онъ засмѣялся.

— Да, да: правда? О, nous nous convenons! Что касается до меня, я умѣю презирать свѣтъ и его мнѣнія. Не правда ли, это заслуживаетъ презрѣнія? Тамъ, гдѣ есть искренность, симпатія, гдѣ люди понимаютъ другъ друга, иногда безъ словъ, по одному такому взгляду....

— Кофейку, Полина Карповна! прервала ее Татьяна Марковна, подвигая къ ней чашку. «Не слушай ее! шепнула она, косясь на полуоткрытую грудь Крицкой: все вретъ, безстыжая!» Возьмите вашу чашку, прибавила она, обратясь къ юношѣ, вотъ и булки!

— Débarassez-vous de tout cela, сказала ему Крицкая, и взяла у него зонтикъ изъ рукъ. Юноша взялъ чашку, выбралъ побольше булку и откусилъ половину ея, точно отрѣзалъ, опять густо покраснѣвъ.

Полина Карповна вдова. Она все вздыхаетъ, вспоминая «несчастное супружество», хотя всѣ говорятъ, что мужъ у ней былъ добрый, смирный человѣкъ и въ ея дѣла никогда не вмѣшивался. А она называетъ его «тираномъ», говоритъ, что молодость ея прошла безплодно, что она не жила любовью и счастьемъ, и вѣритъ, что «часъ ея пробьетъ, что она полюбитъ и будетъ любить идеально».

Татьяна Марковна не совсѣмъ была права, сравнивъ ее съ Мариной. Полина Карповна была покойнаго темперамента: она не искала такъ-называемаго «паденія», и измѣны своимъ обязанностямъ на совѣсти не имѣла. Не была она тоже сентиментальна, и есливздыхала, возводила глаза къ небу, разливалась въ нѣжныхъ рѣчахъ, то дѣлала это притворно, прибѣгая къ этому, какъ къ условнымъ пріемамъ кокетства. Но ей до смерти хотѣлось, чтобъ кто-нибудь былъ всегда въ нее влюбленъ, чтобы объ этомъ знали и говорили всѣ въ городѣ, въ домахъ, на улицѣ, въ церкви, т. е. что кто-нибудь по ней «страдаетъ» плачетъ, не спитъ, не ѣстъ, пусть бы даже это была неправда. Она бы, кажется, не прочь была нанять кого-нибудь проходить ночь подъ ея окнами, если бы только могла надѣяться, что это никогда не выйдетъ наружу. Въ городѣ ее уже знаютъ, и опа теперь старается заманивать новичковъ, заѣзжихъ студентовъ, прапорщиковъ, молодыхъ чиновничковъ. Она ласкаетъ ихъ, кормитъ, лакомитъ, раздражаетъ ихъ самолюбіе. Они адски ѣдятъ, пьютъ, накурятъ и уйдутъ. А опа подъ рукой распускаетъ слухъ, что тотъ или

другой «страдаетъ» по ней. «Pauvre garçon!» говоритъ она съ жалостью.

Теперь при ней состоялъ заѣзжій юноша, Michel Раминъ, пріѣхавшій прямо съ школьной скамьи въ отпускъ. Онъ держалъ себя прямо, мундиръ у него съ иголочки: онъ всегда застегнутъ на всѣ пуговицы, густо краснѣетъ, на вопросы сиплымъ, робкимъ басомъ говоритъ *да-съ* или *нѣтъ-съ*. У него были такія большія руки, съ такими длинными и красными пальцами, что ни въ какія перчатки, кромѣ замшевыхъ, не входили. Онъ былъ одержимъ кадетскимъ аппетитомъ и институтскою робостью. Полина Карповна стала было угощать и его конфектами, но онъ съѣдалъ фунта по три въ одинъ присѣстъ. Теперь онъ сопровождаетъ барыню вездѣ, таская шаль, мантилью и вѣеръ за ней. «Je veux former le jeune homme, ce pauvre enfant!» такъ объясняетъ она оффиціально свои отношенія къ нему.

— Чтò вы намѣрены сегодня дѣлать? Я обѣдаю у васъ, сказала она: ce projet vous sourit-il? обратилась она къ Райскому.

У бабушки внутри прошла судорога, но она и вида не подала, даже выказала радость.

— Милости просимъ. Мароинька! Мароинька!

Вошла Мароинька. Крицкая весело поздоровалась съ ней, а юноша густо покраснѣлъ. Мароинька, поглядѣвъ на туалетъ Полины Карповны, хотѣла засмѣяться, но удержалась. При взглядѣ на ея спутника, лицо у ней наполнилось еще больше смѣхомъ.

— Мароа Васильевна! неожиданно, басомъ, сказалъ юноша: у васъ коза въ огородъ зашла—я видѣлъ: какъ бы въ садъ не забралась!

— Покорно благодарю, я сейчасъ велю выгнать. Это Машка, замѣтила Мароинька, она меня ищетъ. Я хлѣбца ей дамъ.—Бабушка пошептала ей на ухо, чтò приготовить для неожиданныхъ гостей къ обѣду, и Мароинька вышла.

— Въ городѣ всѣ говорятъ о васъ и всѣ въ претензіи, что вы до сихъ поръ ни у кого не были, ни у губернатора, ни у архіерея, ни у предводителя.

— И я ему тоже говорила! замѣтила Татьяна Марковна, да нынче бабушекъ не слушаютъ. Не хорошо, Борисъ Павловичъ; ты бы съѣздилъ хоть къ Нилу Андреичу: уважилъ бы старика. А то онъ не проститъ. Я велю вычистить и вымыть коляску...

— Я не поѣду ни къ кому, бабушка, зѣвая сказалъ Райскій.

— А ко мнѣ? спросила Крицкая.

Онъ, глядя на нее, учтиво молчалъ.

— Не принуждайте себя: de grâce, faites ce qu'il vous plaira. Теперь я знаю вашъ образъ мыслей, я увѣрена (она сдѣлала удареніе на этихъ словахъ), что вы хотите.... и только свѣтъ... и злые языки....

Онъ засмѣялся.

— Ну, да—да. Я вижу, я угадала! О, мы будемъ счастливы! Enfin!.. будто про себя шепнула она, но такъ, что онъ слышалъ.

«Ужели она часто будетъ душить меня?» думалъ Райскій, съ ужасомъ глядя на нее. «Куда спастись отъ нея? А она не годится и въ романъ: слишкомъ каррикатурна! Никто не повѣритъ»...

XIII.

Тихо тянулись дни, тихо вставало горячее солнце и обтекало синее небо, распростершееся надъ Волгой и ея прибрежьемъ. Медленно ползли снѣгообразныя облака въ полдень, и иногда, сжавшись въ кучу, потемняли лазурь и разсыпàлись веселымъ дождемъ на поля и сады, охлаждали воздухъ и уходили дальше, давъ просторъ тихому и теплому вечеру. Если же вдругъ останавливалась надъ городомъ и Малиновкой (такъ звали деревушку Райскаго) черная туча и разрѣшалась продолжительной, почти тропической грозой — все робѣло, смущалось, весь домъ принималъ, какъ будто передъ нашествіемъ непріятеля, оборонительное положеніе. Татьяна Марковна походила на капитана корабля во время шторма. «Гасить огни, закрывать трубы, окна! запирать двери!» слышалась ея команда. «Поди, Василиса, посмотри, не курятъ-ли трубокъ? Нѣтъ-ли гдѣ сквозного вѣтра? Отойди, Марѳинька, отъ окна!» Пока вѣтеръ качалъ и гнулъ къ землѣ деревья, столбами несъ пыль, метя поля, пока молніи жгли воздухъ и громъ тяжело, какъ хохотъ, катался въ небѣ, бабушка не смыкала глазъ, не раздѣвалась, ходила изъ комнаты въ комнату, заглядывала, чтò дѣлаютъ Марѳинька и Вѣрочка, крестила ихъ и крестилась сама, и тогда только успокоивалась, когда туча, истративъ весь пламень и трескъ, блѣднѣла и уходила въ даль. Утромъ всходило опять радостное солнце и играло въ каждой повисшей на листьяхъ капелькѣ, въ каждой лужѣ, заглядывало въ каждое окно и било въ стекла и щели счастливаго пріюта.

Такимъ же монотоннымъ узоромъ тянулась и жизнь въ Малиновкѣ: Райскій почти не чувствовалъ, что живетъ. Онъ кончилъ портретъ Марѳиньки и исправилъ литературный эскизъ Наташи, предполагая вставить его въ романъ впослѣдствіи, когда

раскинется и округлится у него въ головѣ весь романъ, когда явится «цѣль и необходимость» созданія, когда всѣ лица выльются, каждое въ свою форму, какъ живыя, дохнутъ, окрасятся колоритомъ жизни и всѣ свяжутся между собою этою «необходимостью и цѣлью» — такъ что, читая романъ, всякій скажетъ, что онъ былъ нуженъ, что его не доставало въ литературѣ. Онъ рѣшилъ писать его эпизодами, набрасывая фигуру, какая его займетъ, сцену, которая его увлечетъ или поразитъ, вставляя себя вездѣ, куда его повлечетъ ощущеніе, впечатлѣніе, наконецъ чувство и страсть, особенно страсть! «Ахъ, дай Богъ, страсть!» молилъ онъ иногда, томимый скукой.

Онъ бы уже соскучился въ своей Малиновкѣ, уѣхалъ бы искать въ другомъ мѣстѣ «жизни», радостно захлебываться ею подъ дыханіемъ страсти, или не находить по обыкновенію ни въ чемъ примиренія съ своими идеалами, страдать отъ уродливостей и томиться мертвымъ равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ.

Все это часто повторялось съ нимъ, повторилось бы и теперь: онъ ждалъ и боялся этого. Но еще въ немъ не изжили пока свой срокъ впечатлѣнія наивной среды, куда онъ попалъ. Ему еще пока пріятенъ былъ ласковый лучъ солнца, добрый взглядъ бабушки, радушная услужливость дворни, рождающаяся нѣжная симпатія Мароиньки — особенно послѣднее. Онъ по утрамъ съ удовольствіемъ ждалъ, когда она, въ холстинковой блузѣ, безъ воротничковъ и нарукавниковъ, еще съ томными, не совсѣмъ прозрѣвшими глазами, не остывшая отъ сна, привставши на цыпочки, положитъ ему руку на плечо, чтобъ размѣняться поцалуемъ, и угощаетъ его чаемъ, глядя ему въ глаза, угадывая желаніе и бросаясь исполнять его. А потомъ, надѣнетъ соломенную шляпку съ широкими полями, ходитъ около него, или подъ руку съ нимъ, по полю, по садамъ — и у него кровь бѣжитъ быстрѣе, ему пока не скучно. Ему любо было пока возиться и съ бабушкой: отдавать свою волю въ ея опеку и съ улыбкой смотрѣть и слушать, какъ она учила его уму-разуму, порядку, остерегала отъ пороковъ и соблазновъ, старалась свести его съ его «цыганскихъ» понятій о жизни на свою крѣпкую, житейскую мудрость. Нравился ему и Титъ Никонычъ, остатокъ прошлаго вѣка, живущій подъ знаменемъ вѣчной учтивости, приличнаго тона, уклончивости, изящнаго смиренія и таковыхъ же манеръ, все всѣмъ прощающій, ничѣмъ не оскорбляющійся и берегущій свое драгоцѣнное здоровье, всѣми любимый и всѣхъ любящій. Иногда, въ добрую минуту, его даже забавляла эксцентрическая барыня, Полина Карповна. Она умѣла заманить его къ себѣ обѣдать и увѣряла, что «онъ, или не равнодушенъ къ

ней да скрываетъ, или sur le point de l'être, но противится и немного остерегается, mais que tôt ou tard cela finira par là, et comme elle sera contente, heureuse! etc».

Онъ убаюкивался этой тихой жизнію, по временамъ записывая кое-что въ романъ: черту, сцену, лицо, записалъ бабушку, Мареиньку, Леонтья съ женой, Савелья и Марину, потомъ смотрѣлъ на Волгу, на ея теченіе, слушалъ тишину и глядѣлъ на сонъ этихъ разсыпанныхъ по прибрежью селъ и деревень, ловилъ въ этомъ океанѣ молчанія какіе-то, одному ему слышимые звуки, и шелъ играть и пѣть ихъ, и упивался, прислушиваясь къ созданнымъ имъ мотивамъ, бросалъ ихъ на бумагу и пряталъ въ портфель, чтобъ «современемъ» обработать—вѣдь времени много впереди, а дѣлъ у него нѣтъ. Глядѣлъ и на ту картину, которую до того вѣрно нарисовалъ Бѣловодовой, что она, по ея словамъ, «дурно спала ночь»: на тупую задумчивость мужика, на грубую, медленную и тяжелую его работу — какъ онъ тянетъ ремянную лямку, таща барку, или, затерявшись въ бороздахъ нивы, шагаетъ медленно, весь въ поту, будто несетъ на рукахъ и соху и лошадь вмѣстѣ— или какъ беременная баба, спаленная зноемъ, возится съ серпомъ во ржи. Онъ рисуетъ эти загорѣлыя лица, ихъ избы, утварь, ловитъ воздухъ, т. е. набросаетъ слегка эскизъ и спрячетъ въ портфель, опять «до времени».

— Ну, чтожъ я выражу этимъ, если изображу эту природу, этихъ людей: гдѣ же смыслъ, ключъ къ этому созданію? «Въ самомъ созданіи»! говорилъ художническій инстинктъ: и онъ оставлялъ перо и шелъ на Волгу обдумывать, что̀ такое созданіе, почему оно само по себѣ имѣетъ смыслъ, если оно—созданіе, и когда именно оно созданіе? Потомъ передъ нимъ выростали трудности: постепенность развитія, полнота и законченность характеровъ, связь между ними, а тамъ, сквозь художественную форму, пробивался анализъ и охлаждалъ..... «Une mer à boire», говорилъ онъ со вздохомъ, складывалъ листки въ портфель и звалъ Мареиньку въ садъ.

Онъ далъ себѣ слово объяснить, при первомъ удобномъ случаѣ, окончательно вопросъ, не о томъ, что̀ такое Мареинька: это было слишкомъ очевидно, а что̀ изъ нея будетъ, — и потомъ уже поступить въ отношеніи къ ней, смотря потому, что̀ окажется послѣ объясненія. Способна ли она къ дальнѣйшему развитію, или уже дошла до своихъ геркулесовыхъ столповъ? И если, «паче чаянія» въ ней откроется ему внезапный золотоносный пріискъ, съ богатыми залогами, — въ женщинахъ нерѣдки такія неожиданности, — тогда конечно онъ поставитъ здѣсь свой домашній жертвенникъ и посвятитъ себя развитію милаго суще-

ства: она и искусство будутъ его кумирами. Тогда и эти эпизоды, эскизы, сцены—все пойдетъ въ дѣло. Ему не надъ чѣмъ будетъ разбрасываться, жизнь его сосредоточится и опредѣлится.

Но опыты надъ Мароинькой пока еще не подвигались впередъ, и не будь она такая хорошенькая, онъ бы усталъ давно отъ безплодной работы надъ ея развитіемъ. Какъ онъ ни затрогиваетъ ея умъ, самолюбіе, ту или другую сторону сердца — никакъ не можетъ вывести ее изъ круга раннихъ, дѣвическихъ понятій, теплыхъ, домашнихъ чувствъ, логики преданій и преподанныхъ бабушкой уроковъ. Она все дѣвочка, и ни разу не высказалась въ ней даже дѣвица. Быть «дѣвой», по своей здоровой натурѣ и по простому, почти животному воспитанію, она рѣшительно не обѣщала. Но вѣдь все-таки она грядущая женщина: какая же она будетъ, какою быть должна?

Онъ смотрѣлъ мысленно и на себя, какъ это у него дѣлалось невольно, само собой, безъ его вѣдома («и какъ дѣлалось у всѣхъ, думалъ онъ, непремѣнно, только эти всѣ не наблюдаютъ за собой, или не сознаются въ этой врожденной человѣку чертѣ: одни—только казаться, а другіе и быть и казаться какъ можно лучше—одни, натуры мелкія—только наружно, т. е. рисоваться, натуры глубокія, серьезныя, искреннія — и внутренно, что̀ въ сущности и значитъ работать надъ собой, улучшаться») и вдумывался, какая роль достается ему въ этой встрѣчѣ: таковъ-ли онъ, каковъ долженъ быть, и каковъ именно долженъ онъ быть? Братъ, нѣжный покровитель и руководитель ея юности—или въ самомъ дѣлѣ будущій ея мужъ? Едва онъ остановился на этой послѣдней роли, какъ вздохнулъ глубоко, заранѣе предвидя, что или онъ, или она не продержатся до свадьбы на высотѣ идеала, поэзія улетучится, или разсыплется въ мелкій дождь мѣщанской комедіи! И онъ хладѣетъ, зѣваетъ, чувствуетъ уже симптомы скуки. Волноваться такъ, безъ цѣли, и волновать ее — безнравственно. Что̀ же дѣлать: какъ держать себя съ ней? Просто быть братомъ невозможно, надо бѣжать: она слишкомъ мила, тепла, нѣжна, прикосновеніе ея грѣетъ, жжетъ, шевелитъ нервы. Онъ же приходится ей братъ въ третьемъ колѣнѣ, т. е. не братъ, и близость такой сестры опасна... А между тѣмъ онъ поддавался нѣгѣ ея ласкъ, и отвѣтныя его ласки были не ласки брата, а нѣжнѣе; въ поцѣлуй прокрадывался какой-то страстный змѣй... «Еще опытъ» думалъ онъ: одинъ разговоръ, и я буду ея мужемъ, или... Діогенъ искалъ съ фонаремъ «человѣка»—я ищу женщины: вотъ ключъ къ моимъ поискамъ! А если не найду въ ней, и боюсь что не найду, я, разумѣется, не затушу фонаря, пойду дальше... Но Боже мой! гдѣ кончится это мое странствіе? (Онъ

зѣвнулъ). «Уѣду отсюда и напишу романъ: картину вялаго сна, вялой жизни...»

Онъ еще пуще зѣвнулъ.

— Скажи, Мароинька, началъ онъ однажды, сидя съ нею въ сумерки на дерновомъ диванѣ, подъ акаціями: не скучно тебѣ здѣсь? Не надоѣли тебѣ: бабушка, Титъ Никонычъ, садъ, цвѣты, пѣсенки, книжки съ веселымъ окончаніемъ?...

— Нѣтъ: сказала она, удивляясь этимъ вопросамъ,—чего же мнѣ еще нужно?

— Не кажется тебѣ иногда это... однообразно, пошло, скучно?

— Пошло, скучно! повторяла она задумчиво—нѣтъ! развѣ здѣсь скучно?

— Все это ребячество, Мароинька: цвѣты, пѣсенки, а ты ужъ взрослая дѣвушка (онъ бросилъ бѣглый взглядъ на ея плечи и бюстъ): ужели тебѣ не приходитъ въ голову что-нибудь другое, серьезное? Развѣ тебя ничто больше не занимаетъ?

Она задумалась, потупивъ глаза. Ей было немного стыдно и неловко, что ее считаютъ еще ребенкомъ. «А вѣдь я давно не ребенокъ: мнѣ идетъ четырнадцать аршинъ матеріи на платье: столько же, сколько бабушкѣ—нѣтъ больше: бабушка не носитъ широкихъ юбокъ» успѣла она въ это время подумать. «Но Боже мой! что это за вздоръ у меня въ головѣ? Что я ему скажу? пусть бы Вѣрочка поскорѣй пріѣхала на подмогу»... Она незнала, что ей надо дѣлать, чтобъ быть не ребенкомъ, чтобъ на нее смотрѣли, какъ на взрослую, уважали, боялись ее. Она безпокойно оглядывалась вокругъ, тиранила пальцами кончикъ передника, смотрѣла себѣ подъ ноги. У ней многое проносилось въ головѣ, росли мысли, являлись вопросы, но такъ туманно, блѣдно, что она не успѣвала вслушиваться въ нихъ, какъ они исчезали, и не умѣла высказать.

— Послушайте, братецъ, отвѣчала она: вы не думайте, что я дитя, потому что люблю птицъ, цвѣты: я и дѣло дѣлаю. Бабушка часто велитъ мнѣ записывать приходъ и расходъ. Я знаю, сколько засѣвается ржи, овса, когда что поспѣваетъ, куда и когда сплавляютъ хлѣбъ, знаю, сколько лѣсу надо мужику, чтобъ избу построить».... Она смѣлѣе поглядѣла на него.—Я бы могла и за полевыми работами смотрѣть, да бабушка не пускаетъ. Что же еще? прибавила она, глядя на него во всѣ глаза и думая, выросла-ли она хоть немного въ его глазахъ.

— Да, это все конечно хорошо, и со временемъ изъ тебя можетъ выйти такая же бабушка. Развѣ ты хотѣла бы быть такою?

— Ахъ, дай Богъ: да гдѣ мнѣ?

— А другою тебѣ не хочется быть?

— Зачѣмъ: вѣдь еслибъ я была другою, я бы здѣсь была не на мѣстѣ...

— Такъ, умно сказано, Марѳинька: да зачѣмъ же здѣсь? Ты слыхала про Москву, про Петербургъ, про Парижъ, Лондонъ: развѣ тебѣ не хотѣлось бы побывать вездѣ?

— За чѣмъ мнѣ?

— Какъ за чѣмъ! Ты читаешь книги: тамъ говорится, какъ живутъ другія женщины: вонъ хоть бы эта Елена у миссъ Эджевортъ; развѣ тебя не тянетъ, не хочется тебѣ испытать этой другой жизни?...

Она медленно и задумчиво качала головой.

— Нѣтъ, сказала она: чего не знаешь, такъ и не хочется. Вонъ Вѣрочка, той все скучно, она часто грустить, сидитъ, какъ каменная, все ей будто чужое здѣсь, ей бы надо куда-нибудь уѣхать, она не здѣшняя. А я — ахъ, какъ мнѣ здѣсь хорошо: въ полѣ, съ цвѣтами, съ птицами, какъ дышется легко! какъ весело, когда съѣдутся знакомые!.. Нѣтъ, нѣтъ, я здѣшняя, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки! не хочу никуда. Что̀ бы я одна дѣлала тамъ въ Петербургѣ, за границей: я бы умерла съ тоски...

— Ты бы не одна была.

— Съ кѣмъ же? бабушка никогда не выѣдетъ изъ деревни.

— За чѣмъ тебѣ бабушка? со мной.... съ мужемъ. Поѣхала бы со мной?

Она покачала отрицательно головой.

— Отъ чего?

— Я боялась бы, что вамъ скучно со мной...

— Ты привыкла бы ко мнѣ.

— Нѣтъ, не привыкла бы... Вотъ другая недѣля, какъ вы здѣсь... а я боюсь васъ.

— Что ты: чего же? кажется, я такой простой: сижу, гуляю, рисую съ тобой....

— Нѣтъ, вы не простой. Иногда у васъ что-то такое въ глазахъ... Нѣтъ, я не привыкну къ вамъ...

— Но вѣдь это скучно: вѣкъ свой съ бабушкой и ни шагу безъ нея...

— Да я сама бы ничего не выдумала: что̀ бы я стала дѣлать безъ нея?

Она безпокойно глядѣла по сторонамъ, и опять встревожилась тѣмъ, что нечего ей больше сказать въ отвѣтъ.

«Ахъ, Боже мой! Онъ сочтетъ меня дурочкой... Что̀ бы

сказать мнѣ ему такое... самое умное!.. Господи помоги!» молилась она про себя.

Но ничего умнаго не приходило ей въ голову, и она въ тоскѣ тиранила свои пальцы.

— Не мучаешься ты ничѣмъ внутренно? нѣтъ ничего у тебя на душѣ?.. приставалъ онъ.

Она глубоко вздохнула. «Бабушка велѣла, чтобъ ужинъ былъ хорошій — вотъ что у меня на душѣ: какъ я ему скажу это!..» подумала она.

— Какъ не быть: я взрослая, не дѣвочка: съ печальной важностью сказала она, помолчавъ.

— А! грѣшки есть: ну, слава Богу! обрадовался онъ: а я уже было отчаявался въ тебѣ! Говори же, говори что̀?

Онъ вплоть подвинулся къ ней, взявъ ее за руку.

— Что̀! повторила она задумчиво, не отнимая руки: а совѣсть?

— Совѣсть! О-го! это большими грѣхами пахнетъ!

Онъ засмѣяся было, а потомъ вдругъ подумалъ, не кроется ли подъ этой наивностью какой-нибудь крупный грѣшокъ, не притворная ли она смиренница?..

— Что же можетъ быть у тебя на совѣсти; довѣрься мнѣ и разберемъ вмѣстѣ. Не пригожусь ли я тебѣ на какую-нибудь услугу?

— То, что̀, я думаю, у всякаго есть...

— Напримѣръ?

— Послушайте-ка проповѣди отца Василія о томъ, какъ надо жить, что̀ надо дѣлать! А какъ мы живемъ: дѣлаемъ ли хоть половину того, что онъ велитъ? внушительно говорила она. — Хоть бы одинъ день прожить такъ.... и то не удается! «Отречься отъ себя», «быть всѣмъ слугой», отдавать все бѣднымъ, любить всѣхъ больше себя, даже тѣхъ, кто насъ обижаетъ, не сердиться, трудиться, не думать слишкомъ о нарядахъ и о пустякахъ, не болтать, ужасъ, ужасъ! Всего не вспомнишь! Я какъ стану думать, такъ и растеряюсь: страшно станетъ. Не достанетъ всей жизни, чтобъ сдѣлать это! Вонъ бабушка: есть ли умнѣе и добрѣе ея на свѣтѣ! а и она.... грѣшитъ... (шопотомъ произнесла Марѳинька): сердится напрасно, терпѣть не можетъ Анну Петровну Токееву; даже не похристосовалась съ ней. Полину Карповну не любитъ. На людей часто сердится; не все прощаетъ имъ; бабъ притворщицами считаетъ, когда онѣ жалуются на нужду... Деньги очень бережетъ... (еще тише шепнула Марѳинька). Еще когда ошибется въ чемъ-нибудь, никогда не сознается: гор-

дая! Бабушка! Она лучше всѣхъ здѣсь: какія же мы съ Вѣрочкой! и какой надо быть, чтобъ...

— Такой, какъ ты есть, сказалъ Райскій.

— Нѣтъ... Она задумчиво покачала головой.—Я многаго не понимаю, и отъ того не знаю, какъ мнѣ иногда надо поступить. Вонъ Вѣрочка знаетъ, и если не дѣлаетъ, такъ не хочетъ, а я не умѣю...

— И ты часто мучаешься этимъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ: иногда, какъ заговорятъ объ этомъ, бабушка побранитъ... Заплачу, и пройдетъ, и опять дѣлаюсь весела, и все что говоритъ отецъ Василій—будто не мое дѣло! Вотъ что̀ худо?

— И больше нѣтъ у тебя заботы, счастливое дитя? спросилъ онъ.

— Какъ будто этого мало! Развѣ вы никогда не думаете объ этомъ? съ удивленіемъ спросила она.

— Нѣтъ, душенька: вѣдь я не слыхалъ отца Василья.

— Какъ же вы живете: вѣдь есть и у васъ что-нибудь на душѣ?

— Вотъ теперь ты!

— Я! обо мнѣ бабушка заботится, пока жива...

— А какъ она умретъ?

— Бабушка? Боже сохрани! торопливо прибавила она, крестясь.

— Должно же это случиться...

— Богъ съ вами: что за мысли, что за разговоръ у васъ такой?... говорила она, не слушая его.

— Неужели ты думаешь, что она вѣчно будетъ жить...

— Перестаньте, ради Бога: я и слушать не хочу!

— Ну, а если?

— Тогда и мы съ Вѣрочкой умремъ, потому что безъ бабушки...

Она тяжело вздохнула.

— Отъ этого и надо думать, что птичекъ, цвѣтовъ и всей этой мелочи не станетъ, чтобъ прожить ею цѣлую жизнь. Нужны другіе интересы, другія связи, симпатіи...

— Что же мнѣ дѣлать? почти въ отчаяніи сказала она.

— Надо... любить кого-нибудь, мужчину... помолчавъ сказалъ онъ, наклоняя ея лобъ къ своимъ губамъ.

— Выйти замужъ? Да, вы мнѣ говорили, и бабушка часто намекаетъ на то же, но...

— Но... что-же?

— Гдѣ его взять? стыдливо сказала она.

— Развѣ тебѣ не нравится никто? не замѣтила-ли ты между молодыми людьми...

— Ужъ хороши здѣсь молодые люди! вонъ у Бочкова три сына: все собираютъ мужчинъ къ себѣ по вечерамъ, такихъ же какъ сами, пьютъ да въ карты играютъ. А на утро глаза у всѣхъ красные. У Чеченина сынъ пріѣхалъ въ отпускъ и съ самаго начала объявилъ, что ему надо приданое во сто тысячъ, а самъ хуже Мотьки: маленькій, кривоногій и все куритъ! Нѣтъ, нѣтъ.... Вотъ Николай Андреичъ — хорошенькій, веселый и добрый, да...

— Да что̀?

— Молодъ: ему всего двадцать три года!

— Кто это такой?

— Викентьевъ: ихъ усадьба за Волгой, недалеко отсюда. Колчино — ихъ деревня, тутъ только сто душъ. У нихъ въ Казани еще триста душъ. Маменька его звала насъ съ Вѣрочкой гостить, да бабушка однѣхъ не пускаетъ. Мы однажды только на одинъ дѐнь ѣздили... А Николай Андреичъ одинъ сынъ у нея—больше дѣтей нѣтъ. Онъ учился въ Казани, въ университетѣ, служитъ здѣсь у губернатора, по особымъ порученіямъ.

Она проговорила это живо, съ веселымъ лицомъ и скороговоркой.

— А! такъ вотъ кто тебѣ нравится: Викентьевъ? говорилъ онъ и прижавъ ея руку къ лѣвому своему боку, сидѣлъ, не шевелясь, любовался, какъ безпечно Мароинька принимала и возвращала ласки, почти не замѣчала ихъ, и ничего, кажется, не чувствовала. «Можетъ быть, одна искра, думалъ онъ, одно жа̀ркое пожатіе руки вдругъ пробудятъ ее отъ дѣтскаго сна, откроютъ ей глаза и она внезапно вступитъ въ другую пору жизни...» А она щебетала безпечно, какъ птичка.

— Что̀ вы: Викентьевъ! сказала она задумчиво, какъ будто справляясь сама съ собою, нравится ли онъ ей.

— Теперь темно, а то вѣрно ты покраснѣла! поддразнивалъ ее Райскій, глядя ей въ лицо и пожимая руку.

— Вовсе нѣтъ, сказала она: отъ чего мнѣ краснѣть? Вотъ его двѣ недѣли не видать совсѣмъ, мнѣ и нужды нѣтъ...

— Скажи, онъ нравится тебѣ?

Она молчала.

— Что: угадалъ?

— Что̀ вы: я только говорю, что онъ лучше всѣхъ здѣсь: это всѣ скажутъ... Губернаторъ его очень любитъ и никогда не посылаетъ на слѣдствія: «что, говоритъ, ему грязниться тамъ, разбирать убійства да воровства — нравственность испортится! Пусть, говоритъ, побудетъ при мнѣ! «Онъ теперь при немъ, и когда не у насъ, тамъ обѣдаетъ, танцуетъ, играетъ...

— Однимъ словомъ, служитъ! сказалъ Райскій.

— У него ужъ крестикъ есть: маленькій такой! съ удовольствіемъ прибавила Мароинька.

— Бываетъ онъ здѣсь?

— Очень часто: вотъ что-то теперь запалъ. Не уѣхалъ ли въ Колчино, къ maman? Надо его побранить, что не сказавшись уѣхалъ. Бабушка выговоръ ему сдѣлаетъ: онъ боится ее... А когда онъ здѣсь—не посидитъ смирно: бѣгаетъ, поетъ. Ахъ, какой онъ шалунъ! И какъ много кушаетъ! Недавно большую, пребольшую сковороду грибовъ съѣлъ! Сколько булочекъ скушаетъ за чаемъ! Что ни дай, все скушаетъ. Бабушка очень любитъ его за это. Я тоже его...

— Любишь? живо спросилъ Райскій наклоняясь и глядя ей въ глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ! — Она закачала головой: нѣтъ, не люблю, а только онъ... славный! лучше всѣхъ здѣсь! держитъ себя хорошо, не ходитъ по трактирамъ, не играетъ на бильярдѣ, вина никакого не пьетъ...

— Славный! повторилъ Райскій, приглаживая ей волосы на вискахъ: и ты славная! Какъ жаль, что я старъ, Мароинька: какъ бы я любилъ тебя! тихо прибавилъ онъ, притянувъ ее немного къ себѣ.

— Что вы за стары: нѣтъ еще! снисходительно замѣтила она, поддаваясь его ласкѣ.—Вотъ только у васъ въ бородѣ есть немного сѣдыхъ волосъ, а то вѣдь вы иногда бываете прехорошенькій... когда смѣетесь, или что-нибудь живо разсказываете. А вотъ, когда нахмуритесь, или смотрите какъ-то особенно... тогда вамъ точно восемьдесять лѣтъ...

— Въ самомъ дѣлѣ я тебѣ не кажусь страшенъ и старъ?

— Вовсе нѣтъ.

— И тебѣ пріятно... поцѣловать меня?

— Очень.

— Ну, поцѣлуй.

Она привстала немного, оперлась колѣнкой на его ногу и звучно поцѣловала его, и хотѣла сѣсть, но онъ удержалъ ее. Она попробовала освободиться, ей было неловко такъ стоять, наконецъ сѣла раскраснѣвшись отъ усилія и стала поправлять сдвинувшуюся съ мѣста косу. Онъ, напротивъ, былъ блѣденъ, сидѣлъ, закинувъ голову назадъ, опираясь затылкомъ о дерево, съ закрытыми глазами, и почти безсознательно держалъ ее крѣпко за руку. Она хотѣла привстать, чтобъ половчѣе сѣсть, но онъ держалъ крѣпко, такъ что она должна была опираться рукой ему на плечо.

— Пустите, вамъ тяжело, сказала она: я вѣдь толстая — вонъ какая рука — троньте!

— Нѣтъ, не тяжело... тихо отвѣчалъ онъ, наклоняя опять ея голову къ своему лицу и оставаясь такъ неподвижно.

— Тебѣ хорошо такъ? спросилъ онъ.

— Хорошо, только жарко, у меня щеки и уши горятъ, посмотрите: я думаю, красныя! У меня много крови: дотроньтесь пальцомъ до руки, сейчасъ бѣлое пятно выступитъ и пропадетъ.

Онъ молчалъ и все сидѣлъ съ закрытыми глазами, по губамъ пробѣгала будто судорога. А она продолжала говорить обо всемъ, что приходило въ голову, глядѣла по сторонамъ, чертила носкомъ ботинки по песку.

— Обрѣйте бороду! сказала она, вы будете еще лучше. Кто это выдумалъ такую нелѣпую моду — бороды носить? У мужиковъ переняли! Ужели въ Петербургѣ всѣ съ бородами ходятъ?

Онъ машинально кивнулъ головой.

— Вы обрѣетесь, да? А то Нилъ Андреичъ увидитъ — разсердится. Онъ терпѣть не можетъ бороды: говоритъ, что только революціонеры носятъ ее.

— Все сдѣлаю, что хочешь—нѣжно сказалъ онъ. —Зачѣмъ только ты любишь Викентьева?

— Опять! Вотъ вы какіе: сами затѣяли разговоръ, а теперь выдумали, что люблю. Ужъ и люблю! Онъ и мечтать не смѣетъ! Любить—какъ это можно! Что еще бабушка скажетъ? прибавила она, разсѣянно играя бородой Райскаго и не подозрѣвая, что пальцы ея, какъ змѣи, ползали по его нервамъ и поднимали тамъ тревогу, зажигали огонь въ крови, туманили разсудокъ. Онъ пьянѣлъ съ каждымъ движеніемъ пальцовъ.

— Люби меня, Марѳинька: другъ мой, сестра... бредилъ онъ, сжимая крѣпко ей талію.

— Охъ, больно, братецъ, пустите, ей-богу, задохнусь, говорила она, невольно падая ему на грудь. Онъ опять прижалъ ея щеку къ своей и опять шепталъ: «хорошо тебѣ?»

— Неловко ногамъ.

Онъ отпустилъ ее, она поправила ноги и сѣла подлѣ него.

— Зачѣмъ ты любишь цвѣты, котятъ, птицъ?

— Кого же мнѣ любить?

— Меня, меня!

— Вѣдь я люблю.

— Не такъ, иначе! говорилъ онъ, положивъ ей руки на плеча.

— Вонъ одна звѣздочка, вонъ другая, вонъ третья—какъ много! говорила Марѳинька, глядя на небо. —Какъ хорошо, вездѣ, вездѣ—

продолжала она оглядываясь кругомъ.— Ужели это правда, что тамъ, на звѣздахъ, тоже живутъ люди? Можетъ быть, не такіе, какъ мы... Ахъ, молнія! Нѣтъ, это зарница играетъ за Волгой: я боюсь грозы: Вѣрочка отворитъ окно и сядетъ смотрѣть грозу, а я всегда спрячусь въ постель, задерну занавѣски, и если молнія очень блеститъ, то положу большую подушку на голову, а уши заткну, и ничего не вижу, не слышу... Вонъ звѣздочка покатилась! Скоро ужинать! прибавила потомъ, помолчавъ.—Еслибъ васъ не было, мы бы рано ужинали, а въ одиннадцать часовъ спать; когда гостей нѣтъ, мы рано ложимся.

Онъ молчалъ, положилъ щеку ей на плечо.

— Вы спите? спросила она.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Ну, дремлете: вонъ у васъ и глаза закрыты. Я тоже, какъ лягу, сейчасъ засну, даже иногда не успѣю чулокъ снять, такъ и повалюсь. Вѣрочка долго не спитъ; бабушка бранитъ ее, называетъ полунощницей. А въ Петербургѣ рано ложатся?

Онъ молчалъ.

— Братецъ!

Онъ все молчалъ.

— Что вы молчите?

Онъ пошевелился было и опять онѣмѣлъ, мечтая о возможности постояннаго счастья, держа это счастье въ рукахъ, и не желая выпустить.

Она зѣвнула до слезъ.

— Какъ тепло! сказала она.—Я прошусь иногда у бабушки спать въ бесѣдку — не пускаетъ. Даже и въ комнатѣ велитъ окошко запирать.

Онъ ни слова.

«Все молчитъ: кàкъ привыкнешь къ нему?» подумала она, и безпечно опять склонилась головой къ его головѣ, разсѣянно пробѣгая усталымъ взглядомъ по небу, по сверкавшимъ сквозь вѣтви звѣздамъ, глядѣла на темную массу лѣса, слушала шумъ листьевъ, и задумалась, наблюдая, отъ нечего дѣлать, какъ подъ рукой у нея бьется въ лѣвомъ боку у Райскаго. «Какъ странно? думала она: отъ чего это у него такъ бьется? а у меня?» и приложила руку къ своему боку — «нѣтъ, не бьется!» Потомъ хотѣла привстать, но почувствовала, что онъ держитъ ее крѣпко. Ей стало неловко.

— Пустите, братецъ, шепотомъ, будто стыдливо, сказала она. — Пора домой!

Ему все жаль было выпустить ее, какъ-будто онъ разставался съ ней навсегда.

— Больно, пустите! говорила Мареинька, съ возрастающей тоской, напрасно порываясь прочь, — ахъ, какъ неловко!

Наконецъ, она наклонилась и вынырнула изъ-подъ рукъ.

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Что съ вами? раздался ея дѣтскій, покойный голосъ надъ нимъ.

Онъ поглядѣлъ на нее, вокругъ себя и опять вздохнулъ, какъ-будто просыпаясь.

— Что съ вами? повторила она: какіе вы странные!

Онъ вдругъ отрезвился, взглянулъ съ удивленіемъ на Мареиньку, что она тутъ, осмотрѣлся кругомъ и быстро всталъ со скамейки. У него вырвался отчаянный «ахъ!»

Она положила было руку ему на плечо, другой рукой поправила ему всклокочившіеся волосы и хотѣла опять сѣсть рядомъ.

— Нѣтъ, пойдемъ отсюда, Мареинька! въ волненіи сказалъ онъ, устраняя ее.

— Какіе вы странные: на себя не похожи! Не болитъ ли голова?

Она дотронулась рукой до его лба.

— Не подходи близко, не ласкай меня! Милая сестра! сказалъ онъ, цѣлуя у нея руку.

— Какъ же не ласкать, когда вы сами такъ ласковы! Вы такой добрый, такъ любите насъ. Домъ, садикъ подарили, а я что за статуя такая!...

— И будь статуей! Не отвѣчай никогда на мои ласки, какъ сегодня...

— Отчего?

— Такъ; у меня иногда бываютъ припадки.... тогда уйди отъ меня.

— Не дать ли вамъ чего-нибудь выпить? у бабушки гофманскія капли есть. Я бы сбѣгала: хотите?

— Нѣтъ, не надо. Но ради Бога, если я когда-нибудь буду слишкомъ ласковъ, или другой также, этотъ Викентьевъ, напримѣръ....

— Смѣлъ бы онъ! съ удивленіемъ сказала Мареинька.—Когда мы въ горѣлки играемъ, такъ онъ не смѣетъ взять меня за руку, а ловитъ всегда за рукавъ! Что выдумали еще: Викентьевъ!

— Ни ему, ни мнѣ, никому на свѣтѣ.... помни, Мареинька, это: люби, кто понравится, но прячь это глубоко въ душѣ своей, не давай воли, ни себѣ, ни ему, пока.... позволитъ бабушка и отецъ Василій. Помни проповѣдь его....

Она молча слушала и задумчиво шла подлѣ него, удивляясь

его припадку, вспоминая, что онъ передъ тѣмъ за часъ говорилъ другое, и не знала, что̀ подумать.

— Вотъ видите, а вы говорили.... что.... начала она.

— Я ошибся: не про тебя то, что̀ говорилъ я. Да, Марѳинька, ты права: грѣхъ хотѣть того, чего не дано, желать жить, какъ живутъ эти барыни, о которыхъ пишутъ въ книгахъ. Боже тебя сохрани мѣняться, быть другою! Люби цвѣты, птицъ, занимайся хозяйствомъ, ищи веселаго окончанія, и въ книжкахъ, и въ своей жизни...

— Это не глупо... любить птицъ: вы не смѣетесь, вы это правду говорите? робко спрашивала она.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты перлъ, ангелъ чистоты.... ты свѣтла, чиста, прозрачна....

— Прозрачна? смѣялась она:—насквозь видно?

— Ты.... ты....

Онъ въ припадкѣ восторга не зналъ, какъ назвать ее.

— Ты вся — солнечный лучъ! сказалъ онъ, и пусть будетъ проклятъ, кто захочетъ бросить нечистое зерно въ твою душу. Прощай! никогда не подходи близко ко мнѣ, а если я подойду— уйди!

Онъ подошелъ къ обрыву.

— Куда же вы, пойдемте, ужинать скоро и спать....

— Я не хочу ни ужинать, ни спать...

— Опять вы отъ ужина уходите: смотрите, бабушка....

Она не кончила фразы, какъ Райскій бросился съ обрыва и исчезъ въ кустахъ.

«Боже мой! думалъ онъ, внутренно содрогаясь: — полчаса назадъ, я былъ честенъ, чистъ, гордъ; полчаса позже, этотъ святой ребенокъ превратился бы въ жалкое созданіе, а честный и гордый человѣкъ въ величайшаго негодяя! Гордый духъ уступилъ бы всемогущей плоти: кровь и нервы посмѣялись бы надъ философіей, нравственностью, развитіемъ! Однако духъ устоялъ, кровь и нервы не одолѣли: честь, честность спасены.... «Чѣмъ? спросилъ онъ себя, останавливаясь надъ рытвиной. «Прежде всего.... силой моей воли, сознаніемъ безобразія»... началъ-было онъ говорить, выпрямляясь, «нѣтъ, нѣтъ», долженъ былъ сейчасъ же сознаться; это пришло послѣ всего, а прежде чѣмъ? Ангелъ-хранитель невидимо ограждалъ? бабушкина судьба берегла ее? или.... что̀?» Что̀ бы ни было, а онъ этому загадочному «или» обязанъ тѣмъ, что остался честнымъ человѣкомъ; таилось ли это «или» въ ея святомъ, стыдливомъ невѣдѣніи, въ послушаніи проповѣди отца Василья, или, наконецъ, въ лимфатическомъ темпераментѣ—все же оно было въ ней, а не въ немъ...

«О, какъ скверно! какъ скверно!» твердилъ онъ, перескочивъ рытвину и продираясь между кустовъ на приволжскій песокъ.

Мароинька долго смотрѣла вслѣдъ ему, потомъ тихо, задумчиво пошла домой, срывая машинально листья съ кустовъ и трогая по временамъ себя за щеки и уши. «Какъ разгорѣлись, я думаю, красныя!» шептала она. «Отчего онъ не велѣлъ подходить близко, вѣдь онъ не чужой? А самъ такъ ласковъ... вонъ какъ горятъ щеки!»

Она прикладывала руку то къ одной, то къ другой щекѣ.

Бабушка начала ворчать, что Райскій ушелъ отъ ужина. Молча, втроемъ, съ Титомъ Никонычемъ, отъужинали и разошлись.

Мароинька, обыкновенно все разсказывавшая бабушкѣ, колебалась, разсказать ли ей, или нѣтъ о томъ, что братъ навсегда отказался отъ ея ласкъ, и кончила тѣмъ, что ушла спать, не разсказавши. Собиралась не разъ, да не знала, съ чего начать. Не сказала также ничего и о припадкѣ «братца», легла пораньше, но не могла заснуть скоро; щеки и уши все горѣли. Наконецъ, пролежавъ напрасно, безъ сна, съ часъ въ постели, она встала, вытерла лицо огуречнымъ разсоломъ, что̀ дѣлала обыкновенно отъ загара, потомъ перекрестилась и заснула.

XIV.

Райскій нижнимъ берегомъ выбрался на гору и дошелъ до домика Козлова. Завидя свѣтъ въ окнѣ, онъ пошелъ-было къ калиткѣ, какъ вдругъ замѣтилъ, что кто-то перелѣзаетъ черезъ заборъ съ переулка въ садикъ. Райскій подождалъ въ тѣни забора, пока тотъ перескочилъ совсѣмъ. Онъ колебался, на что ему рѣшиться, потому что не зналъ, воръ ли это, или обожатель Ульяны Андреевны, какой-нибудь М-г Шарль,—и потому боялся поднять тревогу. Подумавъ, онъ однако счелъ нужнымъ слѣдить за незнакомцемъ: для этого послѣдовалъ его примѣру и также тихо перелѣзъ черезъ заборъ. Тотъ прокрадывался къ окнамъ, Райскій шелъ за нимъ и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ. Незнакомецъ приподнялся до окна Леонтья и вдругъ забарабанилъ что есть мочи въ стекло.

«Это не воръ... это должно быть — Маркъ!» подумалъ Райскій и не ошибся.

— Философъ! отворяй! Слышишь ли ты, Платонъ! говорилъ голосъ.—Отворяй же скорѣй!

— Обойди съ крыльца! глухо, изъ-за стекла, отозвался голосъ Козлова.

— Куда еще пойду я на крыльцо, собакъ будить? Отворяй!

— Ну, постой; экой какой! говорилъ Леонтій, отворяя окно.

Маркъ влѣзъ въ комнату.

— Это кто еще за тобой лѣзетъ? Кого ты привелъ? съ испугомъ говорилъ Козловъ, пятясь отъ окна.

— Никого я не привелъ — что тебѣ чудится.... Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, лѣзетъ кто-то....

Райскій въ это время вскочилъ въ комнату.

— Борисъ, и ты? сказалъ въ изумленіи Леонтій.—Какъ вы это вмѣстѣ сошлись?

Маркъ мелькомъ взглянулъ на Райскаго и обратился къ Леонтью.

— Дай мнѣ скорѣе другіе панталоны, да нѣтъ ли вина? сказалъ онъ.

— Что это, откуда ты? съ изумленіемъ говорилъ Леонтій, теперь только замѣтившій, что Маркъ почти по-поясъ былъ выпачканъ въ грязи, сапоги и панталоны промокли насквозь.

— Ну, давай скорѣй, нечего разговаривать! нетерпѣливо отозвался Маркъ.

— Вина нѣтъ, у насъ Шарль обѣдалъ, мы все выпили: водка, я думаю, есть...

— Ну, гдѣ твое платье лежитъ?

— Жена спитъ, а я не знаю гдѣ: надо у Авдотьи спросить...

— Уродъ! Пусти, я самъ найду.

Онъ взялъ свѣчу и скрылся въ другую комнату.

— Вотъ — видишь какой! сказалъ Леонтій Райскому.

Черезъ десять минутъ Маркъ пришелъ съ панталонами въ рукахъ.

— Гдѣ это ты вымочился такъ? спросилъ Леонтій.

— Черезъ Волгу переѣзжалъ въ рыбачьей лодкѣ, да у острова дурачина рыбакъ со-слѣпа въ тину попалъ: надо было выскочить и стащить лодку.

Онъ, не обращая на Райскаго вниманія, перемѣнилъ панталоны и сѣлъ въ большомъ креслѣ, съ ногами, такъ, что колѣнки пришлись въ ровень съ лицомъ. Онъ положилъ на нихъ бороду. Райскій молча разсматривалъ его. Маркъ былъ лѣтъ двадцати семи, средняго роста, сложенный крѣпко, точно изъ металла, и пропорціонально. Онъ былъ не блондинъ, а блѣдный лицомъ, и волосы, блѣдно-русые, закинутые густой гривой на уши и на затылокъ, открывали большой выпуклый лобъ. Усы и борода жид-

кіе, свѣтлѣе волосъ на головѣ. Открытое, какъ будто дерзкое лицо, далеко выходило впередъ. Черты лица не совсѣмъ правильныя, довольно крупныя, лицо скорѣе худощавое, нежели полное. Улыбка, мелькавшая, по временамъ на лицѣ, выражала не то досаду, не то насмѣшку, но не удовольствіе. Руки у него длинныя, кисти рукъ большія, правильныя и цѣпкія. Взглядъ сѣрыхъ глазъ былъ, или смѣлый, вызывающій, или по большей части холодный, и ко всему небрежный. Сжавшись въ комокъ, онъ сидѣлъ неподвиженъ: ноги, руки не шевелились, точно замерли, глаза смотрѣли на все покойно или холодно. Но подъ этой неподвижностью таилась зоркость, чуткость и тревожность, какая замѣтна иногда въ лежащей, повидимому, покойно и беззаботно, собакѣ. Лапы сложены вмѣстѣ, на лапахъ покоится спящая морда, хребетъ согнулся въ тяжелое, лѣнивое кольцо: спитъ совсѣмъ, только одно вѣко все дрожитъ, и изъ-за него чуть-чуть сквозитъ черный глазъ. А пошевелись кто-нибудь около, дунь вѣтерокъ, хлопни дверь, покажись чужое лицо—эти безпечно разбросанные члены мгновенно сжимаются, вся фигура полна огня, бодрости, лаетъ, скачетъ...

Посидѣвъ немного съ зажмуренными глазами, онъ вдругъ открылъ ихъ и обратился къ Райскому.

— Вы вѣрно привезли хорошихъ сигаръ изъ Петербурга: дайте мнѣ одну, — сказалъ онъ безъ церемоніи.

Райскій подалъ ему сигарочницу.

— Леонтій! Ты насъ и не представилъ другъ другу! упрекнулъ его Райскій.

— Да чего представлять: вы оба пришли одной дорогой и оба знаете, кто вы! отвѣчалъ тотъ.

— Какъ это ты обмолвился умнымъ словомъ, а еще ученый! сказалъ Маркъ.

— Это тотъ самый... Маркъ... что́... Я писалъ тебѣ: помнишь... началъ-было Козловъ.

— Постой! Я самъ представлюсь! сказалъ Маркъ, вскочилъ съ креселъ и ставъ въ церемонную позу, расшаркался передъ Райскимъ.

— Честь имѣю рекомендоваться: Маркъ Волоховъ, пятнадцатаго класса, состоящій подъ надзоромъ полиціи чиновникъ, невольный здѣшняго города гражданинъ!

Потомъ откусилъ кончикъ сигары, закурилъ ее и опять свернулся въ комокъ на креслахъ.

— Что́ же вы здѣсь дѣлаете? спросилъ Райскій.

— Да то же, я думаю, что и вы...

— Развѣ вы... любите искусство: артистъ, можетъ быть? спросилъ опять Райскій.

— А вы... артистъ?

— Какъ же, вмѣшался Леонтій: — я тебѣ говорилъ: живописецъ, музыкантъ... Теперь романъ пишетъ: смотри, братъ, какъ разъ тебя туда упечетъ. — Что̀ ты: ужъ далеко? обратился онъ къ Райскому.

Райскій сдѣлалъ ему знакъ рукой молчать.

— Да, я артистъ, — отвѣчалъ Маркъ на вопросъ Райскаго. Только въ другомъ родѣ. Я такой артистъ, что̀ купцы называютъ «художникъ». Бабушка ваша, я думаю, вамъ говорила о моихъ произведеніяхъ!

— Она слышать о васъ не можетъ.

— Ну, вотъ видите! А я у ней пока всего сотню какую-нибудь яблокъ сорвалъ черезъ заборъ!

— Яблоки мои: я вамъ позволяю сколько хотите...

— Благодарю: не надо; привыкъ ужъ все въ жизни безъ позволенія дѣлать, такъ и яблоки буду брать безъ спросу: слаще такъ!

— Я очень хотѣлъ видѣть васъ: мнѣ такъ много со всѣхъ сторонъ наговорили... сказалъ Райскій.

— Что же вамъ наговорили?

— Мало хорошаго...

— Вѣроятно вамъ сказали, что я разбойникъ, извергъ, ужасъ здѣшнихъ мѣстъ!

— Почти...

— Что же васъ такъ позывало видѣть меня послѣ этихъ отзывовъ? Вамъ надо тоже пристать къ общему хору: я у васъ книги рвалъ: вотъ онъ, я думаю, сказывалъ...

— Да, да: вотъ онъ на лицо, я радъ, что онъ самъ заговорилъ, — сказалъ Леонтій. — Такъ бы и надо было сначала отрекомендовать тебя.

— Дѣлайте съ книгами что́ хотите, я позволяю, сказалъ Райскій.

— Опять! Кто проситъ вашего позволенія? Теперь не стану брать и рвать: можешь Леонтій спать покойно.

— А вѣдь въ сущности предобрый, замѣтилъ Леонтій про Марка: — когда прихворнешь, ходитъ, какъ нянька, за лекарствомъ бѣгаетъ въ аптеку... И чего не знаетъ? Все! Только ничего не дѣлаетъ, да вотъ покою никому не даетъ: шалунище непроходимый...

— Полно врать, Козловъ! перебилъ Маркъ.

— Впрочемъ, не всѣ бранятъ васъ, вмѣшался Райскій: —

Ватутинъ отзывается, или, по крайней мѣрѣ, старается отзываться хорошо.

— Неужели! Этотъ сахарный маркизъ! Кажется, я ему оставилъ кое-какіе сувениры: ночью будилъ не разъ, окна отворялъ у него въ спальнѣ. Онъ все, видите, нездоровъ, а какъ пріѣхалъ сюда, лѣтъ сорокъ назадъ, никто не помнитъ, чтобъ онъ былъ боленъ. Деньги, что̀ занялъ у него, не отдамъ никогда. Что же ему еще? А хвалитъ?

— Такъ вотъ вы какой артистъ! весело замѣтилъ Райскій.

— А вы какой? Разскажите теперь! просилъ Маркъ.

— Я... такъ себѣ, художникъ — плохой конечно: люблю красоту и поклоняюсь ей: люблю искусство, рисую, играю... вотъ хочу писать — большую вещь, романъ...

— Да, да, вижу: такой же художникъ, какъ всѣ у насъ...

— Всѣ?

— Вѣдь у насъ все артисты: одни лѣпятъ, рисуютъ, брянчатъ, сочиняютъ — какъ вы и подобные вамъ. Другіе ѣздятъ въ палаты, въ правленія — по утрамъ, третьи сидятъ у своихъ лавокъ и играютъ въ шашки, четвертые живутъ по помѣстьямъ и продѣлываютъ другія штуки — вездѣ искусство!

— У васъ нѣтъ охоты пристать къ которому-нибудь разряду? улыбаясь спросилъ Райскій.

— Пробовалъ, да не умѣю. А вы зачѣмъ сюда пріѣхали? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Самъ не знаю, сказалъ Райскій: — мнѣ все равно, куда ни ѣхать... Подвернулось письмо бабушки, она звала сюда, я и пріѣхалъ.

Маркъ погрузился въ себя и не занимался больше Райскимъ, а Райскій, напротивъ, вглядывался въ него всѣми глазами, изучалъ выраженіе лица, слѣдилъ за движеніями, стараясь помочь фантазіи, которая, по обыкновенію, рисовала портретъ за портретомъ съ этой новой личности.

«Слава Богу! думалъ онъ: кажется, не я одинъ такой праздный, не опредѣлившійся, ни на чемъ не остановившійся человѣкъ. Вотъ что-то похожее: бродитъ, не примиряется съ судьбой, ничего не дѣлаетъ (я хоть рисую и хочу писать романъ), по лицу видно, что ничѣмъ и никѣмъ не доволенъ... Что же онъ такое? Такая же жертва разлада, какъ я? Вѣчно въ борьбѣ, между двухъ огней? Съ одной стороны фантазія обольщаетъ, возводитъ все въ идеалъ... людей, природу, всю жизнь, всѣ явленія, а съ другой — холодный анализъ разрушаетъ все — и не даетъ забываться, жить: оттуда вѣчное недовольство, холодъ... То̀ ли и онъ, или другое что-нибудь...»

Онъ вглядывался въ дремлющаго Марка, у Леонтья тоже слипаются глаза.

— Пора домой, сказалъ Райскій. — Прощай, Леонтій!

— Куда же я его дѣну? спросилъ Козловъ, указывая на Марка.

— Оставь его тутъ.

— Да, оставь козла въ огородѣ! А книги-то? Еслибъ можно было передвинуть его съ кресломъ сюда, въ темненькую комнату, да запереть! мечталъ Козловъ, но тотчасъ же отказался отъ этой мечты.

— Съ нимъ послѣ и не раздѣлаешься, сказалъ онъ: — да еще, пожалуй, проснется ночью, кровлю съ дома снесетъ!

Маркъ вдругъ засмѣялся, услыхавъ послѣднія слова, и быстро вскочилъ на ноги.

— И я съ вами пойду! сказалъ онъ Райскому, и надѣвши фуражку, въ одно мгновеніе выскочилъ изъ окна, но прежде задулъ свѣчку у Леонтья, сказавъ: «Тебѣ спать пора: не сиди по ночамъ, смотри, у тебя опять рожа желтая и глаза ввалились!»

Райскій послѣдовалъ, хотя не такъ проворно, его примѣру, и оба тѣмъ же путемъ, черезъ садикъ и перелѣзши опять черезъ заборъ, вышли на улицу.

— Послушайте, сказалъ Маркъ: — мнѣ ѣсть хочется: у Леонтья ничего нѣтъ. Не поможете ли вы мнѣ осадить какой-нибудь трактиръ!

— Пожалуй, но это можно сдѣлать и безъ осады... сказалъ Райскій.

— Нѣтъ, теперь поздно, такъ не дадутъ, — особенно когда узнаютъ, что я тутъ: надо взять съ бою. Закричимъ: «пожаръ!» тогда отворятъ, а мы и войдемъ.

— Потомъ выгонятъ.

— Нѣтъ, уже это напрасно: не впустить меня еще можно, а когда я войду, такъ ужъ не выгонишь!

— Осадить! Ночной шумъ — какъ это можно? сказалъ Райскій.

— А! Испугались полиціи: что̀ сдѣлаетъ губернаторъ, что̀ скажетъ Нилъ Андреичъ, какъ приметъ это общество, дамы? смѣялся Маркъ. — Ну, прощайте, я ѣсть хочу и одинъ сдѣлаю приступъ.

— Послушайте, у меня другая мысль, забавнѣе этой. Моя бабушка — я говорилъ вамъ, не можетъ слышать вашего имени, и еще недавно спорила, что ни за что и никогда не накормитъ васъ...

— Ну, такъ что-же?

— Пойдемъ-те ужинать къ ней: да кстати ужъ и ночуйте у меня! Я не знаю, что̀ она сдѣлаетъ и скажетъ, знаю только что будетъ смѣшно.

— Идея не дурна: пойдемъ-те. Да только увѣрены ли вы, что мы достанемъ у ней ужинъ? Я очень голоденъ.

— Достанемъ ли ужинъ у Татьяны Марковны? Навѣрное остатками ужина можно накормить роту солдатъ.

Они молча шли дорогой. Маркъ курилъ сигару и шелъ, уткнувши носъ въ бороду, глядя подъ ноги и поплевывая.

Они пришли въ Малиновку и продолжали молча идти мимо забора, почти ощупью въ темнотѣ прошли ворота и подошли къ плетню, чтобъ перелѣзть черезъ него въ огородъ.

— Вонъ тамъ подальше лучше бы: отъ фруктоваго сада, или съ обрыва: сказалъ Маркъ. — Тамъ деревья, не видать, а здѣсь, пожалуй, собакъ встревожишь, да далеко обходить! я все тамъ хожу....

— Вы ходите... сюда, въ садъ? За чѣмъ? съ удивленіемъ спросилъ Райскій.

— А за яблоками! прибавилъ Маркъ. — Я вонъ ихъ тамъ въ прошломъ году рвалъ, съ поля, близъ стараго дома. И въ нынѣшнемъ августѣ надѣюсь, если... «вы позволите...»

— Съ удовольствіемъ: лишь бы не поймала Татьяна Марковна.

— Нѣтъ, не поймаетъ. А вотъ не поймаемъ-ли мы кого-нибудь? Смотрите, кто-то перескочилъ черезъ плетень: по нашему! Э, э, постой, не спрячешься. Кто тутъ? Стой: Райскій, спѣшите сюда, на помощь!

Онъ бросился впередъ шаговъ на десять и схватилъ кого-то.

— Что за кошачьи глаза у васъ, я ничего не вижу! говорилъ Райскій и поспѣшилъ на голосъ.

Маркъ уже держалъ кого-то: этотъ кто-то барахтался у него въ рукахъ, наконецъ упалъ на земь, прижавшись къ плетню.

— Ловите, держите тамъ: кто-то еще черезъ плетень пробирается въ огородъ! кричалъ опять Маркъ.

Райскій увидѣлъ еще фигуру, которая уже влѣзла на плетень и вытянула ноги, чтобъ соскочить въ огородъ. Онъ крѣпко схватилъ ее за руку.

— Кто тутъ? Кто ты? Зачѣмъ? говори? спрашивалъ онъ.

— Баринъ! пустите, не губите меня! жалобно шепталъ женскій голосъ.

— Это ты, Марина! сказалъ Райскій, узнавъ ее по голосу:— зачѣмъ ты здѣсь?

— Тише, баринъ, не зовите меня по имени: Савелій узнаетъ, больно прибьетъ!

— Ну, ступай, иди-же скорѣй... Нѣтъ, постой: встати попалась: не можешь-ли ты принести ко мнѣ въ комнату поужинать что-нибудь?

— Все могу, баринъ: только не губите, Христа ради!

— Не бойся, не погублю! Есть-ли что-нибудь на кухнѣ?

— Все есть: какъ не быть! цѣлый ужинъ! безъ васъ не хотѣли кушать, мало кушали. Заливныя стерляди есть, индѣйка, я все убрала на ледникъ....

— Ну, неси. А вино есть-ли?

— Осталась бутылка въ буфетѣ, и наливка у Марѳы Васильевны въ комнатѣ....

— Какъ-же достать: разбудишь ее.

— Нѣтъ, Марѳа Васильевна не проснется: люта спать! Пустите баринъ — мужъ услышитъ....

— Ну, бѣги-же, Земфира, да не попадись ему, смотри!

— Нѣтъ, теперь ничего не возьметъ если и встрѣтитъ, скажу на васъ, что вы велѣли....

Она засмѣялась своей широкой улыбкой во весь ротъ, глаза блеснули какъ у кошки, и она, далеко вскинувъ ноги, перескочила черезъ плетень, юбка задѣла за сучекъ. Она рванула ее, засмѣялась опять, и нагнувшись, по-кошачьи, промчалась между двумя рядами капусты.

А Маркъ въ это время все допытывался, кто прячется подъ плетнемъ. Онъ вытащилъ оттуда незнакомца, поставилъ на ноги и всматривался въ него, тотъ прятался и не давался узнавать себя.

— Савелій Ильичъ, заискивающимъ голосомъ говорилъ онъ: я — ничего такого... вы не деритесь: я самъ сдачи сдамъ...

— Что-то лицо твое мнѣ знакомо! сказалъ Маркъ: какая темнота!

— Ахъ, — это не Савелій Ильичъ, ну, слава-те Господи! радостно сказалъ, отряхиваясь незнакомый. — Я, сударь, садовникъ: вонъ оттуда....

Онъ показалъ на садъ вдали.

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Да... пришелъ послушать, какъ соборный колоколъ ударитъ... а не то чтобъ пустымъ дѣломъ заниматься.... У насъ часы остановились...

— Ну, тебя къ чорту! сказалъ Маркъ, оттолкнувъ его.

Тотъ перескочилъ черезъ канаву и пропалъ въ темнотѣ.

Райскій между тѣмъ воротился къ главнымъ воротамъ; онъ

старался отворить калитку, но не хотѣлъ стучаться, чтобъ не разбудить бабушку.

Онъ услышалъ чьи-то шаги по двору.

— Марина, Марина! звалъ онъ вполголоса, думая, что она несетъ ему ужинъ — отвори!

Съ той стороны отодвинули задвижку; Райскій толкнулъ калитку ногой, и она отворилась. Передъ нимъ стоялъ Савелій: онъ бросился на Райскаго и схватилъ его за грудь....

— А, постой, голубчикъ, я поквитаюсь съ тобой — вмѣсто Марины, — злобно говорилъ онъ: смотри, пожалуй, въ калитку лѣзетъ: а я тамъ, какъ пень, караулю у плетня....

Онъ приперъ спиной калитку, чтобъ посѣтитель не ушелъ.

— Это я, Савелій! сказалъ Райскій.—Пусти.

— Кто это?—никакъ баринъ! въ недоумѣніи произнесъ Савелій и остановился, какъ вкопаный.

— Какъ-же: вы изволили звать Марину! медленно произнесъ онъ, помолчавъ,—нешто вы ее видѣли?

— Да, я еще съ вечера просилъ ее оставить мнѣ ужинать — солгалъ онъ въ пользу преступной жены, — и отпереть калитку. Она ужъ слышала, что я пришелъ.... Пропусти гостя за мной, запри калитку и ступай спать.

— Слушаю-съ! медленно сказалъ онъ. Потомъ долго стоялъ на мѣстѣ, глядя вслѣдъ Райскому и Марку. «Вотъ что!» разстановисто произнесъ онъ и тихо пошелъ домой. На дорогѣ онъ встрѣтилъ Марину.

— Что тебѣ, лѣшій, не спится: сказала она, и согнувъ одно бедро, скользнула проворно мимо его: бродитъ по ночамъ! Ты бы хоть лошадямъ гривы заплеталъ: благо нѣтъ домового! Срамитъ меня только передъ господами!... ворчала она, несясь, какъ сильфъ, мимо его, съ тарелками, блюдами, салфетками и хлѣбами въ обѣихъ рукахъ, выше головы, но такъ, что ни одна тарелка не звенѣла, ни ложка, ни стаканъ не шевелились у ней.

Савелій, не глядя на нее, въ отвѣтъ на ея воззваніе, молча погрозилъ ей возжей.

XV.

Маркъ въ самомъ дѣлѣ былъ голоденъ: въ пять, шесть рѣшительныхъ пріемовъ ножемъ и вилкой, стерлядей какъ не бывало; но и Райскій не отставалъ отъ него. Марина пришла убрать и унесла остовъ индѣйки.

— Хорошо бы чего-нибудь сладкаго, сказалъ Борисъ Павловичъ.

— Пирожнаго не осталось, отвѣчала Марина: есть варенье, да ключи отъ подвала у Василисы.

— Что за пирожное! отозвался Маркъ: а нельзя-ли сдѣлать жжёнку? Есть-ли ромъ?

Райскій вопросительно взглянулъ на Марину.

— Должно быть есть: барышня на «пудень» выдавали повару на завтра: я посмотрю въ буфетѣ....

— А сахаръ есть-ли?

— У барышни въ комнатѣ: я достану, сказала Марина и исчезла.

— И лимонъ! крикнулъ ей вслѣдъ Маркъ.

Марина принесла бутылку рому, лимонъ, сахаръ, и жжёнка запылала. Свѣчи потушили, и синее пламя зловѣщимъ блескомъ озарило комнату. Маркъ изрѣдка мѣшалъ ложкой ромъ; растопленный на двухъ вилкахъ сахаръ, шипя, капалъ въ чашку. Маркъ время отъ времени пробовалъ, готова-ли жжёнка, и опять мѣшалъ ложкой.

— И такъ... сказалъ помолчавъ Райскій—и остановился.

— И такъ?... повторилъ Маркъ вопросительно.

— Давно-ли вы здѣсь въ городѣ?

— Года два....

— Вѣрно скучаете.

— Я стараюсь развлекаться....

— Извините... я....

— Пожалуйста, безъ извиненій!—спрашивайте на прямикъ. Въ чемъ вы извиняетесь?

— Въ томъ, что не вѣрю вамъ....

— Въ чемъ?

— Въ этихъ развлеченіяхъ... въ этой роли, которую вы... или виноватъ....

— Опять «виноватъ?»

— Которую вамъ приписываютъ.

— У меня нѣтъ никакой роли: вотъ мнѣ и приписываютъ какую-то.

Онъ налилъ рюмку жжёнки и выпилъ.

— Выпейте: готова! сказалъ онъ, наливая рюмку и подвигая къ Райскому. Тотъ выпилъ ее медленно, безъ удовольствія, чтобъ только сдѣлать компанію собесѣднику.

— Приписываютъ, началъ Райскій: стало быть это не настоящая ваша роль?

— Экіе вы! я вамъ говорю, что у меня нѣтъ роли: ужели нельзя безъ роли прожить?...

— Но вѣдь въ насъ есть потребность что́-нибудь дѣлать: а вы, кажется, ничего....

— А вы что́ дѣлаете?

— Я... говорилъ вамъ, что я... художникъ....

— Покажите же мнѣ образчики вашего искусства....

— Теперь ничего нѣтъ: вотъ впрочемъ — бездѣлка: еще не совсѣмъ кончено....

— Онъ всталъ съ дивана, снялъ холстину съ портрета Марѳиньки и зажегъ свѣчу.

— Да, похожъ! сказалъ Маркъ — хорошо!... «У него талантъ!» сверкнуло у Марка въ головѣ.—Очень хорошо бы... говорилъ онъ: да... голова велика, плечи немного широки... у васъ рисунка нѣтъ.

«У него вѣренъ глазъ!» подумалъ Райскій.

— Лучше всего этотъ свѣтлый тонъ въ воздухѣ и въ аксессуарахъ. Вся фигура отъ этого легка, воздушна, прозрачна: вы поймали тайну фигуры Марѳиньки. Къ цвѣту ея лица и волосъ идетъ этотъ легкій колоритъ...

«У него есть и вкусъ и пониманіе, думалъ опять Райскій: ужъ не артистъ-ли онъ, да притаился?»

— А вы знаете Марѳиньку? спросилъ онъ.

— Знаю.

— А Вѣру?

— И Вѣру знаю.

— Гдѣ же вы ихъ видали: вы въ домѣ не бываете?

— Въ церкви.

— Въ церкви? Какъ-же говорятъ, что вы не заглядываете въ церковь?

— Не помню, впрочемъ, гдѣ видѣлъ: въ деревнѣ, въ полѣ встрѣчалъ...

Онъ выпилъ еще рюмку жжёнки.

— Не хотите-ли? прибавилъ онъ, наливая Райскому.

— Нѣтъ — я не пью почти: это такъ только, для компаніи. У меня и такъ въ голову бросилось.

— И у меня тоже, да ничего: выпейте. Еслибъ въ голову не бросалось, такъ и пить не нужно.

— Зачѣмъ же, если не хочется?

— И то правда, ну, такъ я за васъ.

Онъ выпилъ и его рюмку.

«Не пьяница-ли онъ?» подумалъ Райскій, боязливо глядя, съ какимъ удовольствіемъ онъ выпилъ еще рюмку.

— Вамъ, странно смотрѣть, что я пью: сказалъ Маркъ, угадавшій его мысли: это отъ скуки и праздности.... дѣлать

нечего!—Онъ опять налилъ, но поставилъ рюмку подлѣ себя и попросилъ сигару. Райскій подвинулъ ему ящикъ.

«У него глаза покраснѣли» думалъ онъ: напрасно я зазвалъ его — видно бабушка правду говоритъ: какъ бы онъ чего-нибудь»...

— Праздность: вѣдь это...

— Мать всѣхъ пороковъ, хотите вы сказать: перебилъ Маркъ.... запишите это въ свой романъ и продайте... И ново, и умно...

— Я хочу сказать, продолжалъ Райскій, что отъ насъ зависитъ быть празднымъ и не быть....

— Когда вы давича перелѣзли черезъ заборъ къ Леонтью, перебилъ опять Маркъ, я думалъ, что вы порядочный человѣкъ, а вы, кажется, въ полку Нила Андреича служите, читаете мораль....

— Вотъ видите, я и правъ, что извинялся передъ вами: надо быть осторожнымъ на словахъ.... замѣтилъ Райскій.

— Зачѣмъ? не надо. Говорите, что̀ вздумается, и мнѣ не мѣшайте отвѣчать, какъ вздумаю. Вѣдь я не спросилъ у васъ позволенія обругать васъ Ниломъ Андреичемъ — а ужъ чего хуже?

— Правда-ли, что вы стрѣляли по немъ? спросилъ Райскій съ любопытствомъ.

— Вздоръ: я стрѣлялъ вонъ тамъ на выѣздѣ по голубямъ, чтобъ ружье разрядить: я возвращался съ охоты. А онъ тамъ гулялъ: увидалъ, что я стрѣляю, и началъ кричать, чтобъ я перестапъ, что это грѣхъ, и тому подобныя глупости. Еслибъ только одно это, я бы назвалъ его дуракомъ и дѣло съ концомъ, а онъ затопалъ ногами, грозилъ пальцомъ, стучалъ палкой: «я тебя, говоритъ, мальчишку, въ острогъ; я тебя туда, куда воронъ костей не заносилъ; въ 24 часа въ мелкій порошокъ изотру, въ бараній рогъ согну, на поселеніе сошлю!» Я далъ ему истощить весь словарь этихъ нѣжностей, выслушалъ хладнокровно, а потомъ прицѣлился въ него.

— Что же онъ?

— Ну, началъ присѣдать, растерялъ палку, калоши, потомъ сѣлъ на земь и попросилъ извиненія. А я выстрѣлилъ на воздухъ и опустилъ ружье — вотъ и все.

— Это... развлеченіе? спросилъ съ мягкой ироніей Райскій.

— Нѣтъ, серьезно отвѣчалъ Маркъ: важное дѣло, урокъ старому ребенку.

— Что же послѣ?

— Ничего: онъ ѣздилъ къ губернатору жаловаться и солгалъ,

что я стрѣлялъ въ него, да не попалъ. Еслибъ я былъ мирный гражданинъ города, меня бы сейчасъ на съѣзжую посадили, а такъ какъ я внѣ закона, на особенномъ счету, то губернаторъ разузналъ, какъ было дѣло, и посовѣтовалъ Нилу Андреичу умолчать: «чтобъ до Петербурга никакихъ исторій не доходило»: этого, онъ, какъ огня, боится.

«Кажется, онъ хвастается удалью!» подумалъ Райскій, вглядываясь въ него. «Не провинціяльный-ли это фанфаронъ низшаго разряда?»

— Я не хотѣлъ читать вамъ морали, сказалъ онъ вслухъ, говоря о праздности: я только удивился, что съ вашимъ умомъ, образованіемъ и способностями....

— Почемъ вы знаете мой умъ, образованіе и способности?

— Я вижу....

— Что же вы видите? что я умѣю лазить черезъ заборы, стрѣляю въ дураковъ, ѣмъ много, пью.... видите!...

Онъ еще выпилъ. Райскій съ безпокойствомъ смотрѣлъ на эти возліянія и подумывалъ, чѣмъ это все кончится. Онъ внутренно раскаявался въ своей затѣѣ подразнить бабушку.

— Вы морщитесь: не бойтесь, сказалъ Маркъ: я не сожгу дома и не зарѣжу никого. Сегодня я особенно пью, потому что я усталъ и озябъ. Я не пьяница.

Онъ вылилъ остатки рома изъ бутылки въ чашку и зажегъ опять ромъ. Потомъ, положивъ оба локтя на столъ, небрежно глядѣлъ на Райскаго. Въ манерахъ его, и безъ того развязныхъ, стала появляться и та свобода, обыкновенная за бутылкой, отъ которой всегда неловко становится трезвому собесѣднику. Разговоръ тоже принималъ оборотъ фамильярности. Райскаго, несмотря на увѣреніе собесѣдника, не покидало безпокойство, что это перейдетъ границы.

— Вы тоже, можетъ быть, умны.... говорилъ Маркъ, не то серьезно, не то иронически, и безцеремонно глядя на Райскаго,— я еще не знаю, а можетъ быть, и нѣтъ: а что способны, даже талантливы—это я вижу, слѣдовательно больше васъ имѣю права спросить, отчего же вы ничего не дѣлаете?

— Я.... все таки....

— Портретъ написали? перебилъ онъ. — Да вы портретистъ, что-ли?

— Да, я писалъ иногда....

— Ну, *иногда* — это не дѣло. Иногда и я дѣлалъ кое-что.

Онъ помѣшалъ новую жжёнку и хлебнулъ. Райскій и желалъ и боялся наводить его на дальнѣйшій разговоръ, чтобъ вино не оказало полнаго дѣйствія.

— Вы говорите, началъ однако онъ, что у меня есть талантъ—и другіе тоже говорятъ, даже находятъ во мнѣ таланты: я, можетъ быть, и художникъ въ душѣ, искренній художникъ,—но я не готовился къ этому поприщу....

— Почему же?

— Да какъ вамъ сказать: у насъ нѣтъ этой арены, отъ того нѣтъ и приготовленія къ ней.

— Вотъ видите, замѣтилъ Маркъ: однако васъ учили; нельзя прямо сѣсть за фортепіано, да заиграть. Плечо у васъ на портретѣ и криво, голова велика, а все же надо выучиться держать кисть въ рукѣ...

— Да, если хотите, учили, «чтобъ имѣть въ обществѣ пріятные таланты», какъ говаривалъ мой опекунъ: рисовать въ альбомы, пѣть романсы въ салонѣ. Я и достигъ этого умѣнья очень быстро. А когда подросъ, узналъ, что̀ значитъ призваніе — хотѣлъ одного искусства и больше ничего — мнѣ показали, въ какихъ черныхъ рукахъ оно держится. Заѣзжіе пѣвцы и пѣвицы давали концерты, на нихъ смотрѣли свысока. Учитель рисованья сидѣлъ безъ хлѣба. Бабушка руками всплеснула, когда узнала, какое поприще выбираю себѣ. У меня вонъ предки есть: съ историческими именами; въ мундирахъ, лентахъ и звѣздахъ: ну, и меня толкали въ камеръ-юнкеры, соблазняли гусарскимъ мундиромъ. Я былъ мальчикъ, соблазнился и пошелъ въ гусары.

— Ну, а потомъ? тамъ въ Петербургѣ есть академія....

— Потомъ....

— Что̀ потомъ? перебилъ Маркъ и засмѣялся.

— Извѣстно что̀.... поздно было: какая академія послѣ чада петербургской жизни! съ досадой говорилъ Райскій, ходя изъ угла въ уголъ:—у меня, видите, есть имѣніе, есть родство, свѣтъ... Надо бы было все это отдать нищимъ, взять крестъ и идти... какъ говоритъ одинъ художникъ, мой пріятель. Меня отняли отъ искусства—какъ дитя отъ материнской груди... Онъ вздохнулъ. Но я ворочу и дойду! сказалъ онъ рѣшительно.—Время не ушло, я еще не старъ...—Маркъ опять засмѣялся.

— Нѣтъ, говорилъ онъ, не сдѣлаете: куда вамъ!

— Отъ чего нѣтъ? почему вы знаете? горячо приступилъ къ нему Райскій: вы видите, у меня есть воля и терпѣніе...

— Вижу, вижу, говорилъ небрежно Маркъ: и лицо у васъ пылаетъ, и глаза горятъ—и всего отъ одной рюмки: то ли будетъ, какъ выпьете еще! Тогда тутъ же что-нибудь сочините или нарисуете: выпейте, не хотите-ли?

— Да почему вы знаете? вы не вѣрите въ намѣренія?...

— Какъ не вѣрить: ими, говорятъ, вымощенъ адъ. Нѣтъ,

вы ничего не сдѣлаете и не выйдеть изъ васъ ничего, кромѣ того, чтó вышло, т. е. очень мало. Много этакихъ у насъ было и есть: всѣ пропали, или спились съ кругу. Я еще удивляюсь, что вы не пьете: наши художники обыкновенно кончаютъ этимъ. Это все неудачники!—Онъ, съ усмѣшкой, подвинулъ ему рюмку и выпилъ самъ.

«Онъ холодный, злой, безъ сердца!» заключилъ Райскій. Между прочимъ его поразило послѣднее замѣчаніе. «Много у насъ этакихъ!» шепталъ онъ и задумался. «Ужели я изъ тѣхъ: съ печатью таланта, но грубыхъ, грязныхъ, утопившихъ даръ въ винѣ.... «одна нога въ калошѣ, другая въ туфлѣ» мелькнуло у него бабушкино живописное сравненіе. «Ужели я.... «неудачникъ?» А это упорство, эта одна вѣчная цѣль, чтó это значитъ? Вретъ онъ!»

— Вы увидите, что не всѣ такіе.... возразилъ онъ горячо— увидите, я непремѣнно... и опять остановился, вспомнивъ бабушкину мудрость о заносчивомъ «непремѣнно».

— Сами же видите, что я не топлю даръ въ винѣ... сказалъ онъ.

— Да, не пьете: это правда: это улучшеніе, прогрессъ! Свѣтъ, перчатки, танцы и духи спасли васъ отъ этогó. Впрочемъ, чадъ бываетъ различный: у кого пары бросаются въ голову, у другого... Не влюбчивы-ли вы?

Райскій слегка покраснѣлъ.

— Чтó, кажется попалъ?

— Почему вы знаете?

— Да потому, что это тоже входитъ въ натуру художника: она не чуждается ничего человѣческаго: nihil humanum... и такъ далѣе! Кто вино, кто женщинъ, кто карты, а художники взяли себѣ все.

Райскій махнулъ рукой съ ожесточеніемъ.

— Что вы? спросилъ Маркъ.

— «Вино», «женщины», «карты»: повторилъ Райскій озлобленно: когда перестанутъ считать женщину какимъ-то наркотическимъ снадобьемъ... и ставить рядомъ съ виномъ и картами!— Почему вы думаете, что я влюбчивъ? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Вы давича сами сказали, что любите красоту, поклоняетесь ей...

— Ну, такъ что же: поклоняюсь—видите...

— Вѣрно влюблены въ Мареиньку: не даромъ портретъ пишете! Художники, какъ лекаря и попы, даромъ не любятъ ничего дѣлать. Пожалуй, не прочь и того... увлечь дѣвочку, сыграть какой-нибудь романчикъ, даже драму...

Онъ глядѣлъ безцеремонно на Райскаго и засмѣялся злымъ смѣхомъ.

— Милостивый государь! сказалъ Райскій запальчиво: кто вамъ далъ право думать и говорить такъ?

И вдругъ остановился, вспомнивъ сцену съ Мароинькой въ саду, и сильно почесалъ свои густые волосы.

— Тише, бабушка услышитъ! небрежно сказалъ Маркъ.

— Послушайте! сдвинувъ брови, началъ опять Райскій...

— ...«Если я васъ до сихъ поръ не выбросилъ за окошко,—договорилъ за него Маркъ,—то вы обязаны этимъ тому, что вы у меня подъ кровомъ!» Такъ, что-ли, слѣдуетъ дальше? ха, ха, ха!

Райскій прошелся по комнатѣ.

— Нѣтъ, вы обязаны тому, что вы пьяны! сказалъ онъ покойно, сѣлъ въ кресло и задумался. Ему вдругъ скучно стало съ своимъ гостемъ, какъ трезвому бываетъ съ пьянымъ.

— О чемъ вы думаете? спросилъ Маркъ.

— Угадайте, вы мастеръ угадывать.

— Вы раскаяваетесь, что зазвали меня къ себѣ.

— Почти... отвѣчалъ Райскій, нерѣшительно: остатокъ вѣжливости мѣшалъ ему быть вполнѣ откровеннымъ.

— Говорите смѣлѣе—какъ я: скажите все, что́ думаете обо мнѣ. Вы давича интересовались мною, а теперь...

— Теперь, признаюсь, мало.

— Я вамъ надоѣлъ?

— Не то что надоѣли, а перестали занимать меня, быть новостью. Я васъ вижу и знаю.

— Скажите-же, что̀ я такое?

— Что̀ вы такое? повторилъ Райскій, остановясь передъ нимъ и глядя на него также безцеремонно, почти дерзко, какъ и Маркъ на него. — Вы не загадка: «свихнулись въ ранней молодости» — говоритъ Титъ Никонычъ: а я думаю, вы просто не получили никакого воспитанія, иначе бы не свихнулись; отъ того ничего и не дѣлаете... Я не извиняюсь въ своей откровенности: вы этого не любите; притомъ слѣдую вашему примѣру...

— Пожалуйста, пожалуйста, продолжайте, безъ оговорокъ, оживляясь сказалъ Маркъ: вы растете въ моемъ мнѣніи: я думалъ, что вы такъ себѣ, дряблый, приторный, вѣжливый господинъ, какъ всѣ тамъ... А въ васъ есть спиртъ... хорошо! продолжайте!

Райскій небрежно молчалъ.

— Что̀ такое воспитаніе? заговорилъ Маркъ. — Возьмите всю вашу родню и знакомыхъ: воспитанныхъ, умытыхъ, причесанныхъ, не пьющихъ, опрятныхъ, съ belles manières..: согласи-

тесь, что они не больше моего дѣлаютъ? А вы сами тоже съ воспитаніемъ—вотъ не пьете: а за исключеніемъ портрета Марѳиньки, да романа въ программѣ...

Райскій сдѣлалъ движеніе нетерпѣнія, а Маркъ кончилъ свою фразу смѣхомъ. Смѣхъ этотъ раздражалъ нервы Райскаго. Ему хотѣлось вполнѣ заплатить Марку за откровенность откровенностью.

— Да, вы правы: ни ихъ, ни меня къ дѣлу не готовили: мы были обезпечены... сказалъ онъ.

— Какъ не готовили? учили верхомъ для военной службы, дали хорошій почеркъ для гражданской. А въ университетѣ: и права, и греческую, и латынскую мудрость, и государственныя науки: чего не было? А все прахомъ пошло. Ну-съ, продолжайте, что̀-же я такое?

— Вы замѣтили, сказалъ Райскій, что наши художники перестали пить, и справедливо видите въ этомъ прогрессъ, т. е. воспитаніе. Артисты вашего сорта — еще не улучшились... все тѣ же, какъ я вижу...

— Какіе же это артисты — скажите, только, пожалуйста, напрямикъ?

— Артисты — sans façons, которые напиваются при первомъ знакомствѣ, бьютъ стекла по ночамъ, осаждаютъ трактиры, травятъ собаками дамъ, стрѣляютъ въ людей, занимаютъ вездѣ деньги....

— И не отдаютъ! прибавилъ Маркъ. — Браво! Славный очеркъ: вы его помѣстите въ романъ...

— Можетъ быть, помѣщу.

— А propos о деньгахъ: для полноты и вѣрности вашего очерка, дайте мнѣ рублей сто взаймы: я вамъ... никогда не отдамъ, развѣ что будете въ моемъ положеніи, а я въ вашемъ....

— Что это, шутка?

— Какая шутка! огородникъ, у котораго нанимаю квартиру, пристаетъ: онъ-же и кормитъ меня. У него ничего нѣтъ. Мы оба въ затрудненіи...

— Райскій пожалъ плечами, потомъ порылся въ платьяхъ, наконецъ отыскалъ бумажникъ и вынувъ оттуда нѣсколько ассигнацій, положилъ ихъ на столъ.

— Тутъ только восемдесятъ: вы меня обсчитываете, сказалъ Маркъ, сосчитавъ.

— Больше нѣтъ: деньги спрятаны у бабушки: завтра пришлю.

— Не забудьте. Пока довольно съ меня. Ну-съ, что-же

дальше: «занимаютъ деньги и не отдаютъ», говорилъ Маркъ, пряча деньги въ карманъ.

— Праздные повѣсы, которымъ противенъ трудъ и всякій порядокъ, продолжалъ Райскій:—бродячая жизнь, житье на распашку, на чужой счетъ — вотъ все, что имъ остается, какъ скоро они однажды выскочатъ изъ колеи. Они часто грубы, грязны; есть между ними фаты, которые еще гордятся своимъ цинизмомъ и лохмотьями...

Маркъ засмѣялся.

— Не въ бровь, а прямо въ глазъ: хорошо, хорошо! говорилъ онъ.

— Да, если много такихъ художниковъ, какъ я, сказалъ Райскій, такъ такихъ артистовъ, какъ вы, еще больше: имя имъ легіонъ!

— Еще немножко, и вы заплатите мнѣ вполнѣ: замѣтилъ Маркъ, но прибавьте: легіонъ, пущенный въ стадо...

Онъ опять засмѣялся. За нимъ усмѣхнулся и Райскій.

— Что-жъ, это не правда? добавилъ Райскій: скажите по совѣсти! Я согласенъ съ вами, что я принадлежу къ числу тѣхъ художниковъ, которыхъ вы назвали... какъ?

— Неудачниками.

— Ну, очень хорошо, и слово хорошее, мѣткое.

— Здѣшняго издѣлія: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады: сказалъ, кланяясь, Маркъ. — Вамъ угодно, чтобъ я согласился съ вѣрностью вашего очерка: еслибъ я даже былъ стыдливъ, обидчивъ, какъ вы, еслибъ и не хотѣлъ согласиться, то принужденъ бы былъ сдѣлать это. Поэтому поздравляю васъ: наружно очеркъ вѣренъ — почти совершенно...

— Вы соглашаетесь и... съ удивленіемъ началъ Райскій.

— И остаюсь все тѣмъ-же? досказалъ Маркъ: васъ это удивляетъ? Вы вѣдь то-же видите себя хорошо въ зеркалѣ: согласились даже благосклонно принять прозвище неудачника: а все-таки ничего не дѣлаете?

— Но я хочу... дѣлать—и буду! съ азартомъ сказалъ Райскій.

— И я смертельно хочу дѣлать, но—я думаю—не буду.

Райскій пожалъ плечами.

— Отъ чего-же?

— Поприща, «арены» для меня нѣтъ... какъ вы говорите.

— Какую же арену избрали вы себѣ?

— Вы скажите мнѣ прежде, отъ чего я такой? спросилъ Маркъ — вы такъ хорошо сдѣлали очеркъ — замокъ передъ вами, приберите и ключъ. Что вы видите еще подъ этимъ очеркомъ?

Тогда, можетъ быть, и я скажу вамъ, отъ чего я не буду ничего дѣлать.

Райскій началъ ходить по комнатѣ, вдумываясь въ этотъ новый вопросъ.

— Отъ чего вы такой? повторилъ онъ въ раздумьи, останавливаясь передъ Маркомъ: я думаю вотъ отъ чего: отъ природы вы были пылкій, живой мальчикъ. Дома мать, няньки избаловали васъ...

Маркъ усмѣхнулся.

— Все это баловство повело къ деспотизму: а когда дядьки и няньки кончились, чужіе люди стали ограничивать дикую волю, вамъ не понравилось; вы сдѣлали эксцентрическій подвигъ, васъ прогнали изъ одного мѣста. Тогда ужъ стали мстить обществу: благоразуміе, тишина, чужое благосостояніе показалось грѣхомъ и порокомъ, порядокъ противенъ, люди нелѣпы... И давай тревожить покой смирныхъ людей...

Маркъ покачалъ головой.

«Что же онъ такое»? думалъ про себя Райскій, глядя на Марка.

— Одни изъ этихъ артистовъ просто утопаютъ въ картахъ, въ винѣ, продолжалъ онъ, другіе ищутъ роли. Есть и донъ-кихоты между ними: они хватаются за какую-нибудь невозможную идею, преслѣдуютъ ее иногда искренно; вообразятъ себя пророками и апостольствуютъ въ кружкахъ слабыхъ головъ, по трактирамъ. Это легче, чѣмъ работать: проврутся что-нибудь дерзко про власть, ихъ переводятъ, пересылаютъ съ мѣста на мѣсто. Они всѣмъ въ тягость, вездѣ надоѣли. Кончаютъ они различно, смотря по характеру: кто угодитъ, вотъ какъ вы, на смиреніе...

— Да я еще не кончилъ: я начинаю только, что̀ вы! перебилъ Маркъ.

— Другихъ запираютъ въ сумасшедшій домъ за ихъ идеи...

— Это еще не доказательство сумасшествія. Помните, что̀ и того, у кого у перваго родилась идея о парѣ, тоже посадили за нее въ сумасшедшій домъ, замѣтилъ Маркъ.

— А! такъ вотъ вы что: у васъ претензія есть: выражать собой и преслѣдовать великую идею!

— Да-съ, вотъ что́! съ комической важностью подтвердилъ Маркъ.

— Какую же?

— Какіе вы нескромные! угадайте! сказалъ зѣвая Маркъ— и положивъ голову на подушку, закрылъ глаза.

— Спать хочется! прибавилъ онъ.

— Ложитесь здѣсь, на мою постель: а я лягу на диванъ — приглашалъ Райскій; вы гость...

— Хуже татарина... сквозь сонъ бормоталъ Маркъ: — вы ложитесь на постель, а я.... мнѣ все равно...

«Что онъ такое»? думалъ Райскій, тоже зѣвая: — витаетъ, какъ птица или бездомная, безпріютная собака, безъ хозяина, т. е. безъ цѣли! праздный, затерявшійся повѣса, заблудшая овца, или...

— Прощайте, неудачникъ! сказалъ Маркъ.

— Прощайте, русскій... Карлъ Моръ! насмѣшливо отвѣчалъ Райскій и задумался. А когда очнулся отъ задумчивости, Маркъ спалъ уже всею сладостью сна, какой дается крѣпко озябшему, уставшему, наѣвшемуся и выпившему человѣку.

Райскій подошелъ къ окну, откинулъ занавѣску, смотрѣлъ на темную звѣздную ночь. Кое-гдѣ стучали въ доску, лѣниво раздавалось откуда-то протяжное: «слушай!» Только отъ собачьяго лая стоялъ глухой гулъ надъ городомъ. Но все превозмогала тишина, темнота и невозмутимый покой. Въ комнатѣ, въ недопитой Маркомъ чашкѣ съ ромомъ, ползалъ чуть мерцающій синій огонекъ, и изрѣдка вспыхивая, озарялъ на секунду комнату и опять горѣлъ тускло, готовый ежеминутно потухнуть. Кто-то легонько постучалъ въ дверь. «Кто тамъ?» тихо спросилъ Райскій. «Это я, Борюшка, отвори скорѣе! что́ у тебя дѣлается»? послышался испуганный голосъ Татьяны Марковны. Райскій отперъ. Дверь отворилась, и бабушка, какъ привидѣніе, вся въ бѣломъ, явилась на порогѣ.

— Батюшки мои! что это за свѣтъ? съ тревогой произнесла она, глядя на мерцающій огонь.

Райскій отвѣчалъ смѣхомъ.

— Что такое у тебя? повторяла она. — Я въ окно увидала свѣтъ, испугалась, думала, ты спишь... Что это горитъ въ чашкѣ?

— Ромъ.

— Ты по ночамъ пьешь пуншъ! шепотомъ, въ ужасѣ сказала она и съ изумленіемъ глядѣла, то на него, то на чашку.

— Грѣшенъ, бабушка, иногда люблю выпить...

Смѣхъ не далъ ему договорить.

— А это кто́ спитъ? съ новымъ изумленіемъ спросила она, вдругъ увидавъ спящаго Марка.

— Тише, бабушка, не разбудите: это Маркъ.

— Маркъ! повторила она шепотомъ, глядя неподвижно на спящаго. — Не послать ли за полиціей? живо прибавила потомъ. — Гдѣ ты взялъ его? какъ ты съ нимъ связался? говорила она въ изумленіи: по ночамъ съ Маркомъ пьетъ пуншъ! Да что съ тобой сдѣлалось, Борисъ Павловичъ?

— Я у Леонтія встрѣтился съ нимъ, говорилъ онъ, наслаждаясь ея ужасомъ. — Намъ обоимъ захотѣлось ѣсть: онъ звалъ-было въ трактиръ...

— Въ трактиръ! съ новымъ ужасомъ сказала она. — Этого еще не доставало!

— А я привелъ его къ себѣ — и мы поужинали...

— Отъ чего же ты не разбудилъ меня! Кто вамъ подавалъ? Чтò подавали?

— Стерляди, индѣйку: Марина все нашла!

— Все холодное! какъ же не разбудить меня! упрекала бабушка: — дома есть мясо, цыплята... Ахъ, Борюшка, срамишь ты меня!

— Мы сыты и такъ.

— А пирожное? спохватилась она: вѣдь его не осталось! что же вы ѣли!

— Ничего: вонъ Маркъ пуншъ сдѣлалъ. Мы сыты.

— Сыты! ужинали безъ горячаго, безъ пирожнаго! я сейчасъ пришлю варенья...

— Нѣтъ, нѣтъ, не хотимъ, повторялъ Райскій. — Если хотите, я разбужу Марка, спрошу...

— Что ты, Богъ съ тобой: я въ кофтѣ! съ испугомъ отговаривалась Татьяна Марковна, прячась въ корридорѣ. — Богъ съ нимъ: пусть его спитъ! Да какъ онъ спитъ-то: свернулся, точно собачонка! косясь на Марка говорила она. — Стыдъ, Борисъ Павловичъ, стыдъ: развѣ перинъ нѣтъ въ домѣ? Ахъ, ты Боже мой! Да потуши ты этотъ проклятый огонь! Безъ пирожнаго!

Райскій задулъ синій огонь и обнялъ бабушку. Она перекрестила его, и покосясь еще на Марка, на цыпочкахъ пошла къ себѣ.

Онъ уже ложился спать, какъ опять постучали въ дверь.

— Кто еще тамъ? спросилъ Райскій и отперъ дверь.

Марина поставила прежде на столъ банку варенья, потомъ втащила пуховикъ и двѣ подушки.

— Барыня прислала: не покушаете-ли варенья? сказала она. — А вотъ и перина: если Маркъ Иванычъ проснутся, такъ вотъ легли бы на перинѣ!

Райскій еще разъ разсмѣялся искренно отъ души, и въ тоже время почти до слезъ былъ тронутъ добротой бабушки, нѣжностью этого женскаго сердца, вѣрностью своимъ правиламъ гостепріимства и простымъ, указываемымъ сердцемъ, добродѣтелямъ.

XVI.

Рано утромъ легкій стукъ въ окно разбудилъ Райскаго. Это Маркъ выпрыгнулъ въ окошко. «Не любитъ прямой дороги!»... думалъ Райскій глядя, какъ Маркъ переправился черезъ цвѣтникъ, черезъ садъ, потомъ перелѣзъ черезъ заборъ огорода и скрылся въ чащѣ деревьевъ, у самаго обрыва.

Борису не спалось, и онъ, въ легкомъ утреннемъ пальто, вышелъ въ садъ, хотѣлъ-было догнать Марка, но увидѣлъ его уже далеко идущаго низомъ по волжскому прибрежью. Райскій постоялъ надъ обрывомъ: было еще рано; солнце не вышло изъ-за горъ, но лучи его уже золотили верхушки деревьевъ, вдали сіяли поля, облитыя росой, утренній вѣтерокъ вѣялъ мягкой прохладой. Воздухъ быстро нагрѣвался и обѣщалъ теплый день.

Райскій походилъ по саду. Тамъ уже началась жизнь; птицы пѣли дружно, суетились во всѣ стороны, отыскивая завтракъ; пчелы, шмели жужжали около цвѣтовъ. Издали, съ поля, доносилось мычанье коровъ, по полю валило облако пыли, поднимаемое стадомъ овецъ; въ деревнѣ скрипѣли ворота, слышался стукъ телѣгъ; во ржи щелкали перепела. На дворѣ тоже начиналась забота дня. Прохоръ поилъ и чистилъ лошадей въ сараѣ, Кузьма или Степанъ рубилъ дрова, Матрена прошла съ корытцомъ муки въ кухню, Марина раза четыре пронеслась по двору, бережно неся и держа далеко отъ себя выглаженныя юбки барышни. Егорка дѣлалъ туалетъ, умываясь у колодца, въ углу двора; онъ полоскался, сморкался, плевалъ и уже скалилъ зубы надъ Мариной. Яковъ съ крыльца молился на крестъ собора, поднимавшійся изъ-за домовъ слободки. По двору, подъ ногами людей и около людскихъ, у корыта съ какой-то кашей, толпились куры и утки, да нахально вездѣ бѣгали собаки, лаявшія на-тощакъ безъ толку на всякаго прохожаго, даже иногда на своихъ, наконецъ другъ на друга.

— Все тоже, что̀ вчера, что̀ будетъ завтра! прошепталъ Райскій.

Онъ постоялъ по срединѣ двора, лѣниво оглянулся во всѣ стороны, почесался, зѣвнулъ и вдругъ почувствовалъ симптомы болѣзни, мучившей его съ Петербурга. Ему стало скучно, и передъ нимъ, въ перспективѣ, стоялъ длинный день, съ вчерашними, третьягоднишними впечатлѣніями, ощущеніями. Кругомъ все таже наивно улыбающаяся природа, тотъ же лѣсъ, та же задумчивая Волга, обвѣвалъ его тотъ же воздухъ; тѣже все представленія, лишь онъ проснется, какъ неподвижная кулиса, вста-

вали передъ нимъ. По ней двигались тѣ же лица, разныя твари. Его и влекла и отталкивала отъ нихъ центробѣжная сила: его тянуло къ Леонтію, котораго онъ цѣнилъ и любилъ, но лишь только онъ приходилъ къ нему, его уже толкало вонъ. Леонтій, какъ изваяніе, вылился весь окончательно въ назначенный ему образъ, угадалъ свою задачу и окаменѣлъ навсегда. Райскій искалъ чего-нибудь другаго, гдѣ бы онъ могъ не каменѣть, не слыша и не чувствуя себя. Онъ шелъ къ бабушкѣ, и у ней въ комнатѣ, на кожаномъ канапе, за рѣшетчатымъ окномъ, находилъ еще какое-то колыханье жизни, тамъ еще была ему какая-нибудь работа, ломать старый вѣкъ. Жизнь между ею и имъ становилась не иначе, какъ спорнымъ пунктомъ, и разрѣшалась иногда, послѣ нелегкой работы ума, кипѣнія крови, діалектикой, въ которой Райскій добывалъ какое-нибудь оригинальное наблюденіе надъ нравами этого быта, или практическую, вѣрную замѣтку жизни, или слѣдилъ, какъ отправлялась жизнь подъ наитіемъ наивной вѣры и подъ ферулой грубаго суевѣрія. Его все-таки что-нибудь да волновало: досада, смѣхъ—иногда пробивалось умиленіе. Но какъ скоро споръ кончался, интересъ падалъ — Райскому являлись только простыя формы одной и той же, невѣдомо куда и зачѣмъ текущей жизни.

Марѳинька со вчерашняго вечера окончательно стала для него сестрой: другимъ ничѣмъ она быть не могла, и притомъ сестрой, къ которой онъ не чувствовалъ братской нѣжности. Онъ уже не счелъ нужнымъ передѣлывать ее: другое воспитаніе, другое воззрѣніе, даже дальнѣйшее развитіе нарушило бы строгую опредѣленность этой натуры, хотя, можетъ быть, оно вынуло бы наивность, унесло бы дѣтство, всѣ эти ребяческія понятія, бабочкино порханье, но что̀ дало бы въ замѣнъ? Страстей, широкихъ движеній, какой-нибудь дальней и трудной цѣли — не могло дать, не по натурѣ ей! А дало бы хаосъ, повело бы къ недоумѣніямъ — и много-много, еслибъ разрѣшилось претензіей съѣздить въ Москву, побывать на балѣ въ дворянскомъ собраніи, привезти платье съ Кузнецкаго моста, и потомъ хвастаться этимъ до глубокой старости передъ губернскими мелкими чиновницами.

Титъ Никонычъ, и прочія немногія лица, примелькались ему, какъ примелькались старинныя кожаныя канапе, шкафы, саксонскія чашки и богемскіе хрустали. Оставался Маркъ, да еще Вѣра, какъ туманныя пятна. Марка онъ видѣлъ, и какъ ни прятался тотъ въ діогеновскую бочку, а Райскій успѣлъ уловить главныя черты физіономіи, а идти дальше, стараться объяснять его окончательно, значитъ напиваться съ нимъ пьянымъ, давать

ему денегъ взаймы, и потомъ выслушивать незанимательныя повѣсти о томъ, какъ онъ въ полку нагрубилъ командиру, или побилъ жида, не заплатилъ въ трактирѣ денегъ, поднялъ знамя бунта противъ уѣздной или земской полиціи, и какъ за то выключенъ изъ полка, или посланъ въ такой-то городъ подъ надзоръ.

Райскій повѣсилъ голову и шелъ по двору, не замѣчая поклоновъ дворни, не отвѣчая на привѣтливое виляньe собакъ; набрелъ на утятъ и чуть не раздавилъ ихъ.

«Что за существованіе — размышлялъ онъ — остановить взглядъ на явленіи, принять образъ въ себя, вспыхнуть на минуту и потомъ холодѣть, скучать и насильственно или искусственно подновлять въ себѣ періодическую охоту къ жизни, какъ ежедневный аппетитъ! Тайна умѣнья жить — только тайна длить эти періоды, или лучше сказать не тайна, а даръ, невольный, безсознательный. Надо жить какъ-то закрывши глаза и уши — и живется долго и прочно. И тѣ и правы, у кого нѣтъ жала въ мозгу, кто близорукъ, у кого туго обоняніе, кто идетъ, какъ въ туманѣ — кто не теряетъ иллюзій! А какъ удержать краски на предметахъ, никогда не взглянуть на нихъ простыми глазами и не увидѣть, что зелень не зелена, небо не сине, что Маркъ не заманчивый герой, а мелкій либералъ, Мароинька сахарная куколка, а Вѣра... Что такое Вѣра?» сдѣлалъ онъ себѣ вопросъ и зѣвнулъ.

Онъ пожималъ плечами, какъ будто ознобъ пробѣгалъ у него по спинѣ, морщился и, заложивъ руки въ карманы, ходилъ по огороду, по саду, не замѣчая красокъ утра, горячаго воздуха, такъ нѣжно ласкавшаго его нервы, не смотрѣлъ на Волгу, и только тупая скука грызла его. Онъ съ ужасомъ видѣлъ впереди только рядъ длинныхъ, безцѣльныхъ дней. Онъ постоялъ, постоялъ, прошелъ шага два и остановился.

Ему пришла въ голову прежняя мысль «писать скуку»: вѣдь жизнь многостороння и многообразна, и если, думалъ онъ, и эта широкая и голая, какъ степь, скука лежитъ въ самой жизни, какъ лежатъ въ природѣ безбрежные пески степей, нагота и скудость пустынь, то и скука можетъ, и должна быть предметомъ мысли, анализа, пера или кисти, какъ одна изъ сторонъ жизни: «что-жъ, пойду, и среди моего романа, вставлю широкую и туманную страницу скуки: этотъ холодъ, отвращеніе и злоба, которые вторглись въ меня, будутъ красками и колоритомъ... картина будетъ вѣрна»...

Райскій хотѣлъ-было пойти сѣсть за свои тетради «записывать скуку», какъ увидѣлъ, что дверь въ старый домъ не заперта.

Онъ заглянулъ въ него только мелькомъ, по пріѣздѣ, съ Мароинькой, осматривая комнату Вѣры. Теперь вздумалось ему осмотрѣть его поподробнѣе, и онъ вступилъ въ сѣни и поднялся на лѣстницу. Онъ уже, не по прежнему съ стѣсненнымъ сердцемъ, а вяло прошелъ сумрачную залу съ колонадой, пустыя, таившіяся, какъ пещеры, въ запустѣньи гостиныя, съ статуями, бронзовыми часами, шкафиками рококо, и ни на что не глядя, добрался до верхнихъ комнатъ; припомнилъ гдѣ была дѣтская и его спальня, гдѣ стояла его кровать, гдѣ сиживала его мать. У него лѣниво стали тѣсниться блѣдныя воспоминанія о ея ласкахъ, шепотѣ, о томъ, какъ она клала дѣтскіе его пальцы на клавиши и старалась наигрывать пѣсенку, какъ потомъ по-долгу играла сама, забывъ о немъ, а онъ, слушалъ, присмирѣвъ у ней на колѣняхъ, потомъ вела его въ угловую комнату, смотрѣть на Волгу и Заволжье. Заглянувъ въ свою бывшую спальню, въ двѣ, три другія комнаты, онъ пошелъ въ угловую комнату, чтобъ взглянуть на Волгу. Погрузясь въ себя, тихо и задумчиво отворилъ онъ ногой дверь, взглянулъ и... остолбенѣлъ. Въ комнатѣ было живое существо.

Глядя съ напряженнымъ любопытствомъ вдаль, на берегъ Волги, бокомъ къ нему, стояла дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ, можетъ быть, трехъ, опершись рукой на окно. Бѣлое, даже блѣдное лицо, темные волосы, бархатный черный взглядъ и длинныя рѣсницы—вотъ все, что̀ бросилось ему въ глаза и ослѣпило его. Дѣвушка неподвижно и напряженно смотрѣла вдаль, какъ будто провожая кого-то глазами. Потомъ лицо ея приняло равнодушное выраженіе; она бѣгло окинула взглядомъ окрестность, потомъ дворъ, обернулась—и сильно вздрогнула, увидѣвъ его. На лицѣ мелькнуло изумленіе и уступило мѣсто недоумѣнію, потомъ, какъ тѣнь, прошло даже, кажется, неудовольствіе, и все разрѣшилось въ строгое ожиданіе.

— Сестра Вѣра! произнесъ Райскій. У ней лицо прояснилось и взглядъ остановился на немъ съ выраженіемъ сдержаннаго любопытства и скромности. Онъ подошелъ, взялъ ее за руку и поцѣловалъ ее. Она немного подалась назадъ и чуть-чуть повернула лицо въ сторону, такъ что губы его встрѣтили щеку, а не ротъ. Они оба сѣли у окна другъ противъ друга.

— Какъ я ждалъ васъ: вы загостились за Волгой! сказалъ онъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта, чтобъ слышать ея голосъ. «Голоса, голоса!» прежде всего просило воображеніе, въ добавокъ къ этому ослѣпительному образу.

— Я вчера только отъ Марины узнала, что вы здѣсь—отвѣчала она. Голосъ у ней не былъ звонокъ, какъ у Мароиньки:

онъ былъ свѣжъ, молодъ, но тихъ, съ примѣсью груднаго шепота, хотя она говорила вслухъ.

— Бабушка хотѣла посылать за вами, но я просилъ не давать знать о своемъ пріѣздѣ. Когда же вы возвратились? мнѣ никто ничего не сказалъ.

— Я вчера послѣ ужина пріѣхала: бабушка и сестра еще не знаютъ. Только одна Марина видѣла меня.

Она сидѣла, откинувшись на стулъ спиной, положивъ одинъ локоть на окно и смотрѣла на Райскаго не прямо, а какъ будто случайно, когда доходила очередь взглянуть между прочимъ и на него.

А онъ глядѣлъ всею силою любопытства, долго сдерживаемаго. Отъ его жаднаго взгляда не ускользало ни одно движеніе ея глазъ.

На него, по обыкновенію, уже дѣлала впечатлѣніе эта новая красота, или, лучше сказать, новый родъ красоты, не похожій на красоту ни Бѣловодовой, ни Марѳиньки. Нѣтъ въ ней строгости линій, бѣлизны лба, блеска красокъ и печати чистосердечія въ чертахъ, и вмѣстѣ холоднаго сіянія, какъ у Софьи. Нѣтъ и дѣтскаго, херувимскаго дыханія свѣжести, какъ у Марѳиньки: но есть какая-то тайна, мелькаетъ невысказывающаяся сразу прелесть, въ лучѣ взгляда, въ внезапномъ поворотѣ головы, въ сдержанной граціи движеній, что-то неудержимо прокрадывающееся въ душу во всей фигурѣ. Глаза темные, точно бархатные, взглядъ бездонный. Бѣлизна лица матовая, съ мягкими около глазъ и на шеѣ тѣнями. Волосы темные, съ каштановымъ отливомъ, густой массой лежали на лбу и на вискахъ ослѣпительной бѣлизны, съ тонкими, синими венами.

Она не стыдливо, а больше съ досадой, взяла и выбросила въ другую комнату кучу бѣлыхъ юбокъ, принесенныхъ Мариной, потомъ проворно прибрала со стульевъ узелокъ, брошенный, вѣроятно, наканунѣ вечеромъ, и подвинула къ окну маленькій столикъ. Все это въ двѣ, три минуты, и опять сѣла передъ нимъ на стулѣ свободно и небрежно, какъ-будто его не было.

— Я велѣла кофе сварить, хотите пить со мной? спросила она. — Дома еще долго не дадутъ: Марѳинька поздно встаетъ.

— Да, да, съ удовольствіемъ, — говорилъ Райскій, продолжая изучать ея физіономію, движенія, каждый взглядъ, улыбку. Взглядъ ея, то манилъ, втягивалъ въ себя, какъ въ глубину, то смотрѣлъ зорко и проницательно. Онъ замѣтилъ еще появляющуюся по временамъ въ одну и ту же минуту двойную мину на лицѣ, дрожащій отъ улыбки подбородокъ, потомъ не слиш-

комъ тонкій, но стройный, при походкѣ волнующійся, станъ, наконецъ мягкій, неслышимый, будто кошачій, шагъ.

«Что это за нѣжное, неуловимое созданіе! думалъ Райскій: какая противоположность съ сестрой: та лучъ, тепло и свѣтъ; эта вся — мерцаніе и тайна, какъ ночь — полная мглы и искръ, прелести и чудесъ!..» Онъ съ любовью артиста отдавался новому и неожиданному впечатлѣнію. И Софья, и Мароинька, будто по волшебству, удалились на далекій планъ, и скуки какъ не бывало; опять повѣяло на него тепломъ, опять природа стала нарядна, все ожило. Онъ торопливо уже зажигалъ діогеновскій фонарь и освѣщалъ имъ эту новую, неожиданно-возникшую передъ нимъ фигуру.

— Вы, я думаю, забыли меня, Вѣра? спросилъ онъ.

Онъ самъ слышалъ, что голосъ его, безъ намѣренія, былъ нѣженъ и страстенъ, взглядъ не отрывался отъ нея.

— Нѣтъ, говорила она, наливая кофе: я все помню.

— Все, но не меня?

— И васъ.

— Что̀ же вы помните обо мнѣ?

— Да все.

— Я, признаюсь вамъ, слабо помню васъ обѣихъ, началъ онъ; помню только, что Мароинька все плакала, а вы нѣтъ; вы были лукавы, изподтишка шалили; тихонько ѣли смородину, убѣгали однѣ въ садъ и сюда, въ домъ.

Она улыбнулась въ отвѣтъ.

— Вы сладко любите? спросила она, готовясь класть сахаръ въ чашку.

«Какъ она холодна и.... свободна, не дичится совсѣмъ!» подумалъ онъ.

— Да. Скажите, Вѣра, вспоминали вы иногда обо мнѣ? спросилъ онъ.

— Очень часто; бабушка намъ уши прожужжала про васъ.

— Бабушка! а вы сами?

— А вы о насъ? спросила она, слѣдя пристально, какъ кофе льется въ чашку и мелькомъ взглянувъ на него.

Онъ молчалъ, она подала ему чашку и подвинула хлѣбъ. А сама начала ложечкой пить кофе, кладя иногда на ложку маленькіе кусочки мякиша.

Ему хотѣлось бы закидать ее вопросами, которые кипѣли въ головѣ, но такъ безпорядочно, что онъ не зналъ, съ котораго начать.

— Я ужъ былъ у васъ въ комнатѣ.... Извините за нескромность.... сказалъ онъ.

— Здѣсь ничего нѣтъ, замѣтила она, оглядываясь внимательно, какъ-будто спрашивая глазами, не оставила ли она что-нибудь.

— Да, ничего.... Что это за книга? спросилъ онъ и хотѣлъ взять книгу у ней изъ-подъ руки. Она отодвинула ее и переложила сзади себя, на этажерку. Онъ засмѣялся.

— Спрятали, какъ бывало, смородину въ ротъ? Покажите, просилъ онъ.

— Нѣтъ, сказала она.

— Вотъ какъ, читаете такія книги, что и показать нельзя! шутилъ онъ.

Она спрятала книгу въ шкапъ и сѣла противъ него, сложивъ руки на груди и разсѣянно глядя по сторонамъ, иногда взглядывая въ окно и, казалось, забывала, что онъ тутъ. Только когда онъ будилъ ея вниманіе вопросомъ, она обращала на него простой взглядъ.

— Хотите еще кофе? спросила она.

— Да, пожалуйста. Послушайте, Вѣра, мнѣ хотѣлось бы такъ много сказать вамъ....

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ, затрудняясь завязать съ нею непрерывный и продолжительный разговоръ. Онъ вспомнилъ, что и съ Мареинькой сначала не вязался разговоръ. Но тамъ это было отъ ея ребяческой застѣнчивости, а здѣсь не то. Вѣра не застѣнчива: это видно сразу, а какъ-будто холодна, какъ-будто вовсе не интересовалась имъ.

«Чтò это значитъ: не научилась, что ли, она еще бояться и стыдиться, по природному невѣдѣнію, или хитритъ, притворяется? думалъ онъ, стараясь угадать ее:—вѣдь я все-таки новость для нея. Ужъ не бродитъ ли у ней въ головѣ: «Н ехорошо, глупо не совладѣть съ впечатлѣніемъ, отдаться ему, разинуть ротъ и уставить глаза!» Нѣтъ, быть не можетъ, это было бы слишкомъ тонко, изысканно для нея: не по-деревенски! Но во всякомъ случаѣ, чтò бы она ни была, она — не Мареинька. А какъ хороша, Боже мой! вотъ куда запряталась такая красота!»

Ему хотѣлось скорѣй вывести ее на свѣжую воду, затронуть какую-нибудь живую струну, вызвать на объясненіе. Но чѣмъ онъ больше торопился, чѣмъ больше раздражался, тѣмъ она становилась холоднѣе. А онъ бросался отъ вопроса къ вопросу.

— У васъ была моя библіотека на рукахъ? спросилъ онъ.

— Да, потомъ ее взялъ Леонтій Ивановичъ. Я была рада, что избавилась отъ заботы.

— Надѣюсь, онъ не всѣ книги взялъ? Вѣрно вы оставили какія-нибудь для себя?

— Нѣтъ, всѣ.... кажется, Мароинька какія-то взяла.

— А вы?... развѣ вамъ не нужно было?

— Нѣтъ. Я прочла. что̀ мнѣ нравилось, и отдала.

— А что̀ вамъ нравилось?

Она молчала.

— Вѣра? спрашивалъ онъ.

— Очень многое; теперь я забыла что̀ именно, сказала она, поглядывая въ окно.

— Тамъ есть нѣсколько историческихъ увражей. Поэзія.... читали вы ихъ?

— Иныя, да.

— Какія же?

— Право, не помню! нѐхотя прибавила она, какъ-будто утомляясь этими распросами.

— Вы любите музыку? спросилъ онъ.

Она вопросительно поглядѣла на него при этомъ новомъ вопросѣ.

— Какъ «люблю ли?» то-есть, играю ли сама, или слушать люблю? спросила она.

— И то и другое.

— Нѣтъ, я не играю, а слушать.... Гдѣ же здѣсь музыка?

— Что̀ вы любите вообще?

Она опять вопросительно поглядѣла на него.

— Любите хозяйство, или рукодѣлья, вышиваете?

— Нѣтъ, не умѣю. Вонъ Мароинька любитъ и умѣетъ.

Райскій поглядѣлъ на нее, прошелся по комнатѣ и остановился передъ ней.

— Послушайте, Вѣра, вы.. боитесь меня? спросилъ онъ.

Она не поняла его вопроса и глядѣла на него во всѣ глаза, почти до простодушія, несвойственнаго ея умному и проницательному взгляду.

— Не высказываетесь, скрываетесь, началъ онъ: вы думаете, можетъ быть, что я способенъ.... пошутить, или небрежно обойтись.... Словомъ, вамъ, можетъ быть, дико: вы конфузитесь, робѣете....

Она смотрѣла на него съ язвительнымъ удивленіемъ, такъ что онъ въ одно мгновеніе понялъ, что она не конфузится, не дичится и не робѣетъ.

Вопросъ былъ глупъ. Ему стало еще досаднѣе.

— Вонъ Мароинька боится, сказалъ онъ, желая поправиться, и сама не знаетъ почему...

— И я не знаю, потому, можетъ быть, и не боюсь, сказала она съ улыбкой.

— Но что же вы любите? вдругъ кинулся онъ опять къ вопросу. — Книга васъ не занимаетъ, вы говорите, что не работаете.... Есть же что-нибудь: цвѣты, можетъ быть, любите....

— Цвѣты? да, люблю ихъ вонъ тамъ, въ саду, а не въ комнатѣ, гдѣ надо за ними ходить.

— И природу вообще?

— Да, этотъ уголокъ, Волгу, обрывъ — вонъ этотъ лѣсъ и садъ—я очень люблю! произнесла она, и взгляды ея покоились съ очевиднымъ удовольствіемъ на всей лежавшей передъ окнами мѣстности.

— Что же васъ такъ привязываетъ къ этому уголку?

Она молчала, продолжая съ наслажденіемъ останавливать ласковый взглядъ на каждомъ деревѣ, на бугрѣ, и, наконецъ, на Волгѣ.

— Все, сказала она равнодушно.

— Да, это прекрасно, но однако этого мало: одинъ видъ, одинъ берегъ, горы, лѣсъ—все это прискучило бы, еслибъ это не было населено чѣмъ-нибудь живымъ, что вызывало и дѣлило бы эту симпатію.

— Да, это правда: прискучило бы! подтвердила и она.

— Стало быть, у васъ есть кто-нибудь здѣсь, съ кѣмъ вы дѣлитесь сочувствіемъ, мѣняетесь мыслями?

Она молчала и будто не слушала его.

— Вѣра?

— А? я не одна живу, вы знаете! сказала она, вслушавшись въ его вопросъ... Бабушка, Мареинька...

— Будто вы съ ними дѣлитесь сочувствіемъ, мѣняетесь мыслями?

Она взглянула на него, и въ глазахъ ея стоялъ вопросъ: почему же нѣтъ?

— Нѣтъ, началъ онъ: есть ли кто-нибудь, съ кѣмъ бы вы могли стать вонъ тамъ, на краю утеса, или сѣсть въ чащѣ этихъ кустовъ — тамъ и скамья есть — и просидѣть утро, или вечеръ, или всю ночь, и не замѣтить времени, проговорить безъ умолку, или промолчать полдня, только чувствуя счастье— понимать другъ друга, и понимать не только слова, но знать о чемъ молчитъ другой, и чтобъ онъ умѣлъ читать въ этомъ вашемъ бездонномъ взглядѣ вашу душу, шепотъ сердца... вотъ что!

Она съ опущенными рѣсницами будто заснула въ задумчивости.

— Есть-ли такой вашъ двойникъ, продолжалъ онъ, глядя на нее пытливо, который бы невидимо ходилъ тутъ около васъ, хотя бы самъ былъ далеко: чтобы вы чувствовали, что онъ близко, что въ немъ носится частица вашего существованія, и

что вы сами носите въ себѣ будто часть чужого сердца, чужихъ мыслей, чужую долю на плечахъ, и что не одними только своими глазами смотрите на эти горы и лѣсъ, не одними своими ушами слушаете этотъ шумъ и пьете жадно воздухъ и тишину теплой и темной ночи, а вмѣстѣ...

Она взглянула на него, сдѣлала какое-то движеніе, и въ одно время съ этимъ быстрымъ взглядомъ блеснулъ какой-то, будто внезапный свѣтъ отъ ея лица, отъ этой улыбки, отъ этого живого движенія. Райскій остановился на минуту: но блескъ пропалъ и она неподвижно слушала.

— Тогда только, продолжалъ онъ, стараясь объяснить себѣ смыслъ ея лица, въ этомъ во всемъ и есть значеніе, тогда это и роскошь, и счастье. Боже мой, какое счастье! Есть-ли у васъ здѣсь такой двойникъ,—это другое сердце, другой умъ, другая душа, и подѣлились-ли вы съ нимъ, въ замѣнъ взятаго у него, своей душой и своими мыслями?... Есть ли?

— Есть! съ примѣсью грудного шепота, произнесла она.

— Есть! кто же это счастливое существо? съ завистью, почти съ испугомъ, даже съ ревностью, спросилъ онъ.

Она помолчала немного.

— А... попадья, у которой я гостила: вамъ вѣрно сказали о ней! отвѣчала Вѣра и вставъ со стула, стряхнула съ передника крошки отъ сухарей.

— Попадья! недовѣрчиво повторилъ Райскій.

— Да, она—мой двойникъ: когда она гоститъ у меня, мы часто и долго любуемся съ ней Волгой и не наговоримся, сидимъ вонъ тамъ на скамьѣ, какъ вы угадали...—Вы не будете больше пить кофе? я велю убрать, спросила она.

— Попадья! повторилъ онъ задумчиво, не слушая ее и не замѣтивъ, что она улыбнулась, что у ней отъ улыбки задрожалъ подбородокъ. А у него на лицѣ повисло облако недоумѣнія, недовѣрчивости, какой то безпричинной и безцѣльной грусти. Онъ разбиралъ себя и наконецъ разобралъ, что онъ допрашивался у Вѣры о томъ, населялъ-ли кто-нибудь для нея этотъ уголъ живымъ присутствіемъ, не изъ участія, а частію за тѣмъ, чтобъ попытать ее, частію чтобы какъ будто отрекомендоваться ей, заявить свой взглядъ, чувства... Онъ долженъ былъ сознаться, что въ тайнѣ надѣялся найдти въ ней ту же свѣжую, молодую, непочатую жизнь, какъ въ Мароинькѣ, и что, пока безсознательно, онъ самъ просился начать ее, населить эти мѣста для нея собою, быть ея двойникомъ. Словомъ, тѣ-же желанія и стремленія, какъ при встрѣчѣ съ Бѣловодовой, съ Мароинькой заговорили и теперь, но только сильнѣе, непобѣдимѣе, по-

тому что Вѣра была заманчиво, таинственно-прекрасна, потому что въ ней вся прелесть не являлась съ разу, какъ въ тѣхъ двухъ, и многихъ другихъ, а пряталась и манила воображеніе, раздражала его — и это еще при первомъ шагѣ! Чтó-же было еще дальше, впереди: кто она, чтò она? Лукавая кокетка, тонкая актриса, или наконецъ глубокая, таинственная, тонкая женская натура, одна изъ тѣхъ, которыя, по волѣ своей, играютъ жизнью человѣка, топчутъ ее, заставляя влачить жалкое существованіе, или даютъ уже такое счастье, лучше, жарче, живѣе какого не дается человѣку.

— Хотите еще кофе? повторила она.

— Нѣтъ, не хочу. — А бабушка, Марѳинька: вы съ ними... Вы любите ихъ? задумчиво перешелъ онъ къ новому вопросу.

— Кого же мнѣ любить, какъ не ихъ?

— А меня? вдругъ сказалъ онъ, переходя въ шутливый тонъ.

— Пожалуй, я и васъ буду любить, сказала она, глядя на него веселымъ взглядомъ: если... заслужите.

— Вотъ какъ! вѣдь я вамъ братъ: вы и такъ должны меня любить.

— Я никому ничего не должна.

— Хвастунья! «я никому не обязáна, никому не кланяюсь, никого не боюсь: я горда!..» такъ что-ли?

— Нѣтъ, не такъ!

«Еще не выросла, не выбилась изъ этихъ общихъ мѣстъ жизни. Провинція!» думалъ Райскій сердито, ходя по комнатѣ.

— Какъ же заслужить это счастье? спросилъ онъ съ ироніей: позвольте спросить.

— Какое счастье?

— Счастье пріобрѣсти вашу любовь.

— Любовь, говорятъ, дается безъ всякой заслуги, такъ. Вѣдь она слѣпая... Я не знаю впрочемъ... прибавила она.

— А иногда приходитъ и сознательно, замѣтилъ Райскій: путемъ довѣренности, уваженія, дружбы. Я бы хотѣлъ начать съ этого и кончить первымъ. Такъ чтò же надо сдѣлать, чтобъ заслужить ваше вниманіе, милая сестра?

— Не обращать на меня вниманія, сказала она, помолчавъ.

— Какъ, не замѣчать васъ, не...

— Не дѣлать такихъ большихъ глазъ, вотъ какъ теперь, подсказала она: не ходить безъ меня безъ спроса въ мою комнату, не допытываться, чтó я люблю, чтò нѣтъ...

— Гордость! А скажите, сестра, вы... извините, я откровененъ: вы не рисуетесь этой гордостью?

Она молчала.

— Не хочется вамъ похвастаться независимостью характера? Вы можетъ быть стремитесь къ selfgovernement и хотите щегольнуть эмансипаціей отъ здѣшнихъ авторитетовъ: бабушки, Нила Андреевича, да?

— Вы, кажется, начинаете «заслуживать мое довѣріе и дружбу!» смѣясь замѣтила она, потомъ сдѣлалась серьезна и казалась утомленной или скучной.—Я не совсѣмъ понимаю, что̀ вы сказали, прибавила она.

— Я потому это говорю, оправдывался онъ, что бабушка сказывала мнѣ, что вы горды.

— Бабушка? какая право! Вездѣ ее спрашиваютъ! Я совсѣмъ не горда. И по какому случаю она говорила вамъ это?

— Потому что я вамъ съ Мареинькой подарилъ вотъ это все, оба дома, сады, огороды. Она говорила, что вы не примете. Правда ли?

— Мнѣ все равно, ваше-ли это, мое-ли, лишь бы я была здѣсь.

— Да она не хотѣла оставаться здѣсь: она хотѣла уѣхать въ Новоселово...

— Ну? отрывисто, грудью спросила она, будто съ тревогой.

— Ну, я все уладилъ: куда переѣзжать? Мареинька приняла подарокъ, но только съ тѣмъ, чтобы и вы приняли. И бабушка поколебалась, но окончательно не рѣшилась, ждетъ кажется, что̀ скажете вы. А вы, что̀ скажете? примите, да? какъ сестра отъ брата?

— Да, я приму, поспѣшно сказала она.—Нѣтъ, зачѣмъ принимать: я куплю. Продайте мнѣ: у меня деньги есть. Я вамъ пятьдесятъ тысячъ дамъ.

— Нѣтъ, такъ я не хочу.

Она остановилась, подумала, бросила взглядъ на Волгу, на обрывъ, на садъ.

— Хорошо, какъ хотите — я на все согласна, только чтобъ намъ остаться здѣсь.

— Такъ я велю бумагу написать?

— Да... благодарю—говорила она, подойдя къ нему и протянувъ ему обѣ руки. Онъ взялъ ихъ, пожалъ и поцѣловалъ ее въ щеку. Она отвѣчала ему крѣпкимъ пожатіемъ и поцѣлуемъ на воздухъ.

— Видно вы въ самомъ дѣлѣ любите этотъ уголокъ и старый домъ?

— Да, очень... сказала она уже покойно.

— Послушайте, Вѣра: дайте мнѣ комнату здѣсь въ домѣ—мы будемъ вмѣстѣ читать, учиться... хотите учиться?

— Чему учиться? съ удивленіемъ спросила она.

— Вотъ видите: мнѣ хочется пройти съ Мароинькой практически исторію литературы и искусства. Не пугайтесь, поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтивъ, что у ней на лицѣ показался какой-то туманъ: курсъ весь будетъ состоять въ чтеніи и разговорахъ... Мы будемъ читать все, старое и новое, свое и чужое, — передавать другъ другу впечатлѣнія, спорить... Это займетъ меня, можетъ быть, и васъ. Вы любите искусство?

Она тихонько зѣвнула въ руку: онъ замѣтилъ.

«Кажется, ее нельзя учить, да и нечему: она, или уже все знаетъ, или не хочетъ знать», рѣшилъ онъ про себя.

— А вы... долго останетесь здѣсь? спросила она, не отвѣчая на его вопросъ.

— Не знаю: это зависитъ отъ обстоятельствъ и... отъ васъ.

— Отъ меня? повторила она и задумалась, глядя въ сторону.

— Пойдемте туда, въ тотъ домъ. Я покажу вамъ свои альбомы, рисунки... мы поговоримъ... предлагалъ онъ.

— Хорошо, подите впередъ, а я приду: мнѣ надо тутъ вынуть свои вещи, я еще не разобралась...

Онъ медлилъ: она, держась за дверь, ждала, чтобъ онъ ушелъ.

«Какъ она хороша, Боже мой! И какая язвительная красота»! думалъ онъ, идучи къ себѣ и оглядываясь на окна.

«Вѣра Васильевна пріѣхала!» съ живостью сказалъ онъ Якову въ передней. «Бабушка, Вѣра пріѣхала!» крикнулъ онъ, проходя мимо бабушкинаго кабинета и постучавъ въ дверь. «Мароинька!' закричалъ онъ у лѣстницы, ведущей въ Мароинькину комнату: Вѣрочка пріѣхала!» Крикъ, шумъ, восклицанія, звонъ ключей, шипѣнье самовара, бѣготня — были отвѣтомъ на принесенную имъ вѣсть.

Онъ проворно раскопалъ свои папки, бумаги, вынесъ въ залу, разложилъ на столѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда Вѣра отдѣлается отъ объятій, ласкъ и распросовъ бабушки и Мароиньки и прибѣжитъ къ нему продолжать начатый разговоръ, которому Райскій не хотѣлъ предвидѣть конца. И самъ удивлялся своей прыти, стыдился этой торопливости, какъ будто въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ «заслужить вниманіе, довѣріе и дружбу...» «Постой-же, думалъ онъ, я докажу, что ты больше ничего, какъ дѣвочка передо мной!»...

Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ. Но Вѣра не приходила. Онъ располагалъ увлечь ее въ бездонный разговоръ объ искусствѣ, от-

куда шагнулъ бы къ красотѣ, къ чувствамъ и. т. д. «Не все-же открыла ей попадья! думалъ онъ: не всѣ стороны ума и чувства извѣдала она: не успѣла, некогда! Посмотримъ, будешь ли ты владѣть собою, когда...» Но она все нейдетъ. Его взяло зло, онъ собралъ рисунки и только хотѣлъ унести опять къ себѣ на верхъ, какъ распахнулась дверь и предъ нимъ предстала... Полина Карповна, закутанная, какъ въ облака, въ кисейную блузу, съ голубыми бантами на шеѣ, на груди, на желудкѣ, на плечахъ, въ прозрачной шляпкѣ съ колосьями и незабудками. Сзади шелъ тотъ же кадетъ, съ вѣеромъ и складнымъ стуломъ.

— Боже мой! болѣзненно произнесъ Райскій.

— Bonj*ur*! сказала она: не ждали? виж*ю*, виж*ю*! Du courage! Я все понимаю. А мы съ Мишелемъ были въ рощѣ и зашли къ вамъ.—Michel! Saluez donc monsieur et mettez tout cela de côté! — Что это у васъ? ахъ, альбомы, рисунки, произведенія вашей музы! Я заранѣе безъ ума отъ нихъ: покажите, покажите, ради Бога! Садитесь сюда, ближе, ближе...

Она осѣнила диванъ и нѣсколько креселъ своей юбкой. Райскому страхъ какъ хотѣлось пустить въ нее папками и тетрадями. Онъ стоялъ, не зная, уйти-ли ему внезапно, оставивъ ее тутъ, или покориться своей участи и показать рисунки.

— Не конфузьтесь, будьте смѣлѣе, говорила она. «Michel! allez vous promener un peu dans le jardin! — Садитесь, сюда, ближе, продолжала она, когда юноша ушелъ.

Райскій внезапно разразился нервнымъ хохотомъ и сѣлъ подлѣ нея.

— Вотъ такъ! Я виж*ю*, что вы угадали меня, прибавила она шепотомъ.

Райскій окончательно развеселился: «эта, по крайней мѣрѣ, играетъ наивно комедію, не скрывается и не окружаетъ себя туманомъ, какъ та...» думалъ онъ.

— Ахъ, какъ это мило! charmant, ce paysage! говорила между тѣмъ Крицкая, разсматривая рисунки. — Qu'est-ce que c'est que cette belle figure? спрашивала она, останавливаясь надъ портретомъ Бѣловодовой, сдѣланномъ акварелью.—Ah, que c'est beau! Это ваша пассія—да? признайтесь!

— Да, сказалъ Райскій.

— Я знала — о, vous êtes terrible, allez! прибавила она, ударивъ его легонько вѣеромъ по плечу.

Онъ засмѣялся.

— N'est-ce pas? Много вздыхаютъ по васъ? признайтесь. А здѣсь еще что будетъ!

Она остановила на немъ плутовской взглядъ.

— Шалунъ! произнесла она протяжно.

«Боже мой! Какая противная: ее прибить можно!» со скрежетомъ думалъ онъ, опять впадая въ ярость.

— У меня есть просьба къ вамъ, Mr. Boris... надѣюсь, я уже могу называть васъ такъ...

Онъ молчалъ.

— Faites mon portrait.

Онъ молчалъ.

— Ma figure y prête, je l'espère bien? продолжала она.

Онъ молчалъ.

— Вы молчите, слѣдовательно это рѣшено: когда я могу придти? Какъ мнѣ одѣться? Скажите, я отдаюсь на вашу волю — я вся ваша покорная раба.... говорила она шепелявымъ шепотомъ, нѣжно глядя на него и готовясь какъ будто склонить голову къ его плечу.

— Пустите меня, ради Бога: я на свѣжій воздухъ хочу!.. сказалъ онъ въ тоскѣ, вставая и выпутывая ноги изъ ея юбокъ.

— Ахъ, вы въ ажитаціи: это натурально — да, да я этого хотѣла и добилась! говорила она, торжествуя и обмахиваясь вѣеромъ. — А когда портретъ?

Онъ молча выпутывалъ ноги изъ юбокъ.

— Вы въ плѣну, не выпутаетесь! шаловливо дразнила она, не пуская его.

— Пустите меня: не то закричу! сказалъ онъ.

Въ это время отворилась тихонько дверь и на порогѣ показалась Вѣра. Она постояла нѣсколько минутъ, прежде нежели они ее замѣтили. Наконецъ Крицкая первая увидѣла ее.

— Вѣра Васильевна: вы воротились, ахъ, какое счастье! Vous nous manquiez! Посмотрите, вашъ cousin въ плѣну, неправда-ли, какъ левъ въ сѣтяхъ! Здоровы-ли вы, моя милая, какъ поправились, пополнѣли...

И Крицкая шла цалѣваться съ Вѣрой. Вѣра глядѣла на эту сцену молча, только подбородокъ дрожалъ у ней отъ улыбки.

— Я васъ давно ждалъ, замѣтилъ ей Райскій сухо.

— Я хорошо сдѣлала, что замѣшкалась, съ вѣжливой ироніей сказала Вѣра, поздоровавшись съ Крицкой. — Полина Карповна подоспѣла кстати...

— N'est-ce pas? подтвердила Крицкая.

— Она вѣрно лучше меня пойметъ, я безтолкова очень, у меня вкуса нѣтъ, продолжала Вѣра, и взявъ два, три рисунка, небрежно поглядѣла съ минуту на каждый, потомъ, положивъ ихъ, подошла къ зеркалу и внимательно смотрѣлась въ него.

— Какая я блѣдная сегодня! сказала она.—У меня немного голова болитъ: я худо спала эту ночь. Пойду отдохну. До свиданія, cousin! Извините, Полина Карповна! прибавила она и скользнула въ дверь. Шаговъ ея не слышно было за дверью, только скрыпъ ступеней давалъ знать, что она поднималась по лѣстницѣ въ комнату Марѳиньки.

— Теперь мы опять одни! сказала Полина Карповна, осѣняя диванъ и половину круглаго стола юбкой: давайте смотрѣть! Садитесь сюда, поближе!...

Райскій молча, однимъ движеніемъ руки, сгребъ всѣ рисунки и тетради въ кучу, тиснулъ все въ самую большую папку, сильно захлопнулъ ее и, не оглядываясь, сердитыми шагами вышелъ вонъ.

XVII.

Райскій рѣшилъ платить Вѣрѣ равнодушіемъ, не обращать на нее никакого вниманія, но вмѣсто того дулся дня три. При встрѣчѣ съ ней, скажетъ ей вскользь слова два, и въ этихъ двухъ словахъ проглядываетъ досада.

Онъ запирался у себя, писалъ программу романа и внесъ уже на страницы ея замѣтку «о ядовитости скуки». Страдая этимъ, уже не новѣйшимъ недугомъ, онъ подвергалъ его психологическому анализу, вынимая данныя изъ себя. Ему хотѣлось уѣхать куда-нибудь еще по-дальше и по-глуше, хоть въ бабушкино Новоселово, чтобъ наединѣ и въ тишинѣ вдуматься въ ткань своего романа, уловить эту сѣть жизненныхъ сплетеній, дать одну точку всей картинѣ, осмыслить ее и возвести въ художественное созданіе.

Здѣсь все мѣшаетъ ему. Вонъ издали доносится до него пѣсенка Марѳиньки: «Ненаглядный ты мой, какъ люблю я тебя!» поетъ она звонко, чисто, и никакого звука любви не слышно въ этомъ голосѣ, который вольно раздается среди тишины въ огородѣ и саду; потомъ слышно, какъ она безпечно прервала пѣніе, и тѣмъ же тономъ, какимъ пѣла, приказываетъ изъ окна Матренѣ собрать съ грядъ саладу, потомъ черезъ минуту ужъ звонко смѣется въ толпѣ сосѣднихъ дѣтей. Вотъ нѣсколько крестьянскихъ подводъ въѣхали на дворъ, съ овсомъ, съ мукой; скрыпъ телѣгъ, говоръ дворни, хлопанье дверей—все мѣшаетъ. Дальше изъ окна видно, какъ золотится рожь, бѣлѣетъ гречиха, маковый цвѣтъ да кашка, красными и розовыми пятнами, пестрятъ поля и отвлекаютъ глаза и мысль отъ тетрадей.

Райскій долго боролся, чтобъ не глядѣть, наконецъ, украд-

кой отъ самого себя взглянулъ на окно Вѣры: тамъ тихо, не видать ея самой, только лиловая занавѣска чуть-чуть колышется отъ вѣтра. Вчера она досидѣла до конца вечера въ кабинетѣ Татьяны Марковны: всѣ были тамъ, и Мареинька, и Титъ Никоновичъ. Мареинька работала, разливала чай, потомъ играла на фортепіано. Вѣра молчала, и если ее спросятъ о чемъ-нибудь, то отвѣчала, но сама не заговаривала. Она чаю не пила, за ужиномъ раскопала два-три блюда вилкой, взяла что-то въ ротъ, потомъ съѣла ложку варенья и тотчасъ послѣ стола ушла спать.

Чѣмъ менѣе Райскій замѣчалъ ее, тѣмъ она была съ нимъ ласковѣе, хотя, не смотря на требованія бабушки, не поцѣловала его, звала не братомъ, а кузенемъ, и все еще не переходила на «ты», а онъ уже перешелъ, и бабушка приказывала и ей перейти. А чуть лишь онъ открывалъ на нее большіе глаза, пускался въ распросы, она становилась чутка, осторожна и уходила въ себя.

Райскому досадно было на себя, что онъ дуется на нее. Если ужъ Вѣра едва замѣтила его появленіе, то ему и подавно хотѣлось бы закутаться въ мантію совершенной недоступности, небрежности и равнодушія, забывать, что она тутъ, подлѣ него, — не съ цѣлію порисоваться тѣмъ передъ нею, а искренно стать въ такое отношеніе къ ней. Чѣмъ онъ больше старался объ этомъ, тѣмъ сильнѣе, къ досадѣ его, проглядывало мелочное и настойчивое наблюденіе за каждымъ ея шагомъ, движеніемъ и слогомъ. Иногда онъ и выдержитъ себя минуты на двѣ, но любопытство мало по малу раздражитъ его и онъ броситъ быстрый полувзглядъ изъ подлобья—все и пропало. Онъ ужъ не отводитъ потомъ глазъ отъ нея. Она столько вносила перемѣны съ собой, что съ ея приходомъ, какъ будто падалъ другой свѣтъ на предметы; простая комната превращалась въ какой-то храмъ, и Вѣра, какъ бы ни запрятывалась въ уголъ, всегда была на первомъ планѣ, точно поставленная на пьедесталъ и освѣщенная огнями или луннымъ свѣтомъ. Идетъ-ли она по дорожкѣ сада, а онъ сидитъ у себя за занавѣской и пишетъ, ему бы сидѣть, не поднимать головы и писать: а онъ, при своемъ желаніи до боли не показать, что замѣчаетъ ее, тихонько, какъ шалунъ, украдкой, подниметъ уголокъ занавѣски и слѣдитъ, какъ она идетъ, какая мина у ней, на что̀ она смотритъ, угадываетъ ея мысль. А она ужъ конечно замѣтитъ, что уголокъ занавѣски приподнялся, и угадаетъ, зачѣмъ приподнялся. Если самъ онъ идетъ по двору или по саду, то пройти бы ему до конца, не взглянувъ вверхъ: а онъ начнетъ маневрировать, посмотритъ въ противоположную отъ ея оконъ сторону, оборотится на ея окна будто не-

взначай, и встрѣтитъ ея взглядъ, иногда съ затаенной насмѣшкой надъ его маневромъ. Или спроситъ о ней Марину, гдѣ она, что̀ дѣлаетъ, а если потеряетъ ее изъ вида, то бѣгаетъ, отыскивая точно потерянную булавку, и увидѣвши ее, начинаетъ разыгрывать небрежнаго.

Иногда онъ дня по два не говорилъ, почти не встрѣчался съ Вѣрой, но во всякую минуту зналъ, гдѣ она, что̀ дѣлаетъ. Вообще способности его, устремленныя на одинъ, занимающій его предметъ, изощрялись до невѣроятной тонкости, а теперь, въ этомъ безмолвномъ наблюденіи за Вѣрой, они достигли степени ясновидѣнія. Онъ за стѣнами какъ будто слышалъ ея голосъ, и безсознательно соображалъ и предвидѣлъ ея слова и поступки. Онъ въ нѣсколько дней изучилъ ея привычки, вкусы, нѣкоторыя склонности, но все это относилось пока къ ея внѣшней и домашней жизни. Онъ успѣлъ опредѣлить ея отношенія къ бабушкѣ, къ Мареинькѣ, положеніе ея въ этомъ уголкѣ и все что относится къ образу жизни и быта.—Но нравственная фигура самой Вѣры оставалась для него еще въ тѣни.

Въ разговорѣ она не увлекалась въ слѣдъ за его пылкой фантазіей, на шутку отвѣчала легкой усмѣшкой, и если удавалось ему окончательно разсмѣшить ее, у ней отъ смѣха дрожалъ подбородокъ. Отъ смѣха она переходила къ небрежному молчанію, или просто задумывалась, забывая, что онъ тутъ, и потомъ просыпалась, почти содрогаясь, отъ этой задумчивости, когда онъ будилъ ее движеніемъ, или вопросомъ. Она не любила, чтобы къ ней приходили въ старый домъ. Даже бабушка не тревожила ее тамъ, а Мареиньку она безъ церемоніи удаляла, да та и сама боялась ходить туда, а когда Райскій заставалъ ее тамъ, она очевидно пережидала, не уйдетъ ли онъ, и если онъ располагался подлѣ нея, она, посидѣвши изъ учтивости минутъ десять, уходила сама.

Привязанностей у ней, повидимому, не было никакихъ, хотя это было и неестественно въ дѣвушкѣ: но такъ казалось наружно, а проникать въ душу къ себѣ она не допускала. Она о бабушкѣ и о Мареинькѣ говорила покойно, почти равнодушно. Занятій у нея постоянныхъ не было: читала, какъ и шила она, мимоходомъ, и о прочитанномъ мало говорила, на фортепіано не играла, а иногда брала неопредѣленные, безсвязные аккорды и къ нѣкоторымъ долго прислушивалась, или когда принесутъ Мареинькѣ кучу нотъ, она брала то тѣ, то другія: «сыграй вотъ это», говорила она Мареинькѣ, «теперь вотъ это, потомъ это», слушала, глядѣла пристально въ окно и болѣе къ проигранной музыкѣ не возвращалась.

Райскій замѣтилъ, что бабушка, надѣляя щедро Марѳиньку замѣчаніями и предостереженіями на каждомъ шагу, обходила Вѣру съ какой-то осторожностью, не то щадила ее, не то не надѣялась, что эти сѣмена не пропадутъ даромъ.

Но бывали случаи, и Райскій, по мелочности ихъ, не могъ еще наблюсти, какіе именно, когда вдругъ Вѣра охватывалась какой-то лихорадочною дѣятельностью, и тогда она кипѣла изумительною быстротой и обнаруживала тьму мелкихъ способностей, какихъ въ ней нельзя было подозрѣвать — въ хозяйствѣ, въ туалетѣ, разныхъ мелочахъ. Такъ она однажды изъ куска кисеи часа въ полтора сдѣлала два чепца, одинъ бабушкѣ, другой — Крицкой, съ тончайшимъ вкусомъ, работая надъ ними со страстью, съ адскимъ проворствомъ и одушевленіемъ, потомъ черезъ пять минутъ забыла объ этомъ и сидѣла опять праздно. Иногда она какъ будто прочтетъ упрекъ въ глазахъ бабушки, и тогда особенно одолѣетъ ею дикая, порывистая дѣятельность: она примется помогать Марѳинькѣ по хозяйству, и въ пять, десять минутъ, все порывами, передѣлаетъ бездну, возьметъ что-нибудь въ руки, быстро сдѣлаетъ, оставитъ, забудетъ, примется за другое, опять сдѣлаетъ и выйдетъ изъ этого также внезапно, какъ войдетъ.

Бабушка иногда жалуется, что не управится съ гостями, ропщетъ на Вѣру за дикость, за то, что не хочетъ помочь. Вѣра хмурится и очевидно страдаетъ, что не можетъ перемочь себя, и наконецъ неожиданно, явится среди гостей — и съ такимъ веселымъ лицемъ, глаза теплятся такимъ радушіемъ, она принесетъ столько тонкаго ума, граціи, что бабушка теряется до испуга. Ее ставало на цѣлый вечеръ, иногда на цѣлый день, а завтра, точно оборвется: опять уйдетъ въ себя — и никто не знаетъ, что̀ у ней на умѣ или на сердцѣ.

Вотъ все, что̀ пока могъ наблюсти Райскій, т. е. все, что видѣли и знали и другіе. Но чѣмъ меньше было у него положительныхъ данныхъ, тѣмъ дружнѣе работала его фантазія, въ союзѣ съ анализомъ, подбирая ключъ къ этой замкнутой двери.

Съ тѣхъ поръ, какъ у Райскаго явилась новая задача—Вѣра, онъ рѣже и холоднѣе спорилъ съ бабушкой и почти не занимался Марѳинькой, особенно послѣ вечера въ саду, когда она не подала никакихъ надеждъ на превращеніе изъ наивнаго, подъ часъ ограниченнаго ребенка въ женщину. Между тѣмъ они трое почти были неразлучны—т. е. Райскій, бабушка и Марѳинька. Послѣ чаю онъ съ часъ сидѣлъ у Татьяны Марковны въ кабинетѣ, послѣ обѣда также, а въ дурную погоду—и по вечерамъ. Вѣра являлась не на долго, здоровалась съ бабушкой, съ сестрой,

потомъ уходила въ старый домъ, и не слыхать было, что она тамъ дѣлаетъ. Иногда она вовсе не приходила, а присылала Марину принести ей кофе туда. Бабушка немного хмурилась, шептала про себя: «привередница, дикарка», но на своемъ не настаивала.

Равнодушный ко всему на свѣтѣ, кромѣ красоты, Райскій покорялся ей до рабства, былъ холоденъ ко всему, гдѣ не находилъ ея, и грубъ, даже жестокъ, ко всякому безобразію. Не только отъ міра внѣшняго, отъ формы, онъ настоятельно требовалъ красоты, но и на міръ нравственный смотрѣлъ онъ, не какъ онъ есть, въ его наружно-дикой, суровой разладицѣ, не какъ на початую отъ рожденія міра и неконченную работу, а какъ на гармоническое цѣлое, какъ на готовый уже парадный строй созданныхъ имъ самимъ идеаловъ, съ доконченными въ его умѣ чувствами и стремленіями, огнемъ, жизнью и красками. У него не ставало терпѣнія купаться въ этой вознѣ, суетѣ, въ черновой работѣ, терпѣливо и мучительно укладывать силы въ приготовленіе къ тому праздничному моменту, когда человѣчество почувствуетъ, что оно готово, что достигло своего апогея, когда насталъ бы и понесся въ вѣчность, какъ рѣка, одинъ безошибочный на вѣчныя времена установившійся потокъ жизни. Онъ только оскорблялся ежеминутнымъ и повсюднымъ разладомъ дѣйствительности съ красотой своихъ идеаловъ, и страдалъ за себя и за весь міръ. Онъ вѣрилъ въ идеальный прогрессъ — въ совершенствованіе, какъ формы, такъ и духа, сильнѣе, нежели матеріалисты вѣрятъ въ утилитарный прогрессъ; но страдалъ за его черепашій шагъ и впадалъ въ глубокую хандру, не вынося даже мелкихъ царапинъ близкаго ему безобразія. Тогда всѣ люди казались ему евангельскими гробами, полными праха и костей. Бабушкина старческая красота, т. е. красота ея характера, склада ума, старыхъ цѣльныхъ нравовъ, доброты и проч., начала блѣднѣть. Кое-гдѣ мелькнетъ въ глаза неразумное упорство, кое-гдѣ эгоизмъ; феодальныя замашки ея казались ему животнымъ тиранствомъ, и въ минуты унынія, онъ не хотѣлъ даже извинить ее, ни вѣкомъ, ни воспитаніемъ.

Титъ Никоновичъ былъ старый, отжившій баринъ, ни на что ненужный, Леонтій — школьный педантъ, жена его — развратная дура, вся дворня въ Малиновкѣ — жадная стая дикихъ, не осмысленная никакой человѣческой чертой. Весь этотъ уголокъ, хозяйство съ избами, мужиками, скотиной и живностью, терялъ колоритъ веселаго и счастливаго гнѣзда, а казался просто хлѣвомъ, и онъ бы давно уѣхалъ оттуда, еслибъ... не Вѣра!

Въ одинъ такой часъ хандры, онъ лежалъ съ сигарой на кушеткѣ въ комнатѣ Татьяны Марковны. Бабушка, не сидѣвшая

никогда безъ дѣла, съ карандашемъ повѣряла какіе-то, принесенные ей Савельемъ счеты. Передъ ней лежали на бумажкахъ кучки овса, ржи. Мареинька царапала иглой клочекъ кружева, нашитаго на бумажкѣ, такъ пристально, что сжала губы, и около носа и лба у ней набѣжали морщинки. Вѣры, по обыкновенію, не было.

Райскій случайно поглядѣлъ на Мареиньку и засмѣялся. Она покраснѣла и поглядѣла на него вопросительно.

— Какую ты смѣшную рожицу сдѣлала, — сказалъ онъ.

— Ну, слава Богу, улыбнулось красное солнышко! — замѣтила Татьяна Марковна.—А то смотрѣть тошно.

Онъ вздохнулъ.

— Что вздыхаешь-то: на свѣтѣ, что ли, тяжело жить!

— И такъ тяжело, бабушка. Уже ли вамъ легко?

— Полно Бога гнѣвить! Видно въ самомъ дѣлѣ рожна захотѣлъ.

— Хоть бы и рожна, да чтобъ шевелилось что-нибудь въ жизни — а то настоящій гробъ.

— Прости ему, Господи: самъ не знаетъ, что̀ говоритъ! Эй, Борюшка, не накликай бѣду! Не сладко покажется, какъ бревно ударитъ по головѣ. Да, да,—помолчавши, съ тихимъ вздохомъ, прибавила она: — это такъ ужъ въ судьбѣ человѣческой написано — зазнаваться. Пришла и твоя очередь зазнаться: видно наука нужна. Образумитъ тебя судьба, помянешь меня!

— Чѣмъ же, бабушка:—рожномъ? Я не боюсь. У меня, — никого и ничего: какого же мнѣ рожна?

— А вотъ узнаешь: всякому свой! Иному даетъ на всю жизнь—и несетъ его, тянетъ точно лямку. Вонъ Кирила Кирилычъ (бабушка сейчасъ бросилась къ любимому своему способу, къ примѣру): богатъ, здоровехонекъ, весь вѣкъ хи-хи-хи да ха-ха-ха, да жена вдругъ ушла: съ тѣхъ поръ и повѣсилъ голову, — шестой годъ ходитъ, какъ тѣнь... А у Егора Ильича...

— У меня нѣтъ жены, стало быть и опасности нѣтъ...

— А ты женись!...

— Зачѣмъ: чтобъ жена ушла?

— Не всѣ жены уходятъ: хочешь, я тебѣ посватаю?

— Нѣтъ, благодарю; придумайте для меня другой рожонъ.

— Судьба придумаетъ! Да сохрани тебя, Господи, полно накликать на себя! А лучше вотъ что: поѣдемъ со мной въ городъ съ визитами. Мнѣ проходу не даютъ, будто я не пускаю тебя. Вицъ-губернаторша, Нилъ Андреевичъ, княгиня: вотъ бы къ ней! Къ Молочковымъ старикамъ — еще живы! Да ужъ

и къ безстыжей надо заѣхать, къ Полинѣ Карповнѣ, чтобъ не шипѣла! А потомъ къ откупщику...

— Это зачѣмъ?

— Послѣ скажу.

— Зачѣмъ, Маренька, бабушка везетъ меня къ откупщику — не знаешь ли?

— А у него дочь невѣста — помните, бабушка говорила однажды: такъ вѣрно хочетъ сватать вамъ ее...

— Вотъ она сейчасъ и догадалась! Спрашиваютъ тебя: вездѣ поспѣешь! — сказала бабушка. — Языкъ-то сталъ у тебя востеръ: сама я не умѣю, что-ли, сказать?

— Э, вотъ что! Хорошо... зѣвая сказалъ Райскій, — я поѣду съ визитами: только съ тѣмъ, чтобъ и вы со мной заѣхали къ Марку: надо же ему визитъ отдать.

Татьяна Марковна молчала.

— Что же вы, бабушка, молчите: заѣдемъ?

— Полно пустяки говорить: напрасно ты связался съ нимъ, — добра не будетъ: съ толку тебя собьётъ! О чемъ онъ съ тобой разговаривалъ?

— Онъ почти не разговаривалъ: мы поужинали и легли.

— А денегъ еще не просилъ взаймы?

— Просилъ.

— Ну, такъ и есть: ты смотри не давай!

— Да ужъ я далъ.

— Далъ! — жалостно воскликнула она.

— Вы кстати напомнили о деньгахъ: онъ просилъ сто рублей, а у меня было восемдесятъ. Гдѣ мои деньги? Дайте, пожалуйста, надо послать ему...

— Борисъ Павловичъ! Не я ли говорила тебѣ, что онъ только и дѣлаетъ, что деньги занимаетъ: Боже мой! Когда жъ отдастъ?

— Онъ сказалъ, что не отдастъ.

Она заволновалась, зашевелилась, такъ что кресло заходило подъ ней.

— Что жъ это такое, говори не говори, онъ все свое дѣлаетъ! — сказала она: изъ рукъ вонъ!

— Дайте же денегъ.

— Ты оброкъ, что-ли, ему платишь?

— Ему ѣсть нечего!

— А ты кормить его взялся? Ѣсть нечего! Цыгане и бродяги всегда чужое ѣдятъ: всѣхъ не накормишь! Восемдесятъ рублей!

Татьяна Марковна нахмурилась.

— Нѣту денегъ!—коротко сказала она.—Не дамъ: если не добромъ, такъ неволей послушаешься бабушки!

— Вотъ деспотизмъ-то! — замѣтилъ Райскій.

— Что жъ, велѣть, что ли, закладывать коляску? — спросила, помолчавши, бабушка.

— Зачѣмъ?

— А съ визитами ѣхать?

— Вы не дѣлаете по моему, и я не стану дѣлать по вашему.

— Сравнилъ себя со мной! — когда же курицу яйца учатъ? Грѣхъ, грѣхъ, сударь! Странный человѣкъ, необыкновенный: — все свое!

— Не я, а вотъ вы такъ необыкновенная женщина!

— Чѣмъ это, батюшка, скажи на милость?

— Какъ чѣмъ? Не велите знакомиться, съ кѣмъ я хочу, деньгами мѣшаете распоряжаться, какъ вздумаю, везете куда мнѣ не хочется, а куда хочется сами не ѣдете. Ну, къ Марку не хотите, я и не приневоливаю васъ, и вы меня не приневоливайте.

— Я тебя въ хорошіе люди везу.

— По мнѣ, они не хорошіе.

— Что жъ, Маркушка хорошъ?

— Да, онъ мнѣ нравится. Живой, свободный умъ, самостоятельная воля, юморъ...

— Да ну его! — съ досадой прибавила она: ѣдешь, что ли, со мной къ Мамыкину?

— Это еще что за Мамыкинъ?

— А откупщикъ, у котораго дочь невѣста, вмѣшалась Мароинька.—Поѣзжайте, братецъ: на той недѣлѣ у нихъ большой вечеръ, будутъ звать насъ, — тише прибавила она: бабушка не поѣдетъ, намъ безъ нея нельзя, а съ вами пустятъ...

— Сдѣлай бабушкѣ удовольствіе, поѣзжай—прибавила Татьяна Марковна.

— А вы сдѣлайте мнѣ удовольствіе, не зовите меня.

— Чудный, необыкновенный человѣкъ! Я ему сдѣлай удовольствіе, а онъ мнѣ нѣтъ.

— Вѣдь подъ этимъ удовольствіемъ кроется замыселъ женить меня — такъ ли?

— Ну, хоть бы и такъ: что же за бѣда — я вѣдь счастья тебѣ хочу.

— Почему вы знаете, что для меня счастье — жениться на дочери какого-то Мамыкина?

— Она красавица, воспитана въ самомъ дорогомъ пансіонѣ

въ Москвѣ. Однихъ брильянтовъ тысячъ на восемдесятъ... Тебѣ полезно жениться.... Взялъ бы богатое приданое, зажилъ бы большимъ домомъ, у тебя бы весь городъ бывалъ, всѣ бы раболѣпствовали передъ тобой, поддержалъ бы свой родъ, связи... И въ Петербургѣ не ударилъ бы себя въ грязь... мечтала почти про себя бабушка.

— А вотъ я и не хочу раболѣпства — это гадость! Бабушка! я думалъ, вы любите меня — пожелаете чего-нибудь получше, поразумнѣе...

— Чего тебѣ: рожна, что ли, въ самомъ дѣлѣ? Я тебѣ добра желаю, а ты...

— Хорошо добро: ни съ того, ни съ сего, взять чужія деньги, брилліанты, да еще какую-нибудь Голендуху Парамоновну въ придачу!

— Нѣтъ, не Голендуху, а богатую и хорошенькую невѣсту! вотъ что, необыкновенный человѣкъ!

— Толкать человѣка жениться, на комъ не знаешь, на комъ не хочешь: необыкновенная женщина!

— Ну, Борюшка: не думала я, что изъ тебя такое чудище выйдетъ.

— Да не я, бабушка, а вы чудище...

— Ахъ! — почти въ ужасѣ закричала Марѳинька: — какъ это вы смѣете такъ называть бабушку!

— А она меня такъ назвала.

— Она постарше васъ, она вамъ бабушка!

— А что, бабушка, — вдругъ обратился онъ къ ней: еслибъ я сталъ уговаривать васъ выйти замужъ?

— Марѳинька! перекрести его: ты тамъ поближе сидишь, — замѣтила бабушка сердито.

Марѳинька засмѣялась.

— Право... шутилъ Райскій.

— Ты буфонишь, а я дѣло тебѣ говорила, добра тебѣ хотѣла.

— И я добра вамъ хочу. Вотъ находятъ на васъ такія минуты, что вы скучаете, ропщете; иногда я подкарауливалъ и слезы. «Вѣкъ свой одна, не съ кѣмъ слова перемолвить», тихо жалуетесь вы: «внучки разбѣгутся, маюсь, маюсь весь свой вѣкъ — хоть бы Богъ прибралъ меня! Выйдутъ дѣвочки замужъ, останусь какъ перстъ» и т. д. А тутъ бы подлѣ васъ сидѣлъ почтенный человѣкъ, цѣловалъ бы у васъ руки, вмѣсто васъ ходилъ бы по полямъ, подъ руку водилъ бы въ садъ, въ пикетъ съ вами игралъ бы... Право, бабушка, чтобы вамъ...

— Полно, Борисъ Павловичъ, вздоръ молоть, — печально, со

вздохомъ, сказала бабушка.—Ты моложе былъ поумнѣе, вздору не мололъ.—Она черезъ очки посмотрѣла на него.

— А Титъ Никонычъ такъ и увивается около васъ, чуть на васъ пе молится—всегда у вашихъ ногъ! Только подайте знакъ— и онъ будетъ счастливѣйшій смертный.

Марѳинька не унималась отъ смѣху. Бабушка немного покраснѣла.

— Вотъ какъ: и жениха нашелъ! — сказала она небрежно.

— Что жъ, продолжалъ шутить Райскій: вы живете домкомъ, у васъ водятся деньжонки, а онъ бездомный... вотъ бы и кстати...

— Такъ это за то, что у меня деньжонки водятся, да домъ есть, и надо замужъ выходить: богадѣльня, что ли, ему достался мой домъ? И домъ не мой, а твой. И онъ самъ не бѣденъ...

— А это на что похоже, что вы хотите женить меня изъза денегъ?

— Ты можешь понравиться дѣвушкѣ и она тебѣ тоже: она миленькая...

— Вы съ Титомъ Никонычемъ тоже другъ другу нравитесь, вы тоже миленькая...

— Отвяжись ты со своимъ Титомъ Никонычемъ! — вспыльчиво перебила Татьяна Марковна, — я тебѣ добра хотѣла.

— И я вамъ тоже!

— Пустомеля, право, пустомеля: слушать тошно! Не хочешь угодить бабушкѣ, — такъ какъ хочешь!

— А вы мнѣ отчего не хотите угодить? Я еще не видалъ дочери Мамыкина и не знаю, какая она, а Титъ Никонычъ вамъ нравится, да и вы сами на него смотрите какъ-то любовно....

— А вотъ еще, перебила Марѳинька: я вамъ скажу, братецъ: когда Титъ Никонычъ захвораетъ, бабушка сама....

— Ты, сударыня, что̀, крикнула бабушка сердито: молода шутить надъ бабушкой! Я тебя и за ухо, да въ лапти: нужды нѣтъ что большая! Онъ отъ рукъ отбился, вышелъ изъ повиновенія: съ Маркушкой связался — послѣднее дѣло! Я на него рукой махнула, а ты еще погоди, я тебя уйму! А ты, Борисъ Павлычъ, женись, не женись — мнѣ все равно, только отстань и вздору не мели. Я вотъ Тита Никоныча принимать не велю....

— Бѣдный Титъ Никонычъ! комически, со вздохомъ, произнесъ Райскій и лукаво взглянулъ на Марѳиньку.

— Ну, вотъ, бабушка, наконецъ вы договорились до дѣла, до правды: «женись, не женись—какъ хочешь!» Давно бы такъ! Стало быть, и ваша и моя свадьба откладываются на неопредѣленное время.

— «Дѣло, правда!» ворчала бабушка: вотъ посмотримъ, какъ ты проживешь!

— По-своему, бабушка.

— Хорошо ли это?

— А какъ же: ужели по чужому?

— Какъ люди живутъ.

— Какіе люди? развѣ здѣсь есть люди?

Въ это время Василиса вошла и доложила, что гости пришли: «Колчинскій барченокъ...»

— Николай Андреевичъ Викентьевъ: проси! «Какіе люди!» хоть бы вотъ человѣкъ: Господи, не клиномъ міръ сошелся! сказала Бережкова.

Марѳинька немного покраснѣла и поправила платье, косынку и мелькомъ бросила взглядъ въ зеркало. Райскій тихонько погрозилъ ей пальцемъ; она покраснѣла еще сильнѣе.

— Что вы, братецъ.... вы.... опять.... начала она и не кончила.

Василиса пошла было и воротилась поспѣшно.

— Еще пришелъ этотъ.... что̀ ночевалъ здѣсь, сказала она, Райскому: — спрашиваютъ васъ!

— Ужъ не Маркушка ли опять? съ ужасомъ спросила бабушка.

— Онъ и есть! подтвердила Василиса.

— Вотъ это люди, такъ люди! сказалъ Райскій и поспѣшилъ къ себѣ.

— Какъ обрадовался, какъ бросился! Нашелъ человѣка! Деньги-то незабудь взять съ него назадъ! Да не хочетъ ли онъ трескать: я бы прислала.... крикнула ему вслѣдъ бабушка.

XVIII.

Въ комнату вошелъ, или вѣрнѣе, вскочилъ—средняго роста, свѣжій, цвѣтущій, красиво и крѣпко сложенный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ, съ темнорусыми, почти каштановыми волосами, съ румяными щеками и съ сѣро-голубыми вострыми глазами, съ улыбкой, показывавшей рядъ бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ. Въ рукахъ у него былъ пучекъ васильковъ и еще что-то бережно завернутое въ носовой платокъ. Онъ все это вмѣстѣ со шляпой положилъ на стулъ.

— Здравствуйте, Татьяна Марковна, здравствуйте Марѳа Васильевна! заговорилъ онъ, цѣлуя руку у старушки, потомъ у Марѳиньки, хотя Марѳинька отдернула свою, но вышло такъ, что

онъ успѣлъ дать летучій поцѣлуй. «Опять нельзя — какія вы!» сказалъ онъ.

— Вотъ я принесъ вамъ.... началъ было онъ.

— Что это вы пропали: васъ совсѣмъ не видать? съ удивленіемъ, даже строго, спросила Бережкова.—Шутка-ли, почти три недѣли!

— Мнѣ никакъ нельзя было, губернаторъ не пускалъ никуда; велѣли дѣла канцеляріи приводить въ порядокъ.... говорилъ Викентьевъ такъ торопливо, что нѣкоторыя слова даже не договаривалъ.

— Пустяки, пустяки! не слушайте, бабушка: у него никакихъ дѣлъ нѣтъ.... самъ сказывалъ! вмѣшалась Мареинька.

— Ей-богу, ахъ, какія вы: дѣла по горло было! торопился говорить Викентьевъ: — у насъ новый правитель канцеляріи поступаетъ — мы дѣла скрѣпляли, описи дѣлали.... Я пятьсотъ дѣлъ по листамъ скрѣпилъ. Даже по ночамъ сидѣли.... ей-богу....

— Да не божитесь! что это у васъ за привычка божиться по пустякамъ: грѣхъ какой! строго остановила его Бережкова.

— Какъ по пустякамъ: вонъ Мареа Васильевна не вѣрятъ: а я, ей-богу....

— Опять!

— Правда ли, Татьяна Марковна, правда ли, Мареа Васильевна, что у васъ гость: Борисъ Павловичъ пріѣхалъ? живо опять заговорилъ Викентьевъ: не онъ ли это, я встрѣтилъ сейчасъ, прошелъ по корридору? Я нарочно пришелъ....

— Вотъ видите, бабушка, еще живѣе перебила Мареинька: онъ пришелъ братца посмотрѣть, а безъ этого долго бы пропадалъ! Что?

— Она съ упрекомъ поглядѣла на него.

— Ахъ, Мареа Васильевна! какія вы! Я лишь только вырвался, такъ и прибѣжалъ! Я просился, просился у губернатора — не пускаетъ: говоритъ, не пущу до тѣхъ поръ, пока не кончите дѣла! У маменьки не былъ: хотѣлъ къ ней пообѣдать въ Колчино съѣздить—и то пустилъ только вчера, ей-богу...

— Здорова ли маменька? Что, у ней лишаи прошли?

— Проходятъ, покорно благодарю. Маменька кланяется вамъ, проситъ васъ не забыть день ея имянинъ...

— Покорно благодарю: ужъ не знаю, соберусь ли я сама— стара, да и черезъ Волгу боюсь ѣхать. А дѣвочки мои....

— Мы безъ васъ, бабушка, не поѣдемъ, сказала Мареинька: я тоже боюсь переѣзжать Волгу.

— Не стыдно ли трусить, говорилъ Викентьевъ.... Чего вы

боитесь? Я за вами самъ пріѣду на нашемъ катерѣ.... Гребцы у меня всѣ пѣсенники....

— Съ вами ни за что и не поѣду, вы не посидите ни минуты покойно въ лодкѣ.... Чтò это шевелится у васъ въ бумагѣ? вдругъ спросила она: посмотрите бабушка — ахъ, не змѣя ли?

— Это я вамъ принесъ живого сазана, Татьяна Марковна: сейчасъ выудилъ самъ, ѣхалъ къ вамъ, а тамъ на рѣчкѣ, въ осокѣ, вижу, сидитъ въ лодкѣ Иванъ Матвѣичъ. Я попросился къ нему, онъ подъѣхалъ, взялъ меня, я и четверти часа не сидѣлъ—вотъ какого выудилъ! А это вамъ, Марѳа Васильевна, дорогой, вонъ тутъ во ржи нарвалъ васильковъ...

— Не надо, вы обѣщали безъ меня не рвать — а вотъ теперь слишкомъ двѣ недѣли не были, васильки всѣ посохли: вонъ какая дрянь!

— Пойдемте сейчасъ нарвемъ свѣжихъ!...

— Дайте срокъ, остановила Бережкова. — Что это вамъ не сидится? не успѣли носа показать, вонъ еще и лобъ не простылъ, а ужъ въ ногахъ у васъ такъ и зудитъ? Чего вы хотите позавтракать: кофе, что ли, или битаго мяса? А ты, Марѳинька, поди узнай, не хочетъ ли тотъ.... Маркушка... чего-нибудь: только сама не показывайся, а Егорку пошли узнать....

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего не хочу, — заторопился Викентьевъ: я съѣлъ цѣлый пирогъ передъ тѣмъ, какъ ѣхать сюда....

— Видите, какой онъ, бабушка! сказала Марѳинька: «пирогъ съѣлъ!» — И сама пошла исполнить порученіе бабушки, потомъ воротилась, сказавъ, что ничего не надо, и что гость скоро собирается уйти.

— А здѣсь не накормили бы васъ! упрекнула Татьяна Марковна, что вы назавтракались да пришли?

Викентьевъ сунулся было къ Марѳинькѣ. — Заступитесь за меня, сказалъ онъ.

— Не подходите, не подходите, не трогайте — сердито говорила Марѳинька, когда онъ подходилъ къ ней.

Онъ не сидѣлъ, не стоялъ на мѣстѣ, то совался къ бабушкѣ, то бѣжалъ къ Марѳинькѣ, и силился переговорить обѣихъ. Почти въ одну и ту же минуту лице его принимало серьезное выраженіе и вдругъ разливался по немъ смѣхъ и показывались крупные бѣлые зубы, на которыхъ отъ торопливости его говора, или отъ смѣха, иногда вскакивалъ и пропадалъ пузырь.

— Я вѣдь съѣлъ пирогъ отъ того, что подъ руку подвернулся. Кузьма отворилъ шкафъ, а я шелъ мимо — вижу пирогъ, одинъ только и былъ....

— Вамъ стало жаль сироту, вы и съѣли? договорила бабушка. Всѣ трое засмѣялись.

— Нѣтъ ли варенья, Мароа Васильевна: я бы поѣлъ....

— Вели принести — какъ не быть? А битаго мяса не станете? вчерашнее жаркое есть, цыплята....

— Вотъ бы цыпленка хорошо....

— Не давайте ему, бабушка, что его баловать, не стоитъ... Но сама пошла-было изъ комнаты.

— Нѣтъ, нѣтъ, Мароа Васильевна, и точно не надо, вы только не уходите; я лучше обѣдать буду. Можно мнѣ пообѣдать у васъ, Татьяна Марковна?

— Нѣтъ, нельзя, сказала Мароинька.

— А ты не шути этимъ, остановила ее бабушка: онъ, пожалуй, и убѣжитъ. И видно, что вы давно не были, обратилась она къ Викентьеву: стали спрашивать позволенія отобѣдать!

— Покорно благодарю-съ!... Мароа Васильевна! куда вы, постойте, постойте, и я съ вами.

— Не надо, не надо, не хочу! говорила она.—Я велю вамъ зажарить вашего сазана и больше ничего не дамъ къ обѣду.—

Она двумя пальцами взяла за голову рыбу, а когда та стала хлестать хвостомъ взадъ и впередъ, она съ крикомъ: ай, ай, выронила ее на полъ и побѣжала по корридору. Онъ бросился за ней, и черезъ минуту оба уже гдѣ-то хохотали, а еще черезъ минуту послышались вверху звуки рѣзваго вальса на фортепіано, съ топотомъ ногъ надъ головой Татьяны Марковны, а потомъ кто-то точно скатился съ лѣстницы, а дальше промчались по двору и бросились въ садъ, сначала Мароинька, за ней Викентьевъ, и звонко изъ саду доносились ихъ говоръ, пѣніе и смѣхъ.

Бабушка поглядѣла въ окно и покачала головой. На дворѣ куры, пѣтухи, утки, съ крикомъ бросились въ стороны, собаки съ лаемъ поскакали за бѣгущими, изъ людскихъ выглянули головы лакеевъ, женщинъ и кучеровъ, въ саду цвѣты и кусты зашевелились точно живые, и не на одной грядѣ или клумбѣ остался слѣдъ вдавленнаго каблука, или маленькой женской ноги, два три горшка съ цвѣтами опрокинулись, вершины тоненькихъ деревъ, за которыя хваталась рука, закачались и птицы всѣ до одной отъ испуга улетѣли въ рощу надъ Волгой. А черезъ четверть часа уже оба смирно сидѣли, какъ ни въ чемъ не бывало, около бабушки, и весело смотрѣли кругомъ и другъ на друга: онъ, отирая потъ съ лица, она, обмахивая себѣ платкомъ лобъ и щеки.

— Хороши оба: на что похожи! упрекала бабушка.

— Это все онъ, жаловалась Мароинька: погнался за мной! прикажите ему сидѣть на мѣстѣ.

— Нѣтъ, не я, Татьяна Марковна: онѣ велѣли мнѣ уйти въ садъ, а сами прежде меня побѣжали: я хотѣлъ догнать, а онѣ....

— Онъ мужчина, а тебѣ стыдно, ты не маленькая! журила бабушка.

— Вотъ видите, чтò я изъ-за васъ терплю! сказала Марѳинька.

— Ничего, Марѳа Васильевна, бабушки всегда немного ворчатъ — это ихъ священная обязанность.... Бабушка услыхала.

— Чтó, чтó, сударь? полусерьезно остановила его Татьяна Марковна: подойдите-ка сюда, я вмѣсто маменьки, уши надеру, благо ея здѣсь нѣтъ, за этакія слова!

— Извольте, извольте, Татьяна Марковна — ахъ, надерите, пожалуйста! Вы только грозите, а никогда не выдерите....

Онъ подскочилъ къ старушкѣ и наклонилъ голову.

— Надерите, бабушка, побольнѣе, чтобъ недѣлю красныя были, учила Марѳинька.

— Ну, вы надерите! сказалъ онъ ей, подставляя голову.

— Когда вы провинитесь передо мной, тогда надеру.

— Постойте еще, я Нилу Андреевичу пожалуюсь, перескажу, что вы сказали теперь... А еще любимецъ его! говорила Татьяна Марковна.

Викентьевъ сейчасъ сдѣлалъ важную мину, сталъ посреди комнаты, опустилъ бороду въ галстухъ, сморщился, поднялъ палецъ вверхъ и дряблымъ голосомъ произнесъ: «молодой человѣкъ, твои слова потрясаютъ авторитетъ старшихъ!...» Должно быть, очень было похоже на Нила Андреевича, потому что Марѳинька закатилась смѣхомъ, а бабушка нахмурила-было брови, но вдругъ добродушно засмѣялась и стала трепать его по плечу.

— Въ кого это ты, батюшка, уродился такой живчикъ, да на все гораздый? ласково говорила она.—Батюшка твой, царство ему небесное, былъ такой серьезный, слова на вѣтеръ не скажетъ, и маменьку отъучилъ смѣяться.

— Ахъ, Марѳа Васильевна, заговорилъ Викентьевъ: я досталъ вамъ новый романъ и еще журналъ, повѣсть отличная.... забылъ совсѣмъ...

— Гдѣ-же они?

— Въ лодкѣ у Ивана Матвѣича оставилъ, все изъ-за этого сазана! Онъ у меня трепетался въ рукахъ—я книгу и ноты забылъ... Я побѣгу сейчасъ — можетъ быть, онъ еще на рѣчкѣ сидитъ—и принесу...

Онъ побѣжалъ-было и опять воротился.

— Я дамское сѣдло досталъ, Марѳа Васильевна: вамъ вер-

хомъ ѣздить; графскій берейторъ берется въ мѣсяцъ васъ выучить—хотите, я сейчасъ привезу....

— Ахъ, какой вы милый, какой вы добрый! не вспомнясь отъ удовольствія, сказала Марѳинька. — Какъ весело будетъ.... ахъ бабушка!

— Кто тебѣ позволитъ такъ проказничать? строго замѣтила бабушка.—А вы что это, въ своемъ ли умѣ: дѣвушкѣ на лошади ѣздить!

— А Марья Васильевна, а Анна Николаевна—какъ-же ѣздятъ онѣ?...

— Ну, имъ и отдайте ваше сѣдло! сказала бабушка, а сюда не заносите этихъ затѣй: пока жива, не позволю. Этакъ, пожалуй, и до грѣха недолго: курить станетъ.

Марѳинька надулась, а Викентьевъ постоялъ минуты двѣ въ недоумѣніи, почесывая то затылокъ, то брови, потомъ вмѣсто того, чтобъ погладить волосы, какъ дѣлаютъ другіе, поерошилъ ихъ, разстегнулъ и застегнулъ пуговицу у жилета, вскинулъ легонько фуражку вверхъ и, поймавъ ее, выпрыгнулъ изъ комнаты, сказавши: «Я за нотами и за книгой — сейчасъ прибѣгу»..... и исчезъ.

Марѳинька хотѣла тоже идти, но бабушка удержала ее.

— Послушай, душечка, поди сюда, что́ я тебѣ скажу: сказала она ласково, и немного медлила, какъ будто не рѣшалась говорить. Марѳинька подошла, и бабушка поправляла ей волосы, растрепавшіеся немного отъ бѣготни по саду, и глядѣла на нее, какъ мать, любуясь ею.

— Что̀ вы, бабушка: вдругъ спросила Марѳинька, съ удивленіемъ вскинувши на старушку глаза и ожидая, къ чему ведетъ это предисловіе.

— Ты у меня добрая дѣвочка, уважаешь каждое слово бабушки... не то что Вѣрочка....

— Вѣрочка тоже уважаетъ васъ: напрасно вы на нее....

— Ну, ты ея заступница! Уважаетъ, это правда, а думаетъ свое, значитъ, не вѣритъ мнѣ: бабушка-де стара, глупа, а мы, молодыя, — лучше понимаемъ, много учились, все знаемъ, все читаемъ. Какъ бы она не ошиблась... Не все въ книгахъ написано!

Бережкова задумчиво вздохнула.

— Что-же вы хотѣли сказать мнѣ? съ любопытствомъ спросила Марѳинька.

— А вотъ что: ты взрослая дѣвушка, давно невѣста: такъ ты будь немножко пооглядчивѣе....

— Какъ это пооглядчивѣе, бабушка?

— Погоди, не перебивай меня. Ты вотъ рѣзвишься, бѣгаешь, иногда шалишь, точно дитя, съ ребятишками возишься....

— Развѣ я все бѣгаю? Вѣдь я и работаю, шью, вышиваю, разливаю чай, хозяйствомъ занимаюсь....

— Опять перебила! Знаю, что ты умница, — ты кладъ, дай Богъ тебѣ здоровья, — и бабушки слушаешься! повторила свой любимый припѣвъ старушка.

— Такъ за что-же вы браните меня?

— Погоди, дай сказать слово! Гдѣ-же я браню? Я говорю только, чтобъ ты была посерьезнѣе....

— Какъ, ужъ и бѣгать нельзя: это развѣ грѣхъ? А вонъ братецъ говоритъ....

— Что̀ онъ говоритъ?

— Что я слишкомъ ужъ... послушная, безъ бабушки ни на шагъ....

— А ты не слушай его: онъ тамъ насмотрѣлся на какихъ-нибудь англичанокъ да полячекъ: тѣ еще въ дѣвкахъ однѣ ходятъ по улицамъ, переписку ведутъ съ мужчинами, и верхомъ скачутъ на лошадяхъ. Этого, что-ли, братецъ хочетъ: вотъ постой, я поговорю съ нимъ....

— Нѣтъ, бабушка, не говорите, — онъ разсердится, что я пересказала вамъ....

— И хорошо сдѣлала, и всегда такъ дѣлай! Мало-ли что онъ наговоритъ, братецъ твой! Видишь что: смущать вздумалъ дѣвочку.

— Развѣ я дѣвочка? обидчиво замѣтила Марѳинька.— Мнѣ четырнадцать аршинъ на платье идетъ... Сами говорите, что я невѣста!

— Правда, ты выросла, да сердце у тебя дѣтское, и дай Богъ, чтобъ долго такимъ осталось! А поумнѣть немного не мѣшаетъ.

— А зачѣмъ, бабушка, развѣ я дура? Братецъ говоритъ, что я проста, мила... что я хороша и умна какъ есть, что я....

Она остановилась.

— Ну, что еще?

— Что я «естественная»!

Татьяна Марковна помолчала, повидимому, толкуя себѣ значеніе этого слова. Но оно почему-то ей не понравилось.

— Братецъ твой пустяки говоритъ, сказала она.

— Вѣдь онъ умный—преумный, бабушка.

— Ну, да—умнѣе всѣхъ въ городѣ. И бабушка у него глупа: воспитывать меня хочетъ! Нѣтъ, ты старайся поумнѣть мимо его, живи своимъ умомъ.

— Господи, ужели я дура такая?

— Нѣтъ, нѣтъ, ты можетъ быть поумнѣе многихъ умницъ... (бабушка взглянула по направленію къ старому дому, гдѣ была Вѣра), да умъ-то у тебя въ скорлупѣ—а пора смекать....

— Зачѣмъ-же бабушка?

— А хоть бы за тѣмъ, внучка, чтобъ съумѣть понять рѣчи братца и отвѣтить на нихъ порядкомъ. Онъ, конечно, худого тебѣ не пожелаетъ; съ молоду былъ честенъ и любилъ васъ обѣихъ: вонъ имѣніе отдаетъ, да много болтаетъ пустого....

— Не все-же онъ пустое болтаетъ: иногда такъ умно и хорошо говоритъ....

— И Полина Карповна не дура: тоже хорошо говоритъ. Я не сравниваю Борюшку съ этой козой, а хочу только сказать,— острота остротой, а умъ умомъ! Вотъ ты и поумнѣй на столько, чтобъ знать, когда твой братецъ говоритъ съ остротой, когда съ умомъ. На остроту смѣйся, отвѣчай остротой, а умную рѣчь принимай къ сердцу. Острота фальшива, принарядится краснымъ словцомъ, смѣхомъ, ползетъ, какъ змѣй, въ уши, наровитъ подкрасться къ уму и помрачить его, а когда умъ помраченъ, такъ и сердце не въ порядкѣ. Глаза смотрятъ, да не видятъ, или видятъ не-то...

— За что же вы, бабушка, браните меня? съ нетерпѣніемъ спросила Марѳинька.

У ней даже навернулись слезы.

— Вы говорите: не хорошо бѣгать, возиться съ дѣтьми, пѣть—ну, не стану...

— Боже тебя сохрани! Бѣгать, пользоваться воздухомъ — здорово. Ты весела, какъ птичка, и дай Богъ тебѣ остаться такой всегда, люби дѣтей, пой, играй....

— Такъ за что же браните?

— Не браню, а говорю только: знай всему мѣру и пору. Вотъ ты давича побѣжала съ Николаемъ Андреевичемъ....

Марѳинька вдругъ покраснѣла, отошла и сѣла въ уголъ. Бабушка пристально поглядѣла на нее и начала опять тономъ ниже и медленнѣе.

— Это не бѣда: Николай Андреичъ прекрасный, добрый— и шалунъ, такой же рѣзвый, какъ ты, а ты у меня скромница, лишняго, ни себѣ, ни ему не позволишь. Куда бы вы ни забѣжали вдвоемъ, что̀ бы ни затѣяли, я знаю, что онъ тебѣ не скажетъ непутнаго, а ты и слушать не станешь....

— Не прикажите ему приходить,—сердито замѣтила Марѳинька. — Я съ нимъ теперь слова не скажу....

— Это хуже: и онъ, и люди, Богъ знаетъ, что́ подумаютъ.

А ты только будь пооглядчивѣе,—не бѣгай по двору да по саду, чтобъ люди не стали осуждать: «вонъ, скажутъ, дѣвушка ужъ невѣста, а повѣсничаетъ, какъ мальчикъ, да еще съ постороннимъ»...

Марѳинька вспыхнула.

— Ты не краснѣй: не отъ чего! Я тебѣ говорю, что ты дурного не сдѣлаешь, а только для людей надо быть пооглядчивѣе! Ну, что надулась, поди сюда, я тебя поцѣлую.

Бережкова поцѣловала Марѳиньку, опять поправила ей волосы, все любуясь ею, и ласково взяла ее за ухо.

— Николай Андреичъ сейчасъ придетъ, сказала Марѳинька: а я не знаю, какъ теперь мнѣ быть съ нимъ. Станетъ звать въ садъ, я не пойду, въ поле — тоже не пойду и бѣгать не стану. Это я все могу. А если станетъ смѣшить меня— я ужъ не утерплю, бабушка, — засмѣюсь, воля ваша! Или запоетъ, попроситъ сыграть: что̀ я ему скажу?

Бабушка хотѣла отвѣчать, но въ эту минуту ворвался въ комнату Викентьевъ, весь въ поту, въ пыли, съ книгой и нотами въ рукахъ. Онъ положилъ и то и другое на столъ передъ Марѳинькой.

— Вотъ теперь ужъ... торопился онъ сказать, отирая лобъ и смахивая платкомъ пыль съ платья, — пожалуйте ручку! Какъ бѣжалъ—собаки по переулку за мной, чуть не съѣли....

Онъ хотѣлъ взять Марѳиньку за руку, но она спрятала ее назадъ, потомъ встала со стула, сдѣлала реверансъ и серьезно, съ большимъ достоинствомъ произнесла: «Je vous remercie, Mr. Викентьевъ: Vous êtes bien aimable».

Онъ вытаращилъ глаза на нее, потомъ на бабушку, потомъ опять на нее, поерошилъ волосы, взглянулъ мелькомъ въ окно, вдругъ сѣлъ, и въ туже минуту вскочилъ.

— Марѳа Васильевна, заговорилъ онъ: пойдемте въ залу, къ террасѣ—смотрѣть: сейчасъ молодые проѣдутъ...

— Нѣтъ, важно сказала она: merci, я не пойду: дѣвицѣ неприлично высовываться на балконъ и глазѣть...

— Ну, пойдемте же разбирать новый романсъ....

— Нѣтъ, благодарю: я ужо̀ попробую одна, или при бабушкѣ....

— Пойдемте къ рощѣ — сядемъ тамъ: я почитаю вамъ новую повѣсть.—Онъ взялъ книгу.

— Какъ это можно! строго сказала Марѳинька и взглянула на бабушку: дитя, что ли, я....

— Что это такое, Татьяна Марковна? говорилъ растерянный Викентьевъ:—житья нѣтъ отъ Марѳы Васильевны!

Викентьевъ посмотрѣлъ на нихъ обѣихъ пристально, потомъ вдругъ вышелъ на середину комнаты, сдѣлалъ сладкую мину, корпусъ наклонилъ немного впередъ, руки округлилъ, шляпу взялъ подъ мышку.

— Mille pardons, mademoiselle, de vous avoir dérangée— говорилъ онъ, силясь надѣть перчатки, но большія, влажныя отъ жару руки не шли въ нихъ.

— Sacrebleu! ça n'entre pas,—oh, mille pardons, mademoiselle...

— Полно вамъ, проказникъ, принеси ему варенья.... Марѳинька.

— Oh, Madame, je suis bien reconnaissant. Mademoiselle, je vous prie, restez de grâce, бросился онъ, почтительно устремляя руки впередъ, чтобъ загородить дорогу Марѳинькѣ, которая пошла было къ дверямъ.

— Vraiment, je ne puis pas: j'ai des visites à faire... Ah, diable, ça n'entre pas....

Марѳинька крѣпилась, кусала губы, но смѣхъ прорвался.

— Вотъ онъ какой, бабушка! жаловалась она: — «теперь М-r. Шарля представляетъ: какъ тутъ утерпѣть!

— А что́, похоже? спросилъ Викентьевъ.

— Полно вамъ, божьи младенцы! сказала Татьяна Марковна, у которой морщины превратились въ лучи, и улыбка озарила лице.—Подите, Богъ съ вами, дѣлайте что́ хотите!

XIX.

На Марѳиньку и на Викентьева точно живой водой брызнули. Она схватила ноты, книгу, а онъ шляпу и только было бросились къ дверямъ, какъ вдругъ снаружи, со стороны проѣзжей дороги, раздался и разнесся по всему дому чей-то дребезжащій голосъ.

— Татьяна Марковна! высокая и сановитая владычица сихъ мѣстъ! Прости дерзновенному, ищущему предстать предъ твои очи и облобызать прахъ твоихъ ногъ! Пріими подъ гостепріимный кровъ твой странника, притекша издалеча вкусить отъ твоея трапезы и укрыться отъ зноя полдневнаго! Дома ли, Богомъ хранимая хозяйка сей обители?... Да тутъ никого нѣтъ!

Голова показалась съ улицы въ окно столовой. Всѣ трое, Татьяна Марковна, Марѳинька и Викентьевъ замерли, какъ были, каждый въ своемъ положеніи. — «Боже мой, Опенкинъ!» воскликнула бабушка почти въ ужасѣ: «дома нѣтъ, дома нѣтъ!

на цѣлый день за Волгу уѣхала!» шепотомъ диктовала она Викентьеву.

— Дома нѣтъ, на цѣлый день за Волгу уѣхала! — громко повторилъ Викентьевъ, подходя къ окну въ столовой.

— А! нашему Николаю Викентьевичу, любвеобильному и надеждами чреватому, села Колчина и многихъ иныхъ обладателю!—говорилъ голосъ.—Да прильпнетъ языкъ твой къ гортани, зане ложь изрыгаетъ! — говорилъ голосъ.—И возница, и колесница дома, а стало быть и хозяйка въ семъ мѣстѣ или окрестъ обрѣтается. Посмотримъ и поищемъ, либо пождемъ, дондеже изъ весей и пастбищъ, и изъ вертограда въ храмину паки вступитъ.

— Что дѣлать, Татьяна Марковна: — торопливо и шепотомъ спрашивалъ Викентьевъ:—Опенкинъ пошелъ на крыльцо, сюда идетъ.

— Нечего дѣлать, — съ тоской сказала бабушка: надо пустить. Чай, голоднехонекъ, бѣдный! Куда онъ теперь въ этакую жару потащится? За то ужъ на цѣлый мѣсяцъ отдѣлаюсь! Теперь его до вечера не выживешь!

— Ничего, Татьяна Марковна, онъ напьется живо и потомъ уйдетъ на сѣновалъ спать. А послѣ прикажите Кузьмѣ отвезти его въ телѣгѣ домой.

— Матушка, матушка! — нѣжнымъ, но сиплымъ голосомъ говорилъ, уже входя въ кабинетъ, Опенкинъ.—Зачѣмъ сей быстроногій повергъ меня въ печаль и страхъ! Дай ручку, другую! Марѳа Васильевна! Рахиль прекрасная, ручку, ручку...

— Полно, Акимъ Акимычъ! не тронь ее.—Садись, садись — ну, будетъ тебѣ! Что, усталъ — не хочешь ли кофе?

— Давно не видалъ тебя, наше красное солнышко: въ тоску впалъ! говорилъ Опенкинъ, вытирая клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ лобъ.—Шелъ, шелъ — и зной палитъ, и отъ жажды и голода изнемогъ—а тутъ вдругъ— «за Волгу уѣхала!» Испужался, матушка, ей-богу, испужался: экой какой! — набросился онъ на Викентьева: невѣсту тебѣ за это рябую! Красавица вы, птичка садовая, бабочка цвѣтная!—обратился онъ опять къ Марѳинькѣ:— изгоните вы его съ ясныхъ глазъ долой, злодѣя безжалостнаго— охъ, охъ, Господи, Господи! Что, матушка, за кофе: не къ рожѣ мнѣ! А вотъ еслибъ ангелъ сей небесный изъ сахарной ручки удостоилъ поднести...

— Водки? — живо перебилъ Викентьевъ.

— Водки!—передразнилъ Опенкинъ:—съ мѣсяцъ ее не видалъ, забылъ, чѣмъ пахнетъ. Ей-богу, матушка! — обратился

онъ къ бабушкѣ:—вчера у Горошкина насильно заставляли: бросилъ все, безъ шапки ушелъ!

— Чего же хочешь, Акимъ Акимычъ?—спросила бабушка.

— Вотъ еслибъ изъ ангельскихъ ручекъ мадерцы рюмочку-другую...

— Вели, Марѳинька, подать: тамъ вчера только что почали бутылку отъ итальянца...

— Нѣтъ, нѣтъ, постой, ангелъ, не улетай! остановилъ онъ Марѳиньку, когда та направилась было къ двери:—не надо отъ итальянца—не въ коня кормъ! не пройметъ, не почувствую: что̀ мадера отъ итальянца, что̀ вода—все одно! Она десять рублей стоитъ: не къ рожѣ! Удостой, матушка, отъ Ватрухина, отъ Ватрухина—въ два съ полтиной мѣдью!

— Какая же это мадера: онъ самъ ее дѣлаетъ—замѣтилъ Викентьевъ.

— То и ладно, то и ладно: значитъ приспособился къ потребностямъ государства, вкусъ угадалъ, городъ успокоиваетъ. Теперь война, напримѣръ, съ врагами: всѣ двери въ отечествѣ на запоръ. Ни человѣкъ не пройдетъ, ни птица не пролетитъ, ни амбре никакого не получишь, ни кургузаго одѣянія, ни марго, ни бургонь—заговѣйся! А въ семъ богоспасаемомъ градѣ, источникъ мадеры не изсякнетъ у Ватрухина! Да здравствуетъ Ватрухинъ! Пожалуйте, сударыня, Татьяна Марковна, ручку!

Онъ схватилъ старушку за руку, изъ которой выскочилъ и покатился по полу серебряный рубль, приготовленный бабушкой, чтобъ послать къ Ватрухину за мадерой.

— Да ну, Богъ съ тобой, какой ты безпокойный: сидѣлъ бы смирно!—съ досадой сказала бабушка.—Марѳинька, вели сходить къ Ватрухину, да постой, на, вотъ еще денегъ: вели взять двѣ бутылки: одной, я думаю, мало будетъ...

— Мудрость, мудрость глаголетъ твоими устами—ручку... говорилъ Опенкинъ.

— Гдѣ побывалъ это время Акимъ Акимычъ, что подѣлывалъ, горемычный?—спросила бабушка.

— Гдѣ! со вздохомъ повторилъ Опенкинъ: вездѣ и нигдѣ, витаю, какъ птица небесная! Три дня у Горошкиныхъ, передъ тѣмъ у Пестовыхъ, а передъ тѣмъ и не помню!

Онъ вздохнулъ опять и махнулъ рукой.

— Что дома не сидишь?

— Эхъ, матушка, радъ бы душой, да вѣдь ты знаешь сама: ангельскаго терпѣнія не станетъ.

— Знаю, знаю, да не самъ ли ты виноватъ тоже: не все же жена?

— Ну, иной разъ и самъ: правда, святая правда! Гдѣ бы помолчать, пожалуй, и пронесло бы, а тутъ зло возьметъ, не вытерпишь, и пошло! Сама посуди: сядешь въ уголъ, молчишь: «зачѣмъ сидишь какъ чурбанъ, безъ дѣла?» Возьмешь дѣло въ руки: «не трогай, не суйся, гдѣ не спрашиваютъ!» Ляжешь: «что все валяешься?» Возьмешь кусокъ въ ротъ: «только жрешь!» Заговоришь: «молчи лучше!» Книжку возьмешь: вырвутъ изъ рукъ, да швырнутъ на полъ! Вотъ мое житье — какъ передъ Господомъ Богомъ! Только и свѣта, что въ Палатѣ, да по добрымъ людямъ.

Принесли вино. Марѳинька налила рюмку и подала Опенкину. Онъ, съ жадностью, одной дрожащей рукой, осторожно и плотно прижалъ ее къ нижней губѣ, а другую руку держалъ въ видѣ подноса подъ рюмкой, чтобъ не пролить ни капли, и залпомъ опрокинулъ рюмку въ ротъ, потомъ отеръ губы и потянулся къ ручкѣ Марѳиньки, но она ушла и сѣла въ свой уголъ.

Опенкинъ въ нѣсколькихъ словахъ самъ разсказалъ исторію своей жизни. Никто никогда не давалъ себѣ труда, да и не нужно никому было разбирать, кто правъ, кто виноватъ былъ въ домашнемъ разладѣ, онъ или жена. Онъ ли пьянствомъ сначала вывелъ ее изъ терпѣнія, она ли характеромъ довела его до пьянства. Но дѣло въ томъ, что онъ дома былъ, какъ чужой человѣкъ, приходившій туда только ночевать, а иногда пропадавшій по нѣскольку дней. Онъ предоставилъ женѣ получать за него жалованье въ Палатѣ и содержать себя и двоихъ дѣтей, какъ она знаетъ, а самъ изъ Палаты прямо шелъ куда-нибудь обѣдать и оставался тамъ до ночи, или на ночь, и на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, шелъ въ Палату и скрипѣлъ перомъ, трезвый, до трехъ часовъ. И такъ проживалъ свою жизнь по людямъ.

Къ нему всѣ привыкли въ городѣ, и почти вездѣ, кромѣ чопорныхъ домовъ, принимали его, ради его безобиднаго нрава, ради домашнихъ его несогласій и ради провинціальнаго гостепріимства. Бабушка не принимала его только, когда ждала «хорошихъ гостей», т. е. людей, поважнѣе въ городѣ. Она никогда бы не пустила его къ себѣ ради пьянства, котораго терпѣть не могла, но онъ былъ несчастливъ, и притомъ, когда онъ становился неудобенъ въ комнатѣ, его безъ церемоніи уводили на сѣновалъ или отводили домой. Запереть ему совсѣмъ двери было не въ нравахъ провинціи вообще, и не въ характерѣ Татьяны Марковны въ особенности, какъ ни тяготило ее присутствіе пьянаго въ комнатѣ, его жалобы и вздохи.

Райскій помнилъ, когда Опенкинъ хаживалъ бывало въ домъ

его отца съ бумагами изъ Палаты. Тогда у него не было ни лысины, ни лиловаго носа; это былъ скромный и тихій человѣкъ изъ семинаристовъ, отвлеченный отъ духовнаго званія женитьбой по любви на дочери какого-то ассесора, не желавшей быть ни дьяконицей, ни даже попадьей. Но Райскій не счелъ нужнымъ припоминать стараго знакомства, потому что не любилъ, какъ и бабушка, пьяныхъ, однако онъ со стороны наблюдалъ за нимъ и тутъ же карандашомъ начертилъ его каррикатуру.

Опенкинъ, за обѣдомъ, пока еще не опьянѣлъ, продолжалъ чествовать бабушку похвалами, называлъ Вѣрочку съ Марѳинькой небесными горлицами, потомъ, опьянѣвши, вздыхалъ, сопѣлъ, а послѣ обѣда ушелъ на сѣноваль спать. Чай онъ пилъ съ ромомъ, за ужиномъ опять пилъ мадеру, и когда всѣ гости ушли домой, а Вѣра съ Марѳинькой по своимъ комнатамъ, Опенкинъ все еще томилъ Бережкову разсказами о прежнемъ житьѣ-бытьѣ въ городѣ, о многихъ старикахъ, которыхъ всѣ забыли, кромѣ его, о разныхъ событіяхъ добраго стараго времени, наконецъ о своихъ домашнихъ несчастіяхъ, и все прихлебывалъ холодный чай съ ромомъ, или просилъ рюмочку мадеры. Снисходительная старушка не рѣшалась напомнить ему о позднемъ часѣ, ожидая, что онъ догадается. Но онъ не догадывался. Она нѣсколько разъ уходила и наконецъ совсѣмъ ушла и подсылала, то Марину, то Якова, потушить свѣчи, кромѣ одной, закрыть ставни: все не дѣйствовало. Онъ заговаривалъ и съ Яковомъ и съ Мариной.

— А, ну что̀, Маринушка, — говорилъ Опенкинъ: скоро ли позовешь въ кумовья? Я все жду, вотъ бы выпилъ на радостяхъ...

— Будетъ съ васъ: и такъ глаза-то налили! Барыня почивать хочетъ, говоритъ, пора вамъ домой... ворчала Марина, убирая посуду.

— Хулу глаголешь, нечестивая: Татьяна Марковна не изгоняетъ гостей: гость — священная особа... Татьяна Марковна! заоралъ онъ вовсе горло: ручку пожалуйте недостойному...

— Что это за срамъ: какъ орете: разбудите барышень! — сказала ему Василиса, посланная барыней унять его.

— Голубочки небесныя! сладенькимъ голосомъ началъ Опенкинъ:—почиваютъ, спрятавъ головки подъ крылышко! Маринушка! поди дай обниму тебя...

— Ну, васъ, подите, говорятъ вамъ: вотъ дастъ вамъ знать жена, какъ придете домой...

— Избіетъ, избіетъ яко младенца, Маринушка!

Онъ началъ хныкать и всхлипывать.

— Дай мадерцы: выпилъ бы изъ твоихъ золотыхъ ручекъ! плача говорилъ онъ.

— Нѣту: видите, бутылка пустая! выкатили всю на лобъ себѣ!

— Ну, ромцу, сударушка: ты мнѣ ни разу не поднесла...

— Вотъ еще! пойду въ буфетъ рому доставать! Ключи у барышни...

— Давай, шельма! — закричалъ опять во все горло Опенкинъ.

Вскорѣ изъ спальни вышла Татьяна Марковна, въ ночномъ чепцѣ и салопѣ.

— Что это, въ умѣ ли ты, Акимъ Акимычъ? — строго сказала она.

— Матушка, матушка! — завопилъ Опенкинъ, опускаясь на колѣни и хватая ее за ноги — дай ножку, благодѣтельница, прости...

— Пора домой: здѣсь не кабакъ — что это за срамъ! Впередъ не велю принимать...

— Матушка! — говорилъ Опенкинъ: кабакъ! кабакъ! Кто говоритъ кабакъ? Это храмъ мудрости и добродѣтели. Я честный человѣкъ, матушка: да, или нѣтъ? Ты только изреки — честный я, или нѣтъ? Обманулъ я, уязвилъ, налгалъ, наклеветалъ, насплетничалъ на ближняго? изрыгалъ хулу, злобу? Николи! — гордо произнесъ онъ, стараясь выпрямиться.—Нарушилъ ли присягу въ вѣрности царю и отечеству? производилъ поборы, извращалъ смыслъ закона, посягалъ на интересъ казны? Николи! Мухи не обидѣлъ, матушка: безвреденъ, яко червь пресмыкающійся...

— Ну, вставай, вставай, и ступай домой! Я устала, спать хочу...

— Да почіетъ благословеніе Божіе надъ тобою, праведница!

— Яковъ, вели Кузьмѣ проводить домой Акима Акимыча! — приказывала бабушка. — И проводи его самъ, чтобъ онъ не ушибся! Ну, прощай, Богъ съ тобой: не кричи, ступай, дѣвочекъ разбудишь.

— Матушка, ручку, ручку, — вопилъ Опенкинъ: — горлицы, горлицы небесныя...

Бережкова ушла, нисколько не смущаясь этимъ явленіемъ, которое повторялось ежемѣсячно и сопровождалось все однѣми и тѣми же сценами. Яковъ сталъ звать Опенкина, стараясь, съ помощью Марины, приподнять его съ пола.

— А! богобоязненный Іаковъ! — продолжалъ Опенкинъ: пріими на лоно свое недостойнаго Іоакима и поднеси изъ благочестивыхъ рукъ своихъ рюмочку ямайскаго...

— Пойдемте, не шумите: барыню опять разбудите, пора домой!

— Ну, ну... ну... твердилъ Опенкинъ, кое-какъ барахтаясь и поднимаясь съ пола: пойдемъ, пойдемъ. Зачѣмъ домой: дабы змѣя лютая язвила меня до утрія? Нѣтъ, пойдемъ къ тебѣ, человѣче: я повѣдаю ти, како Іаковъ боролся съ Богомъ...

Яковъ любилъ поговорить о «божественномъ», и выпить тоже любилъ, и потому поколебался.

— Ну, ладно, пойдемте ко мнѣ, а здѣсь непригоже оставаться, сказалъ онъ.

Опенкинъ часа два сидѣлъ у Якова въ прихожей. Яковъ тупо и углубленно слушалъ эпизоды изъ священной исторіи; даже досталъ въ людской и принесъ бутылку пива, чтобы заохотить собесѣдника къ разсказу. Наконецъ Опенкинъ, кончивъ пиво, сталъ поминутно терять нить исторіи и перепуталъ до того, что Самсонъ у него проглотилъ кита и носилъ его три дня во чревѣ.

— Какъ.... позвольте, задумчиво остановилъ его Яковъ, — кто кого проглотилъ: титъ человѣка, или человѣкъ тита?

— Человѣкъ, тебѣ говорятъ: Самсонъ, то бишь — Іона!

— Да вѣдь титъ большущая рыба: сказываютъ, въ Волгѣ не уляжется...

— А чудо-то на что?

— Не другую ли какую рыбу проглотилъ человѣкъ? изъявилъ Яковъ сомнѣніе.

Но Опенкинъ успѣлъ захрапѣть: — «Проглотилъ, ей богу, право, проглотилъ!» бормоталъ онъ несвязно въ просоньѣ.

— Да кто кого: фу, ты, Боже мой, — скажете ли вы? допытывался Яковъ.

— Поднеси изъ благочестивыхъ рукъ.... чуть внятно говорилъ Опенкинъ, засыпая.

— Ну, теперь ничего не добьешься! Пойдемте.

Онъ старался растолкать гостя, но тотъ храпѣлъ. Яковъ сходилъ за Кузьмой и вдвоемъ часа четыре употребили на то, чтобъ довести Опенкина домой, на противоположный конецъ города. Тамъ, сдавъ его на руки кухаркѣ, они сами на другой день къ обѣду только вернулись домой. Яковъ съ Кузьмой провели утро въ слободѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ кабака. Когда они выходили изъ кабака, то Кузьма принималъ чрезвычайно дѣловое выраженіе лица, и чѣмъ ближе подходилъ къ дому, тѣмъ строже и внимательнѣе смотрѣлъ вокругъ, нѣтъ ли безпорядка какого-нибудь, не валяется ли что-нибудь лишнее, зря, около дома, трогалъ замо̀къ у воротъ, цѣлъ ли онъ. А Яковъ все

искалъ по сторонамъ глазами, не покажется ли церковный крестъ вдалекѣ, чтобъ помолиться на него.

XX.

Терпѣніе Райскаго разбилось о равнодушіе Вѣры, и онъ впалъ въ уныніе, сталъ опять терзаться тупой и безплодной скукой. Отъ скуки онъ пробовалъ чертить разныя деревенскія сцены карандашомъ, набросалъ въ альбомъ почти всѣ пейзажи Волги, какіе видѣлъ изъ дома и съ обрыва, писалъ замѣтки въ свои тетради, записалъ даже Опенкина и, положивъ перо, спросилъ себя: «зачѣмъ онъ записалъ его? Вѣдь въ романъ онъ не годится: нѣтъ ему роли тамъ. Опенкинъ — старый, выродившійся провинціальный типъ, гость, котораго не знаютъ какъ выжить: чтожъ тутъ интереснаго? И какой это романъ! И кàкъ пишутъ эти романисты? кàкъ у нихъ выходитъ все слито, связано между собой, такъ что ничего тронуть и пошевелить нельзя? А я какъ будто въ зеркалѣ вижу только себя! Какъ это глупо! Не умѣю! «Неудачникъ» я!» Онъ сталъ припоминать свои уроки въ академіи, студіи, гдѣ рисуютъ съ бюстовъ. Наконецъ, упрямо привязался къ воспоминанію о Бѣловодовой, вынулъ ея акварельный портретъ, стараясь привести на память послѣдній разговоръ съ нею, и кончилъ тѣмъ, что написалъ къ Аянову цѣлый рядъ писемъ—литературныхъ произведеній въ своемъ родѣ, требуя отъ него подробнѣйшихъ свѣдѣній обо всемъ, чтò касалось Софьи: гдѣ, чтò она, на дачѣ, или въ деревнѣ? посѣщаетъ ли онъ ея домъ? Вспоминáетъ ли она о немъ? Бываетъ ли тамъ графъ Милари — и прочее, и прочее — все, все. Всѣмъ этимъ онъ надѣялся отдѣлаться отъ навязчивой мысли о Вѣрѣ.

Отославъ пять, шесть писемъ, онъ опять погрузился въ свой недугъ — скуку. Это не была скука, какую испытываетъ человѣкъ за нелюбимымъ дѣломъ, которое навязала на него обязанность и которой онъ предвидитъ конецъ. Это тоже не случайная скука, постигающая кого-нибудь въ случайномъ положеніи: въ болѣзни, въ утомительной дорогѣ, въ карантинѣ—тамъ, впереди опять видѣнъ конецъ. Могъ бы онъ заняться дѣломъ: за дѣломъ скуки не бываетъ. «Но дѣла, у насъ, русскихъ, нѣтъ, рѣшилъ Райскій, а есть миражъ дѣла! А если и бываетъ, то въ сферѣ рабочаго человѣка, въ приспособленіи къ дѣлу грубой силы или грубаго умѣнья, слѣдовательно, дѣло рукъ, плечей, спины: и тò дѣло вяжется плохо, плетется кое-какъ; поэтому, рабочій людъ, какъ рабочій скотъ, дѣлаетъ все изъ-подъ палки и норовитъ

только отбыть свою работу, чтобы скорѣе дорваться до животнаго покоя. Никто не чувствуетъ себя человѣкомъ за этимъ дѣломъ и никто не вкладываетъ въ свой трудъ человѣческаго, сознательнаго умѣнья, а все везетъ свой возъ, какъ лошадь, отмахиваясь хвостомъ отъ какого-нибудь кнута. И если кнутъ перестанъ свистать — перестала и сила двигаться и ложится тамъ, гдѣ остановился кнутъ. Весь домъ около него, да и весь городъ, и всѣ города въ пространномъ царствѣ, движутся этимъ отрицательнымъ движеніемъ.

«А не въ рабочей сферѣ, повыше? Гдѣ у насъ дѣло, которое бы каждый дѣлалъ, такъ сказать, облизываясь отъ удовольствія, какъ-будто бы ѣлъ любимое блюдо? А вѣдь только за такимъ дѣломъ и не бываетъ скуки! Отъ этого всѣ у насъ ищутъ однихъ удовольствій, и все внѣ дѣла.

А дѣла нѣтъ, «одинъ миражъ!» злобно твердилъ онъ, одолѣваемый хандрой, доводившей его иногда до свирѣпости, несвойственной его мягкой натурѣ.

Его самого готовили—къ чему—никто не зналъ. Вся женская родня прочила его въ военную службу, мужская—въ гражданскую, а рожденіе само по себѣ представляло его третье призваніе — сельское хозяйство. У насъ легко погнаться за всѣми тремя зайцами и поспѣть къ тремъ — миражамъ. И только одинъ онъ выдался уродъ въ семьѣ и не поспѣлъ ни къ одному, а выдумалъ свой миражъ — искусство! Сколько насмѣшекъ, пожиманія плечъ, холодныхъ и строгихъ взглядовъ перенесъ онъ на пути къ своему идеалу дѣла! И еслибъ онъ вышелъ побѣдителемъ, вынесъ на плечахъ свою задачу и доказалъ «серьезнымъ людямъ», что они стремятся къ миражу, а онъ къ дѣлу — онъ бы и былъ правъ. А онъ тоже не дѣлаетъ дѣла, и его дѣло передъ ихъ дѣломъ — есть самый пустой изъ всѣхъ миражей. Правъ Маркъ, этотъ циническій мудрецъ, такъ храбро презрѣвшій всѣ миражи и отыскивающій.... миража поновѣе! «Нѣтъ и у меня дѣла, не умѣю я его дѣлать, какъ дѣлаютъ художники, погружаясь въ задачу, умирая для нея!» въ отчаяніи рѣшилъ онъ. «А какія сокровища передъ глазами: то картинки жанра, Теньеръ, Остадъ — для кисти, то бытъ и нравы — для пера: всѣ эти Опенкины и.... вонъ, вонъ....»

Онъ смотрѣлъ на дворъ, гдѣ все копошилось ежедневною заботой, видѣлъ какъ Улита убирала погреба и подвалы. Онъ сталъ наблюдать Улиту.

Улита была какимъ-то гномомъ: она гнѣздилась вѣчно въ подземельномъ царствѣ, въ погребахъ и подвалахъ, такъ что сама вся пропиталась подвальной сыростью. Платье ея было

влажно, носъ и щеки постоянно озябшія, волосы всклокочены и покрыты безпорядочно смятымъ бумажнымъ платкомъ. Около пояса грязный фартукъ, рукава засучены. Ее всегда увидишь, что она, или возникаетъ, какъ изъ могилы, изъ погреба, съ кринкой, горшкомъ, корытцемъ или съ полдюжиной бутылокъ между пальцами въ обѣихъ рукахъ, или опускается внизъ, въ подвалы и погреба, прятать провизію, вино, фрукты и зелень. На солнышкѣ ее почти не видать, и все она таится во тьмѣ своихъ холодниковъ: видно въ глубинѣ подвала только ея лицо съ синевато-краснымъ румянцемъ, все прочее сливается съ мракомъ домашнихъ пещеръ.

Она и не подозрѣвала, что Райскій болѣе, нежели кто-нибудь въ домѣ, занимался ею, больше даже родныхъ ея, жившихъ въ селѣ, которыя по мѣсяцамъ не видались съ ней. Онъ срисовалъ ее, показалъ Марѳинькѣ и Вѣрѣ: первая руками всплеснула отъ удовольствія, а Вѣра одобрительно кивнула головой.

Героемъ дворни все-таки оставался Егорка: это былъ живой пульсъ ея. Онъ своего дѣла, котораго собственно и не было, не дѣлалъ («какъ всѣ у насъ», упрямо мысленно добавлялъ Райскій), но за то совался поминутно въ чужія дѣла: смотришь, дугу натягиваетъ, а сила есть, онъ коренастый, мускулистый, длиннорукій, какъ орангъ-утангъ, но хорошо сложенный малый; то сѣно примется помогать складывать на сѣновалъ; броситъ охабки три и кинетъ вилы, начнетъ болтать и мѣшать другимъ. Но главное его призваніе и страсть — дразнить дворовыхъ дѣвокъ, трепать ихъ, дѣлать имъ всякія штуки. Онъ смѣется надъ ними, свищетъ имъ въ слѣдъ, схватитъ изъ-за угла длинной рукой за плечо, или за шею такъ, что бѣдная дѣвка не вспомнится, гребенка выскочитъ у ней, и коса упадетъ на спину. «Чортъ, озорникъ!» кричитъ дѣвка, и съ ея крикомъ послышится ворчанье какой-нибудь старой бабы. Но ему неймется: онъ подмигиваетъ на проходящую дѣвку глазами кучеру, или Якову, или кто тутъ случится близко, и опять засвищетъ, захихикаетъ, или начнетъ выдѣлывать такую мимику, что дѣвка бросится бѣжать, а онъ вслѣдъ оскалитъ зубы или свиснетъ.

Какую бы, кажется, ненависть долженъ былъ возбудить къ себѣ во всей женской половинѣ дворни такой озорникъ, какъ этотъ Егорка? А именно этого и не было. Онъ вызывалъ только временныя вспышки въ этихъ дѣвицахъ, а потомъ онѣ же лѣзли къ нему, лишь только онъ назоветъ которую-нибудь Марьей Петровной или Пелагеей Сергѣевной и дружелюбно заговоритъ съ ней. Онѣ гурьбой толпились около него, когда онъ въ воскресенье съ гитарой сидѣлъ у воротъ и ласково, но всегда

съ насмѣшкой, балагурилъ съ ними. И только тогда бросались отъ него врознь, когда онъ запѣвалъ черезъ-чуръ нецензурную пѣсню, или вдругъ принимался за неудобную для ихъ стыдливости мимику. Но наединѣ и порознь, смотришь, то та, то другая стоитъ, дружески обнявшись съ нимъ, гдѣ-нибудь въ уголкѣ, и вечеркомъ, особенно по зимамъ, кому была охота, могъ видѣть, какъ бѣгали женскія тѣни черезъ дворъ и какъ затворялась и отворялась дверь его маленькаго чуланчика, рядомъ съ комнатами кучеровъ.

Не подозрѣвалъ и Егорка, и красныя дѣвицы, что Райскому, лучше нежели кому-нибудь въ дворнѣ, видны были всѣ шашни ихъ и вся эта игра домашнихъ страстей.

Обращаясь отъ двора къ дому, Райскій въ сотый разъ усмотрѣлъ тамъ, въ маленькой горенкѣ, рядомъ съ бабушкинымъ кабинетомъ, неизмѣнную картину: молчаливая, вѣчно-шепчущая про себя Василиса, со впалыми глазами, сидѣла у окна, вѣкъ свой на одномъ мѣстѣ, на одномъ стулѣ, съ высокой спинкой и кожанымъ, глубоко продавленнымъ сидѣньемъ, глядя на дрова, да на копавшихся въ кучѣ сора куръ. Она не уставала отъ этого вѣчнаго сидѣнья, отъ этой, одной и той же картины изъ окна. Она даже не охотно разставалась со своимъ стуломъ, и подавъ барынѣ кофе, убравши ея платья въ шкафъ, спѣшила на стулъ, за свой чулокъ, глядѣть задумчиво въ окно на дрова, на куръ, и шептать. Изъ дома выходить для нея было наказаніемъ; только въ церковь ходила она, и то стараясь робко, какъ-то стыдливо, пройти черезъ улицу, какъ будто боялась людскихъ глазъ. Когда ее спрашивали, отъ чего она не выходитъ, она говорила, что любитъ «домовничать». Она казалась полною, потому что разбухла отъ сидѣнья и затворничества, и иногда жаловалась на одышку. Она и Яковъ были большіе постники, и оба набожные.

Когда кто приходилъ посторонній въ домъ и когда въ прихожей не было ни Якова ни Егорки, что̀ почти постоянно случалось, и Василиса отворяла двери, она никогда не могла потомъ сказать, кто приходилъ. Ни имени, ни фамиліи приходившаго она передать никогда не могла, хотя состарѣлась въ городѣ и знала въ лицо послѣдняго мальчишку. Если лекарь приходилъ, священникъ, она скажетъ, что былъ лекарь или священникъ, но имени не помнитъ. «Былъ вотъ этотъ»... начнетъ она. «Кто такой?» спроситъ Татьяна Марковна. «Да вонъ тотъ, что̀ чуть Марѳу Васильевну не убилъ» (а этому ужъ пятнадцать лѣтъ прошло, какъ гость уронилъ маленькую ее съ рукъ). «Да кто?» «Вотъ что̀ послѣ обѣда не кофе, а чаю проситъ», или:

«тотъ, что диванъ въ гостиной трубкой прожегъ», или «что на страстной скоромное жретъ» и т. п.

Она, какъ тѣнь, неслышно «домовничаетъ» въ своемъ уголку, перебирая спицы чулка. Передъ ней, черезъ сосновый крашеный столъ, на высокомъ деревянномъ табуретѣ сидѣла дѣвочка отъ 8 до 10-ти лѣтъ, и тоже вязала чулокъ, держа его высоко, такъ что спицы поминутно высовывались выше головы. Такія дѣвочки не переводились у Бережковой. Если дѣвочка выростала, ее употребляли на другую, серьезную работу, а на ея мѣсто брали изъ деревни другую, на побѣгушки, для мелкихъ приказаній. Обязанность ея, когда Татьяна Марковна сидѣла въ своей комнатѣ, стоять плотно прижавшись въ уголкѣ у двери и вязать чулокъ, держа клубокъ подъ мышкой, но стоять смирно, не шевелясь, чуть дыша, и по возможности не спуская съ барыни глазъ, чтобъ тотчасъ броситься, если барыня укажетъ ей пальцемъ, подать платокъ, затворить или отворить дверь, или велитъ позвать кого-нибудь. «Утри носъ»! слышалось иногда, и дѣвочка утирала носъ передникомъ, или пальцомъ, и продолжала вязать. А когда Бережкова уходила или уѣзжала изъ дома, дѣвочка шла къ Василисѣ, влѣзала на высокій табуретъ, и молча, не спуская глазъ съ Василисы, продолжала вязать чулокъ, на силу одолѣвая пальцами длинныя стальныя спицы. Часто клубокъ вываливался изъ-подъ мышки и катился по комнатѣ: «что зѣваешь, подними!» слышался шепотъ. Иногда на окно приходилъ къ нимъ погрѣться на солнцѣ, между двумя бутылями наливки, котъ Сѣрко; и если Василиса отлучалась изъ комнаты, дѣвчонка не могла отказать себѣ въ удовольствіи поиграть съ нимъ, поднималась возня, смѣхъ дѣвчонки, игра кота съ клубкомъ: тутъ часто клубокъ, и самъ котъ, летѣли на полъ, иногда опрокидывался и табуретъ съ дѣвчонкой. Дѣвочку, которую засталъ Райскій, звали Пашуткой.

Ей стригутъ волосы коротко и одѣваютъ въ платье, сдѣланное изъ старой юбки, но такъ, что не разберешь, задомъ ли на передъ сидѣло оно на ней; ноги обуты въ большіе не по лѣтамъ башмаки. У ней изъ маленькаго, плутовского, нѣсколько приподнятаго къ верху носа, часто свѣтится капля. Пробовали ей давать носовые платки, но она изъ нихъ все свивала подобіе куколъ, и даже углемъ помѣчала, гдѣ быть глазамъ, гдѣ носу. Ихъ отобрали у нея, и она оставалась съ каплей, которая издали свѣтилась какъ искра.

Райскій заглянулъ къ нимъ: Пашутка, быстро взглянувъ на него изъ-за чулка, усмѣхнулась было, потому что онъ, то ласково погладитъ ее, то дастъ ложку варенья или яблоко, и еще быстрѣе потупила глаза подъ суровымъ взглядомъ Василисы. А

Василиса, увидѣвъ его, перестала шептать и углубилась въ чулокъ.

Онъ заглянулъ къ бабушкѣ: ея не было, и онъ, взявъ фуражку, вышелъ изъ дома, пошелъ по слободѣ и добрелъ незамѣтно до города, продолжая съ любопытствомъ вглядываться въ каждаго прохожаго, изучалъ дома, улицы. Тамъ кое-гдѣ двигался народъ; купецъ, т. е. шляпа, борода, крутое брюхо и сапоги смотрѣли, какъ рабочіе, кряхтя, складывали мѣшки хлѣба въ амбаръ, тамъ толпились какія-то неопредѣленныя личности у кабака, а тамъ проѣхала длинная и глубокая телѣга, съ насаженнымъ туда невѣроятнымъ числомъ рослаго, здороваго мужичья, въ порыжѣвшихъ шапкахъ безъ полей, въ рубашкахъ съ синими заплатами, и въ бурыхъ армякахъ, и въ лаптяхъ, и въ громадныхъ сапожищахъ, съ рыжими, сѣдыми и разношерстными бородами, то клиномъ, то лопатой, то раздвоенными, то козлинообразными.

Телѣга ѣхала съ грохотомъ, прискакивая; прискакивали и мужики; иной сидѣлъ прямо, держась обѣими руками за края, другой лежалъ положивъ голову на третьяго, а третій, опершись рукой на локоть, лежалъ въ глубинѣ, а ноги висѣли черезъ край телѣги. Правилъ большой мужикъ, стоя, въ буромъ длинномъ до полу армякѣ, въ нахлобученной на уши шляпѣ безъ полей, и медленно крутилъ возжей около головы. Лицо у него отъ загара и пыли было совсѣмъ черное; глаза ушли подъ шапку, только усы и борода, точно изъ овечьей, бѣло-золотистой, жесткой шерсти, рѣзко отдѣлялись отъ темнаго кафтана. Лошадь рослая, здоровая, вся въ кисточкахъ изъ ремней по бокамъ, выбивалась изъ силъ и неслась скачками. Все это прискакало къ кабаку, соскочило, отряхиваясь, и убралось въ двери, а лошадь уже одна доѣхала до изгороди, въ которую всаженъ былъ клокъ сѣна, и отфыркавшись, принялась ѣсть.

Встрѣчались Райскому дальше въ городѣ лица, очевидно бродившія безъ дѣла, или «съ миражемъ дѣла». Купцы, томящіеся бездѣльемъ у своихъ лавокъ, проѣдетъ совѣтникъ на дрожкахъ, пройдетъ, важно выступая, духовное лицо, съ длинной тростью.

А тамъ въ пустой улицѣ, по срединѣ, взрывая нетрезвыми ногами облака пыли, шелъ разгульный малый, въ красной рубашкѣ, въ шапкѣ на-бокъ, и размахивая руками, въ одиночку оралъ пѣсню, и время отъ времени показывалъ рѣдкому прохожему грозный кулакъ.

Райскій пробрался до Козлова, и узнавъ, что онъ въ школѣ, спросилъ про жену. Баба, отворившая ему калитку, стороной посмотрѣла на него, потомъ высморкалась въ фартукъ,

отерла пальцемъ носъ и ушла въ домъ. Она не возвращалась. Райскій постучалъ опять, собаки залаяли, вышла дѣвочка, поглядѣла на него, розиня ротъ, и тоже ушла. Райскій обошелъ съ переулка и услыхалъ за заборомъ голоса въ садикѣ Козлова: одинъ говорилъ по-французски, съ парижскимъ акцентомъ, другой голосъ былъ женскій. Слышенъ былъ смѣхъ, и даже будто раздался поцѣлуй...

«Бѣдный Леонтій! прошепталъ Райскій: или, пожалуй, тупой, недогадливый Леонтій!»

Онъ стоялъ въ нерѣшимости—войти или нѣтъ.

«А вѣдь я другъ Леонтья: старый товарищъ — и терплю, глядя, какъ эта честная, любящая душа награждена за свою симпатію! Ужели я останусь равнодушнымъ?.. Но что̀ дѣлать: открыть ему глаза, будить его отъ этого сна, когда онъ такъ вѣритъ, поклоняется чистотѣ этого... римскаго профиля, такъ сла̀дко спитъ въ лонѣ домашняго счастья — плохая услуга! Что же дѣлать? вотъ дилемма! раздумывалъ онъ, ходя взадъ и впередъ по переулку. «Вотъ что развѣ: броситься, забить тревогу и смутить это преступное tête-à-tête?...» Онъ пошелъ было къ двери, но тотчасъ же одумался и воротился. — «Это исторія, скандалъ, думалъ онъ: огласить позоръ товарища, нѣтъ, нѣтъ! — не такъ! Ахъ! счастливая мысль — рѣшилъ онъ вдругъ: дать Ульянѣ Андреевнѣ урокъ наединѣ: бросить ей громы на голову, плеснуть на нее волной чистыхъ, невѣдомыхъ ей понятій и нравовъ! Она обманываетъ добраго, любящаго мужа и прячется отъ страха: сдѣлаю, что она будетъ прятаться отъ стыда. Да, пробудить стыдъ въ огрубѣломъ сердцѣ — это долгъ и заслуга — и въ отношеніи къ ней, а болѣе къ Леонтью!»

Это замѣтно оживило его: «это уже не миражъ, а истинно честное, даже святое дѣло!» думалось ему. Затѣмъ его поглотилъ процессъ его исполненія. Онъ глубоко и серьезно вникалъ въ предстоящій ему долгъ: какъ, безъ огласки, безъ всякаго шума и сценъ, кротко и разумно уговорить эту женщину поберечь мужа, обратиться на другой, честный путь и начать заглаживать прошлое...

Онъ съ полчаса ходилъ по переулку, выжидая, когда уйдетъ M-r Шарль, чтобы упасть на горячій слѣдъ и «бросить громы», или вліяніемъ стараго знакомства... «Это рѣшитъ минута», заключилъ онъ. Подумавши, онъ отложилъ исполненіе до удобнаго случая — и отдавшись этой новой, сильно охватившей его задачѣ, прибавилъ шагу и пошелъ отыскивать Марка, чтобы заплатить ему визитъ, хотя это было не только не нужно, въ отношеніи послѣдняго, но даже не совсѣмъ осторожно со стороны

Райскаго. Райскій и не намѣревался выдать свое посѣщеніе за визитъ: онъ просто искалъ какого-нибудь развлеченія, чтобъ не чувствовать тупой скуки, и вмѣстѣ также, чтобъ не сосредоточиваться на мысли о Вѣрѣ. Онъ правильно заключилъ, что тѣсная сфера, куда его занесла судьба, по неволѣ держала его по долгу на какомъ-нибудь одномъ впечатлѣніи, а такъ какъ Вѣра, «по дикой неразвитости», по непривычкѣ къ людямъ, или наконецъ онъ не знаетъ еще почему, не только не спѣшила съ нимъ сблизиться, но все отдалялась, то онъ и рѣшилъ не давать въ себѣ развиться, ни любопытству, ни воображенію, и показать ей, что она блѣдная, ничтожная деревенская дѣвочка, и больше ничего. Отъ этого онъ хватался за всякій случай дать своей впечатлительности другую пищу.

Онъ прошелъ мимо многихъ, покрививишихся на бокъ, домишекъ, вышелъ изъ города и пошелъ между двумя плетнями, за которыми съ обѣихъ сторонъ разстилались огороды, посматривая на шалаши огородниковъ, на распяленный кое-гдѣ старый, дырявый кафтанъ, или на вздѣтую на палку шапку—пугать воробьевъ. «Гдѣ тутъ огородникъ Ефремъ живетъ?» спросилъ онъ одну бабу черезъ плетень, копавшуюся между двухъ грядъ. Она, не отрываясь отъ работы, молча указала локтемъ вдаль, на одиноко-стоявшую избушку въ полѣ. Потомъ, когда Райскій ушелъ отъ нея шаговъ на сорокъ, она, прикрывъ рукой глаза отъ солнца, звонко спросила его вслѣдъ: «не огурцы ли покупаешь? Вотъ у насъ какіе ядреные да зеленые»?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Райскій: я ничего не покупаю.

— Почто-жъ тебѣ Ефрема?

— Да у него живетъ мой знакомый, Маркъ, не знаешь-ли?

— Нештò: у Ефрема стоитъ какой-то поповичъ, либо приказный изъ города, кто его знаетъ!

Райскій пошелъ къ избушкѣ, и только перелѣзъ черезъ плетень, какъ на встрѣчу ему помчались двѣ шавки съ яростнымъ лаемъ. Въ дверяхъ избушки показалась, съ ребенкомъ на рукахъ, здоровая, молодая, съ загорѣлыми голыми руками и босикомъ, баба.

— Цыцъ, цыцъ, цы, проклятыя, чтобъ васъ! унимала она собакъ. — Кого вамъ? спросила она Райскаго, который оглядывался во всѣ стороны, недоумѣвая, гдѣ тутъ могъ гнѣздиться кто-нибудь другой, кромѣ мужика съ семьей. Около избушки не было ни дворика, ни загородки. Два окна выходили къ огородамъ, а два въ поле. Избушка почти вся была заставлена и покрыта лопатами, кирками, граблями, грудами корзинъ, въ углу навалены были драницы, ведра и всякій хламъ. Подъ навѣ-

сомъ стояли двѣ лошади, тутъ же хрюкала свинья съ поросенкомъ и бродила насѣдка съ цыплятами. По-одаль стояло нѣсколько тачекъ и большая телѣга.

— Гдѣ тутъ живетъ Маркъ Волоховъ? спросилъ Райскій.

Баба молча указала на телѣгу. Райскій поглядѣлъ туда: тамъ, кромѣ большой рогожи, ничего не видать.

— Развѣ онъ въ телѣгѣ живетъ? спросилъ онъ.

— Вонъ его горница, сказала баба, показывая на одно изъ оконъ, выходившихъ въ поле. — А тутъ онъ спитъ.

— Объ эту пору спитъ?

— Да онъ на зарѣ пришелъ, должно быть, хмѣльной, вотъ и спитъ.

Райскій пошелъ къ телѣгѣ.

— Почто вамъ его? спросила баба.

— Такъ: повидаться хотѣлъ!

— А вы не замайте его!

— А что?

— Да онъ благой такой: пущай лучше спитъ! Мужа-то вотъ дома нѣтъ, такъ мнѣ и жутко съ нимъ одной. Пущай спитъ!

— Развѣ онъ обижаетъ тебя?

— Нѣтъ, грѣхъ сказать: почто обижать? Только чудной такой: я нешто его боюсь!

Баба стала качать ребенка, а Райскій съ любопытствомъ заглянулъ подъ рогожу.

— Экая дура! не умѣетъ гостей принять! вдругъ послышалось изъ-подъ рогожи, которая потомъ приподнялась, и изъ-подъ нея показалась всклокоченная голова Марка. Баба тотчасъ скрылась.

— Здравствуйте, сказалъ Маркъ; какъ это васъ занесло сюда?

Онъ вылѣзъ изъ телѣги и сталъ потягиваться.

— Съ визитомъ, должно быть? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я такъ: пошелъ отъ скуки погулять....

— Отъ скуки? что́ такъ: двѣ красавицы въ домѣ, а вы бѣжите отъ скуки: а еще художникъ! или амуры нейдутъ на ладъ?

Онъ насмѣшливо мигнулъ Райскому. — А вѣдь красавицы: Вѣра-то, Вѣра какова!

— Вы почемъ ее знаете и что вамъ до нихъ за дѣло? сухо замѣтилъ Райскій.

— Это правда, отвѣчалъ Маркъ. — Ну, не сердитесь: пойдемте въ мой салонъ.

— Вы лучше скажите, отъ чего въ телѣгѣ спите: или Діогена разыгрываете? спросилъ Райскій.

— Да, по неволѣ, — сказалъ Маркъ.

Они прошли черезъ сѣни, черезъ жилую избу хозяевъ, и вошли въ заднюю комнатку, въ которой стояла кровать Марка. На ней лежалъ тоненькій старый тюфякъ, тощее ваточное одѣяло, маленькая подушка. На полкѣ и на столѣ лежало десятка два книгъ, на стѣнѣ висѣли два ружья, а на единственномъ стулѣ въ безпорядкѣ валялось нѣсколько бѣлья и платья.

— Вотъ мой салонъ: садитесь на постель, а я на стулъ, приглашалъ Маркъ. — Скинемте сюртуки: здѣсь адская духота. Не церемоньтесь, тутъ нѣтъ дамъ: скидайте, вотъ такъ. Да нехотите-ли чего-нибудь? у меня впрочемъ ничего нѣтъ. А если не хотите вы, такъ дайте мнѣ сигару. Однако молоко есть, яйца....

— Нѣтъ, благодарю, я завтракалъ, а теперь скоро и обѣдать.

— И то правда, вѣдь вы у бабушки живете. Ну, что она: не выгнала васъ за то, что вы дали мнѣ ночлегъ?

— Нѣтъ, упрекала, зачѣмъ безъ пирожнаго спать уложилъ и пуховика не потребовалъ.

— И въ тоже время бранила меня?

— По обыкновенію, но....

— Знаю, не говорите — не отъ сердца, а по привычкѣ. Она старуха хоть куда: лучше ихъ всѣхъ тутъ, бойкая, съ характеромъ, и былъ когда-то здравый смыслъ въ головѣ, теперь ужъ, я думаю, мозги-то размягчились.

— Вотъ какъ: нашелся же кто-нибудь, кому и вы симпатизируете! сказалъ Райскій.

— Да, особенно въ одномъ — она терпѣть не можетъ губернатора, и я тоже.

— За что же?

— Бабушка ваша — не знаю за что, а я за то, что онъ — губернаторъ. И полицію тоже мы съ ней не любимъ, притѣсняетъ насъ. Ее заставляетъ чинить мосты, а обо мнѣ ужъ очень печется: освѣдомляется, гдѣ я живу, далеко ли отъ города отлучаюсь, у кого бываю.

Оба молчали.

— Вотъ и говорить намъ больше не о чемъ—сказалъ Маркъ. За чѣмъ вы пришли?

— Да скучно! отвѣчалъ Райскій.

— А вы влюбитесь.

Райскій молчалъ.

— Въ Вѣру, продолжалъ Маркъ: славная дѣвочка, вы же братъ ей на восьмой водѣ, вамъ вполовину легче начать съ ней романъ...

Райскій сдѣлалъ движеніе досады, а Маркъ холодно засмѣялся.

— Что же она? Или не поддается столичному дендизму? Да какъ она смѣетъ, ничтожная провинціалка! Ну чтожъ, старинную науку въ ходъ: наружный холодъ и внутренній огонь, небрежность пріемовъ, гордое пожиманіе плечъ и презрительныя улыбки — это дѣйствуетъ! Порисуйтесь передъ ней, это ваше дѣло...

— Почему мое?

— Я вижу.

— Не ваше-ли, полно, рисоваться эксцентричностью и распущенностью?

— А можетъ быть: равнодушно замѣтилъ Маркъ: чтожъ, еслибъ это подѣйствовало, я бы постарался....

— Да, я думаю, вы не задумались бы, сказалъ Райскій....

— Это правда, замѣтилъ Маркъ. — Я пошелъ бы прямо къ дѣлу, да тѣмъ и кончилъ бы. А вотъ вы сдѣлаете тоже, да будете увѣрять себя и ее, что влѣзли на высоту и ее туда же затащили—идеалистъ вы этакій! Порисуйтесь, порисуйтесь!—можетъ быть и удастся. А то что̀ томить себя вздохами, не спать, караулить, когда бѣленькая ручка откинетъ лиловую занавѣску... ждать по недѣлямъ отъ нея ласковаго взгляда....

Райскій вдругъ зорко на него взглянулъ.

— Что́, видно, правда!

Маркъ попадалъ не въ бровь, а въ глазъ. А Райскому нельзя было даже обнаружить досаду: это значило бы—признаться, что это правда.

— Радъ бы былъ влюбиться, да не могу, не по лѣтамъ — сказалъ Райскій, зѣвая: да и не вылечусь отъ скуки.

— Попробуйте, дразнилъ Маркъ.—Хотите пари, что черезъ недѣлю вы влюбитесь, какъ котенокъ, а черезъ двѣ, много черезъ мѣсяцъ надѣлаете глупостей, и не будете знать, какъ убраться отсюда?

— А если я приму пари и выиграю, чѣмъ вы заплатите? почти съ презрѣніемъ отвѣчалъ Райскій.

— Вонъ панталоны, или ружье отдамъ: у меня только двое панталонъ: были третьи, да портной назадъ взялъ за долгъ.... Постойте, я примѣряю вашъ сюртукъ: ба, какъ разъ въ пору! сказалъ онъ, надѣвши легкое пальто Райскаго и садясь въ немъ на кровать. — А попробуйте мое! сказалъ онъ.

— Зачѣмъ? съ удивленіемъ спросилъ Райскій.

— Такъ, хочется посмотрѣть въ пору ли вамъ. Пожалуйста, надѣньте: ну, чего вамъ стоитъ?

Райскій снисходительно надѣлъ поношенное и небезупречное отъ пятенъ пальто Марка.

— Ну, что, въ пору?

— Да, ничего, сидитъ!

— Ну, такъ останьтесь такъ. Вы вѣдь не долго проносите свое пальто, а мнѣ оно года на два станетъ. Впрочемъ — рады вы, нѣтъ ли, а я его теперь съ плечъ не сниму — развѣ украдете у меня.

Райскій пожалъ плечами.

— Ну, чтожъ, идетъ пари? спросилъ Маркъ.

— Что вы такъ привязались къ этой.... извините.... глупой идеѣ?

— Ничего, ничего, не извиняйтесь — идетъ?

— Пари не равно: у васъ ничего нѣтъ.

— Объ этомъ не безпокойтесь: мнѣ не придется платить.

— Какая увѣренность!

— Ей-богу, не придется. Ну, такъ, если мое пророчество сбудется, вы мнѣ заплатите триста рублей.... А мнѣ какъ бы кстати ихъ выиграть!

— Какія глупости! почти про себя сказалъ Райскій, взявъ фуражку и тросточку.

— Да, отъ нынѣшняго дня, черезъ двѣ недѣли вы будете влюблены, черезъ мѣсяцъ будете стонать, бродить, какъ тѣнь, играть драму, пожалуй, если не побоитесь губернатора и Нила Андреевича, то и трагедію, и кончите пошлостью....

— Почемъ вы знаете? спросилъ Райскій.

— Кончите пошлостью, какъ всѣ подобные вамъ. Я знаю, вижу васъ.

— Ну, а если не я, а она бы влюбилась и стонала....

— Вѣра? спросилъ Маркъ: въ васъ?

— Да, Вѣра, въ меня!

— Тогда... я достану закладъ вдвое и принесу вамъ.

— Вы сумасшедшій! сказалъ Райскій, уходя вонъ и не удостоивъ Марка взглядомъ.

— Черезъ мѣсяцъ у меня триста рублей въ карманѣ! кричалъ ему вслѣдъ Маркъ.

XXI.

Райскій сердито шелъ домой.

«Гдѣ она, эта красавица теперь? думалъ онъ злобно: вѣроятно на любимой скамьѣ зѣваетъ по сторонамъ — пойдти посмотрѣть!» Изучивъ ея привычки, онъ почти навѣрное зналъ, гдѣ она могла быть въ тотъ или другой часъ.

Поднявшись съ обрыва въ садъ, онъ увидѣлъ ее дѣйствительно сидящую на своей скамьѣ съ книгой. Она не читала, а глядѣла, то на Волгу, то на кусты. Увидя Райскаго, она перемѣнила позу, взяла книгу, потомъ тихо встала и пошла по дорожкѣ къ старому дому. Онъ сдѣлалъ ей знакъ подождать его, но она, или не замѣтила, или притворилась, что не видитъ, и даже будто ускорила шагъ, проходя по двору, и скрылась въ дверь стараго дома. Его взяло зло. «А тотъ болванъ думаетъ, что я влюблюсь въ нее: она даже не знаетъ простыхъ приличій, выросла въ дѣвичьей, среди этого народа, неразвитая, подгородная красота! Ея романъ ждетъ тутъ гдѣ-нибудь въ Палатѣ....»

Онъ злобно ѣлъ за обѣдомъ, посматривая изъ-подлобья на всѣхъ, и не взглянулъ ни разу на Вѣру, даже не отвѣчалъ на ея замѣчаніе, что «сегодня жарко». Ему казалось, что онъ ужъ ее ненавидѣлъ, или пренебрегалъ ею: онъ этого еще самъ не рѣшилъ, но только сознавалъ, что въ немъ бродитъ какое-то враждебное чувство къ ней. Это особенно усилилось дня за два передъ тѣмъ, когда онъ пришелъ къ ней въ старый домъ, съ Гёте, Байрономъ, Гейне, да съ какимъ-то англійскимъ романомъ подъ мышкой, и расположился у ея окна, рядомъ съ ней.

Она съ удивленіемъ глядѣла, какъ онъ раскладывалъ книги на столѣ, какъ привольно располагался самъ.

— Что это вы хотите дѣлать? спросила она съ любопытствомъ.

— А вотъ, отвѣчалъ онъ, указывая на книгу, «улетимъ куда-нибудь на крыльяхъ поэзіи», будемъ читать, мечтать, понесемся вслѣдъ за поэтами...

Она весело засмѣялась.

— Сейчасъ дѣвушка придетъ: будемъ кофты кроить, сказала она:—тутъ на столѣ и по стульямъ разложимъ полотно и унесемся съ ней въ разсчеты аршинъ и вершковъ...

— Фи, Вѣра: оставь это, въ дѣвичьей безъ тебя сдѣлаютъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, упорно твердила она:—бабушка и такъ недовольна моею лѣнью. Когда она ворчитъ, такъ я кое-какъ еще переношу, а когда она молчитъ, косо поглядываетъ на меня и

жалко вздыхаетъ—это выше силъ... Да вотъ и Наташа! До свиданія, cousin. Давай сюда, Наташа: — клади на столъ: все-ли тутъ?

Она проворно переложила книги на стулъ, подвинула столъ на средину комнаты, достала аршинъ изъ комода и вся углубилась въ отмѣриванье полотна, разсчитывала полотнища, съ свойственнымъ ей нервнымъ проворствомъ, когда одолѣвала ее охота или необходимость работы, и на Райскаго ни взгляда не бросила, ни слова ему не сказала, какъ будто его тутъ не было. Онъ почти со скрежетомъ зубовъ ушелъ отъ нея, оставивъ у ней книги. Но обойдя домъ и воротясь къ себѣ въ комнату, онъ нашелъ уже книги на своемъ столѣ. «Проворно: значитъ, и впередъ прошу не жаловать»! прошепталъ онъ злобно. «Чтожъ это однако: что она такое? Это даже любопытно становится. Играетъ, шутитъ со мной?»

Маркъ, предложеніемъ пари, еще больше растревожилъ въ немъ желчь, и онъ почти не глядѣлъ на Вѣру, сидя противъ нея за обѣдомъ, только когда случайно поднялъ глаза, его какъ будто молніей ослѣпило «язвительной» красотой. Она взглянула было на него раза два просто, ласково, почти дружески. Но замѣтя его свирѣпые взгляды, она увидѣла, что онъ раздраженъ и что предметомъ этого раздраженія была она. Она наклонилась надъ пустой тарелкою и задумчиво углубила въ нее взглядъ. Потомъ подняла голову и взглянула на него: взглядъ этотъ былъ сухъ и печаленъ.

— Я съ Марѳинькой хочу поѣхать на сѣнокосъ сегодня, сказала бабушка: твоя милость, хозяинъ, не удостоишь ли взглянуть на свои луга? спросила она, обращаясь къ Райскому.

Онъ, глядя въ окно, отрицательно покачалъ головой.

— Купцы снимаютъ: даютъ семьсотъ рублей ассигнаціями: а я тысячу прошу.

Никто на это ничего не сказалъ.

— Что же ты, сударь, молчишь? спросила Татьяна Марковна. — Яковъ, обратилась она, къ стоявшему за ея стуломъ Якову:—купцы завтра хотѣли побывать: какъ пріѣдутъ, проводи ихъ вотъ къ Борису Павловичу....

— Слушаю-съ, сказалъ Яковъ.

— Выгони ихъ вонъ! равнодушно отозвался Райскій.

— Слушаю-съ! повторилъ Яковъ.

— Вотъ какъ: кто жъ ему позволитъ выгнать! Что, если бы всѣ помѣщики походили на тебя! прибавила она.

Онъ все молчалъ, глядя въ окно.

— Да что ты молчишь, Борисъ Павловичъ: ты хоть паль-

цомъ тычь! Хоть бы ѣлъ по крайней мѣрѣ! Подай ему жаркое, Яковъ, и грибы: смотри, какіе грибы!

— Не хочу! съ нетерпѣніемъ сказалъ Райскій, махнувъ Якову рукой.

Снова всѣ замолчали.

— Савелій опять прибилъ Марину, сказала бабушка. Райскій едва замѣтно пожалъ плечами.

— Ты бы унялъ его, Борисъ Павловичъ! приставала бабушка.

— Что я за полицмейстеръ? сказалъ онъ нехотя. — Пусть хоть зарѣжутъ другъ друга.

— Господи избави и сохрани! Это все драму, что ли, хочется тебѣ сочинить!

— До того мнѣ! проворчалъ онъ небрежно: — своихъ драмъ не оберешься!

— Что: или тяжело жить на свѣтѣ? насмѣшливо продолжала бабушка: — шутка ли, сколько разъ въ сутки съ боку на бокъ придется переваливаться!

Онъ взглянулъ на Вѣру: она налила себѣ краснаго вина въ воду и выпивъ, встала, поцѣловала у бабушки руку и ушла. Онъ всталъ изъ-за стола и ушелъ къ себѣ въ комнату. Вскорѣ бабушка съ Марѳинькой, и съ подоспѣвшимъ Викентьевымъ, уѣхали смотрѣть луга, и весь домъ утонулъ въ послѣобѣденномъ снѣ. Кто ушелъ на сѣновалъ, кто растянулся въ сѣняхъ, въ сараѣ; другіе, пользуясь отсутствіемъ хозяйки, ушли въ слободу, и въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Двери и окна отворены настежъ, въ саду не шелохнется листъ. У Райскаго съ ума не шла Вѣра. «Гдѣ она теперь, что дѣлаетъ одна? Отчего она не поѣхала съ бабушкой и отчего бабушка даже не позвала ее?» задавалъ онъ себѣ вопросы. Не смотря на данное себѣ слово не заниматься ею, не обращать на нее вниманія, а поступать съ ней, какъ съ «ничтожной дѣвочкой,» онъ не могъ отвязаться отъ мыслей о ней. Онъ нарочно станетъ думать о своихъ петербургскихъ связяхъ, о пріятеляхъ, о художникахъ, объ академіи, о Бѣловодовой — переберетъ два три случая въ памяти, два три лица, а четвертое лице выйдетъ — Вѣра. Возьметъ бумагу, карандашъ, сдѣлаетъ два, три штриха—выходитъ ея лобъ, носъ, губы. Хочетъ выглянуть изъ окна въ садъ, въ поле, а глядитъ на ея окно: «поднимаетъ ли бѣлая ручка лиловую занавѣску», какъ говоритъ справедливо Маркъ. И почемъ онъ знаетъ: какъ будто кто-нибудь подглядѣлъ, да сказалъ ему!

Закипитъ ярость въ сердцѣ Райскаго, хочетъ онъ мысленно обратить проклятіе къ этому неотступному образу Вѣры, а губы

не повинуются, языкъ шепчетъ страстно ея имя, колѣна гнутся и онъ закрываетъ глаза и шепчетъ: «Вѣра, Вѣра—никакая красота никогда не жгла меня язвительнѣе, я жалкій рабъ твой...» «Вздоръ, нелѣпость, сентиментальность!», скажетъ очнувшись потомъ. — «Пойду къ ней, надо объясниться — гдѣ она! Вѣдь это любопытство — больше ничего: не любовь же въ самомъ дѣлѣ!...» рѣшилъ онъ.

Онъ взялъ фуражку и побѣжалъ по всему дому, хлопая дверями, заглядывая во всѣ углы. Вѣры не было, ни въ ея комнатѣ, ни въ старомъ домѣ, ни въ полѣ не видать ея, ни въ огородахъ. Онъ даже поглядѣлъ на задній дворъ, но тамъ только Улита мыла какую-то кадку, да въ сараѣ Прохоръ лежалъ на спинѣ плашмя и спалъ подъ тулупомъ, съ наивнымъ лицемъ и открытымъ ртомъ. Онъ прошелъ окраины сада, полагая, что Вѣру нечего искать тамъ, гдѣ обыкновенно бываютъ другіе, а надо забираться въ глушь, къ обрыву, по скату берега, гдѣ она любила гулять. Но нигдѣ ея не было, и онъ пошелъ уже домой, чтобъ спросить кого-нибудь о ней, какъ вдругъ увидѣлъ ее сидящею въ саду, въ десяти саженяхъ отъ дома.

— Ахъ! сказалъ онъ: — ты тутъ, а я ищу тебя по всѣмъ угламъ...

— А я васъ жду здѣсь... отвѣчала она. На него вдругъ будто среди зимы пахнуло южнымъ вѣтромъ.

— Ты ждешь меня! произнесъ онъ не своимъ голосомъ, глядя на нее съ изумленіемъ и страстными до воспаленія глазами. — Можетъ ли это быть?

— Отчего же нѣтъ? продолжала она: — вѣдь вы искали меня...

— Да, я хотѣлъ объясниться съ тобой.

— И я съ вами тоже.

— Что́ же ты хотѣла сказать мнѣ?

— А вы мнѣ что́?

— Сначала скажи ты, а потомъ я...

— Нѣтъ, вы скажите, а потомъ я.

— Хорошо, сказалъ онъ, подумавши, и сѣлъ около нея: — я хотѣлъ спросить тебя, зачѣмъ ты бѣгаешь отъ меня?

— А я хотѣла спросить, зачѣмъ вы меня преслѣдуете? Райскій упалъ съ облаковъ.

— И только? сказалъ онъ.

— Пока только: посмотрю, что̀ вы скажете?

— Но я не преслѣдую тебя: скорѣе удаляюсь, даже мало говорю...

— Есть разные способы преслѣдовать, cousin: вы избрали самый неудобный для меня...

— Помилуй, я почти не говорю съ тобой...

— Правда, вы рѣдко говорите со мной, не глядите прямо, а бросаете на меня изъ-подлобья злые взгляды — это тоже своего рода преслѣдованіе. Но еслибъ только это и было...

— А что́ же еще?

— А еще — вы слѣдите за мной изподтишка: вы раньше всѣхъ встаете и ждете моего пробужденія, когда я отдерну у себя занавѣску, открою окно. Потомъ, только лишь я перехожу къ бабушкѣ, вы избираете другой пунктъ наблюденія и слѣдите, куда я пойду, какую дорожку выберу въ саду, гдѣ сяду, какую книгу читаю, знаете каждое слово, какое кому скажу... Потомъ встрѣчаетесь со мной...

— Очень рѣдко, сказалъ онъ.

— Правда, въ недѣлю раза два, три: это не часто и не могло бы надоѣсть: напротивъ, — еслибъ дѣлалось безъ намѣренія, а такъ, само собой. Но это все дѣлается съ умысломъ: въ каждомъ вашемъ взглядѣ и шагѣ я вижу одно — неотступное желаніе не давать мнѣ покоя, посягать на каждый мой взглядъ, слово, даже на мои мысли... По какому праву, позвольте васъ спросить? заключила она, требуя взглядомъ отвѣта.

Онъ изумился смѣлости, независимости мысли, желанія и этой свободѣ рѣчи. Передъ нимъ была не дѣвочка, прячущаяся отъ него отъ робости, какъ казалось ему, отъ страха за свое самолюбіе при неравной встрѣчѣ умовъ, понятій, образованій. Это совсѣмъ новое лице, новая Вѣра!

— А если тебѣ такъ кажется?... нерѣшительно замѣтилъ онъ, еще не придя въ себя отъ удивленія.

— Не лгите, перебила она. — Если вамъ удается замѣчать каждый мой шагъ и движеніе, то и мнѣ позвольте чувствовать неловкость такого наблюденія: скажу вамъ откровенно — это тяготитъ меня. Это какая-то неволя, тюрьма. Я, слава Богу, не въ плѣну у турецкаго паши...

— Чего же ты хочешь: что надо мнѣ сдѣлать?...

— Вотъ объ этомъ я и хотѣла поговорить съ вами теперь. Скажите прежде, чего вы хотите отъ меня?

— Нѣтъ, ты скажи, настаивалъ онъ, все еще озадаченный, и совершенно покоренный этими новыми и неожиданными сторонами ума и характера, бросившими страшный блескъ на всю ея, и безъ того сіяющую красоту. Онъ чувствовалъ уже, что наслажденіе этой красотой переходитъ у него въ страданіе.

— Чего я хочу, повторила она: — свободы!

Съ новымъ изумленіемъ взглянулъ онъ на нее.

— Свободы! повторилъ онъ: — я первый партизанъ и рыцарь ея — и потому...

— И потому не даете свободно дышать бѣдной дѣвушкѣ...

— Ахъ, Вѣра, зачѣмъ такъ дурно заключать обо мнѣ? Между нами недоразумѣніе: мы не поняли другъ друга — объяснимся — и можетъ быть, мы будемъ друзьями.

Она вдругъ взглянула на него испытующимъ взглядомъ.

— Можетъ ли это быть? сказала она: — я бы рада была ошибиться.

— Вотъ моя рука, что это такъ: буду другомъ, братомъ — чѣмъ хочешь, требуй жертвъ...

— Жертвъ не надо, сказала она: — вы не отвѣчали на мой вопросъ: чего вы хотите отъ меня?

— Какъ «чего хочу:» я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Зачѣмъ преслѣдуете меня, смотрите такими странными глазами? Что вамъ нужно?

— Мнѣ ничего не нужно: но ты сама должна знать, какими другими глазами, какъ не жадными, влюбленными, можетъ мужчина смотрѣть на твою поразительную красоту...

Она вспыхнула и быстро встала съ мѣста.

— Какъ вы смѣете говорить это? сказала она, вспыхнувъ и глядя на него съ ногъ до головы. И онъ глядѣлъ на нее съ изумленіемъ большими глазами.

— Что ты, Богъ съ тобой, Вѣра: что̀ я сказалъ?

— Вы гордый, развитой умъ, «рыцарь свободы», не стыдитесь признаться...

— Что красота вызываетъ поклоненіе и что я поклоняюсь тебѣ: какое преступленіе!

— Развѣ это не оскорбительно! Осмѣлились бы вы глядѣть на меня этими «жадными» глазами, еслибъ около меня былъ зоркій мужъ, заботливый отецъ, строгій братъ? Нѣтъ, вы не гонялись бы за мной, не дулись бы на меня по цѣлымъ днямъ безъ причины, не подсматривали бы, какъ шпіонъ, и не посягали бы на мой покой и свободу. Скажите же, чѣмъ я подала вамъ поводъ смотрѣть на меня иначе, нежели какъ бы смотрѣли вы на всякую другую, хорошо защищенную женщину?..

— Красота возбуждаетъ удивленіе: это ея право...

— Красота, перебила она, имѣетъ также право на уваженіе и свободу...

— Опять свобода!

— Да, и опять, и опять! «Красота, красота!» Далась вамъ моя красота! Ну, хорошо, красота: такъ что-же? Развѣ это

яблоки, которыя висятъ черезъ заборъ и которыя можетъ рвать каждый прохожій?

— Каково! съ изумленіемъ, совсѣмъ растерянный говорилъ Райскій. — Чего же ты хочешь отъ меня?

— Ничего: я жила здѣсь безъ васъ, уѣдете—и я буду опять также жить...

— Ты велишь мнѣ уѣхать, — изволь — я готовъ...

— Вы у себя дома: я умѣю уважать «ваши права» и не могу пожелать этого...

— Ну, чего ты хочешь — я все сдѣлаю, скажи, не сердись— сказалъ онъ, взявъ ее за обѣ руки. — Я виноватъ передъ тобой: я артистъ, у меня впечатлительная натура, и я, можетъ быть, слишкомъ живо поддался впечатлѣнію, выразилъ свое участіе — конечно потому, что я не совсѣмъ тебѣ чужой. Будь я посторонній тебѣ, разумѣется, я бы воздержался. Я бросился немного слѣпо, обжегся—ну, и не бѣда. Ты мнѣ дала хорошій урокъ. Помиримся же: скажи мнѣ свои желанія, я исполню ихъ свято... и будемъ друзьями! Право, я не заслуживаю этихъ упрековъ, всей этой грозы... Можетъ быть, ты и не совсѣмъ поняла меня...

Она подала ему руку.

— И я вышла изъ себя по пустому. Я вижу, что вы очень умны, вопервыхъ, сказала она, — во-вторыхъ, кажется, добры и справедливы: это доказываетъ теперешнее ваше сознаніе... Посмотримъ — будете ли вы — великодушны со мной...

— Буду, буду, твори свою волю надо мной и увидишь... опять съ увлеченіемъ заговорилъ онъ.

Она тихо отняла руку, которую-было положила на его руку.

— Нѣтъ, сказала она полусерьезно: — по этому восторженному языку я вижу, что мы отъ дружбы далеко.

— Ахъ, эти женщины со своей дружбой! съ досадой сказалъ Райскій: — точно куличъ въ имянины подносятъ!

— Вотъ и эта досада тоже не обѣщаетъ хорошаго.

Она было-встала.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходи: мнѣ такъ хорошо съ тобой! говорилъ онъ, удерживая ее: мы еще не объяснились. Скажи, что̀ тебѣ не нравится, что́ нравится — я все сдѣлаю, чтобъ заслужить твою дружбу...

— Я вамъ въ самомъ началѣ сказала, какъ заслужить ее: помните? Не наблюдать за мной, оставить въ покоѣ, даже не замѣчать меня — и я тогда сама приду въ вашу комнату, назначимъ часы проводить вмѣстѣ, читать, гулять... Однако вы ничего не сдѣлали.

— Ты требуешь, Вѣра, чтобъ я былъ къ тебѣ совершенно равнодушенъ?

— Да.

— Не замѣчалъ твоей красоты, смотрѣлъ бы на тебя, какъ на бабушку...

— Да.

— А ты по какому праву требуешь этого?

— По праву свободы!

— Но еслибъ я покланялся молча, издали, ты бы не замѣчала и не знала этого... ты запретить это не можешь. Что тебѣ за дѣло?

— Стыдитесь, cousin! Времена Вертеровъ и Шарлоттъ прошли. Развѣ это возможно? Притомъ я замѣчу страстные взгляды, любовное шпіонство—мнѣ опять надоѣстъ, будетъ противно...

— Ты вовсе не кокетка: хоть бы ты подала надежду, сказала бы, что упорная страсть можетъ растопить ледъ, и со временемъ взаимность прокрадется въ сердце...

Онъ произносилъ эти слова медленно, ожидая, не вырвется ли у ней какой-нибудь знакъ отдаленной надежды, хоть неизвѣстности, чего-нибудь?

— Это правда, сказала она, я ненавижу кокетство и не понимаю, какъ не скучно привлекать эти поклоненія, когда не намѣрена и не можешь отвѣчать на вызванное чувство?...

— А ты..... не можешь?

— Не могу.

— Почему ты знаешь: можетъ быть, придетъ время.....

— Не ждите, cousin, не придетъ.

«Что это онѣ — какъ будто сговорились съ Бѣловодовой: наладили одно и тоже!» подумалъ онъ.

— Ты не свободна, любишь? съ испугомъ спросилъ онъ.

Она нахмурилась и стала упорно смотрѣть на Волгу.—

— Ну, еслибъ и любила: что же, грѣхъ, нельзя, стыдно..... вы не позволите, братецъ? съ насмѣшкой спросила она.

— Я!

— «Рыцарь свободы!» еще насмѣшливѣе повторила она.

— Не смѣйся, Вѣра: да, я ея достойный рыцарь! Не позволить любить! Я тебѣ именно и несу проповѣдь этой свободы! Люби, открыто, всенародно, не прячься: Не бойся ни бабушки, никого! Старый міръ разлагается, зазеленѣли новые всходы жизни — жизнь зоветъ къ себѣ, открываетъ всѣмъ свои объятія. Видишь: ты молода, отсюда никуда носа не показывала, а тебя уже обвѣялъ духъ свободы, у тебя ужъ явилось сознаніе своихъ правъ, здравыя идеи. Если заря свободы восходитъ для

всѣхъ: ужели одна женщина останется рабой? Ты любишь? Говори смѣло..... Страсть — это счастье. Дай хоть позавидовать тебѣ!

— Зачѣмъ я буду разсказывать, люблю я, или нѣтъ? сказала она—до этого никому нѣтъ дѣла. Я знаю, что я свободна, и никто не въ правѣ требовать отчета отъ меня.....

— А бабушка? ты ее не боишься? Вонъ, Марѳинька.....

— Я никого не боюсь, сказала она тихо — и бабушка знаетъ это и уважаетъ мою свободу. Послѣдуйте и вы ея примѣру..... Вотъ мое желаніе! Только это я и хотѣла сказать.—Она встала со скамьи.

— Да, Вѣра, теперь я нѣсколько вижу и понимаю тебя и обѣщаю — вотъ моя рука, сказалъ онъ, — что отнынѣ ты не услышишь и не замѣтишь меня въ домѣ—буду «умникъ», прибавилъ онъ,—буду «справедливъ», буду «уважать твою свободу», и какъ рыцарь, буду великодушенъ, буду просто — великъ! Я — grand coeur! — Оба засмѣялись.

— Ну, слава Богу, сказала она, подавая ему руку, которую онъ жадно прижалъ къ губамъ. Она взяла руку назадъ.

— Посмотримъ, прибавила она. — А впрочемъ, если нѣтъ..... Ну, да ничего, посмотримъ....

— Нѣтъ, доскажи ужъ, что начала, не то я стану ломать голову!

— Если я не буду чувствовать себя свободной здѣсь, то какъ я ни люблю этотъ уголокъ (она съ любовью бросила взглядъ вокругъ себя), но тогда..... уѣду отсюда! рѣшительно заключила она.

— Куда? спросилъ онъ испугавшись.

— Божій міръ великъ. До свиданія, cousin.

Она пошла. Онъ глядѣлъ ей въ слѣдъ: она неслышными шагами неслась по травѣ, почти не касаясь ея, только линія плечъ и стана, съ каждымъ шагомъ ея, дѣлала волнующееся движеніе; локти плотно прижаты къ таліи, голова мелькала между цвѣтовъ, кустовъ, наконецъ явленіе мелькнуло еще за рѣшеткою сада и исчезло въ дверяхъ стараго дома.

«Прошу покорно!» съ изумленіемъ говорилъ про себя Райскій, провожая ее глазами: «а я собирался развивать ее, тревожить ея умъ и сердце новыми идеями о независимости, о любви, о другой, невѣдомой ей жизни... А она ужъ эмансипирована! Да кто же это?....»—Каково отдѣлала! А вотъ я бабушкѣ скажу!» закричалъ онъ, грозя ей въ слѣдъ, потомъ самъ засмѣялся и пошелъ къ себѣ.

XXII.

На другой день Райскій чувствовалъ себя веселымъ и свободнымъ отъ всякой злобы, отъ всякихъ претензій на взаимность Вѣры, даже не нашелъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ зародыша любви. «Такъ, впечатлѣніе! Какъ всегда у меня! Вотъ теперь и прошло!» думалъ онъ. Онъ смѣялся надъ своимъ увлеченіемъ, грозившимъ ему, повидимому, серьезной страстью, упрекалъ себя въ настойчивомъ преслѣдованіи Вѣры и стыдился, что даже посторонній свидѣтель, Маркъ, замѣтилъ облака на его лицѣ, нервную раздражительность въ словахъ и движеніяхъ, до того очевидную, что могъ предсказать ему страсть. «Ошибется же онъ, когда увидитъ меня теперь — думалъ онъ: вотъ будетъ хорошо, если онъ заранѣе разсчитаетъ на триста рублей этого глупѣйшаго пари и сдѣлаетъ издержку!» Ему страхъ какъ захотѣлось увидѣть Вѣру опять наединѣ, единственно за тѣмъ, чтобъ только «великодушно» сознаться, какъ онъ былъ глупъ, невѣренъ своимъ принципамъ, чтобъ изгладить первое, невыгодное впечатлѣніе и занять по праву мѣсто друга — покорить ея гордый умишко, выиграть довѣріе. Но при этомъ ему все хотѣлось вдругъ принести ей множество какихъ-нибудь неудобоисполнимыхъ жертвъ, сдѣлаться ей необходимымъ, стать исповѣдникомъ ея мыслей, желаній, совѣсти, показать ей всю свою силу, душу, умъ. Онъ забывалъ только, что вся ея просьба къ нему была — ничего этого не дѣлать, не показывать, и что ей ничего отъ него не нужно. А ему все казалось, что еслибъ она узнала его, то сама избрала бы его въ руководители, не только ума и совѣсти, но даже сердца.

На другой, на третій день, его — хотя и не раздражительно, какъ недавно еще — но все-таки занимала новая, неожиданная, поразительная Вѣра, его дальняя сестра и будущій другъ. На него пахнуло и новое, свѣжее, почти никогда неиспытанное имъ, какъ казалось ему, чувство—дружбы къ женщинѣ: онъ вкусилъ этого, по его выраженію, «именининнаго кулича» помимо ея красоты, помимо всякихъ чувственныхъ движеній грубой натуры и всякаго любовнаго сентиментализма. Это бодрое, трезвое и умное чувство: въ такомъ взаимномъ сближеніи—ни онъ, ни она, ничего не теряютъ и оба выигрываютъ, изучая, дополняя другъ друга, любя тонкою, умною, полною взаимнаго уваженія и довѣрія привязанностію.

«Вотъ и прекрасно, думалъ онъ: умница она, что пересадила мое впечатлѣніе на прочную почву. Только за этимъ, чтобъ сказать это ей все, успокоить ее — и хотѣлъ бы я ее видѣть теперь!» Но онъ не смѣлъ сдѣлать ни шагу, даже добро-

совѣстно отворачивался отъ ея окна, прятался въ простѣнокъ, когда она проходила мимо его оконъ; молча, съ дружеской улыбкой пожалъ ей, одинаково, какъ и Марѳинькѣ, руку, когда онѣ обѣ пришли къ чаю, не пошевельнулся и не повернулъ головы, когда Вѣра взяла зонтикъ и скрылась тотчасъ послѣ чаю въ садъ, и цѣлый день не зналъ, гдѣ она и что̀ дѣлаетъ.

Но все еще онъ не завоевалъ себѣ того спокойствія, какое налагала на него Вѣра: ему бы надо уйдти на цѣлый день, поѣхать съ визитами, уѣхать гостить на недѣлю за Волгу, на охоту, и забыть о ней. А ему не хочется никуда: онъ цѣлый день сидитъ у себя, чтобъ не встрѣтить ее, но ему пріятно знать, что она тутъ же въ домѣ, а надо добиться, чтобъ ему это было все равно. Но и то хорошо, и то уже побѣда, что онъ чувствовалъ себя покойнѣе, онъ уже на пути къ новому чувству, хотя новая Вѣра не выходила у него изъ головы, но это новое чувство тихо и нѣжно волновало и покоило его, не терзая, какъ страсть, дурными мыслями и чувствами. Когда она обращала къ нему простой вопросъ, онъ, едва взглянувъ на нее, дружески отвѣчалъ ей и затѣмъ продолжалъ свой разговоръ съ Марѳинькой, съ бабушкой, или молчалъ, рисовалъ, писалъ замѣтки въ романъ. «Да вѣдь это лучше всякой страсти — приходило ему въ голову: — это довѣріе, эти тихія отношенія, это заглядыванье не въ глаза красавицы, а въ душу умной, нравственной, дѣвической души!» Онъ ждалъ только одного отъ нея: когда она сброситъ свою сдержанность, откроется передъ нимъ довѣрчиво вся, какъ она есть, и также забудетъ, что онъ тутъ, что онъ мѣшалъ ей еще недавно жить, былъ бѣльмомъ на глазу.

Райскій дня три нянчился съ этимъ «новымъ чувствомъ» и бабушка не нарадовалась, глядя на него.

— Ну, просвѣтлѣло ясное солнышко, сказала она: можно и съ визитами съѣздить въ городъ.

— Богъ съ вами, бабушка: мнѣ не до того! ласково говорилъ онъ.

— Ну, поѣдемъ посмотрѣть, какъ яровое выходитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, твердилъ онъ и даже поцѣловалъ у ней руку.

— Ты что-то ластишься ко мнѣ: не къ деньгамъ-ли подбираешься, чтобъ Маркушкѣ дать: — не дамъ!

Онъ засмѣялся и ушелъ отъ нея—думать о Вѣрѣ, съ которой онъ все еще не нашелъ случая объясниться «о новомъ чувствѣ» и о томъ, сколько оно счастья и радости приноситъ ему. Случай представлялся ему много разъ, когда она была одна: но онъ боялся шевельнуться, почти не дышалъ, когда завидитъ ее, чтобъ не испугать ея рождающагося довѣрія къ искренности его пере-

мѣны и не испортить себѣ этотъ новый рай. Наконецъ на четвертый или пятый день послѣ разговора съ ней, онъ всталъ часовъ въ пять утра. Солнце еще было на дальнемъ горизонтѣ, изъ сада несло здоровою свѣжестью, цвѣты разливали сильный запахъ, роса блистала на травѣ. Онъ наскоро одѣлся и пошелъ въ садъ, прошелъ двѣ три аллеи и — вдругъ наткнулся на Вѣру. Онъ задрожалъ отъ нечаянности и испуга.

— Не нарочно, ей-богу, не нарочно! закричалъ онъ въ страхѣ, и оба засмѣялись. Она сорвала цвѣтокъ и бросила въ него, потомъ ласково подала ему руку и поцѣловала его въ голову въ отвѣтъ на его поцѣлуй руки.

— Не нарочно, Вѣра — твердилъ онъ: ты видишь, да?

— Вижу, отвѣчала она и опять засмѣялась, вспомнивъ его испугъ. — Вы милый, добрый.....

— «Великодушный...» подсказалъ онъ.

— До великодушія еще не дошло, посмотримъ, сказала она, взявъ его подъ руку.—Пойдемте гулять: какое утро! сегодня будетъ очень жарко.

Онъ былъ на седьмомъ небѣ.

— Да, да, славное утро! сказалъ онъ, думая, что́ сказать еще, но такъ, чтобъ какъ-нибудь нечаянно не заговорить о ней, о ея красотѣ — и не находилъ ничего, а его такъ и подмывало опять заиграть на любимой струнѣ.

— Я вчера письмо получилъ изъ Петербурга... сказалъ онъ, не зная что сказать.

— Отъ кого? спросила она машинально.

— Отъ художниковъ; а отъ Аянова все нѣтъ: не отвѣчаетъ. Не знаю, что кузина Бѣловодова: гдѣ проводитъ лѣто, какъ....

— Она.... очень хороша? спросила Вѣра.

— Да.... правильныя черты лица, свѣжесть, много блеску... говорилъ онъ монотонно, и взглянувъ съ боку на Вѣру, страстно вздрогнулъ. Красота Бѣловодовой погасла въ его памяти.

— Еще не получили ли чего-нибудь: кажется, Савелій посылку съ почты привезъ? спросила она.

— Да, новыя книги получилъ изъ Петербурга... Маколея, томъ Mémoires Гизо....

Она молча слушала.

— Не хочешь ли почитать?

— Послѣ: пришлите Маколея.

«Пришлите», подумалъ онъ: отчего — не «принесите?»

Они шли молча.

— А Гизо? спросилъ потомъ.

— Гизо не надо, скучно.

— Ты почемъ знаешь?

— Я читала его «Исторію цивилизаціи....»

— И тебѣ показалось скучно! Гдѣ ты брала?

Они шли дальше. Она молчала.

— Чье это на васъ пальто: это не ваше? вдругъ спросила она съ удивленіемъ, вглядываясь въ пальто.

— Ахъ, это Марка....

— Зачѣмъ оно у васъ: развѣ онъ здѣсь? спросила она, отнявъ у него руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, смѣясь отвѣчалъ онъ: чего ты испугалась? Весь домъ боится его, какъ огня.

Онъ разсказалъ ей, какъ досталось ему пальто. Она слегка выслушала. Потомъ они молча обошли главныя дорожки сада: она глядя въ землю, онъ — по сторонамъ. Но у него, противъ воли, обнаруживалось нетерпѣніе. Ему все хотѣлось высказаться.

— Мнѣ кажется, у васъ есть что-то на умѣ, сказала она,— да вы не хотите сказать....

— Хотѣть-то я хочу, да боюсь опять грозы.

— А развѣ опять о «красотѣ» что-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ — я хотѣлъ сказать, какъ меня мучаетъ эта глупая претензія на поклоненіе — стыдъ: у меня сѣдые волосы!

— Какъ я рада, еслибъ это была правда!

— А ты еще сомнѣваешься! Это вспышка, мгновенное впечатлѣніе: ты меня образумила. Какая однако ты.... Но объ этомъ послѣ. Я хочу сказать, что̀ именно я чувствую къ тебѣ, и кажется на этотъ разъ не ошибаюсь. Ты мнѣ отворила какую-то особую дверь въ свое сердце—и я вижу бездну счастья въ твоей дружбѣ. Она можетъ окрасить всю мою безцвѣтную жизнь въ такіе кроткіе и нѣжные тоны.... Я даже, кажется, увѣрую въ то, чего не бываетъ и во что̀ всѣ перестали вѣрить — въ дружбу между мужчиной и женщиной. Ты вѣришь, что такая дружба возможна, Вѣра?

— Почему — нѣтъ, еслибы такіе два друга рѣшились быть взаимно справедливы?...

— То-есть — какъ?

— То-есть, уважать свободу другъ друга, не стѣснять взаимно одинъ другого: только это рѣдко, я думаю, можно исполнить. Съ чьей-нибудь стороны замѣшается корысть.... Кто-нибудь да покажетъ когти.... А вы сами, способны ли на такую дружбу?

— А вотъ увидишь: ты повелѣвай и посмотри, какого раба пріобрѣтешь въ своемъ другѣ.

— Вотъ и нѣтъ справедливости: ни раба, ни повелителя не нужно. Дружба любитъ равенство.

— Браво, Вѣра! откуда у тебя эта мудрость?

— Какое смѣшное слово!

— Ну, тактъ?

— Духъ Божій вѣетъ не на однихъ финскихъ болотахъ: повѣялъ и на нашъ уголокъ.

— Ну, такъ мнѣ теперь предстоитъ задача — не замѣчать твоей красоты, а напирать больше на дружбу? смѣясь, сказалъ онъ: такъ и быть, постараюсь.

— Да, какое бы это было счастье, заговорила она вкрадчиво: жить, не стѣсняя воли другого, не слѣдя за другимъ, не допытываясь, что̀ у него на сердцѣ, отчего онъ веселъ, отчего печаленъ, задумчивъ? быть съ нимъ всегда одинаково, дорожить его покоемъ, даже уважать его тайны....

«Она диктуетъ мнѣ программу, какъ вести себя съ ней!» подумалъ онъ.

— То-есть, не видать другъ друга, не знать, не слыхать о существованіи.... сказалъ онъ: это какая-то новая, неслыханная дружба: такой нѣтъ, Вѣра — это ты выдумала.

Онъ взглянулъ на нее, она отвѣчала ему страннымъ взглядомъ, «русалочнымъ», по его выраженію: глаза будто стеклянные, ничего не выражающіе. Въ нихъ блеснулъ какой-то торопливый свѣтъ и исчезъ.

«Странно, какъ мнѣ знакомъ этотъ прозрачный взглядъ! думалъ онъ: таковъ бываетъ у всѣхъ женщинъ, когда онѣ обманываютъ. Она меня усыпляетъ. Чтобъ это значило? Ужъ въ самомъ дѣлѣ не любитъ ли она? У ней только и рѣчи, чтобъ «не стѣснять воли.» Да нѣтъ... кого здѣсь?...»

— О чемъ вы задумались? спросила она.

— Ничего, ничего, продолжай!

— Я кончила.

— Хорошо, Вѣра, буду работать надъ собой, и если мнѣ не удастся достигнуть того, чтобъ не замѣчать тебя, забыть, что ты живешь въ домѣ, такъ я буду притворяться....

— Зачѣмъ притворяться: вы только откажитесь искренно, не на словахъ со мной, а въ душѣ передъ самимъ собой, отъ меня.

— Безжалостная! перебилъ онъ.

— Убѣдите себя, что мой покой, мои досуги, моя комната, моя.... «красота» и любовь.... если она есть или будетъ....—это все мое, и что посягнуть на то, или на другое значитъ....

Она остановилась.

— Что?

— Посягнуть на чужую собственность или личность....

— О, о, о—вотъ какъ: т. е. украсть или прибить! Ай да,

Вѣра: да откуда у тебя такія ультра-юридическія понятія? Ну, а на дружбу такого строгаго клейма ты не положишь: я могу посягнуть на нее, да? Это мое! Постараюсь: дай мнѣ недѣли двѣ срока: это будетъ опытъ: если я одолѣю его, я приду къ тебѣ, какъ братъ, другъ, и будемъ жить по твоей программѣ. Если же.... ну, если это любовь — я тогда уѣду!

Что-то опять блеснуло въ ея глазахъ: онъ взглянулъ, но поздно: она опустила взглядъ и когда подняла опять, въ немъ ничего не было, «Экая сверкающая ночь!» шепнулъ онъ.

— Аминь! сказала она, подавая ему руку.—Пойдемте къ бабушкѣ, пить чай. Вотъ она открыла окно, сейчасъ позоветъ....

— Одно слово, Вѣра: скажи, отчего ты такая?

— Какая? съ удивленіемъ спросила она.

— Мудрая, сосредоточенная, рѣшительная...

— Еще, еще прибавьте, сказала она съ дрожащимъ отъ улыбки подбородкомъ. — Что значитъ мудрость?

— Мудрость.... это совокупность истинъ, добытыхъ умомъ, наблюденіемъ и опытомъ, и приложимыхъ къ жизни.... опредѣлилъ Райскій: это гармонія идей съ жизнью!

— Опыта у меня не было почти никакого, сказала она задумчиво, — и добыть этихъ идей и истинъ мнѣ не откуда....

— Ну, такъ у тебя зоркій отъ природы глазъ и мыслящій умъ....

— Чтожъ, это позволительно имѣть, или, можетъ быть стыдно дѣвицѣ, не прилично?...

— Откуда эти здравыя идеи, этотъ выработанный языкъ? говорилъ, слушая ее Райскій.—

— Вы дивитесь, что на вашу бѣдную сестру брызнула капля деревенской мудрости! Вамъ бы хотѣлось видѣть дурочку на моемъ мѣстѣ — да? Вамъ досадно....?

— Ахъ, нѣтъ — я упиваюсь тобой. Ты сердишься, запрещаешь заикаться о красотѣ: не хочешь знать, какъ я разумѣю и отъ чего такъ высоко ставлю ее. Красота—и цѣль, и двигатель искусства, а я художникъ: дай же высказать разъ навсегда...

— Говорите, сказала она.

— Въ женской высокой, чистой красотѣ, началъ онъ съ жаромъ, обрадовавшись, что она развязала ему языкъ,—есть непремѣнно умъ, въ твоей напримѣръ. Глупая красота — не красота. Вглядись въ тупую красавицу, всмотрись глубоко въ каждую черту лица, въ улыбку ея, взглядъ — красота ея, мало по малу, превратится въ поразительное безобразіе: воображеніе можетъ на минуту увлечься, но умъ и чувство не удовлетворятся такой красотой: ея мѣсто въ гаремѣ. Красота, исполненная ума—необы-

чайная сила, она движетъ міромъ, она дѣлаетъ исторію, строитъ судьбы; она явно или тайно присутствуетъ въ каждомъ событіи. Красота и грація — это своего рода воплощеніе ума. Отъ этого дура никогда не можетъ быть красавицей, а дурная собой, но умная женщина часто блеститъ красотой. Красота, про которую я говорю, не матерія: она не палитъ только зноемъ страстныхъ желаній: она прежде всего будитъ въ человѣкѣ человѣка, шевелитъ мысль, поднимаетъ духъ, оплодотворяетъ творческую силу генія, если сама стоитъ на высотѣ своего достоинства, не тратитъ лучи свои на мелочь, не грязнитъ чистоту....

Онъ остановился задумчиво.

— Все это не ново: но истина должна повторяться. Да, красота—это всеобщее счастье! тихо, какъ въ бреду говорилъ онъ:— это тоже мудрость, но созданная не людьми: люди только ловятъ ея признаки, силятся творить въ искусствѣ ея образы, и всѣ стремятся, одни сознательно, другіе слѣпо и грубо, къ красотѣ, къ красотѣ.... къ красотѣ! Она и здѣсь — и тамъ! прибавилъ онъ глядя на небо:—и какъ мужчина можетъ унизить, исказить умъ, упасть до грубости, до растлѣнія, такъ и женщина можетъ извратить красоту и обратить ее, какъ модную тряпку, на нарядъ, и затаскать ее.... Или, употребивъ мудро — быть солнцемъ той сферы, гдѣ поставлена, влить массу добра.... Это женская мудрость!— Ты поймешь, Вѣра, что̀ я хочу сказать, ты женщина!... И... ужели твоя женская рука поднимется казнить за это поклоненіе — и человѣка, и артиста!...

— Вашъ гимнъ красотѣ очень краснорѣчивъ, cousin, сказала Вѣра, выслушавъ съ улыбкой: — запишите его и отошлите Бѣловодовой. Вы говорите, что она «выше міра». Можетъ быть, въ ея красотѣ есть мудрость. Въ моей нѣтъ. Если мудрость состоитъ, по вашимъ словамъ, въ томъ, чтобъ съ этими правилами и истинами проходить жизнь, то я...

— Что?

— Не мудрая дѣва! Нѣтъ — у меня нѣтъ этого елея! произнесла она. Что-то похожее на грусть блеснуло въ глазахъ, которые въ одно мгновеніе поднялись къ небу и быстро потупились. Она вздрогнула и ушла торопливо домой.

«Если не мудрая, такъ мудреная! На нее откуда-то повѣяло другимъ, не здѣшнимъ духомъ!... Да откуда же: узнаю ли я? Непроницаема, какъ ночь! Ужели ея молодая жизнь успѣла также омрачиться?...» въ страхѣ говорилъ Райскій, провожая ее глазами.

И. Гончаровъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ
РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

.....созда храмину свою на песцѣ: и сниде дождь, и пріидоша рѣки, и возвѣяша вѣтри, и опрошася храминѣ той, и падеся: и бѣ разрушеніе ея веліе.

Матѳ. З. кѕ — кз.

ИСТОЧНИКИ.

Для избѣжанія повтореній въ текстѣ, авторъ приводитъ полныя заглавія какъ изданныхъ и неизданныхъ источниковъ и матеріаловъ, такъ и сочиненій, заключающихъ въ себѣ мѣста изъ непосредственныхъ источниковъ, на основаніи чего составленъ имъ настоящій трудъ. Источники и сочиненія размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ, съ краткимъ указаніемъ относительнаго ихъ достоинства.

1. Angenberg. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques, concernant la Pologne, 1762—1862. Paris. MDCCCLXIII.

2. Annexa do części pierwszey relacyi w materyi o buntach na seymie 1790 roku uczynioney w Warszawie. (Приложенія къ книгѣ подъ № 96. Важное собраніе дѣловыхъ бумагъ, взятыхъ у архіерея Садковскаго. Изъ нихъ нѣкоторыя только описаны, другія приведены въ польскомъ переводѣ цѣликомъ).

3. Blum, Karl Ludwig. Ein russicher Staatsman. Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschiche Russlands. 4 t. Leipzig und Heidelberg. 1857 г. (Для нашего предмета особенно важна третья часть этого сочиненія, гдѣ приведены письма Сиверса къ дочери и нѣкоторыя донесенія правительству: въ нихъ есть очень любопытныя и важныя свѣдѣнія о переговорахъ его съ королемъ и о всемъ ходѣ гродненскаго сейма; равнымъ образомъ важенъ взглядъ самого дипломата на окружавшіе его предметы и событія).

4. Бродовскаго, Θеодосія. Историческія Записки. Львовъ. 1860. Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartej. (Сообщаются свѣдѣнія о тревогѣ происходившей въ 1789 г. по поводу разнесшихся слуховъ о начинающемся возстаніи въ Украинѣ и о жестокостяхъ, совершенныхъ при этомъ поляками надъ православными).
5. Bulletin national hebdomadaire. Warszawa. 1794. Эта еженедѣльная газета начала издаваться съ 26 мая, по закрытіи провизоріальнаго совѣта продолжалась до половины октября того же года и прекратилась послѣ Мацѣевичскаго пораженія.
6. Bunt Żelieźniaka i Gonty (въ Сборн. Рачинскаго. Obraz Polaków i Polski).
7. Cąstera. Histoire de Cathérine II, impératrice de Russie. Paris. 3 v. an VIII.
8. Correspondance diplomatique du maréchal Malachowski 1790—1792 (рук. Импер. Публ. Библ. заключаетъ въ себѣ письма маршала Малаховскаго къ племяннику своему, находившемуся на посольствѣ въ Дрезденѣ, и письма короля къ тому же лицу; послѣднія очень важны, нѣкоторыя писаны цифрами.
9. Co się też dzieje z nieszczęśliwą oyczyzną naszą. Wiadomości poświęcone prawdzie i przyszłości. Warszawa. 1791.
10. Co to teraz Polak myśli? Warszawa. 1792. (Размышленіе объ опасностяхъ угрожавшихъ Польшѣ со стороны Россіи).
11. Czartoryski. Żywot Juliana Niemcewicza. Paryż. 1860.
12. Czasy Stanisława Augusta Poniatowskiego przez jednego z posłów wielkiego sejmu napisane. Poznań. 1867. (Въ Сборн. Pamiętniki z XVIII wieku. Любопытное изложеніе всего царствованія Станислава Августа. Со времени Тарговицкой конфедераціи, разсказъ дѣлается подробнѣе. Приводятся нѣкоторые документы въ текстѣ).
13. Dąbrowskiego Henryka wyprawa do Wielkiej Polski w roku 1794 przez niego samego opisana z jedną mappą tudzież wyjątek z autobiografii jego wydane przez Edwarda Raczyńskiego. Poznań. 1839. (Подробное описаніе военныхъ дѣйствій въ Великой Польшѣ во время послѣдней борьбы Польши за свое существованіе при Костюшкѣ).
14. Деречинской библіотеки рукопись, принадлежащая Виленской Публичной библіотекѣ, заключающая въ себѣ разные отрывки, касающіеся событій 1792—1795 годовъ.
15. Diariusz seymu ordynaryjnego, 1788 odprawionego (рукоп. Импер. Публ. Библ. Не оконченъ).
16. Diariusz ważniejszych rzeczy od dnia 23 Lipca 1793 przezemnie Jana Zarzyckiego (рукоп. Импер. Публ. Библ. Мало заключаетъ въ себѣ важнаго).
17. Допросы Костюшкѣ, Нѣмцевичу, Вавржецкому и др. и ихъ показанія (въ Чтеніяхъ Импер. М. Общ. Ист. и Древн. 1866—1867).
18. Дѣла польскія, хранящіяся въ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ (рукописные рапорты, депеши, вѣсти, присылаемыя отъ русскихъ посланниковъ, рескрипты Государыни, предписанія канцлера, копіи съ сеймовыхъ дневниковъ и разныхъ актовъ).
19. Дѣла военныя, хранящіяся въ Архивѣ военно-топографическаго Депо (рукописныя реляціи о битвахъ, рапорты, предписанія, планы, сраженія, сообщенія).
20. Dzieło kongregacyi generalney obrządku starożytnego greckiego oryentalnego z mocy prawa na seymie w roku 1791 agitującym się zapadłego w przytomnosci J. W. pana Michała Korwina-Kochanowskiego posła wojewodztwa sandomirskiego przez Nayiaśnieyszego króla J. M. Stanisława Augusta y Nayiaśnieyszey Rptey stany dele-

gowanego kommisarza w mieście Rzeczy Pospolitey wolnym Pińsku roku 1791. die 15 czerwca odbytey, porządek dla monasterów i cerkwi oraz członków tegoż obrządku przepisujące.

21. Dziennik czynności seymu Głównego ordynaryjnego warszawskiego pod związkiem konfederacyi oboyga narodow agitującego się. 10 т. 1788—1792. (Не оконченъ. Останавливается на половинѣ 1790 г. Не изложены секретныя засѣданія сейма).

22. Dziennik podróży króla J. Mci Stanisława Augusta na Ukrainę i do innych ziem koronnych roku 1787 dnia 23 Lutego rozpoczętey. Warszawa. 1788. (Подробенъ, но не касается вовсе того, что было дѣйствительно важнаго въ королевскомъ путешествіи).

23. Dziennik literacki. Lwów (газета тысяча восьмисотъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, со множествомъ разсѣянныхъ отрывковъ, относящихся къ эпохѣ паденія Польши).

24. Falkenstein, Taddeus Kościuszko nach seinen oeffentlichen und häuslichen Leben geschildert. Leipzig 1834. Есть невѣрности и вымыслы, обличенные въ книгѣ Pisma peryodyczne biblioteki Ossolińskich.

25. Ferrand, A. F. Ch. Les trois démembrements de la Pologne. Paris 1865 (въ высшей степени пристрастное сочиненіе, съ невѣрными фактами и превратными взглядами. Въ немъ важны только приложенія).

26. Gazette de Cologne, 1788—1798.

27. Gazeta krajowa 1794.

28. Gazeta narodowa y obca 1791—1792 (издавалась въ Варшавѣ партіей новой конституціи съ 1 января 1791 и прекращена тарговицкою конфедераціею въ половинѣ 1792 г.) Излагаетъ въ подробности сеймовыя засѣданія, приводитъ узаконенія, сообщаетъ о событіяхъ въ Польшѣ, но старается представить въ преувеличенномъ видѣ сочувствіе польской націи къ конституціи и нравственную силу послѣдней.

29. Gazeta rządowa, 1794 (сообщаетъ подробно распоряженія и дѣйствія тогдашняго революціоннаго правительства).

30. Gazeta Warszawska 1791—1793. (Органъ партіи противной конституціи 3 мая). Во время господства конституціи отличалась уклоненіемъ отъ всякихъ сужденій о политическихъ дѣлахъ Польши и упоминала объ нихъ коротко.

31. Gazeta wolna warszawska 1794 (революціонный органъ). Начала издаваться съ 26 апрѣля 1794 г., прекратилась въ ноябрѣ того же года. Сообщаетъ распоряженія высочайшаго совѣта, воззванія Костюшки и описанія битвъ и пр.; въ послѣднемъ случаѣ крайне невѣрна, ибо желая поддержать духъ революціи, преувеличаетъ успѣхи и скрываетъ неудачи.

32. Gąsionowskiego Pamiętniki z 1791—1794. Lwów. 1857. (Авторъ разсказываетъ, что послѣ сейма въ Гроднѣ 1793 г. онъ, въ числѣ другихъ, былъ посланъ Костюшкою возбуждать обывателей къ возстанію и описываетъ свои похожденія по этому поводу. Онъ одинъ изъ всѣхъ писавшихъ объ этой эпохѣ сообщаетъ, будто Костюшко былъ инкогнито въ Гроднѣ во время сейма. Имъ слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностію, потому что онъ дѣлаетъ промахи и показываетъ незнаніе общеизвѣстныхъ обстоятельствъ того времени, что, впрочемъ, могло происходить отъ забывчивости, такъ какъ записки эти писаны имъ уже въ старости по прошествіи многихъ лѣтъ.

33. Geschichte der Polnichen Staatsveränderung von 3 May 1791. Warszawa. 1791. (Нѣтъ ничего особеннаго и новаго противъ свѣдѣній, содержащихся въ тогдашнихъ газетахъ).

34. Giornale della dieta del 1793 a Grodno (рукопись принадлеж. Археогр. Ком.) Кромѣ итальянскаго названія, весь этотъ дневникъ написанъ на французскомъ языкѣ, какъ видно, не природнымъ французомъ.

35. Häusser, Ludwig, Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des heutigen Bundes. Dritte verbesserte und vermehrte Ausgabe. Berlin. 1861. t. I. (Важно по свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ прусскаго государственнаго Архива.)

36. Hermann, Ernst, Geschichte des Russischen Staaten, VI Band. Gotha. 1860. (Авторъ сообщаетъ много интересныхъ данныхъ, заимствованныхъ преимущественно изъ депешъ саксонскаго министра Эссена, а также и другихъ посланниковъ, бывшихъ въ Польшѣ въ концѣ XVIII в.).

37. Hermann, Ernst, Der Oestreichisch-preussische Allianz, vom 7 Febr. 1792, und die zweite Theilung Polens. Ein Streit-Sehrift gegen Prof. Sybel. Gotha, 1861.

38. Hermann, Ernst, Geschichte des Russischen Reiches Ergänzungs-Band. Diplomatische Correspondenzen aus der Revolutionszeit. 1791—1797. Gotha. 1866 (Въ числѣ многихъ другихъ документовъ есть относящіеся къ Польшѣ: это все донесенія разныхъ посланниковъ).

39. Historya konfederacyi Barskiey od roku 1768 до 1771 i inne pisma z tejże okoliczności (рукоп. Имп. Публ. Библ. Важная въ особенности по включеннымъ въ нее письмамъ и документамъ. Къ событіямъ, въ ней описаннымъ, относится только введеніе настоящаго сочиненія).

40. Jurnal zaczęty dnia 4. Czerwca 1794. w obozie pod Utratą (рук. Имп. Публичн. Библ. Собраны всѣ распоряженія Костюшки, тайные пароли, выдаваемые ежедневно).

41. Kaminieckiego w zapiskach naleziony: Dzień 17 i 18 Kwietnia 1794 r. w Warszawie przez naocznego świadka opowiedziany. Poznań. 1866. (въ сборникѣ: Pamiętniki z XVIII wieku. Короткій разсказъ поляка о событіяхъ при возстаніи Варшавы въ 1794 г.).

42. Kampania oddziału woysk polskich pod Jenerałem Sierakowskim 1794 r. odbyta (рук. Имп. Пуб. Библ.).

43. Karpińskiego. Pamiętniki. Poznań. 1844. (Автобіографія извѣстнаго польскаго поэта Карпинскаго, обнимаетъ большое пространство времени отъ 1741 до 1822 года, заключаетъ много любопытныхъ чертъ о воспитаніи, нравахъ и характерѣ общества. Есть извѣстія, впрочемъ короткія, о послѣднихъ событіяхъ въ Рѣчи-Посполитой.)

44. Kilińskiego, Jana, zewca a rasem pułkownika 20 regimentu, Pamiętniki. Poznań. 1860. (Въ сборникѣ Pamiętniki z XVIII w.). Авторъ одинъ изъ виновниковъ возстанія 1794 года. Записки его поэтому важны, но пользоваться ими можно только съ большою осторожностью, потому что авторъ много хвастаетъ и явно прилыгаетъ. Сами его товарищи по возстанію признавали за нимъ эти качества.

45. Kilińskiego Jana z pamiętnikow (Roczniki towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. 1868). Изданы Крашевскимъ. Килинскій написалъ записки, напечатанныя въ Pamiętnikach z XVIII wieku, писалъ еще и другіе также о событіяхъ 1794 года съ добавленіями.

45. a. Kilka dokumentów do hystoryi Tadeusza Kościuszki. (Тамъ же. Есть подробности о королѣ Станиславѣ-Августѣ передъ взятіемъ Варшавы русскими въ октябрѣ 1794 г.

46. Kitowicza Księdza Jędrzeja. Opis obyczajów i zwyczajów za panowania Augusta III. 4 t. Petersburg. 1855. (Описаніе польской жизни во всѣхъ отношеніяхъ).

47. Kitowicza Księdza Jędrzeja pamiętniki do panowania Stanisława Augusta. Poznań. 1845. 3 t. (Сборникъ разныхъ отрывковъ, касающихся послѣднихъ лѣтъ царствованія Станислава Августа). Здѣсь, между прочимъ, помѣщены свѣдѣнія о личности Ксаверія Браницкаго, о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ четырехлѣтняго сейма, о непримѣнимости его постановленій, напр. налога на кожи, кое-что изъ корреспонденціи во время Тарговицкой конфедераціи, о Гродненскомъ сеймѣ, извѣстія, касающіяся эпохи революціи 1794 года, о возстаніи города Вильны и обратнаго ея завоеванія русскими, о битвахъ Сѣраковскаго, о битвѣ подъ Мацѣевицами, о взятіи Суворовымъ Праги и о пребываніи его въ Варшавѣ.

48. Kołłontaja, Hugona. Stan Oświecenia w Polszcze (въ сборникѣ Рачинскаго: Obraz Polaków i Polski). Важное для насъ изображеніе способа и строя ученія въ польскихъ школахъ въ XVIII в. и вліянія воспитанія на жизнь.

49. Kołłontaja, Hugona. O Ustanowieniu i upadku konstitucyi polskiey 3 Maja 1792. (Пристрастное сочиненіе человѣка партіи).

50. Kołłontay w rewolucyi kościuszkowskiej. Leszno i Gniczno 1856. Здѣсь приводится List do przyjaciela, гдѣ дѣйствія Коллонтая и его характеръ изображаются съ дурной стороны. Письмо это принадлежитъ, какъ видно, Линовскому, одному изъ пословъ четырехлѣтняго сейма, а потомъ не послѣднему дѣятелю революціи.

51. Kuryer Petersburgski; czyli intrygi moskiewskie od panowania Jana Olbrachta czyli Alberta ciągnące się. Warszawa. 1791.

52. Komarzewsky, Coup d'oeil rapide sur les causes réelles de la décadence de la Pologne. (Генералъ Комаржевскій, вѣрный сторонникъ короля, мало касается внутреннихъ причинъ паденія Польши, а ищетъ ихъ въ столкновеніи обстоятельствъ въ ближайшее время. Сообщаетъ постановленія войсковой коммиссіи во время войны въ 1792 году).

53. Копіи писемъ польскихъ посланниковъ, бывшихъ при разныхъ европейскихъ дворахъ въ 1790—1792 годахъ: Анквича, Кохановскаго, Потоцкаго, Яблоновскаго, Букатаго и другихъ лицъ (рукописи, принадлежащія П. А. Муханову).

54. Kopcia Józefa Brygadjera Dziennik. Berlin, 1862. (Авторъ, служившій въ польскихъ войскахъ, расположенныхъ въ южной Руси вмѣстѣ съ русскими, разсказываетъ, какъ распространился заговоръ въ польскомъ войскѣ, въ 1794 г., и какъ онъ самъ съ своею бригадой пробивался на соединеніе съ Зайончкомъ, описываетъ битву подъ Холмомъ, стараясь показать, что поляки тамъ выиграли; нѣкоторыя подробности о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Варшавою и битву подъ Мацѣевичами, гдѣ онъ самъ вмѣстѣ съ другими былъ взятъ въ плѣнъ. Этимъ оканчивается первая часть его дневника. Вторая посвящена пребыванію автора въ ссылкѣ въ Камчаткѣ и замѣчаніямъ объ этой странѣ.

55. Korrespondent Warszawski 1792. (газета).

56. Korrespondent krajowy i zagraniczny, 1793, (газета).

57. Korrespondent narodowy i zagraniczny, 1794, (газета). До апрѣльской революціи носила названіе Pismo periodyczne korrespondenta. Газета эта продолжалась и послѣ взятія Варшавы Суворовымъ и сообщаетъ распоряженія назначеннаго Суворовымъ надъ Варшавою начальникомъ Буксгевдена.

57. a. Kosmowskiego Stanisława Pamiętniki. Poznań, 1860. (Мемуары офицера королевской гвардіи сообщаютъ не подробныя, но не лишенныя интереса свѣдѣ-

нія о послѣднихъ годахъ царствованія Станислава-Августа, начиная съ путешествія въ Каневъ.

58. Koźmiana, Kajetana. Pamiętniki 3 t. Poznań. 1858. (Къ нашей эпохѣ относится первая часть этого сочиненія. Авторъ разсказываетъ свою жизнь, вспоминаетъ о разныхъ встрѣчахъ и по этому поводу представляетъ вѣрное и живое изображеніе нравовъ, обычаевъ, воспитанія, увеселеній, отправленія сеймиковъ, судопроизводства и нѣкоторыхъ замѣчательныхъ событій конца XVIII вѣка).

59. Кречетникова, Михаила Николаевича, генералъ-аншефа, Дневныя Записки о движеніи и дѣйствіяхъ россійскихъ войскъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, 1792. (Въ Чтеніяхъ Имп. Моск. Об. Исторіи и Древн. 1863 г.).

60. Krzysztopora Adama, O urządzeniu stosunków rolniczych w Polsce. Poznań. 1859. (Здѣсь есть историческій обзоръ юридическаго состоянія въ Польшѣ крестьянъ).

61. Lichnickiego Filipa, prezydenta miasta Krakówa w roku 1794. Pamiętniki. Poznań 1862. (Въ сборникѣ: Pamiętniki z XVIII wieku. Очевидецъ описываетъ возстаніе въ Краковѣ, положившее начало всей польской революціи въ 1794 году. Неблаговолитъ къ революціи.)

62. Lobarzewski. Respect à la tête couronnée, ou exposé historique, politique et moral des grands événements relatifs à la Pologne. St.-Pétersbourg. 1818. (Апологія въ защиту Станислава Августа, противъ тѣхъ обвиненій, которыя возникли по поводу поведенія короля въ послѣдніе годы существованія Рѣчи-Посполитой. Мало новаго и важнаго.)

63. Lukaszewicza. Historya szkół w Koronie i Wielkiem Xięstwie Litewskiem 5 t. Poznań 1850. (Одно изъ лучшихъ ученыхъ сочиненій въ польской литературѣ, сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о состояніи школъ въ Польшѣ, о способахъ воспитанія, о мѣрахъ предпринятыхъ эдукаціонною коммиссіею къ улучшенію воспитанія и пр.)

64. Lukaszewicz. Zakłady naukowe w Koronie i Wielkiem xięstwie Litewskiem. Poznań. 1851.

65. Lukaszewicza. Powstanie Kościuszki z pism autentycznych sekretnych dotąd drukiem nieogłoszonych wydane. Poznań. 1846. (Собраніе разныхъ писемъ, объясняющихъ подробности эпохи революціи 1794 года.)

66. M. Portret Moskwy czyli odpowiedź na pytania co jest Moskwa? i w jakim dziś znajduje się stanie? Jakie krzywdy Moskwa poczyniła Polszcze? i dla czego polska poszła z Moskwą w rozwody. W Warszawie. 1790. (Брошюра эта замѣчательна какъ образчикъ польскихъ политическихъ соображеній, такъ какъ въ то время Россія принуждена была воевать разомъ съ турками и шведами, то авторъ нашелъ, что она на краю гибели въ послѣднемъ градусѣ чахотки, и потому онъ приглашаетъ поляковъ отомстить за всѣ несправедливости, которыя Россія причинила Польшѣ. Онъ обвиняетъ ее въ томъ, будто она первая затѣяла раздѣлъ Польши и подманила къ тому другія государства, что она своими поджигательствами произвела бунтъ Залізняка и Гонты. Польша, по его выраженію, разводилась съ Россіею и соединялась союзомъ съ Пруссіею, надѣясь на прусскаго короля, благороднѣйшаго, великодушнѣйшаго монарха, безкорыстно желающаго добра полякамъ.)

67. Makulskiego, Franciszka. Bunty Ukraińskie. Warszawa. 1790. (Авторъ представляетъ картину отягощенія народа въ Украинѣ подъ властію владѣльцевъ и поссесоровъ и ихъ экономовъ и дозорцевъ, враждебный къ полякамъ духъ на-

рода, и указываетъ мѣры, которыя, по его мнѣнію, могли-бы успокоить край.

68. Mémoire sur la révolution de la Pologne. St. Pétersbourg. 1792. (Написано въ опроверженіе отвѣта польскаго сейма на русскую декларацію, представляетъ несправедливыя дѣйствія сейма и незаконность конституціи 3 мая).

69. Mercure français (газета, 1788—1789.)

70. Michałowskiego, Bartłomeja. Pamiętniki, przez autora Listopada. 3 t. Petersburg i Mohilew, 1857.

71. Michałowskiego, Barttomieja do roku 1786 do 1815 ogłoszone przez Henryka hr. Rzewuskiego. 5 t. Warszawa, 1857 (есть любопытныя и вѣрно схваченныя черты польскаго общества въ XVIII в. и свѣдѣнія объ историческихъ лицахъ того времени. Сочиненіе въ духѣ крайне консервативномъ и аристократическомъ.)

72. Moszczeński. Pamiętniki do historyi polskiej w ostatnich latach panowania Augusta III. i pierwszych Stanisława Augusta. Poznań. 1858.

72, a. Mowy posłow seymu Grodzieńskiego, r. 1793. (Безъ года и мѣста напечатанія.)

73. Narrative of facts relative to the late dismembrement of Poland. London. 1794.

74. Naruszewicza. Dyariusz podróży Stanisława Augusta Króla na Ukrainę w roku 1787 (касается болѣе внѣшняго характера путешествія короля, хотя очень подробенъ).

75. Niemcewicza J. U. Pamiętniki czasów moich. Dzieło pośmiertne. Poznań. 1868. (Любопытныя свѣдѣнія о состояніи Польши при Станиславѣ Августѣ, о четырехлѣтнемъ сеймѣ, на которомъ самъ авторъ былъ посломъ, о несчастной для поляковъ битвѣ при Мацѣевичахъ, гдѣ авторъ былъ взятъ въ плѣнъ, и о пребываніи его въ плѣну у русскихъ. Взгляды автора, какъ принадлежавшаго къ партіи не чуждой пристрастія и злобы къ Россіи.)

76. Niemcewicza S. U. Powrót posła, komedya 1855. (Эта пьеса, написанная съ политическою цѣлію, имѣла большое вліяніе на умы).

77. Niewiadomskiego. List pewnego obywatela polskiego do współobywateli swoich i narodu całego. 1794. (Авторъ убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ не поддаваться внушеніямъ Костюшки, не приставать къ революціи и держаться союза съ императрицею).

78. Notices extraordinaires. Paris 1789—91. (газета).

79. Nufers, Friedrichs, königlich-preussischen Feld-proviant-commissarius. Schicksale während und nach seiner Gefangenschaft in Warschau unter den Polen und Russen. Posen. 1795. (Нуферъ въ 1794 г. взятъ былъ въ плѣнъ польскими повстанцами въ Великой Польшѣ и за то, что назвалъ передъ ними недавно присоединенныя къ Пруссіи земли южною Пруссіею, приговоренъ къ повѣшенію. Какая-то проѣзжавшая мимо знатная госпожа упросила даровать ему жизнь. Онъ былъ отосланъ въ Варшаву и содержался въ плѣну до взятія Варшавы Суворовымъ. Сообщаетъ много любопытныхъ чертъ эпохи; описываетъ, между прочимъ, событія совершавшіяся въ Прагѣ).

80. Ochockiego, Jana Duklana. Pamiętniki, 4 t. Wilno. 1857. Въ первыхъ двухъ томахъ автобіографія поляка, жившаго въ концѣ XVIII вѣка, очень наглядно и живо рисующая строй домашней и общественной жизни и нравы. Онъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія и о нѣкоторыхъ политическихъ и общественныхъ явленіяхъ того времени, которыхъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ, напр. о днѣ 3-го мая, о Гродненскомъ сеймѣ и пр. Вмѣстѣ съ Китовичемъ и Козьмяномъ Охоцкій принадлежитъ къ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ мемуаристамъ польскимъ этого времени. Въ двухъ послѣднихъ томахъ помѣщены

записки Букара и аббата Охоцкаго, также любопытныя во многихъ отношеніяхъ. Есть между прочимъ свѣдѣнія о замѣчательныхъ лицахъ того времени, напр. о Щенсномъ Потоцкомъ.

81. Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Dokumenta do Historyi drugiego i trzeciego podziału. Wydał Władysł. Kalinka. Poznań. 1868. (въ сборникѣ Pamiętniki z. XVIII wieku). Здѣсь помѣщены письма короля Станислава Понятовскаго къ Кицинскому о свиданіи съ Екатериною и Іосифомъ II въ 1787 году, переписка Станислава Августа съ Екатериною о политическихъ дѣлахъ, переписка Екатерины съ Потемкинымъ, изъ которой открываются планы государыни и взгляды ея на Польшу, письма короля къ Букатому, польскому посланнику въ Лондонѣ, о событіяхъ происходившихъ въ Варшавѣ, и переведенный съ русскаго дневникъ Булгакова, веденный въ 1791 и 1792 годахъ, гдѣ излагаются замѣчанія о тогдашнихъ дѣлахъ во многомъ сходныя съ тѣми, которыя находятся въ донесеніяхъ этого посланника къ своему правительству.

82. Pistora. Pamiętniki o rewolucyi Polskiéj w roku 1794 (въ сборн. Pamiętniki z XVIII wieku). Писторъ, французъ по происхожденію, служилъ въ русской службѣ и былъ генералъ-квартирмейстеромъ во время начальства Игельстрома надъ русскимъ войскомъ въ Варшавѣ. Онъ подробно и отчетливо описалъ по-французски возстаніе Варшавы въ апрѣлѣ 1794 года, а также и нѣкоторыя военныя дѣйствія въ теченіи того же года и составилъ при этомъ карту Польши съ обозначеніемъ мѣста нахожденія войскъ и планъ тогдашней Варшавы съ указаніемъ пунктовъ, гдѣ находились русскія и польскія войска и гдѣ между ними происходили свалки. Въ своемъ описаніи Писторъ старается выставить себя отличнымъ знатокомъ военнаго дѣла и свалить неудачи на ошибки русскихъ генераловъ).

83. Полеваго, Николая, Исторія генералиссимуса князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго. 1858.

84. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Т. XXIII.

85. Polens-Untergang. Ein charakteristisches Gemälde dieser Adels-Nation. Cölln, 1808. (Авторъ проводитъ оригинальную, хотя недоказанную, мысль: польское шляхетство и польскій народъ происходили не изъ одной и той же расы. Польское шляхетство, по его мнѣнію, сарматы, а простой народъ славяне. Онъ излагаетъ дурныя стороны польскаго строя, пренебреженіе средствами защиты, злоупотребленія въ судопроизводствѣ, дурное воспитаніе, вліяніе іезуитовъ, порчу нравовъ. Книжка замѣчательно умная: въ немногихъ словахъ авторъ съумѣлъ сказать много справедливаго).

86. Protokoł konfederacyi generalney oboyga narodów w roku 1792, w Targowicy urządzony (Рук. Имп. Публ. Библ.).

87. Protokoł konfederacyi generalney obojga narodów w roku 1792, dnia 11 Września, w Brześciu Litewskim urządzony. (Рук. Имп. Публ. Библ.).

88. Protokoł konfederacyi koronney 1793 w Grodnie 12 apr. sporządzony (Рук. Имп. Публ. Библ. Она, какъ и предъидущія двѣ, заключаетъ дѣла конфедераціи, учрежденной сначала въ Тарговицѣ, потомъ пересенной въ Брестъ-Литовскій, наконецъ въ Гродно. Санциты, универсалы, предписанія, отношенія, распоряженія и вообще вся переписка).

89. Przestrogi dla Polski 1790 (Сочиненіе Станислава Сташица. Авторъ указываетъ на пороки и недостатки польской націи и польскаго общества и возбуждаетъ, между прочимъ, къ измѣненію участи крестьянъ).

90. Raumers, Polens-Untergang. Leipzig. 1832.

91. Recueil de papiers concernant le troisième démembrement de la Pologne. (Рукоп.

Имп. Публ. Библ., заключающая собраніе разныхъ документовъ и оригинальныхъ писемъ, относящихся ко всему періоду царствованія Станислава Августа, между прочимъ черновыя копіи конференцій, бывшихъ между поляками и саксонскимъ княземъ-избирателемъ по поводу избранія послѣдняго преемникомъ Станислава Августа по конституціи 3 мая, процессъ Угромовой и проч.)

92. Regestr paków zabranym archiwum dyplomatycznym z Warszawy miesiąca lutego 1795 (Рук. Имп. Публ. Библ.).

93. Relacya deputacyi do examinowania sprawy o buntu oskarżonych na seymie 1790 roku uczyniona. Część pierwsza, w Warszawie (Изданіе важное для исторіи православнаго вѣроисповѣданія въ Польшѣ. Свѣдѣнія объ архіереѣ Викторѣ Садковскомъ).

94. Rżewuskiego Seweryna. O sukcessyi tronu polskiego rzecz krótka. 1790 (Сочиненіе польнаго гетмана Ржевускаго, одного изъ главныхъ творцевъ тарговицкой конфедераціи, написанное съ тѣмъ, чтобъ возбуждать поляковъ противъ мысли о введеніи наслѣдственнаго правленія).

95. Schlossers, Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts. B. V. Heidelberg, 1840.

96. Schmitta Henryka (Pogląd na żywot i pisma księdza Hugona Kołłontaja podkanclerzego korronnego. Lwów, 1860). Сочиненіе это написано съ цѣлью оправдать Коллонтая отъ обвиненій, которыя сыпали на эту личность, и сыпали не только враги его по убѣжденіямъ и политическому направленію, но и соумышленники. Отличается обиліемъ риторики, но излагаетъ любопытные факты о дѣятельности Коллонтая вообще.

97. Seume S. G. Einige Nachrichten über die Vorfälle in Polen. Leipzig. 1796. (Извѣстный въ нѣмецкой литературѣ поэтъ, служилъ въ молодости въ русской военной службѣ и въ 1794 съ другими офицерами былъ взятъ въ плѣнъ въ Варшавѣ, гдѣ и содержался до освобожденія Суворовымъ. Онъ описываетъ свои приключенія и сообщаетъ много интересныхъ чертъ о возстаніи города Варшавы, о положеніи русскихъ плѣнныхъ и о состояніи умовъ въ то время).

98. Smitt, Friedrich, Suworow und Polens-Untergang. Leipzig und Heidelberg. 1858. (Авторъ касается между прочимъ дѣлъ Польши только до 1793 года. Подробно описываетъ военныя дѣйствія 1792 года. Исторія эта отличается ясностію изложенія, отчетливостію работы и правильными взглядами).

99. Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся къ жизни Александра Васильевича князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго. Москва 1814 г.

100. Соловьева, Сергѣя, Исторія паденія Польши. Москва. 1863 г.

101. Sułkowskiego Józefa, Życie i pamiętniki historyczne, polityczne i wojskowe o rewolucyi polskiéj w latach 1792—1793. Poznań. 1864 (въ сборн. Pamiętniki z XVIII wieku. Это переводъ съ французскаго. Для насъ важны здѣсь свѣдѣнія о войнѣ съ русскими въ Литвѣ въ 1792 году).

102. Surowiecki, O upadku premysłu i miast w Polszcze. w Warszawie (безъ года). (Авторъ приводитъ много любопытныхъ статистическихъ данныхъ для показанія различія между цвѣтущимъ состояніемъ городовъ въ давнее время и ихъ жалкимъ положеніемъ въ XVIII вѣкѣ, однако преувеличиваетъ достоинства процвѣтанія. Онъ указываетъ причины такого упадка и распространяется о средствахъ, которыми можно было, по его соображеніямъ, поднять польскіе города).

103. Sybel, Heinrich, Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1795 4 t. Düsseldorf. 1865.

104. Traktaty, konwencye handlowe y graniczne wszelkie publiczne umowy między rzecząpospolitą polską y obcemi poselstwami od roku 1764 dotąd to jest do roku 1791 za panowania Stanisława Augusta zawarte w swych originalnych językach zebrane i dla wygody powszechney podane do druku. Warszawa. 1791.

105. Treskow, Der Feldzug der Preussischen in Jahre 1794. Berlin. 1807. (Подробное спеціально-военное описаніе прусской кампаніи въ Польшѣ въ 1794 г.).

106. Тучкова, Вильно въ 1794. (Библ. для Чтенія т. XIII.—Повѣствованіе очевидца и военнаго русскаго дѣятеля о возстаніи Вильны противъ русскихъ и о ея взятіи русскими снова).

107. Untersuchung über die Rechtmässigkeit der Theilung Polens. Warszawa, 1794.

108. Фукса, Исторія генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова Рымникскаго, 2 т. 1811.

109. Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego. 1789. (Сочиненіе извѣстнаго, въ свое время, ученаго Станислава Сташица. Авторъ касается вопросовъ, относящихся непосредственно къ своему времени. Книга эта имѣла большое вліяніе на умы).

110. Wegnera Leona. Dzieje dnia trzeciego i piątego Maja 1791. Poznań. 1865. (Предпославши взглядъ на ходъ историческихъ событій и на состояніе дѣлъ внутри Польши и въ сосѣднихъ государствахъ, авторъ описываетъ устроеніе конституціи 3 мая, приводитъ рѣчи въ подробнѣйшемъ видѣ, чѣмъ они были напечатаны въ современныхъ газетахъ. Къ книгѣ этой приложены объяснительные документы: предварительныя основанія, поданныя на сеймѣ ранѣе конституціи, самый текстъ конституціи, разныя современныя мнѣнія о ней и протесты противъ нея).

111. Wegnera Leona, Sejm Grodzieński ostatni. Ustęp od 26 sierpnia do 23 września 1793. Poznań. 1866. (Подробное описаніе того періода гродненскаго сейма, гдѣ поляки боролись противъ необходимости уступить Пруссіи требуемыя по второму раздѣлу польскія земли. Сходно съ дневникомъ, но пространнѣе. Ему предшествуетъ обозрѣніе политическихъ дѣйствій по первому и второму раздѣлу, а за нимъ помѣщается изложеніе дипломатической исторіи третьяго раздѣла, при чемъ авторъ руководствуется Зибелемъ).

112. Wegnera Leona, Konfederacya województw wielkopolskich Poznańskiego, Kaliskiego, Gnieźnieńskiego i Ziemi Wschowskiéj dnia 20 Sierpnia 1792 r. w mieście Środzie zawiązana. (Въ сборн. Roczniki towarzystwa Przyjaciól nauk Poznańskiego. 1836.— Семьдесятъ два документа, относящіеся къ временамъ тарговицкой конфедераціи).

113. Wiener Zeitung 1788 — 1794.

114. Wojdy, Pamiętniki o rewolucyi 1794 roku. Poznań. 1866. (Въ сборникѣ: Pamiętniki z XVIII wieku. Войда былъ членомъ варшавскаго магистрата и составилъ описаніе такихъ событій, которыхъ самъ былъ близкимъ очевидцемъ. По его извѣстіямъ, увлеченіе революціею вовсе не такъ было всеобщимъ, какъ воображали и хотѣли другихъ увѣрить патріоты. Есть подробности о казняхъ, произведенныхъ въ Варшавѣ. Записки Войды писаны были по-нѣмецки).

115. Wolskiego Mikołaja, Obrona Stanisława Augusta (Въ сборникѣ Roczniki towarzystwa historyczno-literackiego. w Paryżu, 1868. Сочиненіе это имѣетъ спеціальную цѣль опровергнуть сочиненіе: «O ustanowieniu i upadku konstytucyi 3 Maia» и защитить короля отъ обвиненій революціонной партіи. Въ сочиненіи этомъ много важныхъ данныхъ, объясняющихъ эпоху четырехлѣтняго сейма, Тарговицкой конфедераціи и послѣдней революціи. Она написана умно, но не

безъ пристрастія. Обличая удачно и справедливо несостоятельность патріотовъ, авторъ слишкомъ превозноситъ достоинства своего короля).

116. Volumina Legum. 8 t. S.-Petersburg. 1857.

117. Voyage en Pologne et en Allemagne par un Livonien. 2 t. Bruxelles. 1809. (Драгоцѣнная и рѣдкая книга. Наблюдательный авторъ представляетъ живую и подробную картину Польши конца XVIII вѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Вѣрность передаваемыхъ свѣдѣній подтверждается отзывомъ объ этой книгѣ Михаила Чацкаго, бывшаго посломъ въ Варшавѣ и очевидцемъ описываемыхъ событій).

118. Wspomnienia z roku 1788 po r. 1792. Poznań. 1862. (Авторъ, по всему видно, Михаилъ Чацкій, членъ четырехлѣтняго сейма, сообщаетъ интересныя подробности о событіяхъ своего времени, о лицахъ, принимавшихъ важное участіе въ явленіяхъ политической и общественной жизни и о состояніи общества въ Варшавѣ).

119. Wybickiego Józefa, Pamiętniki (Въ сборн. Рачинскаго: Obraz Polaków i Polski. Авторъ былъ посломъ на сеймѣ 1768 г., за сопротивленіе подвергался преслѣдованію отъ русскихъ, участвовалъ въ Барской конфедераціи; послѣ перваго раздѣла участвовалъ вмѣстѣ съ Замойскимъ въ составленіи новаго кодекса законовъ. Онъ ведетъ свое повѣствованіе далѣе паденія Польши и довольно подробно описываетъ возстаніе 1794 г.).

120. Zajączek Józef, Histoire de la revolution de la Pologne en 1794, par un témoin oculaire. Paris. (Авторъ, польскій генералъ, впослѣдствіи при Александрѣ I намѣстникъ, описываетъ событія, въ которыхъ участвовалъ самъ и игралъ не послѣднюю роль, начиная Гродненскимъ сеймомъ и кончая взятіемъ Праги).

121. Zbiór wszelkich czynności powstania narodu polskiego w dniach 17 и 18 kwietnia z przemocy Moskiewskiey y despotyzmu pruskiego od dnia 24 Marca do 19 Czerwca 1794 ułożony Warsz. 1794.

122. Zbiór uniwersałów i urządzeń od Tadeusza Kościuszki naywyższego siły zbrójnej naczelnika i od kommissyi porządkowey woiewództwa Krakowskiego od czasu aktu powstania narodowego wyszłych. Warszawa 1794.

123. Zbiór wszystkich pism urzędowych od zapisania aktu powstania narodowego w Krakowie i innych do niego się ściągających okoliczności. Krakow. 1794. (Здѣсь помѣщены документы изданные въ Краковѣ).

124. Żywot Tomasza Ostrowskiego ministra Rzeczy pospolitej późniéj prezesa senatu Xięstwa Warszawskiego i Królewstwa Polskiego oraz wypadków krajowych od roku 1763 do 1817. Paryż. 2 t. 1836.

125. Энгельгардта, Льва Николаевича, Записки. Москва, 1859.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Русь и Польша. — Историческая борьба ихъ за владѣнія.

Съ X-го вѣка обозначается соперничество и борьба двухъ славянскихъ народовъ—русскаго и польскаго. Это важнѣйшая сторона исторіи обоихъ народовъ. Въ 981 г., Владимиръ отнимаетъ у Польши червенскіе города: Червень, Перемышль и др. Этимъ, сколько намъ извѣстно, открылась великая кровавая драма, которая съ тѣхъ поръ разыгрывалась до нашего времени. По смерти Владимира, польскій король Болеславъ Храбрый воспользовался междоусобіями въ родѣ великихъ князей, принялъ сторону Святополка Окаяннаго и въ 1017 г. овладѣлъ Кіевомъ. Поставленный его помощью князь долженъ былъ сдѣлаться его подручникомъ. Эта попытка къ овладѣнію Руси, однако, не была прочна. Не только Русь освободилась отъ зависимости, но Ярославъ, въ 1031 г., пользуясь слабостью Польши, при наслѣдникѣ Болеслава, Мечиславѣ Лѣнивомъ (Гнусномъ), опять овладѣлъ червенскими городами. При его преемникахъ, междоусобія на Руси снова подали Польшѣ поводъ вмѣшаться въ ея дѣла. Болеславъ Смѣлый, помогая кіевскому князю Изяславу Ярославичу, овладѣлъ Кіевомъ, подобно своему дѣду. Но и на этотъ разъ не удалось Польшѣ. Русь осталась независимою отъ Польши, хотя поляки, какъ показываютъ ихъ историки, и возъимѣли посягательство считать южно-русскія области подручными Польшѣ. Удѣльный строй ослабилъ центральную власть великаго князя на Руси; Польша разбилась на части. Вплоть до Казимира Великаго, въ XIV вѣкѣ русскіе и польскіе князья между собою то роднились, то дрались, и, вѣроятно, русскія и польскія земли со своими князьями и вѣчами смѣшались бы въ одинъ федеративный строй, если бы различіе вѣръ не положило между Русью и Польшею сильной исторической грани.

Четырнадцатый вѣкъ былъ эпохою великаго переворота въ судьбахъ славянскаго міра. Какъ въ Руси, такъ и въ Польшѣ, является стремленіе къ собранію раздробленныхъ областей и къ образованію единаго государства. Въ Польшѣ начало этому положено Владиславомъ Локеткомъ.

Сынъ его, Казимиръ Великій, въ 1340 г., присоединилъ къ Польшѣ Червонную Русь. Остальная Русь потянула къ двумъ центрамъ: Литвѣ и Москвѣ. Литовскіе князья успѣли составить изъ русскихъ земель обширное государство, и въ 1386 году литовскій князь Ягелло, принявши, съ рукою королевы Ядвиги, польскую корону и римско-католическое крещеніе, въ первый разъ соединилъ это государство съ Польшею подъ однимъ главой. Преемники его оспаривали у Москвы Русь; Витовтъ прихватилъ къ Литвѣ пространство русскихъ земель по рѣку Угру. При Казимирѣ Ягеллоновичѣ предстояла важная задача. Новгородъ, силясь охранить свою удѣльную независимость противъ Москвы, отдавался Литвѣ. Но тамъ не съумѣли воспользоваться важною минутою. Новгородъ, со всѣмъ сѣверомъ нынѣшней Россіи, достался Москвѣ. Съ тѣхъ поръ успѣхъ за успѣхомъ слѣдовалъ для Москвы. При Василіѣ Ивановичѣ оторванъ былъ отъ Литвы Смоленскъ; при Иванѣ Васильевичѣ—Полоцкъ. Между тѣмъ Литва, въ теченіи двухъ вѣковъ, постепенно приростала къ Польшѣ, и наконецъ, въ половинѣ XVI вѣка (1569), соединилась съ нею во единое тѣло. Всѣ ея историческія задачи перешли на Польшу, и борьба съ Москвою за Русь, возникшая съ самаго образованія двухъ центровъ—Москвы и Литвы, сдѣлалась теперь призваніемъ и Польши. Образовавшаяся изъ двухъ государствъ Рѣчь-Посполитая, принявъ въ себя, по отношенію къ русскому міру, прежнія отдѣльныя, какъ польскія, такъ и литовскія историческія преданія, продолжала оказывать покушенія овладѣть остальною Русью, принадлежавшею Москвѣ; съ своей стороны Москва, возрастая и укрѣпляясь, предъявляла свои права на русскія области, принадлежавшія польско-литовской Рѣчи-Посполитой.

Оттого Московское государство и нольско-литовская Рѣчь-Посполитая безпрестанно дрались между собою, пріостанавливали на время борьбу и снова ее возобновляли, а когда совѣщались, какъ бы имъ уладиться и помириться, то ни на чемъ не могли сойтись, оттого, что, какъ тѣ, такъ и другіе, хотѣли захватить себѣ какъ можно болѣе русскихъ земель. Еще задолго до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею, Иванъ III, объявляя себя государемъ всей Руси, считалъ справедливымъ, чтобы всѣ древнія русскія земли, захваченныя прежде Литвою, подчинились бы Москвѣ, также точно, какъ ей недавно подчинился Великій Новгородъ. Въ областяхъ, принадлежавшихъ Литвѣ, была партія, пріятствующая московскому государю: она состояла изъ православныхъ князей и бояръ, недовольныхъ столкновеніями съ латинствомъ, которое исповѣдывалъ ихъ литовскій государь.

Заключивъ перемиріе со своимъ зятемъ Александромъ, великимъ княземъ литовскимъ, московскій государь приказывалъ объяснять свои политическіе замыслы и виды своему союзнику крымскому хану Менгли-Гирею такимъ образомъ: «Великому князю нашему съ литовскимъ прочнаго миру нѣтъ; литовскій хочетъ у великаго князя тѣхъ городовъ и земель, какіе у него взяты, а князь великій хочетъ у него своей отчины всей земли русской; взяли же съ нимъ перемиріе для того, чтобы люди поотдохнули, да чтобы взятые города укрѣпить». Эти многознаменательныя слова и на все будущее время имѣли значеніе. Прочнаго мира не было и быть не могло; и та и другая сторона безпрестанно собирались съ силами и помышляли, какъ бы одолѣть другъ друга. При Василіѣ Ивановичѣ, когда Герберштейнъ, императорскій посолъ, прибылъ въ Москву, для устройства перемирія между Москвою и Литвою, московскіе бояре прямо объявили ему, что государь ихъ хочетъ всей отчины русской, которою владѣли его прародители: Кіева, Полоцка, Витебска и пр. Прочный миръ оказался также невозможнымъ при Василіѣ, какъ при Иванѣ. Во время малолѣтства Ивана IV, срокъ заключеннаго перемирія окончился; опять вспыхнула война, а послѣ нея опять заключено перемиріе на пять лѣтъ. Въ 1549 году, Сигизмундъ-Августъ предлагалъ Москвѣ вѣчный миръ. Царь Иванъ далъ такой знаменательный отвѣтъ: «за королемъ наша отчина извѣчная, Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и многіе другіе города русскіе, такъ пригоже ли съ королемъ миръ заключить? Если теперь заключить миръ вѣчный, то впередъ уже черезъ крестное цѣлованіе своихъ вотчинъ искать нельзя, а я крестнаго цѣлованія никакъ нигдѣ нарушить не хочу». И дѣйствительно, послѣ того заключались перемирія на сроки; по истеченіи сроковъ, продолжали ихъ на дальнѣйшіе сроки, а прочнаго мира все-таки не заключали. Царь Иванъ, сознавая, что миръ не можетъ состояться иначе, какъ съ присоединеніемъ русскихъ земель, предлагалъ-было покончить дѣло миролюбиво и хотѣлъ жениться на сестрѣ Сигизмунда-Августа, съ которымъ, по его бездѣтности, прекращалась мужеская линія Ягеллонова дома, и, такимъ образомъ, наслѣдница Сигизмунда-Августа, сдѣлавшись московскою царицею, могла перенести всѣ свои родовыя права на мужа и своихъ дѣтей. Различіе вѣры, бывшее главною причиною розни между народами, помѣшало болѣе всего и этой связи.

По истеченіи перемирія, нерѣшенное дѣло опять втянуло оба государства въ войну, и бояре, въ переговорахъ съ польско-литовскими послами, говорили: «не только что русская земля

вся, но и литовская земля вся—вотчина государя нашего». Когда, послѣ того, счастіе въ войнѣ обратилось на сторону Москвы, и царь Иванъ овладѣлъ Полоцкомъ (въ 1564 г.), литовскіе послы пріѣхали въ Москву предлагать миръ; бояре прямо запросили Кіева, Волыни, Подоліи, Галича: безъ этого не могъ состояться вѣчный миръ, и опять заключили перемиріе, съ оставленіемъ при Москвѣ того, что было завоевано ею въ послѣднее время. Скоро предстоялъ случай опять порѣшить роковой споръ мирнымъ образомъ. Домъ Ягеллоновъ, съ кончиною Сигизмунда-Августа, прекратился. Въ Литвѣ возникъ замыселъ избрать на престолъ Рѣчи-Посполитой московскаго государя. Паны, соображая, что Москва ни за что не оставитъ своихъ притязаній быть главою всей Руси, и, слѣдовательно, не перестанетъ угрожать польско-литовской державѣ нескрываемымъ намѣреніемъ отнять у нея русскія земли, нашли выгоднымъ для себя такое избраніе: они не только могли на извѣстное время избавиться отъ этой грозы, но еще сдѣлать обратное тому, чего хотѣла Москва; вмѣсто отдачи своихъ русскихъ земель, можно было имѣть въ виду присоединить къ Рѣчи-Посполитой Московское государство, такъ какъ, постояннымъ выборомъ одного за другимъ литовскихъ князей на польскій престолъ, поляки успѣли уже соединить воедино два государства: Польшу и Литву. Въ такомъ видѣ, въ какомъ предлагалась корона Ивану Васильевичу, не Москва, а Рѣчь-Посполитая должна была получить первенство.

Замыселъ не состоялся: во-первыхъ, поляки не съумѣли направить согласно своихъ усилій къ этой великой цѣли; во-вторыхъ, царь Иванъ понялъ, куда это можетъ вести, и потому выразился, что ему было бы пріятнѣе, если бы его выбрали литовцы на престолъ великаго княжества Литовскаго, отдѣльно отъ Польши, слѣдовательно покушался разорвать недавно устроенную *унію* Литвы съ Польшею. Это было сообразнѣе съ завѣтными стремленіями Москвы собрать подъ собою русскія области. Избранный королемъ польскимъ Стефанъ Баторій, въ 1578 г., отправилъ въ Москву пословъ уговориться о вѣчномъ мирѣ, котораго уже не было болѣе столѣтія. Но Москва опять потребовала Кіева, Витебска и прочихъ земель, которыя называла отчиною своихъ царей. Этого мало: Иванъ заявлялъ, что все великое княжество Литовское и даже самое Польское королевство должны достаться ему по праву наслѣдства, послѣ прекращенія литовскаго царственнаго дома, который онъ выводилъ отъ полоцкихъ князей. Слѣдствіемъ такого отвѣта была опять война, но на этотъ разъ несчастная для Московскаго государства; она окончилась, при посредствѣ папскаго легата Антонія Поссевина,

іезуита, въ 1582 г. Запольскимъ перемиріемъ на двѣнадцать лѣтъ. Москва уступила всѣ свои послѣднія пріобрѣтенія. Вѣчнаго мира все-таки не было. При всѣхъ своихъ неудачахъ, московская политика не хотѣла отказываться отъ того, что считала давнимъ вѣковымъ правомъ Москвы. Москва надѣялась, рано или поздно, возвратить себѣ достояніе старыхъ русскихъ князей. Въ предупрежденіе этого, поляки изыскивали средства овладѣть Московскимъ государствомъ [1]).

При наслѣдникѣ Ивана IV, Ѳеодорѣ, въ 1586 году, посолъ Стефана Баторія Гарабурда пріѣхалъ въ Москву предлагать уладить вѣковую распрю такимъ образомъ: «Если Богъ по душу пошлетъ Стефана короля и потомковъ у него не останется, то корону польскую и великое княжество Литовское соединить съ Московскимъ государствомъ подъ государскую руку; Краковъ противъ Москвы, Вильну противъ Новгорода. А пошлетъ Богъ по душу вашего царя, то Московскому государству быть подъ рукою нашего государя». Но поляки напрасно надѣялись выиграть, разсчитывая на недалекость ума тогдашняго московскаго царя; московскій государственный умъ не затмился отъ слабоумія носившаго корону; политика была все та же, и вѣковыя преданія не забывались. Московскихъ бояръ вовсе не прельщала мысль о такомъ соединеніи съ Польшею; они нашли такую отговорку: «неприлично при живомъ государѣ дѣлать договоры на случай его смерти»; «нашъ государь—прибавили они—у вашего проситъ искони вѣчной вотчины своей Кіева, съ уѣздомъ и пригородами, и прочихъ вотчинъ своихъ». Эти переговоры кончились ничѣмъ, какъ и переговоры прежнихъ лѣтъ.

Баторій умеръ. Безкоролевіе дало опять литовцамъ виды на рѣшеніе спора съ Москвою посредствомъ выбора въ короли московскаго государя; а Москва опять показала, что неизмѣнно держится прежней политики, что на первомъ планѣ у ней завѣтное желаніе соединить подъ своею властью русскія земли, а не пріобрѣтать чужія государства. Москвѣ отнюдь не хотѣлось возлагать польскую корону на голову своего государя; они пытались, напротивъ, разорвать унію Литвы съ Польшею. Посланный въ Литву московскій дворянинъ Ржевскій пытался расположить литовскихъ пановъ избрать московскаго государя на великое княжество Литовское отдѣльно отъ Польши. «Вы знаете—говорилъ онъ по наказу своего правительства—поляки вѣруютъ съ христіанами розно, а вы, паны-рада литовская, и вся земля

---

[1]) Говоря—поляки, разумѣемъ и литовцевъ, соединенныхъ тогда во единое тѣло съ поляками.

литовская съ нашею землею одной вѣры и одного обычая, и вы бы пожелали себѣ государя нашего.» Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставилось литовцамъ на видъ, что, соединившись съ Москвою, нужно будетъ вмѣстѣ отнять у Польши тѣ русскія области, которыя, по акту соединенія короны польской съ великимъ княжествомъ, причислены непосредственно къ Польшѣ, а не къ Литвѣ. «Начальное государство кіевское—говорили они—отъ прародителей слѣдуетъ нашему государю, а теперь изневолено, отъ литовскаго государства оторвано къ коронѣ польской; и не однимъ Кіевомъ польскіе люди завладѣли у васъ, литовцевъ, да присоединили къ польской землѣ насильствомъ; такъ государю нашему, какъ всего этого у поляковъ не отнять и къ вамъ и къ государству московскому не присоединить»? Но поляки въ это время уже значительно успѣли въ дѣлѣ слитія литовско-русскаго дворянства съ польскимъ; число ярыхъ противниковъ единства съ Польшею рѣдѣло; московскій дворянинъ не въ силахъ былъ произвести раскола между литовцами и поляками; напрасно литовскіе паны получали отъ нѣкоторыхъ московскихъ бояръ письма съ увѣщаніями въ такомъ же родѣ; они соглашались на избраніе московскаго государя не иначе, какъ вмѣстѣ съ Польшею. Правда, они были не прочь вмѣстѣ съ московскими людьми побранить поляковъ, но отважиться на рѣшительный разрывъ они не могли, тѣмъ болѣе, что тогда не было никакихъ къ этому поводовъ. Литовскіе паны совѣтовали отправить московскихъ пословъ на общій избирательный сеймъ. Москва уступила; но когда на сеймѣ стали выбирать короля и большинство было за московскимъ государемъ, Москва осталась вѣрною себѣ. Поляки хотѣли поставить дѣло такъ, чтобы за ними осталось первенство, требовали, чтобы московскій государь короновался въ Краковѣ, носилъ корону польскую сверхъ шапки Мономаховой и обѣщалъ соединить греческую церковь въ Россіи съ римскою. Послы объявили, что московскій государь хочетъ оставаться непоколебимъ въ православной вѣрѣ, короноваться на королевство въ Москвѣ, а не въ Краковѣ, шапку Мономахову носить сверхъ польской короны и въ титулѣ писаться сперва царемъ всея Руси, а потомъ уже королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Эти наружные признаки первенства, за которые такъ упорно стояла Москва, имѣли тотъ простой и прямой смыслъ, что Москва не иначе согласна на соединеніе съ Польшею и Литвою, какъ только при такомъ условіи, когда Польша и Литва получатъ значеніе земель, присоединенныхъ къ Москвѣ, или поступившихъ подъ ея первенство. Москва хотѣла, чтобы ея царь владѣлъ русскими землями не иначе, какъ на основаніи стариннаго дѣдичнаго права

надъ всей Русью, а не въ силу добровольнаго порученія ему власти тѣми, которые фактически, а не легально, владѣли тогда этими землями. Притомъ же, польская вольность и московское самодержавіе были несоединимы, какъ масло съ водою. Въ Москвѣ понимали, что если московскій государь и будетъ избранъ на польскій престолъ, то не удержится на немъ, а если удержится самъ, то не въ силахъ будетъ утвердить власть за наслѣдниками; поэтому на самое согласіе принять польскую корону Москва смотрѣла только, какъ на способъ оторвать отъ Польши русскія земли и присоединить ихъ къ Московскому государству. Поляки, напротивъ, если рѣшалась на избраніе московскаго государя, то единственно съ цѣлью утвердить за собою покрѣпче русскія земли и распространить свою власть на остальную Русь. Они избрали шведскаго принца, а съ московскимъ государемъ опять заключили перемиріе, на этотъ разъ на пять лѣтъ. Вѣчнаго мира и теперь невозможно было заключить: Москва не думала оставлять своихъ притязаній.

Но вотъ и въ Москвѣ сталось тоже, что было назадъ тому слишкомъ двадцать лѣтъ въ Литвѣ: царствовавшая династія прекратилась; на московскій престолъ сѣлъ потомокъ татарскаго мурзы, готовясь открыть собою новую династію. Москва не считала свои права на русскія земли исключительнымъ достояніемъ династіи Рюриковичей; они были ей прирождены въ силу стремленія соединить Русь въ единое политическое тѣло.

Въ своихъ завѣтныхъ стремленіяхъ, Москва походила на папскій Римъ. Могло сидѣть на папскомъ престолѣ такое, или иное лицо, того или другого происхожденія, съ такимъ или другимъ характеромъ, образованіемъ, поведеніемъ, склонностями, но въ стремленіяхъ главенства надъ церковью, въ коренныхъ понятіяхъ о вѣрѣ и церкви, въ главныхъ чертахъ и способахъ дѣйствій, церковный Римъ оставался все тотъ же; вѣка не измѣняли основъ его строя; съ неизмѣнною логикою, съ неутомимымъ терпѣніемъ, онъ преслѣдовалъ одни и тѣ же цѣли, пріостанавливаясь въ своей дѣятельности передъ противными обстоятельствами, ни на волосъ не отступая въ своихъ требованіяхъ отъ своего ученія; такова была и московская политика въ дѣлѣ собиранія Руси и созданія единаго русскаго государства, которое положило себѣ задачею. Предложеніе *вѣчнаго* мира, привезенное въ Москву при Борисѣ посланникомъ польско-литовскимъ Львомъ Сапѣгою, не состоялось отъ тѣхъ же причинъ, какъ и въ прежнія времена. Историческій процессъ Руси съ Польшею оставался неоконченнымъ; и потому ограничились *перемиріемъ*, правда двадцатилѣтнимъ, но все-таки перемиріемъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, скоро наступили для Московскаго государства смутныя времена. Поляки, въ это время, пропитавшись значительно іезуитскимъ воспитаніемъ, избрали, по отношенію къ Москвѣ, путь интригъ и коварства и приводили на московскій престолъ бродягъ, называвшихся именемъ убитаго царевича, въ тѣхъ видахъ, чтобъ посаженные такимъ образомъ на престолъ сдѣлались подручниками Польши. Эти средства не удались; тогда, пользуясь расшатаннымъ состояніемъ Московскаго государства, они овладѣли посредствомъ оружія его столицею, заставили для вида избрать въ цари польскаго королевича, а въ самомъ дѣлѣ хотѣли присоединить Московское государство къ Польшѣ. И это имъ не удалось, не смотря на то, что счастіе имъ во многомъ благопріятствовало. Въ самой Польшѣ уже значительно созрѣли внутренніе признаки будущаго ея разложенія. Опустошивши Московское государство, поляки не въ силахъ были остановить противодѣйствующей имъ народной силы, и послѣ истощительной борьбы въ 1619 году Деулинскимъ перемиріемъ должны были отказаться отъ покушенія на Московское государство и ограничиться пріобрѣтеніемъ только части его: областей Смоленской и Сѣверской и Велижской волости. Московское государство осталось, правда, съ потерями, но выиграло тѣмъ, что отстояло свое существованіе. Какъ ни было оно разорено, но политика его не разставалась съ сознаніемъ своихъ правъ на русскія земли.

По окончаніи перемирія, въ 1632 г., вспыхнула опять война. Она была крайне несчастна для Москвы и въ 1634 году окончилась *вѣчнымъ* миромъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Поляновскаго*. Этотъ миръ былъ въ свое время событіемъ чрезвычайно важнымъ, потому что собственно мира у Москвы съ Польшею не было со времени Ивана III: «такое дѣло великое и славное сдѣлалось, чего прежніе государи сдѣлать не могли», говорили заключившіе его польскіе коммиссары. Но замѣчательно, что никакія домогательства не могли у москвичей вынудить условій, чтобы царь не писался царемъ *всея* Руси; поляки совершенно справедливо видѣли въ этомъ удержаніи титула притязанія на русскія земли, присоединенныя къ Польшѣ. Москвѣ нужно было оставить за своимъ царемъ такой титулъ, потому что, уступая несчастнымъ обстоятельствамъ, она не отрекалась отъ своего права при лучшемъ положеніи дѣлъ.

Вѣчный миръ просуществовалъ ровно двадцать лѣтъ. Повидимому, этимъ миромъ Москва затормозила себѣ ходъ къ собиранію русскихъ областей; но сама судьба освободила ее отъ необходимости самой начинать вновь уже законченный процессъ. На этотъ разъ не Москва искала русскихъ земель, принадлежав-

шихъ Рѣчи-Посполитой, а эти русскія земли сами обратились къ Москвѣ. Въ половинѣ XVII вѣка вспыхнуло казацкое возстаніе, ужаснѣйшее въ лѣтописяхъ возстаній. Поляки успѣли ополячить и окатоличить русскіе высшіе классы, но не успѣли сдѣлать того же съ южнорусскимъ народомъ, не успѣли истребить его національности, и этотъ-то народъ, подъ фирмою казачества, поднялся на Польшу и втянулъ Московское государство въ свое кровавое дѣло. Успѣхъ для Москвы былъ большой: южная Русь отдавалась московской державѣ добровольно, Литва была завоевана, московскій государь овладѣлъ ея столицею, Вильною. Вслѣдъ за тѣмъ на Польшу напало разомъ нѣсколько враговъ. Шведскій король овладѣлъ обѣими польскими столицами; польскій король бѣжалъ изъ государства; въ эту эпоху былъ заявленъ проектъ перваго раздѣла Польши. Шведскій король хотѣлъ овладѣть Великою Польшею, Ливоніею и Гданскомъ. Бранденбургскому князю-избирателю, вассалу Польши, должны были достаться прусскія владѣнія Польши; Малая Польша и Литва — семиградскому князю Ракочи, а южная Русь должна была сдѣлаться самостоятельнымъ государствомъ подъ властью Хмельницкаго. Проектъ не состоялся; противъ него встала Москва. Алексѣй Михайловичъ, получивъ обѣщаніе пріобрѣсти, по смерти царствующаго короля Яна-Казимира, польскую корону, явился защитникомъ Польши. Вѣковой вопросъ о русскихъ областяхъ, казалось, могъ рѣшиться добровольнымъ соединеніемъ. Но обстоятельства повернулись иначе. Война за Малороссію возобновилась и затянулась на долго. Янъ-Казимиръ отрекся отъ престола, предоставилъ эту войну кончать своимъ преемникамъ и произнесъ знаменитое пророчество, которое въ слѣдующемъ столѣтіи сбылось съ удивительною точностью. «Надобно опасаться—говорилъ онъ на сеймѣ—что наша Рѣчь-Посполитая сдѣлается добычею сосѣдей. Москвитяне захотятъ взять себѣ все Великое Литовское княжество, всѣ земли по Бугу и Нарову, а можетъ быть и по самую Вислу. Бранденбуржецъ замыслитъ пріобрѣсть Великую Польшу и другія пограничныя воеводства. Домъ австрійскій покусится на Краковъ и на прилежащія къ нему воеводства».

Кровопролитная борьба за Малороссію, пріостановившись Андрусовскимъ перемиріемъ, покончилась уже въ 1686 году миромъ опять *вѣчнымъ*, по которому Польша уступила Россіи Смоленскъ, Украину лѣваго берега Днѣпра, и на правой сторонѣ Кіевъ съ Васильковымъ, Триполіемъ и Стайками, а остальная правобережная Украина со всѣми русскими землями на правомъ берегу Днѣпра осталась за Польшею. Миръ этотъ былъ

постыднымъ для Россіи; она упустила изъ своихъ рукъ то, чего добивалась цѣлое столѣтіе и что̀ еще недавно отдавалось ей добровольно; миръ этотъ вызванъ былъ дѣлами Украины: истощаясь въ борьбѣ съ внѣшними давленіями, эта страна разрывалась внутренними междоусобіями, склонялась то къ Россіи, то къ Польшѣ, то къ Турціи, думая добыть себѣ независимость. Допустить ее до независимости казалось въ равной степени неудобно, какъ для Москвы, такъ и для Польши: Москва хотѣла подчинить себѣ русскія земли, а не дѣлать ихъ самобытными; Польшѣ выгоднѣе было уступить сосѣднему государству половину своей провинціи, чѣмъ потерять всю, признавъ ее независимой; притомъ самое это стремленіе къ независимости едва ли могло быть достигнуто по внутренней несостоятельности, и, не доставаясь ни Польшѣ, ни Москвѣ, Украина могла достаться Турціи. Уничтожить эти стремленія въ Украинѣ только и можно было разрывомъ страны между двумя государствами.

Но московская политика и послѣ этого мира не оставила своихъ завѣтныхъ цѣлей, а только измѣнила способъ достиженія. Прежде прямо требовалась отдача Москвѣ прародительскихъ земель: на этомъ основаніи цѣлые вѣка не допускался вѣчный миръ, а только, для отдыха, соглашались на перемиріе; теперь Россія стала налегать вообще на всю Польшу и мало-по-малу ставила ее въ зависимое положеніе. Петръ I, въ качествѣ союзника, впуталъ посаженнаго съ его помощью на престолѣ короля Августа II въ Сѣверную войну. Никогда еще Польша не была въ такомъ разстроенномъ положеніи, какъ въ то время; сдвинутая такъ-сказать съ своего фундамента казацкими возстаніями, въ эпоху Сѣверной войны она совсѣмъ расшаталась. Шведскій король, разбивъ своего соперника, поставилъ въ Польшѣ другого короля, Станислава Лещинскаго. Поляки, вмѣсто того, чтобы, сохраняя свое достоинство, отрѣшить обоихъ королей: перваго за самовольное и вредное вмѣшательство въ войну безъ воли націи, второго за принятіе короны по волѣ чужого государя,— стали колебаться между тѣмъ и другимъ королемъ, переходить отъ одного къ другому, измѣнять тому и другому, продавать себя тому и другому. Развилась чрезвычайная деморализація. Августъ утвердился на престолѣ съ русскою помощью, ввелъ въ Польшу саксонскія войска и хотѣлъ править страною самовластно, не собирая даже сейма; поляки возстали противъ него, составили конфедерацію и обратились къ Петру. Волею, или неволею, Августъ также долженъ былъ принять посредничество русскаго царя. Посланный царемъ въ Польшу князь Долгорукій, въ 1717 году, начерталъ для обѣихъ сторонъ примирительныя правила. Они

утверждены были сеймомъ. Важнѣйшее изъ этихъ правилъ было то, что въ Польшѣ не должно быть войска болѣе 18-ти тысячъ, а власть военачальника (гетмана) сдѣлалась независимою отъ короля и подлежала только одному сейму. Но сеймы въ Польшѣ обыкновенно не доходили до конца, а *срывались*, потому что каждый изъ сеймовыхъ пословъ (депутатовъ) могъ своимъ несогласіемъ не допускать проекты обращаться въ законы. Поэтому, гетманъ могъ властвовать надъ войскомъ по произволу. Съ этого времени, русскій посланникъ въ Варшавѣ сталъ имѣть прямое вліяніе на внутреннія и внѣшнія дѣла Польши. Августъ II былъ обязанъ русскому царю тѣмъ, что удержался на престолѣ; онъ тяготился этимъ положеніемъ и прибѣгалъ къ разнымъ коварствамъ, но ничего не могъ сдѣлать: Россія могла всегда расшевелить противную ему партію въ самой Польшѣ.

Августъ II безъ отвращенія слушалъ замыслы прусскаго короля, вредные для Польши. Бывшій бранденбургскій князь-избиратель, нѣкогда вассалъ Польши, а теперь независимый король, думалъ, какъ его предшественникъ при Янѣ-Казимирѣ, расширить свое небольшое королевство насчетъ Польши. Еще въ 1710 году онъ предлагалъ, черезъ своего совѣтника Ильгена, Августу II раздѣлъ польскихъ провинцій: предполагалось уступить Петру I-му Ливонію; Фридрихъ I бралъ себѣ Пруссію и Жмудь; а остальная Польша предоставлялась Августу II въ качествѣ наслѣдственнаго владѣнія на такихъ же правахъ, на какихъ онъ владѣлъ Саксоніей; иными словами, за удовлетвореніемъ Пруссіи и Россіи, Польша присоединялась къ Саксоніи. Проектъ этотъ очень понравился Августу II, но онъ очень не понравился Петру I, до свѣдѣнія котораго доведенъ косвеннымъ образомъ.

Впослѣдствіи, въ 1721 году, прусскій еврей Леманъ пріѣзжалъ къ Августу II отъ имени Пруссіи съ предложеніемъ раздѣла Польши. Но когда стали спрашивать объ этомъ Пруссію, то прусскій министръ показалъ видъ, что такого порученія еврею не дѣлалось. Неизвѣстно, дѣйствительно ли Пруссія подсылала этого еврея къ Августу, или онъ самъ затѣялъ такіе планы. Какъ бы то ни было, Петръ былъ рѣшительно противъ всякихъ поползновеній къ раздѣлу. Не для чего было Россіи дѣлиться съ нѣмцами, когда Польша шла по такому пути, что, рано или поздно, должна была подпасть подъ власть Россіи.

Россія оставляла на будущее время рѣшеніе этого вопроса, а между тѣмъ старалась удерживать Польшу на пути къ зависимости. Для этого у ней было орудіе въ продажности поляковъ. Стоило только подкупить нѣсколько сенаторовъ и пословъ, чтобы

они употребили свое право срывать сеймы, и никакое постановленіе, противное видамъ Россіи, не могло состояться. Такъ русскіе посланники постоянно и поступали.

Въ 1732 году, Августъ, желая упрочить хоть что-нибудь изъ польскихъ владѣній для своей фамиліи, самъ предлагалъ уступку польскихъ областей сосѣдямъ за то, чтобы получить остальное въ наслѣдственное владѣніе. Августъ обратился съ этимъ къ прусскому королю, такъ какъ зналъ, что этотъ король скорѣе, чѣмъ всякій другой, увидитъ въ этомъ предложеніи свою пользу. Онъ отдавалъ прусскому королю Курляндію, польскую Пруссію и часть Великой Польши, и совѣщался, какими бы способами ублажить Россію и Австрію. Австріи предполагалось дать староство Списское и еще прибавить кое-что, если она не будетъ довольна; Россіи же предполагалось отдать часть Литвы, но безъ Вильны. Король Фридрихъ-Вильгельмъ давалъ совѣты, какъ принудить Россію къ бездѣйствію, въ случаѣ, если она ни за что не согласится на предложенную, по договору, часть; онъ указывалъ для этого на соглашеніе съ Турціею, которую можно было, въ случаѣ надобности, напустить на Россію и отвлечь отъ Польши. Но эти соображенія не обратились тогда въ дѣло.

По смерти Августа II, въ 1733 году, въ Польшѣ сдѣлалось волненіе. Противники Россіи провозгласили королемъ Станислава Лещинскаго, а Россія, вмѣстѣ съ Австріей, поддерживала сына покойнаго короля. Воцарился послѣдній подъ именемъ Августа III, съ помощью вооруженной русской силы.

Если въ предшествовавшее время теченіе дѣлъ въ Польшѣ зависѣло во многомъ отъ Россіи, то новый король былъ уже почти ея подручникомъ. Многіе знатные паны, имѣвшіе за собой большія партіи, были противъ него; Россія всѣхъ ихъ принудила признать его королемъ, кого подарками и обѣщаніями, а кого страхомъ. Августъ процарствовалъ 30 лѣтъ, проживая большею частью въ Дрезденѣ, и оставляя Польшу на произволъ судьбы, только пользовался ея доходами, насколько удавалось. При немъ не было доведено до конца ни одного сейма, не составлялось законовъ, не повѣрялась администрація; отдавать отчетовъ было некому, потому что главные сановники, управлявшіе различными вѣдомствами, должны были отдавать ихъ одному сейму, а сеймы всѣ срывались; подскарбіи (министры финансовъ) распоряжались по произволу казною; канцлеры подписывали беззаконные акты; въ судахъ и трибуналахъ происходили буйства; паны съ вооруженною силою разгоняли судилища; полиціи въ Польшѣ не было никакой, и господствовало полное право сильнаго: существовали, правда, великіе и надворные маршалы, но

не занимались своимъ дѣломъ; въ Польшѣ не чеканилось монеты: король началъ чеканить польскую монету въ Дрезденѣ и ввозить эту монету изъ-за границы, но, вслѣдъ затѣмъ, за нею полилось въ Польшу громадное количество фальшивой монеты изъ Пруссіи. Торговля упала. Войска въ Польшѣ едва могло набраться до 8-ми тысячъ, но и то было неспособно къ дѣлу. Польша потеряла всякое значеніе и уваженіе въ Европѣ; не было даже польскихъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ. Голосъ русскаго посланника въ Варшавѣ сталъ всемогущъ. Русскія войска вступали въ Польшу и квартировали, какъ въ своей землѣ, брали съ жителей поборы и очень часто дозволяли себѣ всякія своеволія; поляки же находили въ этомъ квартированіи у себя чужестранныхъ войскъ даже пользу, потому что сбывали имъ свои сельскія произведенія на провіантъ и фуражъ.

Польша была на краю паденія, когда Августъ III, въ 1763 году, скончался.

II.

Народный характеръ польскій. — Польша древнихъ временъ. — Золотой вѣкъ. — Введеніе іезуитовъ.

Внутреннія условія, доведшія Польшу до разложенія, сложны и были предметомъ множества соображеній, догадокъ, заключеній и выводовъ. Пытались поставить на первый планъ то одно, то другое явленіе, указывали на избирательное правленіе, на чрезмѣрную силу магнатовъ, на своеволіе шляхты, на отсутствіе средняго сословія, на религіозную рознь, на упадокъ и порабощеніе земледѣльческаго класса. Намъ кажется, что эти признаки польскаго политическаго строя, при своихъ дурныхъ сторонахъ, не представляли еще стихій неизбѣжнаго паденія и разложенія государства. Избирательное правленіе существовало въ Германіи, и, однако, Германія не разложилась, и ее не завоевали другіе; и тамъ были своевольные и несогласные магнаты: князья и герцоги, да и вездѣ въ Европѣ они были; сельскій классъ не въ одной Польшѣ былъ преданъ произволу высшаго, угнетенъ и забитъ: вездѣ въ Европѣ онъ мало чѣмъ былъ въ лучшихъ условіяхъ, а иногда и ничуть не въ лучшихъ; въ Польшѣ были религіозныя волненія и преслѣдованія: и въ остальной Европѣ они проявлялись, и западная Европа представляетъ въ этомъ отношеніи болѣе картинъ раздоровъ, смутъ и кровопролитій. Польское устройство не хуже было устройства другихъ странъ, а выработкою свободныхъ формъ стояло выше многихъ. Понятно,

что Жанъ-Жакъ Руссо, которому давали на разсмотрѣніе польское устройство на бумагѣ, отозвался о немъ съ похвалою, хотя и замѣтилъ его недостатки. Самое liberum veto, парализовавшее въ Польшѣ движеніе къ полезнымъ перемѣнамъ, имѣло и свои хорошія стороны, насколько могло останавливать хитрости, козни партій; въ тѣхъ важныхъ случаяхъ, когда могло идти дѣло о коренныхъ переворотахъ государства, liberum veto, въ благоразумныхъ размѣрахъ, предоставленное посламъ сейма, со строгою отвѣтственностью передъ судомъ за нечистое и корыстное его употребленіе, могло приносить пользу, удерживая порывы увлеченія, способные овладѣвать большинствомъ. Причины паденія Польши не столько въ тѣхъ дурныхъ сторонахъ, которыя были въ нравахъ націи, сколько въ отсутствіи хорошихъ. Такимъ образомъ, перебирая ея формы и явленія жизни, поражающія насъ своимъ разрушительнымъ характеромъ, мы найдемъ все то же, что̀ было и въ другихъ странахъ, но мы не найдемъ въ Польшѣ тѣхъ здоровыхъ, противодѣйствующихъ дурному, началъ, которыя въ другихъ странахъ Европы давали движеніе къ улучшеніямъ въ общественномъ строѣ и къ торжеству здравыхъ убѣжденій.

Корень паденія Польши въ той деморализаціи шляхетскаго сословія, умственной и нравственной, которая лишала силы хорошія учрежденія и увеличивала власть дурныхъ; восходя далѣе къ началу, придется сказать, что корень паденія Польши въ тѣхъ качествахъ народа, которыя такъ легко увлекли его къ деморализаціи и вообще дѣлали поляковъ неспособными къ самостоятельной государственной жизни.

Конечно, нѣтъ ничего труднѣе объяснить, отчего образовался такой или иной народный характеръ, хотя онъ и высказывается всею историческою жизнью народа. Трудность эта̀ истекаетъ оттого, что начала его обыкновенно восходятъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, о которыхъ не дошло до насъ свѣдѣній. Такъ трудно бываетъ услѣдить причины образованія характера человѣка въ отдѣльности — онѣ кроятся въ впечатлѣніяхъ нѣжнаго возраста; первобытныя ощущенія до того вліятельны, что слагаютъ существо человѣка на всю его послѣдующую жизнь, и только сильные перевороты въ жизни могутъ измѣнить опредѣлившееся въ дѣтствѣ направленіе способностей. Въ то время, когда дитя начинаетъ лепетать слова и различать предметы, неуловимые случаи производятъ на молодые нервы вліяніе, дающее подкладку для его способностей. То же совершается въ жизни племенъ и народовъ. Мы застаемъ историческіе народы въ тѣ періоды развитія, когда у нихъ уже опредѣлились первобытныя

свойства; послѣдующія историческія судьбы даютъ намъ только возможность прослѣдить, какъ развивались они, а самое зарожденіе свойствъ отъ насъ ускользаетъ.

Въ чемъ же состоятъ первобытныя свойства поляка, опредѣлившія его историческій характеръ? Кажется мы не ошибемся, если скажемъ, что польскій народъ, какъ и все славянское племя, въ большей или меньшей степени, представляетъ избытокъ и господство сердечности надъ умомъ. Начиная отъ временъ Болеслава Храбраго, и кончая послѣдними судорожными порывами къ утраченной самобытности, полякъ всегда дѣйствовалъ преимущественно подъ вліяніемъ сердца; умъ и воля подчинялись у него этому влеченію и часто парализовались имъ. Народныя добродѣтели и пороки объясняются этимъ свойствомъ; полякъ легко воспламеняется, когда затрогивается его сердце, и легко охлаждается, когда сердце отъ утомленія начинаетъ биться тише, легко довѣряется тому, что̀ льститъ желанію его сердца и легко теряетъ довѣріе, когда слышитъ что-нибудь непріятное сердцу, и въ обоихъ случаяхъ легко попадается въ самообольщеніе и обманъ: голосъ холоднаго здраваго разсудка, хотя бы самый дружескій, ему противенъ; увлекаясь чувствомъ, онъ считаетъ возможнымъ невозможное для его силъ, затѣваетъ великое дѣло и не кончаетъ его, дѣлается несостоятельнымъ, когда для дѣла оказывается недостаточно сердечныхъ порывовъ, а нужно холодное обсужденіе и устойчивый трудъ; онъ способенъ къ чрезвычайной дѣятельности, но не надолго, и можетъ скоро впасть въ лѣнь и апатію; онъ добръ до безпредѣльности и способенъ на величайшія самопожертвованія въ пользу добраго дѣла въ минуту увлеченія, но рѣдко способенъ вести его съ постоянствомъ, можетъ бросить его на полудорогѣ, легко сдѣлаться свирѣпымъ, жестокимъ, но также по увлеченію сердца и не надолго. Не въ натурѣ поляка ни постоянная долгая дружба, ни упорная мстительность. При первомъ непріятномъ на его сердце впечатлѣніи, онъ разсорится съ вѣрнѣйшимъ другомъ, измѣнитъ ему, но за то легко протянетъ руку заклятому врагу, если тотъ удачно польститъ его чувству. Его легко поднять до восторга и довести до унынія; отъ этого онъ часто бываетъ чрезмѣрно кичливъ и заносчивъ, но часто падаетъ духомъ и унижается въ несчастіи, то чрезвычайно храбръ, то чрезвычайно труслив, то черезчуръ бурливъ и неугомоненъ, то черезчуръ податливъ. Этими свойствами объясняются тѣ многочисленные рокоши и конфедераціи, которыя, послѣ шума и треска, оканчивались примиреніемъ и покорностію власти. Сигизмундъ III, Августъ II надѣлали Польшѣ много дурного; противъ нихъ возставали, состав-

ляли конфедераціи, но ихъ не выгоняли, какъ выгоняли французы своихъ Бурбоновъ, или англичане своихъ Стюартовъ; поляки, пошумѣвши, побурливши, побившись, наконецъ, между собою изъ-за этихъ королей, мирились съ ними самымъ нѣжнѣйшимъ образомъ. Паны безпрестанно между собою ссорились и дрались, но Капулетти и Монтекки въ Польшѣ не бывало; родовая вражда не въ духѣ поляковъ; надѣлавши другъ другу пакостей, въ порывѣ сердечной злости, они часто мирились и запивали венгерскимъ свои недоразумѣнія. Въ исторіи польскихъ войнъ есть примѣры изумительной рыцарской отваги и храбрости; но бывали случаи, когда все польское войско, безъ боя, разбѣгалось по лѣсамъ и бросало оружіе, какъ это было, между прочимъ, подъ Пилавцами въ войнѣ съ Хмельницкимъ. Гостепріимство и радушіе, въ чемъ едва-ли какой народъ сравнится съ поляками, истекали изъ той же безграничной и безразсудной сердечности; природѣ поляка нужно было веселое общество, какъ воздухъ, и онъ легкомысленно ставилъ послѣднюю копѣйку ребромъ для удовлетворенія этой потребности. Польское легкомысліе вошло у всѣхъ въ пословицу, но никто не скажетъ, чтобы оно происходило отъ врожденной тупости и недостатка способностей; напротивъ, поляки народъ очень даровитый, но сердечность увлекала ихъ за предѣлы разсудка, вводила въ ошибочные взгляды, приводила къ промахамъ; и только горькій опытъ, охлаждающій сердечныя увлеченія, заставлялъ ихъ увидѣть истину; отсюда и польская пословица: «мудръ полякъ послѣ бѣды»; но самый опытъ рѣдко исцѣлялъ поляка; при первомъ случаѣ онъ впадалъ въ новое самообольщеніе. Таже легкомысленная сердечность увлекала поляка незамѣтно къ порокамъ, несправедливостямъ, низостямъ и преступленіямъ; сердечность, располагавшая пановъ къ гостепріимству и веселой жизни, приводила ихъ къ потребности увеличивать свои средства, а не пріучивъ себя думать надъ тѣмъ, чего сердцу хочется, панъ не обращалъ большого вниманія на то, что эти средства доставались ему крайнимъ угнетеніемъ его подданныхъ, захватомъ чужой собственности и даже продажею чести и отечества. Послѣднее, такъ позорившее Польшу передъ концомъ ея существованія, происходило болѣе отъ необдуманности, чѣмъ отъ разсчетливаго презрѣнія къ отечеству. Полякъ, часто готовый на все дурное, изъ корысти, готовъ былъ, по влеченію сердца, безкорыстно раздѣлить свое состояніе съ другими. Панъ, у котораго отъ безалабернаго управленія тысячи крестьянъ доведены были до крайней нищеты, до униженія человѣческаго достоинства, часто въ сущности былъ добродушный человѣкъ, держалъ въ своемъ дворѣ толпу бѣдной шляхты, за-

щищалъ и выводилъ въ люди своихъ кліентовъ, не жалѣлъ для ихъ пользы ни денегъ, ни заботъ. Поляки съ поконъ-вѣка кричали о свободѣ, но свобода у нихъ была только сердечная, а никакъ не разумная; послѣдняя стремится къ тому, чтобы всему обществу было хорошо, чтобы склонности и побужденія каждаго лица подчинялись потребности общаго добра, идеалъ ея,—порядокъ, гармонія; при свободѣ сердечной, неуправляемой умомъ, мало думаютъ, или совсѣмъ не думаютъ о томъ, что́ прямо не соприкасается съ побужденіями сердечной жизни. Человѣкъ, въ сущности добродушный, желаетъ, чтобы было хорошо только тѣмъ, кого онъ часто видитъ и съ которыми дѣлитъ свои сердечныя ощущенія, а до тѣхъ, съ кѣмъ соединяетъ его только идея, ему мало дѣла. Такъ, подчасъ польскому пану, живущему въ Великой Польшѣ, кормившему и одѣвавшему десятки или даже сотни шляхетскихъ семей, которыхъ довольство ему доставляло безкорыстное наслажденіе, мало прилегала къ сердцу судьба соотечественниковъ, терпѣвшихъ разореніе отъ татаръ гдѣ-нибудь на Волыни. Свобода сердечная ищетъ только удовлетворенія частныхъ склонностей и симпатій; идеалъ ея—безпорядокъ, потому что безъ всеуравнивающаго ума, дающаго всему мѣсто и время, размѣръ и границы, невозможно согласить разнообразія личныхъ свойствъ и побужденій. Польша это сознавала и, впродолженіи вѣковъ, не затруднялась говорить открыто, что она существуетъ безпорядкомъ (nierządem Polska stoi). Мы не знаемъ, существовалъ ли другой подобный народъ, который признавалъ бы нормальнымъ состояніемъ общества безпорядокъ. Гдѣ такая свобода, свобода безпорядка, тамъ непремѣнно должна была образоваться крайняя аристократія, неравенство сословій и порабощеніе однихъ другими. Въ Польшѣ такъ и было: сначала, сословіе леховъ или шляхты поработило сословіе кметей или хлоповъ, а потомъ и среди его образовалось неравенство, которое было тѣмъ уродливѣе, что существовало фактически подъ легальнымъ признаніемъ равенства.

Въ глубокой древности, польскіе славяне, какъ и всѣ вообще славяне, не составляли государства, но жили раздѣльными обществами, подъ управленіемъ старѣйшинъ. Зародышъ неравенства существовалъ еще въ тѣ отдаленныя времена; нѣкоторые роды выдвигались изъ ряда другихъ съ бо́льшимъ значеніемъ и силою. Польское государство, точно также, какъ и Моравское, и наше Русское (въ двукратномъ его составленіи въ Новгородѣ и Москвѣ) образовалось вслѣдствіе потребности во взаимной защитѣ составившихъ его частей, и въ отбоѣ отъ натиска иноплеменниковъ. Этими иноплеменниками были нѣмцы,

устремлявшіеся на славянъ со временъ Карла Великаго. Послѣ паденія Моравской державы, явились въ западной славянщинѣ одна за другою Чешская и Польская; обѣ выдерживали борьбу съ нѣмцами; обѣ входили съ ними въ компромиссы, и въ крайности отстаивали свое существованіе признаніемъ надъ собою главенства императоровъ, чѣмъ думали оградить себя отъ совершеннаго покоренія и поглощенія, что̀ случилось съ другими ихъ соплеменниками. Болеславъ Храбрый былъ настоящимъ творцомъ польскаго государства и далъ толчокъ политическому бытію Польши на многіе вѣка. Но внутренней крѣпости въ немъ оказывалось мало съ самаго начала. Элементы разложенія дали о себѣ знать тотчасъ послѣ смерти Болеслава. Лехи не повиновались королевской власти, ссорились между собою и не отдавались на волю государя, а по смерти слабаго Мечислава, сына Болеслава, прогнали его вдову съ малолѣтнымъ сыномъ. Государство распалось. Но тѣ же лехи, желая освободиться отъ королевской власти, желали сами властвовать надъ сословіемъ кметей, земледѣльцевъ, тогда еще лично свободныхъ, но, по условіямъ быта, уже нерѣдко подпадавшихъ подъ насиліе леховъ. Кмети стали отстаивать свои права, поднялись на леховъ; начались безпорядки, междоусобія; къ этой бѣдѣ присоединилось еще и то, что на Польшу напали чехи и венгры. Польшѣ, лишенной государственной цѣлости, приходилось сдѣлаться добычею другихъ. Такія обстоятельства привели леховъ снова къ сознанію необходимости государства; они призвали изгнаннаго наслѣдника прежнихъ государей, Казимира, и разрушенное государство опять сложилось. Казимиръ, одолженный лехамъ своимъ водвореніемъ, всю жизнь долженъ былъ потакать имъ и удерживать подъ ихъ властью кметей: на это преимущественно и былъ онъ призванъ. Сынъ его, отважный Болеславъ Смѣлый, взялъ, напротивъ, сторону кметей, думалъ, опираясь на ихъ громаду, утвердить монархическую власть, но, послѣ многихъ промаховъ, принужденъ былъ бѣжать изъ отечества. Братъ его и преемникъ, Владиславъ-Германъ, долженъ былъ дѣлать все по волѣ леховъ и духовенства, надѣленнаго имѣніями и потому, по единству интересовъ, державшагося за одно съ лехами. Также поступалъ и сынъ его, Болеславъ Кривоустый. Передъ смертью своею, въ 1139 году, онъ раздѣлилъ государство между сыновьями и открылъ періодъ удѣльнаго раздробленія; въ этотъ періодъ значеніе леховъ возвысилось. Княжества образовывались и дробились; князья Пястова дома истощались въ безпрерывныхъ дракахъ между собою; каждый въ своемъ княжествѣ нуждался въ помощи богатыхъ и высокород-

ныхъ леховъ, и поэтому они всѣ давали своимъ лехамъ привилегіи, усиливавшія это сословіе. Такимъ образомъ, они освобождали ихъ отъ установленныхъ прежде даней, подворныхъ, мостовыхъ, торговыхъ и пр., отъ участія въ постройкѣ городовъ и военныхъ становъ, отъ военной службы, если она не отправлялась внутри края, наконецъ, отъ суда своего и своихъ намѣстниковъ. Тутъ-то положенъ былъ легальный фундаментъ той шляхетской вольности, которою, впослѣдствіи, всегда такъ дорожили поляки. Безурядица, разбои, своеволіе господствовали въ странѣ непрерывно два вѣка. При крайней слабости центральнаго главенства въ Краковѣ, не выработавши себѣ прочныхъ федеративныхъ формъ, которыя связывали бы раздѣльныя части между собою, растрепанная Польша только потому не досталась чужимъ, что нѣмецкіе императоры были отвлечены въ другую сторону, а Русь сама истощалась въ усобицахъ и покорена была татарами, однимъ словомъ, оттого, что у Польши въ тѣ времена не было сосѣдей, которымъ было бы удобно овладѣть ею. Тогда нѣмецкая стихія начала всасываться въ Польшу инымъ способомъ. Въ опустѣлые отъ междоусобій города польскіе князья начали накликать нѣмцевъ, и давали имъ право пользоваться устройствомъ, управленіемъ и законами, принесенными изъ нѣметчины, не подчиняться законамъ края, и за апелляціею въ своихъ дѣлахъ относиться за предѣлы Польши въ Галле и Магдебургъ. Этимъ положено начало тому строю городовъ, который до послѣднихъ временъ назывался магдебургскимъ правомъ, или просто Магдебургіею. Такимъ образомъ, пришельцы-нѣмцы, живя въ Польшѣ, составляли какъ бы малыя республики, чуждыя славянскому населенію страны, какъ по языку, такъ и по нравамъ и обычаямъ. Это естественно разрывало внутреннее единство народа. Люди, занимавшіеся въ Польшѣ торговлей и ремеслами, тѣмъ, что̀ составляетъ душу обыденной жизни, были люди другого происхожденія и языка, тянули не къ Польшѣ, а внѣ Польши; у шляхты же образовалось такое понятіе, что торговля и ремесло—занятіе вовсе не идущее къ поляку и унижающее шляхетское достоинство; что-же касается до простого народа, то нѣмцы всячески не допускали его до выгодныхъ занятій ремеслами и торговлей, и черезъ то способствовали его большему упадку, обнищанію и порабощенію. Это-то призваніе нѣмцевъ содѣйствовало онѣмеченію Силезіи и отпаденію ея отъ Польши. Внѣдреніе нѣмцевъ въ города рѣзко свидѣтельствуетъ о свойствѣ польской натуры дѣйствовать по сердцу, не справляясь съ разсудкомъ, и не разсчитывая на будущее. Еще бо̀льшихъ бѣдствій надѣлалъ въ этомъ отношеніи

Конрадъ III, мазовецкій князь, призвавшій, для борьбы съ язычниками пруссами, нѣмецкихъ рыцарей крестоносцевъ. Онъ подарилъ имъ польскія земли, загородилъ на будущія времена для Польши море и, главное, привилъ къ Польшѣ чужеядное растеніе, которое современемъ, разросшись, вытянуло изъ нея кровь и соки.

Въ началѣ XIV вѣка, Владиславъ Локетекъ соединилъ Малую и Великую Польшу подъ своимъ правленіемъ и короновался королемъ. Мазовія состояла подъ управленіемъ своихъ князей. Силезія была раздѣлена на мелкія владѣнія и уже признавала главенство чешской короны: сынъ Владислава, Казимиръ Великій, занимаясь внутреннимъ устроеніемъ перешедшаго отъ отца къ нему государства, долженъ былъ пожертвовать этой землею искони польскою, и уступилъ ее навсегда чешскому королю. На другомъ концѣ онъ уступилъ крестоносцамъ Поморье и земли Хелминскую и Михаловскую. То былъ, можно сказать, первый раздѣлъ Польши за много вѣковъ до того, который произошелъ въ XVIII столѣтіи, и притомъ раздѣлъ не завоеванныхъ Польшею, а коренныхъ польскихъ земель, заселенныхъ испоконъ вѣка польско-славянскимъ племенемъ. Непрочность политическаго зданія Польши стала оказываться ясно, когда отъ него такъ легко отпадали составныя части. Оно было близко даже и къ тому, чтобы подпасть подъ власть чужихъ всецѣло. Уже при жизни Казимира, короли венгерскій и чешскій составляли между собою планы овладѣть Польшею и раздѣлить ее; уже въ тѣ времена, какъ бывало впослѣдствіи, въ ожиданіи кончины бездѣтнаго короля, являлись разные кандидаты, заискивавшіе престолъ посредствомъ составленія партій; уже и тогда, какъ бывало въ послѣднія времена, польскіе вельможи получали пенсіоны отъ иностранныхъ государей. Такъ, Спытекъ и канцлеръ Сбигневъ получали ихъ отъ венгерскаго короля, и такого рода путемъ обязанъ былъ Людовикъ короною послѣ Казимира. Какъ не узнать здѣсь, въ XIV столѣтіи, той Польши, какую мы знаемъ въ XVII и XVIII-мъ.

Участіе леховъ въ правленіи въ удѣльныя времена выражалось мѣстными вѣчами. Со временъ соединенія удѣловъ, и вѣча соединялись въ одинъ сеймъ. Первое такое общее собраніе мы встрѣчаемъ при Владиславѣ Локеткѣ въ 1331 году. Казимиръ созывалъ шляхту въ Вислицу, гдѣ были учреждены земскіе суды, введена администрація, заложены такія формы, которыя, впослѣдствіи, оставались надолго непоколебимыми въ главныхъ чертахъ. Казимиръ обобщилъ и распространилъ на все сословіе леховъ или шляхты тѣ привилегіи, которыя въ удѣльныя времена отъ разныхъ князей получали знатные вель-

можи изъ леховъ. Ему нужно было содѣйствіе шляхты, чтобы сдѣлать послѣ себя преемникомъ своего племянника. За шляхетствомъ, въ которомъ помѣщался классъ землевладѣльцевъ, слѣдовали кмети. Судьба ихъ во времена удѣловъ подвергалась коловороту обстоятельствъ. Нѣкогда они были собственниками земель, на которыхъ жили, а впослѣдствіи или разнымъ способомъ потеряли свои земли и жили на шляхетскихъ земляхъ на условіяхъ, или же съ своими землями подчинены стали шляхтѣ. Въ удѣльныя времена не достигли они совершеннаго порабощенія. Кмети, хотя и часто подвергались произволу владѣльцевъ, но часто и убѣгали отъ нихъ къ другимъ владѣльцамъ изъ одного княжества въ другое. Съ объединеніемъ Польши такіе побѣги стали затруднительнѣе, и кмети подпали бóльшей зависимости. Казимиръ Великій прикрѣпилъ ихъ къ землѣ владѣльцевъ съ нѣкоторыми исключеніями изъ общаго правила. Дозволялось изъ одной деревни выходить только одному и никакъ не болѣе двухъ. Сверхъ того кмети могли уходить отъ своего владѣльца въ такомъ случаѣ, когда послѣдній находился подъ церковною клятвою, но это установлено только потому, что тогда кметь, живя у владѣльца, въ случаѣ смерти, лишался христіанскаго погребенія, такъ какъ въ имѣніяхъ пораженнаго церковною клятвою прекращалось богослуженіе: это была уступка церкви, когда права мірскія сталкивались съ церковными. Другой случай, когда кметы могли оставлять владѣльца, былъ тотъ, когда владѣлецъ насиловалъ ихъ женъ и дѣвицъ. И здѣсь уступка церкви, которая заботилась о правильности семейныхъ связей. Былъ еще третій случай — кметь могъ убѣгать по жестокости господина, лишавшаго его средствъ къ пропитанію, но этотъ законъ находилъ себѣ противовѣсъ въ другомъ, по которому кметь, страшась возвратиться къ жестокому господину (si propter austeritatem seu rancunem domini sui redire timens), все-таки платилъ ему три гривны пени и годовой чиншъ. Такимъ образомъ, выходило, что если господинъ оберетъ кметя, то кметь можетъ отъ него освободиться, заплативъ ему, но какъ же кметь можетъ откупиться, когда его уже прежде оберутъ? Въ другомъ мѣстѣ того же законодательства говорится, что кметь не иначе могъ покидать своего господина, какъ оставивъ ему все свое имущество: а это большею частію должно было равняться запрещенію. Притомъ же кметь могъ пользоваться этими правами тамъ, гдѣ дѣйствовало польское право, а кромѣ польскаго, многіе владѣльцы ввели у себя право нѣмецкое, и послѣднее крѣпче польскаго держало кметя во власти владѣльца. При Казимирѣ же постановлено, чтобы тамъ, гдѣ введено было нѣмецкое право, руко-

водствовались имъ, такъ какъ и польскимъ, тамъ, гдѣ послѣднее оставалось въ силѣ. Въ тѣ времена шляхта ссылалась на нѣмецкое право, когда ей то было выгодно, а при случаѣ обращалась къ польскому, хотя законъ и требовалъ избрать одно какое-нибудь. Замѣтимъ, что замашки сильныхъ земли обходить законъ и криво толковать его въ свою пользу находили достойный примѣръ въ самомъ великомъ законодателѣ Польши. Этотъ король, большой женолюбецъ, соблазнилъ одну чехиню (Рокицану) и, чтобъ обмануть ее, устроилъ фальшивый бракъ; подкупленный священникъ совершилъ обрядъ неправильно, и король со спокойною совѣстію покинулъ ее, когда она ему надоѣла. Этотъ поступокъ польскаго землестроителя очень многознаменателенъ. Въ угоду другой любовницѣ, іудеянкѣ Эсѳири, онъ надавалъ льготъ іудеямъ и прежде внѣдрявшимся въ страну. Этотъ народъ, еще менѣе чѣмъ нѣмцы, могъ слиться съ туземцами, и всегда оставался въ Польшѣ особою корпораціею, захвативъ въ свои руки торговлю и промыслы, не давая хода природнымъ жителямъ, подмѣчая слабыя стороны общества и всячески обращая ихъ въ свою пользу. Вообще въ государственной организаціи, устроенной Казимиромъ, мы мало видимъ здоровыхъ началъ; напротивъ, Казимиръ потакалъ тому, что̀, впослѣдствіи, составляло вредныя и дурныя ея стороны: возвышенію шляхты, порабощенію кметей, отдачѣ въ руки чужеплеменниковъ экономическихъ силъ края и легкому обращенію съ закономъ.

При Людовикѣ Венгерскомъ королевская власть пошатнулась. Шляхетскому произволу расширилась дорога. Чтобъ побудить шляхту признать наслѣдницею въ Польшѣ одну изъ дочерей своихъ, онъ Кошицкимъ договоромъ уволилъ шляхту отъ податей, отъ службы и повинностей, кромѣ платежа двухъ серебрянныхъ грошей съ каждаго лана земли и всеобщаго ополченія въ случаѣ вторженія непріятеля войною въ страну; если же потребуется вести военную силу шляхты за границу, то король обязывался вознаграждать шляхтѣ убытки, понесенные отъ такого похода. Королю, кромѣ двухъ грошей, оставались для доходовъ *столовыя* имѣнія. Собственно привилегія, данная Людовикомъ, не составляла новости; главныя черты льготъ существовали еще во времена удѣловъ для знатныхъ леховъ или пановъ; Казимиръ ихъ распространилъ на все сословіе леховъ или шляхты, а Людовикъ ихъ подтвердилъ, уяснилъ и расширилъ.

Равенство шляхетскаго сословія тогда уже подрывалось силою богатыхъ и знатныхъ вельможъ. При Людовикѣ, а еще болѣе въ послѣдовавшее за нимъ безкоролевіе, знатные роды вели между собою распри, а низшая шляхта служила имъ и за нихъ дра-

лась между собою. Чрезъ бракосочетаніе великаго князя литовскаго Ягелла съ польскою королевою Ядвигою, великое княжество Литовское, съ вошедшими въ его составъ русскими землями, очутилось подъ однимъ коронованнымъ главою съ Польшею и, такимъ образомъ, явилось въ Европѣ пространнѣйшее государство; за уступкою Казиміромъ Силезіи и Поморья, теперь польскій король сталъ владѣтелемъ пространства на востокъ до Угры и Сулы, а на югъ до Чернаго моря. Мало было сплоченія въ этомъ государствѣ. Литва управлялась отдѣльно королевскими родственниками въ качествѣ намѣстниковъ. Добродушный, но недалекій по уму, Ягелло не устроилъ порядка, а скорѣе расшаталъ его. Въ 1413 году онъ, по желанію поляковъ, распространилъ права польскаго шляхетства на Литву, но не иначе какъ на ту часть, которая приняла римско-католическую вѣру — на православныхъ русскихъ это не простиралось. Такимъ образомъ, онъ расширилъ стихію своевольства, лежавшую въ этихъ правахъ, и лишивши послѣдователей одной вѣры того, что далъ послѣдователямъ другой, возбудилъ между ними рознь и вражду. По смерти Ядвиги онъ удержался на польскомъ престолѣ единственно угодничествомъ шляхтѣ и допущеніемъ всякаго произвола. Въ концѣ царствованія (1431 г.) онъ подтвердилъ все, что уступлено было шляхтѣ Казиміромъ и Людовикомъ, еще къ тому и расширилъ ея права: онъ обязался никого не арестовать безъ суда, далъ обѣщаніе не бить монеты безъ согласія шляхты и ничего вообще не предпринимать безъ совѣщанія съ нею. Во внѣшнихъ дѣлахъ при Ягеллѣ проявилось характерное качество поляковъ начинать и недоканчивать, успѣвать, но не пользоваться въ пору успѣхами и пропускать удобное время. Въ 1410 г., поляки разбили на-голову крестоносцевъ, пущенныхъ неблагоразумными предками на свою землю, заклятыхъ враговъ своихъ, а потомъ помирились съ ними и даже не отобрали своихъ исконныхъ земель.

Ягелло умеръ, и, по поводу преемничества, возникли смуты и междоусобія, не смотря на то, что сынъ его, Владиславъ, еще при жизни родителя, признанъ его наслѣдникомъ. Громада шляхты шла за знатными фамиліями: Леливчиками, Ястржембцами, Налэнчами и пр. Другъ на друга нападали, другъ у друга грабили и сожигали имущества; къ этому присоединилась религіозная смута; одни были противъ короля, другіе за короля, и составили конфедерацію, то есть сотворили въ государствѣ государство. Это явленіе, чрезвычайно разъѣдавшее Польшу въ послѣдующія времена, было и тогда уже не чуждо ей; и въ этомъ отношеніи Польша XV в. походила на Польшу XVII и XVIII. Съ помощію конфедераціи, король утвердился. Онъ умножилъ и расширилъ

шляхетское сословіе, распространивъ его привилегіи на Южную Русь, чтобъ привязать ее къ Польшѣ.

Въ Литовскомъ великомъ княжествѣ также были раздѣленіе и смуты. По покореніи русской земли языческими князьями, побѣдители раздавали покоренныя земли и города своей роднѣ и своимъ боярамъ, природнымъ литовцамъ, которые водворялись въ назначенныхъ мѣстахъ съ дружинами и держали въ порабощеніи русскихъ. Древніе русскіе княжескіе и боярскіе роды, подъ гнетомъ побѣдителей, теряли свою силу и значеніе. Литовскіе князьки, замѣнившіе русскихъ, сидя въ русскихъ городахъ, зависѣли отъ великаго князя, своего верховника. Такимъ образомъ, возникла на Руси новая родовитость, родъ феодаловъ, налегавшихъ на порабощенную Русь. Правда, уцѣлѣло нѣсколько и русскихъ княжескихъ родовъ, сохранившихъ свои владѣнія посредствомъ покорности и связей, но они видимо уже занимали второстепенное значеніе въ сравненіи съ литовскими. Однако Литва и Русь не могли долго оставаться враждебными сторонами, потому что литовцы, по слабости собственныхъ гражданственныхъ началъ, соприкасаясь съ русскими, принимали ихъ языкъ, народность и вѣру. Безъ сомнѣнія, еще полвѣка, и литовскіе князья, разселенные по Руси, забыли бы о своемъ происхожденіи, какъ забыла о своемъ та Русь, которая въ IX вѣкѣ пришла въ Новгородъ и Кіевъ съ поморья варяжскаго. Но крещеніе Ягелла въ римско-католическую вѣру, а за нимъ крещеніе въ ту же вѣру остававшихся въ язычествѣ и переходъ отъ греческой къ римской не твердыхъ новичковъ христіанства, произвели двѣ партіи — литовскую и русскую. Къ первой принадлежали принявшіе католичество, ко второй—православные. Послѣдніе, отвращались отъ соединенія съ Польшею; первые хотя также хотѣли удержать автономію Литвы, но, по единству вѣры, наклонялись къ болѣе или менѣе тѣсной связи съ Польшею. При Ягеллѣ, управлявшій Литвою двоюродный братъ его, Витовтъ, хотя и соблазнялся предложеніями короны отъ императора, но колебался и не рѣшался посягнуть на ущербъ достоинства Ягелла и Польши, тогда какъ родной братъ Ягелла, Свидригелло, православной вѣры, открыто и смѣло поднялъ оружіе противъ соединенія съ Польшею. При сынѣ Ягелла, преемникъ Витовта Сигизмундъ, католикъ, призналъ польскаго короля государемъ Литвы и былъ убитъ православнымъ княземъ Чарторыскимъ. По смерти Сигизмунда, въ Литвѣ посаженъ былъ отдѣльно княземъ сынъ Ягелла, Казимиръ, а когда польскій король Владиславъ палъ въ бою противъ турокъ (1444 г.), то поляки пригласили на престолъ Казимира. Литовцы не хотѣли пускать его и пустили не иначе, какъ съ

условіемъ, чтобъ Польша возвратила Литвѣ Волынь и Подоль (присоединенныя къ Польшѣ при Ягеллѣ наравнѣ съ Червонною Русью, захваченною еще Казиміромъ Великимъ). Семь лѣтъ Казимиръ Ягеллоновичъ уклонялся отъ присяги на соблюденіе правъ шляхетскихъ, вопервыхъ оттого, что въ этой присягѣ было обѣщаніе охранять за Польшею земли, которыя она считала своимъ достояніемъ, слѣдовательно Волынь и Подоль; во-вторыхъ оттого, что онъ, какъ государь литовскій, пользовался большею властью, чѣмъ польскій король; но послѣ семилѣтняго упрямства, онъ, наконецъ, присягнулъ, подтвердилъ всѣ права и вольности шляхетства, и далъ обѣщаніе сохранять всѣ владѣнія Польши и расширять ихъ. Православная Русь и обрусѣвшая Литва не очень любили Казимира, католика, угодника поляковъ; они не имѣли расположенія быть въ связи не только съ Польшею, но и съ Литвою, и стали обращаться къ Москвѣ, которая вслѣдъ затѣмъ и начала заявлять права̀ на главенство надъ всею Русью. Отъ этого Литва, получившая отъ Польши римско-католическую вѣру, хотя все еще не переставала думать объ автономіи, но стала болѣе склоняться къ Польшѣ, по мѣрѣ того, какъ начала опасаться, чтобъ Русь православная не отдалась Москвѣ.

Со времени Казимира Ягеллоновича въ Польшѣ начались правильные постоянные сеймы или шляхетскія собранія, отправлявшіяся въ разныхъ мѣстахъ. Владѣльцы сдѣлались полными государями въ своихъ имѣніяхъ, присвоили себѣ право судить своихъ подданныхъ, отнюдь не допускали короля вмѣшиваться въ свое управленіе. Шляхетство стало ревниво за свои привилегіи и подозрительно къ королю, боялось, чтобы король, какъ-нибудь, не нашелъ средствъ и силы ограничить его: семилѣтнее упрямство Казимира и нежеланіе подтвердить шляхетскія права подавали поводъ этимъ опасеніямъ. Боязнь, чтобъ король не забралъ въ свои руки военныхъ силъ, и съ помощью ихъ не ослабилъ шляхетской вольности, не допускала шляхту рѣшаться на выгодныя внѣшнія предпріятія, къ которымъ сама судьба призывала Польшу: черта, обычная въ польской исторіи до конца польскаго государства. Оттого внѣшнія событія Казимирова царствованія дали много шуму и блеска, но менѣе успѣховъ для будущаго, чѣмъ сколько можно было ожидать. Пруссія, недовольная правленіемъ крестоносцевъ, отдавалась польскому королю: слѣдствіемъ этого была многолѣтняя война. Король долженъ былъ вести ее на свой счетъ; польское шляхетство мало помогало ему своими средствами, Литва вовсе не помогала. Война, однако, кончилась къ пользѣ поляковъ, но съ страшнымъ опустошеніемъ Пруссіи, происшедшимъ оттого, что шляхта оказывала мало содѣйствія. Польша

возвратила утраченныя земли (Хелминскую, Михаловскую и Варминскую). Орденъ призналъ себя въ ленной зависимости отъ Польши, но сохранилъ свое существованіе. Сосѣди искали союза и единенія съ Польшею. Чехи, по смерти короля своего Юрія Подѣбрада и венгры по смерти Матѳея Корвина, избрали на престолы свои Казимирова сына, но изъ этого не вышло для Польши ничего. Новгородъ отдавался Казимиру, и поляки не съумѣли воспользоваться этимъ. Открытіе для Польши теченія Вислы и ея устья оживило торговлю съ ганзеатическими городами: въ край притекали произведенія европейской промышленности; усилился сбытъ туземныхъ произведеній; вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилась и умственная жизнь; основана была краковская академія, а за нею школы; началась литература, распространилось знаніе латинскаго языка и современныхъ наукъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, широкія права шляхетства ослабляли королевскую власть, а съ нею благоустройство и порядокъ, развивали своеволіе и политическую безнравственность; богатые польскіе и литовскіе паны играли изъ себя независимыхъ корольковъ; шляхта не давала средствъ на истинныя нужды отечества, слушала и угождала не главѣ государства, а своевольнымъ вельможамъ, кричала о свободѣ, а лакействовала передъ богатыми; сильные не смотрѣли на законъ, въ своихъ спорахъ позволяли себѣ самоуправство, нападали другъ на друга, не обращая вниманія на то, что отъ этого терпѣли невинные жители; по всей странѣ размножились разбойники; въ судопроизводствѣ была путаница и кривосудіе. Этому способствовало то, что въ разныхъ мѣстахъ дѣйствовали различныя права. У однихъ нѣмцевъ магдебургское, у другихъ иное, нѣмецкое же, у русскихъ русское, у мазуровъ мазовецкое. Со временъ Казимира начинаются непрестанныя жалобы на обиліе своевольныхъ людей въ Польшѣ и Литвѣ; противъ нихъ писались законы, но своеволіе не прекращалось. Самое ближайшее знакомство съ Западомъ посредствомъ торговли, развивая въ шляхетскомъ сословіи благосостояніе, вызывало роскошь, порождало мотовство, а затѣмъ, для увеличенія средствъ къ лучшей жизни, и отягощеніе подданныхъ.

При наслѣдникѣ Казимира, Янѣ-Альбрехтѣ, узаконено большее порабощеніе кметей, или хлоповъ. Въ 1496 г., запрещено имъ покидать свое мѣсто жительства и выходить изъ-подъ зависимости отъ владѣльца, исключая одного изъ каждаго села въ годъ. Законъ дозволялъ, однако, одному изъ сыновей кметя увольняться въ ученіе по волѣ пана, а такъ какъ и безъ того судьба хлоповъ была въ волѣ пана, то само собою разумѣется, что это не была привилегія для народа. Подтверждалось, чтобъ хлопъ находился

подъ доминіальнымъ судомъ, иными словами, чтобъ честь, жизнь и имущество находились подъ произволомъ пана. Лицамъ не только хлопскаго, но и мѣщанскаго званія воспрещено владѣть земскими имѣніями. Такимъ образомъ, всѣхъ, непринадлежащихъ къ шляхетскому сословію, стали считать безземельными. До тѣхъ поръ кметь, хоть и обязанъ былъ работою за землю, которую обработывалъ для себя, и на которой жилъ, но, по обычаямъ, она переходила въ его родѣ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Съ этихъ поръ древній обычай не могъ болѣе стѣснять пана, если онъ захочетъ перевести хлопа съ одного грунта на другой, или даже лишить его грунта вовсе. Убѣжавшій и пойманный хлопъ не отвѣчалъ уже предъ судомъ за себя, а отвѣчалъ за него тотъ, кто его передерживалъ. Въ этомъ случаѣ кметь какъ будто переставалъ быть человѣкомъ, а становился наравнѣ съ безсловеснымъ животнымъ, или даже бездушною вещью. Также по всякой жалобѣ на кметя отвѣчалъ не самъ кметь, а его господинъ за него.

Царствованіе двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ (Сигизмунда I и Сигизмунда-Августа) представляется у поляковъ золотымъ вѣкомъ. Тогда было много наружнаго блеску. Тогда у поляковъ были свои поэты, ученые; Польша произвела величайшаго двигателя научной истины, Коперника. Но въ это же время предразсудки шляхетской породы дошли до крайнихъ предѣловъ и хлопы впали еще въ тягостнѣйшую неволю. Правда, Сигизмундъ I лично былъ человѣкъ добраго сердца, старался облегчить участь хлоповъ, и назначилъ даже количество обязательныхъ дней для работъ на пановъ, но шляхта имѣла слишкомъ много правъ, чтобъ связывать себя постановленіями. Самъ Сигизмундъ I не только не ограничивалъ правъ шляхетства, но подтвердилъ все прежнее. Панскіе подданные были изъяты отъ покровительства короля, наравнѣ также съ панскими плѣнниками и съ тѣми вольными людьми, которые женились на рабыняхъ и поэтому дѣлались рабами. Въ Литвѣ и Руси состояніе хлоповъ было тяжелѣе, чѣмъ въ Польшѣ. По литовскому статуту шляхтичъ, убившій чужого хлопа или даже вольнаго человѣка, но не шляхетскаго званія, наказывался единственно платежемъ головщины. Въ Литвѣ еще болѣе, чѣмъ въ Польшѣ, возвысились знатные роды и подавляли своимъ величіемъ убогую шляхту. Легальное равенство между всѣми, принадлежавшими къ шляхетскому званію, естественно, не могло удержаться на дѣлѣ: не могло быть равныхъ отношеній между паномъ, получающимъ двадцать-сорокъ тысячъ червонцевъ въ годъ дохода и убогимъ владѣтелемъ какихъ-нибудь двухъ волокъ. Въ Литвѣ не было еще сеймовъ при Сигизмун-

дѣ I, и сенаторы не считали за шляхтою право соучастія въ правленіи, а потому и смотрѣли на нее какъ на классъ ниже себя. Хотя въ Польшѣ были сеймы, но сенаторы, происходя изъ знатнѣйшихъ фамилій, обращались съ послами отъ шляхетства, какъ съ своими прислужниками, тѣмъ болѣе, что послы отъ шляхетства, будучи относительно не богаты, по пріѣздѣ на сеймъ, принимали пособія отъ короля или отъ пановъ, и такимъ образомъ уже въ тѣ времена, какъ и впослѣдствіи, послы говорили и дѣйствовали не по собственному убѣжденію, а по волѣ тѣхъ, которые ихъ содержали или платили имъ. Духъ подобострастія, угодничества, продажничества и вмѣстѣ буйства, неповиновенія закону, былъ отличительнымъ свойствомъ тогдашняго шляхетства. Уже тогда срывались сеймы, и довольно часто. Такъ въ 1533, 1537, 1540, 1544 и 1548 годахъ, сеймы разошлись не окончивши своихъ дѣлъ. Явленіе такъ частое въ XVII и въ XVIII в. происходило и въ XVI. Чтобъ провести на сеймѣ какое-нибудь постановленіе, король долженъ былъ склонять пановъ обѣщаніями, лестію, подарками; съ своей стороны паны, если имъ нужно было провести какой-нибудь законъ, подкупали пословъ. Между владѣльцами то и дѣло происходили наѣзды; сосѣдъ разорялъ сосѣда, убивалъ его подданныхъ наравнѣ со скотомъ. Въ такихъ наѣздахъ за знатныхъ пановъ работала шляхта, состоявшая у нихъ на угощеніяхъ и платѣ. Въ судахъ было безчисленное множество процессовъ о такихъ насиліяхъ, но знатные паны не очень боялись суда, и даже сейма. Такъ одинъ панъ, по прозванію Русецкій, обвиняемый за буйства и убійства, прибылъ на сеймъ съ громадою подкупленной шляхты и требовалъ прекращенія процесса надъ собою, и когда король настаивалъ на правосудіи, онъ себѣ уѣхалъ прочь, и не видно, чтобъ его потомъ преслѣдовали. Процессы были обложены большими пошлинами: иногда выигравшій дѣло объ имуществѣ долженъ былъ платить пошлинъ больше, чѣмъ стоилъ искъ, а потому и удобнѣе было управляться самому, когда достанетъ силы. Угождая панамъ и служа имъ изъ выгодъ, шляхта часто поднималась противъ нихъ и противъ короля. Всякъ поставлялъ себѣ цѣлію быть независимымъ и не хотѣлъ ощущать на себѣ какого-нибудь давленія, и потому, кто только могъ, тотъ и буйствовалъ, и ничего не могло быть легче какъ собрать шумный скопъ недовольныхъ. Но смятенія также легко утишались, какъ возбуждались. Королева Бона, большая интриганка, составила около себя партію: дѣлались большія злоупотребленія, установлялись неправильные поборы, продавались должности. Вспыхнуло неудовольствіе. Нѣсколько тысячъ шляхты собралось подъ Львовомъ; шумѣли, кричали, гро-

зили и, удовлетворенные фразами и обѣщаніями, разошлись, ничего не сдѣлавши. Сборъ этотъ остался въ исторіи подъ названіемъ «Куриной войны». Эта эпоха замѣчательна и тѣмъ, что отсюда начинается упадокъ правъ городовъ. До тѣхъ поръ города имѣли право посылать на сеймъ своихъ представителей; но такъ какъ городскіе послы являлись туда въ небольшомъ количествѣ и не могли ничего подѣлать противъ большинства шляхетскихъ пословъ, да притомъ шляхта смотрѣла на нихъ съ презрѣніемъ, то города сами перестали посылать своихъ представителей, и такимъ образомъ, лишались своихъ правъ: впослѣдствіи, уже нельзя было возстановить ихъ. Съ Сигизмунда I, стали отдаваться города подъ надзоръ старостъ — пановъ, получившихъ отъ короля въ пожизненное владѣніе королевскія имѣнія; — въ городахъ существовали выборныя должности: войтъ, райцы и лавники, но въ эти должности выбирались обыкновенно такія лица, какія были угодны старостамъ; магдебургское право не только не отнималось, но еще и вновь раздавалось, однако не защищало города отъ произвола вельможъ и нерѣдко служило къ отягощенію мѣщанъ: нужны старостѣ поборы, выборное правленіе города наложитъ ихъ, по волѣ старосты. Въ Польшѣ тогда уже не было другой системы кромѣ безпорядка. Король подъ-часъ могъ поступать деспотически, сенаторы и его любимцы могли подкупить и направить сеймъ, какъ имъ угодно. Такъ любимецъ Боны, Кмита, стращалъ купцовъ-христіанъ въ городахъ, что онъ подговоритъ на сеймѣ пословъ, чтобъ расширить торговыя права іудеевъ, а послѣднихъ стращалъ тѣмъ, что за ихъ лихоимство и обманы онъ подговоритъ сеймъ лишить ихъ торговыхъ привилегій: и тѣхъ и другихъ держалъ онъ въ страхѣ угрозами направить сеймъ по своимъ видамъ къ ихъ ущербу. Въ другихъ случаяхъ, королемъ играли какъ пѣшкою: такъ Сигизмунду I не дозволяли принять въ соправители сына, а потомъ ставили ему на видъ, что онъ старъ, и требовали, чтобъ онъ передалъ сыну правленіе. Подъ-часъ и сеймовые послы были въ разладѣ съ страною, которой служили представителями. Предъ собраніемъ сейма они получали на сеймикахъ инструкціи, какъ имъ дѣйствовать, а по окончаніи сейма должны были отдавать отчетъ на сеймикахъ, которые назывались въ такомъ случаѣ реляційными, но бывало иногда, что сеймики не одобряли установленнаго послами. Такъ, въ 1540 г., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шляхетство не хотѣло признавать опредѣленій, состоявшихся на сеймѣ.

Царствованіе Сигизмунда-Августа было періодомъ блистательныхъ явленій польской безладицы. Съ самаго начала отъ короля потребовали развода съ женою Варварою изъ дома Радзивил-

ловъ; мать короля, Бона, строила козни противъ невѣстки, а поляки были ея игрушкою. Сигизмундъ-Августъ не поддавался и настоялъ на своемъ; здѣсь поляки очень рѣзко показали свойство своего національнаго характера: сперва горячились, потомъ уступили, и тѣ, которые громче другихъ кричали противъ королевы, потомъ нижайше кланялись ей и заискивали милостей. Однако, королева Варвара не долго прожила послѣ такой передряги, и послѣ ея смерти поляки чуть не покланялись ея памяти. Вообще, замѣтно, что чѣмъ больше утверждалось и узаконялось политическое всемогущество шляхты, тѣмъ она дѣлалась слабѣе: ее можно было водить за носъ; запросивши многаго, она отступалась отъ всего, переходила отъ одной крайности въ другую, отъ заносчивости къ покорности, отъ злобы къ податливости; чѣмъ больше полякъ получалъ свободы, тѣмъ ближе былъ къ тому, чтобы лишиться ея, хотя никакъ не воображалъ, что онъ ея лишается.

Такъ сдѣлалось въ этотъ вѣкъ со свободою совѣсти. Польша пріобрѣла ее въ самомъ широкомъ размѣрѣ и скоро утратила. При Сигизмундѣ I религіозныя нововведенія считались неодобрительными, хотя и не преслѣдовались съ большимъ рвеніемъ; въ Польшѣ существовала инквизиція, сперва въ рукахъ монаховъ, а потомъ, съ 1542 г., въ рукахъ епископовъ. Этой инквизиціи сходило съ рукъ, когда она сжарила двухъ-трехъ незнатныхъ особъ: мѣщанина, продававшаго жиду святые дары, да старую мѣщанку, въ которой отыскали какое-то неправовѣріе въ божество Іисуса Христа. Но шляхетство иначе отнеслось къ этому учрежденію, когда оно стало призывать къ суду людей шляхетскаго званія. Сеймовые послы на воеводскихъ сеймикахъ получили инструкціи стараться объ отмѣнѣ инквизиціи и, послѣ многихъ споровъ на сеймѣ 1552 году, она была временно упразднена, а черезъ десять лѣтъ, въ 1562 году, уничтожена и по имени. Польша стояла открытою для всякихъ вѣроученій и ересей. Самъ Сигизмундъ-Августъ и примасъ польскаго духовенства Уханскій, готовы были отступить отъ папизма и наклонялись къ восточному православію, хотя и не сознавали этого вполнѣ. Сигизмундъ-Августъ отнесся къ апостольской столицѣ съ такими смѣлыми требованіями: чтобъ обѣдня отправлялась не по-латыни, а на живомъ языкѣ, чтобы причащеніе было подъ двумя видами, чтобы въ санъ священника поставляли и женатыхъ, чтобы аннаты, платимые римскому двору, были уничтожены и чтобы былъ учрежденъ въ Польшѣ національный синодъ. Папа Павелъ IV (Караффа) отправилъ въ Польшу легата Липомана укрѣплять короля и поляковъ въ вѣрѣ и убѣждалъ дождаться рѣшенія все-

ленскаго собора, который долженъ былъ умиротворить волнуемую церковь. Король рѣшился дожидаться. Соборъ, на который надѣялись, былъ Тридентскій, какъ извѣстно, освятившій и подтвердившій всѣ папскія притязанія и перемѣны, сдѣланныя папами въ церкви. Въ Польшу былъ отправленъ легатъ Коммендони съ опредѣленіями собора. Примасъ Уханскій готовъ былъ объявить борьбу папѣ, надѣясь сдѣлаться самъ патріархомъ національной церкви. Но Сигизмундъ-Августъ показалъ свою слабую натуру. Оттого ли, что онъ, какъ думаютъ, желалъ развестись съ женою и надѣялся получить отъ папы диспенсъ, или отъ страха совѣсти передъ отеческими преданіями, онъ забылъ свои прежнія требованія, призналъ все, чего хотѣлъ папа. Примасъ также долженъ былъ уступить, тѣмъ болѣе, что епископы не намѣрены были его поддерживать. Впослѣдствіи, самъ примасъ Уханскій не только отрекся отъ своихъ затѣй, но сдѣлался вѣрнѣйшимъ слугой папизма. Съ тѣхъ поръ (1564), хотя въ Польшѣ и Литвѣ оставалась свобода совѣсти, но она уже не могла привиться ни къ чему прочному. Реформаторское движеніе Европы коснулось Польши легко, поверхностно, не входя въ умы, скользя по чувству людей высшаго класса, щекотало его своенравіе и не пускало никакихъ корней въ народной жизни. Была мода на вольнодумство: поляки поддались ей; шляхта бросалась въ кальвинство, лютеранство, аріанство, какъ будто играя своею свободою; явились іезуиты — и шляхта также легко, поверхностно, необдуманно, бросилась въ ихъ объятія и завязла прекрѣпко.

Сигизмундъ-Августъ болѣе всѣхъ Ягеллоновъ усвоилъ польскую національность и ввелъ въ Литву всѣ польскія учрежденія, какихъ тамъ не доставало. Устроивъ правильный сеймъ и такіе суды, какіе были въ Польшѣ, въ 1563 г. отказался отъ наслѣдственнаго права на Литву, устроилъ вѣчное соединеніе Польши съ Литвою. Въ 1566 году, онъ отрекся отъ всѣхъ, даже номинальныхъ, правъ королевской особы вмѣшиваться въ собственность шляхетскую, и тѣмъ самымъ хлопы, уже прежде преданные произволу пановъ, подъ благовиднымъ именемъ доминіальнаго суда, лишились даже надежды на покровительство государя. Для всей массы простого народа въ Рѣчи-Посполитой, короля какъ будто не было. Народъ зналъ своихъ независимыхъ пановъ, которые могли его обдирать, мучить и казнить. Богатства, стекавшіяся въ Польшу черезъ торговлю, подняли роскошь до высокой степени; экономія стала считаться скаредностью. Паны другъ передъ другомъ щеголяли гостепріимствомъ, пиршествами, пышностію въ одеждѣ, постройкою великолѣпныхъ дворцовъ, содержаніемъ многочислен-

ной прислуги, надворнаго войска и тунеядцевъ изъ шляхты, подъ названіемъ резидентовъ; вошли въ моду расточительныя поѣздки за границу. Все это требовало новыхъ доходовъ, а доходы панамъ доставляли ихъ рабы, и на рабовъ навaливали тяжелыя работы: уже не было помина объ урочныхъ дняхъ въ недѣлѣ. Каждый, въ своемъ имѣніи, устраивалъ какъ хотѣлъ бытъ хлопов, и обыкновенно они работали на пана шесть дней, а для ихъ жалкаго прокормленія давалось имъ воскресенье. Въ имѣніяхъ духовныхъ лицъ состояніе хлоповъ отнюдь было не легче, какъ бы ожидать слѣдовало, тѣмъ болѣе, что духовные сами не управляли своими имѣніями, а отдавали ихъ въ поссессію другимъ. Жалобы и стоны подвластныхъ не доходили до превелебныхъ владѣтелей, которые, получая доходы, жили себѣ весело и молились Богу о благоденствіи такой республики. Въ королевскихъ имѣніяхъ состояніе хлоповъ было не лучше, хотя они имѣли право жаловаться на несправедливости старостъ; тягаться хлопу съ паномъ было всегда трудно; старосты же, владѣя имѣніями только пожизненно, не имѣли разсчета щадить хлоповъ, а старались выжимать изъ нихъ все, что можно, до крайности. Въ столовыхъ имѣніяхъ, съ которыхъ доходы шли королю, управители, доставляя въ королевскую казну, по инвентарю, что слѣдовало, старались пріобрѣсти доходы для себя и потому часто были тиранами надъ подданными.

Вѣкъ Сигизмунда-Августа считается золотымъ вѣкомъ литературы и просвѣщенія. Но, не отнимая достоинствъ такихъ замѣчательныхъ и талантливыхъ писателей, какъ Кохановскій или Рей, надобно сказать, что плоды тогдашней литературы важны только въ кругу своего роднаго края и далеко не имѣютъ міроваго значенія. Ученѣйшій изъ польскихъ историковъ Лелевель выразился такимъ образомъ объ умственной дѣятельности этого золотого вѣка: «Вообще поляки не имѣли творческихъ способностей, усвоивали легко чужія открытія, а сами почти ничего не создали новаго, только одинъ Коперникъ составляетъ исключеніе». Указывая на это имя, надобно однако же сознаться, что этотъ великій человѣкъ обязанъ Польшѣ своимъ рожденіемъ, а воспитаніе получилъ за границею, и всѣ его ученыя симпатіи обращались внѣ Польши.

Высшее мѣсто образованія — краковская академія — во всѣхъ отношеніяхъ стояла ниже заграничныхъ. Люди способные, желавшіе пріобрѣсти основательныя знанія, спѣшили въ Германію, Италію и Парижъ, а краковская академія оказывалась для нихъ плохою приготовительною школою.

Поверхностный наборъ знаній, риторическая болтовня, от-

сутствіе критики и приложенія знаній къ практикѣ составляли черты польскаго ученія. Правовѣдъ зазубривалъ кое-что изъ римскихъ законовъ и ничего не зналъ о польскомъ правѣ; богословъ не читалъ священнаго писанія, а долбилъ только Liber sententiarum Петра Ломбардскаго; медикъ учился по Галену, незнакомый съ новымъ ходомъ науки и не изучая вовсе человѣческаго тѣла. Юноши выходили изъ академіи круглыми невѣждами, и умные люди находили, что для того, чтобы дѣйствительно чему-нибудь научиться, необходимо прежде было выбить изъ головы ту дребедень, съ которою выходили изъ школы. Одинъ изъ ученыхъ того времени, Горскій, жалуется, какъ бываетъ трудно бросать и забывать знанія, пріобрѣтаемыя въ академіи. «Счастливъ тотъ, говоритъ онъ, кто успѣетъ выкарабкаться изъ этой грязи; но не рѣдко юношескій умъ, забитый отвратительной грубостью ученья, не въ силахъ бываетъ избавиться отъ него безъ тяжелаго труда». Въ обществѣ студентовъ господствовали бездѣльничество, лѣнь, буйство и грязныя шалости. Начальники заведенія жаловались, что къ нимъ поступаютъ юноши, которые въ семейномъ быту, отъ отцевъ и родственниковъ, набираются духа своевольства, лѣни и презрѣнія къ знаніямъ; а имъ, напротивъ, замѣчали, что академія не умѣетъ вести учениковъ и выпускаетъ въ свѣтъ гражданъ съ дурными наклонностями и привычками. Подъ вѣдѣніемъ академіи находились въ разныхъ мѣстахъ Польши школы, или такъ-называемыя колоніи, гдѣ учили читать, писать, немного ариѳметики, латинскому языку и затверживали сентенціи древнихъ философовъ. Этимъ и ограничивалось общественное воспитаніе. Протестантскія школы были нѣсколько лучше, но на нихъ лежалъ исключительный религіозно-сектантскій характеръ.

Вообще школъ было мало, и грамотность не очень была распространена въ Рѣчи-Посполитой; отъ этого одинъ изъ мотивовъ, по которымъ іезуиты скоро пріобрѣли вліяніе на массу, былъ тотъ, что они быстро и успѣшно распространяли грамотность и ученіе.

Іезуиты пришлись какъ нельзя больше по мѣркѣ польскому характеру. Этотъ орденъ, какъ извѣстно, тѣмъ и отличался, что чрезвычайно искусно принаравливался къ особенностямъ страны и пользовался слабыми сторонами того гражданскаго общества, въ которое вступалъ. Польская сердечность и добродушіе встрѣчали въ нихъ самыя привлекательныя качества. Никто столько не показывалъ дѣлъ милосердія и любви какъ іезуиты; ни отъ кого бѣдный и страждущій не видѣлъ такого радушнаго участія и матеріальной помощи, какъ отъ іезуитовъ. Во время моровыхъ повѣтрій іезуиты съ опасностью жизни уха-

живали за больными. Никто такъ не отличался благочестіемъ, скромностью и безкорыстіемъ; никто такъ скоро не выучивалъ отданныхъ въ ученіе дѣтей и не выпускалъ ихъ съ видимыми признаками мудрости; никто съ такимъ даромъ краснорѣчія не умѣлъ вкрадываться въ душу, убѣждать и возвращать въ лоно церкви заблудшихъ овецъ; ни у кого такъ великолѣпно и нарядно не отправлялось богослуженіе. Все, чѣмъ можно было привлечь добродушное и пылкое чувство, подѣйствовать на воспріимчивое воображеніе и опутать нетвердое размышленіе — пустили въ ходъ іезуиты. Никто не могъ превзойти ихъ въ искусствѣ благочестиваго шарлатанства. Съ появленіемъ ихъ въ Польшѣ, эта страна вдругъ сдѣлалась краемъ чудесъ, знаменій, явленій и откровеній: стоитъ только заглянуть въ ихъ годовники (Annuae), чтобы видѣть, какіе это были чудотворы, въ какія фамильярности входили они съ ангелами и святыми, какія дивныя исцѣленія производили своими молитвами: слѣпые прозрѣвали, глухіе слышали, безногіе ходили, люди падали съ крышъ, разбивали головы въ дребезги, и головы склеивались отъ іезуитскихъ молитвъ; и все это записывалось и печаталось съ точностью, указывалось мѣсто, гдѣ случилось чудо, имена и признаки лицъ, съ которыми были чудеса, а также и тѣхъ, кто ихъ производилъ. Какъ было имъ не овладѣть Польшею? Они и овладѣли ею. На счастье, судьба послала имъ такого польскаго короля, какъ Сигизмундъ III: онъ царствовалъ долго и всегда находился въ ихъ рукахъ. Побѣда имъ обошлась не безъ борьбы; противъ нихъ ополчались и православные, и диссиденты (протестанты всякихъ толковъ), и самые католики, недовольные тѣмъ, что іезуиты овладѣли правительствомъ и всѣми дѣлами; даже своя братія—монахи другихъ орденовъ, изъ зависти враждовали противъ нихъ; они все вынесли геройски и остались побѣдителями. Ихъ побѣдить могла только здравая наука и свѣтлый холодный умъ, неувлекаемый воображеніемъ и сердцемъ; а этого полякамъ не доставало паче всѣхъ сосѣднихъ народовъ.

III.

Періодъ упадка. — Монашеское воспитаніе. — Жизнь въ Польшѣ. — Дворская служба. — Палестра. — Войско. — Сеймики. — Пьянство и кутежи.

Періодъ вступленія Сигизмунда III, у польскихъ историковъ, признается безспорно періодомъ упадка, хотя главнѣйшія свойства польской жизни, въ основныхъ чертахъ, оставались тѣ же, что и прежде были. То же своеволіе, неповиновеніе власти, не-

уваженіе къ закону, та же безладица на сеймикахъ и сеймахъ, путаница въ судахъ, то же непостоянство, легкомысліе, риторство, хвастовство, отсутствіе политическаго смысла во внѣшнихъ столкновеніяхъ; то же высокомѣріе чувства собственной силы, то же самоуниженіе, продажность и лакействованіе слабости, тотъ же добродушный эгоизмъ, происходящій больше отъ необдуманности, чѣмъ отъ черствости сердца, то же подражательное увлеченіе иноземщиной, то же порабощеніе и обезчеловѣченіе низшаго класса. Только въ періодъ упадка, всѣ эти признаки являются въ крупнѣйшихъ формахъ, но въ этомъ отношеніи иногда можетъ вводить насъ въ обманъ то обстоятельство, что о событіяхъ этого періода мы имѣемъ гораздо болѣе подробныхъ свѣдѣній, чѣмъ о раннихъ. При томъ же, многое въ эти времена является въ положительныхъ формахъ, тогда какъ прежде совершались подобные факты безъ легальныхъ формъ, по крайней мѣрѣ намъ извѣстныхъ. Такъ, напримѣръ, liberum veto — право одного посла на сеймѣ уничтожать рѣшеніе цѣлаго сейма, право, мѣшавшее столько разъ окончанію сеймовъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, является какъ положительная форма при Янѣ-Казимирѣ, но мы видимъ, однако, что еще при Сигизмундѣ I сеймы не доводились до конца. Слѣдовательно, сущность этого явленія не принадлежитъ только къ послѣднимъ вѣкамъ, и сеймъ 1652 года, съ котораго Сицинскій, сорвавъ его, открылъ цѣлые десятки такихъ сеймовъ, былъ въ своемъ родѣ не первый, а, сколько извѣстно, семнадцатый. Послѣ него до Станислава Понятовскаго, изъ пятидесяти пяти сеймовъ могло состояться только семь, да и то подъ чужеземнымъ давленіемъ; прочіе были сорваны. Срывать сеймы было для пословъ статьею дохода. Такъ сеймъ 1669 года, какъ говорили, былъ сорванъ Олизаромъ за 600 зл., а сеймъ 1690 года Городинскимъ за 600 талеровъ. Все это свидѣтельствуетъ только о большей степени деморализаціи и легкомыслія, но основныхъ измѣненій противъ прежнихъ вѣковъ не послѣдовало. Вся польская исторія имѣетъ то свойственное ей отличіе, что въ ней, отъ начала до конца, господствуетъ какой-то духъ саморазрушенія. Мы видимъ предъ собою несчастный, болѣзненный организмъ, котораго вся жизнь состоитъ въ развитіи прирожденныхъ злокачественныхъ соковъ, ведущихъ его въ могилу. Даже такія явленія, которыя, по своей внѣшности, должны представляться фактами прогресса силы, политической и гражданской крѣпости, духовной дѣятельности и благосостоянія—въ Польшѣ способствовали только возрастанію того, что обусловливало ея неминуемую смерть. Такъ въ XIV вѣкѣ, Польша собралась въ единое государство, но въ ту же эпоху

утвердилось и укрѣпилось шляхетское своеволіе, послужившее ей въ будущемъ къ гибели. Выработались сеймы и сеймики, но принесли польской націи вредъ, пріучили польскій народъ не къ законности, а къ безправію, не къ гражданской доблести, а къ продажности, не содѣйствовали благодѣтельнымъ учрежденіямъ, согласію и порядку, а препятствовали всякимъ добрымъ намѣреніямъ власти, мѣшали удовлетворенію потребностей страны и тормозили естественный ходъ общественнаго развитія. Такія два блестящія событія, какъ соединеніе съ Литвой и пріобрѣтеніе Пруссіи, должны были создать огромное могучее государство: вышло совсѣмъ не то; эти два событія для Польши отозвались гибелью. Соединеніе съ Литвою и Русью вовлекло ее въ борьбу съ Москвою, и этой борьбы она не умѣла вынести, а пріобрѣтеніе Пруссіи связало ее съ бранденбургскимъ домомъ, который возросъ и окрѣпъ у ней подъ крыломъ, а потомъ наложилъ на нее львиные когти. При Сигизмундѣ III возникла церковная унія; современникамъ она казалась укрѣпленіемъ государственной связи. Были двѣ вѣры между собою несогласныя; теперь онѣ соединялись;—и тутъ послѣдствія вышли совсѣмъ иныя: это событіе повлекло къ ужаснымъ для Польши результатамъ. Польша умѣла обращать во вредъ себѣ даже такія событія, которыя сама судьба слагала въ ея пользу. Такъ, при Сигизмундѣ III, Московское государство, обезсиленное усобицами, доставалось Польшѣ; но Польша не только не съумѣла удержать его, а обратила послѣдствія смутной эпохи Московскаго государства во вредъ самой себѣ. Извѣстно, что тѣ же польскія шайки, которыя разоряли Московское государство, стали потомъ разорять собственное отечество, да къ тому еще эпоха смутнаго времени усилила подъ бокомъ у Польши казачество. Самое это казачество, это воинственное народонаселеніе, оборонявшее окраины Польши отъ хищническихъ стремленій Крыма, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться полезною для государства военною силою, которая могла бы успокоить границы и овладѣть берегами Чернаго моря, поляки съумѣли настроить такъ, что оно содѣлалось враждебнѣйшею для нихъ стихіею. Отъ смерти Сигизмунда III до Станислава Понятовскаго, Польша не показываетъ признаковъ никакой дѣятельной жизни, а ведетъ жизнь страдательную, т. е. испытываетъ то, что́ ей судьба подаетъ, идетъ туда, куда другіе ведутъ ее. Двѣ страшныя эпохи потрясаютъ ее, первая—казацкая революція, вторая — Сѣверная война. Послѣдняя нанесла такой ударъ уже истощенному ея организму, что она стала какимъ-то полуживымъ, полугніющимъ тѣломъ. Неотвратимыя библейскія письмена, видѣнныя когда-то

Валтасаромъ, были начертаны надъ нею во очію всего свѣта. Одни поляки ихъ не замѣчали.

Воспитаніе всему корень. Каково воспитаніе народа, такова и его дѣятельность. Начиная отъ введенія и распространенія іезуитовъ до перваго раздѣла, въ Польшѣ почти все воспитаніе было въ рукахъ монаховъ; исключеніе составляли академическія колоніи, не представлявшія ничего утѣшительнаго. Изъ монашескихъ орденовъ, у которыхъ были школы, наибольшая часть приходилась на долю іезуитовъ; за ними слѣдовали базиліане и піары.

Исторія польскаго просвѣщенія можетъ быть наполнена безчисленными столкновеніями іезуитовъ съ піарами, іезуитовъ съ академіею, іезуитовъ съ епископами и т. д. Одна сторона съ другою тягались судомъ передъ королемъ, передъ папою и сами расправлялись между собою; ученики враждебныхъ училищъ — іезуитскихъ, піарскихъ и академическихъ употребляли въ дѣло кулаки и палки; сами наставники ихъ къ тому подзадоривали; но это отнюдь не была война за какіе-нибудь принципы. То были споры за первенство, за школьную честь, за доходы, за право быть въ томъ или другомъ городѣ: академики ни за что не хотѣли дозволить іезуитамъ заводить свои школы тамъ, гдѣ прежде были академическія. Все это были явленія, соотвѣтствовавшія безладицѣ, господствовавшей въ краѣ, плодъ мелкой зависти, затронутаго самолюбія; изъ всего этого не вырабатывалось ровно ничего, кромѣ вреда ученію и нравственности. Воспитаніе у всѣхъ было одинаково, одинъ и тотъ же духъ, одинаковое шарлатанство. Когда іезуиты сотворили своего святого, Станислава Костку, и величались имъ, академія, чтобы не отстать отъ нихъ и не показаться ниже ихъ передъ Богомъ, сотворила, наконецъ, и себѣ своего академическаго святого, Яна Канта.

Всѣ школы имѣли церковный характеръ, всѣ зависѣли отъ верховной власти папы. Наблюденіе надъ ходомъ просвѣщенія сосредоточивалось въ Римѣ. Академія, правда, подчинилась свѣтской власти, но только по матеріальной части. Порядокъ преподаванія былъ у всѣхъ сходенъ. Іезуитскія школы были образцами. Главный начальникъ ихъ всѣхъ былъ генералъ, а подъ его вѣдѣніемъ были провинціалы. Каждая школа состояла подъ начальствомъ ректора, префекта и наставниковъ. Преподаваніе было двоякое: общее школьное, доступное для всѣхъ, и педагогическое для образованія наставниковъ. Послѣдніе приготовлялись въ такъназываемомъ новиціатѣ, куда поступали изъ лучшихъ учениковъ; первые два года они говорили не иначе, какъ по-латыни, и упражнялись въ благочестивой практикѣ, а потомъ переводили ихъ на четыре года въ богословское отдѣленіе. Въ школахъ, соб-

ственно такъ-называемыхъ, открытыхъ для всѣхъ, было два рода классовъ: низшіе, или грамматическіе, числомъ три: инфима, грамматика и синтаксисъ, и высшіе или гуманіорумъ, числомъ два: поэзія и риторика. Въ первыхъ, т. е. грамматическихъ, учили латинскую грамматику Альвара и задавали соотвѣтствующія упражненія на латинскомъ языкѣ. Въ высшихъ читали кое-что изъ латинскихъ писателей и отчасти изъ греческихъ, но вообще греческаго языка почти никто не зналъ, и занятіе имъ упало по введеніи іезуитовъ. Тѣмъ обыкновенно кончалось воспитаніе. Въ главной іезуитской школѣ въ Вильнѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ были еще два высшихъ класса философіи и богословія, гдѣ преподавались этика и физика по Аристотелю, логика, метафизика и по Томасу Аквинейскому богословіе. Немного было такихъ, которые кончали эти высшіе классы.

Обращеніе съ учениками въ школахъ было смѣсью грубости и жестокости съ поблажками. Отцы считали главнымъ побужденіемъ къ ученію розги и усердно просили наставниковъ не щадить ихъ дѣтей. Оттого ксёндзъ-префектъ и наставники пороли ихъ безъ пощады. За идущимъ въ училище патеромъ несли нагайку, называемую мониторомъ, и клали на каѳедру, чтобы ученики имѣли всегда передъ глазами этотъ побудительный символъ. Въ награду за прилежаніе и успѣхи наставники дозволяли прилежнѣйшимъ отсчитать нѣсколько ударовъ лѣнивымъ, и такимъ образомъ внѣдряли въ юные умы понятіе, что тотъ, кто другихъ умнѣе, прилежнѣе, благонравнѣе, тотъ, за эти достоинства, имѣетъ право бить другихъ. Впрочемъ, если приходилось кого-нибудь наказать построже, т. е. раздѣть, положить и высѣчь, то должность палачей исполняли калефакторы — ученики изъ бѣднаго и неблагороднаго званія, обязанные топить печи, носить дрова и воду, прибирать классы: за это, по окончаніи своихъ черныхъ работъ, они могли прислушиваться къ чтенію уроковъ и зачерпнуть на свою долю латинской премудрости, если ставало на это способностей. Эти-то калефакторы сѣкли учениковъ за печкою, не передъ глазами всего класса, для того, что съ трусливыми учениками случались припадки непріятные для зрѣнія. Въ школѣ ученикъ пріучался къ неравенству отношеній между товарищами. На передней скамьѣ сажали такъ-называемыхъ императоровъ; это были сыновья зажиточныхъ отцовъ; имъ оказывали больше послабленія и пріучали обращаться съ бѣдными товарищами высокомѣрно. Дѣти богатыхъ родителей помѣщались на квартирахъ подъ надзоромъ директоровъ, выбранныхъ изъ лучшихъ учениковъ, которымъ за то платилось, а прислуживали имъ мальчики, сыновья бѣдной шляхты, проживав-

шей у ихъ отцовъ на содержаніи или состоявшихъ у нихъ на подачкахъ. Эти мальчики исполняли должность лакеевъ, ходили съ паничами въ школу, носили за ними книги и бумагу и сами учились; нерѣдко они перегоняли въ ученьи своихъ паничей, и послѣдніе за то на нихъ досадовали. Учители оказывали сыновьямъ богатыхъ отцовъ предпочтеніе передъ сыновьями бѣдныхъ, изъ лести; случалось, они имъ посвящали свои сочиненія и въ высокопарныхъ дедикаціяхъ воспѣвали величіе ихъ рода, ихъ собственныя достоинства и будущія доблести, которыхъ ожидаетъ отъ нихъ отечество. Въ самомъ надзорѣ за благонравіемъ была своего рода деморализація; патеры поручали ученикамъ подглядывать за своими товарищами, тайно другъ на друга доносить, вкрадываться другъ къ другу въ дружбу, и выдавать ихъ тайны наставникамъ. По наущеніямъ наставниковъ, ученики задирались не только съ учениками другихъ заведеній, но съ жителями шляхетскаго и мѣщанскаго званія, навлекавшими на себя злобу монаховъ; подущеніе дѣлалось такъ искусно и ловко, что наставники, впослѣдствіи, оставались въ сторонѣ и защищали учениковъ отъ постороннихъ преслѣдованій, извиняя ихъ поступки дѣтскою рѣзвостію. Наружный надзоръ за благонравіемъ былъ обращенъ на мелочи; преслѣдовалась дѣтская рѣзвость, особенно въ церкви; кто во время богослуженія сказалъ слово товарищу или разглядывалъ по сторонамъ, тотъ не миновалъ розогъ, но крупная безнравственность вкрадывалась въ ихъ души безпрепятственно. Примѣръ наставниковъ не укрывался отъ взоровъ питомцевъ, отъ которыхъ вездѣ и всегда труднѣе всего укрывается то, что́ хотятъ отъ нихъ скрыть старшіе. Пьянство, обжорство, распутство, ссоры между собою были обычными чертами домашней жизни наставниковъ; дѣти брали образецъ съ нихъ на будущее время. Духъ лукавства, пронырства, любостяжанія, угодничества сильнымъ, все, чѣмъ отличались монахи, прививался къ нимъ.

Не должно думать, чтобъ исключительная вина во всемъ этомъ падала на іезуитовъ; они виновнѣе были настолько, насколько были умнѣе, дѣятельнѣе и успѣшнѣе другихъ. Они умѣли лучше другихъ опутать человѣческій умъ, но того же хотѣли и другіе ордена; они энергичнѣе другихъ осуществляли то, чего требовала церковь. Въ цѣляхъ ея было не давать простора человѣческому мышленію, держать душу подъ постояннымъ благочестивымъ страхомъ, въ вѣчномъ ребячествѣ, въ повиновеніи у духовенства. Идеалъ ея былъ человѣкъ нравственно забитый; идеалъ этотъ достигался такою системою воспитанія, какая господствовала въ Польшѣ подъ монашескимъ наитіемъ. Ученики, пропотѣвши нѣсколько лѣтъ надъ Альваромъ, выучивши наизусть кое-что изъ

рѣчей Цицерона и стиховъ Виргилія и Горація, оставляли школы, не зная ровно ничего; кончившій риторику выходилъ въ свѣтъ вполнѣ asinus asinorum in saecula saeculorum—какъ говорилось о лѣнивыхъ ученикахъ и какъ приличнѣе было сказать о самыхъ прилежныхъ. Тѣ немногіе, которые кончили философію и богословіе, пріобрѣтали еще кучу лишнихъ формъ, которыя ни къ чему не годились въ жизни. Отцы-наставники руководились тѣмъ взглядомъ, что для выдѣлки умственныхъ способностей нужны упражненія, а не знанія, формы, а не содержаніе—нелѣпѣйшимъ взглядомъ, какой когда-либо посѣщалъ человѣческій мозгъ.

Такъ какъ воспитаніе было въ рукахъ духовныхъ, то можно было бы предполагать, что, по крайней мѣрѣ, ученики выходили знатоками въ религіозной наукѣ; не тутъ-то было: въ этомъ они были круглые невѣжды и должны были оставаться такими во всю жизнь. Въ другихъ предметахъ имъ не запрещали, по крайней мѣрѣ, по выходѣ изъ школы читать что-нибудь и вычитать какія-нибудь познанія; въ дѣлѣ религіи ихъ всегда сковывали наставленія духовныхъ отцовъ: ихъ воспитали въ той мысли и впослѣдствіи внушали имъ ту мысль, что мірянину не слѣдуетъ самовольно проникать въ область религіи; нужно покоряться наставленіямъ пастырей. Читать св. писаніе запрещалось. Религіозное воспитаніе состояло въ молитвахъ, сочиненныхъ или указанныхъ патерами, въ исполненіи разныхъ благочестивыхъ упражненій, также по приказанію духовныхъ. Отцы-монахи заботились, чтобъ души учениковъ находились подъ страхомъ религіознаго мистицизма, и для этого у нихъ было хорошее орудіе въ рожанцовыхъ братствахъ, куда они вписывали своихъ питомцевъ и гдѣ послѣдніе, попавши туда, оставались навсегда. Это были корпораціи съ обязанностію исполнять различныя благочестивыя упражненія. Часто собственно на ученіе тратилось не болѣе четырехъ часовъ въ день. Кромѣ обычныхъ праздниковъ, праздновались памяти разныхъ святыхъ, уважаемыхъ особенно почему-нибудь орденомъ. Въ большіе годовые праздники устроивались сценическія представленія, символически изображавшія торжество вѣры, а наипаче своего ордена, и отнимавшія много времени на приготовленія къ нимъ. На страстной недѣлѣ совершались представленія страстей Христовыхъ, на Божье-Тѣло студенты ходили за цвѣтами для украшенія алтарей; если случался неурожай или падежъ скота, они ходили за процессіями съ образами. Были частые непредвидѣнные случаи, когда ученіе прерывалось, напр., когда объявлялся гдѣ-нибудь отпустъ или канонизація святого и пр. Патеры заботились, чтобъ учениковъ зани-

мали разные религіозные и церковные случаи, напр. юбилей, пріѣздъ какого-нибудь важнаго сановника, назначеніе новыхъ начальниковъ въ орденѣ, появленіе чудотвореній, знаменій, однимъ словомъ, чтобы все, что́ входитъ въ область піэтизма и вѣрованія, занимало ихъ и было предметомъ ихъ любви и вниманія. Науки математическія и естествознаніе, не только не преподавались, но не одобрялись; ту физику по Аристотелю, какую преподавали въ классахъ философіи, нельзя причислить къ этому разряду наукъ. Ученіе Коперника, поляка по происхожденію, человѣка, которымъ Польша, болѣе чѣмъ всякимъ другимъ, могла гордиться, преслѣдовалось какъ еретическое.

Въ половинѣ XVIII вѣка, Станиславъ Конарскій произвелъ реформу обученія у піаровъ. Сущность ея состояла въ томъ, что вмѣсто открытыхъ школъ для вольноприходящихъ, заведены были конвикты, гдѣ ученики не только учились, но и жили, и, сверхъ того, введены точныя и физическія науки и новые языки. Первый такой конвиктъ заведенъ былъ въ Варшавѣ; по примѣру его, въ другихъ мѣстахъ заводились такіе же и даже у іезуитовъ. Остальныя школы продолжали идти прежнимъ путемъ. Въ самыхъ конвиктахъ на дѣлѣ оказалось мало улучшенія; старыя понятія о воспитаніи стали и въ нихъ господствовать; притомъ, они были доступны только для богатыхъ и въ этомъ отношеніи возбуждали ропотъ небогатыхъ обывателей, привыкшихъ къ даровому іезуитскому воспитанію. Всѣ приверженцы старой рутины подняли крикъ противъ нововведенія. Въ варшавскомъ конвиктѣ воспитаніе дѣйствительно шло лучше, и оттуда выходили дѣятели въ умственной сферѣ временъ Станислава-Августа, но ихъ было немного, въ сравненіи съ массою юношества, осужденнаго, вплоть до эдукаціонной коммиссіи, получать воспитаніе прежнимъ способомъ. Вообще въ предпріятіи Конарскаго благихъ желаній было болѣе, чѣмъ успѣховъ.

Въ академіи, высшемъ ученомъ учрежденіи, господствовало совершенное ничтожество. Своевольные магнаты поотнимали у ней фундуши; средства ея обѣднѣли; не-начто было высылать молодыхъ людей за границу, для дальнѣйшаго образованія. Многія каѳедры оставались пустыми; на тѣхъ, которыя были заняты, помѣщались люди, едва достойные быть преподавателями низшихъ школъ. Медицинскій факультетъ, самый важнѣйшій, по той непосредственной пользѣ, какую долженъ былъ приносить жизни, почти совершенно умеръ. Въ немъ было всего-на-все два доктора, и они не читали лекцій, а за деньги давали званіе врачей шарлатанамъ, уполномочивая ихъ губить человѣческое здоровье. Въ Польшѣ, въ XVIII в., почти не было своихъ природныхъ врачей; лѣченіемъ за-

нимались иностранцы—евреи, нѣмцы, венгерцы: послѣдніе бродили по краю съ походными аптечками, гдѣ, съ разными лѣкарственными каплями, продавались приворотные корешки и талисманы. Если на рѣдкость появлялся изъ поляковъ порядочный врачъ, то онъ непремѣнно получалъ воспитаніе за границею. Въ юридическомъ факультетѣ читались такія права, которыя не имѣли примѣненія къ польской жизни, и студенты выходили оттуда съ полнымъ незнаніемъ польскаго законодательства и судопроизводства, такъ что, когда имъ приходилось вступать на юридическое поприще, то они были какъ въ лѣсу, и кончавшіе курсъ ученія у іезуитовъ, не слушавши никакихъ лекцій о правахъ, на дѣлѣ, поступая въ палестру, оказывались болѣе умѣлыми, чѣмъ студенты академіи и скорѣе послѣднихъ достигали мѣстъ. Философскій факультетъ заявлялъ о своемъ существованіи только панегириками, дедикаціями, ораціями и стиходѣйствіями въ честь магнатовъ, на разные случаи жизни. Богословскій факультетъ былъ значительнѣе другихъ; туда шло болѣе, чѣмъ въ другіе факультеты, ибо докторское званіе давало бенефиціи.

Подъ вѣдомствомъ богословскаго факультета находились семинаріи, но далеко не всѣ: нѣкоторыя зависѣли отъ епископовъ, другія — въ большемъ числѣ — отъ миссіонеровъ, іезуитовъ и другихъ монашескихъ орденовъ. Клерики, учившіеся въ семинаріяхъ послѣдняго рода, усвоивали признаки того ордена, подъ вѣдѣніемъ котораго воспитывались. Миссіонерскія считались лучше всѣхъ; тамъ, между прочимъ, преподавались и новые языки. Вообще клерики слушали логику, метафизику и богословіе. Послѣднее преподавалось по какому-нибудь авторитету: у іезуитовъ по Молинѣ и Бузенбаху, у академиковъ по св. Ѳомѣ Аквинейскому, а у миссіонеровъ—по св. Августину. Церковной исторіи не преподавалось;—въ позднѣйшее время стали касаться ее у миссіонеровъ, но въ малыхъ размѣрахъ. Будущій священникъ не долженъ былъ знать много о судьбахъ церкви, чтобъ не подмѣтить человѣческихъ слабостей у прославленныхъ мужей вѣры, чтобъ не потерять увѣренности, что все въ церкви шло подъ видимымъ содѣйствіемъ Божіимъ, сопровождаемымъ чудесами и знаменіями, а наипаче, чтобъ не узнать, что были на свѣтѣ дурные папы, и воображать ихъ всѣхъ святыми, какъ всегда старалась внушать своимъ послѣдователямъ латинская церковь.

Клериковъ преимущественно занимали толкованіемъ символическаго значенія обрядовъ, изученіемъ ихъ правильнаго отправленія и религіозными упражненіями; задавались имъ разныя медитаціи, устраивались диспуты для преуспѣянія въ діалектикѣ, заставляли ихъ сочинять по образцамъ и произносить проповѣди.

Содержаніе ихъ было умышленно скудное. Изъятіе составляли сыновья богатыхъ родителей, которые содержались на собственный счетъ и не заботились о томъ, чтобъ научиться многому, зная, что во всякомъ случаѣ имъ достанутся выгоднѣйшія мѣста. Изъ нихъ многіе отправлялись въ Римъ, проводили тамъ время въ забавахъ, и воротившись домой, принимали высокій санъ.

Священниковъ въ Польшѣ было чрезвычайно много: они помѣщались не только по приходамъ, но въ домахъ обывателей: каждый зажиточный обыватель держалъ у себя домашняго капеллана, который былъ не только его руководителемъ къ небесной жизни, но его домашнимъ секретаремъ, его другомъ, совѣтникомъ и судьею его подданныхъ. Доступъ къ священническому сану былъ открытъ и не-шляхтичамъ, но вообще тѣ, которые происходили изъ мѣщанъ, получали бѣдные приходы, не принимались въ хорошіе домà и постоянно были въ загонѣ: своя же братія, духовные шляхетской породы, смотрѣли на нихъ свысока. Быть учителями народа приходскіе священники были мало приготовлены, по своему невѣжеству; хотя при каждомъ приходѣ слѣдовало имѣть элементарную школу, гдѣ священникъ долженъ былъ учить чтенію, письму и начаткамъ религіи, но это исполнялось кое-гдѣ только по городамъ; въ панскихъ имѣніяхъ господа этого не дозволяли; они находили, что хлòпа учить вредно: чѣмъ онъ невѣжественнѣе, тѣмъ послушнѣе. Проповѣди говорились только по монастырямъ; да и общество относилось съ бòльшимъ уваженіемъ къ монашествующему духовенству, чѣмъ къ приходскому; люди, сознававшіе свою принадлежность къ порядочному классу, исповѣдывались въ монастыряхъ. Такимъ образомъ, положеніе приходскихъ священниковъ было незавидное и доходы скудные. Уніатскимъ приходскимъ священникамъ было еще хуже; они осуждены были имѣть дѣло съ одними сельскими хлòпами да съ мѣщанами невысокаго полета. Что касается до православнаго духовенства, то унижаемое и гонимое, оно нигдѣ не могло получить хорошаго образованія въ Польшѣ; но изъ него отличались сравнительно большею образованностію тѣ, которые окончили ученіе въ Кіевѣ.

Церковь, во всемъ своемъ строѣ, зависѣла не отъ государства, а отъ Рима, и потому была въ Польшѣ status in statu. Все священство судилось своимъ церковнымъ судомъ. Первенствующимъ іерархомъ былъ гнѣзненскій архіепископъ, носившій титулъ примаса, второе лицо послѣ короля, въ ряду всѣхъ сановниковъ Рѣчи-Посполитой. Высшія духовныя особы—архіепископы, епископы, по своему званію сенаторы Рѣчи-Посполитой,

были изъ важныхъ фамилій, получали мѣста по назначенію короля и утвержденію папы. Они были чрезвычайно богаты, и мѣста ихъ сдѣлались для нихъ чистыми синекурами. Жизнь ихъ протекала весело, роскошно, какъ вообще жизнь знатныхъ пановъ, со всѣми свѣтскими удовольствіями, шумными обѣдами, балами, игрою; если они чѣмъ-нибудь занимались, то скорѣе свѣтскими и государственными дѣлами, чѣмъ церковными; они, сохраняя свой духовный санъ, часто назывались военными чинами, напр. ротмистрами кавалеріи; богослуженіе отправляли они рѣдко, а иные и совсѣмъ его не отправляли: на это у нихъ были суфраганы. Духовный судъ по епархіямъ находился въ вѣдомствѣ консисторіи, подъ предсѣдательствомъ генеральнаго оффиціала.

Около епископа былъ родъ сената изъ прелатовъ и каноликовъ, также лицъ знатнаго происхожденія, получавшихъ свои должности по протекціи. Мѣста ихъ въ меньшей степени, какъ епископскія, но въ томъ же смыслѣ, были не болѣе, какъ выгодными синекурами. Сами прелаты и каноники не занимались дѣлами и рѣдко служили въ костелахъ: всю церковную службу несли за нихъ подначальные ксендзы. Монахи, независимые отъ власти епископовъ, со своими начальствами для каждаго ордена, составляли многочисленный и сильный отдѣлъ духовнаго сословія. Въ городахъ, и въ особенности въ столицахъ, было очень мало свѣтскихъ костеловъ; за то всѣ города, а Варшава и Вильна въ особенности, были набиты монастырями. Передъ паденіемъ ордена іезуитовъ, въ Польшѣ было 973 монастыря. Изъ нихъ самое бо̀льшее количество приходилось на долю доминиканцевъ (161), потомъ іезуитовъ (154), за ними бернардиновъ (132), базильянъ на Руси (118) и францисканъ (86). Остальные распредѣлены были между другими орденами мужскими и женскими. Эти-то корпораціи монашества держали подъ своимъ нравственнымъ гнетомъ и суевѣрнымъ страхомъ всю Польшу: они-то руководили ея умственною дѣятельностью и давали юношеству воспитаніе. Понятно, что знанія, пріобрѣтенныя въ годы ученія, были совершенно непроизводительны. Въ Польшѣ, въ XVIII вѣкѣ, умные люди повторяли то, что говорили ихъ дѣды о краковской академіи до введенія іезуитовъ: для того, чтобы сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ, дать ходъ своимъ природнымъ способностямъ, обогатить умъ науками, нужно было прежде всего забыть пріобрѣтенныя въ школѣ знанія, выбить изъ головы самоувѣренность въ своей учености, переломить въ себѣ привычки, глубоко укорененныя въ тѣ лѣта, когда впечатлѣнія оставляютъ сильные слѣды, разстаться съ предраз-

судками, завѣщанными отъ отцовъ и дѣдовъ, преодолѣть закоренѣлую умственную лѣнь. Сдѣлать это было гораздо труднѣе, чѣмъ начать учиться, ничему не учившись. Здравый разумъ, какъ ни былъ забитъ монашескимъ ученіемъ, иногда прорывался въ полякѣ. Иной, вступая на практическую жизнь, до извѣстной степени разставался съ призраками школьнаго ученія и руководствовался природнымъ умомъ; но на это способны были только натуры особенно умныя отъ природы. Масса шляхетская долго не осмѣливалась желать иного просвѣщенія. Опытъ научалъ, что пріобрѣтенное въ школѣ знаніе не годится ни на что въ жизни, а между тѣмъ всѣ посылали дѣтей своихъ въ школы; всѣ по рутинѣ твердили, что ученіе необходимо. Безъ сомнѣнія, совершенное отсутствіе школъ было бы полезнѣе для Польши, чѣмъ такое просвѣщеніе: тогда по крайней мѣрѣ оставался бы просторъ здравому смыслу. Примѣръ этому видимъ на Россіи. Какъ ни прискорбенъ образъ нашего многовѣковаго невѣжества, но когда сравнишь его съ польскою образованностью, то невольно скажешь, что мы ничего не проиграли, а скорѣе выиграли отъ незнакомства съ латинскими грамматиками. Русскій человѣкъ былъ не ученъ и не зналъ того, что зналъ полякъ, но болѣе его былъ развитъ въ жизненныхъ вопросахъ, обладалъ болѣе его прямымъ взглядомъ на вещи, лучше видѣлъ свою пользу и вообще болѣе сохранилъ въ себѣ способности къ предметному, а не формальному знанію. При столкновеніи съ полякомъ, русскій невѣжда тотчасъ подмѣтилъ, что у поляка умъ забитъ, притупленъ и прозвалъ его, хотя грубо, но мѣтко — безмозглымъ. Русскій человѣкъ сознавалъ одну истину, которой не сознавалъ полякъ: онъ сознавалъ, что за всякое дѣло нужно приниматься съ умѣніемъ, или съ навыкомъ; а такъ какъ дѣло управленія государствомъ нуждается въ умѣніи и навыкѣ, то, чувствуя себя неумѣлымъ, отдавалъ свою судьбу въ руки власти, разсуждая, что какая бы ни была власть, все - таки она лучше безвластія и безначалія. — «Вамъ мила ваша свобода: говорилъ москвичъ поляку въ 1612 году, а намъ лучше наша неволя, потому что у васъ не свобода, а своеволіе.» Нерѣдко русскому приходилось тяжело отъ *началія;* ложились на него всякія нелегкія власти, и самодурныя и крутыя, и чужеземныя и чужеземствующія, и монашествующія и солдатствующія; — онъ все переносилъ, потому, что его здравый умъ говорилъ, что лучше перенести одного Ивана Грознаго, Бирона, Аракчеева, чѣмъ подпасть подъ гнетъ десятка или сотни такихъ разомъ. Полякъ до этого не додумался, напротивъ, считалъ себя очень мудрымъ, и съ головой, набитой латинскимъ синтаксисомъ,

сентенціями, да панегириками святымъ, пускался править своимъ государствомъ. Само собою разумѣется, что получившій тогдашнее воспитаніе полякъ, не въ состояніи былъ выдумать что-нибудь хорошее для улучшенія внутренняго быта страны, или для внѣшней безопасности.

Полякъ, по выходѣ изъ монашеской школы, продолжалъ смотрѣть на монаха, какъ на руководителя. Случалось, сеймовой посолъ, приготовляясь говорить рѣчь въ засѣданіи, нанималъ іезуита или піара написать ему эту рѣчь. Предразсудки, внѣдренные съ младенчества и укрѣпленные въ школѣ, оставались въ полякѣ до гроба и передавались дѣтямъ. Въ школѣ пріучили его сносить побои отъ старшихъ и ему самому позволяли бить слабѣйшихъ; и въ жизни, сообразно школьнымъ примѣрамъ, онъ билъ своихъ хлóповъ, билъ и свою братью шляхту, когда чувствовалъ, что она отъ него зависитъ и вообще слабѣе его, но и самъ, въ свою очередь, позволялъ бить себя какому-нибудь магнату, отъ котораго за побои надѣялся милостей. Въ школѣ ему внушали, что одинъ только католикъ можетъ угодить Богу, а прочіе иновѣрцы всѣ исчадіе діавола; и подъ вліяніемъ такихъ внушеній, онъ показывалъ съ одной стороны презрѣніе къ человѣческому достоинству русскихъ хлóповъ, а съ другой отвращеніе ко всей сферѣ свободныхъ знаній, развивавшихся въ Европѣ не подъ вліяніемъ папизма. Онъ не смѣлъ позволить себѣ читать другихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя ему разрѣшали монахи, его руководители въ царствіе небесное. Въ школѣ онъ пріучался къ дракамъ и своевольствамъ, и эта привычка укрѣплялась въ той сферѣ, гдѣ все кипѣло своевольствомъ; и онъ нападалъ на своего сосѣда, не подозрѣвая, чтобы тутъ было чтó-нибудь дурное. Въ школѣ пріучали его шпіонить за товарищами, добывать себѣ милости у наставниковъ низкопоклонничествомъ и интригами; — и вотъ въ жизни онъ подбивался въ милость знатнаго пана, цѣловалъ ему полы платья и въ то же время копалъ яму подъ своимъ братомъ, такимъ же лакеемъ. Іезуиты и вообще монахи умѣли поселить, укрѣпить и освятить въ питомцахъ эгоизмъ. Они внушали имъ такую мудрость: не привязывайтесь къ землѣ, устремляйте ваши помыслы на небо, не ищите себѣ друзей въ сей юдоли, ищите ихъ на небѣ: Іисусъ Христосъ, Богородица, ангелы, святые — вотъ ваши друзья! Сообразно съ такими внушеніями, сочинялись молитвы съ характеромъ фамиліарности въ обращеніи съ небесными жителями; къ нимъ относились, какъ будто къ короткимъ знакомымъ. Но тутъ-то и сбывались великія слова возлюбленнаго ученика Христова, который называлъ лжецами говорившихъ, что они любятъ Бога,

и нелюбившихъ ближняго. Бога вы никогда не видали, ближняго вы всегда видите, пояснялъ Христовъ апостолъ. Не дружиться ни съ кѣмъ, значило не любить никого, а искать знакомства на небеси — значило быть всегда во власти монаховъ и ксендзовъ, ибо только при ихъ посредствѣ можно было удостоиться знакомства съ небожителями; и выходило, что, переводя монашескую мудрость на языкъ здраваго смысла, это значило быть эгоистомъ, избѣгать всякихъ глубокихъ привязанностей, жить для себя одного, но, для собственной пользы, быть въ послушаніи у монаховъ. Земное отечество не было предметомъ попеченія наставниковъ; нечего было о немъ думать; надобно жить для небеснаго, а это небесное осязательно на землѣ значило церковь, т. е. папу, монаховъ, духовенство. Мудрено ли, что полякъ, усвоивъ такую мудрость, не заботился о своемъ отечествѣ, не дорожилъ имъ, жилъ исключительно для себя, и готовъ былъ продать все, что должно быть святымъ для гражданина: для него оно не было святымъ; его учили, что на землѣ, внѣ церкви, нѣтъ ничего святого. Но въ той же школѣ, гдѣ ему указывали образъ небеснаго отечества, онъ на своихъ наставникахъ видѣлъ примѣры пьянства, разгула, разврата и, будучи въ поэзіи и риторикѣ, отвѣдалъ и самъ исподтишка этихъ прелестей. Правда, его за это пороли отцы-монахи, обыкновенно говорившіе: quod licet Jovi non licet bovi, но изъ этой порки онъ выносилъ такое нравоученіе, что умному человѣку слѣдуетъ одно дѣлать, а другое говорить. Однимъ словомъ, все, чѣмъ отличалось шляхетское общество—униженіе передъ сильными, высокомѣріе надъ слабыми, буйство, бездѣльничество, пьяныя оргіи, отсутствіе гражданской доблести, все это, если не было создано монашескимъ воспитаніемъ первоначально, то развивалось и укрѣплялось имъ.

Женское воспитаніе шло въ параллель съ мужескимъ, но еще болѣе было въ упадкѣ. Публичнаго воспитанія не было вовсе, исключая Кракова. Зажиточные люди отдавали дочерей своихъ учиться въ женскіе монастыри, преимущественно къ визиткамъ и сакраменткамъ. Тамъ ихъ выучивали читать, писать и набивали религіозною экзальтаціею до того, что многія шли въ монахини, а тѣ, которыя выходили замужъ, очень часто оставались на всю жизнь въ духовномъ рабствѣ у монаховъ и ксендзовъ.

Въ такомъ духѣ воспитаніе было удѣломъ всего шляхетскаго званія. Многіе богатые и знатные воспитывали дѣтей дома, но и около нихъ неизбѣжно были монахи и внѣдряли въ питомцевъ свой духъ; кромѣ того у нихъ были гувернеры и учители, а около дочерей гувернантки, обыкновенно изъ иноземцевъ; по-

этому, дѣти магнатовъ выучивались живымъ языкамъ; въ XVII вѣкѣ былъ въ модѣ италіянскій, въ XVIII французскій. Нѣкоторые получали воспитаніе въ Лотарингіи, въ заведеніи, основанномъ для поляковъ Станиславомъ Лещинскимъ. По заложеніи Конарскимъ конвикта, нѣкоторыя лица изъ знатныхъ фамилій одолжены были первоначальнымъ воспитаніемъ этому заведенію. По достиженіи юношескаго возраста, молодыхъ пановъ отправляли за границу, въ Римъ, въ Парижъ, для окончанія воспитанія; но рѣдкій чему-нибудь тамъ научался; обыкновенно они тамъ мотали родительскія деньги, предаваясь необузданнымъ удовольствіямъ и нерѣдко доматывались до того, что родителямъ приходилось спасать ихъ отъ долговой тюрьмы. Возвратившись въ отечество, они туда ничего не приносили изъ путешествія, кромѣ разсказовъ объ интригахъ, объ игорныхъ скопищахъ, о поединкахъ и другихъ принадлежностяхъ свѣтскихъ развлеченій. Съ бѣглостію въ иностранныхъ языкахъ, но съ отсутствіемъ полезныхъ знаній, эти магнаты, чрезъ связи и протекціи, получали важныя государственныя мѣста.

Съ второй половины XVIII вѣка, когда во Франціи распространилась новая антирелигіозная философія, многіе поляки стали возвращаться изъ путешествія деистами и атеистами. Изъ всѣхъ народовъ, поляки были самыми легкими адептами ученія Гольбаха, Вольтера, Дидро и Даламберта. Такой рѣзкій переходъ отъ рожанцовыхъ братствъ былъ вполнѣ естественнымъ явленіемъ. Полякъ ѣхалъ за границу совершеннымъ невѣждою въ дѣлѣ религіи; а потому, какъ только касалась его свободная критика, сопровождаемая тонкими насмѣшками надъ его простодушною вѣрою, какъ только онъ, кромѣ того, замѣчалъ, что въ Европѣ стало модою между образованными людьми не вѣрить, тотчасъ и переходилъ въ противный лагерь: онъ болѣе всего на свѣтѣ заботился о томъ, чтобъ его считали образованнымъ человѣкомъ. Этотъ переходъ къ безвѣрію совершался также быстро и необдуманно, какъ его дѣды въ XVI вѣкѣ переходили къ лютеранству или аріанству. Были даже примѣры, что польскіе паны обращались въ іудейскую вѣру. Такъ поступилъ Мартинъ Любомирскій, связавшійся съ извѣстнымъ Франкомъ, основателемъ секты, надѣлавшей шуму въ іудейскомъ мірѣ, въ XVIII вѣкѣ. Другой знатный панъ, Радзивиллъ, носившій титулъ короннаго крайчаго, такъ любилъ іудеевъ, что каждую пятницу устраивалъ для нихъ пиры, а наконецъ открыто сдѣлался іудеемъ. Но его родственники ускорили надъ нимъ опеку, признавая его безумнымъ.

Большинство шляхетскаго юношества, не ѣздя за границу,

искало себѣ карьеры въ отечествѣ, по выходѣ изъ ученія. Коронной службы въ Польшѣ было мало. Многіе опредѣлялись въ такъ-называемую дворскую службу — къ знатнымъ панамъ; тамъ имъ давали занятія по ихъ достоинству, по протекціи или по капризу властелина. Однихъ приставляли къ собакамъ, другихъ къ лошадямъ; однихъ допускали смотрѣть за панскими платьями, другихъ за панскимъ буфетомъ; тѣхъ удостоивали стоять съ тарелкою за кресломъ пана или пани; другіе сидѣли въ канцеляріи и писали панскіе счеты; иные, удостоенные панскаго довѣрія, отправлялись въ панскія деревни экономами, диспозиторами, провентовыми писарями и пр. Нѣкоторые ничего ровно не дѣлали, жили, какъ говорилось, на респектѣ, и развлекали властелина, если на это были способны, или же составляли панскія команды, и если панъ вздумаетъ сдѣлать заѣздъ на сосѣда, или на судъ, то отправлялись на геройскіе подвиги. Не всѣхъ къ дворской службѣ побуждала корысть, не всѣ служили на жалованьи: люди зажиточные, владѣвшіе собственными имѣніями, отдавали своихъ сыновей во дворъ, чтобы они набрали тамъ лоску (poloru). У пани было также много шляхетныхъ дѣвицъ, которыхъ онѣ часто выдавали замужъ и снабжали приданымъ. Такой благородной дворни въ Польшѣ были тысячи. Поляки кичились своею свободою, называли рабами другіе народы, у которыхъ было монархическое правленіе, но сами не считали унизительнымъ добровольное холопство. Бить и сѣчь благородныхъ шляхтичей было въ обычаѣ; наблюдалось только, чтобы экзекуція происходила на коврѣ.

Другіе, окончившіе ученіе, предпочитали идти въ такъ-называемую палестру. Это была корпорація молодыхъ людей, посвятившихъ себя юриспруденціи. При трибуналахъ, при городскихъ и земскихъ судахъ, при ассесоріяхъ, консисторіяхъ, терлись они подъ названіями меценасовъ, адвокатовъ, патроновъ, пленипотентовъ и пр. Все это были ходатаи по разнымъ дѣламъ и кандидаты на должности, которыя можно было получить въ свое время, при помощи связей и протекцій. Иные находили себѣ въ этомъ занятіи средства существованія, но зажиточные поступали въ палестру только для практическаго изученія судопроизводства и умѣнья ворочать законами. Народъ, составлявшій палестру отличался буйными нравами.

Иные изъ молодежи поступали въ военную службу. Въ XVIII вѣкѣ, войско въ Польшѣ представляло что-то до крайности комическое. Послѣ сейма 1717 года, постановлено было число войска до 18-ти тысячъ; его на дѣлѣ было гораздо меньше и едва доходило до восьми тысячъ. Польское войско раздѣлялось на два

отдѣла: польскій и нѣмецкій. Въ первомъ команда была по-польски, въ другомъ по-нѣмецки: первый состоялъ изъ конницы; туда входили гусары, панцерные и легкая кавалерія; во второмъ была конница и пѣхота; къ нему принадлежала и коронная гвардія, пѣшая и конная. Въ первомъ отдѣлѣ всѣ служащіе были непремѣнно шляхетскаго происхожденія, въ послѣднемъ же только офицеры. Служить въ пѣхотѣ считалось унизительнымъ для обывателя, гордившагося своимъ происхожденіемъ. Ученія и экзерцицій не бывало. Военные чины гетмановъ, регментарей, полковниковъ, ротмистровъ, капитановъ были синекуры въ родѣ такихъ, какія были въ духовномъ званіи; за нихъ исправляли должность поручники, да и тѣмъ нечего было дѣлать. Ротмистръ кавалеріи всегда былъ знатное лицо. Кавалеріи приходилось разъ или два въ годъ собраться въ рыцарское коло, пощеголять своими мундирами, блескомъ вооруженія, породою лошадей; тамъ говорились витіеватыя рѣчи, восхвалялись польское мужество и храбрость, воспоминались имена Жолкѣвскихъ и Ходкѣвичей, величали своихъ начальниковъ, сравнивая ихъ съ Александромъ Македонскимъ, или Юліемъ Цезаремъ, пировали, пѣли, плясали и потомъ расходились по домамъ. Каждый жилъ, гдѣ хотѣлъ—въ своемъ имѣніи или у какого-нибудь пана. Въ нѣмецкомъ отдѣлѣ войска бо̀льшая часть офицеровъ была также постоянно въ отпуску. Полки раздѣлялись на хоругви и были вообще малолюдны, до 200 чел. и даже менѣе; только въ пѣшей королевской гвардіи считалось до 1,000 челов. Страсть къ чинамъ побуждала обывателей зачисляться въ военную службу, чтобы носить мундиръ, ничего не дѣлать, а между тѣмъ получать повышенія. Отъ этого въ полку бывало такое же количество офицеровъ, какъ и солдатъ. Такъ при Августѣ III, въ одномъ конномъ полку состоявшемъ изъ 180 человѣкъ и раздѣлявшемся на 6 хоругвей, было въ каждой хоругви по тридцати офицеровъ. Пѣшія войска набирались посредствомъ вербунки изъ людей развратныхъ, пропившихся, проигравшихся. Они не оставляли своихъ качествъ въ военной службѣ, а еще преуспѣвали въ нихъ. Другіе, бѣдные, были насильно завербованы; нападутъ вербовщики на молодца, накинутъ на него солдатскій плащъ, надѣнутъ киверъ и нѣтъ ему спасенія: будутъ говорить, что пошелъ охотою; и такіе въ обществѣ развратныхъ скоро усвоивали ихъ нравы. Въ особенности пѣшая кавалерская гвардія славилась обиліемъ мошенниковъ, воровъ, игроковъ и забіякъ. Со времени Сѣверной войны, поляки почти ни съ кѣмъ не воевали до самаго Станислава-Августа; только неугомонный южно-русскій народъ не покидалъ завѣщанной Хмельницкимъ вражды къ ляхамъ и на-

дежды на освобожденіе; онъ безпрестанно бунтовалъ подъ именемъ гайдамаковъ, подкрѣпляемыхъ выходцами изъ запорожской сѣчи. Противъ нихъ-то ходили на брань польскія военныя силы и рѣдко успѣвали ихъ ловить; гайдамаки убѣгали въ Сѣчь, а свирѣпыя казни, приготовленныя для нихъ, постигали крестьянъ, по подозрѣнію въ сочувствіи гайдамакамъ.

Наконецъ, значительная часть окончившихъ курсъ ученія поселялась въ своихъ имѣніяхъ и жила дѣдовскимъ обычаемъ, широко и весело. Молодой обыватель женился, праздновалъ свадьбу на славу, заживалъ семейною жизнью и, вѣрный наставленіямъ своихъ родителей, не переставалъ думать о небесахъ, а потому и держалъ у себя каплана, духовнаго отца, посредника въ сношеніяхъ со святыми, друга и совѣтника. Нерѣдко и дѣти его походили на духовнаго отца. Кромѣ того, къ нему въ домъ ѣздили за подаяніями и съ благословеніемъ всякихъ орденовъ монахи, ихъ всегда кормили, поили, ласкали; самъ обыватель ѣздилъ въ монастыри пировать, или въ гости къ сосѣдямъ на имянины, крестины, свадьбы, или созывалъ сосѣдей къ себѣ; на святкахъ и отпустахъ ѣздилъ на шумныя и веселыя кулиги, какъ назывались зимнія катанья изъ двора во дворъ, иногда засѣкалъ до смерти или вѣшалъ своихъ хлóповъ, ссорился съ сосѣдями, выходилъ съ ними на поединки, или велъ съ ними тяжбы за какое-нибудь неосторожное слово, утучнялъ черезъ то меценасовъ и адвокатовъ, а не то—употреблялъ въ дѣло brachium militare, т. е. собиралъ хлóповъ и подпоенную загоновую шляхту, нападалъ или посылалъ нападать на дворъ своего противника, а тотъ, въ свою очередь, если былъ предувѣдомленъ, собиралъ изъ своихъ хлóповъ и подпоенной шляхты corpus defensivum: кто одолѣвалъ, тотъ былъ правъ. Для оправданія такихъ поступковъ у поляковъ было юридическое латинское названіе: отнять у другого собственность называлось пріобрѣтать via facti. Насоливши хорошенько другъ другу, проливши достаточно крови, обыватели мирились, и это называлось кончать дѣло per bona officia. И тутъ-то шли пиры на радости примиренія.

Но нигдѣ польская жизнь не проявлялась въ такомъ блескѣ, какъ на сеймикахъ. Сеймики собирались по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ (это было различно) для избранія пословъ на сеймъ и составленія имъ инструкцій, а по окончаніи сейма—для слушанія отчета отъ пословъ (въ послѣднемъ случаѣ сеймики назывались реляційными). Кромѣ того, сеймики собирались для избранія депутатовъ на трибуналъ и назывались депутатскими и сверхъ того, для разсужденія о дѣлахъ своего воеводства земли или повѣта, и назывались господарскими. Такимъ образомъ сей-

мики были часты. Въ старину только владѣвшіе недвижимыми имуществами могли участвовать на сеймикахъ, но мало-по-малу стала допускаться шляхта, жившая на панскихъ земляхъ. Сеймики въ Польшѣ были игрушкою пановъ. Обыватели зажиточные, но не магнаты, менѣе чѣмъ кто-нибудь могли имѣть тамъ вліяніе.

Въ Польшѣ было много мелкой шляхты, такъ-называемой загоновой. По жизни и по образованію она ничѣмъ не отличалась отъ хлòповъ; даже по одеждѣ и наружному виду походила на послѣднихъ. Разница была та, что у шляхтича при бокѣ висѣла постоянно сабля (karabela) въ знакъ его благородства. По старымъ шляхетскимъ понятіямъ, для человѣка благороднаго происхожденія предосудительно было заниматься ремесломъ, промысломъ, или торговлею; но шляхтичъ не стыдился лакействовать, продавать свою совѣсть, нищенствовать, а при случаѣ грабить и воровать. Гордый своимъ званіемъ, онъ смотрѣлъ свысока на всякаго непринадлежавшаго къ шляхетству, а панскихъ хлòповъ за людей не считалъ. Когда подобный шляхтичъ на кованой повозкѣ или верхомъ на тощей клячѣ ѣхалъ по дорогѣ, встрѣчные мужики бросались отъ него въ сторону, потому что, столкнувшись съ мужикомъ, шляхтичу ничего не стоило потянуть его нагайкою ни за-что, ни про-что. Наглость была безмѣрная, за то и безмѣрное униженіе изъ-за выгодъ. Каждый такой шляхтичъ былъ самъ по себѣ нуль, но въ громадѣ они составляли силу. Случалось, говоритъ современникъ Козьмянъ, встрѣтится такой шляхтичъ съ обывателемъ, и понравится шляхтичу на обывателѣ шапка, онъ безъ церемоніи снимаетъ ее, примѣритъ себѣ на голову и говоритъ: не правда-ли, ваша шапка идетъ ко мнѣ? Обыватель долженъ сказать: возьмите ее себѣ навсегда. Иначе, если онъ этого не сдѣлаетъ, то шляхтичъ припомнитъ ему и настроитъ противъ него свою братью шляхту. Какъ истые поляки, этого рода шляхтичи любили пожить весело и нанимались у пановъ служить ихъ произволу, не тайными убійствами, какъ итальянскіе bravi, а явнымъ буйствомъ и держаніемъ стороны своихъ патроновъ, тамъ гдѣ нужно. Задумаетъ панъ сдѣлать пакость другому пану, стòитъ ему собрать пановъ-братію, какъ они назывались, подпоить и подкормить ихъ, дать впередъ по два, по три червонца, да обѣщать вдвое или втрое, и тогда они отправлялись въ заѣздъ, готовые вступить въ свалку со шляхтою, набранною другимъ паномъ. Эта всегда падкая на пьянство и обжорство толпа, со словами гонора на устахъ, пользовалась своими правами свободнаго гражданина для того, чтобы продавать ихъ панамъ на сеймикахъ. Какъ только

приближался сеймикъ, панъ сговаривался со шляхтою, набиралъ ее и везъ въ своихъ повозкахъ въ городъ, гдѣ долженъ быть сеймикъ. Иногда шляхту, такимъ образомъ свезенную, размѣщали по монастырскимъ дворамъ, иногда на выгонѣ передъ городомъ; тамъ ее угощали, кормили до-сыта, поили до-пьяна и посылали на сеймикъ дѣлать и говорить по приказанію пана. Сеймики происходили иногда въ самомъ костелѣ, иногда близъ костела. Между тѣмъ, въ другомъ монастырѣ, или на другомъ выгонѣ около того же города, панъ, противникъ перваго, угощалъ шляхту изъ другой околицы и, напоивши, посылалъ на сеймикъ дѣлать и говорить по-своему. Когда открывался сеймикъ, одна шляхта кричала vivat своему пану, а другая своему. Неизбѣжно происходила свалка. Шли въ дѣло сабли. Безъ кровопролитія ни одинъ сеймикъ не обходился. Поляки такъ привыкли къ этому, что считали такія происшествія неотвратимымъ ходомъ дѣлъ человѣческихъ. На которой сторонѣ было больше разбитыхъ носовъ, подбитыхъ или выбитыхъ глазъ, изрубленныхъ рукъ или ногъ, чья сторона, не выдержавши боя, бѣжала, тà проигрывала. Плѣнныхъ не брали; поваливши на землю побѣжденнаго витязя, отбирали у него деньги, поясъ, шапку, кунтушъ. Побѣдители, удержавъ за собою поле битвы, голосовали, и все, чтó угодно было нанявшему ихъ пану, постановлялось; выбирались такіе послы на сеймъ и депутаты въ трибуналъ, какихъ онъ назначалъ; писались инструкціи, какія онъ сочинялъ; утверждались распоряженія, какія онъ придумывалъ. Иногда такія драки и кровопролитія происходили въ самомъ костелѣ; доставалось даже ксендзу, если онъ вздумаетъ разнимать драку. Случалось станетъ передъ ними священникъ съ распятіемъ, или съ ковчегомъ: пьяная толпа выбьетъ у него изъ рукъ распятіе, или ковчегъ, и пальцы ему обрубитъ, а потомъ костелъ запечатаютъ до новаго освященія. По окончаніи сеймика, побѣдителей опять кормили, поили и расплачивались съ ними по договору, а затѣмъ развозили по домамъ, иногда же этого не дѣлали, а заплативши чтò нужно, предоставляли возвращаться домой, какъ кому угодно; тѣмъ же, которые вышли изъ битвы съ ранами, накидывали какой-нибудь лишній червонецъ на вылѣчку. Всегда почти, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, было нѣсколько такихъ, которые объѣдались и опивались до смерти. Что же касается до побѣжденной стороны, то ободранные, избитые, искалѣченные и уступившіе поле битвы не смѣли уже просить своего пана о наградѣ, а развѣ какъ-нибудь сами себя вознаграждали: нападали на мѣщанъ, на ихъ домы и лавки, и грабили ихъ. Вообще сеймики плодили калѣкъ въ Польшѣ. Повсюду можно было встрѣ-

тить героевъ съ выколотыми глазами, хромыхъ, безрукихъ, а иные носили на себѣ такіе рѣзкіе слѣды участія на сеймикахъ, что изуродованныя лица ихъ пугали слабонервныхъ женщинъ.

Чтобы видѣть образчикъ нравовъ этихъ свободныхъ гражданъ Рѣчи-Посполитой, укажемъ на описаніе сеймика въ Люблинѣ, оставленное современникомъ Козьмяномъ въ его запискахъ. «Наши сеймики — говоритъ онъ — отправлялись лѣтомъ, или раннею осенью; у моего отца нанимался домъ за іезуитскимъ монастыремъ, безъ оконъ и безъ дверей, предназначенный для ночлега шляхтѣ, и съ этою цѣлью возили туда солому и сѣно. Другіе помѣщались по монастырскимъ конюшнямъ и строеніямъ, а ѣли они въ монастырскихъ переходахъ, гдѣ можно было помѣстить заразъ не болѣе восьмидесяти человѣкъ, поэтому собесѣдниковъ смѣняли однихъ другими: тутъ не обходилось безъ дракъ и сценъ. Столы застилались простыми скатертями. Сперва тарелки и ложки были оловянныя, но такъ какъ шляхта ихъ ломала, или брала себѣ, то замѣнили ихъ жестяными. Трудно было уберечь столовую утварь: пропадали со стола не только ножи, вилки и ложки, но даже скатерти; поэтому столы стали покрывать полотномъ и прибивать гвоздиками. Однажды, во время такого обѣда, вошелъ какой-то шляхтичъ въ сѣрой епанчѣ съ капишономъ, и, протѣснясь къ столу, кричалъ: — паны-братья! Вы ѣдите, а я голоденъ, со вчерашняго дня не ѣлъ! — А зачѣмъ не пришелъ раньше, кричали ему. Шляхтичъ сталъ вырывать у сидящихъ вилки, его оттолкнули отъ стола. Въ это время несли огромную мису съ горячими рубцами (фляками); шляхтичъ бросается на мису, жретъ фляки и обжигается. Тутъ собесѣдники выскакиваютъ изъ-за стола, тѣ рвутъ у него изъ рукъ мису, тѣ дергаютъ за капишонъ, а тѣ кричатъ ему: «насыщайтесь, когда не ѣли», и цѣлую мису горячаго кушанья выкладываютъ ему въ капишонъ. Шляхтичъ, обожженный въ плечи горячими рубцами, кричитъ и скачетъ; собесѣдники бросаются на него съ вилками, хотятъ достать рубцы изъ капишона, не попадаютъ и колютъ шляхтича-забіяку; наконецъ, срываютъ съ него капишонъ, выкладываютъ рубцы опять въ мису и ѣдятъ. Подобный случай видѣлъ я на другомъ сеймикѣ съ блюдомъ пироговъ: схватилъ его голодный шляхтичъ и побѣжалъ; его стали догонять и ворвались въ мое помѣщеніе; шляхтичъ выбросилъ жирные пироги въ каминъ, наполненный золою, а другіе отпихнули его прочь, доставали пироги изъ золы и ѣли. На третьемъ сеймикѣ, который приходился лѣтомъ, давали шляхтѣ ужинъ, продолжавшійся до свѣчъ; повару пришло въ голову попотчивать гостей компотомъ изъ вишень. Сперва паны-братья ѣли, а потомъ надоѣло имъ выбирать

косточки и они стали другъ друга мазать и красить вишневымъ сокомъ, такъ что вся громада казалась окровавленною. Тутъ прибыла новая шляхта и думала, что происходила драка и всѣ хватились за сабли. Предводительствовалъ ими шляхтичъ изъ села Собѣщанъ, по фамиліи Ходковскій, большой рубака. Между селами Тарновкою, Старовесью и Собѣщанами давно уже былъ споръ за первенство; тарновянамъ и старовесьянамъ не нравилось, что первенствуетъ шляхтичъ изъ села, которое они считали меньшимъ. Ходковскій, видя, что война идетъ только на вишняхъ, закричалъ: паны-братья, перестаньте дурачиться, объ васъ подумаютъ, что вы рубились. — А! вы насъ учить! закричали Тарновка и Старовесь, — мы васъ научимъ, когда такъ! И погасивши свѣчи, они бросились на него съ саблями. Ходковскій, неустрашимый и сильный, въ темнотѣ отбиваетъ нападеніе, обнажаетъ палашъ и, опершись плечомъ объ окно, машетъ своимъ орудіемъ, обрубливаетъ противникамъ пальцы, задаетъ раны по головамъ и по лицамъ. На этотъ разъ брызжетъ ужъ не вишневый сокъ. Нѣкоторые принесли свѣчи, кричали: братья-шляхта! не проливайте крови! и пытались разнять свалку. Тѣ грозятъ, другіе бранятъ, раненые плачутъ. У Сцибора и у Собѣщанъ не стало пальцевъ, другіе пріобрѣли порядочныя царапины по лбу и по щекамъ. Ходковскаго постарались запереть, а то шляхта изрубила бы его въ куски. На счастье, не было на этой сценѣ шляхтича изъ Старовеси, Доморадскаго. При немъ буря не такъ бы скоро успокоилась. Этотъ шляхтичъ не умѣлъ ни читать, ни писать, за то силенъ былъ, какъ Геркулесъ, широкоплечъ, жиловатъ, средняго возраста, уже съ просѣдью; своею физическою силою, способностью много выпить и умѣньемъ обращаться съ саблею, сталъ онъ извѣстенъ на ярмаркахъ и сеймикахъ. Отецъ мой держалъ его у себя какъ ассистента, далъ ему должность лѣсничаго, жалованье, пару платья на каждый годъ, и бралъ съ собою на сеймики. Люблинская шляхта не смѣла его зацѣпить, а напротивъ, выбрала его себѣ ватажкомъ. Таскаясь по ночамъ между шляхтою, завелъ онъ ссору съ Луковскою шляхтою, которая не смѣла на него броситься открыто, а задумала отомстить ему коварнымъ способомъ. По окончаніи сеймика, Луковская шляхта сдѣлала на него засаду, въ переходахъ у доминиканцевъ; одни занимали его разговоромъ въ костелѣ, чтобы онъ не вышелъ оттуда вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, а другіе ждали его за дверьми костела. И только-что Доморадскій перешагнулъ черезъ порогъ костела, какъ раздался крикъ: попался молодецъ! и бросились на него съ обнаженными саблями. Нашъ Геркулесъ обнажилъ свой палашъ и уже нѣсколькихъ порядочно намѣтилъ,

какъ вдругъ у него переломился клинокъ. Шляхта рубитъ безоружнаго; онъ закрываетъ себя шапкою отъ ударовъ; раны нанесли ему неглубокія, но кровь все-таки течетъ. Неустрашимый Доморадскій схватилъ поперегъ одного шляхтича, который задорнѣе всѣхъ лѣзъ впередъ, и началъ имъ обороняться. Бѣдный шляхтичъ получилъ за него нѣсколько ранъ, кричалъ своимъ «оставьте», а самъ, какъ держалъ въ рукѣ саблю, такъ и продолжалъ ею отчаянно махать и защищалъ отъ ранъ своего же врага. Наконецъ, Доморадскій увидалъ приставленный къ стѣнѣ столъ, покинулъ шляхтича, залѣзъ подъ столъ, приподнялъ его на голову и сталъ пробиваться впередъ. Шляхта продолжала бросаться на него съ саблями, но удары доставались столу, и Доморадскій, пробившись, такимъ образомъ, на улицу, упалъ въ изнеможеніи отъ потери крови. Тутъ на выручку ему прибѣжала шляхта Люблинская и разогнала его непріятелей. Моего отца извѣстили, что Доморадскій лежитъ безъ дыханья на улицѣ. Мой отецъ отправлялся тогда на званый обѣдъ и тотчасъ послалъ двухъ своихъ ассисентовъ, далъ два червонца на доктора и фельдшера и приказалъ отвезти Доморадскаго въ госпиталь «милосердныхъ дѣвицъ». Но каково же было его удивленіе, когда онъ черезъ нѣсколько часовъ, вернувшись съ обѣда, увидѣлъ передъ собою Доморадскаго. Онъ былъ, правда, весь въ крови, но съ хмѣльною головою, обклеенною бѣлыми бумажными лентами, которыми залѣпилъ себѣ раны. Доморадскій пропилъ посланные ему два червонца и готовился разсчитаться со шляхтою, но отецъ мой отправилъ его поскорѣе къ себѣ въ имѣніе».

На такомъ-то народцѣ опирался республиканскій строй Польши. Средней руки обыватели должны были ладить съ этой шляхтою, мѣряться съ знатными панами имъ было не подъ стать, потому что знатный панъ имѣлъ въ рукахъ своихъ болѣе силы и могъ стереть съ лица земли строптиваго обывателя. Опираясь на громаду загоновой шляхты, знатный панъ менѣе всего могъ имѣть нужды въ обывателяхъ, а потому послѣдніе должны были угождать магнатамъ еще болѣе, чѣмъ загоновая шляхта.

Главнымъ характеромъ польскаго общества было обжорство и пьянство, доходившее до размѣровъ, передъ которыми остановится самое гомерическое воображеніе. Шляхта, собираясь на попойки, пила буквально бочками. Кружокъ пьяницъ прикатитъ къ себѣ бочку, говоря, что если хлопецъ безпрестанно будетъ ходить за пивомъ, то сапоги истопчетъ; садятся вокругъ бочки и даютъ себѣ урокъ непремѣнно ее опорожнить, пьютъ съ утра до поздней ночи и, наконецъ, кончаютъ тѣмъ, что бочка оказывается пустою. Отъ послѣдняго шляхтича до знатнаго пана вся

Рѣчь-Посполитая пила безъ просыпу. Не пить — считалось порокомъ; тѣ, напротивъ, которые могли много выпить, пріобрѣтали себѣ славу. Были такіе, приводящіе въ ужасъ, шляхетскіе желудки, что поглощали въ себя заразъ [1]) цѣлый гарнецъ пива. На пирахъ у поляковъ наблюдался такой обычай. Когда хозяинъ давалъ званый обѣдъ, то самъ долженъ былъ показывать другимъ примѣръ, и пить здоровье гостей за каждою перемѣною кушаньевъ. Сначала, послѣ перваго блюда, онъ вставалъ, пилъ за здоровье всѣхъ поочередно, называя знатнѣйшихъ по именамъ, а тѣхъ, которые не пользовались большимъ почетомъ, титуловалъ вашей милостью или васаномъ. Въ гостепріимствѣ соблюдалось строгое отличіе достоинства гостей; хлѣбосолъ-панъ, хотя поилъ и кормилъ и богатаго и бѣднаго, но обращался съ ними различно. Всѣ должны были вставать и пить за здоровье тѣхъ, которыхъ именовалъ хозяинъ, и произносить ихъ имена; само собою разумѣется, что при этомъ происходилъ безобразнѣйшій крикъ. Это былъ приступъ къ попойкѣ; за вторымъ блюдомъ хозяинъ пилъ изъ большого кубка здоровье перваго, по значенію, гостя и давалъ ему въ руки кубокъ; гость вставалъ и пилъ за здоровье хозяина и всѣ гости должны были вставать. Такимъ же образомъ хозяинъ бралъ другой кубокъ, пилъ за здоровье другого гостя, и отдавалъ ему въ руки. Служители наливали; гость вставалъ, пилъ здоровье хозяина, и снова всѣ вставали. Точно также поступали и съ третьимъ, и четвертымъ и т. д., но только съ тѣми гостьми, которыхъ, по знатности, уважалъ хозяинъ; прочіе довольствовались тѣмъ, что ихъ поминали въ имени званія, къ которому они принадлежали. Послѣ тостовъ за отдѣльныхъ лицъ, пили за здоровье и благосостояніе званій, напр. здоровье духовенства, безъ котораго не обходился ни одинъ пиръ, здоровье войсковыхъ, палестры, дамъ, дѣвицъ и пр. Принуждали непремѣнно осушать кубокъ однимъ духомъ; а если кто не выпивалъ, тому тотчасъ доливали: для этого одна прислуга стояла сзади за гостьми, а другая залѣзала подъ столъ, такъ что, если гость, держа кубокъ, поднималъ его вверхъ, то стоявшій за нимъ слуга тотчасъ наполнялъ, а если гость опускалъ кубокъ внизъ, то слуга, сидѣвшій подъ столомъ съ бутылкою, спѣшилъ влить туда вина. Послѣ этихъ заздравныхъ чашъ, пили за процвѣтаніе разныхъ отвлеченныхъ понятій, выражаемыхъ по-латыни, напримѣръ: за благосостояніе отечества, за славу его и т. д. Послѣ обѣда, когда, по обычаю, молодежь танцовала, пожилые люди сидѣли за столами, осушали и передавали изъ рукъ въ руки

---

[1]) Четыре кварты, около 5 бутылокъ.

кубки съ обряднымъ выраженіемъ: вамъ въ руки (w ręce pana). Хозяинъ-полякъ, точно такъ, какъ и нашъ москвичъ въ старину, поставлялъ себѣ честь въ томъ, чтобы гости, подъ конецъ пира, были безъ языка и безъ ума. Иной, нагрузившись до-зѣла, выходя изъ дому, падалъ въ грязь или снѣгъ, а иной разбивалъ себѣ носъ, соскользнувши съ лѣстницы. Нерѣдко хлѣбосолы употребляли насиліе надъ гостьми, особливо, если гости были невысокаго достоинства: ихъ заставляли пить угрозами. Китовичъ, въ своемъ «Описаніи польскихъ обычаевъ временъ Августа III», разсказываетъ о знаменитомъ въ свое время Адамѣ Малаховскомъ. Много было несчастныхъ, которыхъ судьба завлекала къ нему въ гости: они принуждены были пить до того, что тутъ же засыпали вѣчнымъ сномъ. Было у него страшилище: кубокъ, съ вырѣзанными тремя сердцами и съ надписью «Corda fidelium»; туда входило полгарнца. Кто бы къ нему ни пріѣхалъ — такой ли знатный панъ, какимъ онъ былъ самъ, простой ли шляхтичъ, жидъ, или посыльный слуга, — хозяинъ кормилъ его по достоинству завтракомъ, обѣдомъ или ужиномъ, смотря по времени пріѣзда гостя, а потомъ приказывалъ подать «Corda fidelium» и заставлялъ пить залпомъ; если же гость, какъ случалось, не выпивалъ, слуга немедленно доливалъ до тѣхъ поръ, пока гость не сваливался безъ чувствъ, или не испускалъ дыханія. Всѣ обѣгали Бонкову-гуру, какъ называлось его имѣніе, и если кого онъ звалъ къ себѣ въ гости, то гостю прежде нужно было взять отъ него salvum conductum, съ присягою въ томъ, что гость не подвергнется испитію рокового «Corda fidelium». «Я самъ — говоритъ разсказчикъ — едва избавился отъ этой бѣды и убѣжалъ безъ сабли, шапки и лошади. Панъ Малаховскій хвалился, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы выпилъ залпомъ «Corda fidelium». Но нашелся одинъ бернардинъ, смѣло пріѣхалъ въ домъ Малàховскаго и, подвергнутый пыткѣ питья, нѣсколько разъ отпивалъ кубокъ, и послѣ нѣсколькихъ доливаній, однимъ залпомъ опорожнилъ «Corda fidelium». Другой знаменитый обжора и пьяница, панъ Борейко, созывалъ къ себѣ разныхъ орденовъ монаховъ, запирался съ ними на нѣсколько дней, поилъ до безобразія и заставлялъ пьяныхъ отправлять урочныя дневныя богослуженія. Онъ построилъ близъ своего двора часовню святого Яна Непомука, уставилъ ее лавками и скамьями, велѣлъ приносить туда значительное количество вина, пива и водки, самъ садился въ часовню съ четками и молитвенникомъ, и останавливалъ всѣхъ ѣдущихъ по дорогѣ, какого бы званія они ни были: монахъ ли, жидъ, обыватель или хлопъ — все-равно; панъ Борейко выходилъ изъ своей часовни, распра-

шивалъ, кто такой, куда ѣдетъ, зачѣмъ, выпивалъ за его здоровье вина, предлагалъ ему и поилъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не сваливался съ ногъ. Панъ Борейко не приневоливалъ къ испитію кубковъ залпомъ, а позволялъ пить съ роздыхомъ. Его обжорство вошло въ такую славу, что составилась поговорка: «а чтобъ ты такого чорта съѣлъ, какъ панъ Борейко съѣстъ!»

Въ Люблинскомъ краѣ, какъ сообщаетъ Козьмянъ, былъ подобный гуляка Михаилъ Грановскій: у него былъ такой обычай, что когда подопьетъ, то раздѣнется до-нага и гостямъ велитъ тоже дѣлать, а кто не хотѣлъ, того раздѣвали насильно. «Я американецъ», кричалъ онъ при этомъ. Было у него два завѣтныхъ кубка, одинъ въ пять бутылокъ вмѣстительности и назывался орломъ, а другой назывался уткою и вмѣщалъ три бутылки. Однажды въ Люблинѣ въ трибуналѣ онъ выигралъ процессъ и собралъ къ себѣ на пиръ членовъ трибунала; только президентъ не поѣхалъ къ нему потому, что былъ нездоровъ. Подпивши хорошенько, панъ Грановскій закричалъ «я американецъ; кто меня любитъ, пусть дѣлаетъ то, что я». Вслѣдъ затѣмъ, онъ мгновенно раздѣлся и выскочилъ на улицу. Въ угодность ему раздѣвались гости и выскакивали за нимъ. Небогатые шляхтичи пустились бѣжать, потому что имъ было стыдно показать, что у нихъ бѣлье не въ отличномъ порядкѣ. Гайдуки и лакеи догоняли бѣглецовъ и съ помощью гостей, хотѣвшихъ угодить панской фантазіи, раздѣвали ихъ. Передъ крыльцомъ на улицѣ, по данному прежде приказанію, стояла огромная запряженная бричка съ двумя бочками вина. Былъ въ числѣ гостей нѣкто Бадовскій, славный обжора: онъ за завтракомъ выпивалъ четыре бутылки портеру, потомъ съѣдалъ цѣлое блюдо зразъ, каши и два каплуна, и запивалъ все это четырьмя бутылками вина. Этотъ чудакъ сѣлъ на бочку, представляя изъ себя Бахуса, огромной разливательной ложкою черпалъ вино и наливалъ въ кубки, которые подставляли идущіе около брички нагіе собесѣдники. Было ихъ числомъ человѣкъ восемдесятъ; всѣ они страшно кричали, пѣли, плясали, а нѣкоторые, не выдержавши огромнаго количества пойла, принятаго въ себя, падали на землю и извергали поглощенное. Такая толпа бросилась на домъ, гдѣ жилъ президентъ, выломала запертыя двери, стащила съ постели больного президента и хотѣла вести за своею процессіею. Насилу онъ умолилъ ихъ оставить его въ покоѣ.

Выходки подобнаго рода были тогда въ большой модѣ. Духовныя особы не отставали въ этомъ отъ свѣтскихъ. Тотъ же Козьмянъ разсказываетъ, что въ его время въ Люблинѣ былъ ксендзъ Ленчевскій, носившій титулъ Абдеритскаго епископа,

большой любитель и даватель пировъ. Однажды онъ давалъ пиръ по случаю полученія ордена и, когда уже всѣ подпили, пьяный епископъ закричалъ: «я кавалеръ! пойдемъ на улицу съ музыкой». Всѣ вышли на улицу, гости пляшутъ: епископъ впереди подплясываетъ и припѣваетъ «дай мнѣ ночку ночевать, смочилъ меня дождикъ! А потомъ вскрикиваетъ: я кавалеръ!» Монахи были большіе кутилы. Въ монастыряхъ умѣли приготовлять отличные меды, наливки и старая водка; монаховъ приглашали даже въ обывательскіе домы, какъ спеціалистовъ приготовлять напитки. Всегда радушный и хлѣбосольный монастырь, только по наружности прикрывался аскетизмомъ; монахи на виду народа, въ церкви, корчили постныя лица, а между тѣмъ обители ихъ были открыты для веселыхъ поклонниковъ Бахуса [1]), и повсюду въ обывательскихъ домахъ монахи были самыми веселыми собесѣдниками. «Я видалъ, говоритъ Козьмянъ, какъ одна гостепріимная пани держала за поясъ монаха, а другой рукой наливала ему вина; онъ же, въ угоду ей, прыгалъ, представляя медвѣдя на цѣпи». Всѣ подобныя выходки, хотя и были непристойны, по крайней мѣрѣ не заключали въ себѣ ничего жестокаго; были случаи, когда панъ-озорникъ, пріучившись не сдерживать себя въ пьяномъ видѣ, позволялъ себѣ выходки не слишкомъ добродушнаго свойства. Къ такому разряду иногда принадлежалъ знаменитый Карлъ Радзивиллъ, извѣстный подъ названіемъ «Panie Kochanku», особенно въ своей молодости. Почти всегда пьяный, расточительный до безпредѣльности, поставлявшій себѣ первымъ удовольствіемъ кормить и поить всякаго встрѣчнаго и поперечнаго изъ шляхетскаго званія, въ случаѣ, когда кто-нибудь не потакалъ его пьяному капризу, тотчасъ выпускалъ тигровые когти. Однажды его собесѣдникъ, такой же кутила, какъ и онъ, панъ Пацъ, поссорился съ нимъ за пирушкой. Причина была та, что Радзивиллъ позволялъ себѣ дурачиться со всякимъ, не считая никого равнымъ себѣ; точно также началъ онъ обращаться и съ Пацомъ и задѣлъ его гоноръ. Пацъ вызвалъ его на поединокъ. Радзивиллъ кликнулъ людей, приказалъ Паца заковать въ кандалы и посадить въ тюрьму. На утро объявили ему смертную казнь и вывели одѣтаго въ саванѣ на середину двора. Палачъ стоялъ съ орудіемъ. Ксендзъ приготовилъ къ смерти осужденнаго. Тогда окружающіе бросились къ ногамъ Радзивилла и умоляли пощадить пріятеля. Радзивиллъ былъ непреклоненъ. Пацъ при видѣ смерти умолялъ, чтобы ему позво-

[1]) Только нѣкоторые строгіе ордена, какъ напр. Камедуловъ или Траппистовъ составляли исключеніе.

лили поправить что-то на исповѣди. Радзивиллъ тогда закричалъ: «вотъ я тебя теперь лучше напугалъ, чѣмъ ты меня вчера поединкомъ». Съ этими словами, онъ взялъ Паца за руку и повелъ въ свой палацъ; но бѣдный Пацъ, избѣжавши смерти отъ палача, умеръ на третій день отъ вина. Николай Потоцкій, староста Канёвскій, прославился самыми разнообразными подвигами пьянства и озорничества. Убить человѣка для него ровно ничего не значило. Онъ забавлялся надъ іудеями, убилъ у сосѣдняго пана іудея и въ замѣнъ привезъ ему цѣлый возъ іудеевъ, наклавши ихъ одного на другого и придавивши сверху гнетомъ, какъ снопы; приказывалъ женщинамъ лазить на деревья, кричать ку-ку и стрѣлялъ ихъ мелкою дробью въ задъ; заставлялъ доминиканцевъ, въ ихъ бѣлой одеждѣ, пролѣзать сквозь дегтяную бочку, разстрѣливалъ каждаго, чья физіономія ему не нравилась, сѣкъ судей, которые судили его за безчинство, положивши ихъ на утвержденный ими приговоръ, а подъ старость построилъ церковь въ Почаевѣ, проживалъ иногда въ монастырѣ, но и осудивъ себя на покаяніе, подчасъ не оставлялъ своихъ пьяныхъ выходокъ. Другой такой же забіяка Шанявскій, староста Малогосскій, дѣлалъ наѣзды на сосѣдей, убивалъ и мучилъ людей; не было ни одной каденціи трибунала, гдѣ бы не состоялось надъ нимъ приговора за его преступленія, и никто не былъ въ состояніи его усмирить: у него была многочисленная дворня; множество загоновой шляхты служило его дикому произволу. Но думая, что онъ ни въ комъ не нуждается, сталъ онъ обижать и эту шляхту; тогда противъ него составился заговоръ: затѣвали убить его. Раздраженныхъ противъ него было такъ много, что онъ понялъ невозможность устоять противъ нихъ со своими силами. Онъ бѣжалъ изъ своихъ имѣній, но не за границу, какъ бы можно было ожидать, а въ Варшаву, зажилъ себѣ въ своемъ домѣ на Грибовѣ и, увѣнчанный трибунальскими приговорами, продолжалъ среди столицы свои дикія выходки; люди боялись ходить по улицѣ мимо его дома; иногда слышали крики тѣхъ, кого онъ мучилъ для забавы. Жена его, промучившись съ нимъ нѣсколько лѣтъ, убѣжала отъ него подъ покровительство королевы, и только при ея содѣйствіи выхлопотала разводъ, но не рѣшалась оставаться въ мірѣ, боясь его мщенія, а пошла въ монастырь. Эти факты показываютъ, до какой степени своевольство въ Польшѣ оставалось безнаказаннымъ, и противъ дикихъ выходокъ магнатовъ не было ни полиціи, ни суда, ни власти.

Когда поляки до такой степени предавались пьянству, обжорству и своевольству, польки увлекались до безумія танцами и увеселеніями. Были въ Польшѣ богатыя пани, которыя всю

жизнь безпрестанно устроивали у себя кулиги, театры, балы и разныя забавы. Тогда, какъ мужья ихъ приневоливали пожилыхъ гостей пить до безчувствія венгерское, жены приневоливали молодежь танцовать мазурку до потери ногъ и рукъ. У веселой госпожи были безпрестанные съѣзды подъ разными предлогами, то чьи-нибудь имянины, то дни рожденія, то годовщина брака, то просто праздники, а тутъ еще у нихъ были кліентки, панны-резидентки, жившія у нихъ, или сосѣднія обывательскія дочки, которымъ онѣ покровительствовали; онѣ знакомили съ ними посѣщавшихъ ихъ молодыхъ людей и устраивали свадьбы; и вотъ являлся новый предлогъ къ танцамъ.

Точно какъ панъ Борейко или панъ Малаховскій затаскивали къ себѣ гостей для попойки, такъ охотницы до плясокъ и забавъ ловили всюду плясуновъ и дамскихъ угодниковъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка, въ мѣстечкѣ Белжицахъ была такая госпожа, по фамиліи Коссовская, сама очень богатая по наслѣдству, жена богатаго пана, державшая мужа подъ властью. Въ ея мѣстечкѣ факторы изъ іудеевъ, ради прибыли, для угожденія пани, подмѣчали такихъ проѣзжихъ, которые, по наружному виду, показывались порядочными людьми; одни хватали лошадей и задерживали экипажъ, другіе бѣжали въ панскій дворъ и давали знать, а вслѣдъ за ними выбѣгали служители и резидентъ, насильно заворачивали въ панскій дворъ и приводили плѣнника въ панскій палацъ на нѣсколько дней, а иногда на нѣсколько недѣль. Не помогали ни жалобы, ни просьбы, ни изложеніе нетерпящихъ отлагательства дѣлъ, ни даже клятвы и обѣщанія скораго пріѣзда; иногда самъ супругъ просилъ отпустить плѣнниковъ, «но неумолима была польская Цирцея—говоритъ современникъ Козьмянъ—и превращала своихъ плѣнниковъ въ танцоровъ и угодниковъ своихъ шалостей и вакхическихъ утѣхъ». Какъ только гости пообѣдаютъ вкусно и сытно да погрѣютъ себя венгерскимъ, такъ являются двадцать четыре музыканта, начинаются танцы, и продолжаются далеко за полночь. Случалось, кто-нибудь выбьется изъ силъ, убѣжитъ изъ залы, забьется въ какой-нибудь закоулокъ и заснетъ мертвецки: замѣтитъ хозяйка его отсутствіе, дастъ приказаніе; отыщутъ бѣглеца, иногда раздѣтаго, несутъ съ постелью въ залу, обливаютъ водой, сѣкутъ розгами и заставляютъ плясать. При страсти къ забавамъ и гостепріимству, паны очень мало заботились объ удобствахъ для своихъ гостей. Плясуны и питухи спали какъ попало; женщинамъ не было пристойныхъ помѣщеній: каждое утро послѣ баловъ тѣснота, безпорядокъ, нечистота царствовали въ панскомъ домѣ. За множествомъ гостей, невозможно было всѣхъ помѣщать въ домѣ и

во флигеляхъ, которые обыкновенно окружали главное зданіе панскаго жилища, и гости помѣщались въ грязныхъ іудейскихъ корчмахъ вмѣстѣ съ толпою прислуги, которая пьянствовала и безчинствовала въ мѣстечкѣ въ то время, какъ ея господа пили и плясали въ панскомъ палацѣ. Очень часто танцы доводили до поединковъ, особенно было въ модѣ спорить до поединка за первую пару въ полонезѣ. Рѣдко, впрочемъ, поединки кончались смертію. Во всѣхъ такихъ собраніяхъ не было и тѣни умственной жизни, тамъ нельзя было услышать разговоровъ ни о политикѣ, ни о благоустройствѣ отечества, ни о литературѣ, ни объ искусствѣ. Безпрестанныя оргіи отучили польскія головы отъ мысли, сердце отъ любви къ труду, пристрастили къ суетѣ, пріучили смотрѣть легко на священнѣйшія обязанности человѣка. Семейныя связи не имѣли твердости; разводы сдѣлались дѣломъ обыкновеннымъ; поляки не задавали себѣ труда удерживать преходящія побужденія и подчинять ихъ разсудку. До какой степени даже сознаніе объ истинно нравственномъ исчезло въ польскомъ обществѣ, спившемся съ круга, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ мемуаристовъ того времени, Охоцкій, безъ зазрѣнія совѣсти разсказываетъ о себѣ, какъ онъ вошелъ въ связь съ актрисою и помогъ своему другу жениться на ней, скрывъ отъ него свои прежнія къ ней отношенія. Авторъ, сообщая объ этомъ, даже не подозрѣваетъ, что онъ дѣлалъ гнусное дѣло.

Представленный нами короткій обзоръ польскаго воспитанія и нравовъ польскаго общества достаточно показываетъ, въ какое невылазное, смрадное болото попала несчастная Польша. Никакая реформа учрежденій, никакія улучшенія въ правленіи, законодательствѣ, никакіе способы къ возвышенію экономическихъ силъ, никакія средства внѣшней защиты не могли ей помочь. Гибель ея лежала въ глубинѣ польскаго характера, который былъ способенъ усвоить и полюбить такую жизнь. Спасти Польшу могло только перевоспитаніе народа, но такое перевоспитаніе, которое бы измѣнило съ корнемъ весь народный характеръ, создало другого поляка: прежній уже никуда не годился. Нѣтъ ничего невозможнаго для воспитанія, оно всесильно надъ человѣкомъ, и нѣтъ на землѣ народа, котораго бы оно не въ силахъ было измѣнить, передѣлать, облагородить и развить. Но, чтобы въ Польшѣ принялось, усвоилось и развилось новое воспитаніе и могло создать новое польское общество, для этого нужно было много времени. Исторія не ждетъ опоздавшихъ.

Н. Костомаровъ.

ИТАЛІЯ

и

МАЦЦИНИ

(1808—1868).

Life and Writings of J. Mazzini. London. 1864—1868.
Histoire politique des papes, p. Lanfrey. Paris, 1868.
Geschichte Italien's v. Reuchlin. Leipzig. 1860. — Von Achtundvierzig bis Einundfünfzig v. *I. Scherr.* Leipzig. 1868.
Die Nationale Presse in Italien und die Kunst der Rebellen v. Cironi, übers. v. Assing. Leipzig. 1863.

VI *).

Изгнаніе Маццини изъ Піемонта совпало съ тревогами 1830 года. Бурбонская династія бѣжала изъ Франціи. Португалія подняла знамя, разорванной произволомъ, конституціи; Германія настаивала на исполненіи старыхъ, не исполненныхъ, обѣщаній; Бельгія добивалась самостоятельности и отдѣленія отъ Голландіи; Швейцарія приступала къ измѣненію своей конституціи; въ Англіи,—къ требованіямъ радикаловъ, о расширеніи свободы, присоединился страшный голосъ голодныхъ рабочихъ. Революціонный пожаръ не могъ не охватить Италіи, которая болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая страна, имѣла право тяготиться господ-

---

*) См. янв. 175 стр.

ствующимъ въ ней порядкомъ вещей. Никто, конечно, не заподозритъ въ революціонныхъ стремленіяхъ Шатобріана, который, будучи французскимъ посланникомъ въ Римѣ, писалъ въ своей депешѣ, что не слѣдуетъ довѣряться оффиціальнымъ извѣстіямъ о положеніи дѣлъ въ Италіи, гдѣ всеобщее недовольство достигло крайнихъ предѣловъ, и въ слѣдующихъ чертахъ обрисовывалъ нѣкоторыя италіянскія государства: «Піемонтъ — въ рукахъ фанатиковъ, австрійцы душатъ миланцевъ, владѣнія св. отца разорены дурной администраціей, герцогъ моденскій устроилъ у себя склады запрещенныхъ товаровъ, которые онъ, контрабандой, ввозитъ ночью въ Болонью, правительство обѣихъ Сицилій возбуждаетъ къ себѣ всеобщее презрѣніе.»

Не удивительно, что такое положеніе становилось невыносимымъ. Худшимъ изъ всѣхъ италіянскихъ правительствъ было, конечно, правительство неаполитанское. Не безъ основанія находили большое сходство между королемъ обѣихъ Сицилій, Францискомъ, и римскимъ императоромъ Клавдіемъ. Бѣдный умомъ, жестокій и развратный король находился во власти приближенныхъ: министра Медичи, цирюльника Вилья, горничной королевы Изабеллы, Катерины де-Симонъ, которые въ свою пользу продавали королевскія милости. Вилья, игравшій такую роль при дворѣ, что ему министры, за свое назначеніе, платили по 30,000 франковъ, не зналъ даже грамоты; но это считалось достоинствомъ при дворѣ, которому было что̀ скрывать отъ любопытства подданныхъ. Изъ другихъ любимцевъ короля наибольшую извѣстность пріобрѣлъ себѣ Делькаретто. Бывшій карбонаръ, измѣнившій заговорщикамъ и доказавшій, что онъ сдѣлался карбонаромъ для того только, чтобы потомъ выдать своихъ обманутыхъ сообщниковъ, Делькаретто скоро добился титула маркиза и мѣста начальника жандармовъ. Ему-то Францискъ всегда и поручалъ подавленіе безпорядковъ. Тутъ Делькаретто обнаруживалъ всѣ свои способности: не смотря на то, что ему приходилось имѣть дѣло съ мелкими, незначительными вспышками, такъ какъ народъ еще не принималъ пока въ нихъ участія, онъ умѣлъ всегда создать бунтовщиковъ и, пуская въ дѣло военное шарлатанство, объявлялъ о побѣдахъ, одержанныхъ надъ многочисленнымъ непріятелемъ, бралъ приступомъ мирныя деревни, сожигалъ дома, разорялъ села и запрещалъ хоронить трупы разстрѣлянныхъ. За военною рѣзнею слѣдовали судебныя убійства: учреждались коммиссіи, приговаривавшія къ смерти невинныхъ людей, отрубленныя головы которыхъ развозились по деревнямъ въ желѣзныхъ клѣткахъ и показывались женамъ и дѣтямъ казненныхъ. Все это дѣлалось, какъ выражался Делькаретто, для

примѣра, возбуждая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе недовольство мѣстныхъ населеній.

Обширное возстаніе, конечнымъ результатомъ котораго должно было быть преобразованіе католицизма уничтоженіемъ свѣтской власти папъ и освобожденіе Италіи отъ австрійцевъ, готовилось на полуостровѣ. Возстаніе должно было начаться съ Модены, гдѣ извѣстный патріотъ Менотти надѣялся вовлечь въ планы заговорщиковъ герцога Франциска VI, который находился съ нимъ въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ и могъ желать переворота, если не для освобожденія Италіи, то изъ личныхъ интересовъ, — въ надеждѣ пріобрѣсти себѣ корону; кромѣ того заговорщики надѣялись на помощь Франціи или, по крайней мѣрѣ, на то, что она не позволитъ австрійцамъ вмѣшаться въ италіянскія дѣла. Эти надежды имѣли, повидимому, свое основаніе не въ томъ только, что лица, стоявшія во главѣ новаго французскаго правительства и даже сынъ Людовика-Филиппа, открыто выражали свое сочувствіе къ италіянскому дѣлу. Но и общественное мнѣніе Франціи постоянно становилось на сторону италіянцевъ и выражало свое негодованіе противъ австрійцевъ. Самый, повидимому, незначительный случай давалъ иногда поводъ къ рѣзкимъ порицаніямъ угнетателей Италіи. Такъ въ это время на общественное мнѣніе Парижа произвели глубокое впечатлѣніе разсказы о пріѣхавшемъ туда для леченія молодомъ италіянскомъ патріотѣ Марончелли. Онъ долгое время, по одному подозрѣнію австрійскаго правительства, содержался въ Шпильбергѣ въ сырой и темной тюрьмѣ на хлѣбѣ и водѣ. Эта жизнь имѣла гибельныя послѣдствія для его здоровья, а лѣвая нога, къ которой, въ теченіе многихъ лѣтъ, было приковано двадцати-фунтовое ядро, потеряла способность къ движенію и потребовала ампутаціи тотчасъ-же послѣ освобожденія Марончелли. Для этой-то операціи онъ и пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ ему выражали самое живѣйшее участіе.

Но всѣ надежды италіянскихъ патріотовъ рухнули гораздо скорѣе, нежели можно было ожидать. Герцогъ моденскій обманулъ Менотти. 3 февраля 1831 года, когда заговорщики, въ числѣ сорока человѣкъ, собрались въ квартирѣ Менотти, ихъ окружили солдаты. Видя домъ осажденнымъ со всѣхъ сторонъ, заговорщики рѣшились сначала защищаться и, не смотря на свою малочисленность, заставили войска отступить. Но когда Менотти, вышедшій на улицу, чтобы идти къ герцогу для объясненій, былъ раненъ и арестованъ, а на помощь къ войскамъ прибыла артиллерія, готовившаяся разрушить домъ, въ одной изъ комнатъ котораго заперлись заговорщики, то они, не желая подвер-

гать опасности другихъ лицъ, жившихъ въ этомъ домѣ, и ни въ чемъ не виновныхъ, — рѣшились сдаться. Солдаты повели плѣнниковъ во дворецъ, осыпая ихъ по дорогѣ оскорбленіями и даже ударами такъ, что Руффини получилъ двѣ раны штыкомъ.

Торжество герцога продолжалось впрочемъ не долго, и на другой день, получивъ извѣстіе о возстаніи, вспыхнувшемъ въ Болоньѣ, онъ сжегъ свои секретныя бумаги и бѣжалъ изъ Модены, увозя съ собою и несчастнаго Менотти, котораго потомъ, въ награду за его обманутую довѣрчивость, предалъ въ руки палача.

Между тѣмъ возстаніе изъ Болоньи быстро распространилось на всю Романью и, спустя нѣсколько дней, трехцвѣтное знамя развѣвалось въ Перузѣ, Сполети, Фолиньо, Терни. Революція охватила Умбрію и Анкону, въ которой временное правленіе перешло въ руки Серконьани и Арманди; принцесса Марія-Луиза бѣжала изъ Пармы, и въ пятнадцати миляхъ отъ Рима господствовала революція. Въ числѣ другихъ лицъ, имѣвшихъ впослѣдствіи вліяніе на судьбу Италіи, въ этой революціи принимали участіе пр. Наполеонъ и Людовикъ Бонапарте (нынѣшній французскій императоръ), которые писали папѣ и уговаривали его отказаться отъ свѣтской власти, не ожидая занятія Рима революціонными войсками. Но инсургенты не рѣшились идти на Римъ; они страдали отсутствіемъ опытныхъ предводителей, единства дѣйствія и денежныхъ средствъ къ веденію войны. Масса народа, не призывавшагося къ участію въ возстаніи, держалась въ сторонѣ. Временныя правительства, учрежденныя въ городахъ, гдѣ торжествовала революція, если и не соперничали между собою, то не имѣли и одного обдуманнаго плана и даже не заботились о соединеніи общихъ силъ противъ общаго врага. Къ тому же революціонная партія потеряла поддержку на югѣ Италіи, гдѣ, послѣ смерти Франциска, вступилъ на престолъ королевства обѣихъ Сицилій Фердинандъ II, который умѣлъ привлечь къ себѣ, въ первое время, расположеніе своихъ подданныхъ и тѣмъ остановилъ готовое вспыхнуть возстаніе. Будучи умнѣе своего отца, онъ понялъ грозившую опасность, поспѣшилъ изгнать ненавистныхъ министровъ и любимцевъ Франциска, измѣнилъ составъ двора, замѣнилъ прежнюю расточительность экономіею, уменьшилъ налоги и привлекъ на свою сторону войска. Такимъ образомъ онъ выигралъ время и ослабилъ революціонныя стремленія въ Неаполѣ и Сициліи.

Провозглашенное французскимъ правительствомъ начало невмѣшательства не помѣшало австрійскимъ войскамъ перейти черезъ По и вступить въ Романью для подавленія возстанія. Видя

свою неудачу, Лафитъ вышелъ въ отставку, и мѣсто его во главѣ французскаго министерства занялъ Казимиръ Перье.

Но еще надежды на помощь Франціи не изсякали, и Маццини, только-что освобожденный изъ тюрьмы и потому не имѣвшій возможности принять участіе въ революціонныхъ движеніяхъ, рѣшился сначала ѣхать прямо въ Парижъ вмѣстѣ съ своимъ дядею, долго жившимъ во Франціи, и которому мать Маццини поручила сына. По дорогѣ онъ остановился въ Женевѣ, гдѣ увидѣлъ Сисмонди, который произвелъ на него непріятное впечатлѣніе также, какъ и другіе италіянскіе эмигранты, жившіе въ Швейцаріи. «Не знаю отчего — замѣчаетъ Маццини — какое-то отчаяніе овладѣло мною, когда я увидѣлъ вблизи этихъ изгнанниковъ, передъ которыми до тѣхъ поръ благоговѣлъ и которыми восхищался, воображая ихъ душою Италіи. Въ ихъ глазахъ вся будущность Италіи зависѣла отъ Франціи. Мнѣ ихъ политика казалась натянутою; это былъ какой-то дипломатическій разсчетъ необходимыхъ сдѣлокъ, но не нравственныя убѣжденія. Личная дружба Сисмонди съ вождями доктринерской школы—Кузеномъ, Гизо и Вильменомъ, очевидно затемняла его сужденія о людяхъ и предметахъ; живя постоянно въ Швейцаріи, онъ проникся идеями федерализма, который и проповѣдывалъ, какъ лучшую государственную организацію, многочисленнымъ эмигрантамъ, его окружавшимъ. Всѣ они вдохновлялись его идеями, и я не нашелъ между ними никого, кто бы не только считалъ возможнымъ, но даже желательнымъ,—италіянское единство».

При отъѣздѣ изъ Женевы, одинъ изъ эмигрантовъ, молчаливо слушавшій споры Маццини съ Сисмонди и другими, сказалъ ему, что если онъ хочетъ работать плодотворно, то пусть ѣдетъ въ Ліонъ и тамъ въ Café du Phenix онъ встрѣтитъ людей, на которыхъ можно положиться.

Маццини дѣйствительно остановился въ Ліонѣ, гдѣ нашелъ, какъ самъ говоритъ, «искру настоящей жизни между италіянскими изгнанниками», общество людей большею частью бывшихъ военныхъ, выходцевъ изъ Испаніи и Греціи.

Въ Ліонѣ организовалось вторженіе въ Савойю. Планъ былъ задуманъ комитетомъ, душою котораго были генералъ Режисъ и Феккини.

По разсчету Маццини, въ предполагаемой экспедиціи принимали участіе около двухъ тысячъ италіянцевъ и значительное число французскихъ рабочихъ. Средствъ было достаточно, приготовленія дѣлались публично, трехцвѣтное италіянское знамя развѣвалось рядомъ съ французскимъ въ Café du Phenix, мѣстопребываніи комитета, склады оружія были извѣстны всѣмъ;

между комитетомъ и ліонскимъ префектомъ постоянно переносились извѣстія. Почти такія же приготовленія дѣлались и на италіянской границѣ. Италіянскіе патріоты продолжали надѣяться, что буржуазное происхожденіе новаго французскаго правительства поддержитъ демократическую революцію. Они помнили, что бывши еще герцогомъ Орлеанскимъ, Людовикъ-Филиппъ покровительствовалъ революціоннымъ комитетамъ Италіи, и не замѣчали того, что, сдѣлавшись королемъ, онъ болѣе не считалъ нужнымъ содѣйствовать италіянскому движенію, могущему возбудить противъ него неудовольствіе Австріи. Онъ даже рѣшился увѣдомить о дѣлавшихся приготовленіяхъ Вѣнскій дворъ и открыто препятствовать, а если возможно, то и подавить движеніе въ предѣлахъ Франціи. Казиміръ Перье провозгласилъ намѣреніе правительства не помогать инсургентамъ, — словами: «французская кровь принадлежитъ одной только Франціи».

Скоро французское правительство выразило свои намѣренія еще яснѣе: въ одно утро Маццини, идя въ засѣданіе комитета, полный надеждъ на предстоящее дѣло, увидѣлъ толпу, собравшуюся читать правительственное распоряженіе, приклеенное къ стѣнѣ; это было строгое предупрежденіе противъ готовившагося предпріятія, съ угрозою преслѣдовать всею строгостью законовъ всякаго, кто рѣшится перейти границу и нарушить дружественныя отношенія Франціи къ другимъ державамъ.

Это распоряженіе возбудило негодованіе въ италіянскомъ комитетѣ. Знамена исчезли, оружіе спрятано по частямъ, начальники экспедиціи пришли въ отчаяніе, старый генералъ Режисъ даже зарыдалъ, другіе разразились проклятіями. Тогда Маццини предложилъ отправить часть вооруженныхъ людей, состоявшую изъ французскихъ рабочихъ, въ видѣ авангарда, въ Савойю, для того, чтобы узнать, хотѣло-ли правительство только снять съ себя отвѣтственность за эту экспедицію, не имѣя намѣренія въ дѣйствительности мѣшать ей, или оно открыто было противъ нея. Но едва отрядъ тронулся, какъ французская кавалерія догнала и разсѣяла его.

То, что случилось въ Ліонѣ, повторилось вслѣдъ затѣмъ въ Марсели, откуда отрядъ италіянскихъ волонтеровъ намѣревался предпринять экспедицію въ Италію, но волонтеры были арестованы и оружіе у нихъ отобрано. Потомъ начались и преслѣдованія изгнанниковъ. Многіе изъ нихъ были отправлены въ Кале и перевезены въ Англію.

Тогда одинъ эмигрантъ, Борсо-ди-Карминати, впослѣдствіи дошедшій до высшихъ чиновъ въ испанской службѣ, сообщилъ Маццини, что онъ условился съ нѣкоторыми заговорщиками

ѣхать въ ту же ночь въ Корсику, чтобы оттуда отправиться въ Болонью, гдѣ еще держалось временное правительство, и пригласилъ его ѣхать съ собою; Маццини согласился.

Корсика сходилась и въ чувствахъ, и въ желаніяхъ съ Италіей. Тамъ изгнанники встрѣчали всегда сочувствіе и помощь. Карбонаризмъ господствовалъ открыто и имѣлъ своихъ членовъ во всѣхъ слояхъ общества. Отрядъ, числомъ не менѣе 2000 человѣкъ, готовъ былъ слѣдовать за заговорщиками. Но не доставало главнаго двигателя всѣхъ предпріятій—денегъ. Корсиканцы соглашались принять участіе въ экспедиціи, лишь бы обезпечили ихъ семейства. Владѣльцы кораблей, необходимыхъ для перевозки отряда, просили платы, а обѣщанныя начальниками карбонаровъ деньги не приходили. Тогда рѣшились обратиться за денежною помощью къ временному правительству Болоньи. Но правительство Болоньи уже не успѣло воспользоваться этимъ предложеніемъ.

Австрійскія войска, разъ вступивъ въ Италію, шагъ за шагомъ подавляли революціонное движеніе и возстановляли старый порядокъ. Марія-Луиза возвратилась въ Парму, гдѣ опять водворилась неограниченная власть іезуитовъ и полиціи, а государственныя дѣла, вмѣстѣ съ особой эрцгерцогини, поступили въ распоряженіе графа Бомбеля. Герцогъ Моденскій, окруженный австрійскими штыками, вступилъ въ свои владѣнія и возвращеніе свое поспѣшилъ ознаменовать казнью Менотти, который, входя на эшафотъ, громко воскликнулъ, обращаясь къ угрюмо-стоявшей толпѣ: «италіянцы, не надѣйтесь никогда на обѣщанія иноземцевъ!»

Остатки инсургентовъ двинулись изъ Модены, подъ начальствомъ генерала Цукки, на помощь Болоньѣ, но временное правительство Болоньи отказалось отъ этой помощи, думая тѣмъ избѣгнуть нападенія со стороны австрійцевъ. Эта осторожность оказалась напрасною: 21-го марта 1831 года австрійцы, заняли Болонью, временное правительство которой, послѣ битвы при Римини, принуждено было бѣжать въ Анкону, послѣднее убѣжище италіянской свободы. Но и Анкона не могла долго сопротивляться, не имѣя ни оружія, ни средствъ къ защитѣ, и 27-го марта сдалась на капитуляцію.

Когда все кончилось и италіянская революція была подавлена, парижскій кабинетъ потребовалъ очищенія италіянскихъ провинцій отъ австрійскихъ войскъ. Такъ какъ австрійцамъ уже ничего не оставалось дѣлать въ Италіи, то они удовлетворили желаніе Казимира Перье и Людовика-Филиппа. Но это не помѣшало австрійскому правительству продолжать преслѣдованіе ита-

ліянскихъ патріотовъ, принимавшихъ участіе въ послѣднемъ возстаніи. Корабль, перевозившій эмигрантовъ изъ римскихъ владѣній во Францію — былъ схваченъ австрійскимъ адмираломъ Бандьера въ Адріатическомъ морѣ, и девяносто восемь италіянцевъ заключены въ тюрьмы Венеціи.

Между тѣмъ, сынъ булочника Мауро Капеллари, благодаря своей старости и неспособности, выбранный въ папы, подъ именемъ Григорія XVI, не призналъ условій капитуляціи, на которыхъ сдалась Анкона. Самыя жестокія преслѣдованія распространили ужасъ въ папскихъ владѣніяхъ и вынудили пять великихъ европейскихъ державъ вмѣшаться дипломатическимъ путемъ въ дѣла папской области и потребовать у папы необходимыхъ административныхъ и судебныхъ реформъ. Но адресованный Григорію XVI извѣстный меморандумъ 21-го мая 1831 года остался безъ всякихъ послѣдствій, а безпощадныя преслѣдованія подозрительныхъ, въ политическомъ отношеніи, лицъ и конфискація ихъ имуществъ выводили изъ терпѣнія населеніе. Едва австрійскія войска очистили легатства, какъ въ нихъ вспыхнуло новое возстаніе. Для приведенія мятежниковъ къ повиновенію двинулись папскія войска, которыя скоро навели ужасъ на подданныхъ намѣстника Христа. Равенна была театромъ самыхъ страшныхъ жестокостей. Занявши безъ сопротивленія городъ Форли солдаты разстрѣливали мирныхъ жителей, имѣвшихъ неосторожность показываться на улицахъ, убивали женщинъ и ругались надъ ихъ трупами. Въ Чезенѣ, перебивъ женщинъ и дѣтей, разграбивъ и предавъ пламени дома, они не оказали уваженія даже всѣми чтимому храму Мадонны di Monte: солдаты Григорія XVI расхитили священные сосуды, ограбили алтари, ворвались въ монастыри и обезчестивъ монахинь зарѣзали ихъ. Поведеніе папскихъ войскъ было до того безчеловѣчно, что въ то время, когда они приближались къ Болоньѣ, городъ открылъ ворота австрійцамъ, вернувшимся назадъ, въ Италію, для подавленія возстанія.

Французское правительство, недавно твердившее о невмѣшательствѣ, теперь, подъ предлогомъ, что австрійцы не имѣли права вступать въ Болонью—отправило войска для занятія Анконы, и такимъ образомъ два корпуса иностранныхъ войскъ оставались въ Романьѣ до 1838 года, поддерживая расшатавшееся зданіе папскаго владычества.

Вѣнскій кабинетъ не ограничился, впрочемъ, однимъ подавленіемъ возстанія и оставленіемъ своихъ войскъ въ разныхъ мѣстахъ средней Италіи. Ему хотѣлось еще занять, своими войсками, главнѣйшіе пункты на сѣверной границѣ Италіи и, подъ предлогомъ огражденія Піемонта отъ революціонныхъ потрясе-

ній, онъ вошелъ объ этомъ въ переговоры съ королемъ Карломъ-Феликсомъ. Но среди этихъ переговоровъ, въ апрѣлѣ 1831 года Карлъ-Феликсъ умеръ, и корона перешла къ принцу кариньянскому Карлу-Альберту. Вступленіе на престолъ принца, воспитаннаго въ республиканской Швейцаріи протестантскимъ пасторомъ, ненавидимаго Австріей, желавшей отнять у него корону еще на веронскомъ конгрессѣ и не исполнившей это желаніе только благодаря сопротивленію русскаго правительства, возродило въ экзальтированныхъ умахъ италіянскихъ патріотовъ обширныя, неопредѣленныя надежды. Двусмысленное поведеніе Карла-Альберта, въ 1821 году, было почти забыто и многіе изъ тѣхъ, кто видѣлъ безуспѣшность революціонныхъ попытокъ, теперь готовы были ожидать обновленія и спасенія Италіи отъ новаго короля.

Въ это-то время Маццини, жившій въ Марсели, послѣ неудавшейся италіянской экспедиціи изъ Ліона, напечаталъ свое первое политическое сочиненіе; это было письмо къ Карлу-Альберту, котораго онъ убѣждалъ стать за единство и освобожденіе Италіи. Въ письмѣ этомъ Маццини указывалъ королю на энтузіазмъ, возбужденный вступленіемъ его на престолъ въ италіянцахъ, готовыхъ вѣрить, что поведеніе его, въ 1821 году, было вынуждено обстоятельствами, и что, сдѣлавшись свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ тенерь, король сдержитъ обѣщаніе принца. Далѣе Маццини указывалъ королю два пути: реакціоннаго террора и либеральныхъ уступокъ. Показывая опасности перваго пути, онъ говорилъ, что «кровь вызываетъ кровь, и кинжалъ заговорщика никогда не бываетъ такъ опасенъ, какъ когда онъ отточенъ на могильномъ камнѣ мученика». Говоря объ уступкахъ, улучшеніи администраціи и уничтоженіи наиболѣе вопіющихъ злоупотребленій, Маццини писалъ: «Народъ болѣе не довольствуется мелкими уступками, онъ требуетъ человѣческихъ правъ, законности и свободы, независимости и единства. Раздѣленный и угнетенный, онъ не имѣетъ ни имени, ни отечества. Онъ слышалъ, какъ его клеймили, называя народомъ илотовъ, онъ видѣлъ свободныхъ людей, пріѣзжавшихъ въ его страну и называвшихъ ее страною мертвыхъ. Онъ выпилъ чашу рабства до дна и поклялся никогда болѣе вновь не наполнять ее». Затѣмъ Маццини указывалъ королю путь новый, неизвѣданный: «Всюду видна общая ненависть къ Австріи, и народъ италіянскій будетъ болѣе вѣрнымъ союзникомъ, нежели Франція и Австрія. Есть корона болѣе блестящая, нежели корона Піемонта, корона, ожидающая только человѣка, довольно сильнаго для того, чтобы имѣть желаніе носить ее, довольно рѣ-

шительнаго и твердаго для того, чтобы посвятить себя осуществленію этого желанія и на столько честнаго, чтобы не омрачить блеска короны низкой тираннiей. Отвратить исполненія судьбы италіянскаго народа, предназначенной самимъ Богомъ,— никто не можетъ. Если вы не станете во главѣ борьбы за италіянскую независимость, то другіе это сдѣлаютъ, и сдѣлаютъ это безъ васъ и противъ васъ. Не обманывайтесь народнымъ энтузіазмомъ, открывающимъ ваше царствованіе. Старайтесь найти источникъ этого восторга, и вы узнаете, что народъ видитъ въ васъ представителя своихъ собственныхъ надеждъ и стремленій.... Государь, я сказалъ вамъ правду. Люди свободы ждутъ вашего отвѣта въ вашихъ дѣлахъ. Какой бы ни былъ этотъ отвѣтъ, будьте увѣрены, что потомство оцѣнитъ его и ваше имя прославится, какъ величайшаго изъ людей, или какъ послѣдняго изъ италіянскихъ тирановъ. Выборъ въ вашихъ рукахъ!»

Письмо это, распространившееся въ Италіи во множествѣ экземпляровъ, произвело большое впечатлѣніе. Оно не могло понравиться Карлу-Альберту. Вслѣдъ за появленіемъ письма, «Constitutionnel» замѣтилъ, что оно ужаснуло короля и его приближенныхъ. Но «Voce della Verita», тогдашній оффиціозный органъ піемонтскаго правительства, отвѣчалъ: «На короля Карла-Альберта не производятъ никакого впечатлѣнія безразсудныя и вздорныя сочиненія; храбрые воины и сильные государи не боятся бумаги и сочиненій». Письмо это раздражало другихъ италіянскихъ государей, казалось оскорбительнымъ для аристократіи, которая привыкла относиться къ народу свысока и видѣть только въ себѣ силу, годную для поддержанія и измѣненія государственнаго строя. Оно не удовлетворяло и либеральную партію, въ которой большинство составляли федералисты, не вѣрившіе еще въ возможность единства Италіи, и думавшіе, что Маццини оставляетъ республиканское знамя и поднимаетъ королевское.

Самъ Маццини двадцать пять лѣтъ спустя слѣдующимъ образомъ объяснялъ причину, почему онъ нашелъ нужнымъ напечатать это письмо: «Со вступленіемъ на престолъ Карла-Альберта вновь возникли ложныя надежды, которыхъ не изгладили еще ни разочарованіе, ни пролитая кровь, надежды — на основаніе единой Италіи съ однимъ королемъ. Придворные куртизаны даже придумали фразу, будто-бы произнесенную бывшимъ принцемъ Кариньянскимъ: «Король сдержитъ обѣщанія принца». Эта фраза обошла всю Европу и породила болѣе или менѣе легкомысленныя ожиданія, которыя всѣ оказались ошибочными. Одни возвѣщали, что послѣдуетъ безотлагательно амнистія всѣмъ изгнанникамъ, другіе мечтали объ открытой войнѣ съ Австріею и о

конституціи. Люди, хотѣвшіе основать со мною новое политическое общество, писали мнѣ, что надо дать успокоиться умамъ, что пока настоящія иллюзіи будутъ держаться, до тѣхъ поръ никто не пойдетъ подъ республиканское знамя. Тогда-то я и написалъ извѣстное письмо къ Карлу-Альберту.

«Я писалъ его съ убѣжденіемъ, что оно не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, кромѣ развѣ запрещенія мнѣ возвратиться въ отечество и преслѣдованій королевскаго правительства.

«Я не подписалъ подъ письмомъ своего имени потому, что въ немъ выражалъ не свои надежды и желанія. Я всегда вѣровалъ, что Италія сдѣлается свободною, не при помощи принца, а своими собственными силами и передавалъ только иллюзіи и желанія другихъ.

«И въ этомъ письмѣ я не восклицалъ: «да здравствуетъ король Карлъ-Альбертъ», въ надеждѣ, что онъ сдѣлаетъ своею задачею возстановленіе Италіи, но я говорилъ ему: выполни задачу, и Италія возложитъ на твою голову лучшую изъ коронъ.

«На это письмо королевское правительство отвѣчало преслѣдованіями и приказаніемъ пограничной стражѣ арестовать меня, если я осмѣлюсь вернуться въ отечество».

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого письма, когда уже иллюзіи, возбужденныя сначала Карломъ-Альбертомъ, изсякли, и надежды на ожидавшіяся отъ него преобразованія стали гаснуть, въ Марсели вышелъ первый номеръ политическаго журнала Маццини— «Юная Италія», въ которомъ провозглашались новыя начала, положенныя имъ въ основу новаго политическаго общества — «Юная Италія».

VII.

Общество «Юная Италія» едва ли можно назвать тайнымъ, потому, что оно открыто печатало свои прокламаціи и планы, сначала въ журналѣ того же названія, а впослѣдствіи въ особыхъ брошюрахъ и отдѣльныхъ листкахъ. Обращаясь ко всѣмъ, сознающимъ необходимость освобожденія Италіи, оно проповѣдывало союзъ ученій политическаго съ религіознымъ и созданіе народной Италіи на мѣсто папской и королевской. Средствомъ для достиженія этихъ цѣлей «Юная Италія» считала вооруженное возстаніе и, вслѣдъ за освобожденіемъ полуострова отъ иностраннаго владычества, желала положить новыя начала въ основаніе будущаго государственнаго устройства Италіи. Стремясь, подобно карбонарамъ, къ освобожденію отечества, она отличалась

отъ нихъ тѣмъ, что требовала не конституціи, а республику, думая уничтожить всѣ привилегіи и различія классовъ, предоставивъ власть народу, къ которому карбонары никогда не обращались. Но для того, чтобы достичь желаемыхъ результатовъ, Мацции старался прежде всего дать италіянской націи политическое воспитаніе посредствомъ пропаганды, говоря, что «оружіе и возстаніе суть только средства, безъ которыхъ, при настоящемъ положеніи страны, невозможно разрѣшить главную задачу—воспитаніе народа».

Организація новаго общества была, по возможности, проста; въ ней не было ни сложной іерархіи карбонаровъ, ни многообразныхъ масонскихъ знаковъ и обрядовъ. Члены общества раздѣлялись на посвящающихъ и посвященныхъ. Центральный комитетъ завѣдывалъ всѣми дѣлами общества и долженъ былъ поддерживать постоянныя сношенія съ комитетами различныхъ городовъ, имѣвшими каждый своего «организатора». Эмблемою общества Мацции избралъ кипарисную вѣтвь, девизомъ — «ora e sempre», т. е. нынѣ и всегда.

Политическую программу новаго общества, его вѣрованія и цѣли, Мацции высказалъ слѣдующимъ образомъ въ первомъ же номерѣ журнала «Юная Италія»:

«Уничтожая смертный приговоръ, грозившій въ прежнихъ тайныхъ обществахъ измѣнникамъ своихъ братьевъ, объявляя опредѣленную программу, какъ основныя правила, по которымъ всякій соучастникъ «Юной Италіи» можетъ судить о направленіи общества, рѣшительно отвергая необходимость иностраннаго вмѣшательства, предлагая, чтобы общество, сохраняя въ тайнѣ приготовленія къ возстанію, разъясняло бы, посредствомъ печати, свои правила и мысли, я совершенно отдѣляю новое братство отъ прежнихъ тайныхъ обществъ, отъ деспотизма невидимыхъ начальниковъ, отъ недостойнаго, слѣпого повиновенія, отъ пустого символизма, отъ многочисленной іерархіи и отъ всякаго духа мести».

«Вотъ основныя правила «Юной Италіи»:

«Юная Италія» есть братство италіянцевъ, вѣрующихъ въ законъ прогресса и долга, убѣжденныхъ, что Италія призвана сдѣлаться самостоятельной собственными силами, что дурной успѣхъ прошедшихъ покушеній происходитъ не отъ слабости, но отъ ложнаго направленія революціонныхъ элементовъ, что всѣ усилія общества должны стремиться къ великому дѣлу,—создать италіянскую націю свободную, независимую, самодержавную.

«Территорію Италіи составляютъ, во-первыхъ, Италія континентальная и полуострова, граничащія къ сѣверу Альпами, мо-

ремъ на югѣ, устьемъ Вара на западѣ и Тріестомъ на востокѣ. Во-вторыхъ—острова, признаваемые италіянскими по преданіямъ коренныхъ жителей и долженствующіе также войти въ политическое единство (соединеніе) Италіи, съ особенною административною организаціей.

«Италіянскую націю составляютъ всѣ италіянцы.

«Основанія ассоціаціи: чѣмъ опредѣленнѣе, яснѣе намѣренія ассоціаціи, тѣмъ лучше, вѣрнѣе, дѣйствительнѣе ея труды. Сила ассоціаціи заключается не въ количествѣ элементовъ, ее составляющихъ, но въ однородности этихъ элементовъ и въ совершенномъ согласіи членовъ въ избранномъ пути. Ассоціаціи, принимающія разнородные элементы и не имѣющія опредѣленной программы, могутъ, повидимому, быть согласными въ дѣлѣ разрушенія, но затѣмъ неизбѣжно будутъ безсильны управлять движеніемъ. Кто бы ни былъ,—отдѣльная ли личность, ассоціація ли, — ставши въ главѣ народнаго движенія, должны знать цѣль этого движенія, имъ же возбуждаемаго. Кто хочетъ призвать къ оружію народъ, долженъ быть въ состояніи сказать ему, для чего онъ это дѣлаетъ. Кто предпринимаетъ дѣло возрожденія, долженъ вѣрить въ него; если этого нѣтъ, то онъ зачинщикъ безпорядковъ, виновникъ анархіи, помочь которой у него нѣтъ ни средствъ, ни силъ. Народъ не пойдетъ на бой, если не будетъ знать послѣдствій своей побѣды.

«По этимъ причинамъ «Юная Италія» открыто объявляетъ своимъ собратьямъ программу, во имя которой она намѣрена дѣйствовать. Ассоціація, стремящаяся прежде всего къ возстанію, она излагаетъ правила, которыми должно утвердиться національное воспитаніе, и отъ которыхъ однихъ только Италія можетъ ожидать своего спасенія и возрожденія.

«Юная Италія должна быть республиканскою и унитарною.

«Она должна быть республиканскою оттого, что всѣ люди законами божескими и человѣческими предназначены быть свободными и равными, а республиканскія учрежденія одни обезпечиваютъ эту будущность, потому, что верховная власть должна принадлежать самому народу; тамъ же, гдѣ она въ рукахъ отдѣльныхъ властей, возникаетъ неизбѣжная борьба между этими властями и вмѣсто гармоніи, царствующей въ обществѣ, наступаютъ непремѣнно распри и вражда. Монархическій элементъ, не будучи въ состояніи держаться рядомъ съ элементомъ народнымъ, влечетъ необходимость элемента средняго, аристократіи, источника всякихъ привилегій и испорченности всего народа; кромѣ того избирательная монархія порождаетъ безначаліе, а монархія наслѣдственная — деспотизмъ.

«Юная Италія должна быть республиканская, потому, что Италія не имѣетъ въ себѣ монархическихъ элементовъ; нѣтъ сильной и уважаемой аристократіи, могущей стать между трономъ и народомъ, нѣтъ династіи италіянскихъ принцевъ, возбуждающей своими заслугами любовь и симпатію всѣхъ государствъ, составляющихъ Италію; потому, что всѣ традиціи Италіи республиканскія, а монархія водворилась только тогда, когда началось наше паденіе, и она ускорила его, будучи постоянно слугою иностранцевъ, врагомъ народа и національнаго единства.

«Наконецъ, «Юная Италія» должна быть республиканская оттого, что для возбужденія къ возстанію цѣлаго народа, необходима цѣль, которая бы прямо и ясно говорила ему о его правахъ; мы же должны призвать съ собою и народъ, поднявъ высоко народное знамя во имя того принципа, который, въ настоящее время, господствуетъ во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ Европы.

«Юная Италія унитарна, потому, что безъ единства нѣтъ націи, нѣтъ силы, а Италія, окруженная народами сильными и враждебными, прежде всего нуждается въ силѣ. Федерализмъ, осуждая на безсиліе Швейцаріи, поставилъ бы Италію въ необходимую зависимость отъ одного или другого сосѣдняго государства. Федерализмъ, оживляя мѣстныя соперничества, теперь угасшія, отодвинулъ бы Италію снова къ среднимъ вѣкамъ. Наконецъ федерализмъ, раздробляя на многія маленькія сферы большую національную силу, разрушилъ бы весь внутренній трудъ италіянской цивилизаціи, цѣлые вѣка стремившейся къ водворенію единства. Безъ единства политическаго, гражданскаго, уголовнаго законодательства, безъ единства воспитанія и представительнаго правленія, развитіе италіянской націи невозможно.

«На этихъ началахъ, «Юная Италія» основываетъ свои вѣрованія и допускаетъ въ свои ряды только тѣхъ, кто ихъ принимаетъ. При этомъ члены «Юной Италіи» не должны забывать, что безъ нравственныхъ основъ нѣтъ гражданина, что началомъ святого предпріятія должно быть освященіе души добродѣтелью, что тамъ, гдѣ поступки отдѣльныхъ лицъ не согласуются съ принципами ассоціаціи, проповѣдываніе этихъ принциповъ есть безчестная профанація и лицемѣріе; что добродѣтелью только братья «Юной Италіи» могутъ возбудить къ себѣ довѣріе массы, что если мы не будемъ лучше тѣхъ, которые отвергаютъ наши принципы, то мы не болѣе, какъ ничтожные сектаторы. Юная же Италія не есть секта, или партія, а вѣрованіе и апостольство.

«Средства, которыми «Юная Италія» намѣрена дѣйствовать для

достиженія своей цѣли, суть воспитаніе и возстаніе. Оба эти средства должны гармонировать между собою и дѣйствовать согласно. Воспитаніе,—сочиненіями, примѣромъ, словомъ, должно убѣждать въ необходимости возстанія. «Юная Италія» различаетъ возстаніе отъ революціи. Революція начнется уже тогда, когда побѣдитъ возстаніе.

«Возстаніе, отъ начала до освобожденія всѣхъ италіянскихъ континентальныхъ владѣній, должно быть управляемо временною властью—диктаторскою. Когда всѣ владѣнія Италіи будутъ свободны, всѣ учрежденія должны исчезнуть передъ національнымъ собраніемъ, единственнымъ источникомъ власти въ Италіи.

«Всѣ братья «Юной Италіи» будутъ вносить въ общественную кассу ежемѣсячно по 50 чентезимовъ. Тѣ, которые будутъ въ состояніи, обязуются, при вступленіи, вносить бо́льшую сумму, соотвѣтствующую ихъ средствамъ.

«Цвѣта Юной Италіи,—бѣлый, красный и зеленый. На знамени ея будутъ начертаны этими же цвѣтами, съ одной стороны слова: «равенство, братство»; съ другой «единство, независимость».

Всякій, вступающій въ «Юную Италію» долженъ произнести передъ своимъ посвятителемъ слѣдующую клятву:

«Во имя Бога и Италіи!

«Во имя мучениковъ святого италіянскаго дѣла, падшихъ подъ ударами тираніи!

«Клянусь моими обязанностями къ странѣ, гдѣ меня поставилъ Богъ, и къ братьямъ, даннымъ мнѣ Богомъ, — любовью, врожденною въ каждомъ человѣкѣ къ мѣсту, гдѣ родилась моя мать и гдѣ будутъ жить мои дѣти,—ненавистью врожденною въ человѣкѣ ко злу, къ несправедливости, къ насилію, къ самовластью,—стыдомъ моимъ передъ гражданами другихъ націй, что не имѣю ни имени, ни правъ гражданина, — трепетомъ души моей, созданной для свободы, но безсильной пользоваться ею,—воспоминаніемъ настоящаго униженія,—слезами италіянскихъ матерей о дѣтяхъ, погибшихъ на висѣлицѣ, въ тюрьмахъ, въ изгнаніи, — нищетою милліоновъ —

«Я.....

«Вѣруя въ призваніе, данное Италіи Богомъ, и въ долгъ всякаго человѣка, рожденнаго италіянцемъ, содѣйствовать его исполненію, присоединяюсь къ «Юной Италіи», ассоціаціи людей, имѣющихъ такія же вѣрованія, и клянусь:

«Посвятить себя всего и навсегда возстановленію Италіи въ націю единую, независимую, свободную, республиканскую.

«Содѣйствовать всѣми средствами, словами, сочиненіями, дѣй-

ствіями, воспитанію моихъ братьевъ италіянцевъ, согласно съ правилами «Юной Италіи».

«Не принадлежать съ этого дня впредь ни къ какому другому обществу.

«Сообразоваться съ инструкціями, которыя мнѣ будутъ передаваемы въ духѣ «Юной Италіи» и хранить ихъ въ тайнѣ не щадя жизни.

«Помогать дѣломъ и совѣтомъ моимъ братьямъ по ассоціаціи.

«Нынѣ и всегда!

«Въ этомъ клянусь, призывая на мою голову гнѣвъ Божій, проклятіе людей и безчестіе клятвопреступника, если я измѣню въ чемъ-нибудь этой клятвѣ.»

Эта программа новаго политическаго общества есть въ то же время profession de foi самого Маццини, его вѣрованія, которымъ онъ не измѣнилъ въ теченіи всей своей жизни. Въ этой программѣ, конечно, не много новаго послѣ того, что̀ говорилось и писалось другими революціонерами-энтузіастами, но не слѣдуетъ забывать времени, когда Маццини начиналъ свою пропаганду, а также и того, что кромѣ преобразованія политическаго онъ требовалъ религіознаго переворота и уничтоженія католицизма въ его настоящемъ видѣ; онъ отвергалъ папу съ его земною властью; въ жизни самаго народа видѣлъ постоянное выраженіе непреложныхъ божескихъ законовъ и свою религіозную доктрину высказалъ въ своей религіозной формулѣ—«Dio e popolo», Богъ и народъ. Становясь во главѣ создаваемаго новаго общества съ задачею преобразовать весь политическій и религіозный строй италіянской жизни, дѣлаясь основателемъ религіозной, деистической, секты, Маццини не имѣлъ бы большого вліянія на народныя массы, проникнутыя фанатизмомъ и на образованное общество, выросшее среди атеистическихъ и матеріалистическихъ ученій XVIII вѣка, если бы его пропаганда не была, въ свое время, нова и увлекательна, если бы она появилась въ другой странѣ, а не въ Италіи. Но на южныя, восторженныя натуры, тѣснимыя и угнетаемыя со всѣхъ сторонъ, не могла не дѣйствовать рѣчь, если и не всегда выражавшая то, что̀ смутно сознавалось въ средѣ италіянскихъ массъ, то всегда свободная, пламенная, проникнутая тою торжественностью, какою, впослѣдствіи, отличалась во Франціи политическая проповѣдь Ламеннэ.

Могли ли италіянцы оставаться спокойными, когда къ нимъ обращался Маццини съ такою рѣчью:

«Вы ищете отечества! Инстинктъ, вложенный Богомъ въ ваше

сердце, голосъ, исходящій изъ могилъ вашихъ великихъ людей, отличіе, которое могущественная природа Италіи положила на ваше чело, говорятъ вамъ, что вы братья, призванные къ тому, чтобы имѣть одно знамя, одни условія жизни, одинъ храмъ, съ высоты котораго, въ яркихъ для всѣхъ лучахъ, свѣтилась бы италіянское призваніе, которое Богъ, для блага человѣчества, ввѣрилъ вашей націи.

«Поэтому всякій изъ васъ смѣло произноситъ, или шепчетъ про себя святое слово «отечество». Поэтому уже полвѣка умираютъ лучшіе изъ васъ, мученики идеи, на висѣлицѣ, въ заключеніи, или въ медленной мукѣ изгнанія, съ улыбкою человѣка, прозрѣвающаго будущее, съ именемъ Италіи на устахъ. Поэтому ваши массы, отъ времени до времени, содрогаются, подымая крышку гробницы, въ которую ихъ уложили папы и короли, и затѣмъ утомленные, падаютъ для того, чтобы снова, послѣ кратковременнаго молчанія, встать.

«Отчизна, — это грёзы, тайное желаніе всякаго, рождающагося для жизни на нашей землѣ. Подобно тому, какъ во снѣ, младенецъ безпокоится, стараясь отыскать грудь матери, какъ цвѣты обращаются среди темной ночи къ той сторонѣ неба, откуда утромъ покажется озаряющее солнце, такъ и вы, въ безпокойныхъ снахъ рабства, въ холодныхъ и мрачныхъ сумеркахъ одиночества, ощупью ищете общую мать, называющуюся отчизной и безпокойно обращаетесь къ небу, желая узнать: откуда явится солнце вашей націи.

«Почему же вы ищете отечества и не находите его? Почему, вамъ однимъ, долгія мученія не приносятъ побѣды? И почему крышка гробницы, въ которую васъ заключили папы и короли, только отъ времени до времени, на половину, поднимается, чтобы затѣмъ еще тяжелѣе упасть на ваши головы? Какой страшный рокъ гнететъ васъ, бѣдные израильтяне между націями, почему Богъ отказываетъ вамъ въ отечествѣ, уже нѣсколько вѣковъ дарованномъ народамъ, трудившимся и страдавшимъ менѣе васъ?

«Жизнь Божья могущественнѣе, нежели гдѣ-нибудь, бьется въ вашей странѣ. Образъ дивной красоты и силы встрѣчается на этой землѣ, на которой солнце зажигаетъ волканы и которую люди привѣтствуютъ названіемъ сада Европы. Природа улыбается вамъ улыбкою женщины. Томимые смертными недугами чужестранцы пріѣзжаютъ, изъ сѣверныхъ тумановъ, вдохнуть въ себя жизнь въ цѣлебныхъ ароматахъ вашихъ луговъ, подъ лазурью вашего неба.

«Вѣчные Альпы торжественно смотрятъ на васъ, какъ бы желая сказать вамъ: будьте велики! А у подошвъ этихъ горъ,

самые красивые, какіе только дано видѣть человѣку, цвѣты, смотрятъ на васъ отовсюду своими невинными глазами, какъ будто говоря вамъ: будьте добры! Блестящи, какъ звѣзды вашего неба, были произведенія генія между вами.

«Европа, за исключеніемъ вашей сестры Греціи, была полудикою, когда ваши орлы переходили по ней отъ торжества къ торжеству, и когда вы учили побѣжденныхъ народовъ мудрости законовъ, которые до сихъ поръ уважаемы, утѣшеніямъ образованной жизни и тому стремленію къ единству, которое приготовило міръ къ приходу Христа.

«Европа лежала погруженная во мракъ феодальнаго рабства, когда вы, возродясь для другой жизни, утвердили въ вашихъ общинахъ республиканскую свободу человѣка и гражданина и распространили на самыя отдаленныя страны блага цивилизаціи, литературы и торговли.

«Ваши жрецы искусства странствовали изъ одной земли въ другую, всюду сѣя образцы безсмертной красоты.

«И когда неблагодарная Европа оставила васъ, раздѣливъ между собою ваши останки, италіянскій геній, прежде, чѣмъ угаснуть на время, бросилъ съ своего креста, какъ задатокъ того, что̀ онъ могъ сдѣлать, — новый міръ Европѣ.

«Геній, сила, самая прекрасная и плодородная природа, гармонія и прекрасная улыбка небесъ, — все вамъ дано Богомъ. Почему же онъ не далъ вамъ отечества? Почему, когда всякій житель странъ, которымъ вы даровали цивилизацію, на вопросъ: какой онъ націи? гордо отвѣчаетъ: я французъ, англичанинъ, испанецъ, а вы не можете отвѣчать иначе, какъ только выражая желаніе: быть италіянцемъ?...

«Вамъ недостаетъ и недоставало вѣры: вѣры въ васъ самихъ, въ ваше право и въ призваніе націи; вы несете это наказаніе за вину вашихъ отцевъ.

«Отцы ваши не имѣли сознанія объ отечествѣ. Жизнь, кипѣвшая въ каждомъ изъ нихъ, была такъ полна, что они стали боготворить ея силу, воплощенную въ личности: они говорили *я*, а не *мы*. И они покидали алтарь общаго Бога для того, чтобы поклоняться: кто своему городу, кто своему обществу, кто искусству, вдохновлявшему его, — всѣ забыли объ общей матери.

«Но всякая жизнь, какъ бы сильна она ни была, ослабѣваетъ, если не обновляется у груди общей матери, называемой отечествомъ; и ваши отцы, вмѣсто того, чтобы соединиться единодушіемъ и искать увеличенія силы каждаго въ силѣ всѣхъ, думали побѣдить одинъ другого помощью чужеземцевъ.

«И вотъ одни призвали на помощь изъ-за Альповъ сыновъ Германіи, другіе франковъ и испанцевъ. Нашлись люди, присвоившіе себѣ званіе намѣстниковъ Бога на землѣ, но въ дѣйствительности бывшіе, послѣдніе 600 лѣтъ, представителями духа зла, которые обратили этотъ грѣхъ на свою пользу и выгоду и поселяли распри и раздоры.

«И впродолженіи болѣе трехъ сотъ лѣтъ, раздѣленные на части, носившія даже не наши имена, братья враждовали съ братьями. Тогда Богъ отвернулся отъ насъ и послалъ, какъ кару за братоубійство,—всеобщее рабство, продолжающееся болѣе трехъ сотъ лѣтъ.

«Чужеземцы, уставъ сражаться, раздѣлили наши земли подобно распявшимъ Христа,—раздѣлившимъ его одежды, и стали властелинами, одни на югѣ, другіе на сѣверѣ, третьи въ сердцѣ Италіи.

«И вы до сихъ поръ продолжаете грѣхи отцевъ; забывая триста лѣтъ братской войны, пропитавшей вашу землю кровью, забывая о трехъ стахъ годахъ нѣмого и унизительнаго рабства, забывая наставленія вашихъ, великихъ умомъ, мучениковъ, пострадавшихъ для того, чтобы запечатлѣть въ васъ сознаніе вашей силы, вы ждете отечества, какъ нищіе,—отъ доброй воли чужеземца.

«Поэтому Богъ и не даетъ вамъ отечества и осуждаетъ васъ на блужданіе отъ сна ко сну, отъ разочарованія къ разочарованію, до тѣхъ поръ, пока вы не почувствуете силу, присущую вамъ и не будете въ искреннемъ раскаяніи умолять Бога благословить, во имя долга и права италіянскаго, святую вашу борьбу за отчизну....

«Италій не пять, не четыре, не три. Есть только *одна* Италія. Но чужеземные и домашніе тираны держали и держатъ ее разрозненною и въ рабствѣ, потому, что у тирановъ нѣтъ отечества. Тотъ же изъ васъ, кто намѣревался бы разрознить ее или допустилъ бы, безъ кровавой борьбы, другихъ, ее раздробить, тотъ совершилъ бы преступленіе матереубійства, за которое нѣтъ прощенія ни на землѣ, ни на небесахъ.

«Отечество едино, какъ жизнь. Отечество есть жизнь народа.

«Богъ далъ вамъ эту жизнь; люди не могутъ передѣлать ее по своему. Люди только могутъ, тиранизируя ее, помѣшать ей на нѣкоторое время развиваться.

«Богъ, создавая Италію, назначилъ ей предѣлами двѣ величайшія преграды, поставленныя имъ въ Европѣ, символы вѣчной силы и вѣчнаго движенія, — Альпы и Море. Будь трижды

проклятъ тотъ изъ васъ, кто посягнетъ назначить ей другія границы!

«Отъ громадныхъ вершинъ Альпъ, подобно спинному хребту, лежащему въ основѣ человѣческой формы, спускается дивная цѣпь горъ въ омывающее ее море и снова поднимается въ Сициліи.

«И море охватываетъ ее, какъ будто любовными объятіями, вездѣ, гдѣ Альпы не окаймляютъ ее: то море, которое отцы отцевъ нашихъ называли *нашимъ моремъ*.

«И, подобно упавшимъ изъ діадемы алмазамъ, лежатъ разбросанные кругомъ нея по этому морю Корсика, Сардинія, Сицилія и другіе меньшіе острова, на которыхъ природа, горы, языкъ и біеніе сердецъ говорятъ объ Италіи.

«Внутри этихъ границъ разные народы проходили, одинъ за другимъ, побѣдителями и жестокими угнетателями; и ни одному изъ нихъ не удалось уничтожить ни святое имя Италіи, ни врожденную энергію расы, издавна населявшей ее; италіянская жизнь истребляла религіи, преданія, стремленія побѣдителей и налагала на нихъ свою печать.

«Внутри этихъ границъ страшныя братоубійственныя войны окровавляли цѣлые вѣка всякую пядь земли. И въ то время, какъ книжники и завоеватели объявляли единство нашего отечества утопіей — вставали народы и съ крикомъ: «мы братья», стремились соединиться въ одно цѣлое и готовы были отдать себя въ руки одного человѣка, только потому, что видѣли въ немъ живой символъ этого единства.

«Тотъ, кто отвергаетъ единство отечества, тотъ глухъ къ словамъ божескимъ и человѣческимъ.

«Вы должны жить и умереть въ этомъ единствѣ потому, что въ немъ для васъ заключается сила и миръ, тайна вашего призванія и власть осуществить его. Кто изъ васъ возстанетъ за свободу—пусть знаетъ, что онъ возстаетъ за всѣхъ. Между моремъ и Альпами,—все только братья. И проклятіе Каина ожидаетъ того, кто забудетъ, что пока одинъ изъ его братьевъ стонетъ въ цѣпяхъ рабства, онъ самъ не будетъ имѣть отечества и не достоинъ имѣть его....»

VIII.

Въ такомъ направленіи «Юная Италія», появившаяся въ началѣ 1832 года въ Марселѣ начала свою пропаганду. Послѣ Марселя, гдѣ учрежденъ былъ главный комитетъ политическаго общества, большое число кружковъ изъ лицъ, принявшихъ программу Маццини, образовалось въ Генуѣ, Ливорно, Пизѣ, Сіеннѣ и Флоренціи. Журналъ Маццини проникалъ въ Италію во множествѣ экземпляровъ.

При первомъ объявленіи о предстоящемъ выходѣ журнала Маццини, на піемонтской границѣ былъ установленъ бдительный надзоръ. Губернаторъ Морра писалъ министру Тондути делла Скарена: «Первый номеръ этого журнала, безъ сомнѣнія, выйдетъ въ первыхъ числахъ будущаго февраля и не смотря на старанія издателей, чтобы ни одинъ экземпляръ не попалъ въ постороннія, кромѣ членовъ общества, руки, — я надѣюсь достать себѣ экземпляръ». Скоро впрочемъ піемонтское правительство убѣдилось, какъ агенты его ошибались, считая за тайну журналъ, всѣмъ доступный и потому-то и представлявшій опасную пропаганду. Тогда оно рѣшилось противодѣйствовать ему открыто. 20 марта 1833 года, вышелъ указъ, который за ввозъ въ Піемонтъ книгъ, газетъ и сочиненій, содержавшихъ въ себѣ ученія, противныя существовавшему религіозному и государственному порядку, грозилъ тюремнымъ заключеніемъ отъ одного года до трехъ лѣтъ; если же число ввозимыхъ экземпляровъ, или другія обстоятельства, указывали желаніе распространить эти сочиненія, то заключеніе увеличивалось до пяти лѣтъ. Каждый, кто получалъ по почтѣ или инымъ путемъ подобныя сочиненія, обязанъ былъ отсылать ихъ немедленно къ мѣстнымъ властямъ; въ противномъ же случаѣ, подвергался двухлѣтнему заключенію и кромѣ того штрафу во сто скудъ, половина котораго обращалась въ пользу доносчика, при чемъ имя послѣдняго сохранялось въ тайнѣ. На основаніи этого указа составлялись приговоры военныхъ судовъ, подвергавшіе множество лицъ самымъ тяжкимъ наказаніямъ. Изъ газеты «Voce della verita» видно, что съ 2 апрѣля 1833 года до 12 сентября, въ теченіи пяти мѣсяцевъ, за политическіе проступки было привлечено къ суду 66 лицъ, изъ которыхъ 32 приговорены къ смерти, и только 5 освобождены отъ наказанія. Одинъ изъ четырехъ братьевъ Руффини, близкихъ друзей Маццини, еще со времени генуезскаго университета, Якопо, за распространеніе «Юной Италіи», былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ онъ умертвилъ себя,

разрѣзавъ артерію кускомъ оторваннаго отъ двери желѣза. На стѣнѣ тюрьмы онъ написалъ своею кровью, что поручаетъ своимъ братьямъ отомстить за себя. Преслѣдованія членовъ «Юной Италіи» не рѣдко доходили до изувѣрства. Такъ, объ одномъ изъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ Карла-Альберта, генералѣ Галатери съ ужасомъ говорятъ не только люди отъ него пострадавшіе, но даже и такіе умѣренные клерикалы, какъ Канту. Въ качествѣ губернатора Александріи онъ предалъ военному суду адвоката Андрея Вокіери. Добиваясь отъ него именъ сообщниковъ онъ обѣщалъ ему за это помилованіе. «Единственная милость, которой я прошу, отвѣчалъ подсудимый, это, — чтобы вы меня избавили отъ своего присутствія». Взбѣшенный Галатери ударилъ ногою въ животъ подсудимаго, который плюнулъ ему за это въ лицо. Не зная, чѣмъ отомстить за оскорбленіе, Галатери, послѣ того, какъ Вокіери былъ приговоренъ къ смерти, велѣлъ провести его на мѣсто казни по улицѣ, гдѣ жило семейство—жена и дѣти подсудимаго, а при растрѣляніи спокойно стоялъ опершись на пушку съ трубкою въ зубахъ. Этому-то человѣку графъ Скарена писалъ: «Я доложилъ его величеству о распоряженіяхъ вашего превосходительства по приведенію въ исполненіе приговора военнаго суда. Въ самыхъ мелочахъ ваше превосходительство обнаруживаете рвеніе къ службѣ королю. Король выслушалъ меня со вниманіемъ и нѣсколько разъ прерывалъ меня, чтобы высказать все уваженіе и довѣріе, которое ваше превосходительство заслуживаете». Самъ Маццини, какъ начальникъ заговора былъ приговоренъ къ висѣлицѣ 26 октября 1833 года, и съ этого дня на немъ тяготѣлъ тридцать лѣтъ смертный приговоръ. Судъ предалъ его «какъ врага отечества— общей мести».

Но никакія преслѣдованія не останавливали распространенія «Юной Италіи». Журналъ Маццини доставлялся въ Италію на пароходахъ, крейсирующихъ у береговъ Средиземнаго моря. Кто жилъ въ приморскихъ городахъ, тотъ знаетъ, какъ легко обманывается таможенная бдительность; достаточно уговориться съ какимъ-нибудь служителемъ на пароходѣ, чтобы передавать письма и газеты, подъ видомъ торговыхъ журналовъ и корреспонденцій. Пока гнѣвъ италіянскихъ правительствъ не дошелъ до бѣшенства, издатели, бывшіе въ тоже время сами сотрудниками, типографами и книгопродавцами, писали только на пакетѣ, назначаемомъ въ Геную, адресъ торговаго, неподозрительнаго дома въ Ливорно; на томъ, который отправлялся въ Ливорно, адресъ въ Чивита-Веккію и такъ далѣе. Такимъ образомъ скрывъ, при отправленіи, пакеты отъ таможеннаго полицей-

скаго осмотра, они, по прибытіи парохода на мѣсто, хранились на немъ до тѣхъ поръ, пока сообщники «Юной Италіи», заранѣе предупрежденные, не приходили на корабль, гдѣ получивъ книги и журналы, прятали ихъ на себѣ. Когда же усилился полицейскій надзоръ и назначены были большія награды за поимку этой контрабанды, объявлены строгія наказанія тѣмъ, кто будетъ тайно ввозить запрещенныя книги, тогда установилась борьба хитростей и ловкости, въ которой всегда проигрывали италіянскія правительства. Изданія посылались въ боченкахъ пемзы, смолы, отправляемыхъ самими издателями, въ назначенные магазины. Эти бочки, пересчитанныя ничего не подозрѣвающими таможенными чиновниками, поступали, черезъ коммиссіонеровъ, также ничего неподозрѣвающихъ, въ различныя мѣста, гдѣ кто-нибудь изъ соучастниковъ, предупрежденный о ихъ прибытіи, являлся торговать бочку, настоящее содержаніе которой онъ узнавалъ по номеру, на ней выставленному.

Въ началѣ весь трудъ по изданію журнала «Юной Италіи» [1]), лежалъ на Маццини, и чтобы покрыть расходы на изданіе первыхъ номеровъ, онъ открылъ добровольную подписку между италіянскими эмигрантами. Но скоро сотрудниками журнала сдѣлались многіе талантливѣйшіе италіянскіе писатели. Въ числѣ ихъ были: Ламберти, Анджело Узиліо, Лустрини, Джанноне, Гверацци, Бернарди, Буонаротти, Руффини, Сисмонди и Джоберти. Послѣдній, осыпавшій черезъ нѣсколько лѣтъ всевозможными оскорбленіями Маццини и его партію, скоро послѣ появленія «Юной Италіи», написалъ изъ Турина восторженное письмо къ Маццини, въ которомъ предсказывалъ полнѣйшій успѣхъ основанному имъ обществу и клялся пожертвовать ему своею жизнью.

Изданіе журнала «Юной Италіи» въ Марселѣ продолжалось не долго. Тамъ вышло всего шесть номеровъ, послѣ чего французское правительство запретило дальнѣйшую революціонную пропаганду италіянской эмиграціи во Франціи и выгнало изъ ея предѣловъ издателей «Юной Италіи», которые переселились въ Швейцарію.

Но это изгнаніе не помѣшало дальнѣйшему развитію труда Маццини. Въ различныхъ городахъ Италіи, его сообщники завели тайныя типографіи, которыя не только перепечатывали статьи Маццини, но даже сами издавали различныя сочиненія въ духѣ «Юной Италіи».

---

[1]) Вотъ полное заглавіе журнала: «Юная Италія», сборникъ статей, касающихся политическаго, нравственнаго и литературнаго состоянія Италіи, стремящихся къ ея возрожденію. (La Giovine Italia. Raccolta di scritti intorno alla condizione politica, morale e letteraria dell' Italia, tendenti alla sua rigenerazione).

Въ Неаполѣ организовали тайное общество Поэріо, Беллини и Леопарди, выразивъ желаніе дѣйствовать въ одномъ направленіи съ Мацнини. Въ Генуѣ и другихъ городахъ средней Италіи къ нему примкнули многіе изъ лицъ высшихъ классовъ общества, видя въ немъ силу, побороть которую не въ состояніи были ни казни, ни преслѣдованія. Политическіе дѣятели другихъ націй и преимущественно Франціи, скоро перестали смотрѣть на италіянское единство, какъ на утопію и увидѣли въ немъ важный элементъ для будущаго развитія европейской политической жизни. Каваньякъ, Арманъ Каррель, Лафайетъ вошли въ сношеніе съ Мацнини.

Все это не могло оставаться тайной для противниковъ «Юной Италіи» и австрійское правительство, отъ котораго она грозила отнять его владѣнія въ Италіи, и потрясти всю систему управленія австрійской имперіей, употребляло всѣ усилія, чтобы остановить страшную пропаганду. Интереснымъ, въ этомъ отношеніи, матеріаломъ могутъ служить изданныя, послѣ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, секретныя бумаги австрійской полиціи.

Въ Ломбардіи и Венеціи сообщники «Юной Италіи» были открыты полиціей въ 1833 году и изъ двадцати подсудимыхъ девятнадцать приговорены къ смерти. Затѣмъ въ томъ же году, 5 августа, послѣдовалъ указъ, который, какъ о немъ тогда было сказано, «служа новымъ доказательствомъ неусыпныхъ заботъ австрійскаго императора о благѣ его счастливыхъ подданныхъ и его неутомимыхъ отеческихъ стараніяхъ предупреждать зло, отъ котораго страдаютъ не только виновные, но и ихъ невинныя семейства», объявлялъ общество «Юная Италія» болѣе опаснымъ, чѣмъ карбонаризмъ, и угрожалъ участникамъ пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Въ тоже время австрійское министерство иностранныхъ дѣлъ жаловалось швейцарскому правительству на то, что оно терпитъ на своей территоріи людей, нарушающихъ спокойствіе сосѣднихъ государствъ. Самъ государственный канцлеръ, князь Меттернихъ, слѣдилъ за изданіемъ Мацнини и писалъ 23 іюня 1833 года кавалеру Менцу, своему агенту въ Миланѣ: «Мнѣ нужны два полныхъ экземпляра журнала «Юной Италіи», котораго до сихъ поръ вышло пять номеровъ; я все ожидаю два экземпляра «Guerra per bande» (статья Мацнини въ 5-мъ выпускѣ «Юной Италіи»)». Не долго спустя послѣ письма Меттерниха, Менцъ конфиденціально писалъ ему: «Журналъ «La Giovine Italia», принявшій весьма опасный характеръ, кажется прекратился, какъ это видно изъ того, что шестой выпускъ, которому уже давно слѣдовало выйти, до сихъ поръ не появляется. Весьма понятно, что постоянные

возгласы объ одномъ и томъ же предметѣ, впадающіе въ крайность, наконецъ истощились и сдѣлались однообразны». Какъ въ этомъ случаѣ ошибался австрійскій агентъ, это доказываетъ донесеніе венеціянской полиціи отъ 23 мая 1844 года: «Въ Падуѣ распространено сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ «Юная Италія», и ему подобныя, цѣна на которыя, вслѣдствіе запроса на нихъ, поднялась до невѣроятности». Въ 1840 году, когда было объявлено въ газетахъ о новомъ изданіи въ Парижѣ сочиненій Маццини, австрійское правительство удвоило надзоръ на венеціянской границѣ, а полиція разослала слѣдующій циркуляръ отъ 25 іюля 1840 года провинціальнымъ коммиссарамъ: «Госпожа Ла-комбъ, въ Парижѣ, объявила о готовящемся изданіи въ двухъ выпускахъ книги, подъ заглавіемъ «Юная Италія»; это собраніе различныхъ сочиненій, напечатанныхъ въ разное время, Дж. Мацини. Коммиссаровъ просятъ принять самыя энергическія мѣры и, гдѣ можно, противодѣйствовать тайному ввозу упомянутыхъ дьявольскихъ (teuflichen) произведеній, которыя, въ случаѣ открытія, слѣдуетъ секвестровать и отправлять въ наше главное управленіе, куда слѣдуетъ препровождать и лицъ, у которыхъ будутъ найдены подобныя сочиненія, чтобы можно было приступить къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ по мѣрѣ полученія инструкцій». Эта бдительность австрійской полиціи простиралась не только на Европу, но даже и на Америку. Такъ циркуляромъ, отъ 26 сентября 1836 года, она сообщала объ основаніи въ Ріо-Жанейро ассоціаціи «Юная Италія», о кораблѣ, на которомъ прибылъ въ Ріо Гарибальди и который назывался по имени основателя «Юной Италіи» и объ изданіи журнала, «распространяющаго опасныя идеи» по ту сторону океана.

РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ

БЕНТАМА.

The Works of Jeremy Bentham, published under the superintendence of his executor, John Bowring. Edinburgh, MDCCCXLIII. 11 vols.

I.

Первые годы царствованія императора Александра составляютъ знаменательный періодъ въ исторіи русскаго общества. Послѣ многихъ тяжелыхъ лѣтъ конца прошлаго столѣтія, теперь точно гора свалилась съ плечъ у общества, и даже у народа, которому рѣдко бывали чувствительны подобныя перемѣны въ такой степени, какъ тогда. Привлекательная личность молодого императора (при вступленіи на престолъ ему было 23 года) въ замѣчательной степени привязывала къ нему всѣхъ съ самаго начала: его первыя дѣйствія только усиливали радостное впечатлѣніе перемѣны. Освобожденіе множества ссыльныхъ, оставленнаго прежними правленіями, отмѣна разныхъ вопіющихъ стѣсненій, планы гражданскихъ преобразованій—все это было отрадною новизной. Окруженный людьми своего настроенія, императоръ порывисто трудился надъ обширными планами преобразованій. Идеи, оставленныя въ немъ воспитаніемъ и поддержанныя собственной природой, идеи, въ которыхъ соединялось много лучшихъ принциповъ, завѣщанныхъ XVIII-мъ столѣтіемъ, и которыя усиливались самой противоположностью ихъ со слишкомъ

извѣстными недостатками и мрачными сторонами русской жизни,— эти идеи становились принципомъ русскаго правительства. «Другъ человѣчества»—по понятіямъ и по выраженію XVIII-го вѣка— съ отрадой взглянулъ бы на эти широкіе планы свободы, справедливости и человѣколюбія.

Это положеніе вещей отразилось тотчасъ же и на умственной жизни общества: въ ней опять началось движеніе послѣ той полной летаргіи, которая лежала на ней въ послѣдніе предыдущіе годы. Это движеніе было, само по себѣ, еще слабо: отъ прошлаго ему досталось весьма ограниченное наслѣдство, но достаточно было снять старые путы, которыми связана была общественная мысль, успокоить ее отъ того страха, подъ которымъ она стояла въ послѣдніе годы, чтобы признаки жизни показались снова. Старые элементы ея стали опять дѣйствовать: съ одной стороны масонскія преданія, съ другой преданія старой французской философіи, и наконецъ новыя попытки, принявшія потомъ форму романтизма. Въ литературѣ явились на сцену общественные вопросы, о которыхъ еще никогда прежде нельзя было говорить съ такой свободой; государственныя учрежденія, гражданскія права, просвѣщеніе, филантропія становились ея темами уже не какъ простая отвлеченность, какъ это бывало прежде, а въ примѣненіяхъ къ русской жизни. Правда это были еще слабые, невѣрные шаги. Но впереди всѣхъ, несомнѣнно, шло само правительство. Въ эти годы (развѣ за очень немногими исключеніями) лица, стоявшія тогда во главѣ правительства — императоръ и его ближайшіе совѣтники, — представляли собой наиболѣе смѣлыя передовыя стремленія, къ какимъ тогда способно было русское общество. Вопросы, которые ставилъ тогда самъ императоръ, въ извѣстномъ «Comité du salut public», и его ближайшіе довѣренные люди (это были: В. П. Кочубей, Новосильцевъ, П. А. Строгановъ, Чарторыскій, и также ихъ совѣтники, Лагарпъ, Мордвиновъ, А. Р. Воронцовъ), эти вопросы, доходившіе, какъ извѣстно, до конституціонныхъ теорій и освобожденія крестьянъ; усиленныя заботы объ общественномъ образованіи, давшія существованіе новымъ университетамъ и вызывавшія благотворныя и широкія жертвованія частныхъ лицъ для той же цѣли; желаніе открыть путь для общественнаго мнѣнія, — все это были вещи, какихъ только могли желать лучшіе люди либеральнаго образа мыслей. Это была дѣйствительно просвѣщенная забота о народномъ благѣ, которая не могла не увлекать всѣхъ, въ комъ сколько-нибудь были развиты инстинкты этого рода. Словомъ, это былъ медовый мѣсяцъ царствованія....

Онъ продолжался не долго. Его дѣятели потомъ или сошли

со сцены, или не имѣли больше прежняго значенія, или сами измѣнились. Эти первыя стремленія политическо-общественнаго либерализма иные изъ нихъ вѣроятно стали считать увлеченіемъ и ошибкой; наши новѣйшіе историки также, повидимому, готовятся окрестить такимъ именемъ эту неудачу либеральныхъ плановъ преобразованія, и обвинить эти стремленія въ «незнаніи русской жизни, народнаго характера» и т. п. Мы думаемъ объ этомъ иначе: вопросъ былъ не въ этомъ «незнаніи», а въ недостаточной твердости характера, въ недостаточной послѣдовательности понятій, — не столько въ свойствахъ почвы, на которой должна была идти работа, сколько въ указанныхъ личныхъ недостаткахъ [1]).

Въ первое время этого періода шла въ особенности оживленная дѣятельность; преобразователи стремились поднять уровень русскихъ учрежденій и образованности до тѣхъ образцовъ, какіе представлялись имъ въ Европѣ, и между прочимъ въ Англіи. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ Англія была знакома по собственному опыту; между ними были поклонники англійскихъ учрежденій. Эта страна одна изъ европейскихъ осталась нетронута смутами революціоннаго періода, и это должно было особенно возвышать ея политическій авторитетъ. Но, съ другой стороны, были еще свѣжи вліянія французской философіи, оставившія, между прочимъ, свой слѣдъ въ политической мечтательности, искавшей свободы народовъ, уваженія человѣческихъ правъ и просвѣщенія. Республиканецъ Лагарпъ, сохранившій всю благосклонность императора, нисколько не нарушалъ своимъ присутствіемъ этихъ бесѣдъ объ устройствѣ государства, построеннаго на принципѣ абсолютной монархіи, — и это, конечно, не послѣдняя характеристическая черта господствовавшаго настроенія. Въ параллель съ этимъ, въ числѣ авторитетовъ, которые въ глазахъ реформаторовъ получали особенную цѣну, мы встрѣчаемъ и имя Бентама. Изъ высшихъ правительственныхъ сферъ имя знаменитаго философа права и законодательства перешло и въ общество; сочиненія его имѣли въ Россіи большой успѣхъ, и съ 1805 г. начало выходить собраніе его сочиненій, на русскомъ

---

[1]) Медовый мѣсяцъ не прошелъ безъ печальныхъ симптомовъ. Такова была смерть Радищева. Онъ возвратился теперь въ Петербургъ и снова предался прежнимъ идеаламъ и надеждамъ; но когда ему замѣтили полу-серьезно, что такія фантазіи могутъ опять воротить его въ ту же Сибирь, онъ съ отчаянія принялъ яду. Въ то время ничто еще не грозило такими страшными перспективами, но отчаяніе Радищева, къ сожалѣнію, до нѣкоторой степени оправдалось послѣдствіями: послѣ, когда долженъ былъ миновать порывъ правительственнаго либерализма, Радищевъ долженъ былъ опять сдѣлаться такимъ же невозможнымъ человѣкомъ, какимъ былъ въ 1790 году.

языкѣ, сдѣланное «по высочайшему повелѣнію». Наконецъ, еще съ перваго времени начались прямыя сношенія съ Бентамомъ, и въ 1814—1815 даже сношенія съ нимъ самого императора. Въ чемъ онѣ состояли, мы увидимъ дальше.

Эти отношенія Бентама къ русскому императору и обществу представляютъ не мало любыпытныхъ подробностей, которыя намъ и хотѣлось собрать въ настоящей статьѣ: онѣ могутъ послужить для исторіи этого времени. Къ сожалѣнію, кромѣ самой переписки императора Александра съ Бентамомъ (до сихъ поръ еще не являвшейся на русскомъ языкѣ и мало кому извѣстной), мы имѣли слишкомъ немного другихъ фактовъ объ этихъ отношеніяхъ: такіе факты, безъ сомнѣнія, еще найдутся въ историческихъ источникахъ, лежащихъ подъ спудомъ, — мы были бы рады, если бы отсутствіе ихъ въ нашемъ изложеніи дало поводъ къ ихъ извлеченію изъ-подъ спуда...

Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности біографіи Бентама или въ характеристику его философско-юридическихъ идей[1]), и ограничимся нѣсколькими данными изъ его біографіи, для связи съ дальнѣйшимъ изложеніемъ.

Іеремія Бентамъ родился въ 1748. Въ качествѣ старшаго сына въ семьѣ онъ предназначался къ карьерѣ отца и дѣда, именно къ юридической. Онъ съ самаго дѣтства обнаруживалъ рѣдкія дарованія, и восьми лѣтъ писалъ уже латинскіе стихи, какихъ, безъ сомнѣнія, не съумѣли бы теперь написать наши профессора классической филологіи; десяти лѣтъ онъ могъ писать письма по-гречески. Двѣнадцати лѣтъ онъ вступилъ въ Оксфордскую коллегію, и вообще во все время своего ученья былъ предметомъ всеобщаго изумленія по своимъ необыкновеннымъ знаніямъ: 16-ти лѣтъ онъ былъ уже bachelor of arts, а 18-ти былъ уже master, т. е. магистръ. Отецъ его заботился о его воспитаніи, всего больше старался дать ему средства сдѣлать себѣ карьеру и, для того, въ Оксфордѣ, хотѣлъ доставить ему случай завязать отношенія съ аристократическими фамиліями; но эти цѣли неудались. Юридическая профессія, въ той формѣ, какъ она была (и еще до сихъ норъ есть) устроена въ Англіи закономъ и обычаями, внушила ему неодолимое отвращеніе: эта масса перепу-

[1]) Это послѣднее читатель можетъ найти—ограничиваясь общеизвѣстными книгами—у Милля: Dissertations and Discussions (in 3 vol., 1867), т. I, 330—392; у Р. Моля, Gesch. und Literatur der Staatswissenschaften, III, 595—635; — также во введеніи къ русскому изданію «Избранныхъ Сочиненій Бентама» (Спб. 1867).

танныхъ, противорѣчащихъ законовъ, необходимость оказывать уваженіе къ формамъ, совершенно выжившимъ свой смыслъ, необходимость лицемѣрія и уловокъ даже при защитѣ праваго дѣла, все это слишкомъ противорѣчило и его характеру и свойствамъ его ума. Право стало для него не практическимъ занятіемъ, а предметомъ философскаго изученія. У него уже вскорѣ составились первыя представленія той теоріи, развитію и примѣненію которой посвящена была потомъ вся его длинная жизнь. Это— теорія *пользы*, или, какъ онъ предпочиталъ выражаться позднѣе, теорія *величайшаго возможнаго счастія для величайшаго возможнаго числа людей*. По его собственнымъ указаніямъ, первыя основы для этой теоріи доставило ему чтеніе Монтескьё, Баррингтона, Беккаріи и въ особенности Гельвеція; но здѣсь онъ встрѣтилъ только первыя основы, а цѣлое развитіе теоріи было исключительно его собственнымъ трудомъ, который онъ дополнялъ и совершенствовалъ въ теченіе всей свой жизни. Бентамъ былъ ея истиннымъ основателемъ, и онъ же первый далъ ей широкое примѣненіе въ своихъ изслѣдованіяхъ о разныхъ отрасляхъ законодательства. Къ этой теоріи слишкомъ мало подходили англійскія учрежденія и законы, и Бентамъ съ самыхъ первыхъ размышленій своихъ объ этомъ предметѣ сталъ ожесточеннымъ врагомъ той (очень большой) части англійскаго законодательства, которая была загромождена хламомъ средневѣковыхъ формъ. Блэкстонъ, авторитетъ англійскихъ казуистовъ, одинъ изъ первыхъ испыталъ на себѣ уничтожающую силу критики Бентама, опиравшейся на принципъ пользы. Впослѣдствіи, на этомъ пути Бентамъ сталъ главою и представителемъ англійскаго радикализма.

Первымъ нѣсколько значительнымъ трудомъ его былъ «Отрывокъ о Правительствѣ», вышедшій безъ имени автора 1776 г. и направленный противъ Блэкстона, какъ апологиста «счастливой конституціи». Эта книжка произвела сильное впечатлѣніе; ее приписывали различнымъ изъ лучшихъ юристовъ и знатоковъ англійскихъ учрежденій, и когда наконецъ имя автора разгласилось, эта брошюра начала собой славу Бентама и уже въ это время сблизила его со многими замѣчательными людьми въ Англіи и во Франціи. Черезъ два года является его сочиненіе о тюремномъ вопросѣ (A view of the Hard-Labour Bill, 1778); затѣмъ «Опытъ о началахъ нравственности и законодательства», напечатанный уже въ 1780, но вышедшій только въ 1789, — «Опытъ», который вмѣстѣ съ трактатами о гражданскомъ и уголовномъ кодексѣ, написанными послѣ, составляетъ основаніе всей системы Бентама. Въ началѣ 1780-хъ годовъ извѣстность Бентама была уже довольно велика не только въ Англіи, гдѣ

онъ имѣлъ уже немало друзей и почитателей, но и во Франціи: въ это время мы видимъ его въ перепискѣ съ д'Аламберомъ, Морелле и въ дружескихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ впослѣдствіи жирондистомъ Бриссо. Въ 1785 — 87 г. онъ сдѣлалъ большое путешествіе по Европѣ, о которомъ мы упомянемъ дальше и цѣлью котораго была Россія, гдѣ младшій братъ его, Самуилъ, былъ въ то время на службѣ, при Потемкинѣ.

Было бы слишкомъ долго исчислять его труды, которые шли непрерывно, углубляясь все дальше въ изслѣдованіе сущности закона, въ критику существующихъ законодательствъ, въ подробное развитіе утилитарной теоріи для всѣхъ возможныхъ ея примѣненій въ правѣ и учрежденіяхъ. Но сочиненія Бентама только изрѣдка появлялись въ свѣтъ; большая часть ихъ лежала у него въ рукописяхъ. У него самого не было кажется ни особенной торопливости дѣлать ихъ извѣстными, ни того, совсѣмъ особеннаго таланта, который могъ бы сдѣлать ихъ изложеніе доступнымъ и привлекательнымъ для большой публики, — что̀ конечно необходимо было и для самаго распространенія ученій Бентама. Около 1788 начинается его знакомство, превратившееся потомъ въ тѣсную дружбу, съ женевцемъ Дюмономъ, который сталъ для Бентама почти необходимымъ дополненіемъ, какъ даровитый популярный истолкователь его идей.

Имя Дюмона имѣетъ такое мѣсто въ исторіи трудовъ Бентама, что здѣсь кстати сообщить о немъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній, тѣмъ больше, что Дюмону принадлежитъ, какъ увидимъ, извѣстная роль въ распространеніи идей Бентама и въ русскомъ обществѣ, въ первые годы импер. Александра [1]). Дюмонъ (Пьеръ-Этьеннь-Луи) родился въ 1759 г., въ Женевѣ, и происходилъ отъ французскаго рода, выселившагося изъ Франціи вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій. Дюмонъ рано лишился отца, и своимъ основательнымъ, даже ученымъ образованіемъ былъ обязанъ усиліямъ своей матери. Она содержала школу, и Дюмонъ, еще мальчикомъ, помогалъ своей матери въ преподаваніи уроковъ. Затѣмъ онъ выбралъ себѣ теологическую профессію и, кончивъ съ успѣхомъ свой курсъ, въ 1781 г. сталъ протестантскимъ пасторомъ. Онъ привлекалъ многочисленную аудиторію и могъ разсчитывать на карьеру, если бы его мнѣнія, повидимому, слишкомъ либеральныя для господствовавшей тогда партіи, не заставили его покинуть Швейцарію. Въ 1782 г. онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ жили уже тогда три его замуж-

---

[1]) Краткая біографія Дюмона, написанная Паризо̀, находится въ Biographie universelle (Michaud). Paris 1855. т. XI, 528.

нія сестры, — и здѣсь онъ былъ назначенъ пасторомъ французской протестантской церкви [1]). Въ Петербургѣ онъ скоро пріобрѣлъ репутацію, но уже черезъ полтора года покинулъ его и отправился въ Англію, гдѣ сдѣлался воспитателемъ сыновей лорда Лансдоуна. Этотъ лордъ вскорѣ замѣтилъ его большія дарованія, и оставивъ за нимъ только общее наблюденіе за воспитаніемъ своихъ дѣтей, воспользовался его услугами и для другихъ цѣлей, — именно Дюмонъ помогалъ его политическимъ работамъ и исполнялъ редакцію тѣхъ рѣчей и изложеній, которыя нужны были лорду на трибунѣ. Лордъ доставилъ ему и какое-то оффиціальное положеніе и синекуру. Лансдоунъ былъ однимъ изъ друзей Бентама. Дюмонъ встрѣтился здѣсь съ различными извѣстными политическими людьми, что̀, конечно, не осталось безъ вліянія на его политическую опытность, напр. съ Шериданомъ, Фоксомъ, лордомъ Голландомъ, также съ Ромильи, знаменитымъ англійскимъ юристомъ того времени, и, наконецъ, вступилъ въ отношенія съ самимъ Бентамомъ. Эти отношенія уже вскорѣ, какъ мы замѣтили, перешли въ тѣсную дружбу и затѣмъ — въ оригинальное сотрудничество. 1789-й годъ, повидимому, произвелъ на него особенное впечатлѣніе: Дюмонъ оставилъ свое выгодное положеніе въ Англіи, чтобы найти себѣ дѣло въ новомъ порядкѣ вещей, открывавшемся во Франціи. Прочнаго положенія онъ здѣсь не нашелъ, но тѣмъ не менѣе, онъ дѣятельно замѣшался въ событія. Онъ сошелся съ Мирабо и въ его ближайшемъ кружкѣ игралъ значительную, почти руководящую роль. Когда Мирабо началъ изданіе своего «Провансальскаго Курьера» (le Courrier de Provence), редакція его главнымъ образомъ была на рукахъ Дюмона. Французскій біографъ Дюмона положительно говоритъ, что̀ Мирабо много у него заимствовалъ и что адресъ Мирабо къ королю объ удаленіи войскъ былъ написанъ Дюмономъ; Бентамъ говоритъ также, что Дюмону принадлежали многіе изъ адресовъ Мирабо къ избирателямъ [2]).... Но событія принимали во Франціи слишкомъ грозный видъ, и Дюмонъ, въ 1791 году, еще до болѣзни Мирабо, повлекшей за собою его смерть, оставилъ Францію и, послѣ краткаго пребыванія въ Швейцаріи, опять переселился въ Англію.... Отказавшись теперь отъ политики, онъ занялся исключительно литературными трудами: это было его ревностное изученіе и распространеніе идей Бентама.

---

[1]) Бентамъ, въ одномъ изъ писемъ къ брату Самуилу, говоритъ о Дюмонѣ: «he has a mother and sisters, or other near relations, settled at Petersburg, in some line of *trade*, and was in Russia as *bearleader* (т. е. пасторъ) for many years». Works, X, 249.

[2]) Lettres à ses comettans, — Works X, 185.

«Одною изъ особенностей характера Дюмона было то, — замѣчаетъ вѣрно его біографъ, — что онъ всегда шелъ за кѣмъ-нибудь другимъ». Первыми его патронами были лордъ Лансдоунъ и Мирабо; теперь ему нуженъ былъ третій: это былъ Бентамъ. Первое сближеніе ихъ относится, кажется, къ 1788 году, когда Дюмонъ познакомился съ трудами Бентама, которые сообщилъ ему въ рукописи упомянутый близкій другъ Бентама, Ромильи. Дюмонъ былъ пораженъ ихъ оригинальностью и силой и нашелъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что они «достойны служить дѣлу свободы», которому хотѣлъ служить онъ самъ. Дюмонъ предложилъ французское изданіе рукописей Бентама; лордъ Лансдоунъ горячо рекомендовалъ его способность къ дѣлу, Бентамъ согласился, и Дюмонъ съ тѣхъ поръ посвятилъ значительную часть своей жизни переводу, обработкѣ и изданію сочиненій Бентама. Въ объясненіе этого надо вспомнить, что при всемъ громадномъ объемѣ своихъ трудовъ, Бентамъ очень мало заботился, а можетъ быть и вовсе не умѣлъ давать имъ такую форму, которая бы дѣлала ихъ тотчасъ доступными для большого круга читателей. Такія литературныя соображенія никогда не приходили ему въ голову. Не только содержаніе его изслѣдованія, всегда строго-методическое, доходящее обыкновенно отъ общей темы до всѣхъ ея подробностей однимъ путемъ логическихъ выводовъ и комбинацій; но и самая внѣшняя форма, выборъ словъ, нерѣдко вновь составленныхъ для нужной ему терминологіи, постройка фразы, отражающая въ себѣ математическую постройку мысли, и вслѣдствіе того нерѣдко очень сложная, — потому что въ объемѣ одного періода авторъ всегда старается совмѣстить и всѣ объяснительныя подробности мысли, — все это часто дѣлаетъ чтеніе Бентама довольно труднымъ для читателя обыкновеннаго. У самого Дюмона не было, конечно, такого запаса идей, какъ у его учителя, но у него были другія свойства, прекрасно дополнявшія указанные недостатки Бентама: ревностный партизанъ идей Бентама, связанный съ нимъ личной дружбой, самъ несомнѣнно умный и талантливый писатель, онъ былъ для Бентама драгоцѣннымъ редакторомъ и издателемъ. Дюмонъ не ограничивался ролью вѣрнаго ученика: онъ часто помогалъ учителю, когда передавалъ по-французски его труды, — онъ придавалъ привлекательность сухому изложенію Бентама, объяснялъ его примѣрами обыденной жизни, сообщалъ ему легкую, общедоступную форму. Въ своей работѣ Дюмонъ нерѣдко обращался къ Бентаму за объясненіями и дополненіями, гдѣ считалъ это нужнымъ для обыкновеннаго читателя и всего чаще сокращалъ то, что казалось ему больше важнымъ для методическаго развитія

предмета, чѣмъ нужнымъ для непосредственнаго дѣйствія на умы, и т. п. Своими трудами, которые были весьма продолжительны и многочисленны, Дюмонъ оказалъ вообще великую услугу и самому Бентаму и европейской литературѣ, гдѣ черезъ Дюмона сочиненія Бентама пріобрѣли популярность, которую труднѣе было бы получить ихъ подлинному тексту. Первый опытъ подобнаго изложенія Бентама Дюмонъ сдѣлалъ въ упомянутомъ «Провансальскомъ Курьерѣ». Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ французскихъ обработокъ Бентама, которыя было бы долго перечислять. Замѣтимъ только, что многія сочиненія являлись въ свѣтъ впервые именно на французскомъ языкѣ; между прочимъ, до изданія Боуринга (1843 г.) на англійскомъ языкѣ не были изданы даже такія вещи, какъ знаменитая «Тактика народныхъ собраній» (Tactique des assemblées législatives) и «Теорія наградъ и наказаній» (Théorie des Peines et des Récompenses, 1811), не говоря о другихъ.

Эти труды въ особенности занимали Дюмона въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка и въ первое десятилѣтіе нынѣшняго. Послѣ паденія Наполеона, Дюмонъ, съ возстановленіемъ независимости его отечества, поселился въ Женевѣ, и до самой смерти оставался тамъ членомъ представительнаго совѣта; въ этомъ качествѣ онъ принималъ участіе въ законодательствѣ и администраціи женевской республики,—ему въ особенности обязана своимъ устройствомъ пенитенціарная тюрьма въ Женевѣ, одинъ изъ образцовъ подобнаго рода учрежденій; ему принадлежитъ также замѣчательный уставъ представительнаго совѣта. Дюмонъ умеръ въ сентябрѣ 1829 г.

Сотрудничество Дюмона дало большое распространеніе сочиненіямъ Бентама; впрочемъ, онѣ и еще гораздо раньше замѣчены были первостепенными умами, и Бентамъ, какъ мы сказали, еще съ начала 1780-хъ годовъ началъ учено-политическую корреспонденцію съ разными замѣчательными людьми своего времени, корреспонденцію, которая потомъ распространилась до чрезвычайно обширныхъ размѣровъ.

По смерти отца (1792 г.), Бентамъ получилъ независимое состояніе, которое доставило ему полную возможность спокойно предаться своимъ занятіямъ. Онъ поселился совершенно уединеннымъ образомъ и неутомимо работалъ до самаго конца своей долгой жизни. Революціонное движеніе во Франціи возбудило все его вниманіе; онъ обращался къ національному собранію съ своими критико-законодательными трудами, и въ 1792 г. (26 августа) національное собраніе дало ему право французскаго гражданства вмѣстѣ съ нѣсколькими другими замѣчательными со-

временниками [1]). Въ средѣ собранія находился одинъ изъ его близкихъ друзей, знаменитый жирондистъ Бриссо, уже въ слѣдующемъ году казненный на гильотинѣ. Въ мемуарахъ Бриссо остались его восторженные отзывы о Бентамѣ и замѣчанія о его обширныхъ фактическихъ изученіяхъ, которыя распространились теперь, кромѣ законодательства самой Англіи, и на законодательства другихъ странъ Европы, — между прочимъ и Россіи. Бриссо, знавшій Бентама еще въ 1780-хъ годахъ, сравнивалъ его дѣятельность съ трудами знаменитаго филантропа Говарда. Упомянувъ въ запискахъ о стараніяхъ Бентама распутать лабиринтъ англійскаго законодательства, Бриссо между прочимъ говоритъ:

«Проникнувъ въ глубины этой пропасти, Бентамъ, прежде чѣмъ предложить какой-нибудь способъ реформы, желалъ изучить уголовную юриспруденцію всѣхъ другихъ европейскихъ націй, и какъ ни громадно было подобное предпріятіе, оно не останавливало ревности человѣка, котораго одушевляла любовь къ общественному благу.

«Эти кодексы, большей частью, можно было найти только на языкахъ тѣхъ націй, у которыхъ они употреблялись. Поэтому Бентамъ пріобрѣлъ знаніе всѣхъ этихъ языковъ, одного за другимъ. Онъ отлично говорилъ (и писалъ) по-французски, зналъ итальянскій, испанскій и нѣмецкій языки; я видѣлъ, какъ онъ занимался шведскимъ и русскимъ» [2]).

Побужденія къ этимъ трудамъ были одни, а именно,—Бентамъ проникнутъ былъ горячимъ стремленіемъ быть полезнымъ своими трудами кому бы то ни было. Истинная любовь къ человѣчеству— въ истинномъ и обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова—рѣдко одушевляла писателя такъ, какъ она одушевляла Бентама; и его ученіе, какъ ни ограничиваютъ его великій смыслъ ученые формалисты права,— такъ сильно возбуждало стремленія къ народному благу, заключало въ себѣ столько глубокихъ указаній и руководствъ, что Бентамъ уже скоро сталъ великимъ авторитетомъ для общественныхъ дѣятелей и писателей тогдашняго либерализма. Люди, для которыхъ вопросъ общественнаго блага былъ вопросомъ совѣсти и гражданской обязанности, люди, игравшіе практическую роль въ общественныхъ и народныхъ движе-

---

[1]) По этому декрету 26 августа получили французское гражданство: Джозефъ Пристли, Томасъ Пэнъ, Іеремія Бентамъ, Вильямъ Вильберфорсъ, Джемсъ Макинтошъ, Камне, Песталоцци, Вашингтонъ, Клопштокъ, Костюшко и нѣк. др. (Bentham, Works, X, 281).

[2]) Mémoires de Brissot, publiés par son fils, 4 voll. Paris, 1830, vol. II. Bentham, Works X. 193.

ніяхъ, обращались къ нему за совѣтами изъ всѣхъ концовъ образованнаго міра,—изъ различныхъ странъ Европы: Франціи, Италіи, Швейцаріи, Германіи, Греціи (когда она вооружалась на завоеваніе своей независимости), изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и наконецъ даже изъ республикъ южной Америки.—Многолѣтніе труды, неизмѣнная строгость, даже суровость убѣжденія, пламенная ревность къ установленію справедливости и людского благосостоянія, доставили наконецъ Бентаму высокое нравственное значеніе, представляющее мало примѣровъ въ европейской литературѣ.

Робертъ Моль, сравнивая Бентама съ Макіавелли по геніальной глубинѣ и оригинальности идей, замѣчаетъ о немъ: «Но если мы и отложимъ въ сторону сравненіе и возьмемъ Бентама самого по себѣ, онъ представляетъ собой, безъ сомнѣнія, одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій во всей исторіи политическихъ наукъ. Немногіе могутъ равняться съ нимъ, если только кто-нибудь можетъ, въ самостоятельности мысли, въ такомъ рѣдкомъ соединеніи аналитической проницательности съ одной стороны и твердой выдержки господствующаго принципа съ другой, при смѣлой энергіи и святой ревности къ тому, что̀ признано хорошимъ. Немногіе въ такую долгую жизнь [1]) мыслили такъ последовательно и безъ перерывовъ, такъ много написали, и сказали такъ много новаго и такимъ особеннымъ образомъ, какъ Бентамъ. И его труды еще при жизни увѣнчались великимъ успѣхомъ. Хотя онъ все больше и больше удалялся отъ властителей, но черезъ своихъ послѣдователей онъ имѣлъ однако значительное вліяніе на многіе вопросы государственной политики и права, и еще болѣе могущественное вліяніе по своимъ идеямъ, которыя мало по малу окольными путями и, отчасти, не смотря на встрѣтившія ихъ сначала недоброжелательство и насмѣшку, перешли въ общее сознаніе. Онъ, сорокъ лѣтъ жившій совершеннымъ пустынникомъ и кромѣ того, вовсе не старавшійся о томъ, чтобы помочь торопливому и избалованному свѣту понимать его, сталъ великой силой—своимъ умомъ, волей и своимъ служеніемъ истинѣ.»

Непосредственно связанный съ преданіями XVIII-го вѣка, подъ вліяніемъ которыхъ самъ онъ воспитался, Бентамъ своей личностью связываетъ старое умственное и общественное дви-

[1]) Бентамъ умеръ на 84-мъ году; онъ родился очень слабымъ ребенкомъ; былъ очень малосильнымъ и хрупкимъ юношей, почти карликомъ по росту; но чѣмъ дальше, онъ становился все здоровѣе и крѣпче, наслаждался свѣжей и здоровой старостью и неутомимо работалъ до послѣднихъ дней жизни.

женіе съ новымъ. Въ Англіи онъ сталъ главой радикализма,— хотя никогда не игралъ непосредственной политической роли; — въ литературѣ остался до сихъ поръ первостепеннымъ органомъ журналъ «Westminster Review», которому онъ положилъ основаніе въ 1823. На европейскомъ континентѣ онъ былъ однимъ изъ любимыхъ авторитетовъ для мыслящихъ людей той части общества, которой принадлежали революціонныя движенія 20-хъ годовъ. Въ наукѣ онъ остается глубокимъ мыслителемъ и критикомъ, идеи котораго заключаютъ въ себѣ богатыя основанія для будущаго развитія.

Такова была личность, вліяніе которой распространилось въ первые годы императора Александра на указанный выше слой русскаго образованнаго общества. Эти прямыя отношенія Бентама къ русскому обществу не были ни слишкомъ глубоки, ни слишкомъ продолжительны; этого и естественно, конечно, ожидать, потому что русская жизнь не была въ состояніи переварить тѣхъ запросовъ свободы и справедливости, которые выражались всей дѣятельностью Бентама. Къ нему обратились въ первомъ порывѣ либеральныхъ увлеченій, и потомъ отдалились отъ него, какъ скоро ближе поняли силу и строгость его ученія. Таковъ былъ общій смыслъ этихъ отношеній. — Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ довольно матеріала для точнѣйшаго указанія этихъ отношеній, хотя впрочемъ и то, что̀ мы представляемъ здѣсь читателю, кажется еще не было извѣстно въ русской литературѣ.

Когда въ началѣ царствованія императора Александра заговорили о Бентамѣ и потомъ обратились къ нему за содѣйствіемъ для «составленія законовъ»,—онъ не былъ чуждъ русской жизни, ея нравамъ и учрежденіямъ. Онъ еще раньше успѣлъ ознакомиться съ ними до извѣстной степени.

Первыя встрѣчи Бентама съ русскими,—какія мы находимъ въ его біографіи,—относятся кажется къ 1770-му году. Ему было еще только двадцать два года; онъ провелъ тогда нѣсколько времени въ Парижѣ и здѣсь познакомился съ Форстеромъ[1]), который былъ капелланомъ при англійскомъ посольствѣ въ Петербургѣ. «Это былъ родъ пастора-атеиста—замѣчаетъ Бентамъ — и обо всемъ онъ говорилъ съ большимъ легкомысліемъ. Русскіе обычаи (во время жизни въ Петербургѣ) пришлись къ его лѣнивой натурѣ. Въ моей жизни было тогда событіемъ—говорить

---

[1]) Въ другихъ мѣстахъ онъ называется и Фостеромъ,—что̀ вѣрнѣе, не знаемъ.

съ человѣкомъ, который жилъ въ дипломатическихъ кругахъ и путешествовалъ такъ далеко. Онъ познакомилъ меня со *многими русскими*: между ними было двое братьевъ *Татищевыхъ* (Tatischevs), которые питали другъ къ другу дѣтскую привязанность и диспуты которыхъ о достоинствахъ Монтескьё были очень забавны. Споры вертѣлись на фундаментальныхъ принципахъ, и это были фундаментальныя нелѣпости,—вѣчные мелочные споры о словахъ, которымъ они не могли дать опредѣленнаго смысла и которыя понимали различно, какъ напр. честь, добродѣтель, страхъ» и т. п.[1]).

Объ этихъ Татищевыхъ біографъ Бентама упоминаетъ еще въ другомъ мѣстѣ. Бентамъ очень любилъ этихъ двухъ братьевъ. «Они были величайшіе поклонники императрицы Екатерины, которая была для нихъ чуть не божествомъ, и они такъ хвалили ея *esprit de législation*, что Бентамъ желалъ бы получить приглашеніе въ ея службу и охотно посвятилъ бы Россіи свои труды»[2]).

По всей вѣроятности это знакомство съ братьями Татищевыми было не единственной встрѣчей Бентама съ русскими. Но болѣе непосредственное знакомство съ Россіей доставило ему путешествіе, предпринятое имъ въ Россію въ 1785 году и составляющее не безъинтересный эпизодъ въ біографіи Бентама и въ знакомствѣ его съ Россіей. Бентаму хотѣлось главнымъ образомъ посѣтить своего младшаго брата Самуила, который выѣхалъ въ Россію и въ то время находился на службѣ при Потемкинѣ[3]). Братъ вѣроятно приглашалъ его посмотрѣть Россію, но повидимому были приглашенія и со стороны Потемкина. Въ 1785 Бентамъ пишетъ одному изъ своихъ друзей: «Я все еще жду писемъ изъ Петербурга.... По грѣхамъ моимъ, я имѣю дѣло съ лѣнивѣйшимъ человѣкомъ самой лѣнивой націи на лицѣ земли Всемогущаго Бога» (рѣчь идетъ о Потемкинѣ). «Я пишу ему одно письмо за другимъ, по дѣлу чисто его собственному. Онъ, какъ говорятъ, выражаетъ большое удовольствіе; а какъ вы думаете, чѣмъ онъ это доказываетъ? Вы предположите, что онъ отвѣчаетъ. Нисколько; онъ приказываетъ переводить мои письма съ моего французскаго (dog French) на русскій, для какой цѣли или употребленія, я не имѣю претензіи угадывать: только никакъ не для его собственнаго употребленія; такъ какъ онъ почти столько же зна-

---

[1]) Works; Memoirs and Correspondence; X, стр. 67. Дальше, стр. 117, въ его разсказахъ упоминается имя гр. Воронцова.

[2]) Works, X, 181.

[3]) X, 175.

комъ съ французскимъ, какъ и съ русскимъ языкомъ. Впрочемъ, онъ говоритъ, что скоро напишетъ, и на этомъ дѣло теперь стоитъ» [1]).

Самъ Бентамъ называетъ свое путешествіе въ Россію просто визитомъ къ своему брату, и мы дѣйствительно не видимъ, чтобы онъ занимался въ Россіи чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ своихъ обычныхъ юридическихъ и законодательныхъ изысканій: «собственное дѣло» Потемкина, для котораго былъ нуженъ Іеремія Бентамъ, ограничивалось, кажется, только тѣмъ, что Самуилъ Бентамъ указалъ Потемкину своего брата, какъ человѣка, который можетъ собрать въ Англіи различныя нужныя для него свѣдѣнія и исполнить нѣкоторыя порученія. Онъ дѣйствительно ихъ и исполнилъ.

Самуилъ Бентамъ уже давно, съ 1774 г., находился въ Россіи. Іеремія питалъ къ нему большую привязанность. «Генералъ Бентамъ, разсказывалъ онъ послѣ, отличался талантомъ изобрѣтательности, и у него было множество плановъ механическихъ улучшеній. Однимъ изъ его проектовъ было создать неизмѣнную температуру для хронометра. Письма брата доставляли мнѣ великое удовольствіе. Онъ оставилъ Вестминстерскую школу до окончанія полнаго курса; но онъ уже могъ писать греческіе стихи... Когда онъ оставлялъ Англію въ 1774 г. (отправляясь въ Россію), онъ имѣлъ съ собою не меньше восьмидесяти шести рекомендательныхъ писемъ. За три недѣли до отъѣзда, онъ, чтобы привыкнуть къ новому образу жизни, ложился спать на полу» [2]).

Передъ своимъ путешествіемъ въ Россію, Бентамъ—разсказываетъ его біографъ—собралъ обширное количество свѣдѣній по предметамъ земледѣлія, торговли и мануфактуръ; онѣ были нужны для введенія всякаго рода улучшеній, задуманныхъ княземъ Потемкинымъ, къ которому на службу поступилъ тогда его братъ. Бентамъ говоритъ о Самуилѣ, что онъ приглашенъ былъ на эту службу какъ «Jack of all trades», — какъ строитель кораблей, канатный мастеръ, парусникъ, винокуръ, пивоваръ, солодовникъ, кожевникъ, мастеръ стеклянна̀го производства, горшечникъ, прядильщикъ пеньки, кузнецъ и мѣдникъ. По нѣкоторымъ изъ этихъ спеціальностей и нужны были тѣ свѣдѣнія, которыя собиралъ Іеремія и долженъ былъ привезти съ собой. Бентамъ еще по дорогѣ въ Россію писалъ Потемкину о своемъ путешествіи и исполненіи его порученій. Между прочимъ Потемкинъ прислалъ ему вексель въ 500 фунтовъ, чтобы доста-

---

1) Works, X, 139.
2) X, 160.

вить въ Крымъ «знающаго человѣка для садоводства». Біографъ Бентама, вѣроятно съ его словъ, говоритъ о планахъ Потемкина такимъ образомъ: «Намѣреніе Потемкина состояло, кажется, въ томъ, чтобы пересадить британскую цивилизацію и образованность en masse въ Бѣлоруссію; какъ будто бы всѣ почвы были одинаково удобны для возрастанія и развитія капитала, знанія и промышленности. Онъ потерпѣлъ неудачу, какъ терпѣли эту неудачу всѣ, кто забывалъ, что ходъ мысли, чтобы быть вѣрнымъ, долженъ быть медленнымъ; что онъ долженъ постепенно создавать вокругъ себя средства и примѣненія; что введеніе одного, или сотни просвѣщенныхъ иностранцевъ въ страну еще недостаточно для ея просвѣщенія; что всѣ преждевременныя попытки засѣвать неприготовленную почву не дадутъ производительной жатвы. Потемкинъ кажется щедро разсѣявалъ свое богатство и пользовался своимъ вліяніемъ; онъ былъ даже довольно счастливъ въ орудіяхъ, отъ которыхъ онъ ожидалъ успѣха; но успѣхъ былъ невозможенъ по самой природѣ вещей: оттого его деньги были растрачены и могущество употреблено понапрасну» [1]).

Цѣлью путешествія Бентама было мѣстечко Кричевъ, въ Бѣлоруссіи, принадлежавшее Потемкину, гдѣ жилъ тогда Самуилъ. Онъ нашелъ «знающаго человѣка» и взялъ его съ собой: этотъ человѣкъ имѣлъ ботаническія свѣдѣнія, которыя особенно требовались. Онъ взялъ также женщину, знавшую молочное и сыроварное дѣло, для фермы, которую Потемкинъ намѣренъ былъ устроить у себя въ томъ великолѣпномъ стилѣ, какой тогда входилъ въ моду въ Англіи. Кромѣ того была еще другая женщина, взятая вѣроятно для той же цѣли. Эти трое людей отправлялись на счетъ Потемкина; но Бентамъ ѣхалъ на свой счетъ. Бентамъ оставилъ Англію въ началѣ августа 1785 г., и отправился черезъ Парижъ и Францію въ Ниццу, гдѣ долженъ былъ сѣсть на англійскій корабль, отправлявшійся въ Смирну. Въ Смирнѣ онъ пробылъ мѣсяцъ и оттуда отправился на турецкомъ кораблѣ; въ Архипелагѣ онъ пересѣлъ опять на англійскій, и выдержавъ страшную бурю въ Мраморномъ морѣ, благополучно прибылъ въ Константинополь. У него были рекомендательныя письма въ европейскій дипломатическій кругъ этой столицы—кромѣ англійскаго посольства, къ императорскому (австрійскому) интернунцію, французскому посланнику; между прочимъ черезъ одного изъ своихъ соотечественниковъ онъ познакомился съ русскимъ посланникомъ Булгаковымъ. «Бентамъ—раз-

---

[1]) X, 147—148.

сказываетъ его біографъ (конечно, съ его словъ)—ожидалъ встрѣтить какого-нибудь калмыцкаго варвара, но это былъ замѣчательно красивый человѣкъ (singularly handsome person), котораго нельзя было отличить отъ наилучше образованныхъ европейцевъ. Впрочемъ въ его отелѣ, — хотя тамъ обѣдали между часомъ и двумя, —гости, даже при парадномъ столѣ, обыкновенно передъ обѣдомъ долго играли въ карты. Бентамъ замѣтилъ чрезвычайное разнообразіе блюдъ и былъ польщенъ тѣмъ вниманіемъ, какое ему оказывалось, и почетнымъ мѣстомъ, какое ему дали. Министръ съ энтузіазмомъ говорилъ о своей странѣ, и утверждалъ, что даже снѣгъ и ледъ въ Россіи больше блестятъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Бентамъ уронилъ себя во мнѣніи министра тѣмъ, что послѣ этого обѣда не сдѣлалъ ему визита. Виной ошибки была отчасти его врожденная робость [1]), отчасти незнаніе свѣтскихъ обычаевъ, которое осталось у него отъ его узкаго, и какъ онъ самъ всегда говорилъ, «жалкаго» воспитанія. Тѣже чувства помѣшали ему сдѣлать визитъ къ французскому посланнику, графу Шуазёлю» [2]).

Своихъ спутниковъ—«знающаго человѣка» съ двумя женщинами, Бентамъ оставилъ въ Константинополѣ, и былъ этому радъ; потому что этотъ человѣкъ не отличался своими нравственными качествами. Знающій человѣкъ пріѣхалъ также въ Россію, но его карьера здѣсь окончилась кажется плохо.

Изъ Константинополя, гдѣ пробылъ мѣсяца полтора, Бентамъ отправился сухимъ путемъ, черезъ Болгарію и Бухарестъ, и въ половинѣ января 1786 г. былъ въ Кременчугѣ. При незнаніи русскаго языка и обычаевъ, путешествіе Бентама и потомъ жизнь въ Россіи не обошлись безъ маленькихъ приключеній, на дорогѣ, въ карантинахъ и таможняхъ и въ разныхъ встрѣчахъ съ мѣстными жителями. Въ Кременчугѣ онъ былъ на обѣдѣ у губернатора. «На столѣ — такъ разсказываетъ онъ — была серебряная посуда, но ножи и вилки были желѣзные, очень грязные, и ихъ не перемѣняли вмѣстѣ съ блюдами,—блестящія люстры русскаго стекла, —восемь или десять цвѣтныхъ свѣчей на столѣ, въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, — красное сладкое вино съ Дона,—крѣпкое Кипрское, также Сотернъ, Mountain и Muscadine, былъ также Burton ale. Всѣ джентльмены были въ сапогахъ, хотя было много дамъ.... Между обѣдомъ и ужиномъ

[1]) Когда во время этого путешествія Бентамъ былъ въ Парижѣ, онъ по той же застѣнчивости не рѣшился посѣтить д'Аламбера, хотя уже прежде былъ съ нимъ въ переписке.

[2]) X, 149—153.

церковные пѣвчіе пѣли антифоны (anthems), также украинскія пѣсни и нѣсколько русскихъ пѣсенъ. Нѣкоторые изъ гостей, особенно военные, прибыли издалека. Вечеръ прошелъ въ карточной игрѣ, и люди, получавшіе не больше 600 р. жалованья, проигрывали по 800 р. въ одинъ день. Всѣ играли въ большую игру» [1]...

Бентамъ упоминаетъ объ огромной игрѣ Потемкина, Орлова и другихъ, о которой конечно ходили разсказы.

Онъ интересовался русской арміей и приводитъ о ней нѣкоторыя замѣчанія и цифры; между прочимъ онъ замѣтилъ солдатскую артель.

Наконецъ, онъ прибылъ въ Кричевъ, мѣстечко на югѣ отъ Мстиславля, въ Могилевской провинціи. Почти все время своей жизни у брата, Бентамъ провелъ въ имѣніи, которое онъ называетъ Zadobras, близъ Кричева. «Заведеніе (establishment), во главѣ котораго стоялъ сэръ Самуилъ, тогда полковникъ Бентамъ, было устроено по волѣ Потемкина, для введенія разныхъ мануфактурныхъ производствъ въ этой части Россіи. Сюда были приглашены мастера кожевеннаго дѣла, садовникъ и разные другіе ремесленники и механики.» Сэру Самуилу былъ данъ родъ военной власти, но его управленіе нарушалось большими раздорами и даже анархіей; однажды, для внушенія субординаціи, приведена была даже военная сила. Здѣсь были нѣмцы, англичане, итальянцы; смѣшеніе языковъ дѣлало несогласія еще болѣе раздражительными, и самъ Іеремія Бентамъ, часто небывавшій въ городкѣ по цѣлымъ недѣлямъ, бывалъ также жертвою этихъ несогласій и недоразумѣній. Ему случилось испытать на себѣ и неудобства русскихъ судебныхъ порядковъ: однажды онъ былъ арестованъ и имущество его взято подъ секвестръ за долгъ, будто сдѣланный его братомъ. Бентаму пришлось переписываться съ могилевскимъ судомъ. «Кричевскій опытъ—говоритъ еще біографъ Бентама—былъ безразсудной попыткой водворить въ варварской части Россіи всѣ отрасли цивилизаціи. Это былъ конёкъ Потемкина, стоившій ему многихъ тысячъ фунтовъ. Имѣнье Zadobras имѣло минутную славу—оно было прекрасно, но потомъ пришло въ упадокъ. Это былъ одинъ изъ двухъ цивилизаторскихъ плановъ Потемкина: одинъ дѣлался подъ надзоромъ полковника Бентама, имѣвшаго большую изобрѣтательность, знанія и талантъ; другой сдѣланъ былъ подъ надзоромъ нѣмца Сталя» [2]... Бентамъ, какъ мы упоминали, очень высоко цѣнилъ талантъ

---

[1]) X, 159.
[2]) X, 161.

своего брата, и между прочимъ во время пребыванія въ Кричевѣ увлекался однимъ его изобрѣтеніемъ въ судостроеніи: Самуилъ выдумалъ особаго рода судно, которое онъ называлъ червеобразнымъ (Vermicular), и которое устроивалось изъ цѣлаго ряда особымъ образомъ соединенныхъ отдѣльныхъ частей или судовъ: цѣлое судно могло или держаться въ неизмѣнно прямомъ направленіи, или же сгибаться въ ту или другую сторону, какъ понадобится. Бентамъ описывалъ это изобрѣтеніе въ письмахъ къ своимъ друзьямъ и рекомендовалъ его въ Англіи; опыты, сдѣланные въ большихъ размѣрахъ на русскихъ рѣкахъ, напр. на Днѣпрѣ, оказались удачны, и изобрѣтателю хотѣлось испытать свое судно на морѣ, — но дѣло, кажется, подъ конецъ не состоялось.

Тому же Самуилу принадлежала основная мысль изобрѣтенія, которое Бентамъ примѣнилъ въ своемъ знаменитомъ «Паноптиконѣ» къ пенитенціарной системѣ тюремъ. Дѣло въ томъ, что Самуилъ, исполняя въ Кричевѣ планы Потемкина — ввести въ Россіи различныя мануфактурныя производства и ремесла, придумалъ выстроить особенное зданіе, въ родѣ фабричной или ремесленной фаланстеры. Онъ уже готовъ былъ приступить къ постройкѣ этого зданія, когда начавшаяся Турецкая война оторвала его отъ этого дѣла: ему надобно было оставить Кричевъ, въ который онъ кажется уже больше не возвращался. Бентамъ воспользовался планомъ своего брата и примѣнилъ его къ устройству тюремъ [1]), и еще во время пребыванія въ Россіи написалъ свой «Паноптиконъ», трактатъ объ устройствѣ тюремъ на принципѣ целлюлярнаго заключенія и центральнаго надзора, съ примѣненіемъ разнообразныхъ средствъ исправленія и воспитанія, съ устройствомъ мастерскихъ, школъ, больницъ и т. д.

Во время своего пребыванія у брата, Бентамъ велъ очень уединенную жизнь, занимаясь только своими литературными трудами; фортепьяно, нѣсколько книгъ и разведеніе цвѣтовъ составляли его главныя развлеченія. Разведеніе цвѣтовъ было всегда его страстью. Любопытно, какъ черта характера, что ботаника нравилась ему особенно по своей способности распространять доставляемое ею удовольствіе: «камней мы не можемъ разводить», — говорилъ онъ, и минералогъ не можетъ дѣлиться своими запасами, не отнимая у себя. Онъ вывезъ изъ Россіи

[1]) Works, IV, 40. Здѣсь же помѣщенъ и планъ Самуила: «Building and furniture for an Industry-House Establishment, for 2,000 persons, of all ages, on the Panopticon or Central-inspection principle». См. для объясненія: Outline of a Work, entitled Pauper Management improved, VIII, 369—439; также X, 250, 262.

цѣлую коллекцію сѣмянъ, которыми надѣлилъ своихъ ботаническихъ друзей въ Англіи... Своего уединенія онъ не прервалъ даже для того, чтобы съѣздить въ Кричевъ, когда тамъ проѣзжала императрица Екатерина во время знаменитаго путешествія въ Крымъ [1]). Съ своими англійскими друзьями онъ переписывался постоянно; внутреннія дѣла и событія въ Англіи привлекали все его вниманіе. Кромѣ упомянутаго «Паноптикона», онъ написалъ въ Россіи и знаменитую «Защиту Роста» (Defence of Usury), которая издана была по прибытіи его въ Англію и произвела впечатлѣніе въ цѣлой европейской литературѣ. Здѣсь же онъ приготовлялъ «Раціональное изслѣдованіе награды».

Бентамъ оставилъ Кричевъ въ октябрѣ или ноябрѣ 1787, и, добравшись опять не безъ приключеній въ Польшу, онъ черезъ Пруссію и Голландію возвратился домой. Въ маѣ слѣдующаго года (1788), въ письмѣ къ брату, въ Россію, Бентамъ обѣщаетъ прислать ему экземпляръ своей «Защиты Роста», вмѣстѣ съ экземпляромъ для другого лица съ русской фамиліей [2]).

Съ этихъ поръ мы долго не находимъ извѣстій о сношеніяхъ Бентама съ русскими людьми. Онъ продолжалъ однако получать свѣдѣнія о русской жизни отъ своего брата, который имѣлъ связи въ высшемъ русскомъ обществѣ. Только въ 1800 г. мы опять видимъ его въ соприкосновеніи съ русскими: онъ хлопоталъ по дѣлу вдовы друга своего Линда, который долго служилъ при послѣднемъ польскомъ королѣ и вдовѣ котораго Станиславъ назначилъ пенсію въ 500 дукатовъ. До 1794 г. пенсія выплачивалась исправно, но потомъ начались затрудненія—весьма понятныя, если вспомнить тогдашнее положеніе самого Станислава. Бентамъ переписывался сначала съ разными властями въ Варшавѣ, и наконецъ не усумнился обратиться прямо къ императору Павлу, и дѣйствительно этимъ достигъ удовлетворительнаго рѣшенія дѣла [3]).

Съ наступленіемъ царствованія императора Александра, Бентамъ въ первый разъ пріобрѣтаетъ въ Россіи ту обширную извѣстность, о которой мы упоминали выше. Повидимому, этой извѣстности содѣйствовалъ отчасти и его собственный интересъ къ Россіи: и ей, какъ другимъ націямъ, онъ стремился служить своими трудами, и желалъ, чтобы его идеи могли найти мѣсто въ ея законодательствѣ.

---

[1]) Works, X, 170 — 171, 178 — 179.

[2]) Эта фамилія, кажется, испорчена въ текстѣ біографіи. X, 182.

[3]) X, 358. Біографъ замѣчаетъ, что не приводитъ этой корреспонденціи потому, что она слишкомъ длинна.

По всей вѣроятности, нѣкоторые изъ людей, начавшихъ дѣйствовать теперь въ управленіи, были уже знакомы прежде съ идеями Бентама; но несомнѣнно, что и Бентамъ съ своей стороны питалъ интересъ къ Россіи и желалъ найти здѣсь примѣненіе для своихъ трудовъ. Въ февралѣ 1802 г. онъ пишетъ къ Дюмону, что въ «Монитерѣ» 12 нивоза, онъ прочелъ извѣстіе изъ Петербурга, что одному изъ русскихъ сановниковъ поручено, съ помощью особой коммиссіи, составить мануфактурный уставъ; въ извѣстіи сказано было, что коммиссія должна принять въ соображеніе мнѣнія иностранцевъ. Бентамъ проситъ Дюмона послать въ Петербургъ къ лицу, начальствующему надъ коммиссіей, его работы, имѣющія отношеніе къ этому предмету. Онъ замѣчаетъ при этомъ, чтобы для посылаемаго экземпляра надо сдѣлать сначала *хорошій переплетъ*... Потомъ онъ самъ, кажется, послалъ книги черезъ англійскаго посланника [1]).

Въ 1802 году вышло первое значительное собраніе сочиненій Бентама во французской редакціи Дюмона. Это изданіе въ первый разъ познакомило большую европейскую публику съ идеями англійскаго философа; черезъ это же изданіе главнымъ образомъ познакомилась съ Бентамомъ и образованная часть русскаго общества. Въ октябрѣ того же года онъ пишетъ къ Дюмону:

«Воронцовы теперь всемогущи въ Петербургѣ, и такъ какъ мой братъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ, то этотъ случай, кажется, не совсѣмъ неблагопріятенъ для *Dumont Principes*. (Такъ Бентамъ называетъ вышедшее тогда французское изданіе своихъ сочиненій, приготовленное Дюмономъ). Несчастье въ томъ, что (какъ я узналъ теперь) со времени появленія «Judicial Establishment» здѣшній Воронцовъ [2]) считаетъ меня якобинцемъ, вслѣдствіе добрыхъ услугъ моего уважаемаго друга, лорда Гренвилля. Дѣло состоитъ въ томъ, что я счелъ тогда необходимымъ (хотя противъ воли, и даже положительно такъ, какъ вы можете это припомнить) принять принципъ народнаго избранія въ примѣненіи къ судьямъ. Такъ какъ я никогда не считалъ, чтобы стоило труда поручать моему брату разсѣять это предубѣжденіе, то дѣло такъ и осталось. Какъ я слышу, *нашъ* Воронцовъ четыре раза отказывался отъ мѣста перваго министра; но его братъ, Александръ, сдѣланъ (какъ видно по

[1]) X, 382, 390.

[2]) Воронцовы, о которыхъ здѣсь говорится, были: Александръ Романовичъ—въ то время министръ иностр. дѣлъ и канцлеръ, и Семенъ Романовичъ — въ то время русскій посланникъ въ Лондонѣ.

газетамъ) министромъ иностранныхъ дѣлъ... Лордъ С.-Эленсъ, какъ вы знаете, возвратился... Два экземпляра *Dumont Principes*, къ сожалѣнію, не успѣли прибыть въ Петербургъ, когда онъ былъ еще тамъ» [1]).

Въ томъ же 1802 году Дюмонъ отправился въ Россію—по какому поводу, или съ какимъ намѣреніемъ, мы не знаемъ. Дюмонъ въ то время былъ въ періодѣ самыхъ ревностныхъ трудовъ надъ изданіемъ сочиненій Бентама; естественно, что онъ и здѣсь явился ревностнымъ пропагандистомъ ученій своего друга и наставника. Судя по его письмамъ къ Бентаму (см. ниже), быть можетъ, что надежда на это распространеніе идей Бентама участвовала въ самомъ планѣ его поѣздки въ Россію. Могло быть и то, что онъ уже впередъ могъ ожидать себѣ благосклоннаго пріема, потому что непосредственно по пріѣздѣ въ Петербургъ мы видимъ его въ наилучшихъ отношеніяхъ въ высшемъ обществѣ Петербурга.

По своимъ тогдашнимъ отношеніямъ къ Бентаму, Дюмонъ былъ какъ будто его довѣреннымъ лицомъ и представителемъ. Бентамъ, который подъ конецъ жизни разссорился съ нимъ почему-то [2]), въ это время былъ съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и Дюмонъ былъ самымъ ревностнымъ его почитателемъ и прозелитомъ. Два-три примѣра дадутъ намъ понятіе объ ихъ отношеніяхъ: «Дюмонъ — также изъ моихъ *близкихъ друзей*, — пишетъ онъ къ брату еще въ 1791 г., — ревностный ученикъ, который на половину перевелъ, на половину сократилъ нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій по французскимъ дѣламъ». Въ письмѣ къ сэру Эдену, автору «Исторіи рабочихъ классовъ», Бентамъ говоритъ о Дюмонѣ (сент. 1802):... «Нѣкогда женевскій гражданинъ, онъ былъ сотрудникомъ Мирабо, виновникомъ многихъ его славныхъ дѣлъ, но какъ нельзя больше далекъ отъ какой-нибудь доли въ пятнахъ этой славы. Не часто можно встрѣтить человѣка, у котораго было бы столько же друзей, сколько знакомыхъ, — я почти сказалъ бы, у котораго бы вовсе не было враговъ, такъ, какъ у него. Онъ не только извѣстенъ всякому въ Парижѣ, но очень извѣстенъ и здѣсь (въ Лондонѣ); но, хотя онъ столько же чуждъ какимъ бы то ни было партіямъ, какъ вашъ покорный слуга, случилось однако такъ, что главныя его знакомства — въ оппозиціи» [3])...

Итакъ, Дюмонъ долженъ былъ хорошо представлять въ Пе-

---

1) X, 399.
2) X, 185.
3) X, 249, 308, 395.

тербургѣ идеи Бентама. Біографъ послѣдняго замѣчаетъ, что Дюмонъ прислалъ Бентаму изъ Петербурга «любопытныя замѣтки» о русской жизни (отъ октября 1802 или 1803), на англійскомъ и французскомъ языкахъ; но къ сожалѣнію біографъ сообщаетъ только два-три отрывка изъ писемъ Дюмона къ его англійскимъ друзьямъ, и «немногія извлеченія» изъ замѣтокъ, гдѣ только озаглавлены разнообразные сюжеты, тронутые Дюмономъ, начиная съ замѣтокъ о дворѣ и правительствѣ до цѣны choux-fleurs. Но и изъ этого немногаго можно однако извлечь нѣкоторыя черты о тогдашнемъ времени, и объ успѣхѣ Бентама въ русскомъ образованномъ обществѣ. Это послѣднее Дюмонъ видѣлъ очень близко.

Вотъ отрывокъ изъ письма, писаннаго Дюмономъ къ Ромильи, въ іюнѣ 1803.

«Можете ли вы повѣрить, чтобъ въ Петербургѣ было продано моего *Бентама* столько же экземпляровъ, сколько въ Лондонѣ?

«Сто экземпляровъ были проданы въ очень короткое время, и книгопродавцы просятъ новаго запаса. Это доставило мнѣ благосклонность многихъ лицъ, которую я употребляю въ пользу. Книгѣ удивляются, а издатель скромно принимаетъ свою долю въ этомъ удивленіи. Но что̀ удивило меня всего больше, это — впечатлѣніе, какое произвели опредѣленія, классификаціи и методъ, и отсутствіе тѣхъ декламацій, которыя были такъ скучны для людей съ серьезнымъ умомъ.

«У насъ есть тутъ ливонецъ, Розенкампфъ, бывшій долго президентомъ суда въ Дерптѣ, а теперь назначенный, безъ титула, собирать всѣ указы, то-есть всѣ законы имперіи, приводить ихъ въ порядокъ, отдѣлять все несоотвѣтственное или противорѣчащее, и приготовлять таблицы, которыя послѣдовательно представляются императору, потому что императоръ обыкновенно работаетъ по синоптическимъ таблицамъ. Этотъ господинъ Розенкампфъ есть великій почитатель Бентама[1]).....; по моемъ пріѣздѣ онъ поспѣшилъ увидѣться со мной, и мы много разъ съ нимъ бесѣдовали. Онъ нѣсколько поверхностенъ, — но у него есть свѣдѣнія, и я полагаю, онъ могъ бы сносно вести *редакцію*, которая ему поручена, если бы имѣлъ мужество нѣсколько жертвовать своимъ самолюбіемъ; бѣда въ томъ, что онъ боится, что его назовутъ плагіаторомъ, если онъ будетъ пользоваться

[1]) Мы увидимъ дальше, что — или Розенкампфъ *очень* перемѣнилъ потомъ свои мнѣнія о Бентамѣ, или въ это время счелъ нужнымъ представлять себя его почитателемъ.

мыслями, которыхъ самъ онъ не выдумалъ. *Video meliora proboque, deteriora sequor.* Есть законодательное вѣдомство, и во главѣ его важный сеньоръ. Отсюда идутъ идеи,—много, если онѣ сюда заходятъ.

«Я не знаю, встрѣчались ли вы въ Англіи съ Новосильцовымъ. Онъ былъ друженъ съ генераломъ Бентамомъ (Самуиломъ). Онъ пользуется величайшимъ довѣріемъ у императора и всеобщимъ уваженіемъ у публики. Я имѣлъ удовольствіе быть на весьма интересномъ обѣдѣ въ его домѣ. Я встрѣтилъ здѣсь князя Адама Чарторыскаго, котораго зналъ въ Англіи, въ Бовудѣ [1]), и молодого графа (П. А.) Строгонова, котораго я также знавалъ въ Женевѣ. Одинъ изъ нихъ—товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, другой—иностранныхъ дѣлъ, но эти два товарища на дѣлѣ настоящіе министры, такъ какъ они пользуются ближайшей дружбой императора. Я не могу цѣнить ихъ въ тѣхъ вещахъ, съ которыми я не знакомъ, — но *то* я знаю, что трудно было бы найти людей, занимающихъ такое высокое положеніе съ такой большой простотой и съ такими обширными свѣдѣніями, какія обнаруживаютъ они въ разнообразномъ разговорѣ. Теперь они очень заняты своимъ проектомъ общественнаго просвѣщенія (public instruction); извѣстія должны дѣлаться въ формѣ журнала и публиковаться отъ времени до времени, когда будутъ представляемы отчеты отъ разныхъ заведеній, такъ что одно можно будетъ сравнивать съ другимъ и видѣть успѣхи каждаго. Эта публичность, — которая здѣсь есть новая идея, — сдѣлаетъ больше для ихъ успѣха, чѣмъ всякіе положительные законы. Надо надѣяться, что эта публичность распространится и на другія отрасли управленія, и особенно на судопроизводство,—потому что суды нуждаются въ ней всего больше,—но организація должна быть прежде преобразована, чѣмъ открыть ее для глазъ публики. Если бы вы знали, что̀ такое здѣсь адвокатъ,—или законовѣдъ,—вы покраснѣли бы за честь этой профессіи. Я буду послѣ говорить объ этомъ подробнѣе. А судьи! Вы не можете въ Англіи имѣть понятія о такомъ положеніи вещей. Я увѣренъ, что въ десять лѣтъ все здѣсь очень перемѣнится. Это — одно изъ удовольствій, какія доставило мнѣ путешествіе въ Россію. Я не знаю никакого удовольствія выше, какъ наблюдать спокойный и благоразумный прогрессъ въ улучшеніяхъ всякаго рода.

«Такъ какъ я заговорилъ объ императорѣ, позвольте разсказать вамъ то, что̀ будетъ интересовать васъ больше, чѣмъ какія-нибудь описанія внѣшняго блеска столицы. Я не могу назвать

---

[1]) Помѣстье лорда Лансдоуна, о которомъ мы выше упоминали.

этого государя безъ чувства удовольствія. Я не буду пересказывать того, что̀ говорятъ о немъ его поклонники, или люди, наиболѣе къ нему близкіе. Всего лучше хвалятъ его тѣ, которые полагаютъ, что бранятъ его, — то за его мягкость (gentleness), «которая заводитъ его слишкомъ далеко», — то за его доброту, «которая впадаетъ въ крайности», — то за его экономію, «которая противорѣчитъ обычаямъ двора» или «унижаетъ внѣшнее величіе имперіи». Я не слышалъ болѣе сильныхъ порицаній чѣмъ эти; и если разобрать факты, на которые указываютъ, то я не могу найти ни одного, который бы показывалъ какое-нибудь излишество въ этихъ двухъ добродѣтеляхъ. Александръ наслѣдовалъ правительству подозрительному, произвольному и суровому, чтобъ не сказать больше, правительству, черезъ мѣру расточительному, любившему роскошь и подкапывавшему свои собственныя основанія, чтобы поддерживать эту роскошь. Нѣтъ сомнѣнія, что перемѣна была нѣсколько рѣзкая, и вы можете себѣ представить, къ какому классу людей принадлежатъ эти полу-осуждатели, полухвалители, — потому что въ концѣ концовъ ихъ осужденіе полуодобрительно. Сначала были опасенія за слишкомъ быстрое стремленіе къ эманципаціи, или освобожденію, — опасенія, что эта быстрота не совмѣстна съ существующимъ порядкомъ вещей, — что правительственныя пружины слишкомъ ослаблены, тогда какъ прежде были слишкомъ натянуты: но теперь люди видятъ, что императоръ и благоразуменъ и терпѣливъ, — что онъ и приготовляетъ и даетъ созрѣвать своимъ планамъ. Я сообщу вамъ болѣе подробныя свѣдѣнія о томъ, что̀ предполагается сдѣлать для общественнаго просвѣщенія и для изданія общаго собранія законовъ (General Code). Я имѣю возможность получить свѣдѣнія относительно союзовъ (confederacies) противъ улучшеній. Но, во всякомъ случаѣ, нѣтъ правительства, которое было бы столько исполнено добрыми намѣреніями, столько занято общественнымъ благомъ, какъ это. Это не одни фейерверки, — не газетная слава: если въ чемъ есть недостатокъ, то въ исполнителяхъ, чтобы выполнить то добро, которое хотятъ сдѣлать. Люди должны быть *déterré* (откопаны) или созданы; и въ этомъ главная трудность. На первый взглядъ кажется удивительно, что здѣсь такъ много заведеній для общественнаго образованія, и такъ мало образованныхъ людей. Во всѣхъ отрасляхъ (departments) необходимо употреблять иностранцевъ, и это—большое зло, но зло неизбѣжное».

Ромильи конечно передавалъ письма Дюмона Бентаму [1]). Че-

---

[1]) Письма Дюмона ходили, кажется, вообще по рукамъ его друзей въ Лондонѣ. Ср. X, 412.

резъ нѣсколько времени, Дюмонъ снова писалъ къ Ромильи; это письмо, какъ и предыдущее, находилось въ бумагахъ Бентама и имъ помѣчено. Оно получено было въ Лондонѣ въ августѣ 1803.

«Я провелъ вечеръ съ Сперанскимъ [1]), — пишетъ Дюмонъ. Мы были одни. Онъ любитъ свое отечество и сильно чувствуетъ, что реформа юстиціи и законодательства есть изъ всѣхъ благъ главнѣйшее благо. Они обращались къ нѣмецкимъ юристамъ, къ одному англійскому (Макинтошу), и не были удовлетворены ихъ корреспонденціей. Эти корреспонденты не знали ихъ страны, и въ большей части ихъ писаній не было ничего, кромѣ старой рутины и римскаго права. Но съ тѣхъ поръ, какъ они открыли Бентама, они думаютъ, что могутъ обойтись безъ всѣхъ остальныхъ, и теперь почти рѣшено, что обратятся прямо къ нему. Меня неопредѣленнымъ образомъ спросили, не захочу ли я поселиться въ Россіи. У меня этотъ пунктъ уже рѣшенъ [2]); но я сказалъ имъ, что если бы они обратились къ Бентаму, то онъ вѣроятно занялся бы гражданскимъ кодексомъ; и если бы посланы были къ нему специфическіе вопросы, съ объясненіемъ мѣстныхъ обстоятельствъ, онъ бы далъ свои отвѣты. Мнѣ кажется, они расположены вступить въ корреспонденцію и войти съ нимъ въ нѣкоторыя соглашенія (to make some arrangement). Но я не знаю, что̀ изъ этого выйдетъ».

Въ тѣхъ «замѣткахъ», которыя, какъ мы упомянули, Дюмонъ прислалъ самому Бентаму, находятся также отрывочныя замѣчанія о Сперанскомъ, не лишенныя интереса. По словамъ Дюмона, Сперанскій «пользовался книгою *Dumont*, *Principes* — хвалитъ ихъ — находитъ, что, они способны быстро приносить пользу, d'une utilité prompte». Дюмонъ дѣлаетъ о Сперанскомъ и такое замѣчаніе: «Speranski ne croyait pas à la possibilité d'établir la Politique en Russie»,—которое надо понимать вѣроятно такъ, что Сперанскій не считалъ возможнымъ введенія въ тогдашней Россіи политической жизни и (конституціонныхъ) учрежденій въ европейскомъ смыслѣ. Онъ однако съ жаромъ работалъ для этого, и мнѣніе его, записанное Дюмономъ, показываетъ конечно его невысокое понятіе о существовавшей «политикѣ» и объясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, почему онъ употреблялъ иногда довольно рѣзкія мѣры, которыя до такой степени раздражали противъ него большинство тогдашняго «общества».

---

[1]) Въ примѣчаніи біографъ называетъ Сперанскаго сибирскимъ губернаторомъ (чѣмъ Сперанскій былъ позднѣе) и говоритъ, что это былъ также близкій другъ Самуила Бентама.

[2]) Т. е. отрицательно.

Далѣе, въ томъ же письмѣ Дюмона разсказывается анекдотическая исторія швейцарца Пюже, гувернера великихъ князей, который при Павлѣ былъ внезапно увезенъ въ Сибирь. Павелъ подозрѣвалъ его въ перепискѣ съ извѣстнымъ воспитателемъ Александра, Лагарпомъ, жившимъ тогда въ Швейцаріи. Но вскорѣ подозрѣніе оказалось напраснымъ, Пюже былъ возвращенъ и получилъ много милостей. «Вскорѣ потомъ онъ былъ назначенъ гувернеромъ къ великому князю — продолжаетъ Дюмонъ: — это доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что теперь уже не тѣ времена, когда считалось необходимымъ найти Аристотеля или д'Аламбера, чтобы воспитывать тѣхъ, кто будетъ управлять имперіями. Этотъ человѣкъ — добрый малый, который знаетъ правописаніе; я не могу сказать тогоже о французскомъ языкѣ.»

Далѣе:

«Я видѣлъ Паррота, профессора права[1]) въ дерптскомъ университетѣ. Во время проѣзда императора, онъ, между другими вещами, благодарилъ его за высказанное имъ намѣреніе освободить (relieve) большую часть этого (лифляндскаго) народа, до сихъ поръ забытаго. Я слышалъ, что въ свой пріѣздъ въ Петербургъ Парротъ представилъ императору одинъ изъ тѣхъ ошейниковъ съ желѣзными остріями, которые одинъ лифляндскій помѣщикъ сдѣлалъ для одного изъ своихъ крестьянъ. Враги Паррота сказали императору, что эти ошейники употреблялись прежде, но перестали употребляться уже давно; и что показывать такіе инструменты, покрытые пылью, значитъ клеветать на дворянство края. Но Парротъ стоялъ на томъ, что ошейникъ новый, и что онъ можетъ указать кузнеца, который его дѣлалъ.»

Затѣмъ слѣдуютъ опять отрывочныя замѣтки Дюмона о самыхъ разнообразныхъ фактахъ общественной жизни, разсказы о Павлѣ и Екатеринѣ, наблюденія надъ нравами и управленіемъ и т. п. [2]).

Въ другомъ письмѣ Дюмона къ Ромильи, отъ 5 августа 1803 г., мы снова находимъ свидѣтельства объ успѣхѣ Бентама въ Россіи:

«Сочиненіе Бентама ставится выше всего, что̀ ему предше-

---

[1]) Это ошибка; Парротъ былъ профессоромъ физики.

[2]) Наприм.: Russian artists despised by Russians — No chemists — Paper money 200,000,000. Half in Petersburg. Letters of exchange confined to Moscow and Petersburg. — Under Paul, better soldiers and officers, — better justice, — duties better fulfilled, — Under Catherine *trop de douceur* — Paul never examined, never heard, but punished — Revolution Française, alarmed Catherine, and made an impression on Paul, and caused his severities—Russian no ideas of religion (!)—Priests without property or understanding, и проч. (X, 409—410).

ствовало. Здѣсь вступали въ сношенія съ юристами разныхъ странъ, но совершенно не были удовлетворены ихъ письмами. Бентамъ представляетъ два великіе *desiderata*, классификацію и принципы. Велѣно сдѣлать переводъ: онъ будетъ исполненъ съ большимъ стараніемъ, и (изданъ) даже съ великолѣпіемъ. Ожидаютъ того, что должно послѣдовать за «Judicial Establishment». У меня есть многое сказать Бентаму: я буду продолжать свое дѣло съ удвоенной ревностью, такъ какъ я уже видѣлъ плодъ своихъ трудовъ. Вдовствующая императрица, говорятъ, узнала, что я былъ издателемъ книги, которой она слышала много похвалъ, и пожелала, чтобы я былъ ей представленъ: поэтому я отправился въ Павловскъ — она говорила со мной самымъ привѣтливымъ образомъ, и спрашивала, почему я не хотѣлъ бы поселиться въ Петербургѣ?» [1])

Наконецъ, въ біографіи мы встрѣчаемъ и нѣсколько русскихъ отзывовъ, изъ которыхъ можно отчасти видѣть, какихъ горячихъ послѣдователей находили идеи Бентама между его русскими читателями, — даже людьми, уже далеко не молодыми, увлеченіе которыхъ мудрено бы было обвинить въ поспѣшности и легкомысліи. Таково, напр. письмо генерала Саблукова, сообщенное въ біографіи. Саблуковъ писалъ къ генералу Самуилу Бентаму слѣдующее (отъ 5 февраля, 1804):

«Я едва могу оторваться отъ *Началъ* Дюмона, даже чтобъ писать къ вамъ. Книга вашего брата удовлетворяетъ одинаково душу, сердце и умъ; она наполняетъ душу жаромъ, сердце добродѣтелью и разгоняетъ мглу ума. Я такой странный человѣкъ, что долженъ имѣть свою собственную стихію, и я нашелъ ее въ сочиненіяхъ Бентама. Я русскій, но мой инстинктъ не даетъ мнѣ покоя; и я желаю для своего отечества обладанія тѣми истинами, которыя благодѣтельный геній Бентама создалъ для всего человѣчества.

«Россіи нужны законы. Не только Александръ Первый желаетъ дать ей кодексъ, — Россія сама его требуетъ. Мы, русскіе, видѣли развитіе французской революціи — деспотизмъ, къ которому она привела и отъ котораго недавно избавились; но мы должны имѣть кодексъ — кодексъ, который бы сохранилъ правительству необходимую силу для справедливаго управленія этой обширной страной, составленной изъ различныхъ націй, — все завоеванныхъ, — но который бы вмѣстѣ съ тѣмъ и парализовалъ эту силу, когда бы она употреблялась на несправедливость. Пусть Іеремія Бентамъ приготовитъ этотъ кодексъ!

---

[1]) X, 405—410.

«Я не знаю Бентама,—но говорю самому себѣ: «Если онъ умретъ не продиктовавъ кодекса, онъ будетъ неблагодаренъ тому Творцу, который далъ ему его умственныя дарованія». И затѣмъ я спрашиваю: «Не можетъ ли мое отечество имѣть кодексъ?» Но какъ? Онъ долженъ притти отъ трона къ подданному, или быть представленъ подданными трону. Но такъ какъ государь столько же заинтересованъ дать его, сколько народъ жадно стремится получить его, какъ только этотъ кодексъ будетъ готовъ, то нетрудно будетъ рѣшить, кто будетъ его давать и кто получать. Пусть только онъ будетъ готовъ. Пусть онъ будетъ переведенъ на русскій языкъ. Все, что̀ я могу сдѣлать для этого, будетъ сдѣлано».—Этотъ Саблуковъ былъ, конечно, тотъ А. А. Саблуковъ, который состоялъ потомъ членомъ департамента экономіи государственнаго совѣта, и котораго изображаютъ человѣкомъ «весьма почтеннымъ», но «дѣловымъ рутинистомъ и безъ особыхъ свѣдѣній въ финансовой наукѣ» [1]). Тѣмъ любопытнѣе, что человѣкъ рутины, — котораго очень мудрено вообще заинтересовать какой-нибудь идеей,—могъ до такой степени увлекаться Бентамомъ. Нѣкоторая безсвязность письма не говоритъ, конечно, ничего противъ его искренности.

Нѣсколько позднѣе мы находимъ того же «генерала» Саблукова въ перепискѣ уже съ самимъ Бентамомъ. Въ письмѣ, 8 іюня 1806, Саблуковъ сообщаетъ Бентаму (который занимался тогда судебными доказательствами) нѣкоторыя подробности о томъ, какъ въ Россіи крѣпостные допускаются закономъ къ свидѣтельству [2]).

Въ началѣ 1804 года, какъ видно изъ нѣсколькихъ словъ въ письмѣ Бентама къ Дюмону, они переписывались о составѣ *русскаго изданія* сочиненій Бентама, о томъ, какія изъ нихъ должно было выбрать для этого изданія [3]).

Въ 1804 г. Дюмонъ возвратился въ Англію. Онъ остался однако въ сношеніяхъ съ русскими знакомыми, потому въ особенности, что въ то время уже исполнялся русскій переводъ Бентама, и приготовлялось его изданіе. Въ этомъ переводѣ принималъ, кажется, ближайшій интересъ Сперанскій. Въ то время «первая знаменитость молодого поколѣнія», по выраженію барона Корфа [4]), Сперанскій принадлежалъ къ числу людей наиболѣе впечатлительныхъ къ тѣмъ новымъ умственнымъ и общественнымъ возбужденіямъ, которыхъ такъ много представлялось въ первые

---

[1]) Бар. Корфъ, Жизнь Спер. I, 195.

[2]) X, 412—413, 420—421.

[3]) X, 413.

[4]) Жизнь Спер. I, 95.

годы новаго царствованія. По учрежденіи министерствъ, онъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ былъ правой рукой В. П. Кочубея и неутомимо работалъ въ новомъ государственномъ учрежденіи. Идеи Бентама, какъ мы видѣли, имѣли для него большую привлекательность, и приготовленіе русскаго перевода повидимому не обошлось безъ его участія. Отъ 10 октября 1804 г. онъ писалъ къ Дюмону:

«Мы очень рады имѣть прибавленіе относительно *Политической экономіи;* потому что по широтѣ ея взглядовъ, ясности и точности классификацій и систематическому характеру ея расположенія, она имѣетъ высокое достоинство. Желанія, которыя выражалъ вамъ Неккеръ, были бы вполнѣ удовлетворены, если бы онъ видѣлъ эту главу. Потому что ничто не можетъ быть справедливѣе вашего замѣчанія относительно недостатка системы въ этой части нашего знанія. Адамъ Смитъ доставилъ намъ неоцѣненные матеріалы. Но такъ какъ онъ больше занимался тѣмъ, чтобы доказать и вывести изъ опыта выставленныя имъ истины, онъ не подумалъ сдѣлать изъ нихъ *corps de doctrine* (цѣлое ученіе). Чѣмъ ближе мы его разсматриваемъ, тѣмъ яснѣе становится недостатокъ метода; но тѣ, которые взялись пополнить этотъ недостатокъ, полагали, что достигнутъ цѣли — опуская нѣкоторыя подробности, сокращая нѣкоторыя отступленія и давая другое распредѣленіе матеріалу: такимъ образомъ, между столькими рабочими недостаетъ архитектора. Я думаю, что слѣдуя плану г. Бентама, Политическая Экономія займетъ гораздо болѣе естественное положеніе, будетъ легче для изученія и будетъ болѣе научной. Вы можете поэтому судить о томъ, какую цѣну я придаю обѣщанному сочиненію.

«Образчики сочиненія Бентама, напечатанные въ *Спб. Журналъ*, были привѣтствованы самымъ теплымъ образомъ» [1]).

«Санктпетербургскій Журналъ», о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ оффиціальнымъ журналомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ начался въ томъ же 1804 году и былъ однимъ изъ первыхъ опытовъ той публичности, о которой заботились новые администраторы. Журналъ состоялъ изъ двухъ отдѣловъ: изъ нихъ первый посвященъ былъ «разнымъ учрежденіямъ по министерству внутреннихъ дѣлъ», — именно отчетамъ министра, высочайшимъ указамъ, административнымъ дѣйствіямъ министерства, — обнародованіе которыхъ должно было знакомить публику съ теченіемъ дѣлъ, съ мѣрами и дѣйствіями правительства; второй отдѣлъ долженъ былъ составляться изъ *«разныхъ разсужденій* и

---

[1]) X, 416.

переводовъ, вообще къ предметамъ управленія принадлежащихъ». Просмотрѣвши оглавленіе этого второго отдѣла, можно видѣть, какими планами задавались издатели журнала, въ какихъ областяхъ государственнаго знанія они искали себѣ опоры. Нынѣшній читатель былъ бы приведенъ въ немалое изумленіе, если бы въ этомъ отдѣлѣ оффиціальнаго журнала, подъ названіемъ: «разсужденія и извѣстія до внутренняго управленія принадлежащія», онъ увидѣлъ то, что̀ видитъ въ «Санктпетербургскомъ Журналѣ». Въ числѣ переводимыхъ писателей, читатель видитъ здѣсь напр. тѣ имена, которыя въ наше время попали въ чьи-то недавнія, нелишенныя даже нѣкоторой учености, «обличенія матеріалистическаго нигилизма» — такъ далеко современные ученые отстали отъ образованныхъ людей министерства внутреннихъ дѣлъ 1804 года.

Въ первой же книжкѣ «Журнала», издатели нашли полезнымъ начать второй его отдѣлъ изложеніемъ «Мыслей славнаго Бакона о правительствѣ». Они говорятъ о Баконѣ: «Бывъ единогласно признанъ *отцемъ* настоящей физики и возстановителемъ умственной философіи, сей великій человѣкъ можетъ занять, по времени, въ коемъ онъ жилъ, и по пространству его видовъ, первое мѣсто въ числѣ писателей, занимавшихся предметами правительства». Упомянувъ, что, конечно, «политическія явленія со времени его весьма много измѣнились», издатели находили однако, что читателямъ (журнала министерства внутреннихъ дѣлъ) «не непріятно будетъ возобновить въ памяти сего славнаго человѣка, болѣе именемъ, нежели твореніями своими вообще нынѣ извѣстнаго». За отрывкомъ изъ *Бакона* слѣдуетъ статья «О пользѣ обнародованія отчетовъ — мысли, взятыя изъ *Бентама*» (январь, стр. 119 — 121), затѣмъ статья о госпиталяхъ, выбранная изъ *Рейналя*. Во второй книжкѣ, второй отдѣлъ состоитъ исключительно изъ Бентама, у котораго заимствованы статьи: О распространеніи познанія законовъ, О пользѣ просвѣщенія, О свободѣ книгопечатанія (февраль, стр. 73—83, 84—88, 90 — 93). Передъ этой послѣдней статьей, гдѣ Бентамъ защищаетъ почти безусловную свободу печати, издатели помѣстили такую оговорку: «Мнѣнія писавшихъ о свободѣ книгопечатанія столь были всегда различны, что читателямъ пріятно конечно будетъ увидѣть ихъ здѣсь вмѣстѣ и сравнить между собою; и въ томъ намѣреніи издатели помѣстили слѣдующія два извлеченія, одно подлѣ другого». Второе извлеченіе (неизвѣстно изъ какого писателя) оспариваетъ возможность безусловной свободы печати и примѣромъ неудачи Іосифа II утверждаетъ, «сколь важно и необходимо соображать всѣ новыя постановленія съ духомъ

народа и степенью просвѣщенія его». Затѣмъ въ слѣдующихъ книжкахъ идетъ статья «О началахъ правленій», изъ книги L'esprit de l'Histoire; въ іюльской книжкѣ опять статья изъ Бентама, «О необходимости утверждать законы на причинахъ» (стр. 125—150). Въ іюльской и сентябрьской книжкѣ помѣщено изложеніе ученія Адама Смита сравнительно съ ученіями французскихъ экономистовъ; въ августовской опять извлеченіе изъ Бентама, «О безопасности» (стр. 99—104). Въ октябрьской книжкѣ статья о Кантѣ; въ ноябрьской, статья о новыхъ въ то время целлюлярныхъ тюрьмахъ (въ Филадельфіи) и письмо неизвѣстнаго корреспондента, заявляющаго желаніе, чтобы попечительное общество о тюрьмахъ заведено было и въ Россіи. Далѣе, въ 1805 году, мы встрѣчаемъ такіе предметы: «о исключительныхъ привилегіяхъ и злоупотребленіи ихъ»; «о общественномъ духѣ англичанъ», т. е. объ ихъ общественной свободѣ и дѣятельности, которыя восхваляются; «объ упадкѣ народовъ» — изъ Фергюсона; «о роскоши» — изъ Струэнзе; «о политической свободѣ и естественныхъ ея предѣлахъ» — изъ Etudes sur l'homme, Мейстера; «Платонова республика»; «Мнѣнія нѣкоторыхъ греческихъ философовъ о правленіи»; «о бѣдности и о способахъ совершенно истребить нищенство»; далѣе статьи объ устройствѣ школъ, госпиталей, тюремъ и т. д. Однимъ словомъ, это былъ рядъ статей, затрогивавшихъ очень серьезные вопросы внутренней политики и старавшихся поселить въ читателяхъ вкусъ къ подобнаго рода размышленіямъ, представляя имъ образчики мнѣній лучшихъ европейскихъ писателей.

Это было очевидно прямое исполненіе той программы, которой, вслѣдъ за императоромъ, держались лучшіе люди тогдашняго правительства — просвѣщенное и искреннее желаніе содѣйствовать общественному образованію и развитію общественнаго мнѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что люди сколько-нибудь серьезныхъ мыслей, должны были радоваться этому столь новому и неожиданному направленію правительственной заботливости, и Сперанскій былъ, безъ сомнѣнія, вѣренъ истинѣ, когда говорилъ, что сочиненія Бентама, появившіяся тогда въ «Спб. Журналѣ», были встрѣчены самыми теплыми привѣтствіями.

Наконецъ, въ слѣдующемъ 1805 году, вышелъ первый томъ сочиненій Бентама на русскомъ языкѣ, изданныхъ по высочайшему повелѣнію [1]). Переводъ, сдѣланный Мих. Михайловымъ,

[1]) Полное заглавіе этого изданія слѣдующее: «Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи. Съ предварительнымъ изложеніемъ началъ законоположенія и всеобщаго начертанія полной Книги Законовъ, и съ присовокупленіемъ опыта о вліяніи времени и мѣста относительно Законовъ. Соч. Англійскаго Юрисконсульта

посвященъ императору Александру. Составъ изданія тотъ же, какъ въ Дюмоновыхъ «Traités de Législation civile et pénale» (Paris, An X = MDCCCII), или какъ называли ихъ обыкновенно «Dumont, Principes», потому что изданіе начинается съ «Principes de Législation» или общаго введенія, гдѣ объясняется теорія Бентама въ ея главныхъ основаніяхъ. Въ I-мъ томѣ помѣщены, кромѣ «предварительнаго разсужденія» Дюмона, «Общія начала законоположенія» и «Всеобщее начертаніе полной книги законовъ»; во II-мъ томѣ: «Начала уложенія гражданскаго, — уголовнаго»; въ III-мъ томѣ: окончаніе уголовнаго уложенія; «о Паноптикѣ или домѣ центральнаго надзиранія»; «о распространеніи знанія законовъ» (de la promulgation des lois); «о распространеніи знанія причинъ законовъ»; «о вліяніи времени и мѣста въ законодательствѣ». Русское изданіе отличается отъ французскаго только нѣкоторыми дополненіями Дюмона, — впрочемъ, сколько мы замѣтили, весьма незначительными. Именно, въ I-мъ томѣ, во «Всеобщемъ Начертаніи», въ главѣ XXVIII о политической экономіи, находится дополненіе противъ французскаго оригинала (стр. 479—493), вѣроятно то самое, о которомъ упоминается въ письмѣ Сперанскаго; и кромѣ того прибавлена въ концѣ книги особая глава XXXIV, «о сохраненіи цѣлости законовъ» (стр. 527 — 532), которой во французскомъ изданіи также не находится. Но съ другой стороны русское изданіе все-таки было не въ состояніи передать мыслей Бентама неурѣзанными. Такъ это случилось напр. въ III-мъ томѣ, въ четвертой части уголовнаго уложенія, гл. II, предметъ которой есть «Средство воспящать пріобрѣтенію знаній, кои могли бы люди обращать во вредъ» (стр. 17 и далѣе), т. е. рѣчь идетъ о цензурѣ. Бентамъ, какъ извѣстно, относился къ цензурѣ очень неблагопріятно; русское изданіе выбросило начало этой главы и послѣднія ея страницы, гдѣ осужденіе цензуры высказано съ особенной живостью [1]).

Прибавимъ еще, что въ тоже время императоръ Александръ

Іеремія Бентама. Изданное въ свѣтъ на французскомъ языкѣ Степ. *Дюмономъ*, по рукописямъ отъ автора ему доставленнымъ. Переведенное *Михайломъ Михайловымъ*, съ прибавленіемъ дополненій отъ г-на Дюмона сообщенныхъ. Томъ I. *По Высочайшему повелѣнію»*. Спб., въ тип. Шнора, 1805. II-й томъ вышелъ въ 1806; III-й въ 1811 году.

[1]) Начало: «Je ne fais mention de cette politique que pour la proscrire: elle a produit la censure des livres; elle a produit l'Inquisition. Elle produiroit l'eternel abrutissement de l'espèce humaine». Недостаетъ и послѣднихъ страницъ этой главы; см. Dum. III, стр. 15 и 21 — 23. Полный переводъ этой главы см. въ русскомъ новомъ изданіи, I, стр. 580 — 585.

поощрялъ и другія предпріятія подобнаго рода. Нѣкто Политковскій издалъ тогда же переводъ «Опыта о богатствѣ народовъ», Адама Смита, который также пользовался въ то время большимъ авторитетомъ [1]): Политковскій получилъ на изданіе 5000 рублей [2]). Поощрялось изданіе и другихъ серьезныхъ сочиненій: такъ на изданіе «Путешествія младшаго Анахарсиса» на русскомъ языкѣ выдано было 6,000 рублей; Поспѣловъ, за переводъ Тацита получилъ въ пенсію свое жалованье, въ 2,000 руб. и т. д. Вообще считаютъ, что за одинъ 1802 годъ на изданіе различныхъ сочиненій и переводовъ изъ кабинета его величества выдано было до 160,000 рублей.

Бентамъ пріобрѣталъ себѣ пламенныхъ поклонниковъ. Въ числѣ ихъ мы уже съ этого времени встрѣчаемъ извѣстнаго адмирала Н. С. Мордвинова, въ дѣятельности котораго (каковы бы ни были недостатки его мнѣній и личнаго характера, которыми его иногда попрекаютъ) было столько стремленій къ общественнымъ улучшеніямъ и вмѣстѣ рѣдкой въ русской жизни независимости мнѣній. Таковъ конечно и долженъ былъ быть искренній поклонникъ Бентама. Въ маѣ 1806 г. Мордвиновъ пишетъ къ Самуилу Бентаму, въ то время жившему, кажется, въ Лондонѣ.

«Я желаю поселиться въ Англіи и поселяясь тамъ — быть знакомымъ съ вашимъ братомъ. Въ моихъ глазахъ, онъ есть одинъ изъ четырехъ геніевъ, которые сдѣлали и сдѣлаютъ всего больше для счастія человѣчества — Баконъ, Ньютонъ, Смитъ и Бентамъ: каждый — основатель новой науки, каждый — творецъ. Я держу въ запасѣ нѣкоторую сумму, съ цѣлью распространенія того свѣта, который исходитъ изъ сочиненій Бентама» [3]).

Объ отношеніяхъ Мордвинова къ Бентаму упоминается также въ одномъ письмѣ этого послѣдняго къ лорду Голланду (въ октябрѣ 1808), гдѣ сообщаются и другія любопытныя частности:

«По возвращеніи изъ Россіи, мой братъ привезъ мнѣ въ подарокъ отъ адмирала Мордвинова экземпляръ французскаго перевода, сдѣланнаго и напечатаннаго въ Петербургѣ, знаменитой книги дона Г. М. Ховелланоса (Xovellanos, «ci-devant Ministre de Grace et Justice», какъ сказано въ заглавіи): *Identité de l'intérêt genéral avec l'intérêt individuel* etc., anno 1806. Переводъ и посвященіе принадлежатъ Рувье (Rouvier). Патронъ — графъ Кочубей, министръ внутреннихъ дѣлъ, по приказанію ко-

---

[1]) См. Корфа, Жизнь Спер. I, 189 и слѣд.

[2]) «Изслѣдованіе свойства и причинъ богатства народовъ, соч. Адама Смита; пер. съ англ. Никол. Политковскаго». 4 части. Спб. 1802—1806.

[3]) Works, X, 419.

тораго переводъ, кажется, и былъ сдѣланъ, — это тотъ самый Кочубей, по приказанію котораго сдѣланъ былъ также одинъ изъ двухъ русскихъ переводовъ книги Дюмона.

«Мордвиновъ (продолжаетъ Бентамъ) долженъ быть больше или меньше извѣстенъ вашему лордству, какъ непосредственный предшественникъ настоящаго министра Чичагова, по морскимъ дѣламъ. Послѣ того, какъ онъ оставилъ этотъ постъ, онъ сталъ главой нѣкотораго рода *оппозиціи*, какую только допускаетъ русское правленіе, и въ этомъ качествѣ выбранъ былъ въ московскіе предводители дворянства....

«Въ числѣ его странностей есть та, что онъ нѣчто въ родѣ сектатора стараго пустынника Квинъ-скверъ-плэса [1]), будущія изліянія бредней котораго онъ предложилъ переводить на русскій языкъ».

Присылка этой книги объясняется тѣмъ, что Мордвиновъ, по словамъ Бентама «старый знакомый его брата», нашелъ, что книга Ховелланоса очень сходится съ идеями Бентама, и особенно съ *Защитой Роста*, и поэтому полагалъ, что Бентаму будетъ пріятно видѣть эту книгу [2]).

Относительно «двухъ переводовъ» книги Дюмона, будто бы сдѣланныхъ въ Россіи, Бентамъ конечно ошибается; за второй переводъ онъ принялъ тѣ отрывки, которые, какъ выше упомянуто, помѣщены были въ «Спб. Журналѣ».

Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, біографія не представляетъ никакихъ свѣдѣній о сношеніяхъ Бентама съ людьми русскаго общества. О судьбѣ его сочиненій въ Россіи мы находимъ одно извѣстіе уже въ 1813 году, въ письмѣ къ Дюмону отъ его земляка д'Ивернуа, также одного изъ друзей и почитателей Бентама, жившаго тогда въ Петербургѣ. Франсуа д'Ивернуа (1757 — 1842), потомокъ французской фамиліи, выселившейся въ Женеву послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, какъ и Дюмонъ, въ молодости участвовалъ въ политическихъ дѣлахъ своей родины и былъ однимъ изъ предводителей либеральной партіи. Но когда вспыхнула французская революція, онъ сдѣлался горячимъ ея противникомъ, вѣроятно предчувствуя ея крайности или видя опасность для независимости Женевы. Занятіе французами Швейцаріи и учрежденіе въ Женевѣ революціоннаго трибунала, на подобіе парижскихъ, заставило его бѣжать въ Англію, гдѣ онъ нашелъ себѣ гостепріимство. Трактатъ, присоединившій въ 1798 Женеву къ Франціи, положительно на-

---

[1]) Queen Square Place, въ Лондонѣ — гдѣ жилъ Бентамъ.

[2]) X, стр. 440, 445.

звалъ д'Ивернуа, вмѣстѣ съ Малле дю-Паномъ и Ровере, какъ навсегда исключенныхъ изъ французскаго гражданства. Взамѣнъ того д'Ивернуа получилъ право гражданства въ Англіи: здѣсь онъ издалъ цѣлый рядъ своихъ сочиненій и памфлетовъ о тогдашнемъ положеніи вещей во Франціи и Швейцаріи, и общихъ политическихъ дѣлахъ Европы. Онъ исполнялъ также различныя дипломатическія порученія, между прочимъ при петербургскомъ дворѣ. По низложеніи Наполеона, д'Ивернуа вернулся въ Швейцарію и представлялъ Женеву на вѣнскомъ конгрессѣ. Послѣ того онъ издалъ много имѣющихъ свою цѣну трудовъ по политической экономіи и статистикѣ.... Въ февралѣ 1813 г. этотъ д'Ивернуа писалъ къ Дюмону изъ Петербурга:

«Я нахожу *Dumont, Principes*, на столахъ у разныхъ министровъ, но безъ большого проку. Я долженъ, впрочемъ, исключить графа Ал. Салтыкова, человѣка умнаго и проницательнаго. Онъ чрезвычайно превосходитъ своихъ товарищей, и у него есть не только талантъ, но и знанія.... Одинъ изъ министровъ возвратилъ ваши два тома въ двадцать четыре часа, увѣряя, что прочелъ ихъ и размышлялъ о нихъ цѣлую ночь!...» [1]).

Въ томъ же 1813 году къ Бентаму обращался за совѣтомъ адмиралъ Чичаговъ, предполагавшій составить исторію русской кампаніи 1812 года. Біографъ Бентама приводитъ отрывокъ изъ отвѣтнаго письма Бентама съ замѣчаніями о томъ, что̀ по его мнѣнію требуется отъ подобнаго труда. Живя потомъ въ Англіи, Чичаговъ, кажется, очень сблизился съ Бентамомъ, и біографъ приводитъ еще отрывки изъ писемъ Чичагова (изъ Лондона, въ іюлѣ и августѣ 1815 г.), которыя не лишены интереса для опредѣленія личности адмирала. Бентамъ между прочимъ давалъ ему мысль написать свои мемуары относительно русскихъ событій; Чичаговъ отвѣчалъ въ отрицательномъ смыслѣ. Онъ весьма скептически и желчно отзывается о положеніи русскихъ дѣлъ за это время, и о рабскомъ ничтожествѣ общественнаго мнѣнія въ Россіи. Къ сожалѣнію, эти послѣднія письма приведены біографомъ въ слишкомъ отрывочномъ и безсвязномъ видѣ....[2]).

---

[1]) Works X, 473; д'Ивернуа см. также X, 395. Краткая біографія д'Ивернуа въ Biogr. Univ. (Michaud). Такой же исключительный отзывъ о графѣ Александрѣ Салтыковѣ мы находимъ у другого современника, см. La Russie el les Russes, I, 567—569.

[2]) Works X, стр. 477—478, 485—487. Между прочимъ біографъ разсказываетъ: «Bentham has suggested to Tchichagoff, that he should write his own memoirs, as connected with Russian politics. He answers, that the details would be too disgusting for instruction, even were it possible to find a public opinion in Russia; but that there is none. That he should have little pleasure in unveiling ignorance and arrogance,—blunders

Къ этому времени (1814 г.) относятся наконецъ тѣ сношенія, которыя имѣлъ съ Бентамомъ императоръ Александръ. Въ общихъ чертахъ біографъ Бентама изображаетъ эти сношенія слѣдующимъ образомъ [1]:

«Въ это время, говоритъ онъ, въ Бентамѣ была сильно возбуждена надежда получить возможность работать для русскаго законодательства. (Мы видѣли выше, что эта надежда появлялась у него еще раньше, въ царствованіе императрицы Екатерины, когда отъ своихъ русскихъ знакомыхъ онъ слышалъ восторженные отзывы о ея правленіи). Его имя и сочиненія пользовались въ Россіи большой популярностью. Онъ самъ имѣлъ нѣкоторыхъ,— а его братъ, такъ долго бывшій въ русской службѣ, многихъ,— вліятельныхъ друзей при русскомъ дворѣ. Дюмонъ долго жилъ въ Петербургѣ, и его извѣстность и труды были такъ тѣсно связаны съ извѣстностью и трудами его учителя, что Бентамъ могъ питать сильныя ожиданія, что ему можетъ быть поручено приготовленіе кодекса. Императоръ Александръ, который любилъ показывать себя патрономъ и покровителемъ писателей и ученыхъ людей, прислалъ Бентаму брильянтовый перстень, который Бентамъ возвратилъ высокому дарителю, не распечатывая футляра, въ которомъ лежалъ перстень. Этотъ поступокъ Бентама сочли дурнымъ (ungracious),—но несправедливо. Ему вовсе не нужны были брильянтовые перстни; ему хотѣлось только заниматься законодательными работами для блага русскаго народа. Императоръ желалъ, чтобы онъ сообщилъ свои замѣчанія—или скорѣе отвѣты на вопросы коммиссіи, назначенной для пересмотра русскихъ законовъ. Но Бентамъ зналъ, что коммиссія совершенно некомпетентна въ этомъ дѣлѣ; а президентъ ея, отъ котораго зависѣло все, былъ въ особенности неспособенъ къ этому труду, такъ что Бентамъ отказался принять какое нибудь участіе въ драмѣ слабости и неискренности».

Въ слѣдующей статьѣ мы приведемъ самые документы этихъ сношеній; изъ нихъ читатель увидитъ, въ чемъ состояла «драма слабости и неискренности».

---

barbarity, and weakness worse than all. Moreover, that he could not bring to slavery and despotism English feelings in English phraseology: still, to please Bentham, and for Bentham, he would write his own biography; but the project was probably unexecuted,— in such a state of mind the task must have been most uninviting».

[1]) Works X, 478.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА IX*).

БОРЬБА СЪ ГОРЕМЪ ДѢТСКАГО СЕРДЦА.

За обѣдомъ Церера замѣтила, что сынъ ея очень блѣденъ. Она просила кавалера не слишкомъ обременять его занятіями и въ особенности поменьше заставлять его рисовать на открытомъ воздухѣ. Кавалеръ отвѣчалъ, что такое желаніе госпожи Цереры вполнѣ соотвѣтствуетъ его собственнымъ видамъ. Съ этихъ поръ онъ станетъ заставлять Роланда рисовать преимущественно съ гипсовыхъ фигуръ, а затѣмъ уже будетъ выводить его гулять.

Зонненкампъ былъ необыкновенно веселъ за столомъ. Сегодня его презрѣніе къ людямъ получило новую пищу, и онъ снова успѣшно испыталъ свои силы въ умѣньи играть человѣческими страстями. Къ тому же онъ чувствовалъ не малое облегченіе при мысли, что наконецъ отдѣлался отъ этого Дорнэ, который задалъ ему столько работы. Однако въ глубинѣ его души оставалось смутное сомнѣніе на счетъ того, удастся ли ему сдѣлать для сына лучшій выборъ.

Послѣ обѣда Пранкенъ не старался удерживать судью, который очень торопился домой, куда и былъ отправленъ въ одномъ

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244 стр.

изъ экипажей Зонненкампа. Самъ же онъ еще остался на виллѣ и вступилъ въ интимную бесѣду съ Зонненкампомъ. Послѣдній не могъ надивиться искусству, съ какимъ молодой человѣкъ, стремившійся *взять за себя* дѣвушку съ богатымъ приданымъ, умѣлъ прикинуться мечтательнымъ и влюбленнымъ.

Когда наконецъ Пранкенъ уѣхалъ, Зонненкампъ отправился въ оранжерею, гдѣ его вскорѣ нашелъ Роландъ.

— Отецъ, у меня есть до тебя просьба!

— Говори: я всегда бываю радъ, когда могу исполнить твое желаніе.

— Отецъ, я обѣщаюсь тебѣ каждый день заучивать по двадцати названій цвѣтовъ и растеній, только возврати мнѣ Эриха!

— Очень мило со стороны господина Дорнэ научить тебя мнѣ это сказать.

Мальчикъ былъ пораженъ. Губы его полуоткрылись, онъ робко оглянулся, какъ бы призывая растенія въ свидѣтели того, что говоритъ правду, и воскликнулъ:

— Эрихъ не болѣе этихъ растеній могъ меня научить! Но во всякомъ случаѣ, онъ единственный человѣкъ, котораго бы я согласился послушаться.

— Не исключая и меня? спросилъ Зонненкампъ. Мальчикъ молчалъ. Отецъ повторилъ:

— Не исключая и меня?

Голосъ его дрожалъ отъ гнѣва, кулакъ судорожно сжался.

— Не исключая и меня? грозно произнесъ онъ въ третій разъ.

Мальчикъ отскочилъ назадъ и пронзительно вскрикнулъ:

— Отецъ!

Кулакъ Зонненкампа разжался, и онъ сказалъ, стараясь говорить спокойно:

— Я не хотѣлъ тебя ударить, Роландъ.... Пойди сюда.... ближе ко мнѣ.... еще ближе.

Мальчикъ повиновался. Отецъ положилъ ему на голову руку. Лобъ сына горѣлъ, а рука отца была холодна какъ ледъ.

— Я люблю тебя болѣе, нежели ты можешь это понять, сказалъ Зонненкампъ. Онъ наклонился къ мальчику, но тотъ отстранилъ его отъ себя обѣими руками и воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ:

— Прошу тебя.... пожалуйста..... пожалуйста, не цѣлуй меня теперь!

Зонненкампъ быстро отвернулся и ушелъ. Онъ надѣялся, что мальчикъ за нимъ послѣдуетъ и въ заключеніе все-таки его обниметъ, но ожиданія его не сбылись.

Зонненкампъ пошелъ въ другую часть оранжереи. Тамъ, стоя подъ роскошной пальмой, онъ дрожалъ отъ холода. Отчего ему отказано въ любви этого ребенка? спрашивалъ онъ самого себя. И ему невольно припомнились слова доктора Фрица, котораго онъ мысленно называлъ сумасбродомъ и агитаторомъ. «Какъ можешь ты — писалъ ему однажды тотъ — искореняя въ чужихъ дѣтяхъ любовь къ ихъ родителямъ, надѣяться на любовь къ себѣ собственныхъ дѣтей»?...

Зонненкампъ самъ не зналъ, почему пришли ему теперь на умъ эти слова, напомнившія о времени, которое онъ всячески старался забыть.

Вдругъ раздался рѣзкій голосъ, отъ котораго Зонненкампъ вздрогнулъ.

— God bless you, massa! пронзительно восклицалъ голосъ: God bless you, massa!

Зонненкампъ быстро обернулся и увидѣлъ попугая своей жены. Онъ позвалъ садовника и тотъ объяснилъ ему, что госпожа Церера приказала перенести сюда своего попугая, находя, что ему слишкомъ холодно въ жиломъ домѣ.

— God bless you, massa! God bless you, massa! кричалъ попугай вслѣдъ Зонненкампу, уходившему изъ оранжереи.

Между тѣмъ Роландъ все стоялъ неподвижно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ отецъ. Паркъ, домъ, все вокругъ него представлялось ему, какъ въ туманѣ. Вскорѣ пришелъ Іозефъ, и Роландъ былъ очень радъ передъ кѣмъ-нибудь излить свое горе. Онъ все разсказалъ Іозефу и горько жаловался на отца.

— Не говорите мнѣ ничего такого, чего я не могъ бы пересказать вашему отцу, остановилъ его Іозефъ. Этотъ умный и преданный слуга избѣгалъ вмѣшиваться въ тѣ дѣла, которыя его не касались и никогда не былъ переносчикомъ. Отецъ, отпуская его въ услуженіе, внушилъ ему добрыя правила, которыхъ онъ твердо держался.

Роландъ спросилъ у Іозефа, не намѣренъ-ли онъ въ скоромъ времени снова посѣтить свой родной городъ. Іозефъ отвѣчалъ отрицательно, но съ большимъ оживленіемъ принялся разсказывать о своемъ первомъ посѣщеніи родительскаго дома. Онъ съ большими подробностями описалъ дорогу туда и оказанный ему пріемъ. Мать, въ минуту его пріѣзда, чистила картофель, отца не было дома, но онъ скоро вернулся. Сосѣди толпой приходили на него посмотрѣть, полагая, что, находясь въ услуженіи у такого богатаго человѣка, онъ долженъ носить платье сотканное изъ золота. Іозефъ смѣялся, разсказывая это, но Роландъ слушалъ его очень серьезно. Онъ, было, пошелъ домой, но домъ

смотрѣлъ на него такъ непривѣтливо, точно не хотѣлъ его принять. Онъ направился въ комнату Манны, надѣясь, что тамъ ему будетъ пріютнѣе, но картины на стѣнахъ и цвѣты въ открытомъ каминѣ взглянули на него вопросительно-холодно, и онъ поспѣшилъ уйдти. Вздумалъ онъ писать Маннѣ, но никакъ не могъ справиться съ письмомъ.

Тогда онъ опять вышелъ изъ дому и долго стоялъ па дворѣ, погруженный въ самого себя. Кавалеръ спросилъ у него, не хочетъ-ли онъ чѣмъ-нибудь заняться? Роландъ съ удивленіемъ на него посмотрѣлъ, какъ на человѣка вовсе ему незнакомаго, и ничего не отвѣчалъ. Онъ взялъ лукъ и стрѣлы, но держалъ ихъ въ рукахъ безъ всякаго употребленія. Воробьи и голуби кружились въ воздухѣ надъ нимъ, собаки вертѣлись около и со всѣхъ сторонъ обнюхивали его, но Роландъ ничего не замѣчалъ. Онъ былъ точно потерянный.

Наконецъ, Роландъ отправился на берегъ, въ сопровожденіи большой собаки, «Сатаны». Тамъ онъ сѣлъ подъ тѣнью раскидистой ивы и снялъ шляпу. Голова его горѣла. Онъ зачерпнулъ воды и помочилъ себѣ лобъ, но это его нисколько не освѣжило. Пристально, но безъ цѣли, устремивъ взоръ вдаль, онъ ни о чемъ особенно не думалъ. Мысли бродили у него въ головѣ, однако онъ не останавливался ни на одной изъ нихъ. Вдругъ его кто-то позвалъ. Онъ почти безсознательно схватилъ за морду лежавшую близъ его собаку и самъ притаилъ дыханіе изъ опасенія, чтобы не открыли его убѣжища. Но звавшій его голосъ сталъ удаляться и вскорѣ совсѣмъ замолкъ. Онъ еще долго сидѣлъ, не смѣя пошевельнуться и стараясь заставить молчать собаку, которая, казалось, понимала его. Затѣмъ Роландъ опустилъ руку въ боковой карманъ, вынулъ оттуда письмо, написанное имъ къ Эриху, и прочелъ его. У него помутилось въ глазахъ отъ тоски и страстнаго желанія свидѣться съ другомъ. Онъ быстро вскочилъ и съ силою бросилъ письмо въ рѣку.

Настали сумерки. Неслышными шагами, подобно охотнику, подстерегающему добычу, вышелъ Роландъ изъ своей засады. Онъ сталъ по узкой тропинкѣ взбираться на виноградную гору. Ему хотѣлось добраться до ловчаго, или до маіора, или до когонибудь изъ людей, которые согласились бы помочь ему. Но вдругъ онъ остановился.

— Нѣтъ, ни къ кому.... ни къ кому! прошепталъ онъ едва слышно, какъ бы опасаясь выдать свою тайну, даже передъ лицемъ безмолвной ночи: «Къ нему! къ нему!»

Онъ весь съежился и сгорбился, боясь, чтобъ кто-нибудь, не

смотря на темноту, не увидѣлъ его на горѣ, и выпрямился только, когда вышелъ на большую дорогу.

ГЛАВА X.

ПРЕДОСТАВЛЕННЫЙ САМОМУ СЕБѢ.

Эрихъ возвращался домой съ ощущеніемъ человѣка, который изъ ослѣпительно освѣщенной залы внезапно переходитъ въ полумракъ кабинета, гдѣ тускло горитъ всего одна лампа. Онъ щурится, третъ глаза, привыкшіе къ болѣе яркому свѣту, и плохо различаетъ предметы.

Опасная сторона богатства заключается въ томъ, что оно часто, не только губительно дѣйствуетъ на своего обладателя, но еще и вредно отзывается на людяхъ неимущихъ, которые въ силу обстоятельствъ находятся въ столкновеніи съ богачами. Языкъ не выработалъ настоящаго названія чувству, которое обыкновенно называютъ недоброжелательствомъ, завистью, алчностью. Въ сущности, оно ни то, ни другое, ни третье, а просто тяжелое ощущеніе, возбуждаемое вопросомъ:—Отъ чего и ты тоже не богатъ? Но нѣтъ, ты этого и не требуешь, а — почему не можешь ты быть только просто обезпеченъ? Жизнь человѣческая и безъ того обставлена многими трудностями: къ чему еще эта борьба съ нуждой?

Наибольшій вредъ, какой можетъ нанести человѣку неимущему видъ богатства состоитъ въ томъ — думалъ онъ — что богатство отнимаетъ у него охоту къ труду, дѣлаетъ его лѣнивымъ, пробуждаетъ въ немъ сознаніе собственнаго рабскаго положенія и недовѣрія къ пользѣ труда. Къ чему ведутъ всѣ высшія стремленія людей, ихъ мечты и открытія въ области мысли, пока на одной землѣ съ ними живутъ подобныя имъ существа, обреченныя терпѣть нужду. Муравьи, что̀ копошатся тамъ, на большой дорогѣ, гораздо болѣе ограждены отъ тяжелыхъ впечатлѣній и вредныхъ вліяній. Между ними не найдешь муравья, утопающаго въ роскоши, между тѣмъ, какъ сосѣдъ его умираетъ съ голоду. Самый усиленный трудъ ровно ничего не значитъ, пока существуетъ такой чудовищный порядокъ вещей. Неужели нѣтъ средства, науки, которыя могли бы его измѣнить?

Эрихъ закрылъ глаза и погрузился въ тревожную думу, свойственную нашему времени. Люди нынѣшняго вѣка мечтаютъ подъ свистъ локомотива и подъ грохотъ поѣздовъ. Вдругъ Эрихъ, не смотря на свои закрытые глаза, почувствовалъ, что они въѣ-

хали въ туннель. При этомъ обыкновенно стихаетъ всякій внѣшній шумъ и невольно прерывается нить размышленій.

Когда поѣздъ снова выѣхалъ на свѣтъ божій, мысли Эриха приняли другое направленіе. На его лицѣ мелькнула улыбка. Ему вдругъ пришло на умъ, что можно было бы написать цѣлый трактатъ о томъ, какъ древніе идею и даже самый фактъ бѣдности вносили въ область философіи, религіи, политики и нравственности. Съ этой минуты исчезала горечь сознанія собственной бѣдности, которая такимъ образомъ дѣлалась предметомъ размышленія и изученія.

Мысли Эриха шли дальше. Къ историческому взгляду на бѣдность присоединились еще воззрѣнія, почерпнутыя изъ природы. Только человѣку, думалъ Эрихъ, свойственно быть бѣднымъ или богатымъ. Въ составъ общественнаго быта входитъ длинная цѣпь сравненій. Одинъ человѣкъ сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ другого человѣка и думаетъ или говоритъ: у тебя есть то, чего у меня нѣтъ. Кромѣ него, ни одно живое существо въ природѣ не подвержено этому, но каждое остается неизмѣнно равнодушнымъ ко всему, что̀ дѣлается съ подобными ему. У каждой птицы въ лѣсу есть свое гнѣздо, и ни одна другая, одинаковой съ ней породы, не селится настолько близко отъ нея, чтобъ находиться въ необходимости бороться съ ней изъ-за червяковъ и личинокъ. Животныя одной породы, съ одинаковыми наклонностями и равносильно вооруженныя, хотя и живутъ стадами, но между ними нѣтъ ни общности, ни связи. Человѣкъ одинъ сравниваетъ себя съ подобными себѣ и видитъ, что природа всѣхъ по-ровну надѣлила силами, но обстоятельства поставили ихъ на различную степень могущества и власти.

Поѣздъ мчался, локомотивъ свистѣлъ, въ душу Эриха проникло убѣжденіе, что величайшая идея, возвѣщенная человѣчеству устами одного человѣка, слѣдующая: «Когда мы обращаемъ наши мысли къ вѣчности, тогда между нами нѣтъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Наше званіе дѣтей божіихъ уничтожаетъ всякое несогласіе и не допускаетъ разъединенія.

А поѣздъ все мчался и мчался, колеса быстро вертѣлись на осяхъ, производя однообразный шумъ, составлявшій какъ бы аккомпаниментъ къ мыслямъ Эриха. Онъ наконецъ открылъ глаза и съ улыбкой подумалъ:

«Да! Въ вагонахъ различныхъ классовъ мчатся дѣти божіи. Одна и таже сила, — сила пара безразлично везетъ ихъ къ цѣли, сидятъ-ли они на мягкихъ подушкахъ, или на жесткихъ лавкахъ.»

Въ его вагонѣ безпрестанно мѣнялись пассажиры: Эрихъ не

обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, а они не прерывали его размышленій. Онъ всѣмъ одинаково улыбался, но видѣлъ всѣхъ какъ во снѣ. На все, происходившее вокругъ него, онъ смотрѣлъ безучастно, какъ смотрятъ на суетню въ муравейникѣ, гдѣ каждый тащитъ свою крупинку или свою соломинку.

Эрихъ очнулся только, когда по пріѣздѣ на станцію въ его родной городъ кондукторъ у него потребовалъ билетъ. Онъ всталъ, какъ пробужденный отъ тяжелаго сна, и старался пріободриться и собраться съ силами для свиданія съ матерью.

Холмы вокругъ города, нѣкогда такъ восхищавшіе его, по которымъ онъ любилъ бродить съ отцемъ, слушая его исполненныя глубины и благородства рѣчи, теперь показались ему такими маленькими и сжатыми, а рѣка у подножія ихъ такой мелкой! Онъ видѣлъ лучшее, взоръ его покоился на болѣе обширномъ пространствѣ, онъ любовался болѣе живописной мѣстностью и теперь невольно сдѣлался требовательнѣе.

На станціи желѣзной дороги ему встрѣтились знакомыя личности и въ томъ числѣ одну шутовскую фигуру, составляющую необходимую принадлежность каждаго маленькаго университета. Послѣдній улыбнулся, широко раскрывъ ротъ, и радостно привѣтствовалъ доктора. Эрихъ видѣлъ студентовъ въ пестрыхъ фуражкахъ, размахивающихъ по воздуху палками и играющихъ съ собаками. Все это казалось ему давно забытымъ сномъ. А между тѣмъ еще недавно его самымъ задушевнымъ желаніемъ было жить здѣсь, посвятивъ себя наукѣ.

Онъ шелъ по городу, который представлялъ мало пріятнаго для глазъ. Все въ немъ было узко, сжато, угловато. Наконецъ, Эрихъ достигъ родительскаго дома, поднялся по узкой деревянной лѣстницѣ, показавшейся ему необыкновенно крутой, и вошелъ въ первую комнату. Тамъ никого не было. Мать его и тетка куда-то ушли. Тогда онъ отправился въ библіотеку, гдѣ до сихъ поръ книги стояли на полкахъ въ порядкѣ, котораго никто не осмѣливался нарушать. Теперь же онѣ валялись разбросанныя по полу. Между ними стоялъ высокій, худощавый мужчина съ очками на носу, который съ удивленіемъ взглянулъ на Эриха.

Эрихъ назвалъ себя. Незнакомецъ снялъ очки и отрекомендовался извѣстнымъ антикваріемъ изъ столицы, который пріѣхалъ съ цѣлью купить библіотеку.

Значитъ, надежды матери рушились, подумалъ Эрихъ. Потомъ онъ обратилъ вниманіе антикварія на замѣтки, сдѣланныя рукой его отца почти на каждомъ томѣ библіотеки, и сказалъ, что онѣ, конечно, должны имѣть большую цѣну.

Антикварій пожалъ плечами и отвѣчалъ, что замѣтки эти не

только не возвышаютъ, но напротивъ понижаютъ стоимость книгъ. Еслибъ умершій написалъ какое-нибудь большое сочиненіе, прославившее его имя, тогда замѣчанія его имѣли бы вѣсъ. Но онъ всю жизнь только собирался писать. Вслѣдствіе этого, замѣтки на поляхъ книгъ, хотя, можетъ быть, весьма дѣльныя и умныя, въ глазахъ его—антикварія неизбѣжно уменьшаютъ стоимость библіотеки.

У Эриха, и безъ того сильно возбужденнаго всѣмъ, что̀ съ нимъ произошло въ послѣдніе дни, навернулись слезы. Трудъ цѣлой жизни его отца не только пропадалъ даромъ, но еще оказывался разорительнымъ для его семьи. Во всей этой массѣ книгъ не было страницы, на которой не покоился бы взоръ умершаго. На нихъ начерталъ онъ свои мысли и чувствованія и излилъ богатый запасъ своихъ знаній. И что же? Люди почти съ презрѣніемъ отзываются объ этихъ сокровищахъ, которыми вдобавокъ, пожалуй, еще вздумаетъ воспользоваться кто-нибудь вполнѣ посторонній. Эрихъ горько упрекалъ себя, что не уговорился окончательно съ Зонненкампомъ на счетъ своего вступленія къ нему въ домъ. Еслибъ онъ это устроилъ, то могъ бы теперь получить отъ него извѣстную сумму денегъ. Его терзала мысль, что онъ позволилъ гордости одержать надъ собой верхъ. Съ глубокой печалью смотрѣлъ Эрихъ на кипу исписанныхъ тетрадей и отдѣльныхъ листовъ, надъ которыми отецъ его трудился въ теченіи всей своей жизни.

Отецъ Эриха собирался писать книгу подъ заглавіемъ: «Истинные люди въ исторіи», но онъ умеръ, не исполнивъ своей задачи. У него было заготовлено много любопытнаго матеріала, отдѣльныя части труда лежали совсѣмъ оконченныя, но онѣ не могли быть употреблены въ дѣло, такъ какъ не представляли ничего цѣлаго. Разнообразіе научныхъ свѣдѣній, большой запасъ историческихъ фактовъ, заимствованныхъ изъ самыхъ отдаленныхъ временъ,—все было тутъ, но имъ не доставало руководящей нити. Основная мысль сочиненія исчезла вмѣстѣ съ профессоромъ въ могилѣ. Одно было достовѣрно извѣстно: это то, что онъ хотѣлъ назвать свой трудъ: «Истинные люди».

Въ первой части его должны были быть собраны черты, въ которыхъ въ различныя времена и эпохи проявлялось въ людяхъ божество, по образу и подобію котораго они созданы. Во второй части должно было заключаться ученіе объ отправленіяхъ духовной жизни, изложенное съ такой же точностью и опредѣленностью, какъ ученіе объ отправленіяхъ внѣшней природы. Затѣмъ предполагалось обозначить исходную точку генія, котораго обыкновенно считаютъ чудеснымъ явленіемъ, а также объяснить

и то, какъ онъ порождаетъ новые факты. По крайней мѣрѣ такое заключеніе вывелъ Эрихъ изъ бумагъ, которые пытался привести въ порядокъ. Но и отъ него также ускользала руководящая нить, и усилія его собрать все это въ одно цѣлое оказывались безполезнымъ трудомъ. Подобно искателю клада, который докапывается до него въ глубокомъ молчаніи, отецъ Эриха трудился безмолвно и скрылъ въ себѣ какъ то, что̀ уже нашелъ, такъ и то, что̀ еще стремился найти.

Эрихъ вышелъ изъ библіотеки въ сильномъ волненіи. Неопредѣленность его собственнаго положенія, отчужденіе отъ родины,— все это какъ бы слилось въ одну большую печаль о безполезности труда его отца. Онъ уныло оглянулся въ комнатѣ, гдѣ находился. Она ему показалась тѣсной и слишкомъ заставленной всякаго рода домашней утварью. Эрихъ, всегда такъ тщательно за собой наблюдавшій и строго судившій свои поступки, на этотъ разъ не замѣчалъ, что богатство, котораго онъ былъ недавнимъ свидѣтелемъ, и вновь пробудившееся въ немъ сознаніе собственной бѣдности набрасывали мрачный покровъ на все его окружавшее. Но заслышавъ голоса матери и тетки, онъ все-таки сдѣлалъ надъ собой усиліе, и ему удалось принять спокойный видъ.

Мать очень обрадовалась сыну, но въ тоже время испугала его, сказавъ, что вовсе не сочла бы предосудительнымъ, еслибъ онъ, безъ дальнѣйшихъ совѣщаній съ ней, окончательно помѣстился у Зонненкампа. Въ настоящихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ это было бы двойнымъ счастьемъ.

Эрихъ видѣлъ, что мать, мужества которой до сихъ поръ ничто не могло поколебать, была въ конецъ разбита. Смотря въ грустное, истомленное лице ея, онъ понялъ, что принесенная ею жертва оказалась безполезной. Выдержавъ тяжелую борьбу съ гордостью, она рѣшилась прибѣгнуть къ помощи вдовствующей герцогини, при дворѣ которой была любимой статсъ-дамой. Описавъ свое бѣдственное положеніе, она, такъ сказать, вылила передъ ней всю душу. Это была первая просьба, съ какой она когда либо къ ней обращалась для себя, и полагала, что герцогиня можетъ ее вполнѣ удовлетворить. Она просила суммы денегъ, достаточной для того, чтобъ избавить ее отъ необходимости продать библіотеку покойнаго мужа, которая была какъ бы святыней для всей семьи и могла быть очень полезна ея сыну. Перечитывая свою просьбу, бѣдная женщина не могла удержаться отъ слезъ.

Отвѣтъ пришелъ, и мать показала его теперь Эриху. Секретарь герцогини писалъ отъ ея имени, въ изысканныхъ выраженіяхъ

передавая увѣренія въ сочувствіи и уваженіи послѣдней. Къ письму была приложена маленькая сумма, далеко недостаточная для цѣли, къ какой предназначалась. Матери Эриха сильно хотѣлось отослать ее обратно, съ замѣчаніемъ, что вѣроятно чиновникъ, на котораго это было возложено, послалъ ей не всю сумму, назначенную герцогиней. Но подумавъ немного, она отказалась отъ своего намѣренія. Высокопоставленныхъ лицъ не слѣдуетъ оскорблять, — наоборотъ, ихъ надо съ покорностью благодарить, подъ опасеніемъ лишиться ихъ безполезныхъ милостей.

Эрихъ далъ слово въ теченіи восьми дней устроить дѣло такъ, что библіотека не будетъ продана.

Онъ немедленно пошелъ въ свою комнату и сѣлъ писать письмо къ графу Вольфсгартену. Съ большой простотой изобразилъ онъ собственное настроеніе духа при возвращеніи въ родительскій домъ и положеніе, въ какомъ засталъ мать. Затѣмъ онъ напомнилъ Клодвигу его слова: «Я васъ настолько считаю своимъ другомъ, что согласился бы принять отъ васъ услугу».

Въ заключеніи Эрихъ написалъ, что, въ случаѣ отказа на его просьбу, чувства его къ обитателямъ Вольфсгартена нисколько не измѣнятся. Но онъ тутъ же почувствовалъ, что это ложь, разорвалъ письмо и написалъ другое, изъ котораго выпустилъ послѣднюю фразу. Не легко было Эриху въ первый разъ выступать въ роли просителя. Какъ бы то ни было, а онъ дѣйствительно являлся въ этомъ случаѣ просителемъ, и жестоко страдалъ.

Затѣмъ Эрихъ возвратился къ матери и приступилъ къ подробному описанію своего путешествія. Мать спокойно слушала его, и когда рѣчь зашла о Беллѣ, сказала: «Белла Пранкенъ непонятная женщина».

На сцену были вызваны снова старые планы. Эрихъ хотѣлъ открыть заведеніе для воспитанія дѣтей. Мать и тетка могли ему при этомъ быть очень полезны, такъ какъ находились въ связи съ самыми знатными и богатыми семействами въ краѣ. Только они еще не рѣшили, кому посвятить это заведеніе: дѣвочкамъ или мальчикамъ? Эрихъ склонялся въ пользу послѣднихъ, на томъ основаніи, что съ мальчиками бо́льшая часть заботъ выпадетъ на его долю. Но мать желала, чтобъ онъ еще года два, три поѣздилъ по свѣту съ научной цѣлью. Возвратясь, онъ могъ бы написать какое-нибудь большое сочиненіе, которое разомъ бы поставило его на ноги и избавило отъ необходимости кое-какъ перебиваться тяжкимъ трудомъ. Она же съ теткой намѣревалась переселиться въ столицу, гдѣ надѣялась ежегодно

заработывать сумму денегъ, достаточную для того, чтобъ пока вполнѣ обезпечить Эриха.

Впрочемъ, они отложили окончательное рѣшеніе вопроса до полученія письма отъ Зонненкампа. Мать сказала, что съ переселеніемъ ея въ домикъ, обвитый виноградомъ, осуществилась бы любимая мечта ея жизни. И еслибъ ей при этомъ встрѣтилась возможность имѣть благодѣтельное вліяніе на богатаго юношу и оградить его хотя отъ нѣкоторыхъ опасностей, свойственныхъ его положенію, она сдѣлала бы это тѣмъ охотнѣе, что мальчикъ былъ однихъ лѣтъ съ ея умершимъ сыномъ.

Эрихъ навѣстилъ своего стараго учителя и друга, профессора Эйнзиделя. Это былъ его главный наставникъ. Истый жрецъ науки, онъ жилъ исключительно для нея, посвятивъ себя ученымъ розысканіямъ, имѣющимъ въ виду ея обогащеніе. Въ высшей степени порядочный и умѣренный въ своемъ образѣ жизни, онъ поражалъ малымъ количествомъ пищи и питья, которое ежедневно употреблялъ. И при всемъ томъ онъ былъ всегда веселъ, съ улыбкой смотрѣлъ на міръ божій, съ неизмѣннымъ участіемъ относился ко всякому новому открытію, и вообще отличался смѣлымъ, многостороннимъ взглядомъ на все, что̀ принадлежитъ области мысли. Профессоръ Эйнзидель былъ другомъ отца Эриха и не переставалъ сожалѣть о томъ, что прекрасныя, проникнутыя глубокимъ смысломъ стремленія послѣдняго остались тщетными, и онъ не создалъ ничего прочнаго и полезнаго. Основнымъ правиломъ дѣятельности профессора было: мы должны довольствоваться добромъ, которое дѣлаемъ немногимъ отдѣльнымъ личностямъ: оно потомъ мало по малу распространяется на всѣхъ. Мы не можемъ создать ничего такого, что̀ вполнѣ удовлетворяло бы насъ, къ чему намъ не оставалось бы еще кое-чего прибавить. Только о Богѣ говорится въ Св. Писаніи, что Онъ, взглянувъ на свое твореніе, сказалъ: это хорошо! Чтобъ осуществленіе вполнѣ соотвѣтствовало замыслу, а дѣло идеѣ, это возможно только одному абсолютному генію. Ограниченный геній человѣка въ осуществленіи своей задачи всегда остается ниже того, что̀ хотѣлъ и надѣялся сдѣлать.

Когда Эриху случалось обращаться къ профессору Эйнзиделю съ какимъ-нибудь ученымъ вопросомъ, онъ не только получалъ желаемое объясненіе, но еще и указаніе на источники, откуда почерпнуть болѣе подробныя свѣдѣнія о предметѣ. Въ иныхъ случаяхъ, профессоръ съ большой простотой указывалъ на собственные труды, какъ на такіе источники. Ему было рѣшительно все равно произносить собственное или чужое имя, лишь бы оно шло къ дѣлу.

Въ комнатѣ профессора висѣла небольшая гравюра съ картины Рембрандта, которую почти можно было бы назвать портретомъ самого хозяина. На ней изображенъ Фаустъ въ ночномъ колпакѣ, пристально смотрящій на заколдованный напитокъ, который самъ собой свѣтится. Фаустъ представленъ въ видѣ изсохшаго старичка, который сильно нуждается въ питьѣ, могущемъ возвратить ему молодость. У профессора Эйнзиделя не было такого напитка, но онъ ежедневно освѣжался въ источникѣ произведеній классической древности.

Когда Эрихъ явился къ профессору за помощью и за совѣтомъ, онъ засталъ его за работой. Добрый старикъ жилъ совершенно одинъ, но не столько тяготился своимъ одиночествомъ, сколько различными житейскими заботами. Онъ пожалѣлъ, что Эрихъ не можетъ вполнѣ посвятить себя наукѣ, но въ тоже время соглашался съ тѣмъ, что молодой человѣкъ, по натурѣ своей, какъ нельзя болѣе способенъ къ практической дѣятельности. Странная улыбка мелькнула у него на губахъ, когда онъ сказалъ:

— Вы крѣпко сложены и молодецъ собой. Это должно быть употреблено вами въ пользу: оно имѣетъ свою хорошую сторону. Да, да, это вамъ поможетъ.

Мучимый безпокойствомъ и желаніемъ поскорѣй приняться за какое-нибудь самостоятельное дѣло, Эрихъ на другой же день отправился въ столицу. Онъ слышалъ отъ антикварія объ одномъ начальникѣ весьма уважаемаго учебнаго заведенія, который собирался на покой и искалъ передать заведеніе въ хорошія руки.

Эрихъ пріѣхалъ въ столицу, гдѣ, будучи офицеромъ, беззаботно прожилъ нѣсколько лѣтъ, пользуясь большимъ почетомъ. Теперь за то многіе изъ его бывшихъ товарищей или дѣлали видъ, будто вовсе его не узнаютъ, или на минуту останавливаясь, говорили: «Ахъ, это вы? Здравствуйте!» и шли далѣе. Какъ въ чужомъ городѣ бродилъ Эрихъ по столицѣ, справляясь у прохожихъ, куда ему идти. А между тѣмъ онъ здѣсь родился и нѣкогда былъ своимъ человѣкомъ. Но онъ надѣялся, что вскорѣ все измѣнится къ лучшему. Онъ тутъ поселится, обживется, сдѣлается дѣятелемъ, и ему станетъ по прежнему хорошо и привольно.

Начальникъ заведенія принялъ Эриха какъ нельзя лучше и условія его оказались сносными. Всѣми уважаемое имя родителей молодого человѣка и тутъ оказало ему свое содѣйствіе. Но встрѣтилось одно затрудненіе. Принимая на себя управленіе заведеніемъ, Эрихъ въ тоже время обязывался поддерживать уже

установленный въ немъ порядокъ и не измѣнять способа преподаванія. Это заставило его призадуматься, и онъ ушелъ ни на что не рѣшась.

Дорогой Эрихъ встрѣтилъ стариннаго друга и пріятеля своего отца, который въ настоящее время стоялъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія. Министръ остановилъ его, освѣдомился о его матери и предложилъ ему мѣсто хранителя музея древностей, съ обѣщаніемъ въ самомъ скоромъ времени возвысить его въ званіе директора. Эрихъ просилъ, чтобъ ему дали время подумать.

Въ дверяхъ одного дома стоялъ старикъ, который, повидимому, ожидалъ, когда Эрихъ и министръ разойдутся. И дѣйствительно, онъ вслѣдъ затѣмъ подошелъ къ Эриху и дружески его привѣтствовалъ, но тотъ его не призналъ. Тогда старикъ съ изъявленіями благодарности припомнилъ молодому человѣку, какъ, во время заключенія его въ смирительномъ домѣ, былъ ему многимъ обязанъ. Теперь же, прибавилъ онъ, дѣла его идутъ хорошо. Онъ находился въ званіи канцелярскаго служителя и съ полудерзкимъ, полузастѣнчивымъ видомъ предложилъ Эриху свои услуги, въ случаѣ, если можетъ чѣмъ-либо быть ему полезенъ. Эрихъ поблагодарилъ. Отъ его вниманія не ускользнуло, что многіе изъ прохожихъ какъ-то странно на него поглядывали, вѣроятно, удивляясь тому, что видятъ его въ обществѣ этого человѣка.

Немного спустя, ему встрѣтился возвращавшійся съ парада товарищъ, который занялъ его мѣсто въ полку и былъ теперь капитаномъ на дѣйствительной службѣ. Онъ взялъ Эриха съ собой въ казино, гдѣ тотъ въ веселомъ обществѣ вскорѣ забылъ всѣ свои невзгоды.

Въ казино только и было рѣчи, что объ Отто фонъ-Пранкенѣ, да объ его невѣстѣ, креолкѣ, обладательницѣ нѣсколькихъ милліоновъ. Эрихъ не счелъ нужнымъ объяснять, что Манна не креолка, и что ему извѣстны нѣкоторыя подробности о сватовствѣ Пранкена.

ГЛАВА XI.

РОЛАНДЪ, ГДѢ ТЫ?

— Гдѣ Роландъ? спрашиваетъ Зонненкампъ у Іозефа, Іозефъ у Бертрама, Бертрамъ у Лутца, Лутцъ у главнаго садовника, главный садовникъ у Бѣлки, Бѣлка у поселянъ, поселяне у дѣтей. Дѣти вопрошаютъ воздухъ, фрейленъ Пэрини кавалера, кавалеръ собакъ, но отъ Цереры всѣ скрываютъ.

Зонненкампъ поспѣшно ѣдетъ къ маіору. Маіоръ спрашиваетъ у всезнающей фрейленъ Милькъ, но на этотъ разъ и та находится въ полномъ невѣдѣніи. Маіоръ ѣдетъ къ крѣпости и тамъ заглядываетъ въ каждый ровъ, въ каждое подземелье, громко зоветъ Роланда, но не получаетъ никакого отвѣта. Зонненкампъ посылаетъ конюха къ ловчему, но тотъ ушелъ въ поле, и его не могутъ найти.

Зонненкампъ отправляется на станцію желѣзной дороги и беретъ съ собой Пука, маленькую лошадку Роланда. Онъ часто взглядываетъ на пустое сѣдло. На станціи онъ освѣдомляется, не пріѣхалъ ли Роландъ? Онъ старается говорить спокойно, какъ-будто ожидаетъ его возвращенія послѣ непродолжительнаго путешествія. Но тамъ Роланда не видали. Зонненкампъ возвращается на виллу и поспѣшно спрашиваетъ, не тамъ ли онъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ ѣдетъ на ближайшую станцію желѣзной дороги, вверхъ по теченію рѣки. Тамъ освѣдомляется онъ о Роландѣ уже не такъ осторожно, какъ прежде, но и здѣсь никто не видѣлъ мальчика. Слуги бѣгаютъ туда и сюда, какъ угорѣлые.

Зонненкампъ вторично возвращается на виллу и застаетъ тамъ маіора, котораго фрейленъ Милькъ послала туда на всякій случай. Она утверждала, что Роландъ отправился въ монастырь къ Маннѣ. Маіоръ и Зонненкампъ ѣдутъ на телеграфную станцію и посылаютъ въ монастырь телеграмму. Они полны нетерпѣнія, такъ какъ телеграфъ не проведенъ прямо на островъ. Отвѣтъ можетъ придти не прежде, какъ черезъ два часа. Зонненкампъ остается здѣсь ждать, а маіора посылаетъ къ доктору и поручаетъ ему собрать свѣдѣнія въ городкѣ, не возбуждая, однако, любопытства людей постороннихъ.

Зонненкампъ ходитъ взадъ и впередъ по платформѣ, прикладывается горячимъ лбомъ къ холоднымъ каменнымъ столбамъ и прислушивается. Вокругъ все тихо и пусто. Приходитъ поѣздъ, Зонненкампъ въ испугѣ отскакиваетъ: ему кажется, что локомо-

тивъ мчится прямо на него. Онъ старается успокоиться, напрягаетъ зрѣніе, чтобъ хорошенько разглядѣть пассажировъ — но между ними нѣтъ Роланда. Люди расходятся, и все съизнова погружается въ тишину.

Зонненкампъ вошелъ въ залу, и нашелъ, что стулья и скамьи въ ней отвратительны: на нихъ нѣтъ никакой возможности отдохнуть,—совсѣмъ не то, что въ Америкѣ. А можетъ быть ему это только такъ кажется. Онъ опять вышелъ на воздухъ. Укладчики хлопотали вокругъ багажнаго вагона; каменьщикъ усердно дѣйствовалъ молотомъ и мотыгой. Зонненкампъ такъ пристально слѣдилъ за движеніями послѣдняго, какъ-будто собирался учиться его ремеслу. Всѣ эти люди спокойно и весело занимались своимъ дѣломъ. И неудивительно: у нихъ не пропалъ сынъ. Зонненкампъ взглянулъ вверхъ на телеграфныя проволоки; у него ежеминутно, даже тамъ, гдѣ это не имѣло никакого смысла, готовъ былъ вырваться вопросъ: «Гдѣ мой сынъ?»

Настала ночь.

Зонненкампъ отправился къ телеграфному чиновнику, еще разъ освѣдомиться, дошла ли до мѣста своего назначенія посланная имъ телеграмма? Ему отвѣчали утвердительно. Ударъ телеграфнаго молота заставилъ его вздрогнуть, точно кто повторилъ этотъ ударъ по виску его головы. Онъ просилъ чиновника не запирать телеграфа на ночь и остаться всю ночь на станціи. Кто знаетъ, могутъ откуда-нибудь придти извѣстія или встрѣтится надобность отправить новую телеграмму. Но чиновникъ не согласился, не смотря на значительную сумму денегъ, которая была ему предложена. Онъ сослался на то, что безъ разрѣшенія высшаго начальства не смѣетъ измѣнить установленнаго порядка. Онъ приказалъ бывшему тутъ разсыльному не отходить отъ него, съ шумомъ заперъ дверь телеграфа и поспѣшно удалился. Онъ явно боялся Зонненкампа. Тотъ снова остался одинъ.

Вдругъ на рѣкѣ послышались удары веселъ.

— Это вы, маіоръ? закричалъ Зонненкампъ, и голосъ его рѣзко раздался въ прозрачномъ воздухѣ звѣздной ночи.

— Да.

— Онъ съ вами?

— Нѣтъ.

Маіоръ вышелъ изъ лодки. Въ городкѣ ничего не было слышно о Роландѣ. Отвѣтъ изъ монастыря теперь могъ придти только утромъ. У Зонненкампа вдругъ мелькнула догадка: не въ Вольфсгартенѣ ли Роландъ? Онъ рѣшился вернуться на виллу и послать къ графу кого-нибудь изъ людей.

Когда Зонненкампъ, садясь въ экипажъ, подалъ руку маіору, тотъ замѣтилъ:

— Какая у васъ сегодня холодная рука.

Стрѣлой вонзилось въ сердце Зонненкампа воспоминаніе о томъ, какъ онъ сегодня хотѣлъ ударить сына. Что́, если мальчикъ подъ впечатлѣніемъ этого бросился въ рѣку и нашелъ смерть въ ея волнахъ? Кольцо, которое Зонненкампъ носилъ, глубоко вонзилось ему въ палецъ.

На полдорогѣ отъ виллы ихъ встрѣтилъ Іозефъ.

— Дома онъ? спросилъ маіоръ. У Зонненкампа болѣе не хватало духу спрашивать.

— Нѣтъ, но барыня обо всемъ узнала.

Въ селѣ, черезъ которое имъ надлежало ѣхать, обыватели еще гуляли, наслаждаясь теплой весенней ночью, стояли группами и весело разговаривали. На встрѣчу имъ попался патеръ, и Зонненкампъ попросилъ его поѣхать съ ними на виллу.

Экипажъ въѣхалъ во дворъ виллы, но Зонненкампъ изъ него не выходилъ и продолжалъ неподвижно сидѣть на мѣстѣ. Его принуждены были окликнуть. Тогда онъ очнулся, и къ нему мгновенно возвратились силы и сознаніе. Въ большихъ окнахъ дома мелькали огни. Вдругъ раздался крикъ. Зонненкампъ ускорилъ шаги. Въ большой залѣ на полу лежала Церера въ ночномъ одѣяніи. Она прижалась къ стулу и спрятала голову въ его подушку. Возлѣ нея стоялъ патеръ, а фрейленъ Пэрини сыпала въ стаканъ успокоительный порошокъ.

Зонненкампъ торопливо подошелъ къ женѣ, положилъ ей на плечо руку и сказалъ:

— Церера, успокойся!

Она выпрямилась, взглянула на него сверкающими глазами, вдругъ вскочила на ноги, бросилась къ нему, разорвала на его груди одежду и воскликнула:

— Отдай мнѣ моего сына!... Сына́, сына моего отдай! Ты...

Зонненкампъ быстрымъ движеніемъ руки зажалъ ей ротъ. Она пробовала его укусить, но не могла и перестала биться.

Зонненкампъ попросилъ патера и фрейленъ Пэрини оставить его жену одну. Послѣдняя медлила, но повелительный жестъ рукой заставилъ ее рѣшиться, и она вышла вслѣдъ за патеромъ.

Тогда Зонненкампъ взялъ жену на руки, какъ ребенка, отнесъ ее въ спальню и положилъ на кровать. Ноги ея были холодны; онъ завернулъ ихъ въ шаль такъ крѣпко, что онѣ казались связанными. Черезъ нѣсколько времени Церера заснула, или притворилась спящею, но и этого было достаточно.

Зонненкампъ отправился въ комнату съ балкономъ, гдѣ сидѣли патеръ, маіоръ и фрейленъ Пэрини. Онъ поблагодарилъ патера и убѣдительно просилъ его пойдти отдохнуть. Тоже самое посовѣтовалъ онъ и фрейленъ Пэрини въ выраженіяхъ необыкновенно учтивыхъ, но въ тоже время повелительныхъ. Маіора онъ пригласилъ остаться съ нимъ.

Цѣлый часъ просидѣли они передъ открытымъ балкономъ, смотря на звѣздное небо и прислушиваясь къ плеску волнъ Рейна. Затѣмъ Зонненкампъ уговорилъ и маіора пойдти спать, сказавъ, что съ наступленіемъ дня, безъ сомнѣнія, прекратятся всѣ ихъ тревоги.

Самъ онъ прилегъ отдохнуть въ комнатѣ смежной съ спальней жены. Но прежде тихонько вошелъ къ ней и, закрывая рукой свѣчу, осторожно приблизился къ ея постели. Она спокойно спала съ яркимъ румянцемъ на щекахъ.

Вилла погрузилась въ молчаніе. Но Зонненкампа вскорѣ разбудили. Слуга, котораго посылали въ Вольфсгартенъ, вернулся: тамъ тоже ничего не знали о Роландѣ.

— Господинъ Пранкенъ не собирался сюда? спросилъ Зонненкампъ, но слуга не зналъ.

Зонненкампъ, не смотря на всю свою усталость, не могъ спать. Онъ вышелъ на балконъ. Птицы чирикали, рѣка шумѣла; въ небѣ показалось солнце, вдали загудѣлъ колоколъ. Все въ природѣ было ясно, свѣжо, прекрасно, но Зонненкампу представлялось хаосомъ. Дочь его въ монастырѣ, жена каждую минуту готова выдать ужасную тайну, сынъ исчезъ, не оставивъ по себѣ слѣда. Можетъ быть, вонъ эти самыя волны скрываютъ его тѣло! Была минута, когда Зонненкампу стоило большого усилія, чтобъ не броситься съ балкона и тѣмъ самымъ положить конецъ своимъ страданіямъ. Но онъ поспѣшилъ прогнать отъ себя соблазнъ, закурилъ новую сигару и вышелъ въ паркъ.

Деревья точно дрожали отъ утренней прохлады, въ листьяхъ раздавался легкій шелестъ, съ первымъ лучемъ солнца на землѣ пробуждались звукъ и движеніе. Птицы оглашали воздухъ радостными пѣснями: у нихъ есть родина и семья,—у нихъ всѣ дѣти цѣлы!...

Зонненкампъ бродилъ по саду безъ цѣли. Эта земля его собственная, эти деревья принадлежатъ ему; здѣсь все зеленѣетъ, цвѣтетъ, дышетъ свѣжестью. Но дышетъ ли еще тотъ, для кого все это было вызвано къ жизни, — тотъ, для кого оно должно существовать, для кого было посажено и приготовлено?

— Зачѣмъ? — Зачѣмъ? восклицалъ Зонненкампъ и не полу-

чалъ отвѣта. Но не разслышалъ ли онъ его внутри себя, такъ какъ вдругъ обѣими руками быстро схватился за грудь.

Онъ вошелъ въ фруктовый садъ. Тамъ стояли деревья, вѣтвямъ которыхъ онъ по произволу давалъ направленіе. Они сильно цвѣли и съ нихъ при дуновеніи утренняго вѣтерка обваливались бѣлые лепестки, отъ чего земля подъ ними была точно усыпана снѣгомъ.

Чѣмъ далѣе подвигалось утро, тѣмъ несомнѣннѣе казалось Зонненкампу, что Роландъ умеръ и тѣло его носится волнами, которыя теперь окрасились пурпуромъ зари. Вся рѣка сдѣлалась точно кровавая: да, въ ней течетъ не вода, а кровь! У него вырвался глухой стонъ, а рука сдѣлала движеніе, какъ бы ища кого-то схватить и задушить. Онъ схватился за дерево и долго-долго трясъ его, покуда на немъ не осталось ни одного цвѣтка. Онъ самъ стоялъ весь покрытый бѣлыми лепестками и смѣялся горькимъ, вызывающимъ хохотомъ.

— Нѣтъ, воскликнулъ онъ: жизнь ничего у меня не вынудитъ! Ничего!... Роландъ, гдѣ ты?

Въ эту минуту передъ нимъ вдругъ мелькнула и быстро скрылась за деревьями бѣлая фигура въ странномъ головномъ уборѣ. Что это? Онъ протеръ себѣ глаза: — дѣйствительность или игра воображенія? Онъ пошелъ на встрѣчу явленію.

— Стойте! закричалъ онъ: тамъ разставлены западни и самострѣлы!

Въ отвѣтъ раздался женскій крикъ. Зонненкампъ подошелъ ближе и узналъ фрейленъ Милькъ.

— Что вамъ надо? Что случилось?

— Я хотѣла видѣть маіора.

— Онъ еще спитъ.

— Въ такомъ случаѣ, я могу и вамъ сказать, начала фрейленъ Милькъ, нѣсколько оправясь отъ испуга: это мнѣ не даетъ покоя.

— Говорите.... говорите скорѣй, безъ предисловій!

Фрейленъ Милькъ гордо выпрямилась и сказала:

— Если вы будете грубы, то я уйду прочь.

— Извините, что́ вамъ угодно? кротко спросилъ онъ.

— У меня есть для васъ совѣтъ.

Зонненкампъ съ трудомъ удерживался въ границахъ терпѣнія. Онъ сдѣлалъ ей знакъ, чтобъ она продолжала. Она сказала, что не имѣетъ покою... что не помнитъ, не говорила ли уже этого маіору... Зонненкампъ отъ нетерпѣнія сломалъ вѣтку въ цвѣту. Фрейленъ Милькъ продолжала: она была увѣрена,

что капитанъ Дорнэ знаетъ, гдѣ Роландъ. Не дурно было бы послать ему телеграмму.

Зонненкампъ учтиво поблагодарилъ старушку и съ большимъ самообладаніемъ сказалъ, что пойдетъ разбудить маіора и пришлетъ его сюда къ ней. Но фрейленъ Милькъ просила его не прерывать сна маіора. Она вернулась домой, а Зонненкампъ продолжалъ свою прогулку по саду.

За ночь распустилось большое количество розъ, которыя, качаясь на высокихъ стебляхъ, посылали на встрѣчу своему владѣтелю цѣлые потоки благоуханія. Но это его нисколько не радовало.

У него передъ глазами паркъ, деревья, домъ: все это можно вновь пріобрѣсти, нажить, купить. Но чего не пріобрѣтешь, не купишь, это — жизни ребенка, дѣтскаго сердца, его любви, духовной связи съ нимъ.

И опять пришли ему на умъ суровыя слова: «Вы убивали въ вашихъ ближнихъ благороднѣйшія способности души, вы уничтожали любовь между отцемъ, матерью и дѣтьми. Берегитесь, настанетъ и ваша очередь»!...

Отчего эти слова, сказанныя ему въ Новомъ-Свѣтѣ однимъ переселенцемъ, который съ трудомъ прокладывалъ себѣ путь въ жизни, такъ упорно преслѣдуютъ его сегодня, какъ вчера?

Ужъ не ѣдетъ ли этотъ ужасный человѣкъ сюда на томъ самомъ пароходѣ, который теперь, съ первымъ утреннимъ свѣтомъ, плыветъ вверхъ по рѣкѣ?

Зонненкампъ никакъ не могъ подозрѣвать, что въ эту самую минуту дочь этого самаго человѣка говорила съ его собственнымъ сыномъ.

ГЛАВА XII.

НОЧНЫЕ ЗВУКИ.

За ночь разцвѣли розы въ саду милліонера и въ душѣ юноши.

«Къ Эриху!» звучало внутри Роланда, но онъ не выдалъ себя ни однимъ звукомъ. Ночь была звѣздная; на безоблачномъ небѣ кротко сіяла луна. Непривычная радость охватила все существо мальчика. Онъ шелъ очень скоро и протягивалъ руки, какъ бы сбираясь летѣть. Вдругъ ему послышалось, что за нимъ гонятся. Онъ остановился: то былъ звукъ его собственныхъ шаговъ.

Вдали показалась группа неподвижно стоявшихъ людей, которые, повидимому, его ожидали. Онъ приблизился къ нимъ: это оказались колья, выкрашенные черной краской и приготовленные для плетня въ одинъ изъ виноградниковъ на горѣ. Роландъ пошелъ тише. Ему хотѣлось пѣть, но онъ боялся обратить на себя вниманіе. Достигнувъ вершины небольшого холма, онъ остановился. Внизу, у ногъ его, пыхтѣлъ буксирный пароходъ; на немъ между мачтъ мелькали огоньки. Роландъ, любуясь ими, сосчиталъ: ихъ было семь.

— Тамъ тоже не спятъ, громко произнесъ онъ, и ему впервые пришло на умъ, что люди могутъ не спать по ночамъ, заработывая себѣ средства къ существованію, вонъ какъ тѣ фигуры, что̀ движутся вокругъ машины и близъ руля на пароходѣ, или какъ лодочники на шлюпкахъ, которыя къ нему прицѣплены.

«Къ чему это? Что̀ принуждаетъ къ этому людей?» И мальчикъ въ недоумѣніи покачалъ головой. Задумчиво продолжалъ онъ путь по гладкой поверхности холма, а затѣмъ сталъ взбираться на смежную съ нимъ гору. Его забавляло смотрѣть, какъ за нимъ слѣдовала его тѣнь. Онъ шелъ посреди дороги, держась подальше отъ канавъ, видъ которыхъ возбуждалъ въ немъ непріятное ощущеніе. Тѣнь отъ деревьевъ, длинными полосами ложившаяся на дорогу, тоже нѣсколько тревожила его, и онъ радовался, когда снова выходилъ на лунный свѣтъ. Вскорѣ передъ нимъ показалась деревня: онъ пріободрился и пошелъ смѣлѣе. Хотя въ ней всѣ спали, тѣмъ не менѣе онъ находился посреди людей и чувствовалъ себя въ безопасности. Богатому мальчику всегда говорили, что ночью по дорогамъ ходятъ воры да убійцы. Что̀ было на немъ такого, чѣмъ могли бы прельститься воры? Часы съ цѣпочкой. Онъ вынулъ ихъ, намѣреваясь подальше спрятать.

— Стыдно! воскликнулъ онъ вдругъ, сознавая страхъ, который до сихъ поръ таился у него въ глубинѣ души. Ему стало досадно на себя, и онъ съ вызывающимъ видомъ началъ пересчитывать, преувеличивая, всѣ опасности, какія могли ему встрѣтиться.

— Ну, что же? Идите сюда! говорилъ онъ вслухъ: «Я здѣсь и Сатана тоже! Что долго думать, идите: не такъ ли, Сатана?» ласково обращался онъ къ собакѣ, которая весело вокругъ него прыгала.

Онъ шелъ чрезъ деревню, погруженную въ глубокій сонъ. По временамъ раздавался лай собакъ, которыя чуяли близость Сатаны. Роландъ приказалъ ему молчать, и онъ повиновался. Мальчикъ узналъ деревню: это та самая, въ которой онъ былъ въ воскресенье съ докторомъ и Эрихомъ. Вотъ домикъ, гдѣ

умеръ старикъ, а тамъ на противоположной сторонѣ мѣсто, отведенное для гимнастическихъ упражненій, въ которыхъ онъ, вмѣстѣ съ Эрихомъ, принималъ участіе. Далѣе стояло жилище Семиствольника, а въ немъ безмятежнымъ сномъ покоился весь оркестръ. Роландъ на минуту остановился, раздумывая, не войдти ли ему въ домъ и не разбудить ли его обитателей, съ тѣмъ, чтобъ взять кого-нибудь изъ нихъ съ собой или отправить съ извѣстіями о себѣ къ отцу. Но онъ не исполнилъ ни того, ни другого намѣренія.

Ночь была необыкновенно тиха. Издали еще доносился лай собаки, которая лаяла какъ бы нехотя, точно сквозь сонъ. Вдоль дороги журчалъ ручей. Роландъ съ удовольствіемъ прислушивался къ тихому плеску воды, но ручеекъ вскорѣ смолкъ и исчезъ. Вся окрестность погрузилась въ молчаніе.

Вдругъ Роландъ очутился у входа въ узкое ущелье, въ которомъ, вслѣдствіе осѣнявшихъ его густыхъ деревьевъ, было такъ темно, что онъ не видѣлъ, куда ступалъ. Но онъ храбро шелъ впередъ, стараясь думать о томъ, какое прекрасное зрѣлище должно представлять это ущелье днемъ. Выйдя изъ него и снова увидавъ себя на открытой мѣстности, онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Надъ вершиной одной изъ горъ сверкнула звѣзда, такая большая и ясная. Она все выше и выше поднималась на горизонтѣ, и блескъ ея становился все ярче и ярче. Знакома ли эта звѣзда Маннѣ?

На пути Роланда опять встрѣтилась деревня. Въ крайнемъ изъ ея домовъ свѣтился огонекъ и слышались голоса. Одна женщина съ горькимъ плачемъ сѣтовала о томъ, что ей завтра предстоитъ вести на продажу свою единственную корову. Роландъ, не думая долго, положилъ на порогъ низенькой комнаты нѣсколько золотыхъ монетъ, постучался въ ставень и закричалъ:

— Эй, добрые люди, деньги за корову лежатъ у васъ на порогѣ!

И онъ стремглавъ бросился прочь отъ домика. Ему сдѣлалось страшно, какъ будто онъ что-нибудь укралъ. Онъ бѣжалъ долго, пока не споткнулся и не упалъ въ канаву. Самъ не давая себѣ отчета въ своемъ бѣгствѣ, онъ прислушивался, не гонятся ли за нимъ люди, которымъ онъ сдѣлалъ такой неожиданный подарокъ. На лицѣ его мелькнула улыбка при мысли, что онъ похожъ на духа, который, странствуя по свѣту, облегчаетъ участь несчастныхъ, а потомъ укрывается отъ ихъ благодарности.

Бодро шелъ онъ дальше, счастливый тѣмъ, что̀ ему удалось сдѣлать, и мечтая о томъ времени, когда у него будетъ много,

много денегъ, и онъ станетъ точно также ходить невидимкой, всюду принося съ собой радость и облегченіе.

Вдругъ онъ увидѣлъ въ полѣ, близъ дороги, страшнаго вида человѣка, который держалъ въ рукахъ оружіе, направленное прямо противъ него. Роландъ вздрогнулъ, остановился и спросилъ у человѣка, что̀ ему надо. Тотъ молчалъ и не двигался съ мѣста. Роландъ натравилъ на него собаку. Сатана возвратился, помахивая головой. Тогда Роландъ самъ пошелъ прямо на страшный предметъ и громко расхохотался, хотя все еще сильно дрожалъ. Вооруженный человѣкъ былъ не что иное, какъ птичье пугало.

Чу! вдали раздался стукъ. По одному направленію съ Роландомъ медленно тащилась телѣга. Тяжело качаясь на осяхъ, она жалобно скрипѣла, а подъ колесами ея съ трескомъ дробились каменья. Роландъ мысленно порѣшилъ, что у телѣги должно быть всего два колеса и что она запряжена одной лошадью. Желая вполнѣ удостовѣриться въ справедливости своей догадки, онъ остановился и сталъ прислушиваться. Нѣтъ, о мостовую ударяютъ болѣе нежели двѣ пары копытъ. Вскорѣ телѣга съ нимъ поровнялась, и онъ увидѣлъ, что она запряжена парой, а колесъ у нея дѣйствительно только два. Роландъ отошелъ въ сторону, дожидаясь, пока она проѣдетъ. Рядомъ съ телѣгой шелъ извощикъ, посвистывая и пощелкивая бичемъ. Роландъ далъ телѣгѣ себя опередить, а самъ пошелъ за ней слѣдомъ. На юнаго странника напалъ страхъ, и ему пріятно было чувствовать близость человѣка, который, подобно ему, бодрствовалъ. Въ случаѣ опасности было кого позвать на помощь, и Роландъ мысленно повторялъ крикъ: «Помогите! Помогите!» Но опасность ни съ какой стороны не являлась.

— Жаль, что на насъ никто не нападаетъ! этакъ намъ съ тобой, пожалуй, и не придется выказать нашей храбрости! сказалъ Роландъ собакѣ, подшучивая надъ самимъ собой.

Это однако не помѣшало ему сильно струсить, когда телѣга вдругъ перестала скрипѣть. Она была на минуту задержана у заставы и опять двинулась, при чемъ отъ сердца мальчика отлегло.

Вскорѣ телѣга вторично остановилась у крайняго дома ближайшей деревни. Дворникъ, явно поджидавшій извощика, былъ не мало изумленъ, увидавъ при свѣтѣ фонаря прелестнаго мальчика, который смотрѣлъ на него большими, блестящими глазами.

— Это кто? воскликнулъ дворникъ и отъ испуга и удивленія остался съ раскрытымъ ртомъ. Огромная собака обнюхала ему ноги и, оскаливъ зубы, поглядѣла на своего хозяина, какъ бы только ожидая его приказанія, чтобъ броситься на дворника.

Роландъ приказалъ собакѣ не трогаться съ мѣста. Вѣроятно въ звукахъ его голоса было нѣчто такое, что и дворнику и извощику внушало къ нему уваженіе. Они почтительно спросили у него, не желаетъ ли онъ выпить съ ними вина. Роландъ согласился и сѣлъ за столъ, освѣщенный тускло горѣвшей лампой. Извощикъ помѣстился около него, и они чокнулись стаканами. Дворникъ съ любопытствомъ поглядывалъ на Роланда.

— Какое славное кольцо! сказалъ онъ улыбаясь и показывая на руку мальчика. И какъ блеститъ въ немъ камень! оно вѣрно дорого стоитъ. Подари-ка мнѣ его.

Хозяинъ дома, услышавъ эти слова, вышелъ изъ комнаты въ одной рубашкѣ и панталонахъ. На Роланда посыпались вопросы: кто онъ, откуда и куда идетъ? Онъ отвѣчалъ уклончиво.

Извощикъ снова отправился въ путь. Роландъ шелъ рядомъ съ нимъ, распрашивая его о подробностяхъ его житья-бытья. Онъ узналъ между прочимъ, что телѣга была нагружена новыми глиняными кружками, которыя везлись къ одному цѣлебному источнику. Тамъ ихъ наполнятъ минеральной водой и отправятъ въ разныя страны, до самой Голландіи. Роландъ удивлялся, когда услышалъ, какимъ разнообразнымъ процессамъ подвергалась минеральная вода, прежде чѣмъ являлась на столѣ его родителей, гдѣ ее обыкновенно пили. Въ понятіяхъ извощика, Голландія составляла крайніе предѣлы земли, и онъ въ свою очередь съ изумленіемъ услыхалъ отъ Роланда, что есть еще много другихъ странъ и даже частей свѣта, которыя лежатъ гораздо дальше Голландіи. Извощикъ не могъ надивиться обширнымъ познаніямъ Роланда и освѣдомился, не былъ ли онъ самъ въ которой-нибудь изъ этихъ странъ.

Роландъ не далъ ему прямого отвѣта. Тогда извощикъ завелъ рѣчь о честности, ссылаясь при этомъ на собственный примѣръ. Все что на немъ надѣто, говорилъ онъ, принадлежитъ ему и заработано тяжкимъ трудомъ. Онъ предпочелъ бы голодать и просить милостыню, нежели владѣть дурно нажитымъ добромъ. Если Роландъ, прибавилъ онъ въ заключеніе, сдѣлалъ что-нибудь дурное, за что ему угрожаетъ наказаніе, если онъ напримѣръ укралъ кольцо, то пусть онъ скорѣе вернется назадъ и постарается поправить свою ошибку. Роландъ успокоилъ извощика.

Дорога между тѣмъ завернула въ дубовую рощу. Вдругъ послышался крикъ совы и раздался въ воздухѣ точно насмѣшливый хохотъ.

— Слава Богу, что я не одинъ! сказалъ извощикъ. Ты тоже слышалъ хохотъ?

— Это не хохотъ, а крикъ ночной птицы.

— Да, какъ же! Хороша ночная птица! Это духъ смѣха.

— Духъ смѣха? кто это такой?

— Моя мать, когда была маленькой дѣвочкой, слышала его однажды днемъ. У насъ дѣти часто ходятъ въ лѣсъ собирать жолуди. Подъ дубомъ разстилаютъ бѣлый платокъ и начинаютъ трясти дерево. Трясутъ да трясутъ, а съ него такъ и сыплются жолуди, ты вѣдь знаешь, жолудями кормятъ свиней. Вотъ въ одинъ ясный осенній день въ лѣсъ отправилась цѣлая толпа дѣтей. Мальчики взобрались на деревья и стали оттуда бросать жолуди. Такой пошелъ по лѣсу трескъ да шумъ! вдругъ изъ чащи раздался громкій хохотъ... «Это что?»—спрашиваютъ дѣти. Ахъ, восклицаетъ матушка: это духъ! — «Духъ?» повторяетъ одинъ шалунъ: «А коли духъ, такъ давай же, я пойду на него посмотрю». И мальчишка ушелъ въ чащу. Вотъ онъ идетъ и видитъ: на пнѣ сидитъ крохотный человѣкъ. Голова у него огромная, больше всего туловища, волосы сѣдые, а борода длинная, предлинная и тоже сѣдая. «Это ты смѣялся»? спрашиваетъ мальчикъ. «Я», отвѣчаетъ карликъ и опять, какъ захохочетъ! «Вы тамъ жолуди трясете, говоритъ онъ: одна жолудь упала подъ платокъ. Вамъ ее не найдти, она ушла глубоко въ мохъ. Изъ нея выростетъ дерево. Когда оно будетъ большое, его срубятъ, распилятъ и изъ досокъ сдѣлаютъ колыбель и дверь. Въ колыбель положатъ ребенка, и когда онъ въ первый разъ отворитъ дверь, тогда и я буду свободенъ. А до тѣхъ поръ я долженъ скитаться по лѣсу за то, что кралъ деревья и жилъ дурно-пріобрѣтеннымъ добромъ». Карликъ еще разъ громко захохоталъ. Мальчикъ смотритъ, а онъ исчезъ во пнѣ. Съ тѣхъ поръ многіе слышатъ его хохотъ, но никому не удается его видѣть. Всѣ знаютъ и дубъ, о которомъ онъ говорилъ, да никто къ нему не прикасается.

Роландъ слушалъ, и его бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Онъ не вѣрилъ словамъ сказки, но на него сильно подѣйствовали разсужденія, которыми извощикъ сопровождалъ свой разсказъ, не переставая распространяться о томъ, какъ дурно нажитое добро никогда не идетъ въ прокъ.

Начало свѣтать. Роландъ подалъ извощику руку и простился съ нимъ. Ему хотѣлось остаться позади и немного отдохнуть. А извощикъ устроилъ себѣ мѣстечко на телѣгѣ близъ дышла и прилегъ соснуть. Теперь, когда насталъ свѣтъ, онъ могъ себѣ это позволить.

Роландъ сѣлъ на кучу камней съ краю дороги и долго еще прислушивался къ стуку и скрипу медленно удалявшейся телѣги.

Въ первый разъ въ жизни пришлось ему заглянуть въ совершенно чуждую для него сферу существованія человѣка, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго. Онъ какъ во снѣ видѣлъ извощика, какъ тотъ прибываетъ на мѣсто своего назначенія и въ изнеможеніи бросается на кучу сѣна, которая потомъ служитъ кормомъ его лошади.

Никогда еще не случалось Роланду быть до такой степени одинокому и такъ безгранично предоставленному самому себѣ. Онъ зналъ, что некому его позвать. Весь міръ казался ему новымъ, какъ будто онъ его впервые увидалъ. У ногъ его проворно ползъ жукъ, стараясь перебраться черезъ кусокъ дерева, и онъ внимательно слѣдилъ за его движеніями.

Разнообразныя, непривычныя мысли толпились въ юномъ умѣ мальчика. «Какая безконечная полнота существованій разсѣяна въ мірѣ!» думалось ему. На живой изгороди, вдоль дороги, въ едва распустившихся цвѣтахъ шиповника сидѣло множество мухъ и жуковъ. Шмели, жужжа, перелетали съ одного цвѣтка на другой. Бабочки, жуки, мухи, пауки, всѣ здѣсь ночевали, а благоразумныя улитки забрались подальше въ вѣтки, гдѣ ничто не могло нарушить ихъ покоя.

Полевая мышь высунулась изъ своей норки. Она сначала оглядывалась, поводя усиками обнюхала воздухъ, потомъ быстро шмыгнула въ траву и исчезла въ другой норкѣ. Пестрый жукъ торопился скорѣй перебраться черезъ дорогу. Онъ вообще боялся открытыхъ мѣстностей и только тогда успокоился, когда очутился въ чащѣ хлѣбныхъ растеній.

Мимо пробѣжалъ заяцъ. Сатана бросился за нимъ, а Роландъ невольно схватился за бокъ, отыскивая ружье.

Наплывъ различныхъ впечатлѣній былъ такъ силенъ, что когда Роландъ отъ нихъ очнулся, ему показалось, будто онъ все это время плавалъ по бурной рѣкѣ, а теперь волна внезапно выкинула его на берегъ. Солнце взошло и ослѣпило его своимъ блескомъ. Онъ всталъ и пошелъ далѣе. Но поступь его была не тверда, и онъ упорно смотрѣлъ въ землю. Внутри его что-то зашевелилось, и тайный голосъ шепталъ: «Вернись къ отцу и матери!»

Но вдругъ у него громко вырвалось: «Эрихъ!» — «Эрихъ!» многократно повторило эхо, дробясь по горамъ. Нерѣшимость исчезла, и Роландъ быстро и твердо пошелъ впередъ. Ему казалось, что онъ не идетъ, а его влечетъ какая-то невидимая сила. Безсонная ночь на открытомъ воздухѣ, выпитое съ извощикомъ вино, новыя мысли и впечатлѣнія, все это бродило въ немъ, сталкивалось и до крайности его возбуждало. Ему казалось, что

съ нимъ должно случиться что-нибудь необыкновенное, что ему предстоитъ открыть чудо, какого еще никому не приводилось видѣть. Онъ безпрестанно оглядывался, какъ бы ожидая, что вотъ, вотъ оно явится и скажетъ: «Я тебя ожидало. Ты ли это, наконецъ?»

Озираясь по сторонамъ, онъ замѣтилъ, что собака его покинула. Неподалеку виднѣлся лѣсокъ. Сатана, безъ сомнѣнія, отправился въ него на охоту за зайцами и дикими кроликами. Роландъ свиснулъ. «Сатана!» хотѣлъ онъ крикнуть, но вдругъ остановился и позвалъ собаку ея прежнимъ именемъ. «Грейфъ!» закричалъ онъ, и собака явилась, весело махая хвостомъ. У ней висѣлъ изъ пасти языкъ, а шерсть была вся мокрая отъ утренней росы, которой она набралась, когда бѣжала черезъ поле, засѣянное пшеницей. Роланду стоило не мало хлопотъ защититься отъ ласкъ собаки, которая была внѣ себя отъ радости, услышавъ свое прежнее имя. Она тяжело дышала и смотрѣла на хозяина своими понятливыми глазами.

— Да, тебя зовутъ Грейфомъ! сказалъ Роландъ.—Но теперь довольно, назадъ! и собака пошла за нимъ слѣдомъ.

Дорога углубилась въ лѣсъ. Роландъ свернулъ въ сторону и легъ на мохъ подъ тѣнистой елью. Надъ нимъ щебетали птицы и кричала кукушка. Грейфъ сѣлъ около него и ревниво поглядывалъ на своего господина, какъ бы желая привлечь на себя его взглядъ. Роландъ обѣими руками раскрылъ ему пасть и любовался его длинными, острыми зубами. Собственный голодъ напомнилъ ему, что и собака должна быть голодна: «Хорошо, хорошо», сказалъ онъ: «въ первомъ же мѣстечкѣ, гдѣ есть мясникъ, ты получишь свою порцію колбасы». Грейфъ облизался, сдѣлалъ прыжокъ, какъ бы понявъ въ чемъ дѣло и съ громкимъ лаемъ бросился гонять грачей, которые, несмотря на раннюю пору, уже искали корма въ поляхъ.

Усталый мальчикъ вскорѣ заснулъ. Грейфъ, зная, въ чемъ состоятъ обязанности собаки, не легъ, но сѣлъ возлѣ Роланда, охранять его сонъ. По временамъ глаза его сильно моргали, онъ дѣлалъ усилія, чтобъ держать ихъ открытыми, вскидывалъ кверху головой, но продолжалъ вѣрно сторожить.

Вдругъ Роландъ проснулся, пробужденный звуками дѣтскаго голоса.

ГЛАВА XIII.

ЛАНДЫШЪ.

Роландъ протеръ себѣ глаза. Передъ нимъ стояла дѣвочка въ бѣломъ платьицѣ и голубомъ передничкѣ. Личико у нея было розовенькое съ большими голубыми глазами, обрамленное темно-русыми кудрями, волнистыя пряди которыхъ падали ей на шейку. Дѣвочка держала въ рукахъ букетъ полевыхъ цвѣтовъ.

Грейфъ стоялъ передъ ней, заграждая ей путь.

— Грейфъ, назадъ! воскликнулъ Роландъ, и быстро вскочилъ на ноги. Собака спряталась за него.

— Это нѣмецкій лѣсъ! сказала дѣвочка съ иностраннымъ акцентомъ и голосомъ, какъ у сказочной принцессы. — Это нѣмецкій лѣсъ! Я въ немъ нарвала цвѣтовъ. А ты лѣсной принцъ?

— Нѣтъ. Но ты какъ здѣсь очутилась?

— Я изъ Америки. Меня дядя сегодня сюда привезъ, и я теперь навсегда останусь въ Германіи.

— Лиліана! Иди сюда! Гдѣ ты тамъ запропастилась? закричалъ съ дороги мужской голосъ.

Роландъ увидѣлъ сквозь деревья открытый экипажъ, въ которомъ сидѣлъ важнаго вида мужчина, съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами.

— Иду, иду! отвѣчала дѣвочка. — Я здѣсь нашла такіе прелестные цвѣты!

— На, возьми вотъ этотъ, сказалъ Роландъ, срывая ландышъ. Дѣвочка бросила букетъ, который держала въ рукахъ, и схватила цвѣтокъ, предложенный ей Роландомъ.

— Good by! сказала она потомъ и быстро побѣжала къ коляскѣ. Сидѣвшій въ ней мужчина приподнялъ дѣвочку, помѣстилъ около себя, и они уѣхали. Роландъ снова остался одинъ.

Что̀ это было: дѣйствительность или сонъ? Но вдали еще раздавался шумъ колесъ, а на землѣ лежали сорванные цвѣты. Но въ самомъ ли дѣлѣ сказала дѣвочка, что она изъ Америки? «Отчего я за ней не послѣдовалъ и не разспросилъ сидѣвшаго въ коляскѣ старика? Теперь они уѣхали, и я не знаю, куда дѣвочку увезли», упрекалъ себя Роландъ.

Онъ стоялъ, устремивъ взоръ на цвѣты, но не поднималъ ихъ. Грейфъ лаялъ, какъ бы желая сказать: «Пусть послѣ этого говорятъ, что на свѣтѣ не бываетъ чудесъ!» Онъ обнюхалъ цвѣты и вдругъ бросился по слѣдамъ дѣвочки на дорогу и за экипажемъ, точно съ цѣлью исполнить желаніе своего господина, до-

гнать путешественниковъ и доставить ему возможность съ ними поговорить. Роландъ остановилъ его свистомъ и крикомъ. Грейфъ вернулся и получилъ выговоръ. — «Ты заслуживаешь — сказалъ мальчикъ — чтобъ я тебѣ не далъ обѣщанной колбасы.» Грейфъ легъ къ его ногамъ и умильно на него посмотрѣлъ, какъ будто хотѣлъ сказать, что онъ это сдѣлалъ не съ дурнымъ намѣреніемъ.

— А теперь намъ пора въ дорогу! воскликнулъ Роландъ.

Вдали раздался свистъ локомотива, и они направились въ ту сторону. Вскорѣ дорога вышла изъ лѣсу и продолжала извиваться между виноградными холмами.

Роландъ увидѣлъ нѣскольких женщинъ, которыя ходили взадъ и впередъ, таская черноземъ къ подножію одной горы, гдѣ разводился новый виноградникъ. Немного въ сторонѣ, близъ живой изгороди, былъ разложенъ огонь, на которомъ кипѣлъ котелокъ. Возлѣ стояла старуха и что-то мѣшала въ немъ сухой вѣткой. Роландъ остановился. Старуха его окликнула и пригласила подойдти поближе. Роландъ подошелъ и увидѣлъ, что она варила кофе. Вскорѣ пришли и другія женщины. Между ними были молодыя и старыя, и всѣ онѣ живо болтали, шутили и смѣялись. Опрокинутыя корзины замѣнили имъ стулья, и одна изъ нихъ была предложена Роланду. Женщины спрашивали у него не принцъ ли онъ какой-нибудь? Онъ отвѣчалъ отрицательно, но вопросъ этотъ видимо ему польстилъ. Онъ принялъ слегка покровительственный видъ, впрочемъ былъ очень снисходителенъ и даже много шутилъ.

Старый виноградарь, главный распорядитель здѣсь производившихся работъ, объявилъ Роланду, котораго въ качествѣ мужчины считалъ достойнымъ членомъ общества, что онъ никогда не пьетъ кофе. Это глупая мода, прибавилъ онъ, вслѣдствіе которой деньги вывозятся въ Америку и никогда оттуда не возвращаются.

Роландъ удивился, что и здѣсь тоже говорили объ Америкѣ. Все общество слушало съ большимъ вниманіемъ, пока онъ объяснялъ, что изъ Америки получаютъ не кофе, а сахаръ.

— Что же касается до нашего сахару, сказала старуха: — то онъ и не пріѣзжалъ изъ Америки. У насъ его вовсе нѣтъ.

Первая чашка съ самыми густыми сливками, тутъ же снятыми съ горшка молока, была подана Роланду вмѣстѣ съ кускомъ чернаго хлѣба. Ему очень хотѣлось чѣмъ-нибудь отблагодарить этихъ добрыхъ людей, но у него пропалъ портъ-монне. Онъ это теперь только замѣтилъ, но въ тоже время помнилъ, что еще имѣлъ его, когда пилъ вино съ извощикомъ. Вѣроятно

его укралъ, подумалъ онъ, дворникъ, у котораго былъ такой плутовской видъ. Но Роландъ скрылъ свою печаль по случаю пропавшихъ у него денегъ и сказалъ, прощаясь съ добрыми людьми, что когда-нибудь отплатитъ имъ за ихъ ласку и угощеніе.

Онъ пошелъ далѣе.

Итакъ, ему пришлось еще и это испытать! Бѣдный и беззащитный, онъ воспользовался гостепріимствомъ людей, которые сами весьма не много имѣли, и это произвело на него чуть ли не самое пріятное впечатлѣніе.

Да, свѣтъ прекрасенъ и люди добры, хотя иногда и случается, что дворники не могутъ устоять противъ соблазна туго-набитаго кошелька. Оживленный этими мыслями, Роландъ шелъ бодро и весело и вскорѣ достигъ станціи желѣзной дороги.

Онъ съ цѣлью обошелъ ближайшія станціи, зная, что тамъ его могутъ скоро накрыть, и предпочелъ нѣсколько пройдти пѣшкомъ.

На желѣзной дорогѣ какой-то очень дурно одѣтый человѣкъ, у котораго одна нога была въ сапогѣ, а другая въ туфлѣ, встрѣтилъ его, какъ знакомаго.

— Здравствуйте, любезный баронъ! кричалъ онъ ему: — «здравствуйте»! и старался поближе къ нему подойдти.

Въ такое прекрасное утро, послѣ столь необыкновенной ночи было вдвойнѣ непріятно столкнуться съ этимъ человѣкомъ, который издавалъ сильный запахъ водки. А онъ, какъ нарочно, почувствовалъ особенное расположеніе къ Роланду. Наконецъ, одинъ изъ служителей при желѣзной дорогѣ подошелъ къ этому, не то пьяному, не то сумасшедшему человѣку, и учтиво попросилъ его не тревожить посѣтителей станціи. Тотъ немедленно отошелъ въ сторону, но издали продолжалъ кивать и подмигивать Роланду, какъ будто у нихъ была какая-то общая тайна.

Роланду объяснили, что человѣкъ этотъ членъ весьма уважаемаго знатнаго семейства. Родные его не разъ пытались ему помочь и назначали ему ежегодное содержаніе, но это рѣшительно ни къ чему не вело. Теперь онъ жилъ у одного носильщика, и единственную его отраду составляла желѣзная дорога. Его всѣ сожалѣли и обращались съ нимъ ласково, не забывая, что онъ все-таки баронъ. Но Роландъ смотрѣлъ на него со страхомъ, еще усиленнымъ отъ возбужденнаго состоянія, въ которомъ онъ находился. Въ тоже время его сильно поразило уваженіе, съ какимъ всѣ относились къ этому пьяному помѣшанному старику потому только, что онъ баронъ.

Роландъ заложилъ буфетчику при желѣзной дорогѣ свое

кольцо, и на полученныя деньги взялъ билетъ въ университетскій городъ, гдѣ жилъ Эрихъ.

Онъ былъ очень доволенъ, когда наконецъ сидѣлъ въ вагонѣ.

— Ахъ, какъ пріятно ѣхать! невольно вырвалось у него.

Сосѣдъ его съ удивленіемъ на него посмотрѣлъ. Могъ ли онъ знать, что мальчикъ изнемогалъ отъ усталости и былъ несказанно счастливъ тѣмъ, что, безъ дальнѣйшихъ съ его стороны усилій, быстро приближался къ цѣли своего путешествія — къ Эриху.

— А куда лежитъ вашъ путь, баронъ? спросилъ сосѣдъ.

Роландъ назвалъ городъ и въ свою очередь съ удивленіемъ на него взглянулъ: съ какой стати онъ его честитъ барономъ? На одной станціи, гдѣ желѣзная дорога развѣтвлялась, и перемѣнялись кондуктора, сосѣдъ вышелъ и сказалъ новому кондуктору:

— Позаботьтесь о молодомъ баронѣ, который здѣсь сидитъ.

Роланду было пріятно, что его такъ называютъ. А хорошо, подумалъ онъ, быть въ дѣйствительности барономъ. Всѣ относятся къ вамъ съ почтеніемъ и въ разговорѣ безпрестанно употребляютъ титулъ. Но мысль эта недолго занимала мальчика. Ему гораздо пріятнѣе было думать объ Эрихѣ и о томъ, какъ тотъ удивится и обрадуется его пріѣзду. Лице его горѣло отъ нетерпѣнія и радостнаго волненія.

Но вдругъ онъ вспомнилъ о собакѣ и испугался. Гдѣ она, и что съ ней сталось? Онъ ее потерялъ или забылъ. А поѣздъ между тѣмъ мчался по долинамъ, чрезъ ущелья и туннели. Роланду казалось, что прошелъ цѣлый годъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ родительскій домъ.

Недалеко отъ университетскаго города, гдѣ дорога снова развѣтвлялась, къ Роланду въ вагонъ сѣло нѣсколько студентовъ. Они вскорѣ довели до свѣдѣнія всѣхъ своихъ спутниковъ, что сейчасъ совершили великій подвигъ, а именно истратили родительскія деньги на угощеніе другъ друга майтранкомъ. Настоящее вино, прибавили они, не стоитъ пить: его всякій можетъ имѣть. Оказалось, что они и въ вагонъ взяли порядочный запасъ вышеупомянутаго напитка и въ припадкѣ великодушія или, лучше сказать, сумасбродства, пригласили и Роланда участвовать въ ихъ угощеніи. Но тотъ скромно, однако рѣшительно, отказался.

Когда они пріѣхали въ университетскій городъ, уже начало темнѣть. Роландъ спросилъ, гдѣ живетъ докторъ Дорнэ, и одинъ изъ студентовъ, юноша съ весьма пріятной наружностью, державшійся въ сторонѣ отъ шумной толпы товарищей, взялся его проводить, говоря, что онъ сосѣдъ вдовы профессора. Роландъ

пошелъ вмѣстѣ съ нимъ. На него вдругъ напалъ страхъ. А что, если онъ не застанетъ Эриха, или если тотъ не захочетъ его принять? Мало ли что могло случиться за эти дни!

Съ сильно бьющимся сердцемъ поднялся онъ по узкой, крутой, деревянной лѣстницѣ. Ему отворила дверь женщина, которая, стоя на порогѣ, спросила:

— Кого вамъ угодно?

— Капитана Дорнэ.

— Его здѣсь нѣтъ, онъ уѣхалъ.

ГЛАВА XIV.

НОВЫЙ СЫНЪ.

Роландъ попросилъ, чтобъ ему позволили здѣсь подождать. Служанка провела его въ комнату и сказала, что Эрихъ уѣхалъ въ столицу, но что его сегодня ожидаютъ назадъ. Мать его ушла на могилу младшаго сына, со дня смерти котораго сегодня прошелъ ровно годъ. Затѣмъ служанка пошла оправить лампу. Роландъ остался одинъ въ комнатѣ, гдѣ было почти совсѣмъ темно. Онъ сѣлъ въ уголокъ дивана расправить свои утомленные члены и погрузился въ размышленіе.

Странно! На свѣтѣ разбросано столько человѣческихъ жилищъ! И вотъ вы входите въ одно изъ нихъ, садитесь и отдыхаете въ чужомъ домѣ.

Съ городской башни, по сохранившемуся еще средневѣковому обычаю, звучалъ хоралъ, игранный на трубахъ. Мысли Роланда перепутались, онъ не вполнѣ сознавалъ, гдѣ онъ, но смутно помнилъ, что проѣхалъ много городовъ и земель, видѣлъ много домовъ и въ каждомъ изъ нихъ живутъ люди своей особенной, отдѣльной жизнью, о которой другіе ничего не знаютъ.

Немного спустя вернулась домой мать Эриха. Она остановилась на порогѣ. Роландъ быстро вскочилъ:

— Добраго вечера, матушка! сказалъ онъ.

Профессорша въ испугѣ протянула руки.

— Господи! Германъ... ты?...

— Я не Германъ. Меня зовутъ Роландомъ.

Профессорша вся дрожала, но явилась тетушка съ огнемъ и все объяснилось. Роландъ объявилъ, что онъ пріѣхалъ за Эрихомъ, съ которымъ теперь ужъ больше не разстанется. Мать со слезами нѣжно его обняла.

На лѣстницѣ послышались шаги, и черезъ минуту въ комнату вошелъ самъ Эрихъ.

Роландъ не могъ двинуться съ мѣста.

— Ты здѣсь! воскликнулъ Эрихъ въ крайнемъ изумленіи.

Роландъ съ трудомъ, запинаясь, разсказалъ, что̀ онъ сдѣлалъ. Его смутилъ холодный пріемъ Эриха, который даже не подалъ ему руки и въ заключеніе сказалъ:

— Еслибъ ты былъ моимъ сыномъ, я бы тебя строго наказалъ за такое своеволіе и за безпокойство, которое ты тѣмъ самымъ доставилъ твоимъ родителямъ.

— Накажи меня, если хочешь, но я отсюда не двинусь. Ты одинъ въ цѣломъ мірѣ можешь меня наказать. Ты меня не накажешь, какъ.....

Онъ отъ волненія не могъ продолжать, и кромѣ того чувство стыдливости удержало его отъ жалобы на отца. Весь поглощенный страстнымъ желаніемъ соединиться съ Эрихомъ, онъ было совсѣмъ забылъ о главномъ обстоятельствѣ, побудившемъ его рѣшиться на побѣгъ. Но теперь къ нему вернулась память, и онъ робко оглянулся, какъ бы ожидая видѣть поднятую руку отца.

Профессорша опять нѣжно его обняла и сказала:

— Твоя готовность принять на себя наказаніе вполнѣ заглаживаетъ твою вину.

— Останься теперь съ матушкой, строго произнесъ Эрихъ:— а я сейчасъ вернусь.

Онъ поспѣшилъ на телеграфную станцію и отправилъ Зонненкампу телеграмму съ увѣдомленіемъ, что Роландъ здѣсь, и съ вопросомъ, должно ли его къ нему препроводить, или онъ самъ за нимъ пріѣдетъ.

Возвратясь домой, Эрихъ нашелъ Роланда спящимъ на диванѣ. Мальчика съ трудомъ могли разбудить, чтобъ уложить въ постель. Затѣмъ Эрихъ еще долго сидѣлъ съ матерью, разсуждая о томъ, какъ странно играла ими судьба. Мать разсказала о своемъ посѣщеніи кладбища и о томъ, какъ она, возвратясь домой удрученная горемъ, приняла Роланда за покойнаго Германа. Странно сказать, но наружность сына у ней почти совсѣмъ изгладилась изъ памяти. Лице его она помнила; ей его безпрестанно напоминалъ фотографическій портретъ; окруженный иммортелями, онъ всегда висѣлъ въ нишѣ близъ окна, прямо противъ ея швейной машины. Но затѣмъ, манеры Германа, его походка, движеніе, какимъ онъ закидывалъ назадъ голову, украшенную массой густыхъ каштановыхъ волосъ, его улыбка, шутки, ласки, которыя онъ ей расточалъ, звукъ его голоса и серебристые переливы смѣха, — все это исчезло изъ ея памяти. Возвращаясь съ

кладбища, она старалась припомнить привычки и свойства умершаго. Она шла медленно, погруженная въ думу о немъ, и по временамъ останавливалась. Вдругъ ее на порогѣ дома встрѣчаетъ мальчикъ, въ которомъ передъ ней ожилъ образъ Германа. Онъ къ ней подходитъ и говоритъ ей совершенно его голосомъ: «Добрый вечеръ, матушка.» Она не понимаетъ, какъ она тутъ же не упала въ обморокъ. Вообще профессорша отзывалась о Роландѣ съ восторгомъ, похожемъ на тотъ, какой мальчикъ возбудилъ въ Эрихѣ въ началѣ ихъ знакомства.

Эрихъ, въ свою очередь, разсказалъ ей, на какихъ условіяхъ передавалось учебное заведеніе, и выставилъ всѣ выгоды и невыгоды этого дѣла. Онъ не забылъ также упомянуть и о предложеніи министра. Ему, такимъ образомъ, предстояло занять то самое мѣсто, въ которомъ было отказано его отцу, а между тѣмъ, — кто знаетъ, — оно, можетъ быть, спасло бы профессору жизнь. Эриха еще смущала та мысль, что мѣсто это являлось ему въ видѣ наслѣдства, благодаря протекціи министра, а не было имъ пріобрѣтено собственными заслугами. Но мать скоро его успокоила, доказавъ ему неосновательность его сомнѣній. Эрихъ имѣлъ, говорила она, полное право на вознагражденіе за зло, которое сдѣлали, или, вѣрнѣе, допустили сдѣлать его отцу.

При этомъ профессорша какъ бы вскользь замѣтила, что преимущества дворянства въ томъ именно и заключаются, что оно наслѣдуетъ отъ предковъ выгоды, какими тѣ въ свое время пользовались и, въ свою очередь, передаетъ ихъ потомкамъ.

— Нашъ профессоръ политической экономіи, сказала она шутя, говоритъ, что капиталъ есть соединенный трудъ многихъ, а я скажу, что добрая слава семьи есть соединенная честь ея членовъ.

Хотя и рѣдко, но бывали минуты, когда профессорша, подъ вліяніемъ преданій и привычекъ, среди которыхъ выросла, непріятно поражалась упорствомъ, съ какимъ среднее сословіе придерживается нѣкоторыхъ изъ своихъ обычаевъ и мнѣній. Въ мужѣ ея упорство это выказывалось не часто и всегда въ мягкой формѣ, но въ Эрихѣ за то выражалось гораздо рѣзче и опредѣленнѣе. Въ характерѣ молодого человѣка было что-то непреклонное, что не признавало надъ собой никакой посторонней власти. Профессорша никогда не раскаявалась въ томъ, что, выйдя замужъ не за дворянина, такъ сказать, отреклась отъ своего знатнаго происхожденія. Она была слишкомъ счастлива для того, чтобъ сожалѣніе могло найдти мѣсто въ ея сердцѣ. Но иногда ей казалось, что она въ судьбѣ Эриха видитъ какъ бы тяжелое послѣдствіе собственнаго поступка. Впрочемъ, это были мимолетныя

тревоги, которымъ она сама не придавала никакой важности. Тѣмъ не менѣе они какъ-будто внушили ей слѣдующія слова:

— Я вполнѣ понимаю твое влеченіе къ этому американцу. Человѣкъ, самъ себя создавшій, непремѣнно возбуждаетъ удивленіе и вполнѣ заслуживаетъ уваженіе. Теперь мальчикъ въ твоей власти, и ты можешь устроить такъ, чтобъ американецъ тебѣ его отдалъ на воспитаніе. А съ другой стороны у тебя еще имѣется въ виду казенное мѣсто.

Эрихъ отвѣчалъ, что главное его возраженіе противъ поступленія на государственную службу заключается не въ томъ только, что онъ не хочетъ быть обязанъ своимъ назначеніемъ исключительно милости и протекціи министра, нѣтъ, его безпокоитъ еще другое. Онъ, въ качествѣ хранителя кабинета рѣдкостей, былъ бы обязанъ показывать произведенія искусства иностраннымъ принцамъ, которымъ вздумается посѣтить столицу, а онъ себя считаетъ рѣшительно къ этому неспособнымъ.

Вдругъ профессорша вспомнила, что у ней есть къ Эриху письмо, и поспѣшила ему его вручить. Письмо оказалось отъ Клодвига. Великодушный старикъ отдавалъ въ распоряженіе Эриха двойную сумму противъ той, какую онъ у него просилъ. Эрихъ былъ радъ, что можетъ сообщить матери хорошее извѣстіе. Но, прибавилъ онъ, его не столько радуютъ деньги, сколько то, что его вѣра въ людей получила такое блистательное подтвержденіе. Профессорша, въ отвѣтъ ему, одобрительно кивнула головой.

Было уже далеко за полночь. Эрихъ уговорилъ мать пойдти лечь, а самъ остался ждать телеграммы отъ Зонненкампа. Онъ долго сидѣлъ, раздумывая о томъ, что̀ случилось въ теченіе дня; наконецъ и его одолѣлъ сонъ.

Въ судьбѣ отдѣльныхъ личностей, равно какъ въ исторіи цѣлыхъ народовъ, случается, что они, по собственному произволу, единственно по внутреннему влеченію, избираютъ путь, по которому намѣрены идти. Но вдругъ возникаютъ новыя событія и ихъ свободный выборъ превращается въ необходимость. Такъ вступленіе Эриха въ домъ Зонненкампа, вслѣдствіе неожиданнаго поступка Роланда, сдѣлалось необходимостью, которую уже ничто болѣе не могло отвратить.

Эрихъ вскорѣ проснулся и тихонько, на цыпочкахъ, пошелъ взглянуть на Роланда. Всѣ помышленія мальчика были до такой степени устремлены на Эриха, что онъ даже во снѣ произносилъ его имя. «Эрихъ!» точно простоналъ онъ, когда тотъ вошелъ въ его комнату, но затѣмъ повернулся на другой бокъ и заснулъ крѣпче.

Эрихъ вернулся въ гостиную. Ему теперь только пришло на

умъ, что по близости отъ Зонненкампа не было станціи, гдѣ телеграфъ дѣйствовалъ бы и ночью. Слѣдовательно, онъ можетъ не прежде, какъ утромъ, получить увѣдомленіе о пропавшемъ сынѣ. Мысль эта, наконецъ, дала возможность и Эриху уснуть.

На слѣдующее утро въ домѣ профессорши всѣ встали позднѣе обыкновеннаго. Дольше всѣхъ спалъ Эрихъ. Когда онъ вышелъ изъ своей комнаты, Роландъ уже былъ съ его матерью. Мальчикъ держалъ въ рукахъ маленькую деревянную мельницу и мололъ въ ней кофе. Мельница эта принадлежала еще дѣду Эриха, знаменитому профессору анатоміи. Профессорша уже успѣла это разсказать Роланду, а также и показать ему разные хозяйственные предметы и нѣкоторыя вещи, которыя относятся еще ко временамъ гугенотовъ.

— Ахъ, какъ у тебя хорошо! воскликнулъ Роландъ, увидавъ входившаго въ комнату Эриха. На юной душѣ мальчика безсознательно отражалась семейная жизнь съ ея наслѣдственными воспоминаніями. Сидя въ это время въ простомъ, маленькомъ уголкѣ, между тремя членами, составлявшими семью профессорши, чувствуя на себѣ ихъ привѣтливые взгляды, Роланду было какъ-то особенно хорошо, тепло и уютно.

ГЛАВА XV.

ЭКСТРЕННЫЙ ПОѢЗДЪ.

— Многое я пережилъ, но ничего подобнаго еще не испыталъ!... Только бы намъ остаться цѣлыми!... Вотъ что называется играть жизнью!... И противъ этой опасности не имѣется оборонительныхъ оружій!...

Такъ говорилъ маіоръ, запинаясь и путаясь въ словахъ. Онъ сидѣлъ въ вагонѣ перваго класса, крѣпко держался за кисть отъ подушки и тоскливо поглядывалъ на собаку, Леди, которая лежала у его ногъ. Маіоръ и Зонненкампъ мчались на экстренномъ поѣздѣ. Послѣдній, казалось, находилъ въ этомъ бѣшеномъ бѣгѣ особенное удовольствіе.

— Въ Америкѣ, сказалъ онъ, экстренные поѣзды ѣздятъ втрое скорѣе. Ему пріятно было доказать маіору, что существуетъ еще другого рода храбрость, кромѣ той, какая выказывается на полѣ сраженія. И у него, Зонненкампа, есть эта храбрость, а у маіора—нѣтъ. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ разсказывалъ, какъ въ Америкѣ устраиваютъ особаго рода, непо-

мѣрно-скорые поѣзды, пускаютъ ихъ разомъ и бьются объ закладъ, который скорѣе достигнетъ цѣли.

На одной станціи, гдѣ они остановились запастись водой, Зонненкампъ отправился на локомотивъ. Ему хотѣлось еще разъ испытать, каково тамъ ѣздить.

Маіоръ остался одинъ въ единственномъ вагонѣ, прицѣпленномъ къ локомотиву. Онъ смотрѣлъ въ окно, гдѣ, какъ въ вихрѣ, проносились мимо деревья, горы, селенія, и мысленно благодарилъ Бога за то, что фрейленъ Милькъ ничего не знала о его внезапной рѣшимости сопровождать Зонненкампа на экстренномъ поѣздѣ.

«И къ чему онъ такъ спѣшитъ?» Маіоръ не могъ этого понять. Иной разъ Зонненкампъ скупился выдать лишній крейцеръ, скрывался, избѣгалъ обращать на себя вниманіе, а потомъ вдругъ становился расточителемъ, буквально сыпалъ золотомъ и дѣлалъ все, чтобъ привлечь на себя взоры. Нѣтъ, маіоръ его рѣшительно не понималъ. Ужъ не управлялъ ли онъ въ прежнее время локомотивомъ? Почему знать? Отъ него все станется.

— Да, Леди, говорилъ онъ собакѣ:—приди, лягъ ко мнѣ поближе. Кто бы могъ подумать, что намъ съ тобой придется это пережить? Только бы намъ дѣйствительно пережить! Да, Леди, если мы погибнемъ, она и о тебѣ пожалѣетъ.

Собака заворчала. Она явно сердилась на безразсудную смѣлость Зонненкампа.

А поѣздъ между тѣмъ мчался все быстрѣе и быстрѣе, оставляя за собой холмы и почти касаясь рѣки. Маіоръ ежеминутно ожидалъ, что вотъ-вотъ локомотивъ соскочитъ съ рельсовъ и вагонъ, разбитый, бухнется въ воду. На него напалъ непреодолимый страхъ, почти вѣрное ожиданіе смерти. Онъ уперся ногами въ противоположное сидѣнье и погрузился въ себя.

— Ну, смерть, мысленно говорилъ онъ: приходи же скорѣй. Я, благодареніе Богу, во всю жизнь никому не сдѣлалъ вреда и позаботился устроить судьбу фрейленъ Милькъ. Ей не придется терпѣть нужду.

Слезы навертывались у него на глазахъ, и онъ дѣлалъ странныя гримасы, стараясь ихъ удержать. Ему не хотѣлось умирать, да еще вдобавокъ такой ненужной, несвоевременной смертью. Онъ открылъ глаза и съ досады сжалъ кулаки. Эта бѣшеная поспѣшность къ тому же была совершенно излишняя. Роландъ находился въ безопасности, въ рукахъ добрыхъ друзей. Но ужъ таковъ этотъ безумный человѣкъ!

Маіоръ сильно негодовалъ на Зонненкампа, а еще болѣе

на самого себя за то, что согласился его сопровождать на экстренномъ поѣздѣ. Онъ не былъ знакомъ съ этого рода вещами, и теперь мужество его совсѣмъ покинуло. Онъ далъ себя обмануть; правду говоритъ фрейленъ Милькъ, что онъ слабъ и не умѣетъ, когда слѣдуетъ, сказать: нѣтъ.

Всякій разъ, что онъ выглядывалъ въ окно, у него рябило въ глазахъ. Наконецъ онъ придумалъ способъ себя нѣсколько успокоить, а именно пересѣлъ на заднюю скамью, откуда можно было видѣть только тѣ предметы, мимо которыхъ они уже проѣхали. Но онъ ошибся: это оказалось еще страшнѣе. Сидя спиной къ локомотиву, видишь всѣ крутые повороты рельсовъ и наклонное положеніе вагона, который, того и смотри, свалится на бокъ. Теперь маіоръ уже не былъ въ состояніи удержаться отъ слезъ. Ему мерещились: катафалкъ, погребальное пѣніе, звуки органа, поминаніе его въ собраніи масоновъ и онъ въ умиленіи говорилъ:

«Вы меня хвалите болѣе, чѣмъ я того заслуживаю, хотя я и старался всегда быть добрымъ членомъ братства. Творецъ вселенной тому свидѣтель!»

Но поѣздъ безпрепятственно мчался впередъ, и маіоръ утѣшалъ себя мыслью, что на этомъ пути еще никогда не случалось несчастій.—«Но нѣтъ, приходило ему вслѣдъ за тѣмъ на умъ: ѣзда по дорогѣ, гдѣ уже бывали несчастія, гораздо безопаснѣе. Здѣсь люди слишкомъ беззаботны, и легко можно сдѣлаться первой жертвой ихъ неосмотрительности. Интересно бы знать мнѣніе фрейленъ Милькъ на счетъ того, какія дороги безопаснѣе: тѣ ли, на которыхъ уже бывали несчастія, или тѣ, на которыхъ еще не случалось ничего дурного? Не забыть бы мнѣ по возвращеніи ее объ этомъ спросить. Помни, Леди, намъ надо объ этомъ освѣдомиться!»

Теперь маіоръ все передумалъ, все взвѣсилъ и мрачныя мысли его мало по малу разсѣялись. Онъ даже началъ подшучивать надъ собственнымъ страхомъ. Къ тому же у него явилось новое утѣшеніе. «Милліонеру на локомотивѣ, думалъ онъ: приходится рисковать жизнью гораздо лучше обставленной, нежели моя. Не станетъ же онъ безъ нужды подвергать себя опасности!»

Но собака вѣроятно не переставала ощущать страхъ отъ скорой ѣзды. Она все дрожала и боязливо поглядывала на своего господина.

— Ты женщина, и потому боишься! упрекалъ ее маіоръ. Полно, полно, не будь такой трусихой!... Ты обыкновенно храбрѣе! Пойди сюда... вотъ такъ... лягъ ко мнѣ на колѣни... Ну,

да, да, я знаю... говорилъ онъ, улыбаясь, собакѣ, которая лизала ему руки.

И посреди своего страха онъ съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ будетъ чрезъ нѣсколько дней, сидя въ зелени своего тихаго уголка, разсказывать фрейленъ Милькъ объ опасности, которой подвергался. Онъ гладилъ Леди и мысленно уже составлялъ свой разсказъ.

Они прибыли на станцію, гдѣ дорога развѣтвлялась. Здѣсь нельзя было получить экстреннаго поѣзда, потому что одиночные рельсы, которые вели въ университетскій городъ, были не свободны. Путешественникамъ предстояло пробыть здѣсь около часу въ ожиданіи слѣдующаго регулярнаго поѣзда.

Зонненкампъ изъ себя выходилъ отъ этой задержки и на пропалую бранилъ европейцевъ, которые еще не научились пользоваться желѣзными дорогами. А онъ телеграммой далъ сюда знать, чтобъ ему приготовили экстренный поѣздъ! Но это ни къ чему не повело. Маіоръ, напротивъ, стоя на платформѣ, отъ души благодарилъ Зиждителя вселенной за то, что вещи здѣсь не дошли еще до такой крайности, какъ въ Америкѣ. Онъ пошелъ прогуляться, взглянуть на мирныя поля, гдѣ наливались колосья, и тишину и порядокъ которыхъ не могъ нарушить ни свистъ, ни бѣшеный бѣгъ локомотива. Маіоръ въ первый разъ въ этомъ году услышалъ крикъ перепела, который не любитъ виноградниковъ и никогда не селится въ странахъ, гдѣ ихъ разводятъ.

Онъ любовался также жаворонками, которые съ пѣснями взвивались къ небу.

Между тѣмъ передъ станціей готовился поѣздъ. До слуха маіора донеслось прекрасное мужское пѣніе, и ему сказали, что это жители сосѣдней деревни провожаютъ своихъ земляковъ, переселяющихся въ Америку. Многіе изъ путешественниковъ уже сидѣли въ вагонахъ. Около стояли матери въ слезахъ и отцы, которые печально кивали головой. Локомотивъ пыхтѣлъ, но еще не двигался съ мѣста. Значительная часть платформы была занята молодыми людьми, которые пѣли уѣзжающимъ товарищамъ прощальныя пѣсни. Голоса ихъ дрожали отъ сдерживаемыхъ слезъ, но тѣмъ не менѣе дружно сливались.

«Фрейленъ Милькъ интересно будетъ слушать разсказъ объ этомъ», подумалъ маіоръ. Онъ подошелъ къ остающимся и сказалъ имъ нѣсколько утѣшительныхъ словъ, затѣмъ направился къ вагонамъ и убѣждалъ отъѣзжающихъ и въ Америкѣ не забывать своего германскаго отечества.

Одинъ старикъ со слезами на глазахъ воскликнулъ:

— Чего они еще ждутъ? Ѣхали бы поскорѣе!

На него со всѣхъ сторонъ посыпались упреки.

— Не браните его, сказалъ маіоръ: — это свыше силъ его, ему слишкомъ больно.

Старикъ кивнулъ маіору головой, а другіе на него съ удивленіемъ посмотрѣли.

Между тѣмъ пріѣхалъ поѣздъ, съ которымъ слѣдовало отправиться въ университетскій городъ.

— Господинъ маіоръ! Господинъ маіоръ! кричали со всѣхъ сторонъ кондуктора, и наконецъ съ большимъ трудомъ перетащили его на другую сторону желѣзной дороги, къ поѣзду, въ которомъ ему надлежало ѣхать.

Зонненкампъ встрѣтилъ его съ улыбкой, но въ тоже время и съ упрекомъ.

— Почти хочется завидовать вамъ, сказалъ онъ: — вы совершенное дитя. Самое ничтожное событіе въ дорогѣ васъ занимаетъ и какъ ребенка отвлекаетъ отъ пути.

— Да, да, смѣясь отвѣчалъ маіоръ,—къ нему ужъ успѣлъ возвратиться его обычный густой смѣхъ: фрейленъ Милькъ тоже это говоритъ.

Онъ разсказалъ Зонненкампу о трогательномъ прощаньи переселенцевъ съ друзьями и родными, но тотъ слушалъ его разсѣянно. Маіоръ заговорилъ объ усиліяхъ масоновъ положить предѣлы обманамъ, какимъ подвергаются переселенцы въ Новомъ Свѣтѣ. Но Зонненкампъ и на это не отвѣчалъ, тогда маіоръ тоже замолчалъ.

Наконецъ они прибыли въ университетскій городъ. На станціи ихъ никто не встрѣтилъ, Зонненкампъ остался этимъ очень недоволенъ.

Въ домѣ профессорши всѣ сидѣли за завтракомъ. Роландъ пилъ кофе изъ чашки съ именемъ Германа. Эрихъ говорилъ, что черезъ часъ имъ надо пойдти на желѣзную дорогу встрѣчать господина Зонненкампа, который, безъ сомнѣнія, пріѣдетъ съ курьерскимъ поѣздомъ. Никому и въ голову не приходило, чтобъ онъ могъ пріѣхать теперь съ мѣстнымъ поѣздомъ, который не имѣлъ соотвѣтственнаго себѣ поѣзда на западной линіи желѣзныхъ дорогъ. Вдругъ кто-то постучался, дверь отворилась и въ комнату вошелъ маіоръ, а за нимъ Зонненкампъ.

— Вотъ онъ нашъ удалой молодецъ! воскликнулъ маіоръ. Нашъ бѣглецъ!

Такимъ образомъ первая тяжелая минута встрѣчи прошла почти незамѣтно. Роландъ въ смущеніи не могъ двинуться съ мѣста. Эрихъ всталъ и пошелъ Зонненкампу на встрѣчу. За

тѣмъ онъ обернулся къ мальчику и приказалъ ему просить у отца извиненія. Роландъ повиновался.

Профессорша вступилась за него и просила Зонненкампа не наказывать мальчика за его своевольный поступокъ. Отецъ добродушно возразилъ, что смѣлая выходка сына его, напротивъ, радуетъ, такъ-какъ выказываетъ въ немъ мужество, рѣшимость и умѣнье справляться съ самимъ собой. Онъ скорѣе готовъ его за то наградить. Роландъ смотрѣлъ на отца удивленными глазами. Онъ вторично взялъ его руку и не выпускалъ ее изъ своихъ.

Эрихъ попросилъ мать и тетку увести Роланда въ кабинетъ, а самъ остался съ Зонненкампомъ и маіоромъ. Зонненкампъ выразилъ свою радость и благодарность Эриху, который точно колдовствомъ такъ съумѣлъ привязать къ себѣ мальчика, что тотъ не можетъ теперь безъ него жить.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Эрихъ. Не вы, а я долженъ выразить вамъ свое удивленіе.

— Ваше удивленіе?

— Да. Къ сожалѣнію, я очень не искусенъ и почти готовъ завидовать вашей ловкости и умѣнью.

Зонненкампъ въ изумленіи смотрѣлъ на Эриха, а тотъ продолжалъ:

— Вы сдѣлали весьма искусный педагогическій маневръ. Я теперь вижу: вы объявили Роланду, что отвергаете мои услуги, съ цѣлью заставить его дѣйствовать самого. Этимъ самымъ вы его отдали въ мои руки больше, чѣмъ это могло бы вамъ удасться при другихъ обстоятельствахъ.

Зонненкампъ недоумѣвалъ. Что́ думаетъ этотъ человѣкъ? играетъ онъ съ нимъ или хитритъ? Насмѣхается надъ нимъ или старается его тонко провести? Это дипломатическая штука первой руки. Правду говорилъ Пранкенъ, что Эрихъ ловкій проныра, скрывающійся подъ маской искренности и прямодушія. Пусть будетъ такъ. Зонненкампъ по своей привычкѣ неслышно засвисталъ. Онъ не хотѣлъ показать Эриху, что видитъ его насквозь и не отнѣкивался отъ уловки, которую будто бы употребилъ съ Роландомъ.

— Фрейленъ Милькъ правду говоритъ! воскликнулъ маіоръ. Она все видитъ, все понимаетъ... Сколько разъ повторяла она мнѣ: господинъ Эрихъ именно такой человѣкъ, который можетъ вполнѣ понять и оцѣнить господина Зонненкампа. Да, да, ихъ умы также быстро выводятъ заключенія, какъ экстренный поѣздъ стремится къ мѣсту своего назначенія.

Зонненкампъ съ благодарностью улыбнулся, но въ тоже время

ему было немножко стыдно. Удивленіе его усилилось, когда Эрихъ сказалъ:

— Къ сожалѣнію, сама жизнь такъ капризна, что перѣдко пересѣкаетъ наилучше размѣренную логическую линію. Я вижу себя вынужденнымъ отказаться отъ вашего дружескаго предложенія вступить къ вамъ въ домъ.

Зонненкампъ снова тихо засвисталъ. Новая дипломатическая выходка! только онъ не видѣлъ, къ чему все это могло клониться. Противникъ вытѣснилъ врага изъ укрѣпленія. Но Зонненкампъ согласенъ былъ на борьбу и въ открытомъ полѣ.

Эрихъ объяснилъ, что ему обѣщано мѣсто сначала исполняющаго должность, а потомъ и самаго директора при кабинетѣ древностей.

— Отлично! одобрилъ маіоръ: отлично! вы вправѣ не вдругъ соглашаться и, какъ знаменитая пѣвица, предписывать свои условія. Для нея нѣтъ слишкомъ высокой цѣны, ей все можно дать.

Но лице маіора вдругъ омрачилось, когда Эрихъ продолжалъ:

— Вы, съ вашей американской практической точки зрѣнія, конечно, вполнѣ одобрили бы меня, еслибъ я прибѣгнулъ къ отказу на ваше предложеніе, единственно съ цѣлью упрочить за собой побольше выгодъ и тѣмъ самымъ скорѣй достигнуть свободы. Но я вамъ говорю прямо: причина моего отказа вамъ заключается единственно въ благодарности къ покровителю, который предлагаетъ мнѣ мѣсто въ столицѣ.

Зонненкампъ отвѣчалъ очень рѣшительно:

— Я ничуть не намѣренъ своимъ вмѣшательствомъ измѣнять ходъ вашей жизни. Хотя и съ сожалѣніемъ, но все же я принимаю вашъ отказъ.

— Нѣтъ, такъ не годится, вдругъ заговорилъ маіоръ. Онъ отказывается, а вы принимаете его отказъ, — это не дѣло. А объ мальчикѣ всѣ забыли: что станется съ нимъ.

Зонненкампъ и Эрихъ молча смотрѣли на маіора, озадаченные вопросомъ: «что станется съ Роландомъ»?

Эрихъ первый оправился отъ смущенія и обратился къ Зонненкампу съ просьбой отдать ему своего сына на годъ въ столицу. Онъ съ своей стороны сильно привязался къ мальчику и искренно желаетъ посвятить себя его воспитанію. Къ тому же, онъ полагалъ, что общественное образованіе принесло бы Роланду несомнѣнную пользу, и онъ бралъ на себя позаботиться о томъ, чтобы у мальчика всегда были хорошіе товарищи.

Зонненкампъ задумался, сжавъ губы между двумя пальцами.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: объ этомъ и рѣчи быть не можетъ.

У меня духъ захватываетъ при одной мысли, что мальчикъ будетъ не при мнѣ. Пожалуйста, оставимъ это.

Зонненкампъ сказалъ маіору, что желаетъ поговорить съ капитаномъ наединѣ. Тотъ, ни мало не находя страннымъ, что отъ него такъ безцеремонно отдѣлываются, немедленно вышелъ изъ комнаты. Тогда Зонненкампъ сказалъ, потирая себѣ подбородокъ:

— Я вижу, что мнѣ теперь очень трудно поручить воспитаніе Роланда кому-нибудь другому, кромѣ васъ. Наставника, который былъ при немъ эти послѣдніе дни, я уже отправилъ. Но, еще одинъ вопросъ: вы служили волонтеромъ при рабочемъ домѣ?

— Вашъ вопросъ доказываетъ, что вамъ это извѣстно: къ чему же вы спрашиваете?

— И вы все-таки полагаете, что можете быть воспитателемъ Роланда?

— Почему бы и нѣтъ?

— Вы не думаете, что мальчика можетъ возмутить, или по крайней мѣрѣ сильно оскорбить, если онъ случайно узнаетъ, что учитель его нѣкогда занимался надзоромъ надъ преступниками?

— Роландъ узнаетъ это не случайно, а отъ меня самого. У него хватитъ разсудка на то, чтобъ видѣть въ этомъ не униженіе моей личности, а скорѣе, простите за нескромность, — возвышеніе ея. Я добровольно взялъ на себя обязанность поднимать упавшихъ братій и смотрѣлъ на это занятіе, какъ на почетную должность, къ которой, однако, я къ сожалѣнію оказался неспособнымъ. Я твердо убѣжденъ, что всякій человѣкъ, какой бы онъ проступокъ ни совершилъ, можетъ быть снова поднятъ и очищенъ; только въ томъ положеніи, въ какомъ я находился, я рѣшительно не могъ ничего сдѣлать.

Зонненкампъ слушалъ съ закрытыми глазами, одобрительно кивая головой. Онъ хотѣлъ сказать что-нибудь въ похвалу Эриху, но не могъ.

— Я коснулся этого вопроса, произнесъ онъ наконецъ, единственно для того, чтобъ между нами не было никакихъ недомолвокъ. Теперь, я надѣюсь, мы другъ друга поняли. Будьте такъ добры, позовите сюда маіора, а меня проводите къ дамамъ.

Маіоръ пришелъ и, оставшись одинъ съ Эрихомъ, началъ разсказъ объ ужасахъ, какіе онъ испыталъ во время ѣзды на экстренномъ поѣздѣ. Мѣрный стукъ, обыкновенно производимый локомотивомъ, говорилъ онъ, превратился здѣсь въ одинъ нескончаемый гулъ, которому онъ тутъ же сталъ очень искусно подражать. Съ большою точностью описалъ онъ также, какъ они со

свистомъ проносились мимо станцій, какъ мчались мимо горъ, черезъ мосты и насыпи. Эрихъ могъ бы возразить, что эта дорога ему самому очень хорошо извѣстна, такъ какъ онъ ѣхалъ по ней всего нѣсколько дней тому назадъ, но перебить маіора не было никакой возможности. Онъ утверждалъ, что доколѣ въ Европѣ будутъ существовать желѣзныя дороги, никто другой не испытаетъ болѣе такой быстрой ѣзды, потому, объяснилъ онъ, что Зонненкампъ велѣлъ нагрѣть локомотивъ по-американски.

— Теперь, прибавилъ онъ, я вполнѣ понялъ, что̀ за человѣкъ Зонненкампъ. У меня нѣтъ сына, и потому я не знаю, что̀ бы я чувствовалъ.... Но у него вырывались такія жалобы, такіе упреки самому себѣ... на него находили точно припадки бѣшенства, онъ произносилъ такія проклятія, что въ сравненіи съ нимъ нашъ худшій капралъ показался бы кроткой монахиней. Ужъ какихъ только словъ онъ не употреблялъ! Вѣрно правду говоритъ фрейленъ Милькъ, что въ странахъ, гдѣ растетъ хорошій табакъ и водятся змѣи съ попугаями, и у людей въ сердцѣ таятся такіе гады, о какихъ мы и понятія не имѣемъ. А о госпожѣ Церерѣ я и говорить не стану. А знаете-ли кто первый надоумилъ насъ, гдѣ слѣдуетъ искать мальчика? Фрейленъ Милькъ! и знаете-ли что еще она сказала? «Еслибъ я была молодая дѣвушка, говоритъ она, то послѣдовала бы за господиномъ Эрихомъ на край свѣта». Но словамъ этимъ не надо придавать никакого дурного значенія. Она никогда никого, кромѣ меня, не любила, а мы другъ друга знаемъ вотъ ужъ скоро сорокъ девять лѣтъ: это что-нибудь да значитъ. Однако я не кстати разговорился объ этихъ вещахъ: мы еще и послѣ успѣемъ о нихъ потолковать.... Вы правы.... вы разсудительнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Очень умно съ вашей стороны, что вы не вдругъ согласились... Теперь онъ самъ къ вамъ явился, и вы можете предписывать какія хотите условія. Онъ тогда въ бѣшенствѣ кричалъ: милліонъ тому, кто мнѣ возвратитъ сына! Вы въ правѣ требовать этотъ милліонъ: онъ вашъ, я самъ тому свидѣтель.

Эрихъ возразилъ, что онъ съ своей стороны чувствуетъ къ мальчику непреодолимое влеченіе, съ которымъ однако считаетъ своею обязанностью бороться. Онъ выказалъ бы крайнюю неблагодарность въ отношеніи къ своему покровителю, еслибъ отказался отъ столь дружески предложеннаго ему мѣста, о назначеніи его на которое можетъ быть въ эту самую минуту испрашивается разрѣшеніе герцога. Могъ ли онъ сказать министру и герцогу, который и безъ того имѣлъ причины быть имъ недовольнымъ: «Благодарю васъ, я позаботился пріискать себѣ другое мѣсто».

Маіоръ живо забарабанилъ по столу указательнымъ и среднимъ пальцемъ правой руки.

— Да, плохо... плохо дѣло! сказалъ онъ. — Судьба, видно, иногда тоже ѣздитъ съ экстренными поѣздами... Теперь на все есть экстренные поѣзды!

Эрихъ прибавилъ, что онъ еще пожалуй согласился бы прослыть неблагодарнымъ въ глазахъ свѣта и разъ навсегда отклонить отъ себя всякаго рода милости. Но онъ боялся, что ему будетъ не подъ силу зависимость отъ частнаго лица, тогда какъ государственная служба предоставитъ ему гораздо бóльшую свободу.

Маіоръ продолжалъ барабанить по столу и все повторялъ:

— Плохо... да, плохо дѣло!

Голосъ у него сдѣлался точно у вороны, которая, сидя на взрытой бороздѣ, глотаетъ дождевыхъ червей.

ГЛАВА XVI.

НАКОНЕЦЪ МЫ ЕГО НАШЛИ!

Пока маіоръ разговаривалъ съ Эрихомъ, Зонненкампъ сидѣлъ съ профессоршей въ библіотекѣ. Роландъ съ тетушкой помѣщались въ углубленіи окна, гдѣ мальчикъ разсматривалъ большую книгу съ рисунками скульптурныхъ произведеній древней Греціи.

Вдругъ Роландъ поднялъ глаза отъ книги на отца и воскликнулъ:

— Представь себѣ, Эрихъ долженъ продать прекрасную библіотеку своего отца! А между тѣмъ въ ней нѣтъ книги, на страницахъ которой отецъ его не оставилъ бы замѣчаній. И теперь все это перейдетъ въ чужія руки!

— Вы меня очень обяжете, сказалъ Зонненкампъ, обращаясь къ тетушкѣ, если уведете погулять моего сына. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ госпожей Дорнэ наединѣ.

Роландъ съ тетушкой ушли.

Зонненкампъ спросилъ у профессорши, правду ли сказалъ мальчикъ.

Профессорша отвѣчала утвердительно, но въ тоже время прибавила, что теперь опасность миновала, благодаря графу Вольфсгартену, который прислалъ сумму денегъ, необходимую для сохраненія библіотеки. Когда Зонненкампъ услышалъ имя графа и узналъ, какъ велика была присланная имъ сумма, въ немъ произошло что-то странное. Онъ вдругъ сказалъ, что никому не

уступитъ права помогать Эриху деньгами: оно должно принадлежать исключительно ему, Зонненкампу. Въ немъ пробудились добрыя чувства и онъ продолжалъ говорить, что хотя ему и предстоитъ лишиться Эриха, онъ все-таки сочтетъ себя счастливымъ, если ему удастся оказать услугу такому достойному семейству.

Профессорша дрожащимъ голосомъ замѣтила, что сильныя души должны умѣть принимать благодѣянія, но въ ея семействѣ къ этому не привыкли. Вслѣдъ затѣмъ она начала говорить о сынѣ.

— Онъ простодушенъ, какъ дитя, сказала она. Въ немъ нѣтъ и тѣни лжи, и онъ неспособенъ ни на какую интригу. У него твердый, рѣшительный, въ высшей степени честный характеръ. Мнѣ, какъ матери, не слѣдовало бы этого говорить, но я не могу удержаться, чтобъ не пожелать вамъ съ нимъ успѣха. Вы смѣло можете поручить Эриху все, что̀ у васъ есть самаго дорогого въ жизни. И вѣрьте мнѣ, кто любитъ Эриха, тотъ человѣкъ благородный, а кто его не любитъ, у того вовсе нѣтъ сердца.

Зонненкампъ въ волненіи всталъ съ мѣста. Онъ хотѣлъ сказать, какъ счастливъ человѣкъ, который можетъ назвать эту женщину своей матерью, но удержался. Онъ стоялъ передъ жардиньеркой, въ которой цвѣты были съ необыкновеннымъ искусствомъ расположены въ видѣ пирамиды. Это послужило ему предлогомъ начать разговоръ о ботаникѣ, въ которой, по словамъ Эриха, профессорша имѣла большія свѣдѣнія. Зонненкампъ былъ очень радъ найдти въ ней товарища по призванію. Онъ считалъ ботанику своимъ призваніемъ.

Вскорѣ Зонненкампъ очень ловко, но въ тоже время и съ искреннимъ участіемъ заставилъ профессоршу разговориться о ея прошлой жизни. Онъ началъ съ вопроса, не желала ли бы и она тоже когда-нибудь побывать на Рейнѣ. Профессорша отвѣчала утвердительно, прибавивъ, что у ней тамъ есть подруга молодости, съ которой бы ей очень хотѣлось повидаться. Она настоятельница монастыря, построеннаго на островѣ, и стоитъ во главѣ находящагося при немъ учебнаго заведенія для дѣвицъ.

— Вы такіе близкіе друзья съ настоятельницей? спросилъ Зонненкампъ. У него промелькнула въ умѣ догадка, которую онъ далъ себѣ слово не оставлять безъ вниманія. Профессорша между тѣмъ распространялась о томъ, какъ странно судьба устраиваетъ жизнь нѣкоторыхъ людей. Вотъ двѣ женщины, говорила она: одна изъ нихъ сидитъ въ клѣткѣ, другая — въ маленькомъ садикѣ, и онѣ никакъ не могутъ сойтись. Да, чѣмъ дольше человѣкъ живетъ на свѣтѣ, тѣмъ загадочнѣе онъ ему кажется. Зонненкампъ слушалъ ее съ добродушной улыбкой.

При жизни мужа, продолжала профессорша, ей все было такъ ясно. Онъ умѣлъ разрѣшать ея сомнѣнія и всегда представлялъ ей вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Въ душѣ Зонненкампа возникло нѣчто, весьма похожее на уваженіе къ этой женщинѣ. Она заговорила о своей придворной жизни, упомянула о вдовствующей герцогинѣ, и взоръ ея оживился.

— Я имѣла честь и счастье, сказала она, навѣщать благотворительныя заведенія, пользующіяся покровительствомъ ея свѣтлости. Иногда она сама со мной ѣздила, но чаще посылала ихъ осматривать одну. Но главной моей обязанностью было наводить справки о тѣхъ, которые обращались къ герцогинѣ съ просьбой о помощи. Почти всѣ просительныя письма проходили черезъ мои руки, я о нихъ докладывала и на нихъ отвѣчала. То была трудная, часто печальная, но въ высшей степени благородная должность, которая наполняла мое сердце невыразимой отрадой.

Произнося эти слова, профессорша крѣпко сжала руки на груди, какъ бы стараясь сдержать восторгъ, вызванный въ ней такого рода воспоминаніями. По лицу ея разлилось кроткое сіяніе. Зонненкампъ въ волненіи всталъ съ мѣста и сказалъ голосомъ, въ которомъ звучало искреннее чувство:

— Еслибъ я смѣлъ надѣяться, что вы когда-нибудь поселитесь среди насъ, я просилъ бы васъ и намъ оказать ваше содѣйствіе. Я не герцогъ, но не менѣе любой царствующей особы бываю осаждаемъ просительными письмами. Нашъ добрый маіоръ мнѣ иногда помогаетъ ихъ разбирать и наводить по нимъ справки, но ваша помощь въ этомъ случаѣ была бы несравненно драгоцѣннѣе. Не всѣ просьбы могутъ быть удовлетворены, но для бѣднаго человѣка уже и то служитъ утѣшеніемъ, если онъ получитъ на свое письмо ласковый отвѣтъ, — а вы олицетворенная любовь и милосердіе.

На долю Зонненкампа выпалъ счастливый часъ. Онъ ощущалъ внутреннее довольство, къ какому уже болѣе не считалъ себя способнымъ. Передъ нимъ вдругъ открывалась возможность начать новую жизнь, какой онъ давно желалъ и которая должна была загладить все прошлое его.

Зонненкампъ совсѣмъ иначе представлялъ себѣ личность профессорши и ея золовки. Онъ нашелъ въ матери Эриха величественнаго вида женщину съ тонкимъ умомъ и въ высшей степени благороднымъ характеромъ. Ея блѣдное лице отчетливо выдѣлялось на черномъ фонѣ вдовьяго чепца; платье на ней было тоже траурное. Наружность тетушки поражала еще бо̀льшей красотой. Зонненкампъ повелъ рукой по воздуху, какъ будто хотѣлъ схватить обѣихъ женщинъ, упаковать ихъ и отправить къ себѣ на

виллу. Онъ мысленно видѣлъ ихъ въ своемъ богатомъ домѣ, какъ онѣ служатъ украшеніемъ его комнатъ и въ свою очередь заимствуютъ отъ окружающей ихъ роскоши новый блескъ. А по вечерамъ сама собой могла бы устраиваться партія виста! Зонненкампъ едва удержался, чтобъ тутъ же не выдать себя вопросомъ, умѣютъ ли онѣ играть въ вистъ.

Роландъ, который по желанію отца было-ушелъ съ тетушкой изъ комнаты, теперь вернулся въ сопровожденіи Эриха и маіора. Онъ держалъ въ рукахъ пакетъ съ печатью министерства народнаго просвѣщенія.

— Пожалуйста, тетушка, сказалъ онъ: не мѣшайте мнѣ высказаться!

Всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на мальчика, который продолжалъ, обращаясь къ Эриху:

— Мнѣ тетушка сказала, что въ этой бумагѣ заключается твое назначеніе къ должности. Тебя дѣлаютъ директоромъ кабинета, въ которомъ хранятся древнія статуи изъ мрамора и металла. Эрихъ, я не изъ мрамора и не изъ металла... тебя тамъ статуи не будутъ грѣть, а мнѣ, если ты меня покинешь, вѣчно будетъ холодно. Эрихъ, не дѣлай этого какъ ради самого себя, такъ и ради меня. Останься со мной и я никогда съ тобой не разстанусь. Прошу тебя, Эрихъ, не оставляй меня, я не изъ гипса и не изъ мрамора... не оставляй меня!

Всѣ были до глубины души растроганы, а маіоръ прошепталъ:

— Мальчикъ пересталъ быть ребенкомъ. Что̀ съ нимъ? Онъ говоритъ, какъ будто на него снизошелъ святой Духъ.

Эрихъ подошелъ къ Роланду и крѣпко его обнялъ.

— Роландъ! сказалъ онъ: такъ какъ мы теперь другъ друга держимъ, такъ и останемся на всю жизнь. Мы постараемся, чтобъ изъ насъ вышло что̀-нибудь хорошее,—вотъ тебѣ моя рука!

О пакетѣ всѣ забыли. Профессорша первая о немъ вспомнила и спросила, можетъ ли она его открыть. Быстро пробѣжавъ глазами заключавшуюся въ немъ бумагу, она воскликнула:

— Слава Богу, Эрихъ, тебѣ не предстоитъ быть неблагодарнымъ!

Въ письмѣ выражались сожалѣнія, по случаю того, что предложенное Эриху мѣсто было уже отдано одному молодому человѣку знатнаго происхожденія, который оказался неспособнымъ къ дипломатической карьерѣ.

Зонненкампъ попросилъ, чтобъ ему отдали бумагу. Она можетъ, сказалъ онъ, служить документомъ противъ враговъ Эриха, которые, безъ сомнѣнія, были причиной этого отказа. Затѣмъ

онъ выразилъ желаніе, чтобъ профессорша и тетушка немедленно переселились на виллу Эдемъ. Но Эрихъ рѣшительно этому воспротивился. Онѣ не должны были трогаться съ мѣста до осени. Онъ хотѣлъ сначала одинъ пожить съ Роландомъ и вполнѣ усвоить себѣ нравы и обычаи дома, въ который вступалъ.

Но никто не былъ такъ доволенъ этой счастливой развязкой, какъ маіоръ. Было рѣшено сегодня же вернуться на виллу. Маіоръ предложилъ услуги фрейленъ Милькъ и свои на то время, когда профессорша и тетушка будутъ переѣзжать. Безъ фрейленъ Милькъ не обходилось ни одно дѣло.

Затѣмъ онъ отлучился на часокъ времени, говоря, что долженъ навѣстить друзей, съ которыми впрочемъ еще не былъ лично знакомъ.

По уходѣ его, Зонненкампъ снисходительно замѣтилъ, что маіоръ, безъ сомнѣнія, отправился къ братьямъ-масонамъ. Эрихъ тоже выразилъ желаніе пойти проститься съ однимъ другомъ и ушелъ къ профессору Эйнзиделю.

Профессоръ всегда былъ расположенъ платить лаской за дружеское къ нему вниманіе. Но въ тоже время онъ неизмѣнно досадовалъ на всякаго, кто забывалъ часъ, который онъ посвящалъ серьезному труду. Онъ даже въ этихъ случаяхъ умѣлъ сердиться, при чемъ гнѣвъ его выражался слѣдующимъ образомъ:

— Но, любезный другъ, говорилъ онъ, какъ могли вы это забыть? Вѣдь вы знаете, что я въ два часа всегда читаю и не могу ни съ кѣмъ говорить. Нѣтъ, ужъ я васъ прошу... очень... очень прошу, замѣтьте, въ какое время я читаю!

И слова эти обыкновенно сопровождались крѣпкимъ пожатіемъ руки. Эрихъ на этотъ разъ въ отвѣтъ на его увѣщаніе, сказалъ, что ему теперь безполезно помнить часъ чтенія профессора: онъ уѣзжаетъ и врядъ ли ему удастся опять его скоро навѣстить. Профессоръ освѣдомился, въ которомъ часу отходитъ поѣздъ. Онъ сказалъ, хотя и не обѣщался навѣрное, что можетъ быть еще придетъ съ нимъ проститься. Эрихъ направился къ выходу, профессоръ проводилъ его до дверей, извиняясь, что не сопровождаетъ его далѣе внизъ по лѣстницѣ. Стоя на порогѣ, онъ снялъ свою черную шапочку и со словами: — «Я васъ очень... очень прошу..... я читаю въ два часа», вернулся въ кабинетъ. Эрихъ былъ увѣренъ, что еще увидитъ профессора передъ отъѣздомъ.

Жители университетскаго городка съ любопытствомъ смотрѣли на маленькое общество, когда оно шло на желѣзную дорогу. Зонненкампъ велъ подъ руку профессоршу, маіоръ тетушку, а Эрихъ держалъ за руку Роланда. На станціи имъ надо было ожидать прихода поѣзда. Вдругъ явился профессоръ Эйнзидель,

который на этотъ разъ рѣшился нарушить порядокъ своего дня. Эрихъ представилъ его Зонненкампу и маіору. Зонненкампъ не нашелся, что ему сказать, да и маіоръ, не смотря на свою обычную привѣтливость, рѣшительно не зналъ о чемъ ему заговорить съ этимъ маленькимъ, тщедушнымъ созданьемъ, котораго Эрихъ назвалъ своимъ учителемъ. Но за то Роландъ съ жаромъ схватилъ его за руку и сказалъ:

— Знаете ли, какъ вы мнѣ приходитесь? Дѣдушкой - наставникомъ. Эрихъ мой учитель, а вы были его учителемъ. Если вамъ, дѣдушка, когда-нибудь захочется имѣть собаку, напишите мнѣ: я вамъ пришлю отличную.

Профессоръ Эйнзидель сказалъ Эриху нѣсколько греческихъ словъ, въ которыхъ Платонъ выражаетъ свой восторгъ при видѣ прекраснаго юноши. Потомъ онъ потрепалъ мальчика по плечу, поблагодарилъ его за собаку и сказалъ, что не любитъ толпы и суматохи и потому теперь же съ ними со всѣми простится. Отведя Эриха въ сторону, онъ произнесъ съ легкой дрожью въ голосѣ:

— Вы достаточно вооружены и непремѣнно должны жениться. Вспомните слова апостола Павла: кто любитъ свѣтъ, тому слѣдуетъ жениться.

Затѣмъ онъ взялъ съ Эриха слово, что тотъ ему скоро напишетъ и пожалъ молодому человѣку руку. Роландъ подалъ ему также свою.

Эрихъ еще долго смотрѣлъ вслѣдъ профессору, котораго по истинѣ можно было назвать ходячимъ храмомъ науки. А добрый старикъ, уходя, потиралъ свою маленькую, почти дѣтскую руку, которую Роландъ слишкомъ крѣпко сжалъ.

Между тѣмъ пріѣхалъ поѣздъ. Роландъ нѣжно обнялъ тетушку и профессоршу, а Зонненкампъ поцѣловалъ послѣдней руку. На прощаньи мать шепнула Эриху:

— Ты меня покидаешь, но я спокойна, зная, что ты всегда останешься вѣренъ самому себѣ. Поѣзжай и храни меня въ твоемъ сердцѣ, какъ я храню тебя въ своемъ, и да будетъ намъ обоимъ благо.

Въ вагонѣ маіоръ наклонился къ Эриху и сказалъ ему на ухо:

— Я что-то узналъ о вашемъ отцѣ.

— Что такое?

— Это хорошая вѣсть, какъ для васъ, такъ и для меня. Вашъ покойный отецъ тоже былъ членомъ нашего братскаго союза. Это даетъ вамъ право пользоваться моими услугами, и на меня возлагаетъ обязанность быть вашимъ помощникомъ во всѣхъ вашихъ дѣлахъ. Но со своей стороны объ одномъ прошу васъ: никогда меня не благодарите. Мы не должны другъ друга благодарить.

На слѣдующей станціи маіоръ отвелъ Эриха въ сторону и спросилъ его, условился ли онъ съ Зонненкампомъ на счетъ платы и выговорилъ ли себѣ пенсіонъ по окончаніи воспитанія мальчика, или вознагражденіе въ случаѣ своей преждевременной отставки отъ должности. Но Эрихъ отнесся къ этому весьма легко. Тогда маіоръ намекнулъ ему, что уполномоченъ дать согласіе на всѣ условія, какія бы онъ, Эрихъ, вздумалъ предписать.

Онъ совѣтовалъ молодому человѣку ковать желѣзо, пока оно горячо, но тотъ оставался одинаково равнодушнымъ и къ совѣтамъ, и къ намекамъ. Маіоръ наконецъ оставилъ его въ покоѣ и только съ улыбкой подумалъ:

— Фрейленъ Милькъ постоянно упрекаетъ меня въ непрактичности. Но вотъ человѣкъ ученый, который успѣетъ семь разъ встать и повернуться, пока я едва разъ пошевельнусь, — и что̀ же: онъ гораздо менѣе меня практиченъ!

Маіоръ былъ почти радъ, что Эрихъ оказался такимъ непрактичнымъ: онъ могъ это разсказать фрейленъ Милькъ.

На дорогѣ Зонненкампъ выкупилъ кольцо, заложенное Роландомъ.

— Отдай кольцо твоему отцу, сказалъ Эрихъ: я не хочу, чтобъ ты его носилъ.

Роландъ немедленно повиновался, а маіоръ проворчалъ:

— Нечего сказать: ловко онъ его окрутилъ!

Было уже темно, когда они проѣзжали мимо домика, обвитаго виноградомъ. Роландъ, ни слова не говоря, но съ сіяющимъ лицемъ указалъ на него Эриху. Когда они въѣзжали въ ворота виллы Эдемъ, ихъ такъ и обдало тонкимъ запахомъ розъ. Въ саду Зонненкампа распустились всѣ до одной розы.

— Наконецъ-то мы нашли его! воскликнулъ архитекторъ маіору, выходившему изъ кареты.

— Кого?

— Источникъ близъ замка.

— А мы тоже нашли кого-то, сказалъ маіоръ, указывая на Эриха.

Съ этого времени маіоръ бо̀льшую часть своихъ разсказовъ всегда начиналъ словами: — «Когда я съ господиномъ Зонненкампомъ мчался на экстренномъ поѣздѣ.....»

Б. Ауербахъ.

(*Окончаніе второй части.*)

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ
ЮБИЛЕИ
БОННСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Кому не случалось жить жизнію и интересами небольшого германскаго университетскаго города, какъ, напр., Боннъ, тотъ наврядъ ли въ состояніи представить себѣ, сколько университетскій юбилей *) можетъ волновать жителей его. Въ этомъ участіи, кажущемся, при поверхностномъ взглядѣ, довольно мелкимъ, скрывается, однако, болѣе глубокій смыслъ. Люди, привыкшіе къ торжествамъ оффиціальнымъ, почти съ сожалѣніемъ смотрѣли бы на рвеніе, заботы, даже суматоху, вызванныя подобнымъ событіемъ, предполагая, что все это дѣлается изъ усердія къ службѣ, которое все превозмогаетъ. Но подобный взглядъ, вѣрный относительно многихъ другихъ странъ Европы, оказывается несостоятельнымъ въ примѣненіи къ Германіи, по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ слоевъ общества, о которыхъ мы ведемъ рѣчь. Въ настоящемъ случаѣ, главнымъ рычагомъ, возбужденной суетливости Бонна была забота — достойнымъ образомъ проявить то участіе къ нравственному оплоту, спасшему окончательно берега Рейна отъ чести составлять французскую сатрапію; къ разсаднику науки, распространившему образованіе въ странѣ предразсудковъ и невѣжества, спутниковъ католицизма, и вызвавшему, путемъ развитія умственнаго, тѣ матеріальныя богатства, о существованіи которыхъ прежнія поколѣнія провинціи даже и не подозрѣвали; наконецъ къ учрежденію, въ стѣ-

---

*) Боннскій университетъ основанъ единовременно съ Петербургскимъ, и потому почти вмѣстѣ празднуютъ свой пятидесятилѣтній юбилей: Боннъ отпраздновалъ въ концѣ прошедшаго года; петербургскому предстоитъ тоже самое въ февралѣ нынѣшняго года. — *Ред.*

нахъ котораго дѣйствовали и дѣйствуютъ многіе подвижники науки, имена которыхъ не умрутъ въ потомствѣ, пока не исчезнетъ въ родѣ человѣческомъ уваженіе къ изслѣдованію истины [1]).

---

[1]) Вотъ такія имена нѣкоторыхъ бывшихъ и настоящихъ профессоровъ боннскаго университета, по факультетамъ, которымъ они принадлежали:

Филологи: Авг. Вильг. *Шлегель* — критикъ, поэтъ, историкъ литературы, санскритологъ; *Лассенъ* — вначалѣ своей дѣятельности сотрудникъ *Бюрнуфа*, основатель индійской археологіи, неутомимый изслѣдователь индійской и древне-персидской литературы, одинъ изъ первыхъ толкователей клинообразныхъ письменъ; *Дицъ* (Diez)— основатель романской филологіи, котораго сравнительная грамматика языковъ романскихъ и этимологическій словарь ихъ считается на югѣ и западѣ Европы однимъ изъ самыхъ капитальныхъ произведеній по этой отрасли филологіи; *Симрокъ* — поэтъ и германистъ, заслуги котораго на поприщѣ древне-германской литературы не имѣютъ соперника; *Ричль* (Ritschl)—одинъ изъ первыхъ классическихъ филологовъ современной Германіи, археологъ и творецъ исторической грамматики латинскаго языка, составленной на основаніи разработанныхъ имъ надписей на сохранившихся римскихъ памятникахъ. Отто *Янъ* (Jahn)—одинъ изъ самыхъ многосторонне-образованныхъ филологовъ, археологъ, эстетикъ, экзегетикъ и критикъ, не только по части литературы, но и музыки; *Деліусъ* — кромѣ своихъ сравнительно-филологическихъ трудовъ, извѣстенъ въ особенности какъ критикъ и толкователь Шекспира; даже англичане признаютъ за нимъ превосходство и неоспоримое первенство передъ всѣми англійскими комментаторами и возстановителями первоначальнаго текста великаго драматурга.

Историки: *Нибуръ, Лёбель, Дальманъ, Зибель.* По части исторіи искусства и исторіи культуры Боннъ можетъ указать на *Кинкеля* и *Шпрингера.*

Юристы: *Макельдей*—одинъ изъ первыхъ, въ первой четверти настоящаго столѣтія, романистовъ, положившихъ основаніе строго-научной разработкѣ теоріи римскаго права; *Миттермейеръ* — какъ реформаторъ судопроизводства и тюремной системы, цивилистъ и криминалистъ; *Вальтеръ*—какъ историкъ римскаго и германскаго права и канонистъ, былъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ профессоровъ; *Велькеръ.* — публицистъ, немало способствовавшій, своими сочиненіями по государственному праву и практическою дѣятельностію, развитію конституціонныхъ идей въ Германіи; *Геффтеръ* — криминалистъ и публицистъ; *Бёкингъ* — романистъ, извѣстный своими критическими изданіями и объясненіями юридическихъ классиковъ; *Бетманъ-Гольвегъ*—впослѣдствіи (въ 1848 г.) министръ народнаго просвѣщенія, занимаетъ видное мѣсто между писателями по части гражданскаго судопроизводства.

Медицинскій факультетъ не достигъ въ боннскомъ университетѣ того значенія, какимъ пользуются по этой спеціальности Берлинъ, Вюрцбургъ, Вѣна, но и на немъ были ученые, пользовавшіеся, въ свое время, обширною репутаціей, такъ: *Насе*— по части внутреннихъ и душевныхъ болѣзней; *Филиппъ фонъ-Вальтеръ, Вутцеръ, Отто Веберъ* — извѣстные хирурги; *Киліанъ* — акушеръ; *Іоганнесъ Мюллеръ*, въ теченіе почти четверти столѣтія первый физіологъ, основатель физико-химической школы въ этой отрасли естествовѣдѣнія, патологическій и сравнительный анатомъ; *Гельмгольцъ* — упоминать о заслугахъ котораго считаемъ излишнимъ для современнаго читателя.

По части *естественныхъ наукъ* достаточно назвать: *Неесъ-фонъ-Эзенбска* — занимавшаго одно изъ первыхъ мѣстъ между нѣмецкими ботаниками. Не только описательная часть этой науки обязана ему многимъ, но въ особенности философская, такъ что теперешнее направленіе ея было вызвано имъ къ жизни. Позднѣйшій его преемникъ по каѳедрѣ, *Шахтъ*, такъ рано похищенный у науки, былъ однимъ изъ

Основанный 18 октября 1818 года, учредительною граматою Фридриха-Вильгельма III во время ахенскаго конгресса, боннскій университетъ, *по закону*, долженъ бы праздновать свой полувѣковой юбилей въ годовщину подписанія ея, но это оказалось несовсѣмъ удобнымъ, такъ какъ 18-е октября приходится во время осеннихъ университетскихъ каникулъ, когда большинство университетскаго состава въ разбродѣ. Поэтому положено было перемѣнить день на 3-е августа, годовщину рожденія короля—основателя университета.

Заблаговременно приглашены были участвовать въ празднествѣ члены королевской фамиліи, всѣ нѣмецкіе университеты, представители прессы, само собою разумѣется, всѣ бывшіе слушатели университета, равно какъ и такъ-называемые любители и ревнители просвѣщенія. По закону раздѣленія труда, учреждены были, изъ профессоровъ и студентовъ, разныя спеціальныя коммиссіи: квартирная, на обязанности которой лежала забота пріисканія пріюта для почетныхъ гостей; строительная — для устройства помѣщенія, въ которомъ возможно было бы собраться нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ; билетная — для принятія участниковъ; затѣмъ еще три коммиссіи — для устройства торжественнаго шествія, коммерша, прогулки по Рейну. Едва ли не болѣе всего заботъ было первой коммиссіи, такъ какъ въ каждомъ почти домѣ число жителей, во время первыхъ дней августа, удвоилось, и многіе домохозяева, уступивъ свой кровъ приглашеннымъ, провели ночь 3 августа à la belle étoile. Дирекція желѣзной дороги изъявила готовность отправлять, во всякое время, по требованію ректора, даровые экстренные поѣзды; общество пароходства предоставило въ распоряженіе его нѣсколько пароходовъ, тоже безвозмездно; жители прибрежныхъ деревень и горъ вызвались иллюминовать берега и горы Рейна, само собою разумѣется, безъ вознагражденія.

Уже перваго августа можно было замѣтить, что городъ принимаетъ праздничный видъ. Отдѣльныхъ домовъ его нельзя было отличить изъза колоссальныхъ флаговъ, спускавшихся съ оконъ верхнихъ этажей почти на самую улицу; гирлянды, перекинутыя изъ дома въ домъ, свѣшивались разнообразными узорами, надъ головами прохожихъ. Но подобныя украшенія улицъ встрѣчаются на Рейнѣ и при другихъ празднествахъ, поэтому выйдемъ на площадь, на Markt, мѣсто, на которомъ, въ университетскихъ городахъ Германіи, всегда рѣзче всего отражается академическій колоритъ. Здѣсь, посрединѣ, возвышается скромный обелискъ въ видѣ четырехъугольной пирамиды, воздвигнутый

лучшихъ гистологовъ Германіи, основавшихъ на исторіи развитія новую отрасль изслѣдованія; астрономъ *Аргеландеръ*, пользующійся европейской извѣстностью; имена физика *Плюкера*, зоолога *Трошеля*, минералога *Нёггерата*, химиковъ: *Ландольта*, *Мора*, *Кекуле*, извѣстны каждому спеціалисту.

гражданами Бонна въ концѣ прошедшаго столѣтія предпослѣднему курфюрсту Кёльна, за какія-то невѣдомыя міру благодѣянія. Этимъ стереометрическимъ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ очень удачно воспользовались юные члены-распорядители торжества для своихъ цѣлей, неимѣвшихъ, конечно, ничего общаго съ нѣжными чувствами соорудителей памятника. Вокругъ обелиска видимъ восемь медвѣдей въ натуральную величину, привязанныхъ на толстыхъ веревкахъ. Человѣкъ, знакомый съ студентской нѣмецкой терминологіей не долго задумается насчетъ значенія этой зоологической символики: Jemanden einen Bär anbinden [1] — выраженіе, извѣстное въ университетскихъ городахъ каждому уличному мальчишкѣ, но еще больше — сословію ремесленному и торговому. Вѣроятно, вѣковой опытъ оправдываетъ справедливость студентскаго выраженія, представленнаго здѣсь въ лицахъ, или правильнѣе въ звѣряхъ. Занять, сдѣлать долгъ — иногда также трудно, какъ связать медвѣдя. Нѣсколькими футами выше медвѣдей, видимъ четырехъ пуделей, объяснять значеніе которыхъ считаемъ излишнимъ даже русскимъ читателямъ. Понятно, что эти животныя олицетворяютъ университетскихъ педелей. Еще выше красуются лисицы [2]) и верблюды [3]), или правильнѣе головы этихъ животныхъ на человѣческихъ туловищахъ, облаченныхъ въ костюмъ современный, окруженные книгами, тетрадями, перьями, разными приборами, надъ которыми развѣшаны цвѣта и вензеля существующихъ въ Боннѣ корпорацій, на особенныхъ щитахъ, соединенныхъ вѣнками. На самомъ верху обелиска виднѣются академическіе доспѣхи иного рода: бутылки, рюмки, пивныя кружки и т. п. Надъ ними возвышается, съ выгнутою къ верху дугою спиною громадный котъ [4]), и подъ нимъ старается проползти маленькій котенокъ. Двѣ огромныя селедки, прикрѣпленныя возлѣ, предназначены нейтрализировать дѣйствіе четвероногаго сосѣда. Вокругъ этого символическаго изображенія разгульной стороны академической жизни толпилось постоянно множество народу, который однако не допытывался объясненій, такъ какъ большая часть звѣрей были портреты извѣстныхъ ему лицъ, конечно сходные съ оригиналами настолько, насколько можно передать сходство человѣческаго лица въ звѣриномъ образѣ. Въ особенности поразительно было сходство пуделей съ ихъ оригиналами.

Одновременно съ началомъ движенія внутри города, оно замѣтно было и на периферіи его. На пристани каждый изъ четырнадцати пристающихъ пароходовъ, каждый изъ двадцати пассажирскихъ поѣз-

---

[1]) Задолжать кому-нибудь; добыть деньги въ долгъ.

[2]) *Fuchs*, лисица — названіе молодыхъ студентовъ первыхъ семестровъ.

[3]) *Kameele*, верблюды — студенты-зубрилы.

[4]) *Kater*, котъ — то крайне непріятное состояніе, въ которомъ находится человѣкъ на другой день послѣ кутежа. Этого же происхожденія и Katzenjammer.

довъ, проходящихъ ежедневно черезъ Боннъ, выгружалъ цѣлыя толпы посѣтителей. Люди, невидавшіеся десятки лѣтъ, раздѣленные океаномъ (много было пріѣзжихъ изъ Америки, въ особенности сѣверной), встрѣчались опять на почвѣ, гдѣ они провели лучшіе дни своей жизни, въ стѣнахъ города, университету котораго были обязаны своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Вполнѣ равнодушныхъ зрителей этихъ встрѣчъ было немного.

Первымъ оффиціальнымъ проявленіемъ готовящагося празднества былъ актъ благодарности и уваженія Нестору боннскихъ профессоровъ, Фридриху *Велькеру* (брату публициста), 49 лѣтъ неутомимо и блистательно служившему наукѣ въ стѣнахъ прирейнскаго университета, въ который онъ былъ приглашенъ изъ Гиссена, гдѣ онъ состоялъ уже ординарнымъ профессоромъ 9 лѣтъ.

Хотя *Велькеръ* съ 1859 г. не читаетъ лекцій, продолжая только кабинетныя работы, но къ нему была отправлена депутація съ поздравительнымъ и благодарственнымъ адрессомъ отъ университета. Пользуясь дружбой Вильгельма фонъ-Гумбольдта и Торвальдсена, во время своего пребыванія въ Римѣ, Велькеръ уже въ ранней молодости имѣлъ превосходный случай, на классической почвѣ Италіи, запастись тѣми свѣдѣніями, которыя, послѣ возвращенія на родину, дали направленіе его дѣятельности. Какъ археолога, историка классической литературы, толкователя ея произведеній, эстетика и ученаго, впервые разработавшаго греческую миѳологію на строгихъ началахъ критики, Велькера можно считать основателемъ той филологической школы въ обширномъ значеніи слова, которою гордится боннскій университетъ какъ своею спеціальностью. Поэтому нельзя сказать, чтобы честь, оказанная Велькеру, была незаслуженною или преувеличенною. Кто, послѣ полувѣковой благотворной академической дѣятельности, кромѣ множества монографій, на восьмидесятомъ году своей труженической жизни издаетъ еще трудъ, подобный его «Alten Denkmäler» (въ пяти томахъ), объясняющій древніе памятники изъ преданій Саги, поэтическихъ произведеній, такъ много способствующій художественному ихъ уразумѣнію; кто, въ этихъ преклонныхъ лѣтахъ, подарилъ наукѣ такую исторію религіозныхъ воззрѣній грековъ (Griechische Götterlehre, три тома) какъ Велькеръ, тотъ вполнѣ заслужилъ честь, чтобы празднество, подобное описываемому, началось съ заявленія ему признательности двухъ, или вѣрнѣе трехъ поколѣній, имъ воспитанныхъ.

Этого-же дня, 1-го августа вечеромъ, приступлено было и къ бражнической дѣятельности, которой, какъ и слѣдовало предвидѣть, суждено было играть немаловажную роль въ теченіи трехъ послѣдующихъ дней. Мы говоримъ объ общемъ коммершѣ корпорацій. Первоначально предполагалось устроить его въ театрѣ, но такъ какъ онъ оказался слишкомъ малымъ (можетъ вмѣстить около 600 человѣкъ), то рѣшено было

воспользоваться для этой цѣли манежемъ гусарскаго полка, прилично украшеннымъ корпоративными знаменами, гербами, цвѣтами, щитами съ именами университетовъ и годовъ ихъ основанія, и т. п. Приспособленный ad hoc, манежъ принялъ въ стѣны свои ратниковъ иного закала. Всѣ пріѣзжіе гости, прежніе студенты, собрались предварительно въ одинъ изъ большихъ отелей на берегу Рейна (Клея), гдѣ разсортировавшись по корпораціямъ, которымъ они нѣкогда принадлежали (между ними оказалось одиннадцать человѣкъ изъ перваго семестра 1818 г.), торжественнымъ шествіемъ отправились къ манежу, гдѣ имъ предстояло «тряхнуть стариною». Festzug'и (торжественныя шествія) нѣмецкихъ студентовъ извѣстны каждому, жившему нѣкоторое время въ германскихъ университетскихъ городахъ. Отъ нихъ вѣетъ средними вѣками. Отъ Festzug'а, котораго Боннъ былъ свидѣтелемъ, вѣяло, если можно такъ выразиться, древностью. Невыразимо-оригинально было это шествіе! Cerevis-Mützen [1]), которыя можетъ быть нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ кокетливо украшали кудри юношей, покрывали теперь сѣдыя пряди волосъ старцевъ; попарно, подъ руку, слѣдовали они за своими *Seniores*, ѣхавшими въ экипажахъ, которыхъ прислуга одѣта была разнообразно, смотря по корпораціямъ, въ разноцвѣтную ливрею. Даже *Fuchs-Major* (начальникъ надъ фуксами) былъ въ цугѣ съ необходимымъ своимъ аттрибутомъ, лисичьей шкурой, хвостъ которой развѣвался сзади экипажа, везшаго этого важнаго сановника. Подъ звуки музыки, игравшей студентскія аріи, шествіе, длинной вереницей, направилось по главнымъ улицамъ города, вездѣ встрѣчаемое радостными кликами, привѣтствіями, маханіемъ платковъ съ оконъ и балконовъ, закидываемое сотнями вѣнковъ и букетовъ, къ цѣли своей — къ манежу.

Завидно было смотрѣть на эту древнюю молодежь, сохранившую, подъ сѣдинами и морщинами, столько юношескаго пыла и свѣжести чувствъ. Что увлеченіе это не было искусственное, объ этомъ не могло быть и рѣчи; каждый очевидецъ долженъ былъ сознаться, что оно было искреннее. Что оно не было радостью людей неразвитыхъ, въ этомъ, кромѣ характера праздника, ручались общественное положеніе и имена лицъ, ей предававшихся, изъ которыхъ весьма многіе занимаютъ почетное мѣсто въ наукѣ, администраціи, церковной іерархіи, войскѣ.... Кромѣ характера народнаго и природы, явленіе это можетъ быть объяснено только складомъ нѣмецкой жизни, неизнашивающей человѣка такъ скоро и безпощадно, какъ подъ иными градусами географической широты и долготы; этимъ только и объясняется

---

[1]) Cerevis-Mützen или Cerevis-Deckel — небольшія, величиною и формою въ опрокинутое блюдечко, шапочки, разноцвѣтныя, смотря по корпораціямъ, вышитыя золотомъ или серебромъ, накидываемыя студентами на макушку.

явленіе, непонятное для насъ, жителей суроваго сѣвера, что мы здѣсь встрѣчаемъ зачастую въ людяхъ пожилыхъ больше наивности и простоты, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ въ юношѣ.

Доведя это шествіе до воротъ манежа, мы не пригласимъ читателя слѣдовать туда за нами. Чтó въ немъ не раздавались пронзительныя командныя слова прусскихъ ротмистровъ, что наѣздническіе подвиги корнетовъ не имѣли мѣста въ этомъ зданіи пока длился коммершъ—въ этомъ нѣтъ надобности увѣрять никого. Бывшіе питомцы боннскаго университета просто «упились во славу прежнихъ дней», какъ выражался Н. М. Языковъ. Естественно также, что пиръ сопровождался всею обрядностью нѣмецкихъ студентскихъ пирушекъ: музыкой, пѣснями, рѣчами, тóстами; что на слова предсѣдательствующихъ: Silentium! не обращалось ни малѣйшаго вниманія; что къ разсвѣту теперешніе студенты (на которыхъ возложенъ былъ на эту ночь, но только на эту, обѣтъ воздержанія) разводили многихъ изъ своихъ Alten Herren — такъ называютъ, на академическомъ языкѣ, бывшихъ студентовъ — по домамъ, и что утромъ 2-го августа Боннъ представлялъ странное зрѣлище: праздничное убранство домовъ и пустыя улицы!

Эпидемія Ноева грѣха съ такой силою дѣйствовала въ рядахъ пріѣзжихъ, что только очень немногіе изъ нихъ могли явиться къ назначенному программой богослуженію, не смотря на то, что въ католическомъ соборѣ священнодѣйствовалъ архіепископъ кельнскій. Насладиться прекрасными проповѣдями успѣли тоже немногіе; ихъ большинство не проснулось ни отъ звона колоколовъ, ни отъ грома городскихъ пушекъ.

Къ 11-ти часамъ назначенъ былъ пріемъ депутацій. Въ актовой залѣ, *Зибель*, въ богатой ректорской мантіи, окруженный членами всѣхъ факультетовъ, въ ихъ разноцвѣтныхъ средневѣковыхъ плащахъ, открылъ собраніе привѣтственною рѣчью, въ которой указалъ на значеніе и роль боннскаго университета. Первый затѣмъ говорилъ министръ народнаго просвѣщенія, а за нимъ выборные отъ университетовъ, разныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, духовенства, администраціи, гражданской и военной прирейнскихъ городовъ, и проч. и проч. Почти всѣ передавали адресы, многіе присовокупляли пожертвованія [1]). Не смотря на то, что представители 30-ти университетовъ, вмѣсто отдѣльныхъ рѣчей, какъ они прежде намѣревались, ограничились одною, порученною ими съобща *Виндшейдту* (изъ Мюнхена),

---

[1]) Всѣхъ *денежныхъ* пожертвованій университетъ получилъ около 57,000 талеровъ, несчитая приношеній библіотеками, статуями и т. п. Изъ нихъ 50,000 талеровъ образуютъ капиталъ, изъ процентовъ котораго выдаются неимущимъ студентамъ стипендіи по 100 талеровъ въ семестръ; остальные употреблены на усиленіе средствъ библіотеки и археологическаго музея.

эта утомительная своимъ однообразіемъ церемонія длилась болѣе трехъ часовъ. За каждою рѣчью слѣдовалъ, само собою разумѣется, отвѣтъ ректора. Хотя наканунѣ вечеромъ всѣ депутаты имѣли случай предварительно сообщить послѣднему главное содержаніе своихъ рѣчей, нельзя было не удивляться находчивости и разнообразію отвѣтовъ Зибеля, сказанныхъ всегда кстати. Эта пытка кончилась прочтеніемъ поздравительной телеграммы пизанскаго университета.

Гораздо интереснѣе, безъ малѣйшаго слѣда чопорности, отличавшей предшествовавшій актъ, былъ обѣдъ участниковъ въ Годесбергѣ, любимомъ загородномъ гуляньи жителей Бонна, верстахъ въ 4-хъ отъ города, или правильнѣе въ нѣсколькихъ минутахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. Тутъ можно было видѣть, въ довольно полномъ сборѣ, живую галлерею германскихъ знаменитостей по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Расположеніе столовъ подъ открытымъ небомъ, или вѣрнѣе, подъ тѣнистыми сводами аллей, облегчало значительно поверхностное знакомство съ ними. Какъ и слѣдовало въ ученой «республикѣ», здѣсь господствовало полное равенство, придавшее собранію характеръ семейный, задушевный. Подъ вечеръ всѣ спѣшили въ городъ, готовившій гостямъ своимъ пріемъ, осуществимый только въ мѣстности такъ счастливо одаренной природой какъ Боннъ. Не смотря на то, что поѣзды постоянно увозили множество изъ присутствующихъ, оказалось еще значительное количество запоздавшихъ. Отправлена была телеграмма въ Боннъ съ требованіемъ прибытія экстреннаго поѣзда. Едва полученъ былъ отвѣтъ, что онъ прибудетъ, какъ на станціи Годесберга остановился товарный поѣздъ, шедшій въ Боннъ. Кому-то изъ присутствовавшихъ вздумалось впрыгнуть въ открытый вагонъ, изъ котораго выгружались товары. Примѣръ подѣйствовалъ заразительно: въ одно мгновеніе толпа завладѣла всѣми мѣстами, которыя можно было отыскать между кладью, и поѣздъ изъ исключительно товарнаго преобразовался въ смѣшанный-пассажирскій. Озадаченные кондукторы не догадались требовать даже билетовъ отъ незванныхъ пассажировъ, обрадованные вѣроятно тѣмъ обстоятельствомъ, что имъ не было необходимости выгружать кладь, безъ ихъ усилій очистившую вагоны послѣ прибытія къ мѣсту назначенія.

Описывать Gartenfest, данный городомъ въ честь своихъ гостей, мы не будемъ. Для знакомыхъ съ мѣстностью Бонна скажемъ только, что Alte-Zoll (старая таможня), гдѣ возвышается памятникъ поэта-патріота Арндта на берегу Рейна, соединенный мостомъ съ садомъ отеля Клея, былъ театромъ этого Gartenfest, превзошедшаго своею феерическою обстановкой все видѣнное прирейнскими старожилами, людьми вообще избалованными по части увеселеній. Веселое настроеніе, господствовавшее въ публикѣ въ продолженіе этого вечера, превратилось въ восторгъ, когда посреди ея явился герой Кенигсгреца,

наслѣдникъ прусскаго престола, тоже бывшій боннскій студентъ, запросто, по-человѣчески, привѣтствовавшій старыхъ знакомыхъ, прежнихъ своихъ наставниковъ, прибывшій дѣлить ихъ радость и заявить свою благодарность университету, которому онъ обязанъ своимъ умственнымъ развитіемъ.

Наконецъ насталъ и главный день празднества. Выше было упомянуто, что университетъ пригласилъ къ нему и королевскую фамилію, изъ которой наслѣдникъ престола далъ положительное обѣщаніе, и какъ мы видѣли, сдержалъ его, присутствовать при торжествѣ. Король однако обусловилъ свое присутствіе—состояніемъ своего здоровья. Въ концѣ іюля распространился слухъ, что онъ вовсе не пріѣдетъ. Слухъ этотъ произвелъ вообще невыгодное впечатлѣніе на жителей Бонна, видѣвшихъ въ этомъ поступкѣ невниманіе къ университетскому городу, въ стѣнахъ котораго многіе члены королевскаго семейства получили свое образованіе. Тѣмъ искреннѣе и восторженнѣе была радость горожанъ, когда рано утромъ король и королева прибыли въ Боннъ. Прямо со станціи желѣзной дороги они отправились въ новую, только-что отстроенную химическую лабораторію, подобную которой едва-ли представляетъ какой-нибудь другой университетъ въ Европѣ. Одно зданіе съ наружной только отдѣлкой стòитъ 220,000 талеровъ, не считая того̀, что издержано будетъ на внутреннее устройство, вполнѣ соотвѣтствующее современному состоянію этой важной отрасли человѣческаго знанія. Этотъ неожиданный пріѣздъ и обнаруженное королемъ вниманіе къ интересамъ науки, заставило благодушныхъ боннцевъ забыть, что на одно посѣщеніе научныхъ институтовъ приходится по крайней мѣрѣ сотня разводовъ и парадовъ; что на нѣсколько сотъ тысячъ талеровъ, пожертвованныхъ на химическую лабораторію разъ въ полвѣка, издерживаются ежемѣсячно на содержаніе войска милліоны; что деньги, затраченныя на подобныя учрежденія вознаградятся сторицею, между тѣмъ, какъ такъ-называемыя военныя силы на дѣлѣ истощаютъ силы народныя, растрачивая ихъ совершенно непроизводительно. Всѣ эти жалобы, слышимыя въ Пруссіи въ городахъ и селахъ ежедневно, смолкли въ Боннѣ сегодня. Всѣ какъ будто сговорились забыть, что, какъ гласитъ русская пѣсня, «король прусскій—носитъ мундиръ узкій».

Между-тѣмъ, на главной улицѣ новаго города, Кобленцской, собирались и распредѣлялись, на опредѣленныхъ имъ въ шествіи мѣстахъ, участники его. Несмотря на то, что ихъ было нѣсколько тысячъ, нельзя было не удивляться, съ какимъ порядкомъ и тишиною совершалась эта разстановка. Не видно было суетливой хлопотливости, не слышно было никакихъ командныхъ звуковъ; все совершалось безъ бѣготни, благодаря очень простому средству: распорядители этого шествія, опредѣливъ предварительно мѣста, которыя будутъ занимать въ

немъ разныя группы участниковъ, и зная приблизительно численный составъ ихъ, разставили, вдоль сборной улицы, Dienstmann'овъ [1]) съ значками, носившими названія разныхъ группъ участниковъ. Каждый прибывавшій, руководимый извѣстной ему программой шествія, безъ затрудненія отыскивалъ группу, къ которой принадлежалъ.

Около 10-ти часовъ шествіе тронулось. Мы не станемъ и не можемъ описывать его въ подробности, и потому ограничимся только указаніемъ нѣкоторыхъ особенностей. За первымъ хоромъ музыки (всѣхъ хоровъ въ шествіи было семь) шествовали, по три въ рядъ, студенты разныхъ корпорацій: франконы, гельветы, меркеры и проч., и проч., потомки варваровъ (по выраженію Гейне), оставившихъ, во время переселенія народовъ, по нѣсколько разбросанныхъ членовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи. Этимъ сравненіемъ знаменитый поэтъ подымалъ на смѣхъ какъ средневѣковые нравы разныхъ студентскихъ корпорацій, такъ и имена ихъ, большею частью заимствованныя отъ названій племенъ періода переселенія народовъ. Но теперь не объ этомъ рѣчь: корпораціи еще сохранились, хотя причины, ихъ вызвавшія къ жизни, давно уже исчезли, и онѣ не оправдываютъ своего существованія современными потребностями академической жизни, и потому съ каждымъ годомъ приходятъ въ бо́льшій упадокъ. Нельзя однако не отдать справедливости имъ, что въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, корпораціи умѣютъ показать себя казовою стороною, скрывъ конечно изнанку. Во главѣ каждой корпораціи шелъ знаменщикъ ея, съ знаменемъ, и по обѣимъ сторонамъ удальцы ея (Renommirfüchse) съ рапирами. Ботфорты, бѣлые брюки, длинныя кирасирскія перчатки, разноцвѣтныя (смотря по корпораціямъ) бархатныя или шелковыя аттиллы, надѣтые на голову береты съ страусовыми перьями, представляли оригинальное для непривычнаго глаза зрѣлище. За корпораціями несли университетское знамя—подарокъ и трудъ боннскихъ дамъ — ассистируемое четырьмя доцентами и столькими же студентами. Затѣмъ шествовали члены пяти факультетовъ, въ ихъ разноцвѣтныхъ тогахъ, и за ними ректоръ (Зибель) въ богатомъ облаченіи малиноваго цвѣта, шитомъ золотомъ, предшествуемый двумя педелями, несшими скипетры. За нимъ—члены совѣта, и длинной вереницей, депутаты отъ разныхъ учрежденій, одно перечисленіе которыхъ заняло бы нѣсколько страницъ, бывшіе питомцы университета и прочіе участники празднества. Шествіе, направляясь, по главнымъ улицамъ города, къ протестантской церкви (въ зданіи университета),

[1]) Dienstmann'ы—служители каждаго. Во всякое время дня, и даже ночи, ихъ употребляютъ, за небольшую опредѣленную плату, на посылки, порученія и исполненія разныхъ работъ, не требующихъ особой технической подготовки. Благодаря этому полезному учрежденію, въ Германіи почти неизвѣстны трутни, коптящіе у насъ потолки въ передних.

въ которой, по ея вмѣстимости, рѣшено было праздновать оффиціальное торжество, проходило мимо одного изъ флигелей университета, въ которомъ у окна стояли король, королева и наслѣдникъ престола. Съ обнаженною головой, махая привѣтливо рукой, отвѣчалъ король на привѣтствіе проходившихъ. Въ церкви, конечно, не могло помѣститься и десятой доли участниковъ, и потому, по предварительному соглашенію въ ней заняли мѣста не болѣе 600 человѣкъ; корпораціи тоже согласились ограничиться только представительствомъ посредствомъ своихъ выборныхъ, которые, кромѣ того, служили, если можно такъ выразиться, живымъ декоративнымъ элементомъ, расположившись вдоль стѣны, противоположной алтарю, закрывая ее своими знаменами. Остальныя стѣны и хоры убраны были гирляндами, а вдоль первыхъ и вблизи алтаря, гдѣ устроена была каѳедра, разставлены были разныя тропическія растенія ботаническаго сада. Когда импровизованная актовая зала наполнилась участниками, вошли въ нее король, королева, наслѣдный принцъ и другіе присутствовавшіе члены королевскаго семейства, занявъ мѣста въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каѳедры. Публика, насколько было возможно, помѣстилась на хорахъ.

Послѣ окончанія кантаты (сочиненной Гиллеромъ), пропѣтой членами кёльнской консерваторіи и диллетантами, Зибель взошелъ на каѳедру. Такъ какъ въ рѣчи своей онъ старался указать значеніе и характеръ дѣятельности боннскаго университета, то мы считаемъ себя обязанными познакомить съ нею читателей.

Послѣ обычнаго вступленія, въ которомъ онъ указывалъ на трудную и вмѣстѣ съ тѣмъ завидную сторону предстоявшей ему задачи, Зибель остановился на времени, предшествовавшемъ учрежденію боннскаго университета.—Въ древнемъ мірѣ, началъ онъ, существовалъ обычай, при рожденіи человѣка, справляться съ тѣмъ, подъ какимъ созвѣздіемъ явился новый пришлецъ на землѣ. Мы улыбаемся при мысли о подобномъ пророчествѣ, но нельзя не сознаться, что подъ этой суевѣрно-поэтической формой скрывался глубокій смыслъ. Великія міровыя событія, вызывающія новое существованіе къ жизни, или совершающіяся при его вступленіи въ нее, налагаютъ неизгладимый отпечатокъ на него и даютъ ему направленіе. Какія же созвѣздія свѣтили въ ту пору, когда боннскій университетъ былъ вызванъ къ жизни?

Война за освобожденіе была окончена. Наполеонъ низвергнутъ. Пруссія, послѣ неимовѣрныхъ усилій и кровавыхъ жертвъ, вышла изъ брани, покрытая неувядаемою славою. Государство возстановлено въ прежней силѣ и увеличено пріобрѣтеніемъ, на западной границѣ, прирейнской провинціи. Путемъ гигантскихъ битвъ и побѣдъ цѣлый народъ проникнутъ былъ патріотическою гордостію и національнымъ воодушевленіемъ; та сила воли и то презрѣніе смерти, которыя творили

чудеса храбрости на поляхъ брани, не хотѣли знать преградъ и на пути внутренняго государственнаго развитія. Высшія и труднѣйшія задачи его казались этому поколѣнію легко достижимыми: требованія политической свободы, представительнаго образа правленія, германскаго единства, воодушевляли всѣ сердца. Страшный контрастъ съ этими идеальными стремленіями представляла окружающая среда. Государство вышло изъ борьбы покрытое славою, но крайне истощенное. Поля лежали запустѣлыми; торговля, благодаря континентальной системѣ, не существовала; промышленность, лишенная средствъ сбыта, была совершенно парализована. Не было семейства, которое бы не понесло невознаградимыхъ потерь жизнію своихъ членовъ или достояніемъ. Тоже самое видимъ и въ сферѣ государственной: и государство покрылось боевой славой, но тогда, какъ побѣды, одержанныя другими, приносили имъ, кромѣ трофеевъ, матеріальныя богатства, Пруссіи предстояло, послѣ тяжелаго труда браннаго, приступить къ еще болѣе тяжелому мирному труду: врачевать тяжелыя раны, не имѣя средствъ; организовать и созидать съ истощенною казною. Несмотря однако на такія неблагопріятныя обстоятельства, немедленно послѣ окончанія войны началась дѣятельность, подобную которой едва ли мы видѣли прежде на германской почвѣ.

Главный вопросъ, тогда волновавшій умы, вопросъ о представительномъ правленіи, такъ заслонялъ собою дѣятельность прусской администраціи, что даже теперь, читая современныя, касающіяся той эпохи сочиненія, можно подумать, что Пруссія, послѣ отрицательнаго рѣшенія конституціоннаго вопроса, въ теченіи 20-ти лѣтъ спала непробуднымъ сномъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности едва-ли когда-либо прусское правительство отличалось такою предусмотрительностью, трудолюбіемъ, многостороннею дѣятельностью, заботливымъ самоограниченіемъ, тщательнымъ изученіемъ всѣхъ поднятыхъ вопросовъ, какъ въ разсматриваемую эпоху. Если самодержавная королевская власть и на этотъ разъ не удовлетворила народныхъ ожиданій, отказавъ ему и послѣ столькихъ жертвъ въ участіи въ дѣлахъ государственныхъ, то нельзя не отдать ей справедливости, что она болѣе чѣмъ когда-либо прониклась сознаніемъ лежащихъ на ней обязанностей — заботиться о благѣ народа. Вездѣ, во всѣхъ сферахъ правительственной дѣятельности — въ финансахъ и войскѣ, въ дѣлѣ народнаго образованія и области церковной, въ торговлѣ и промышленности—видно стараніе уврачевать свѣжія раны, вездѣ положены были основы новой и многообѣщавшей будущности. По мѣрѣ того, какъ съ каждымъ годомъ либеральныя требованія народа отодвигались все болѣе и болѣе на задній планъ, мы видимъ, съ другой стороны, что законодательство и администрація, въ упомянутыхъ выше сферахъ дѣятельности, все болѣе и болѣе проникались началами равенства и свободы, вызван-

ными къ жизни во время войны за независимость. Такъ, законъ 1819 г. о военномъ устройствѣ былъ въ то время единственнымъ въ Европѣ, основаннымъ на принципѣ *общаго* народнаго вооруженія, равномѣрно распредѣлявшемъ налогъ крови между всѣми классами населенія; увеличеніе податей оправдывалось необычайною бережливостью, порядкомъ и честною администраціею; контрольное управленіе и завѣдываніе государственными дѣлами было совершенно отдѣлено отъ министерствъ, получивъ вполнѣ независимое отъ нихъ устройство. Увеличеніе долга было строжайше запрещено безъ разрѣшенія провинціальныхъ представительствъ. Таможенный законъ 1818 г. рѣшился основать будущность народнаго благосостоянія на вполнѣ правильныхъ началахъ, и въ какое время? когда отовсюду раздавались требованія охранять народную промышленность; когда послѣдняя едва пробуждалась и когда страна была окружена сосѣдями, опередившими ее на пути матеріальнаго благосостоянія. Пруссіи принадлежитъ честь перваго примѣненія началъ свободной торговли и основанія, не взирая на вопли поклонниковъ охранительной системы, германскаго таможеннаго союза. Въ области протестантской церкви провозглашено было (въ 1817 г.) единство обоихъ исповѣданій (лютеранскаго и реформатскаго), какъ доказательство того, что единовѣріе состоитъ не въ однообразіи церковныхъ обрядовъ и догматовъ, а въ единствѣ религіозно-нравственнаго чувства. Католическая церковь въ Пруссіи получила тоже устройство, заслужившее глубокую благодарность римской куріи. Словомъ, вездѣ замѣтны: практичность, либеральное стремленіе, сознаніе силы; вездѣ проглядываютъ мощныя побужденія 1808, 1810, 1813 годовъ. Государство требуетъ отъ отдѣльныхъ личностей тяжелыхъ жертвъ и полнаго подчиненія интересамъ цѣлаго, но съ другой стороны оно даруетъ ему свободу труда, самостоятельность мысли и ограждаетъ вполнѣ его права. Нельзя однако не сожалѣть, что король не сдѣлалъ на этомъ пути послѣдняго и самаго важнаго шага, что онъ не исполнилъ даннаго обѣщанія и не даровалъ конституціи. Этимъ онъ лишилъ: народъ самаго мощнаго рычага—образованія; государство—самыхъ сильныхъ узъ, какими только можетъ быть достигнуто единство; собственную дѣятельность—блеска публичности! Но, несмотря на это, мы не имѣемъ права, въ виду указанныхъ выше стремленій и многознаменательныхъ начинаній, умалять заслуги этого періода прусской исторіи.

Къ числу созданій этой эпохи, какъ плодъ идей въ ней господствовавшихъ, принадлежитъ и основаніе боннскаго университета.

Едва успѣли дипломаты, на вѣнскомъ конгрессѣ, распорядиться судьбами народовъ и отдать прирейнскую провинцію Пруссіи, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ III-й, манифестомъ 8 апрѣля 1815 г., обѣщалъ новымъ прусскимъ гражданамъ, между прочими преобразованіями и

улучшеніями, основаніе университета на берегахъ Рейна. Слово короля было радостно встрѣчено во всѣхъ частяхъ новой провинціи, удовлетворяя одной изъ самыхъ насущныхъ ея потребностей. Въ теперешней прирейнской Пруссіи, состоявшей, до французскаго нашествія, подъ властью по крайней мѣрѣ девяноста «отцовъ отечествъ», народное образованіе находилось въ жалкомъ состояніи; французское же правительство не имѣло ни денегъ, ни времени, ни желанія создать что-либо новое на этомъ поприщѣ. На всемъ протяженіи рейнской долины отъ Базеля до голландской границы, въ 1815 г. едва ли существовало высшее учебное заведеніе, заслуживавшее названіе университета; правда, Гейдельбергъ существовалъ, но только по имени, не представляя и слѣдовъ прежней славы и не достигши послѣдующаго значенія; кромѣ его существовали два юридическіе факультета, основанные Наполеономъ въ Кобленцѣ и Ветцларѣ, невышедшіе изъ первобытнаго ничтожества, да наконецъ остатки древне-бранденбургскаго университета въ Дюисбургѣ—съ тремя профессорами — однимъ юристомъ, не имѣвшимъ слушателей и двумя медиками, аудиторію которыхъ составляли нѣсколько забредшихъ изъ Голландіи студентовъ! Неудивительно послѣ этого, что жаждущее образованія народонаселеніе радостно привѣтствовало королевское обѣщаніе. Standesherr'ы и города прирейнскіе, другъ передъ другомъ, спѣшили заявить свои желанія и предложенія передъ трономъ. Дюисбургъ требовалъ новаго университета, основывая свои притязанія на существованіи въ немъ стараго; князь Нейвидскій предлагалъ значительныя вспомоществованія, если въ резиденціи его будетъ основанъ университетъ; Кобленцъ, Дюссельдорфъ, Кёльнъ, наконецъ Боннъ, наперерывъ добивались этой чести. Но посреди громадныхъ работъ, завѣщанныхъ правительству войною, порожденныхъ дипломатическими затрудненіями, организаціонными трудами и жалкимъ финансовымъ положеніемъ страны, прошло два года безъ всякаго результата, или правильнѣе, результатъ былъ отрицательный. Какъ правительство, такъ и общественное мнѣніе сошлись на одномъ—что большинство упомянутыхъ заявленій не можетъ быть принято, и что между городами-соискателями можетъ быть рѣчь только о двухъ, о Кёльнѣ или Боннѣ.

Мѣстные мотивы, на которыхъ представители противоположныхъ лагерей основывали свои доводы, были преувеличены, или даже опровергнуты опытомъ послѣдующихъ лѣтъ. Такъ, напримѣръ, въ пользу Бонна приводили дешевую жизнь этого города, между тѣмъ какъ съ тѣхъ поръ жизнь въ немъ сдѣлалась значительно дороже чѣмъ въ Кёльнѣ; защитники послѣдняго указывали на разныя средства большого города, между тѣмъ какъ, въ дѣйствительности, Кёльнъ того времени отличался бѣдностью, рѣдкимъ населеніемъ и умственнымъ застоемъ. Изъ всѣхъ мѣстныхъ мотивовъ той эпохи, уравновѣшивав-

шихъ притязанія обоихъ городовъ, въ пользу Бонна можно было привести развѣ только одинъ — это прелесть окружающей его природы. Едва ли онъ не игралъ тоже роли при этомъ выборѣ: старожилы боннскіе помнятъ, что министръ Шукманнъ, которому было поручено правительствомъ ближе познакомиться съ мѣстными средствами обоихъ городовъ, пораженный прелестью окружающей Боннъ природы, представившейся глазамъ его съ высоты Кобленцскихъ воротъ, съ панорамой на Семигоріе, извивы Рейна, воскликнулъ: «Здѣсь наше помѣщеніе; здѣсь мѣсто юному университету».

Но въ сущности мѣстные мотивы играли второстепенную роль. Собственно боролись здѣсь, за будущность еще неявившагося на свѣтъ созданія, два противуположныя направленія той эпохи, старавшіяся, подъ предлогомъ интересовъ Кёльна и Бонна, доставить побѣду своей сторонѣ. Словомъ, поборники и послѣдователи классической нѣмецкой литературы стояли за Боннъ, а тогдашніе романтики —за Кёльнъ, или наоборотъ, тогдашніе представители Кёльна видѣли въ заявленіи романтическихъ стремленій и надеждъ самое вѣрное средство одержать побѣду. Такъ какъ эти вопросы давно утратили свою свѣжесть, или приняли совершенно иную форму, то здѣсь не лишне сказать нѣсколько словъ о значеніи указанныхъ выше противоположностей.

Германскій умъ, въ теченіи истекшаго столѣтія, достигъ до неизвѣстной до того времени степени самостоятельнаго развитія, характеръ и направленіе котораго выражается именами Лессинга и Гёте, Шиллера и Канта. Впервые въ теченіи шести вѣковъ возникла на нѣмецкой почвѣ литература, имѣвшая право занять почетное мѣсто на ряду съ произведеніями другихъ народовъ, игравшихъ роль въ исторіи развитія человѣчества. На поприщѣ поэзіи и философіи она даже превзошла своихъ соратницъ, и немедленно дала сильный толчекъ развитію спеціальныхъ наукъ. Возможность такой мощной дѣятельности была обусловлена въ особенности тѣмъ, что литература эта исходила отъ особенностей и глубины германскаго народнаго духа, отличаясь всѣми характеристическими чертами его, чѣмъ упрочила за собою жизненную силу и неограниченную дѣятельность. Проникнутая идеальнымъ стремленіемъ, философскою глубиной и нравственною строгостью, литература германская отвращалась отъ всего искусственнаго, условнаго, типическаго, углубляясь съ воодушевленіемъ въ изслѣдованія природы и судебъ человѣчества. Она облагороживала эстетическую красу тѣмъ, что смотрѣла на нее какъ на самое вѣрное и дѣйствительное средство нравственнаго усовершенствованія. Видя въ развитіи религій высшее выраженіе воспитанія рода человѣческаго, она провозгласила, безъ злобы къ внѣшней церковности, полную самостоятельность изслѣдующаго ума. Изъ этого не трудно за-

мѣтить, какую полноту свободы и плодотворныхъ послѣдствій заключало подобное направленіе; сколько силы должно было истекать изъ него для научнаго развитія народа. Дѣйствительно, послѣдствія оказались громадныя. Для археологіи и исторіи, для юриспруденціи и наукъ естественныхъ настала новая эпоха. Жизнь и изслѣдованіе проявляются во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности; рѣдкое сочетаніе творческаго таланта, строгой добросовѣстности и независимости, исполненной достоинства, замѣтны вездѣ. На этой степени умственнаго развитія, исполненнаго надеждъ, застали германскій народъ французская революція и первая имперія.

Впечатлѣніе, произведенное этими катастрофами, проявилось на разныхъ характерахъ различно. Нѣкоторые закалились въ борьбѣ, такъ въ расплохъ ихъ заставшей. Они сознавали недостатки тогдашняго порядка вещей, не отчаяваясь въ основахъ, на которыхъ онъ зиждился. Предшествовавшая литературная эпоха оказалась германскою даже своими слабыми сторонами. Занимаясь искусствомъ и наукой, индивидуумомъ и семействомъ, творцемъ и вселенной, она слишкомъ мало обращала вниманія на народъ и государство, на политику и родину. Теперь только пришлось испытать, какъ тяжело подобное упущеніе отразилось на благосостояніи отдѣльныхъ личностей и умственномъ развитіи цѣлаго; какъ съ разгромомъ государства поражено было существованіе гражданъ и своеобразность народнаго образованія. Передовые умы Германіи принялись, съ невѣроятными усиліями, за достойную ихъ задачу: они рѣшились предоставить въ услуженіе отечества сокровища нѣмецкой литературной культуры; они предприняли — вооружить родину, противу иноплеменнаго угнетенія, оружіемъ науки, и сдѣлать поэтическо-философское образованіе источникомъ народнаго возрожденія. Прусское законодательство 1808 и 1810 годовъ проникнуто цѣликомъ этою мыслію, научной разработкѣ которой посвятили себя Фихте и Шлейермахеръ, Вильгельмъ Гумбольдтъ и Ф. А. Вольфъ. Желающій познакомиться съ этими стремленіями во всей ихъ силѣ, долженъ просмотрѣть пренія, которыя въ окончательномъ результатѣ привели къ основанію берлинскаго университета. Здѣсь изложены великія путеводныя начала, указывающія грядущимъ поколѣніямъ исходную точку и направленіе, по которому прусское государство и нѣмецкая культура должны слѣдовать, чтобы достигнуть высокой цѣли.

Но не всѣ раздѣляли это убѣжденіе. Въ то время, какъ сильные характеры этой эпохи все болѣе и болѣе закалялись, по мѣрѣ того, какъ усиливались общественныя бѣдствія, разразившіяся надъ Германіей, слабые еще болѣе падали духомъ и приходили въ уныніе. Между тѣмъ, какъ погромы при Іенѣ и въ Тильзитѣ служили для однихъ источникомъ усиленнаго патріотизма, другіе искали спасенія въ космополитизмѣ, утративъ надежду въ будущее родины. Одни преда-

лись историческимъ изслѣдованіямъ, уповая найти въ прошедшемъ средства спасти настоящее; другіе, отвращаясь отъ безнадежнаго настоящаго, предавались созерцанію высокаго и прекраснаго (по ихъ убѣжденію) прошедшаго. Первые, изъ писателей и философовъ, преобразились въ практическихъ государственныхъ дѣятелей; послѣдніе съ отвращеніемъ уклонялись отъ всякаго соприкосновенія съ жизнію, предавались созерцательности, считая воображеніе и чувство высшими благами человѣчества. Года эти отличаются, какъ это часто повторяется въ годины испытанія, глубоко-религіознымъ направленіемъ. Но между тѣмъ, какъ одни взывали къ Творцу съ мольбами, чтобы онъ просвѣтилъ умы, оставшіеся свободными, укрѣпилъ сердца, не потерявшія надежды, другіе — прибѣгали къ религіи и церкви, какъ больной хватается за костыль, когда ноги отказываются ему служить. Тогда какъ первые—взаимодѣйствіе религіи и философіи считали необходимымъ, и смотрѣли на сильную вѣру, какъ на источникъ личнаго освобожденія, послѣдніе дѣлали выборъ между различными формами религіознаго существованія, отдавая той изъ нихъ преимущество, которая всего нагляднѣе свидѣтельствовала объ охраняющей, руководящей силѣ церкви, такъ, что раціоналисты преобразились въ православныхъ, протестанты сдѣлались католиками, а католики — монахами. Мы видимъ, вопили они во всеуслышаніе, къ чему ведутъ современный прогрессъ, философія и критика, религіозная самостоятельность и политическія нововведенія. Это показали намъ Робеспіеръ и Наполеонъ. Человѣчество, по ихъ словамъ, должно опять вернуться къ поэтическимъ, вѣрующимъ, блаженнымъ среднимъ вѣкамъ; тогда только жизнь нѣмецкая, возобновленная на старыхъ коренныхъ основахъ, потечетъ, у престоловъ высящихся къ небу соборовъ, млекомъ и медомъ!

Такъ какъ во всѣ эпохи исторіи не бываетъ недостатка въ слабыхъ умахъ, то романтическое настроеніе, въ первыя десятилѣтія текущаго вѣка, разлилось широкимъ потокомъ по цѣлой Европѣ. Во всѣхъ странахъ ея оно сказалось реакціонными тенденціями въ области государственной и церковной, въ попыткахъ вернуться къ феодальной немощи государства и къ преобладающему господству церкви. Представители этого направленія не сочувствовали самодержавію, основанному на народныхъ началахъ; они, въ одно и тоже время отвергали бюрократію и либерализмъ, свободу религіозныхъ убѣжденій и освобожденіе человѣческаго труда, понимая подъ политическою свободой — право дворянъ угнетать крестьянъ, а подъ церковной — право духовенства управлять мірянами! Это направленіе, какъ упомянуто выше, было распространено по всей Европѣ безъ различія вѣроисповѣданія и народности; въ Германіи оно заявило себя еще своимъ крайне наивнымъ отношеніемъ къ искусству. Представители его ставили Вольфрама фонъ-Эшенбаха выше Гомера, Кальдерона выше Шек-

спира, восторгались Палестриною и готическимъ искусствомъ, но главное — они желали заключить жизнь современнаго человѣка въ рамкѣ своихъ средневѣковыхъ воззрѣній, въ особенности же, путемъ воспитанія грядущихъ поколѣній, возвратиться къ первобытно-германскому, по ихъ мнѣнію, развитію. Но его можно было бы съ такимъ же правомъ назвать испанскимъ, или италіянскимъ, такъ какъ оно было въ сущности чисто средневѣковымъ.

Представители этого направленія, при первой вѣсти о намѣреніи короля основать на Рейнѣ университетъ, немедленно взволновались, открыто заявляя свое намѣреніе захватить новое учрежденіе въ свои руки. Поэтому они сильно поддерживали притязанія Кёльна, убѣжденные, что городъ этотъ представляетъ необыкновенно благодарную и разработанную почву для процвѣтанія ихъ романтическихъ поползновеній. Впрочемъ, этотъ взглядъ на Кёльнъ былъ въ то время общераспространенный не только между романтиками, но и въ лагерѣ ихъ противниковъ, въ публикѣ и въ сферахъ правительственныхъ. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и въ этомъ отношеніи: Кёльнъ, достигши въ послѣдніе 50 лѣтъ значительнаго промышленнаго и торговаго развитія, едва ли бы теперь заслужилъ то благосклонное вниманіе романтиковъ, какъ въ 1818 г., и обратно, противники ихъ наврядъ ли въ 1868 г. протестовали бы противъ этого города, если бы теперь шла рѣчь о выборѣ его для основанія въ немъ университета. Какъ бы то ни было, въ то время описанное выше отношеніе существовало и не мало способствовало рѣшенію вопроса въ пользу Бонна.

Всѣ проекты и записки противоположныхъ лагерей, касавшіяся учрежденія новаго университета, стекались у тогдашняго государственнаго канцлера, князя Гарденберга, принимавшаго живое участіе въ рѣшеніи спора. Интересно читать талантливую записку, ему представленную представителями романтическаго направленія. Необходимо, твердятъ ея составители, воздвигнуть новый университетъ на исторической почвѣ, чтобы на молодое поколѣніе учащихся на каждомъ, такъ сказать, шагу вѣяло прошедшимъ. Только Кёльнъ представляетъ средоточіе умственной прирейнской жизни; это выражается, между прочимъ, тѣмъ, что въ стѣнахъ этого города ежегодно издаются вновь и распространяются въ громадномъ количествѣ экземпляровъ древнія народныя книги. Только въ Кёльнѣ возможно оживлять историческое преподаваніе нагляднымъ созерцаніемъ великаго прошедшаго; только въ стѣнахъ его возможно вызвать національное направленіе, основанное на народномъ искусствѣ и великихъ идеяхъ истекшихъ вѣковъ. Народъ, продолжаютъ составители проекта, долженъ обратиться къ давно забытому имъ прошедшему; все образованіе наше, говорятъ они, коренится въ среднихъ вѣкахъ, и единственная высокая цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться, есть возрожденіе этого періода исто-

ріи и дальнѣйшее развитіе великихъ его идей и учрежденій. Само собою разумѣется, что при подобномъ взглядѣ церковный моментъ занимаетъ подобающую ему роль. Университетъ, говорятъ далѣе составители записки, долженъ быть проникнутъ живымъ религіознымъ направленіемъ (понимая его въ смыслѣ исключительно католическомъ и оправдывая это требованіе численнымъ превосходствомъ этого вѣроисповѣданія на Рейнѣ). Чтобы смягчить эту исключительность, они представляли прусскому правительству на видъ благотворное вліяніе близости кёльнской епископской каѳедры, и чрезъ нее — возможность прусскаго вліянія на южно-германскія государства. Наконецъ, проектъ оканчивается предостереженіемъ основать университетъ въ Боннѣ, такъ какъ учрежденный въ немъ послѣдними курфирстами университетъ, несмотря на свое кратковременное существованіе (1788 — 1797), благодаря его философскимъ тенденціямъ, пользовался (у кого?) нехорошей репутаціей. Новое высшее учебное учрежденіе, основанное на этой раскольнической почвѣ, можетъ заразиться «вреднымъ образомъ мыслей» своего предшественника.

Совершенно противоположнымъ характеромъ отличались заявленія остальныхъ городовъ прирейнской Пруссіи. Оказалось, что жители Кёльна не имѣли союзниковъ; вездѣ раздавались голоса въ пользу Бонна, вокругъ котораго группировались представители либеральнаго лагеря, такъ, что оберъ-президентъ провинціи, графъ Сольмсъ-Лаубахъ, подавшій свой голосъ въ пользу Кёльна, мотивировалъ свое мнѣніе эпиграмматическимъ отзывомъ, именно, что если въ данномъ мѣстѣ темно, еще не слѣдуетъ, что въ немъ не должно зажигать огня.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ объ основаніи новаго университета, когда кн. Гарденбергъ поручилъ совѣтнику министерства Сюверну составить докладъ. Этотъ докладъ, представленный 20-го іюля 1817 г., рѣшилъ вопросъ окончательно. Сювернъ, классически образованный филологъ, другъ Шиллера и В. Гумбольдта, былъ человѣкъ вполнѣ способный въ настоящемъ вопросѣ защищать преданія прусскаго государства и нѣмецкой литературы. Изъ-подъ тяжелой формы его изложенія проглядываетъ обширность взгляда и твердость убѣжденій. Если, говоритъ онъ, новый университетъ будетъ основанъ на широкихъ началахъ, то на него, при настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ Пруссіи, можно смотрѣть какъ на одну изъ ея самыхъ сильныхъ крѣпостей. Это однакоже неудобоисполнимо, если твердыня эта будетъ окружена такой общественной атмосферой, какую представляетъ Кёльнъ (того времени); посреди ея, свободѣ мысли предстоитъ опасность даже на философскомъ факультетѣ. Если мы желаемъ уготовать грядущимъ поколѣніямъ «всѣхъ вѣроисповѣданій» надежный пріютъ для свободнаго изслѣдованія, то ему нѣтъ мѣста въ узкихъ, темныхъ, сдавленныхъ крѣпостными стѣнами, улицахъ Кёльна. Просторъ для этого

необходимый представляетъ, изъ прирейнскихъ городовъ, только Боннъ и его роскошныя, раздольныя, благословенныя природою, окрестности. Защитники Кёльна указываютъ на памятники и древности этого города, могущія влiять на университетскую молодежь. Это не подлежитъ сомнѣнію, но мы вправѣ спросить—желательно ли вообще для будущихъ поколѣній влiяніе подобнаго рода? Нельзя отвергать, что эти соборы, легенды, изображенія разныхъ угодниковъ имѣютъ свое достоинство, но сплоченные на такомъ небольшомъ пространствѣ, не оживленные иными проявленіями искусства, природой, духовною жизнью народа, не погрузятъ ли они новое созданіе въ мистицизмъ, безъ того сильно распространенный на Рейнѣ и вообще въ современномъ обществѣ? Не менѣе вооружался Сювернъ и противу исключительно-католическаго характера новаго университета, признавая равноправность и протестантскаго. Поползновенія же церковныхъ властей захватить въ свои руки управленіе юнаго разсадника науки онъ отвергалъ категорически, признавая его преимуществомъ свѣтской власти, котораго она не имѣетъ даже права выпускать изъ рукъ. Дѣйствуя ежеминутно на народъ посредствомъ государственныхъ учрежденій, законодательства, администраціи, она постоянно воспитываетъ народъ, и государство наложило бы добровольно руку на себя, еслибы согласилось поручить главную основу этого воспитанія—образованіе грядущихъ поколѣній—посторонней власти. Конечно, государство должно ограничиться только заявленіемъ простыхъ и ясныхъ общихъ началъ своей системы народнаго образованія, не вдаваясь въ мелочи, детали, педантическія предписанія и т. п., которыя въ государствѣ какъ Пруссія, составленномъ изъ элементовъ такъ отличныхъ между собою по происхожденію, языку, религіи, нравамъ, было бы безразсудно. Но тѣмъ необходимѣе оказывалось подведеніе этого разнообразія подъ общія начала, при чемъ изъ этого многообразія, при свободномъ развитіи частностей, возможно созданіе органическаго цѣлаго. Въ этомъ и состоитъ великая задача и завидное призваніе прусскаго государства, заключаетъ Сювернъ, вытекающія изъ самой природы его состава, а именно, что оно представляетъ цѣлое, въ которомъ каждая малѣйшая часть живетъ своей собственной жизнію, пользуется самобытнымъ развитіемъ своихъ силъ, но въ которомъ все сплотилось въ одинъ организмъ, чувствуя и сознавая, что существованіе его обусловлено и обезпечено только существованіемъ цѣлаго.

Взглядъ этотъ на призваніе государства въ дѣлѣ народнаго образованія, оставаясь господствующимъ въ Пруссіи, былъ однако затемняемъ, по временамъ, ограниченностію и корыстію, но къ чести прусскаго правительства слѣдуетъ сознаться, что оно никогда не упускало его совершенно изъ виду. Оно памятовало слова Сюверна, что прусское государство основано не на мертвыхъ, грубыхъ силахъ природы,

но на живыхъ, способныхъ къ безконечному развитію и усовершенствованію силахъ человѣка; что для ихъ оживленія, умноженія, усиленія достаточно только тщательнаго ухода за ними въ періодъ времени, важный для ихъ развитія, и что внутренній и внѣшній ростъ государства, усиленіе его могущества и достоинства есть непосредственное послѣдствіе этого ухода. Слова эти, произнесенныя за полвѣка, получаютъ въ глазахъ нашихъ пророческій смыслъ. То, что̀ Сювернъ тогда предвидѣлъ и предсказывалъ, по поводу безконечнаго развитія умственныхъ силъ народа, осуществилось въ достославные дни прусской монархіи.

26-го октября 1817 г., министръ Шукманнъ представилъ Фридриху-Вильгельму III-му докладъ, во всемъ согласный съ взглядами Сюверна, объ основаніи прирейнскаго университета въ Боннѣ. Но ему, при самомъ рожденіи, предстояли важныя невзгоды: политическая реакція гордо возвысила свою главу; вартбургское празднество она раздула въ огромный заговоръ; Шмальцъ и Кампцъ подвизались въ благонамѣреннѣйшихъ доносахъ; въ бурсачествѣ (Burschenschaft) видѣли одно изъ опаснѣйшихъ политическихъ обществъ [1]); правительство, вездѣ чуяло демагогическіе замыслы. Изъ реакціоннаго лагеря послышались голоса, что число университетовъ, этихъ притоновъ революціонныхъ идей, уже и теперь черезъ-чуръ значительно, что распро-

[1]) Именемъ Landmannschaft (землячество) или корпорацій, называются общества студентовъ въ Германіи, первоначально состоявшія изъ уроженцевъ одной и той же мѣстности, на что указываетъ самое названіе. Впослѣдствіи онѣ утратили этотъ характеръ, и этимъ именемъ обозначались товарищества, составленныя изъ лицъ разныхъ мѣстностей, которыя, какъ говорятъ—сошлись характерами. Единственная цѣль этихъ землячествъ была — пріятельское общеніе во время пребыванія въ университетѣ, съ соблюденіемъ разныхъ, завѣщанныхъ средними вѣками, обрядностей въ случаѣ дуэлей, попоекъ, и т. п. За исполненіемъ ихъ наблюдали особые выборные. Никакихъ политическихъ цѣлей эти корпораціи не преслѣдовали. Совершенно имъ противуположны по цѣли и учрежденію были Burschenschaften (бурсачества). Возникшія, послѣ войнъ за освобожденіе, изъ университетской молодежи, принимавшей участіе въ нихъ, товарищества эти имѣли цѣлью преобразовать разгульную студентскую жизнь, положивъ предѣлъ дуэлямъ и попойкамъ, направить ее на колею серьезнаго труда, необходимаго залога полезной дѣятельности въ будущемъ. Это было, по ихъ справедливому убѣжденію, единственное средство возрожденія родины. Видя въ Landmannschaften олицетвореніе существовавшей политической раздробленности Германіи, бурсачества были имъ враждебны. Правительства, съ своей стороны, преслѣдовали Burschenschaften за ихъ стремленія къ объединенію страны, такъ какъ члены этихъ товариществъ и послѣ окончанія своихъ наукъ не упускали изъ виду своихъ академическихъ стремленій. Умерщвленіе Коцебу К. Зандомъ, однимъ изъ членовъ бурсачества, вызвало цѣлый рядъ процессовъ, преслѣдованій, заключеній въ крѣпостяхъ, смертныхъ приговоровъ (впрочемъ неисполненныхъ), произнесенныхъ противъ членовъ этихъ товариществъ. Только въ сороковыхъ годахъ реакція угомонилась, и правительства убѣдились не только въ безвредности, но даже въ пользѣ этихъ обществъ. Теперь онѣ дозволены вездѣ.

страненіе образованія въ народѣ мѣшаетъ не только спокойному управленію имъ, но положительно опасно. Съ другой стороны сказалась провинціальная зависть: извѣстно было, что правительство намѣревалось основать новый университетъ на широкихъ началахъ, и это вызвало ее. Въ академическихъ кружкахъ Берлина проявилось по этому поводу неудовольствіе; они полагали, что только столичный университетъ имѣетъ право считаться самымъ значительнымъ въ государствѣ; въ Бреславлѣ, Галлѣ, Кенигсбергѣ роптали на то, что правительство, отнимая значительныя средства у старыхъ, при томъ сильно пострадавшихъ отъ войны, провинцій, передаетъ ихъ новой, полуофранцуженной. Конечно, всѣ эти мнѣнія не остались безъ вліянія: ни правительство, ни министры, ни самъ король не могли оставить ихъ безъ вниманія. Министру Альтенштейну, преемнику Шукманна, пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію въ виду спасенія главнаго. Нельзя не отдать ему справедливости, что онъ понялъ свою задачу вполнѣ достойнымъ образомъ, и умѣлъ даже воспользоваться затрудненіями для достиженія высокой цѣли. Основаніе новаго университета послужило ему поводомъ къ радикальному преобразованію старыхъ. Онъ потребовалъ и получилъ значительныя вспомоществованія для остальныхъ прусскихъ университетовъ, чтобы только имѣть возможность снабдить новый всѣмъ необходимымъ. Альтенштейнъ согласился даже признать за Берлиномъ значеніе центральнаго прусскаго университета, въ томъ смыслѣ, что каѳедры его должны быть занимаемы лучшими профессорами, и учебныя пособія соотвѣтствовать всѣмъ современнымъ потребностямъ науки. Уступка эта, въ ея практическомъ исполненіи, была смягчена тѣмъ, что министръ преслѣдовалъ тѣже цѣли при замѣщеніи профессуръ и въ провинціальныхъ университетахъ. Что онъ отнюдь не помышлялъ централизовать умственную жизнь народа въ столицѣ, по французскому образцу, этому доказательствомъ служитъ вся послѣдующая дѣятельность его министерства; а что онъ вполнѣ сознавалъ важность политическую и національную прирейнскаго университета, въ этомъ убѣждаетъ его заботливость при первоначальномъ его устройствѣ. «Государство, писалъ Альтенштейнъ Гарденбергу, подобное прусскому, не имѣетъ права отказываться недостаткомъ денежныхъ средствъ. Для такихъ цѣлей онѣ должны быть всегда въ готовности. Значительныя пожертвованія здѣсь именно лучше и скорѣе всего вознаграждаются. Удовлетвореніе умственныхъ потребностей народа должно стоять на первомъ планѣ. На немъ зиждется сила государственная».

Къ счастію, министръ встрѣтилъ въ этомъ вопросѣ полное сочувствіе короля, повелѣвшаго, въ маѣ 1818 г., передъ самымъ отъѣздомъ своимъ на ахенскій конгрессъ, принять мѣры къ возможно-безотлага-

тельному открытію университета въ Боннѣ. 18 октября подписана была въ Ахенѣ учредительная грамата.

Университетъ, основанный послѣ такихъ глубокихъ и всестороннихъ соображеній, достигъ, своей плодотворной дѣятельностью, того народнаго значенія, котораго желалъ ему учредитель. Правда, ему пришлось пережить не только ясные дни, но и много тяжелыхъ [1]), однако, въ общемъ итогѣ, прошедшее его отрадно. Боннскій университетъ съ гордостью можетъ указать на цѣлую фалангу своихъ преподавателей, принадлежавшихъ къ научнымъ звѣздамъ первой величины, именами которыхъ отмѣчены эпохи развитія въ разныхъ отрасляхъ человѣческаго знанія; онъ заслужилъ любовь и признательность провинціи, на почвѣ которой нашелъ гостепріимный кровъ, какъ это доказывается въ настоящую минуту многочисленными пожертвованіями. Особенною признательностью обязанный правителямъ Пруссіи, боннскій университетъ уповаетъ, что онъ, поставленный на рубежѣ сосѣдней развитой страны, и впредь будетъ обращать на себя вниманіе государства. Если академическое образованіе должно имѣть національное значеніе, указанное ему его учредителемъ, то необходимо дать ему всѣ средства для этого, и всѣ средства, которыми онъ располагаетъ, обратить на достиженіе этой цѣли. Еслибы мы ограничились на этомъ пути посредственностью, удовлетвореніемъ только насущныхъ практическихъ потребностей, то кромѣ того, что этимъ близорукимъ направленіемъ былъ бы нанесенъ ударъ стремленію къ образованію прирейнскаго населенія, народный интересъ первостепенной важности пострадалъ бы отъ этого. На присутствіе монарха на сегодняшнемъ празднествѣ мы вправѣ смотрѣть какъ на торжественное возобновленіе обѣщаній, данныхъ университету при его основаніи, что здѣсь, на берегахъ германскаго Рейна, за наукой упроченъ пріютъ, снабженный всѣми необходимыми средствами для того, чтобъ внутри и внѣ нѣмецкихъ границъ, доставить ей тотъ почетъ, которымъ она пользовалась до сихъ поръ.

Съ этимъ намѣреніемъ былъ основанъ боннскій университетъ, послѣ войнъ за освобожденіе. Онъ предназначенъ былъ разлить, широкимъ потокомъ, сокровища нѣмецкой классической литературы, нѣмец-

---

[1]) Извѣстны и памятны преслѣдованія и обвиненія студентовъ и профессоровъ «въ преступномъ образѣ мыслей», разразившіяся въ 20-хъ годахъ надъ германскими университетами. Даже народный поэтъ войнъ за освобожденіе, такъ много содѣйствовавшій воодушевленію Германіи, Арндтъ, полицейскими происками реакціи заподозрѣнный въ заговорѣ, лишенъ былъ каѳедры, правда, съ сохраненіемъ жалованья, котораго, впрочемъ, по статутамъ нѣмецкихъ университетовъ, и лишить его не было возможности. Только въ 1840 г., съ вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV, сынъ поспѣшилъ исправить несправедливость отца, возвративъ каѳедру Арндту и профессуру, 70-ти лѣтнему старцу, неспособному уже къ дѣятельности.

кой методической науки и самостоятельной философіи, посреди полуотчужденнаго населенія. Онъ призванъ былъ надѣлить его высшими умственными сокровищами нѣмецкаго народа, открывъ ему источникъ истинной любви къ родинѣ, источникъ, недоступный никакому вражескому оружію. Задачей этой обусловливается существованіе боннскаго университета, который до тѣхъ поръ будетъ приносить плоды, пока коренныя основы его учрежденія будутъ исполнены жизненныхъ силъ.

Заключивъ рѣчь свою, съ главнымъ содержаніемъ которой мы старались познакомить читателя выше, пожеланіями университету будущаго, подобнаго прошедшему его, Зибель, сходя съ каѳедры, встрѣченъ былъ королемъ, который, пожимая руку его, выразилъ желаніе, чтобы боннскій университетъ продолжалъ свою благотворную дѣятельность и завѣрялъ, что на содѣйствіе его и наслѣдника престола, учрежденіе это всегда можетъ разсчитывать.

Такимъ образомъ, на нейтральной почвѣ общечеловѣческихъ интересовъ, два политическіе противника (извѣстно, что Зибель, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ и опасныхъ членовъ оппозиціи въ прусской палатѣ депутатовъ), впервые подали другъ другу руки.

Немедленно послѣ окончанія торжественнаго акта, король и королева оставили Боннъ, наслѣдный же принцъ остался до слѣдующаго утра. Во время обѣда въ ротондѣ поппельсдорфскаго дворца (бывшей лѣтней резиденціи кёльнскихъ курфирстовъ, въ которой помѣщаются теперь музеи), вмѣщавшей около 500 человѣкъ, музыка играла мелодіи студентскихъ пѣсней. Въ одинъ изъ промежутковъ, наслѣдный принцъ подозвалъ къ себѣ капельмейстера и шепнулъ ему что-то на ухо. Загадка скоро объяснилась. Вслѣдъ затѣмъ раздались звуки пѣсни:

Grade aus dem Wirthshaus komm'ich heraus!
Strasse, wie wunderlich siehst du mir aus;
Rechter Hand, linker Hand, beider vertauscht!
Strasse, ich merke es wohl, du bist berauscht!

—

Und die Laternen erst — was muss ich sehn!
Die können alle nicht grade mehr stehen,
Wackeln und fackeln die Kreuz und die Quer,
Scheinen betrunken mir allesammt schwer.

—

Was für ein schief Gesicht, Mond machst denn du?
Ein Auge hast du auf, das andere zu!

Du bist betrunken, das merk'ich nun schon,
Schäme dich, schäme dich, alter Patron!

—

Wag'ich, der einzig jetzt nüchtern noch bin,
Mich in den Wirrwarr da draussen nun hin?
Das scheint bedenklich mir, ein Wagestück,
Da geh'ich lieber in's Wirthshaus zurück! [1])

Всѣмъ извѣстно, что теперешній министръ народнаго просвѣщенія въ Пруссіи, von Mühler, человѣкъ, обвинять котораго въ либерализмѣ нѣтъ ни малѣйшаго повода, будучи студентомъ, сочинилъ эту пѣсню. Громъ рукоплесканій, крики «браво», встрѣтили эту шутку наслѣднаго принца, помиравшаго со смѣху, вмѣстѣ съ присутствующими, надъ замѣшательствомъ министра, проклинавшаго, вѣроятно, въ душѣ, увлеченія своей молодости, которымъ онъ теперь ничуть не сочувствуетъ, даже положительно враждебно настроенъ, но которыя тѣмъ не менѣе вездѣ его преслѣдуютъ. Извѣстно, что въ Берлинѣ, по какому бы поводу ни устраивался Fackelzug, онъ непремѣнно направляется мимо дома министра (хотя бы участвующимъ пришлось сдѣлать, какъ говорятъ, семь верстъ крюку), и подъ самыми окнами министерскими раздается извѣстная пѣсня, такъ непріятно поразившая его слухъ даже на берегахъ Рейна. Какъ человѣкъ, хорошо знающій придворныя приличія, von Mühler a fait bonne mine au mauvais jeu, и пріобщился къ общему смѣху.

На тостъ, произнесенный за наслѣднаго принца, рѣщитель судьбы германскихъ интересовъ на поляхъ Кенигсгреца, обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

«Только что узналъ я, что я удостоился высокой чести получить степень доктора юридическихъ наукъ боннскаго университета. Эта дарованная мнѣ степень связуетъ меня новыми узами съ университетомъ, и потому естественно, что ему посвящены мои первыя слова. Перенесемся на минуту въ прошедшее: послѣ тяжелыхъ утратъ основанъ былъ университетъ берлинскій; послѣ блистательныхъ побѣдъ вызванъ былъ боннскій къ жизни. Исторія послѣднихъ 50-ти лѣтъ лучше всего

---

[1]) «Я прямо изъ трактира! Улица! какъ ты странно смотришь! Право на лѣво, лѣво на право, все на выворотъ! Улица, я вижу, ты пьяна!»

«И фонари тоже — что это я вижу! Ни одинъ не можетъ стоять прямо, всѣ качаются туда и сюда, всѣ мертвецки пьяны.»

«И ты, луна, что такъ скосила лице? Одинъ глазъ смотритъ, другой закрытъ Ты пьяна, я это вижу; стыдно тебѣ, стыдно, старая патронша!»

«Осмѣлюсь ли я, я, единственно трезвый, вмѣшаться въ эту путаницу? Нѣтъ, это опасно, это смѣло: такъ пойду же я снова въ трактиръ!»

свидѣтельствуетъ о значеніи, которое онъ занимаетъ въ развитіи нашей родины.

«Если мнѣ позволено, на этомъ мѣстѣ, сказать нѣсколько словъ о самомъ себѣ, то я долженъ сознаться, что именно Боннъ и прожитое въ немъ время въ особенности вызываютъ воспоминанія о моей юности. Я сознаю вполнѣ, что высокая честь, которой я сегодня удостоился, не служитъ наградой моихъ научныхъ заслугъ, которыхъ я не могу предъявить. Здѣсь однако я созналь важную истину, именно, что мы должны учиться не для школы, но для жизни, и если, въ тяжкіе дни нашей родины, мнѣ выпало на долю, вмѣстѣ съ многими другими, служить ей, то я радуюсь возможности и случаю выразить здѣсь во всеуслышаніе, что боннскій университетъ положилъ во мнѣ основу и далъ мнѣ возможность быть полезнымъ слугою отечества. Въ стѣнахъ боннскаго университета умъ мой направленъ былъ къ высшимъ цѣлямъ; здѣсь указаны были мнѣ историческія задачи современной эпохи и нашей родины. Могу ли я, послѣ этого, не быть проникнутъ благодарностію къ Бонну?

«Заявляя ее теперь во всеуслышаніе, я присоединяю къ ней еще привѣтъ университету жены моей, вмѣстѣ съ увѣреніемъ ея полнѣйшаго сочувствія и участія, тѣмъ болѣе искреннихъ, что онѣ соединены съ воспоминаніемъ о моемъ тестѣ [1]), который былъ однимъ изъ первыхъ студентовъ боннскаго университета изъ среды нѣмецкихъ владѣтельныхъ домовъ. Королева англійская и герцогъ эдинбургскій, тоже воспитывавшійся въ Боннѣ, поручили мнѣ передать ихъ поздравленія и искреннія пожеланія.

«Въ заключеніе позвольте мнѣ выразить желаніе, чтобы боннскій университетъ и въ будущемъ отличался тою нѣмецкою выдержкою, преданностью въ области свободнаго изслѣдованія и науки, которыя отмѣтили его прошедшее.»

Провозглася тостъ за профессоровъ и студентовъ, наслѣдный принцъ заключилъ его надеждой, что боннскій университетъ останется тѣмъ, чѣмъ былъ—однимъ изъ лучшихъ и драгоцѣннѣйшихъ украшеній прусской короны.

Излишне было бы прибавлять, что подобное признаніе со стороны лица, на которое въ сѣверной Германіи возлагается столько надеждъ, со стороны члена королевскаго семейства, упрочившаго за собою, не совсѣмъ лестное для правителей, исключительно-военное направленіе и интересы, было встрѣчено взрывомъ рукоплесканій, такъ какъ это

---

[1]) Принцъ кобургскій Альбертъ, покойный супругъ королевы англійской, отецъ жены наслѣднаго принца прусскаго.

признаніе послужило какъ бы залогомъ и обѣтомъ еще болѣе свѣтлаго будущаго.

Не желая увеличивать объемъ нашего, и безъ того уже принявшаго значительные размѣры, разсказа, мы пройдемъ молчаніемъ остальныя рѣчи присутствующихъ, и поспѣшимъ заключить описаніе.

Послѣ 8 часовъ вечера, двинулся изъ города къ поппельсдорфскому дворцу Fackelzug, состоявшій слишкомъ изъ 800 участниковъ. Длинной вереницей, фантастически освѣщая своды вѣковыхъ каштановъ аллеи, при звукахъ музыки нѣсколькихъ оркестровъ, приближался онъ къ дворцу, въ которомъ назначенъ былъ общій коммершъ. Передъ главнымъ фасадомъ, факелы, кидаемые въ кучу, запылали громаднымъ пламенемъ, зарево котораго освѣтило всю окрестность. Наслѣдный принцъ, принимавшій въ это время разныя студентскія депутаціи на главномъ балконѣ, явился, послѣ окончанія цуга, внутри ротонды, наполненной уже болѣе 4,000 участниковъ. Пивныя бочки, выкатываемыя дюжинами, опорожнялись мигомъ, а содержаніе ихъ не замедлило оказать свое вліяніе на мозгъ многихъ присутствующихъ. Изъ-за общаго гама нельзя было разслушать ни одного изъ пытавшихся ораторствовать; рѣчь, или тостъ, провозглашенный наслѣднымъ принцомъ, тоже пропалъ для потомства... Можно было удивляться выносчивости его— провести нѣсколько часовъ посреди такого гула и въ атмосферѣ, такъ пресыщенной пивными парами, рѣшится не каждый смертный.

4-го августа, поутру, происходило объявленіе академическихъ наградъ, присужденныхъ за рѣшеніе студентами предложенныхъ, въ истекшемъ году, факультетами, задачъ и провозглашеніе лицъ, удостоенныхъ, по поводу юбилея, степени почетныхъ докторовъ. Обставленное цѣлымъ аппаратомъ средневѣковыхъ обрядностей, мѣстное торжество это навѣяло на присутствующихъ скуку, такъ, что къ концу акта зала почти опустѣла. И дѣйствительно, нельзя было удивляться, что публикѣ надоѣло слушать, повторяемыя деканами четырехъ факультетовъ, склоненія словъ: Viri venerandi, illustrissimi, excelentissimi, nobilissimi, clarissimi, doctissimi, perfectissimi, consultissimi, experientissimi, etc., служившихъ эпитетами ученыхъ, удостоившихся почетныхъ степеней. Мы не станемъ тоже перечислять послѣднихъ, ограничившись заявленіемъ, что изъ русскихъ ученыхъ только астрономъ пулковской обсерваторіи, *Струве*, удостоился чести пожалованія докторомъ философскаго факультета. Скучное торжество это, начавшееся при значительномъ стеченіи публики, кончилось передъ одними членами факультетовъ.

Прогулка на пароходахъ по Рейну до Роландсэка, послѣ обѣда 4-го августа, была послѣднимъ актомъ торжества. Встрѣчаемые и провожаемые, на обоихъ берегахъ Рейна, восторженными кликами при-

брежнаго населенія, музыкою и пушечными выстрѣлами, разцвѣченные разноцвѣтными флагами, пароходы высадили участниковъ и участницъ празднества въ Роландсэкѣ, самой очаровательной мѣстности на берегахъ Рейна, извѣстной своей романтической сагой, воспѣтой столькими поэтами. Въ сумерки флотилія эта направилась въ обратный путь, медленно подвигаясь вдоль береговъ, освѣщенныхъ бенгальскими огнями, озаряемая, съ высотъ Семигорія, заревомъ пылавшихъ на немъ костровъ и смоляныхъ бочекъ. Встрѣченные въ городѣ блистательной иллюминаціей, участники празднества безъ особенныхъ затрудненій могли отыскать свои квартиры, что́ для нѣкоторыхъ изъ нихъ оказалось бы, можетъ быть, довольно затруднительнымъ при обыкновенномъ уличномъ освѣщеніи, послѣ утомительныхъ усилій послѣднихъ дней, нарушившихъ, въ средѣ стольких нѣмецкихъ семействъ, обыкновенно тихій строй ихъ жизни.

Не смотря на то, что заботливыя матери и нѣжныя супруги, послѣ возвращенія съ береговъ Рейна ихъ сыновей и мужей домой, по всей вѣроятности, вынуждены были удвоить свой обыкновенный уходъ за ними, нельзя однако предполагать, чтобы кто-либо изъ участниковъ боннскаго празднества раскаявался въ предпринятомъ путешествіи, и не сохранилъ объ немъ, до конца своихъ дней, воспоминаніе семейнаго праздника и вмѣстѣ народнаго торжества, возможнаго только въ странахъ, гдѣ наука и жизнь проникли другъ друга такъ глубоко, какъ въ Германіи, и гдѣ первая составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней общественнаго и государственнаго строя.

А. С—кій.

Боннъ-на-Рейнѣ.

PS. — На дняхъ, скончался Велькеръ, тотъ знаменитый филологъ, о которомъ мы говорили выше, и депутаціею къ которому началось юбилейное торжество.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го февраля 1869.

Новыя правительственныя сообщенія. — Роспись на 1869 годъ. — Отчетъ государственнаго контроля по исполненію росписи 1867 года. — Составъ отчета. — Превышеніе въ доходахъ. — Уменьшеніе расходовъ. — Процентъ расходовъ сверхсмѣтныхъ. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1867 годъ. — Вопросъ о матеріяльномъ обезпеченіи духовенства. — Миссіонерство и вѣротерпимость. — Народныя приношенія. — Отношеніе духовенства къ народному быту. — Народныя школы духовенства. — Характеръ ихъ. — Школы государственныхъ имуществъ, и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ по поводу ихъ.

Три главные факта, которые намъ далъ прошлый мѣсяцъ, всѣ принадлежали къ разряду правительственныхъ сообщеній. Обнародованіе такихъ важныхъ документовъ, какъ напр. государственная смѣта и отчетъ объ исполненіи одной изъ смѣтъ предъидущихъ, свидѣтельствуетъ о желаніи правительства не только сообщить обществу весьма близко касающіяся его свѣдѣнія, но и призывать, такъ сказать, общество въ свидѣтели своей дѣятельности. Свидѣтель, котораго мы призываемъ какъ бы для облегченія своей отвѣтственности предъ самими собою, конечно, еще не есть нашъ сотрудникъ, участникъ, тѣмъ менѣе опредѣлитель нашей дѣятельности; однако, нельзя сказать, чтобы мы сами оставались внѣ вліянія со стороны призываемаго нами свидѣтеля, особенно, если онъ именно наиболѣе заинтересованъ въ самомъ предлагаемомъ его вниманію, и затѣмъ, конечно, и его сужденію, дѣлѣ. Публика, присутствующая въ залѣ суда не участвуетъ ни въ рѣшеніи присяжныхъ, ни въ приговорѣ судей; но, тѣмъ не менѣе, то впечатлѣніе, которое дѣлаетъ на публику такой или иной приговоръ навѣрно отражается на характерѣ будущихъ приговоровъ; сверхъ того, самое присутствіе публики придаетъ уже всему суду нѣсколько иной характеръ.

Въ нашихъ ежемѣсячныхъ обзорахъ событій русской жизни, мы всегда отводили почетное мѣсто именно разсмотрѣнію правительственныхъ мѣръ и сообщеній, и не стѣсняясь выражали наше разномысліе,

если былъ къ нему поводъ, полагая именно, что умолчаніе менѣе соотвѣтствовало бы системѣ, принятой самимъ правительствомъ, чѣмъ откровенное и чуждое всякихъ заднихъ мыслей исполненіе нашего долга. Мы обязаны и впередъ не уклоняться отъ этого правила. Важнѣйшему изъ сообщеній правительства за прошлый мѣсяцъ, именно обнародованной смѣтѣ государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1869 годъ, мы посвящаемъ ниже особую статью. Здѣсь же ограничимся только выраженіемъ желанія, чтобы благопріятныя предвидѣнія смѣты не нарушились какими либо чрезвычайными обстоятельствами.

Что смѣта еще не составляетъ окончательной гарантіи равновѣсія расходовъ съ доходами или хотя бы той степени, въ какую предвидѣно нарушеніе равновѣсія, въ смыслѣ излишка расходовъ, — это было извѣстно и тогда, когда у насъ печаталась только одна смѣта и даже тогда, когда еще и смѣта не обнародовалась. Доказательство дефицита, мало того — доказательство, что дефицитъ превосходилъ предвидѣнную цифру, было явно: необходимость новыхъ займовъ.

Но только съ прошлаго года мы стали получать точныя свѣдѣнія относительно того, въ какой мѣрѣ дѣйствительное исполненіе смѣты согласуется съ ея предвидѣніями. Публикованный въ прошломъ году, въ первый разъ, отчетъ государственнаго контроля, за смѣтный періодъ 1866 года, былъ встрѣченъ съ общимъ сочувствіемъ, несмотря на различіе мнѣній собственно о новой контрольной кассовой и ревизіонной системѣ. И тѣ, кто считаетъ нашу систему контроля еще слишкомъ недостаточною, привѣтствовали и обнародованіе и самое составленіе контрольнаго отчета на основаніи смѣтныхъ правилъ 1862 года.

Въ самомъ дѣлѣ, польза, приносимая этимъ отчетомъ, несомнѣнна. Онъ вносится въ государственный совѣтъ ко времени разсмотрѣнія государственной росписи на предстоящій годъ и доставляетъ важный матеріалъ для обсужденія и предусмотрѣній будущей смѣты, и дѣйствительнаго положенія финансовыхъ силъ страны вообще. Обнародованіе же отчета пріобщаетъ все общество къ этимъ свѣдѣніямъ. Если бы государственное хозяйство, находясь не только исключительно въ рукахъ администраціи, но и завися отъ столькихъ различныхъ административныхъ учрежденій, не нуждалось въ контролѣ болѣе дѣйствительномъ, чѣмъ то согласованіе расходовъ съ правилами, которымъ занимается контроль при предварительномъ разсмотрѣніи смѣтъ отдѣльныхъ министерствъ, и если бы обнародованіе въ концѣ года цифръ сверхсмѣтныхъ ассигнованій потребованныхъ каждымъ министерствомъ служило достаточною преградою на будущее время къ испрашиванію такихъ чрезвычайныхъ кредитовъ, — то къ удовольствію, съ какимъ встрѣчаютъ это прекрасное нововведеніе, не примѣшивалось бы никакихъ пожеланій.

А удовольствіе эти отчеты — и отчетъ за 1867 годъ въ особенности — все-таки доставляютъ обществу, и удовольствіе вполнѣ основательное, удовольствіе не только потому, что въ обнародованіи этихъ отчетовъ отразился духъ реформы, но и потому, что въ самомъ отчетѣ заключаются нѣкоторые утѣшительные факты. Къ фактамъ утѣшительнымъ принадлежитъ то, что производительныя силы Россіи, хотя и медленно, но вѣрно возрастаютъ, а также и то, что въ самомъ направленіи финансоваго хозяйства видно искреннее стремленіе къ водворенію порядка, не только наружнаго, посредствомъ единства кассы и уясненія бюджетныхъ статей, но и внутренняго, дѣйствительнаго — посредствомъ возможнаго устраненія непредвидѣнныхъ, сверхсмѣтныхъ ассигновокъ.

Сперва нѣсколько словъ о самомъ составѣ отчета контроля за 1867 годъ. Онъ полнѣе прежняго, именно въ него вошли обороты царства польскаго, вслѣдствіе сліянія бюджета царства съ бюджетомъ имперіи и распространеніе на царство польское новаго кассоваго и ревизіоннаго порядка, послѣдовавшаго въ 1867 году; обороты нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностей также вошли въ этотъ отчетъ по дѣйствительному своему исполненію, между тѣмъ, какъ въ первомъ отчетѣ обороты всѣхъ этихъ мѣстностей были показаны просто въ цифрахъ смѣтныхъ. Къ новому отчету приложена вѣдомость о распредѣленіи доходовъ и расходовъ 1867 года по мѣстностямъ и срокамъ ихъ поступленія и производства, интересная въ особенности въ статистическомъ отношеніи. Далѣе, очень существенное дополненіе къ отчету составляетъ вновь составленный сводъ недоимокъ и долговъ государственному казначейству, оставшихся отъ прежнихъ лѣтъ и образовавшихся въ теченіи 1867 года. Этотъ сводъ, впрочемъ, еще не полонъ, такъ какъ у разныхъ хозяйственныхъ учрежденій числятся долги по ихъ спеціальнымъ операціямъ, еще неизвѣстные государственному контролю. Но всего важнѣе въ отчетѣ за 1867 годъ то именно, что онъ — второй отчетъ, стало быть всѣ цифры и выводы его могли быть сдѣланы и дѣйствительно сдѣланы *сравнительно*, то-есть, съ постояннымъ обращеніемъ къ цифрамъ предшествующаго отчета. Такимъ образомъ, отчеты государственнаго контроля, составленные въ связи, дадутъ средства судить о томъ, въ какой мѣрѣ возрастаетъ или падаетъ та или другая отрасль доходовъ, уменьшается или увеличивается какой-либо родъ расходовъ. При постоянномъ обращеніи къ цифрамъ отчета за 1866 годъ, нынѣшній отчетъ излагаетъ и причины замѣчаемыхъ разностей, именно указываетъ на новыя постановленія или экономическія обстоятельства, имѣвшія вліяніе на государственное хозяйство.

Чтобъ бросить общій взглядъ на результаты, оказывающіеся изъ отчета, намъ приходится привести хотя бы самыя общія цифры росписи на 1867 годъ. Вотъ итоги ея предположеній:

	Руб.	Коп.
Доходовъ (обыкновенныхъ, спеціальныхъ ресурсовъ, остатковъ отъ прежнихъ смѣтъ) всего .	428,643,876	77
Расходовъ (обыкновенныхъ, экстраординарныхъ на желѣзныя дороги, и неисполненныхъ по прежнимъ смѣтамъ) всего.	435,000,171	2³/₄
На сверхсмѣтныя назначенія сверхъ того было отчислено еще 8 м. 850 т. р., да еще недоборъ въ доходахъ былъ опредѣленъ въ 4 м. руб.; со всѣмъ этимъ общая цифра расходовъ составляла по смѣтѣ	443,850,171	2³/₄
Итакъ, предвидѣлся дефицитъ противъ предположенной суммы доходовъ.	15,206,294	25³/₄

Вотъ эта-то предположенная цифра дефицита въ дѣйствительности достигнута *не была.* Дефицитъ, конечно, оказался на 5 слишкомъ милліоновъ руб. менѣе ея, именно составилъ всего почти 10 милл. рублей. И замѣтимъ, что эта послѣдняя цифра представляетъ не только дефицитъ, оказавшійся по исполненію смѣты 1867 года послѣдовавшему по ней до заключенія ея, то-есть до 1-го іюля 1868 года, но и все дѣйствительное превышеніе расходовъ предъ доходами по этой смѣтѣ, то-есть принявъ во вниманіе и тѣ расходы, которые ко дню заключенія смѣты еще произведены не были.

Почему же цифра смѣтнаго дефицита не только не была превзойдена въ дѣйствительности, но еще понизилась на цѣлую треть? Главная причина такого результата и сама по себѣ представляетъ фактъ благопріятный. Эта главная причина заключалась въ томъ, что обыкновенныхъ доходовъ поступило въ дѣйствительности болѣе, чѣмъ было предвидѣно слишкомъ на 20 милл. рублей (за исключеніемъ цифры недобора). Такой результатъ свидѣтельствуетъ, что экономическія силы страны возрастаютъ, и потому въ высшей степени важенъ. Главное превышеніе въ поступленіи доходовъ образовалось по статьямъ: податей и оброка за землю, сбора за право торговли, доходамъ питейному, съ свеклосахарнаго производства, отъ монетныхъ дворовъ, таможеннаго и отъ желѣзныхъ дорогъ.

Итакъ, превышеніе поступленія доходовъ зависѣло въ сильной степени именно отъ развитія экономическихъ силъ и отъ исправнаго взноса подушной подати податными сословіями—въ неурожайный годъ, фактъ, на который мы уже не разъ указывали, какъ на краснорѣчивое опроверженіе расточаемыхъ народу съ извѣстной стороны и съ извѣстными цѣлями упрековъ въ распущенности, неспособности къ самостоятельному труду и разоренію. Что земледѣльческое сословіе, не смотря на неурожай, могло оплатить установленныя въ 1866 году дополнительную подушную подать и добавочную къ оброчной подати за земли, внесть податей слишкомъ на 3 милл. рублей болѣе противъ

1866 года—фактъ, который громко говоритъ за самостоятельный трудъ и нравственную энергію русскаго крестьянства.

Возвышеніе поступленія сбора за право торговли и питейнаго дохода объясняется нѣкоторыми правительственными распоряженіями (законъ 21-го ноября 1866 года о порядкѣ обложенія торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ земскимъ налогомъ, ограниченіе безъакцизнаго перекура въ пользу заводчиковъ). Но затѣмъ, превышеніе предвидѣній бюджета относительно поступленія дохода зависѣло уже прямо отъ экономическаго развитія. Такъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ избытковъ поступленій, именно сборъ таможенный (получено почти 9 милл. рублей болѣе смѣты) зависѣлъ отъ усиленія привозной торговли по нашей европейской границѣ въ 1867 году противъ 1866 года.

Въ сравненіи съ 1866 годомъ, таможенный доходъ увеличился почти на 7 милліоновъ, но изъ этой суммы приходится вычесть сумму недобора по извѣстной торговлѣ, именно 174 т. р., такъ что изъ всего избытка таможеннаго дохода въ 1867 году въ сравненіи съ 1866 оказывается около 6 м. 816 т. р. Еще краснорѣчивѣе самыя цифры привоза, именно: въ 1866 году около 180½ милл. руб., а въ 1867 году болѣе 236 м. 800 т. р. Въ возвышеніи таможеннаго дохода отъ европейской нашей торговли занимаетъ первое мѣсто усиленіе привоза чаю моремъ; оно и доставило болѣе одной трети общей суммы превышенія таможеннаго дохода противъ 1866 года; оно же объясняетъ, въ извѣстной мѣрѣ, и недоборъ по азіятской торговлѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что наши торговые обороты съ Азіею, естественно претерпѣвая уменьшеніе вслѣдствіе ослабленія сухопутнаго привоза чаю въ Россію, необходимо должны бы развиться въ тоже время на гораздо бо́льшую сумму вслѣдствіе пріобрѣтеній нашихъ въ средней Азіи и, если не развиваются, то это прямо слѣдуетъ приписать неопредѣленности нашей политики тамъ, которая идетъ ощупью къ неизвѣстному. Прошло четыре года съ тѣхъ поръ, какъ въ нашихъ рукахъ такой важный торговый центръ, какъ Ташкентъ, но до сихъ поръ, можно сказать, еще рѣшительно ничего не сдѣлано для сколько-нибудь серьезнаго развитія нашего торговаго значенія въ средней Азіи. Мало того: до какой степени этому интересу первый важности оказывается равнодушіе, видно изъ слѣдующаго факта: когда въ западномъ Китаѣ началась неурядица, то очень значительный чайный привозъ въ Туркестанъ изъ Китайской имперіи направился дальнимъ, южнымъ путемъ, а не ближайшимъ, сѣвернымъ, и Кяхта, которой такъ кстати было бы такое подспорье падающимъ ея оборотамъ, долгое время оставалась безъ всякаго участія въ выгодахъ англичанъ. Далѣе мы можемъ только сказать, что мы внесли въ торговыя дѣла средней Азіи панику и больше ничего. Немудрено, что наша азіятская торговля, ослабляемая соперничествомъ Кантона Кяхтѣ и неразвивающаяся съ другой стороны по

отсутствію опредѣленной политической системы и недостатку безопасности сообщеній, будетъ все болѣе и болѣе падать. Да и теперь уменьшеніе, въ теченіе года, одного таможеннаго сбора на 175 т. р. представляетъ уже весьма краснорѣчивую цифру.

Другой видъ увеличенія казеннаго дохода и возрастанія экономическихъ силъ страны представили казенныя желѣзныя дороги. Превышеніе по этой отрасли составило болѣе 2 милл. р. противъ смѣты, а противъ дѣйствительнаго поступленія 1866 года слишкомъ 4 мил. р. Въ этомъ увеличеніи почти ровно на половину участвовали: открытіе новыхъ линій казенныхъ дорогъ, именно отъ Москвы до Тулы, и усиленіе сборовъ на Николаевской дорогѣ. Николаевская дорога представляется одною изъ самыхъ производительныхъ въ свѣтѣ и, намъ извѣстно, что въ текущемъ году доходъ съ нее предположенъ уже въ 15½ милліоновъ.

Исполненіе смѣты 1867 года представляетъ и другой утѣшительный фактъ — нѣкоторое сокращеніе расходовъ. Расходы, въ сравненіи съ 1866 годомъ, уменьшены слишкомъ на 15 м. 235½ р., но такъ какъ, по нѣкоторымъ управленіямъ, въ тоже время расходы усилились, почти на 7½ мил. р., то въ окончательномъ результатѣ *уменьшеніе* итога нашихъ расходовъ, въ 1867 году, выразилось цифрою почти 7 мил. 765 т. р., — результатъ очень хорошій, хотя въ немъ и отразилось скорѣе правильное расходованіе суммъ, чѣмъ преобразованіе самого хозяйства.

Изъ отдѣльныхъ сбереженій, входящихъ въ составъ приведенной суммы 7 м. 765 т. р. едва-ли не самое пріятное явленіе представляетъ около 2½ м. р. противъ 1866 г., произведенное военнымъ министерствомъ. Что военному министерству представилась возможность сдѣлать такое сокращеніе, несмотря на усиленные расходы въ Туркестанскомъ краѣ[1]) — это результатъ относительно очень хорошій. Замѣтимъ, что сбереженіе это произошло главнымъ образомъ именно отъ сокращенія наличнаго состава войскъ и оказалось преимущественно по расходамъ интендантской части. Конечно, уменьшеніе общаго расхода около 130 милл. р. на 2½ милл. р., особенно при отсутствіи важныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, не можетъ быть признано фактомъ важности первостепенной. Но таковъ пока характеръ всѣхъ нашихъ хозяйственныхъ успѣховъ: больше порядка,—и это недурно. По морскому министерству найдено возможнымъ изъ бюджета менѣе 25 милл. (1866 г.) сдѣлать, въ 1867 году, сокращеніе вдвое больше противъ того, какое оказалось по министерству военному съ его 130 милліо-

---

[1]) Непонятно, впрочемъ, почему отчетъ показываетъ увеличеніе расходовъ по этому краю въ 600 т. р., когда въ другомъ мѣстѣ отчета говорится, что свѣдѣній объ оборотахъ по этому краю за 1867 годъ ко времени составленія отчета не получено «по отдаленности мѣстности»?

нами, именно—слишкомъ 5 м. 825 т. р. Это зависѣло отъ употребленія здѣсь нѣкоторыхъ коренныхъ мѣръ, такихъ, какія желательны и по министерству военному, именно сокращеніе черноморскаго флота и упраздненіе нѣкоторыхъ портовъ. Во всей сравнительной вѣдомости контроля о дѣйствительныхъ расходахъ 1866 и 1867 годовъ отдѣльно по каждому управленію, по одному только морскому министерству показывается истинное преобразованіе въ хозяйствѣ, а не одно только разсчетливое расходованіе суммъ: сокращеніе здѣсь произведено болѣе чѣмъ на цѣлую четверть итога 1866 года.

Что касается увеличенія расходовъ, то здѣсь на первомъ планѣ стоитъ превышеніе 1867 года противъ 1866 по системѣ государственнаго кредита почти на 3½ м. р.[1]), и затѣмъ замѣчается увеличеніе расходовъ по осуществленію одной изъ важнѣйшихъ реформъ, именно по введенію новыхъ судебныхъ установленій; расходъ министерства юстиціи въ 1867 году превзошелъ расходъ 1866 года слишкомъ на 1 м. 236 т. р.

Расходъ по министерству народнаго просвѣщенія увеличился всего на 226½ тысячъ, а расходъ по духовному вѣдомству слишкомъ на 845½ т. Да не заключитъ изъ этого читатель, что русское государство до сихъ поръ издерживало уже достаточно на народное просвѣщеніе и слишкомъ мало на духовное вѣдомство.

Приведемъ общіе итоги расходовъ за два года, для сравненія:

Расходы 1866 года . . . . 409.622,450 р. 25½ к.

Расходы 1867 года . . . . 401.857,528 р. 1¾ к.[2])

Сравненіе цифръ 1867 года съ 1866 годомъ важно потому, что оно даетъ намъ указанія на общій *ходъ* нашихъ финансовыхъ дѣлъ; изъ этого сравненія мы можемъ судить—есть-ли успѣхъ или нѣтъ въ нашемъ хозяйствѣ. Но это сравненіе не объясняетъ намъ самаго *способа* хозяйства, не даетъ его физіономіи. Для этого мы должны обратиться къ смѣтѣ 1867 года и бросить взглядъ на ассигнованія *сверхсмѣтныя*, какія оказались въ 1867 году. Общія цифры мы уже привели выше; напомнимъ только, что по смѣтѣ предвидѣлся дефицитъ около 15 милл. р., а въ дѣйствительности оказался только около 10 милл. р. Но сколько составила въ 1867 году сумма сверхсмѣтныхъ ассигнованій вообще? Эти ассигнованія исполнялись государственнымъ казначействомъ удобно, при помощи частью увеличенія

[1]) Несмотря на благопріятный курсъ, установившійся въ 1867 году; а одно это обстоятельство уже составило сбереженіе въ 2 м. 675 т. р., которое было однако поглощено платежами по двумъ займамъ 1866 года.

[2]) Для однородности цифръ, изъ итоговъ расходовъ здѣсь исключены расходы по царству польскому и на счетъ общественнаго сбора, т. е. за 1867 годъ около 23 милл. рублей.

поступленія доходовъ, частью изъ трехъ займовъ прежнихъ лѣтъ. Но цифра сверхсмѣтныхъ расходовъ, какъ бы удачно они покрыты ни были, интересна сама по себѣ. Ассигнованій сверсмѣтныхъ въ теченіи 1867 года потребовалось почти *42 милліона* рублей [1]). Чьи были главныя доли въ этихъ сверхсмѣтныхъ расходахъ? За исключеніемъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій по желѣзнымъ дорогамъ, общая сумма сверхсмѣтныхъ составляетъ около 32½ милл. рублей. Въ составленіи ея само министерство финансовъ участвовало болѣе чѣмъ на четверть, именно на 28% [2]), военное министерство на 25%, министерство двора на 6%, управленіе Царства Польскаго почти 6% и министерство путей сообщенія почти 5½%, остальныя же вѣдомства вмѣстѣ взятыя—15½%.

Этихъ цифръ нельзя не признать очень удовлетворительными. Прибавимъ, что объясненія необходимости нѣкоторыхъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій тоже вполнѣ убѣдительны. Такъ сверхсмѣтные кредиты по интендантскому вѣдомству за 1867 годъ объясняются вздорожаніемъ— объясненіе, которое вѣроятно будетъ во всѣхъ отчетахъ, такъ какъ цѣны постоянно возвышаются; другое объясненіе, состоящее въ томъ, что «при составленіи росписи 1867 года было произведено значительное сокращеніе кредитовъ интендантскаго вѣдомства, каковое сокращеніе вызвало требованіе дополнительныхъ назначеній»—ужъ вовсе не убѣдительно. За чѣмъ же было сокращать интендантскіе расходы при составленіи смѣты и потомъ требовать все это сокращеніе сверхъ смѣты?

Мы сказали выше, что собственно расходованіе суммъ, то-есть покрытіе расходовъ, кассовое хозяйство за 1867 г. было удобно. Въ кассахъ министерства финансовъ было «достаточно денежныхъ средствъ». За общими итогами, это кассовое хозяйство 1867 года заключилось благопріятнымъ результатомъ, именно: въ распоряженіи министерства финансовъ будетъ находиться свободныхъ отъ употребленія по смѣтѣ 1867 года суммъ—до 30 милл. рублей, что́ составляетъ важное удобство при исполненіи смѣтъ послѣдующихъ годовъ.

Рядомъ съ финансовымъ отчетомъ за 1867 годъ намъ приходится поставить отчетъ за тотъ же годъ о дѣятельности религіозно-нравственной, отчетъ господина оберъ-прокурора св. синода, напечатанный — впрочемъ только въ извлеченіяхъ — въ первыхъ номерахъ новаго «Правительственнаго Вѣстника». И здѣсь прежде всего остановимся на вопросѣ хозяйственномъ. Изъ отчета видно, что вопросъ объ улучшеніи быта низшаго духовенства, вопросъ, которымъ довольно

[1]) Въ томъ числѣ около 10 м. къ экстраординарнымъ рессурсамъ на постройку желѣзныхъ дорогъ.

[2]) Кромѣ сверхсм. ассигн. по системѣ государственнаго кредита. Хотя надо замѣтить, что зато въ сверхсмѣтныхъ издержкахъ по министерству финансовъ большая часть относится къ потребностямъ другихъ вѣдомствъ.

усердно занималась въ прошломъ году часть нашей печати, обращалъ на себя вниманіе высшаго духовнаго начальства. Тому тяжелому положенію сельскаго духовенства, о которомъ отчетъ упоминаетъ очень рельефнымъ образомъ, могли бы пособить, очевидно, только общія мѣры, но такія именно мѣры, которыя нисколько не обременяли бы государственнаго бюджета. Средство здѣсь можетъ быть только одно: организовать правильнымъ образомъ распредѣленіе тѣхъ приношеній въ пользу церкви, на которыя не скупится народъ, но которыя менѣе всего обезпечиваютъ нынѣ именно ту часть духовенства, которая ближе всего стоитъ къ сельскому классу. Вопросъ этотъ вызывается не только необходимостью улучшить матеріяльное положеніе сельскаго духовенства, но и оградить его достоинство отъ нерѣдко встрѣчающейся необходимости выпрашивать приношенія, безъ которыхъ священнику нельзя жить.

Но изъ отчета не видно, чтобы приготовлялись какія либо предположенія объ общихъ, въ этомъ отношеніи, мѣрахъ. Отчетъ говоритъ: «при множествѣ препятствій къ одновременному общему улучшенію матеріяльнаго положенія духовенства, предпринимаются однако же постепенно возможныя мѣры къ облегченію его жизни». Но тѣ постепенныя мѣры, которыя придуманы до сихъ поръ, ограничиваются ассигнованіемъ въ 1866 году пенсіоннаго кредита, всего въ 288 т. р. на всю имперію и учрежденіемъ эмеритальныхъ кассъ. Замѣтимъ, что упомянувъ о дѣйствительно тяжеломъ положеніи сельскаго духовенства, отчетъ тутъ же какъ бы приравниваетъ къ нему и положеніе духовенства высшаго, говоря: «Даже высшее духовенство, за немногими (?) исключеніями, не имѣетъ вполнѣ обезпеченнаго положенія.» И дѣйствительно, относительно архіерейскихъ окладовъ принята въ 1867 году общая мѣра: они значительно возвышены.

Относительно внутреннихъ распоряженій по духовному вѣдомству, т. е. распоряженій, касающихся быта и дѣятельности самого духовенства, мы находимъ въ напечатанныхъ частяхъ отчета, кромѣ извѣстной уже мѣры объ отмѣнѣ наслѣдственности приходскихъ мѣстъ, и кромѣ мѣръ относящихся къ устройству духовно-учебныхъ заведеній, — только самыя общія свѣдѣнія, какъ-то: о высшихъ назначеніяхъ въ церкви, о предписаніи архіереевъ низшему духовенству больше заниматься проповѣдническими трудами, наконецъ о съѣздахъ духовенства. Напечатано также изъ отчета подробное описаніе юбилея заслугъ, кончины и погребенія покойнаго митрополита московскаго Филарета.

Наибольше интересныя изъ обнародованныхъ свѣдѣній отчета касаются миссіонерской дѣятельности духовенства. Здѣсь есть описаніе присоединенія къ православію «Іустина, лже-епископа тульчинскаго» и «Павла Прусскаго». Факты эти были извѣстны, но оффиціальное изложеніе ихъ все-таки имѣетъ цѣну. Съ Іустиномъ и Павломъ воз-

вратились въ единовѣріе и ближайшіе приверженцы ихъ, при чемъ одному изъ нихъ, Голубеву, разрѣшено было перевесть изъ Пруссіи во Псковъ типографію, въ которой онъ печаталъ раскольническія сочиненія. Замѣчательно, что Голубева вмѣстѣ съ тѣмъ обязали, чтобы сочиненія, которыя онъ вызвался печатать теперь въ опроверженіе всякихъ расколовъ, печатались непремѣнно тѣмъ именно славянскимъ шрифтомъ, какимъ онъ прежде разсѣвалъ вредныя лжеученія.

Общее число присоединившихся къ православію въ 1867 году въ Россіи, считая тутъ перешедшихъ и изъ раскола и изъ прочихъ христіянскихъ исповѣданій, и изъ еврейства, магометанства и язычества, составляло, по словамъ отчета, 23,596 душъ обоего пола. При этомъ, изъ сличенія подробныхъ цифръ приведенныхъ въ отчетѣ, оказывается, что болѣе всего обратилось католиковъ, именно 13,639 человѣкъ, въ томъ числѣ французскій аббатъ Мордрель.

Миссіонерская дѣятельность на востокѣ въ Сибири и среди поволжскаго населенія шла болѣе или менѣе успѣшно; но что касается собственно раскольниковъ, то изъ цифръ отчета прямо слѣдуетъ, что, несмотря на такіе важные отдѣльные успѣхи, какъ присоединеніе Іустина, Павла и нѣкоторыхъ другихъ учителей раскола,—общіе результаты миссіонерства здѣсь не представляютъ успѣха. Отчетъ упоминаетъ объ усиленіи раскола въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и усиленіе это было такъ значительно, что представляющая его цифра совращенія православныхъ въ расколъ превосходитъ итогъ раскольниковъ, присоединившихся къ православію въ 1867 году, по всей Россіи. Нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ мѣрѣ, принятой въ 1867 году, относительно допущенія дѣтей раскольниковъ въ учебныя заведенія, основанныя правительствомъ, безъ принужденія ихъ къ экзамену изъ закона Божія и къ обязательному слушанію уроковъ по катехизису. Это касается собственно училищъ министерства народнаго просвѣщенія и то, вѣроятно, только низшихъ [1]). Но и эта, незначительная сама по себѣ мѣра, важна тѣмъ убѣжденіемъ, которое въ ней проявляется. Важно то, что духовенство уже убѣдилось, хотя бы покамѣстъ только въ томъ, что просвѣщеніе — болѣе вѣрное средство для пропаганды, чѣмъ мѣры принужденія. Правда, отсюда еще далеко до согласія на предоставленіе народу полной свободы совѣсти, даже отъ той вѣротерпимости, которая установлена у насъ государствомъ, еще далеко до религіозной свободы, до свободы совѣсти. Мы, повидимому, еще не сознали, что для насъ свобода совѣсти не представляетъ ровно никакой опасности: едва ли даже само свѣтское общество уже сознало, что, въ дѣлахъ вѣры, неразумно и

[1]) Интересно бы было знать, будетъ ли раскольникъ допущенъ въ университетъ и можетъ ли онъ получить ученый дипломъ?

безуспѣшно принужденіе. Можно ли, при такихъ обстоятельствахъ, ожидать, чтобы это сознало духовенство? Впрочемъ, примѣръ всѣхъ странъ и народовъ свидѣтельствуетъ, что духовенство господствующей церкви никогда не мирится охотно съ соблюденіемъ въ государствѣ полной религіозной свободы. Итакъ, если государство будетъ ожидать, для отмѣны всякихъ свѣтскихъ принужденій въ дѣлѣ вѣры, пока само духовенство дастъ на то свое согласіе, то ему придется ожидать вѣка, и все-таки безуспѣшно. Въ этомъ дѣлѣ починъ положительно долженъ исходить отъ государства, и отмѣна принужденія, въ дѣлахъ вѣры, всегда и вездѣ бывшая однимъ изъ коренныхъ реформъ въ смыслѣ освобожденія гражданъ отъ стѣсненій, государству вовсе не нужныхъ и державшихся единственно по преданію, да еще личною силою клерикальныхъ кружковъ — было бы однимъ изъ украшеній нашей эры реформъ, совершенно соотвѣтственнымъ смыслу всего уже совершившагося.

Набожность народа, усердіе всѣхъ сословій къ церквамъ свидѣтельствуются въ отчетѣ многими примѣрами, изъ которыхъ нѣкоторые представляютъ очень значительныя пожертвованія отдѣльныхъ лицъ на построеніе храмовъ и монастырей. Достаточно сказать, что кромѣ пожертвованій недвижимыми имуществами и вещами, однихъ денежныхъ приношеній на храмы за 1867 годъ показано въ отчетѣ 2¼ милліона руб. Если бы возможно было исчислить, кромѣ того, итогъ всякаго рода отдѣльныхъ приношеній, въ томъ числѣ и за совершеніе требъ, и по случаю праздниковъ, и по завѣщаніямъ на поминовеніе, и свѣчной сборъ, то, нѣтъ сомнѣнія, итогъ вышелъ бы громадный.

Но какъ ни краснорѣчивы эти свидѣтельства набожности народа, они вовсе не опровергаютъ того факта, что нравственное просвѣщеніе народа составляетъ еще у насъ потребность навѣрное еще болѣе настоятельную, чѣмъ самое обращеніе въ христіанство какихъ-нибудь язычниковъ-черемисъ, попеченіемъ особыхъ миссіонеровъ. Послушаемъ, что́ говоритъ самъ отчетъ: «при всей преданности нашего народа вѣрѣ и церкви православной, еще многіе изъ народа не имѣютъ яснаго понятія о главнѣйшихъ догматахъ вѣры, мало знаютъ важнѣйшія истины нравственнаго христіанскаго ученія» и проч. «Отъ этого и самая набожность нашего народа часто проявляется въ его жизни не какъ осмысленное, разумное исполненіе христіанскихъ обязанностей, но какъ дѣло привычки и безотчетнаго подражанія примѣру старшихъ и нерѣдко ограничивается однимъ исполненіемъ нѣкоторыхъ обрядовыхъ постановленій церкви».

Отчетъ г. оберъ-прокурора касается и нѣкоторыхъ сторонъ народнаго быта. Въ немъ есть особая рубрика подъ названіемъ: «Главныя несовершенства, требующія *особенныхъ* мѣръ», въ которой говорится не о несовершенствахъ, которыя были бы замѣчены въ духовенствѣ, а именно

о главныхъ несовершенствахъ самой православной паствы. Въ числѣ ихъ, первымъ поставлена: «давняя, самая вредная и губительная болѣзнь нашего народа — пьянство, болѣе и болѣе усиливающееся, не смотря даже, въ минувшемъ году, на недостатокъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи хлѣба». По вопросу о пьянствѣ, мы однажды указали на неудобство ставить его на политической почвѣ и отрицать во что бы то ни стало усиленіе пьянства потому только, что боишься, какъ бы изъ этого факта не вывели необходимость помѣщичьей или хотя бы усиленной исправничьей опеки. Едва ли возможно, даже основываясь на статистическихъ цифрахъ, которыя у насъ такъ податливы отрицать фактъ, который никто не признаетъ такъ громко какъ именно сами крестьяне. Цифры г. Бушена во всякомъ случаѣ не даютъ картины «безобразнаго» потребленія вина. Число пьяницъ могло умножиться и безъ увеличенія общаго количества потребляемаго вина.

Указаніе отчета духовнаго вѣдомства, которое имѣетъ къ народу столь близкія и повсемѣстныя отношенія, въ этомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія. Отчетъ прямо говоритъ, что пьянство постоянно усиливается, мѣстные архипастыри въ своихъ сообщеніяхъ указываютъ именно на дешевизну водки и на размноженіе кабаковъ. Въ отчетѣ указаны еще слѣдующіе обычаи, способствующіе пьянству: оплачивать работу стороннихъ людей, нанятыхъ для работы въ праздникъ, виномъ; употребленіе вина при волостныхъ правленіяхъ и сходкахъ, при чемъ вліяніе вина отражается иногда и на характерѣ приговоровъ, наконецъ послабленіе со стороны сельскихъ начальствъ: «Вмѣсто того, чтобы заставлять невоздержныхъ доставать подати собственными трудами — пишетъ костромской преосвященный — взимаютъ въ уплату то, что́ скапливается усиленными работами женъ или дѣтей, которыя, вслѣдствіе того, окончательно разоряются, а отцы семейства продолжаютъ свою нетрезвую жизнь, истрачивая для нея кое-какія средства, въ надеждѣ, что подати будутъ уплачены».

Хотя въ отчетѣ и сказано, что духовенство и приходскія попечительства «стремились къ искорененію развивающагося пьянства», однако мы не видимъ, что́ сдѣлано въ этомъ отношеніи духовенствомъ и, въ особенности, что́ можетъ быть сдѣлано приходскими попечительствами. Духовенство, въ этомъ отношеніи, имѣетъ только два орудія: проповѣдь и примѣръ. Но, говоря собственно о духовенствѣ сельскомъ, мы можемъ утверждать, что оно само, по недостатку образованія и по сухости, мертвенности того призрака гражданскаго образованія, которое оно можетъ почерпать въ духовныхъ, даже среднихъ школахъ (семинаріяхъ), это духовенство не стоитъ такъ высоко надъ уровнемъ крестьянскихъ обычаевъ, чтобы съ успѣхомъ употребляло какъ то, такъ и другое изъ названныхъ орудій. Указаніе отчета, приведенное нами, имѣетъ значеніе для насъ, какъ свидѣтельство; но въ са-

момъ отчетѣ оно едва ли не излишне, и подаетъ ему только поводъ повторить еще въ нѣсколькихъ общихъ выраженіяхъ, какъ духовенство усердно печется о паствѣ. Скажемъ откровенно: наше сельское духовенство можетъ покамѣстъ развивать свою паству только обученіемъ грамотѣ ея дѣтей, а объ исправленіи паствы можетъ только молиться. Всякая роль, выходящая изъ этихъ предѣловъ, ему еще далеко не по силамъ, и дѣло усовершенствованія въ немъ должно идти ab ego.

Какъ велико могло бы быть образовательное вліяніе духовенства, еслибы образованіе самого духовенства подготовляло его къ живой педагогической дѣятельности—это мы видимъ изъ цифры учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ. По свѣдѣніямъ отчета, она составляла 391,106 душъ (336,215 мальчиковъ и 54,891 дѣвочка). Сама по себѣ эта цифра, конечно, свидѣтельствуетъ въ пользу низшаго духовенства; въ усердіи духовенства къ дѣлу народнаго образованія мы и не думаемъ сомнѣваться; оно учитъ какъ можетъ. Другое дѣло польза отъ обученія, которое ограничивается церковно-славянскимъ букваремъ. Въ этой пользѣ нельзя не сомнѣваться, а потому фактъ, что народное обученіе находится у насъ въ рукахъ священно и церковно-служителей, представляется не совсѣмъ утѣшительнымъ. Въ этомъ случаѣ приверженцы оставленія народнаго обученія въ рукахъ духовенства обыкновенно ссылаются на примѣръ Германіи, гдѣ въ самомъ дѣлѣ первоначальное образованіе такъ успѣшно распространилось въ народѣ именно по настояніямъ и подъ руководствомъ духовенства. Но этотъ примѣръ вовсе не годится въ сравненіе съ нашими обстоятельствами. Во-первыхъ, лютеранскіе пасторы—люди съ университетскимъ образованіемъ; во-вторыхъ—религіозное обученіе, которымъ духовенство, естественно, занимается исключительно или преимущественно—въ Германіи все происходитъ на живомъ народномъ языкѣ. Ученикъ мекленбуржецъ, заучивая наизусть молитвы и тексты на Hochdeutsch, тѣмъ самымъ ознакомляется съ языкомъ литературнымъ; ребенокъ, научающійся читать по Лютеровой библіи, можетъ затѣмъ свободно читать любую общеобразовательную книгу. У насъ же, церковно-славянскій букварь не даетъ ключа къ свѣтской, общеобразовательной письменности и природному великоруссу. А въ какой мѣрѣ знаніе церковнославянскихъ молитвъ можетъ приблизить къ русскому литературному языку бѣлорусса или малорусса, не говоря уже о чувашѣ и вотякѣ, или латышѣ и эстѣ?

Дѣлая эти оговорки, мы, конечно, не ставимъ указываемаго нами факта въ вину духовенству: странно было бы упрекать его за усердіе, упрекать его за то, что у него много учениковъ. Но оставленіе въ рукахъ духовенства, малоразвитого, такой громадной важности дѣла, какъ первоначальное народное образованіе, относится къ недостатку

рѣшимости спеціальнаго вѣдомства народнаго просвѣщенія. Это вѣдомство все еще или не успѣло убѣдиться само, или неуспѣло привить въ высшей правительственной сферѣ убѣжденія, что народное образованіе въ Россіи составляетъ предметъ столь же настоятельной нужды, какъ напр. желѣзныя дороги. Тутъ не должно быть мѣста полумѣрамъ, и нельзя ограничиваться особымъ попеченіемъ надъ народнымъ образованіемъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно имѣетъ смыслъ прежде всего политическій: оно нужно всему русскому народу, оно есть вѣрнѣйшій залогъ и единства и развитія государства, поставленнаго реформами послѣднихъ лѣтъ совсѣмъ въ иныя условія. Всѣ согласны, что изъ народа должны выйти твердые, сознательные, независимые дѣятели, которые съ европейскою мыслью соединяютъ вѣрное знаніе народа и будутъ истинными его представителями. Только тогда, когда «интеллигенція» наша будетъ состоять изъ такихъ людей, представителей народа, образованное меньшинство у насъ будетъ силою.

Отчетъ оберъ-прокурора синода приводитъ фактъ, что число учениковъ въ школахъ, подвѣдомственныхъ духовенству, не только не уменьшается, но даже увеличилось въ 1867 году почти на 7,000 чел. Но въ этой цифрѣ едва ли можно видѣть что-либо иное, кромѣ результата и даже очень скромнаго результата—увеличенія народонаселенія, вмѣсто развитія въ народѣ убѣжденія въ пользѣ грамотности. Притомъ, надобно принять въ соображеніе и то обстоятельство, что всегда можетъ существовать различіе между вѣдомостями о посѣщеніи школъ и дѣйствительнымъ ихъ посѣщеніемъ. Иначе, то-есть если бы видѣть въ этой незначительной цифрѣ особое сочувствіе народа именно къ школамъ состоящимъ подъ руководствомъ духовенства, то этотъ результатъ былъ бы въ противорѣчіи съ другимъ фактомъ, на который указываетъ министерство народнаго просвѣщенія, именно, что школы, бывшія въ волостяхъ государственныхъ крестьянъ, и состоявшія также подъ руководствомъ духовенства, почти повсемѣстно закрываются.

Впрочемъ и самъ отчетъ оберъ-прокурора подтверждаетъ нашу основную мысль о неудовлетворительности духовно-школьной педагогики, когда признается, что число учениковъ въ школахъ, управляемыхъ духовенствомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сократилось именно вслѣдствіе учрежденія школъ земствами.

Этотъ предметъ приводитъ насъ къ третьему правительственному сообщенію или акту, о которомъ слѣдуетъ упомянуть въ хроникѣ истекшаго мѣсяца. Мы разумѣемъ циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ. Губернаторамъ предписывается побудить земство къ обезпеченію средствами школъ государственныхъ крестьянъ, не оставляя ихъ на попеченіи самихъ крестьянъ. Циркуляръ указываетъ на фактъ,

что въ большей части губерній эти школы оставлены на попеченіи однихъ крестьянъ и содержатся на одни мірскіе сборы съ малою помощью отъ земства, а въ иныхъ губерніяхъ и закрываются, не получая отъ земства никакой помощи. Циркуляръ, напоминая, что въ настоящее время все сельское населеніе подчинено одному общему управленію, и что стало быть вовсе нѣтъ основанія дѣлать различія между способами содержанія тѣхъ или другихъ волостей; сообщая, наконецъ, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ составляются соображенія объ устройствѣ сельскихъ училищъ на началахъ сліянія земско-хозяйственныхъ интересовъ всѣхъ сословій въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земскія учрежденія введены, предписываетъ, въ ожиданіи изданія новыхъ правилъ, войти въ сношеніе съ губернскими управами о немедленномъ обезпеченіи средствами училищъ бывшихъ крестьянъ государственныхъ имуществъ. При этомъ, предписывается, въ случаѣ нужды, входить въ сношенія и съ мировыми посредниками, которые «по отношеніямъ ихъ къ сельскимъ обществамъ—сказано въ циркулярѣ—имѣютъ возможность, разъяснивъ крестьянамъ пользу грамотности, склонить ихъ къ доставленію училищамъ необходимыхъ средствъ».

Цѣли этого циркуляра нельзя не сочувствовать. Но надо замѣтить, что никакіе посредники не убѣдятъ крестьянъ въ «пользѣ грамотности», ограничивающейся церковно-славянскими азами и что школы бывшихъ государственныхъ крестьянъ, независимо отъ необезпеченія ихъ земствами (это другой вопросъ, сословный), закрываются именно потому, что преподаваніе въ нихъ оказалось безплоднымъ по двадцатипятилѣтнему опыту.

Само собою разумѣется, что земства, обезпечивъ эти школы, самымъ своимъ вмѣшательствомъ въ ихъ устройство, измѣнятъ къ лучшему ихъ характеръ. Коль скоро это случится, то не надо будетъ и увѣщаній мировыхъ посредниковъ, чтобы убѣдить крестьянъ въ пользѣ ученья. Крестьянская масса, которой члены сами себя называли «людьми темными», положительно тронулась въ путь къ умственному развитію, подъ вліяніемъ коснувшихся ея реформъ. Дайте ей учителей, не стѣсняйте ея стремленія, не преслѣдуйте ея разномыслій, хотя бы они и сказывались нашими расколами, и она пойдетъ впередъ и втеченіи ближайшихъ десятилѣтій навѣрное сдѣлаетъ бóльшіе успѣхи, чѣмъ сдѣлаютъ въ тоже время тѣ слои нашего общества, которые со времени петровой реформы привыкли искать въ ученьи не знанія, не развитія, а чина и служебной карьеры.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го февраля 1869.

Парижская конференція по греко-турецкому столкновенію. — Забытые трактаты.—Любопытная дипломатическая переписка.—Бурре, Эллiотъ и Игнатьевъ.—Антинаціональная политика греческаго кабинета.—Тронная рѣчь Наполеона III и воинственныя угрозы. — Его отношеніе къ внутреннимъ дѣламъ Франціи. — Дѣло барона Сегье. — Недовольство католической партіи. — Волненія въ Италіи и новые налоги. — Письмо Гарибальди. — Испанія и выборы въ кортесы.

Vae victis—вотъ то политическое правило, вотъ то начало, которое изъ вѣка въ вѣкъ управляетъ международными отношеніями; и едва-ли можно было бы отыскать другое, которое было бы столь же живуче и столь же непоколебимо властвовало надъ исторіею человѣческихъ отношеній. Принципъ, отлившійся въ изрѣченіи Бренна: «Горе побѣжденнымъ», невольно вспоминается, когда останавливаешься передъ событіемъ и до настоящей минуты, главнымъ образомъ, занимающимъ собою общественные умы, и интересующимъ цѣлую Европу не столько само по себѣ, сколько по тѣмъ сцѣпленіямъ и случайностямъ, которыя оно такъ легко можетъ породить къ ущербу однихъ и выгодѣ другихъ. Мы разумѣемъ греко-турецкія дѣла, о которыхъ имѣли случай уже говорить въ нашемъ послѣднемъ иностранномъ обозрѣніи, что́, впрочемъ, не освобождаетъ насъ отъ обязанности обратиться къ нимъ еще разъ, такъ какъ вопросъ этотъ вошелъ въ новый, не безъинтересный для наблюденія фазисъ.

Мы остановились на томъ моментѣ греко-турецкаго столкновенія, когда европейскія правительства другихъ странъ, увидѣвъ, что турецкій ультиматъ съ энергіею былъ отвергнутъ не столько греческимъ правительствомъ, сколько рѣшительнымъ натискомъ общественнаго мнѣнія цѣлой Греціи, и когда, испуганные тѣми вѣроятными послѣдствіями, которыя повлекла бы за собою открытая война, они вмѣшались въ распрю двухъ сосѣдей, приняли на себя уладить ее, и предложили устроить конференцію, которая должна была разобрать, кто правъ, кто виноватъ? Конференція эта, какъ ни сомнительна казалась ея удача, состоялась, и 9-го января происходило въ Парижѣ

первое ея засѣданіе, тотчасъ же показавшее, насколько въ европейской дипломатіи существуетъ понятіе о справедливости. Послѣ довольно короткихъ переговоровъ о томъ, какая программа должна быть положена въ основаніе конференціи, европейскія державы пришли къ заключенію, что конференція должна исключительно заняться пятью извѣстными пунктами турецкаго ультимата, и ни на одинъ шагъ не выходить изъ назначеннаго предѣла. Подобная программа впередъ ручалась намъ за то, что новая конференція не будетъ имѣть никакого серьезнаго значенія для разрѣшенія восточнаго вопроса, или по крайней мѣрѣ для того, чтобы вопросъ этотъ сдѣлалъ шагъ впередъ къ достиженію столь желанной цѣли. Все, на что́ можно было надѣяться, это, что конференція съумѣетъ какъ-нибудь замазать новую щель, не раздражая ни ту, ни другую изъ заинтересованныхъ сторонъ; но на дѣлѣ оказалось, что европейская дипломатія не оказалась достаточно способною и для этой, кажется, не трудной задачи.

Какъ ни обидна должна была показаться Греціи программа конференціи, взявшей за базисъ надменныя требованія Порты, и позабывшей о трехлѣтней геройской борьбѣ греческаго населенія подвластнаго турецкому игу, она тѣмъ не менѣе, можетъ быть, съ надеждою взглянула бы на совѣщаніе европейскихъ дипломатовъ, еслибы самая большая несправедливость не была сдѣлана при самомъ началѣ тяжбы между Турціею и Греціею. Въ то время, какъ Турціи дана была роль судьи и подсудимой, Греція приглашена была въ засѣданіе конференціи какъ будто бы только для того, чтобы посадить ея представителя на скамью обвиненныхъ. Представитель Греціи при тюльерійскомъ кабинетѣ, Рангави, позванный въ конференцію только съ совѣщательнымъ голосомъ, воспользовался минутою открытія перваго засѣданія, чтобы энергически протестовать противъ того унизительнаго положенія, въ которое европейскія державы хотѣли поставить его страну. Одно изъ двухъ, говорилъ Рангави, или и Турція и Греція должны быть допущены въ конференцію съ одинаковыми правами, или и та и другая должны быть исключены. Въ вопросѣ справедливости не можетъ быть ни большихъ, ни маленькихъ государствъ, слѣдовательно Турція не можетъ имѣть голоса тамъ, гдѣ не имѣетъ его Греція; участіе Турціи въ подписаніи парижскаго трактата не можетъ быть причиною никакихъ преимуществъ Турціи передъ Греціею, потому что трактатъ 1856 года не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ столкновеніемъ. Какъ ни справедливо было, кажется, требованіе греческаго представителя, его представленіе не было принято во вниманіе, и конференція продолжала свои засѣданія не смотря на то, что Рангави перестадъ являться въ засѣданія европейскихъ дипломатовъ. Достоинство, съ которымъ велъ себя Рангави—нужно отдать ему справедливость—отвѣчало достойному и гордому поведенію греческаго на-

рода. Но лишь только конференція приняла такой оборотъ, надежда на сколько-нибудь прочное примиреніе между Турціею и Греціею была уничтожена, и къ какимъ бы результатамъ ни пришли теперь собравшіеся вмѣстѣ государственные люди, какія деклараціи ни подписали бы они, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что если Греція и подчинится въ данную минуту общему требованію Европы, то подчинится съ заднею мыслію при каждомъ случаѣ снова пользоваться возстаніемъ и недовольствомъ въ той или другой части имперіи, чтобы приблизиться къ осуществленію своей «великой идеи».

Можно было бы думать, судя по тому, какъ поставила вопросъ конференція, что въ ней участвуютъ исключительно недруги Греціи, между тѣмъ какъ на дѣлѣ въ ней засѣдаютъ представители державъ, которыя относятся къ Греціи съ полнымъ сочувствіемъ. Вслѣдствіе какихъ причинъ явилось общее соглашеніе для принятія турецкаго ультимата за основаніе совѣщанія, и благодаря какимъ соображеніямъ Грецію поставили въ унизительное положеніе относительно Турціи, лишая ее дѣйствительнаго голоса, и ставя ее какъ бы въ зависимое положеніе отъ ея врага,—рѣшить трудно. Быть можетъ, самыя серьезныя опасенія войны, и войны общеевропейской, заставили согласиться Россію, связанную съ Греціею столькими узами, и общимъ религіознымъ вѣрованіемъ и всѣми историческими традиціями, а за нею и Пруссію, на которую вся европейская пресса указываетъ какъ на неизмѣнную союзницу Россіи, а также и Италію, сочувственно относящуюся къ національнымъ стремленіямъ греческаго народа, на всевозможныя уступки, и даже нѣкоторое пожертвованіе достоинствомъ Греціи, лишь бы избѣгнуть окончательнаго разрыва въ настоящую минуту. Нужно было бы допустить справедливость этого соображенія, если бы мы повѣрили настойчивымъ увѣреніямъ всей европейской и, главнымъ образомъ, англійской прессы, которая не упускаетъ случая утверждать, что русское правительство держитъ себя такъ сговорчиво только потому, что сознаетъ, что оно слишкомъ мало приготовлено, чтобы заставить уважать свой голосъ. Но какими бы соображеніями ни объяснять поведенія всѣхъ европейскихъ государствъ относительно Греціи, тѣмъ не менѣе ея народное достоинство не можетъ не страдать, она не можетъ не питать злобнаго чувства къ собранію европейскихъ дипломатовъ, которыя, какъ бы забывая истинное положеніе вещей, обращаются къ ней съ моралью: «будьте довольны тѣмъ, что̀ имѣете. Всѣ ваши самыя дорогія стремленія—не что̀ иное, какъ неосуществимая мечта. Примиритесь съ тѣмъ, чтобы люди вашей религіи и вашей расы оставались подвластны тѣмъ, противъ которыхъ возмущается ваша вѣра и ваша кровь. Откажитесь разъ навсегда отъ осуществленія вашей «великой идеи» и помните, что Европа вовсе не желаетъ спрашивать себя каждый разъ, что она

спокойно засыпаетъ, не должна ли она будетъ пробудиться, благодаря стремленіямъ, которыя васъ мучатъ, отъ пушечнаго грома». Тѣмъ болѣе ожесточенно должна относиться къ подобнымъ нравоученіямъ Греція, что она не успѣла еще забыть ту декларацію 29 октября 1867 г., въ которой Франція, Россія, Пруссія и Италія выражали Портѣ, что онѣ недовольны ея поведеніемъ, лишаютъ ее всякой нравственной поддержки, и чтобы она болѣе не разсчитывала на постороннюю помощь. Декларація эта, само собою разумѣется, еще болѣе воодушевляла Грецію и подавала надежду, что ея стремленія осуществятся въ близкомъ будущемъ. Точно также не забыла Греція и того, что почти всѣ европейскія державы подавали еще такъ недавно добрый совѣтъ Турціи отказаться отъ острова Крита, и немного прежде, сама Англія, которая въ эту минуту точно снова собирается вступить на дорогу Пальмерстоновой политики, дѣлала попытки побудить Порту уступить маленькому греческому населенію Ѳессалію и Эпиръ. Объ этихъ попыткахъ во время греческой революціи 1862 года, окончившейся изгнаніемъ Оттона и возведеніемъ на престолъ датскаго принца Георга, еще недавно заявлялъ одинъ изъ членовъ англійскаго министерства. Восходя нѣсколько далѣе, именно ко времени заключенія парижскаго мира 1856 года, о которомъ такъ много толковалось въ послѣднее время, по поводу исключенія Греціи изъ конференціи съ правомъ рѣшительнаго голоса, можно тоже припомнить, какъ относился европейскій ареопагъ къ судьбѣ греческаго народа, и сравненіе съ тѣмъ, какъ онъ относится въ эту минуту,—представляетъ много интереснаго.

Въ 1856 году, почти всѣ представители европейскихъ державъ были согласны, что положеніе Греціи, такъ какъ оно создано было въ 1830 году, совершенно невыносимо; и если Турція ссылается на конгрессъ 56 года, какъ обезпечившій цѣльность имперіи, то Греція можетъ ссылаться на тотъ же конгрессъ, который въ одномъ изъ дополнительныхъ засѣданій 8-го апрѣля, въ лицѣ своего предсѣдателя графа Валевскаго, высказалъ, что «положеніе, въ которомъ находится Греція, далеко не удовлетворительно». Возникнувшее по этому поводу недоумѣніе Валевскій резюмировалъ такимъ образомъ: «никто не оспариваетъ необходимости искренно позаботиться объ улучшеніи положенія Греціи, и три покровительствующія державы (Россія, Англія и Франція) признаютъ необходимость соглашенія по этому поводу.» Это мнѣніе вполнѣ раздѣлялось не только барономъ Бруновымъ — въ этомъ нельзя было бы и сомнѣваться—но и лордомъ Кларендономъ, настоящимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Гладстона, и бывшимъ полномочнымъ англійскаго правительства. Однимъ словомъ, мнѣніе, что границы Греціи должны быть расширены, было едва ли не общее: всѣ сознавали необходимымъ принять мѣры, которыя осуществили бы то, что̀ слѣдовало бы сдѣлать при основаніи греческаго королевства».

Нигдѣ такъ хорошо нельзя видѣть, какъ рѣзко измѣнилась политическая линія Франціи и Англіи по отношенію греческаго королевства, какъ по тѣмъ дипломатическимъ документамъ, которые сдѣлались извѣстными вслѣдствіе обнародованія Синей Книги греческимъ правительствомъ. Ничто такъ не интересно, какъ читать донесенія греческаго министра при константинопольскомъ дворѣ къ своему министру иностранныхъ дѣлъ, донесенія, которыя проливаютъ яркій свѣтъ на всю потаенную ткань дипломатическихъ интригъ. Переписка Деліаниса съ греческимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ обнаруживаетъ вполнѣ, кто былъ собственно главнымъ двигателемъ Порты въ ея рѣшительной политикѣ относительно Греціи. Документы Синей Книги показываютъ, какъ нельзя яснѣе, что тѣ, которыхъ обвиняло общественное мнѣніе Европы въ подстрекательствѣ Турціи при самомъ началѣ греко-турецкаго столкновенія, играли совершенно второстепенную роль, или даже вовсе никакой, а тѣ, которые, казалось, были чисты, какъ агнцы, и были собственно главными виновниками возникнувшей открытой распри. Изъ всѣхъ обнародованныхъ до сихъ поръ документовъ, мы вовсе не видимъ, чтобы Австрія, которую главнымъ образомъ поспѣшили обвинить во враждебныхъ замыслахъ противъ Греціи, принимала сколько-нибудь дѣятельное участіе въ возбужденіи Турціи, и напротивъ, какъ нельзя лучше видимъ, что посланники англійскій и французскій не только не старались удержать Порту отъ разрыва съ Греціею, но своимъ поведеніемъ поддерживали ея воинственную и вызывающую политику.

Какъ мы видимъ изъ донесенія греческаго министра при константинопольскомъ дворѣ, три лица главнымъ образомъ дѣйствуютъ на сценѣ: французскій посланникъ Бурре, англійскій—лордъ Эллютъ и, наконецъ, русскій—генералъ Игнатьевъ. Въ донесеніи отъ 29 ноября, Деліанисъ передаетъ своему правительству о приготовленіяхъ Порты и о ея рѣшимости силою оружія поддержать посланный Греціи ультиматъ, и при этомъ выражаетъ сомнѣніе, даже болѣе, невозможность, чтобы «Порта съ такою увѣренностью дѣлала такіе смѣлые шаги, если бы она не была обнадеживаема». Въ другомъ мѣстѣ, не высказывая полной увѣренности, онъ передаетъ все-таки о томъ, что «нѣкоторые посланные представлялись или представляются до сихъ поръ, что они ничего не знали о намѣреніяхъ Порты. Что касается меня—прибавляетъ греческій министръ—то я думаю, что посланники способствовали въ значительной степени манифестаціи Порты». И въ концѣ своего донесенія, онъ говоритъ: «Несомнѣнно, что Порта одна, безъ согласія двухъ посланниковъ, Англіи и Франціи, никогда не посмѣла бы рискнуть на такіе смѣлые поступки». Если изъ этой депеши нельзя еще съ полною увѣренностію вывести, какую роль играла Франція и Англія, то изъ депеши отъ 13 декабря, въ которой

передается разговоръ Деліаниса съ Бурре, поведеніе французскаго посланника становится совершенно ясно. «Я нашелъ г. Бурре, пишетъ греческій министръ, крайне раздраженнымъ противъ насъ», и когда онъ заговорилъ съ нимъ, то французскій посланникъ воскликнулъ: «То, чтó происходитъ въ Греціи, совершенно неприлично. Политика вашего правительства не имѣетъ имени и можетъ имѣть самыя тяжелыя послѣдствія. Развѣ вы не знаете, въ какомъ расположеніи находится Турція!» На отвѣтъ Деліаниса, что онъ очень хорошо знаетъ намѣреніе Порты прервать дипломатическія сношенія съ Греціей, но что онъ не довѣряетъ этому, такъ какъ подобное поведеніе было бы крайне несправедливо, и несправедливо тѣмъ болѣе, что въ Греціи не происходитъ ничего новаго, чтó могло бы оправдать подобную мѣру, не принятую два года тому назадъ; на отвѣтъ Деліаниса, что если въ Греціи происходитъ вербованіе людей для возставшей Кандіи, то оно началось съ самаго перваго дня возстанія, и что греческое правительство нисколько не вмѣшивается въ него, а напротивъ, сохраняетъ полный нейтралитетъ; на все это французскій посланникъ отвѣчалъ еще съ большею раздражительностью, говоря: «Неужели вы не знаете или представляетесь, что не знаете всего того, чтó у васъ происходитъ. Мы знаемъ очень хорошо. Послѣ всѣхъ замѣчаній, которыя дѣлались съ разныхъ сторонъ вашему правительству относительно его политики, достойной порицанія, оно тѣмъ не менѣе упорствуетъ въ своемъ поведеніи». Чѣмъ больше успокоивалъ французскаго посланника греческій министръ, тѣмъ больше онъ приходилъ въ негодованіе, чтó однако не мѣшало Деліанису протестовать противъ всевозможныхъ обвиненій, которыя взваливалъ на Грецію Бурре, освобождая отъ нихъ вполнѣ правительство Оттоманской имперіи. Хотя французскій посланникъ и говорилъ, что ему ничего въ точности неизвѣстно о томъ, чтó намѣрена предпринять Порта, и этимъ какъ бы прикрывалъ свои дѣйствія, тѣмъ не менѣе въ греческомъ министрѣ вкоренилась увѣренность, что Порта не рѣшилась бы рисковать безъ тайнаго согласія Франціи и Англіи. Увѣренность эта должна распространиться на всѣхъ, кто со вниманіемъ сталъ бы читать донесенія греческаго министра; приводимыя точныя слова Бурре убѣждаютъ въ этомъ какъ нельзя болѣе. Не одна Греція волнуетъ его, его безпокоятъ всѣ тѣ населенія, интересы которыхъ ищутъ себѣ поддержки въ Россіи. «Великія державы, выразился Бурре, чрезвычайно недовольны всѣмъ тѣмъ, чтó дѣлается въ Греціи. Европа не потерпитъ больше, чтобы два такія маленькія государства, какъ Греція и Румынія, угрожали каждую минуту общему миру, которымъ всѣ такъ дорожатъ».

Если мы нигдѣ не находимъ подобныхъ разговоровъ между греческимъ министромъ и лордомъ Элліотомъ, то тѣмъ не менѣе поведеніе его въ этомъ вопросѣ нисколько не отличалось отъ поведенія фран

цузскаго посланника, и это становится совершенно ясно изъ тѣхъ депешъ, въ которыхъ греческій министръ сообщалъ своему правительству о дѣйствіяхъ и поведеніи русскаго посла, генерала Игнатьева, который велъ себя въ этомъ дѣлѣ съ большою искренностью и энергіею. Генералъ Игнатьевъ, лишь только освѣдомился о намѣреніи Порты прервать дипломатическія и коммерціальныя отношенія съ Греціею, поспѣшилъ отправиться къ французскому посланнику, чтобы узнать отъ него, какіе совѣты подалъ онъ Портѣ. На всѣ увѣренія Бурре, что онъ ничего опредѣленнаго не знаетъ, но что онъ долженъ согласиться, что Порта будетъ права, рѣшившись дѣйствовать энергично по отношенію къ Греціи, которая, по его мнѣнію, рѣшительно превышаетъ своимъ поведеніемъ всѣ границы того, чтó можетъ дозволить Порта, генералъ Игнатьевъ не скрылъ отъ него, что «одобряя смѣлыя мѣры или даже не стараясь отвратить отъ нихъ Турцію, онъ тѣмъ самымъ принимаетъ на себя большую отвѣтственность передъ цѣлой Европой, такъ какъ послѣдствія подобныхъ мѣръ могутъ быть опасны». Подобный же разговоръ имѣлъ генералъ Игнатьевъ и съ лордомъ Элліотомъ, отъ котораго, въ свою очередь, онъ получилъ тотъ же отвѣтъ, какъ и отъ французскаго посланника, съ тою только разницею, что «отзывъ лорда Элліота, относительно Греціи, былъ еще болѣе рѣзокъ, и онъ защищалъ еще съ бóльшимъ жаромъ права оттоманскаго правительства.» Генералъ Игнатьевъ повторилъ лорду Элліоту тоже, чтó онъ сказалъ и Бурре, т. е. что, «поступая и говоря такимъ образомъ, онъ несетъ на себѣ большую отвѣтственность, такъ какъ слова его могутъ надѣлать много вреда». Несмотря на всѣ представленія русскаго посла, что поведеніе лорда Элліота не согласно ни съ желаніемъ мира, которое высказывала столько разъ Англія, ни съ заявленіями лорда Станлея относительно Турціи, ни, наконецъ, съ поведеніемъ его предшественника, лорда Лайонса, который всегда старался останавливать Порту отъ какихъ бы то ни было опасныхъ мѣръ; не смотря на все это, лордъ Элліотъ до конца оставался «холоднымъ и сдержаннымъ, и покинулъ генерала—говоритъ греческій министръ—не давъ ему никакой увѣренности, и оставляя его въ полной неизвѣстности, какъ относительно своего поведенія въ этомъ дѣлѣ, такъ и относительно намѣреній Порты». Послѣ того, что генералъ Игнатьевъ исчерпалъ всѣ свои усилія, чтобы убѣдить представителей Франціи и Англіи дѣйствовать за одно съ нимъ и не поощрять Турцію къ принятію такого рода мѣры, какъ прерваніе дипломатическихъ сношеній съ Греціею, послѣ того, что онъ исчерпалъ, и тщетно, всѣ представленія, какъ пагубно можетъ отозваться на европейскомъ мірѣ разрывъ между Турціею и Греціей, русскій посланникъ объявилъ, что онъ считаетъ необходимымъ сдѣлать оффиціальную попытку для предотвращенія разрыва. Всѣ предложенія генерала Игнатьева, какъ видно изъ

донесеній греческаго министра, были отвергнуты. На всѣ его предложенія, на всѣ заявленія былъ только одинъ отвѣтъ: турецкое правительство право, греческое виновато; первое имѣетъ всѣ основанія дѣйствовать энергично и настойчиво, послѣднее обязано подчиниться всѣмъ законнымъ требованіямъ Оттоманской имперіи.

Интересно спросить однако, насколько справедливо мнѣніе французскаго и англійскаго посланниковъ, что требованія Турціи законны и основательны; интересно знать, въ самомъ-ли дѣлѣ греческое правительство такъ виновато, какъ это угодно говорить лорду Элліоту и Бурре, и не болѣе ли справедливо греческое правительство, когда въ отвѣтѣ своемъ на турецкій ультиматъ, оно, въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ, поставило категорическій вопросъ: «какой договоръ былъ нарушенъ Греціею»? На этотъ вопросъ, т. е. насколько именно виновно греческое правительство въ томъ, что̀ дѣлается въ турецкой имперіи, очень хорошо отвѣчаетъ небольшая статья, помѣщенная въ послѣдней книжкѣ одного изъ лучшихъ французскихъ же журналовъ «Revue moderne». Указавъ на то положеніе, которое создано было дипломатіей въ 1830 году, когда послѣ девяти лѣтъ упорной борьбы между греческимъ населеніемъ и Турціею, часть перваго была отдѣлена и составила греческое государство, другая же и бо̀льшая часть оставлена подъ игомъ Порты, не смотря на то, что ясно доказана была невозможность, несовмѣстимость двухъ расъ подъ одною и тою же властью, авторъ статьи спрашиваетъ, что̀ должно было выйти изъ такого устройства? «Части этой живучей національности, произвольно отдѣленныя, должны были дѣлать постоянныя усилія, чтобы соединиться. Это именно и случилось. Изъ всѣхъ греческихъ провинцій, отданныхъ европейскою дипломатіею подъ турецкое иго, островъ Критъ протестовалъ самымъ усиленнымъ образомъ. Всѣ гарантіи, которыя обезпечены были за нимъ разными протоколами, были попраны турецкимъ правительствомъ. Притѣсняемое своими властителями, это несчастное населеніе возставало противъ своихъ угнетателей въ 1841, въ 1848, въ 1858 годахъ и только послѣ долгаго и героическаго сопротивленія, оно пало передъ силою противниковъ». Но если освобожденная Греція не могла относиться равнодушно къ страданіямъ Греціи, оставшейся въ рабствѣ, за то греческое правительство сопротивлялось насколько только могло всѣмъ національнымъ стремленіямъ, и если бы только распространеніе эллинизма на Востокѣ зависѣло отъ одного греческаго правительства, то, безъ сомнѣнія, это стремленіе давно бы уже умерло. Греческое правительство не только никогда не заботилось о пропагандѣ эллинизма; не только не помогало никогда тайнымъ дѣйствіямъ тѣхъ, которые хотѣли освободить христіанское населеніе отъ турецкаго ига; не только никогда не старалось о томъ, чтобы нарушить спокойствіе, среди котораго безза-

конно дѣйствовали разные паши, но, напротивъ, оно дѣлало всѣ усилія, чтобы избѣгать всякаго столкновенія, всякаго нарушенія заключенныхъ договоровъ, и каждый разъ, что Греція какимъ-нибудь образомъ становилась лицомъ къ лицу съ Турціей, разрывъ постоянно происходилъ помимо воли греческаго правительства. Такъ точно случилось и теперь, такъ будетъ завтра и каждый разъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведена радикальная перемѣна въ положеніи греческаго населенія Турецкой имперіи. Подъ радикальной перемѣной мы разумѣемъ измѣненіе границъ греческаго государства. «До тѣхъ поръ— говоритъ авторъ статьи «Греко-турецкое столкновеніе» — пока одна часть эллинскаго тѣла будетъ свободна, а другая связана, эта всегда будетъ стремиться разорвать свои узы, а та всегда будетъ стремиться помочь.» Если сама дипломатія, въ самомъ дѣлѣ, не разъ признавала необходимость перестроить греческое зданіе, то нечего удивляться, что тѣ, которые живутъ въ немъ и чувствуютъ какъ имъ тѣсно, изъ всѣхъ силъ бьются, чтобы расширить его. Каждый разъ, при каждомъ возстаніи, не только Турція, но и другія державы спѣшили обвинять Грецію, что это она не даетъ покоя и вѣчно мутитъ воду. Когда, въ 1858 году, вспыхнуло возстаніе на островѣ Кандіи, всѣ тотчасъ, какъ и теперь, обвинили въ этомъ греческое правительство. Тогдашній министръ англійскаго правительства при аѳинскомъ дворѣ г. Вайзъ просилъ тамошняго министра иностранныхъ дѣлъ Рангави, который съ такимъ достоинствомъ ведетъ себя въ настоящую минуту въ Парижѣ, чтобы онъ, Рангави, отозвалъ изъ Канеи греческаго консула Конаресса, обвинявшагося въ томъ, что онъ былъ главнымъ зачинщикомъ возстанія. «Тогда—передаетъ авторъ статьи—Рангави немедленно приказалъ принести себѣ всю оффиціальную и полуоффиціальную переписку министерства, и кладя ее передъ глазами Вайза, сказалъ: вы знаете по-гречески... читайте...» Англійскій министръ прочелъ, и что̀ же онъ увидѣлъ? Греческое правительство постоянно требовало отъ своего консула, чтобы онъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы вразумить обитателей Крита примириться съ турками! То, что̀ было въ 1858 году, тоже повторилось и въ 1866 году; когда Кандія снова возстала—греческое правительство дольше всѣхъ оставалось внѣ всякаго движенія, и въ то время, когда Турція не дѣлаетъ никакихъ уступокъ и обращается съ возставшими какъ съ жалкимъ стадомъ рабовъ, и въ то время, когда кровь течетъ изъ всѣхъ жилъ кандіотовъ, когда французы, англичане, италіянцы, американцы шли уже на помощь жертвамъ, свободные греки не являлись.» Это было неестественно, продолжаться такъ не могло, и въ самомъ дѣлѣ во всемъ королевствѣ начинается движеніе, образуются комитеты, и горе молодому правительству, еслибы оно силою захотѣло остановить народъ и заставить его отказать въ помощи своимъ единоплеменникамъ, въ то время, ко-

гда кровь ихъ лилась широкими и быстрыми ручьями. Если бы греческое правительство силою захотѣло остановить тотъ патріотическій порывъ, который увлекъ всѣхъ, отъ малаго до большого, тотъ порывъ, который заставлялъ стариковъ являться въ комитеты и говорить, указывая на юношу: «Вотъ мой единственный сынъ; все мое состояніе.... я приношу его въ жертву отечеству»; если бы правительство стало пытаться потушить тотъ огонь, который превращалъ изнѣженную молодежь въ закаленныхъ людей, смѣло глядящихъ въ глаза опасности и отвѣчающихъ въ турецкомъ плѣну, когда ихъ спрашиваютъ, что́ за дѣло имъ, жителямъ греческаго королевства, мѣшаться въ дѣла кандіотовъ: «они мои соотечественники, и до тѣхъ поръ, пока они и всѣ остальные греки, находящіеся подъ вашимъ владычествомъ, не будутъ свободны, до тѣхъ поръ мы будемъ сражаться за нихъ». Тогда воодушевлялвшая страсть, и охватившая весь народъ, направилась бы противъ самого правительства, и оно снесено было бы однимъ общимъ порывомъ. Понятно, что если греческое правительство не принимаетъ открыто борьбы изъ-за своихъ одноплеменниковъ, и прямо не вмѣшивается въ распрю, то меньшее что́ оно можетъ сдѣлать, подъ угрозою собственной гибели, это предоставить своимъ подданнымъ полную свободу дѣйствій. Это именно оно и сдѣлало въ этотъ разъ. Но каждый разъ, что оно должно было рѣшиться на какой-нибудь оффиціальный актъ, греческое правительство дѣйствовало скорѣе антинаціонально; такъ поступило оно, напр., въ ту минуту, когда возставшіе кандіоты выбрали депутатовъ въ греческій парламентъ—правительство короля Георга не посмѣло рѣшиться допустить ихъ въ собраніе. Однимъ словомъ, общее заключеніе, которое рельефно выходитъ изъ статьи «Reuve moderne» то, что греческое правительство не только не виновно, какъ утверждали лордъ Эллiотъ и Бурре, въ возстаніи подвластныхъ Турціи грековъ, но что гораздо скорѣе оно виновато передъ греческимъ народомъ за свое противодѣйствіе національнымъ стремленіямъ. Чѣмъ разрѣшится настоящій кризисъ на Востокѣ, какъ уляжется греко-турецкое столкновеніе—трудно предсказывать съ полною увѣренностью. Несомнѣнно только одно, что собравшаяся въ Парижѣ конференція, на которой представитель Греціи не нашелъ возможнымъ присутствовать безъ ущерба греческаго достоинства, не сдѣлаетъ ничего прочнаго, не постановитъ никакихъ опредѣленій, благодаря которымъ навсегда прекратилась бы распря между двумя сосѣдними государствами. Распря не прекратится до тѣхъ поръ, пока несчастное положеніе, въ которое поставлена Греція европейскою дипломатіею, не будетъ радикально измѣнено, пока греческое населеніе не будетъ вырвано изъ-подъ турецкаго ига, пока не удовлетворены будутъ національныя стремленія греческаго народа слиться въ одно цѣлое; всѣ другія мѣры будутъ только слабыми палліативами, новыми

заплатами на старой одеждѣ, которая вся разлѣзлась подъ сильнымъ напоромъ стремящагося вырваться изъ нея народа. Весьма вѣроятно, что труды конференціи увѣнчаются эфемернымъ успѣхомъ, т. е. что снова на нѣкоторое время Турція и Греція примирятся внѣшнимъ образомъ, сохраняя внутри непреодолимое отвращеніе и обоюдную клятву уничтожить другъ друга при первой возможности. Какую бы декларацію ни выпустила конференція, ее постигнетъ, безъ сомнѣнія, та же участь, какъ и всѣ ей предшествовавшія, однимъ словомъ, пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ и она станетъ мертвою буквою. Труды европейскихъ дипломатовъ, и въ этотъ разъ, какъ и очень многіе другіе, останутся, безъ сомнѣнія, безъ всякаго вліянія на сущность вопроса, не смотря на то, что «конференція, недавно собравшаяся, чтобы устранить грозное столкновеніе на Востокѣ, составляетъ важное событіе, которое должно быть вполнѣ оцѣнено», какъ выразился Наполеонъ III въ тронной рѣчи, произнесенной имъ 18-го января при открытіи палатъ, рѣчи, которая, въ свою очередь, составляетъ «важное событіе» въ политической жизни Европы.

Было время, когда не только одна Франція, но и цѣлая Европа, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала тронной рѣчи императора французовъ, какъ будто бы отъ нея зависѣла судьба всего міра. Время это прошло, и если до сихъ поръ слова Наполеона повсюду возбуждаютъ извѣстное любопытство, то никого за то не бросаютъ онѣ въ лихорадочный жаръ. Причина этой перемѣны въ общественномъ настроеніи Европы очень понятна: Франція не играетъ больше такой преобладающей политической роли, какъ это было нѣсколько лѣтъ назадъ; она не стоитъ больше во главѣ политическаго движенія; жизнь пробудилась въ другихъ странахъ, жизнь, которая, въ 1848 году, послѣ внезапной и моментальной вспышки, была пришиблена жестокою рукою абсолютизма. Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ и днемъ дерево свободы, хотя и медленно, но все-таки снова начинаетъ цвѣсти, зеленѣть, и какъ вчера пахнуло свѣжею струею на Италію, такъ сегодня коснулась она Австріи, и ея дуновеніе снесло въ Испаніи послѣдній престолъ деспотическихъ Бурбоновъ. Чѣмъ больше возвращаются къ самостоятельной жизни различные народы, чѣмъ больше проникаетъ къ нимъ и мужаетъ свобода, тѣмъ меньше могутъ они подчиняться вліянію страны, которая сама водится на помочахъ. Безъ сомнѣнія, еслибы только существующій во Франціи порядокъ продолжился еще нѣкоторый періодъ времени, то страна эта окончательно потеряла бы свою гегемонію среди западной Европы, потому что государство, не пользующееся полной свободой, не можетъ имѣть разумнаго вліянія на другія государства, особенно, когда они сами начинаютъ уже пользоваться ея сочными плодами. Вліянія тутъ быть не можетъ, какъ не можетъ быть разумнаго вліянія человѣка грубаго

и невѣжественнаго надъ человѣкомъ образованнымъ. Къ счастію для Франціи, трудно предположить, чтобы существующій порядокъ имѣлъ достаточно силы еще долго держаться въ ней, трудно потому, что мы видимъ, какъ на нашихъ глазахъ утраченная свобода снова къ ней возвращается, и какой значительный успѣхъ сдѣланъ уже французами въ борьбѣ изъ-за этого лучезарнаго вѣнца всякой націи.

Тронная рѣчь 18 января, на первый взглядъ, какъ-будто бы радикально противорѣчитъ только-что сказаннымъ нами словамъ о возвращеніи французовъ къ самостоятельной жизни, но противорѣчитъ она только на первый взглядъ; когда же глубже вникнешь въ ея смыслъ, то не трудно убѣдиться, что подъ громко-высказываемою самоувѣренностію кроется нѣкоторая боязнь пугала императорскаго правительства — революціи. Это слово, очевидно, занимаетъ умъ главы государства, если онъ не можетъ удержаться, чтобы не вставить его въ началѣ, серединѣ и въ концѣ своей рѣчи, то говоря, какъ трудно установить правительство на «почвѣ, взрытой столькими революціями», то жалуясь на «искусственное волненіе», вызванное новыми законами о печати и о правѣ собраній, на «страсти и идеи, которыя считались потухшими», то, наконецъ, въ заключеніе рѣчи, выражая надежду, что при новыхъ выборахъ, которые скоро должны воспослѣдовать, народъ докажетъ, «что онъ не хочетъ больше революцій». Какъ это все напоминаетъ русскую пословицу: «у кого чтó болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.» Безъ сомнѣнія, всѣ эти слова прикрыты самыми громкими и звучными фразами, посвященными своему собственному восхваленію и прославленію всего своего царствованія. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли когда-нибудь еще съ такою силою и настойчивостью говорилось о выгодахъ личнаго правленія и едва ли когда-нибудь ему приписывались съ такою увѣренностью всевозможныя блага, которыми осыпана, по словамъ Наполеона, французская нація въ послѣднія семнадцать лѣтъ. «Все для народа, но все черезъ меня», вотъ общій тонъ его рѣчи, вотъ мысль лежащая въ основаніи царственныхъ словъ, мысль общая всѣмъ абсолютнымъ монархамъ. Множество французскихъ иностранныхъ журналовъ анализируютъ, оспариваютъ ее, какъ будто бы можно было спорить о томъ, что черное не есть бѣлое и бѣлое не черное. Эта пѣсня поется Наполеономъ на всѣ лады, и онъ никакъ не допускаетъ мысли, чтобы его личная воля перестала быть закономъ для цѣлаго народа. Какая бездна отдѣляетъ теперь преступника, сидящаго въ Гамѣ и пишущаго трактаты о народной свободѣ и соціализмѣ отъ человѣка, возсѣдающаго на тронѣ и торжественно объявляющаго, что онъ никогда не отступится отъ произвола, лежащаго въ основаніи конституціи 52 года. Rira bien, могли бы ему отвѣтить французы, qui rira le dernier. Если отъ общаго тона его рѣчи мы обратимся къ отдѣльнымъ во-

просамъ, которымъ онъ посвящаетъ свое августѣйшее вниманіе, то увидимъ, какая фальшь лежитъ въ каждомъ положеніи, въ каждомъ параграфѣ его рѣчи. Прежде, чѣмъ онъ сказалъ: «отношенія наши къ иностраннымъ державамъ какъ нельзя болѣе дружественны», онъ не забылъ упомянуть о томъ, что «наше усовершенствованное вооруженіе, наши полные арсеналы и магазины, наши обученные резервы, организующаяся подвижная національная гвардія, нашъ преобразованный флотъ и крѣпости, находящіяся въ хорошомъ состояніи, даютъ нашему могуществу необходимое ему развитіе. Постоянная цѣль моихъ усилій, добавилъ Наполеонъ, достигнута: военныя средства Франціи отнынѣ отвѣчаютъ ея назначенію въ свѣтѣ. При такомъ положеніи мы можемъ громко провозгласить наше желаніе о ненарушимости мира; въ такомъ заявленіи нѣтъ никакой слабости, такъ какъ мы готовы для защиты чести и независимости страны». Кто не согласится, что «ненарушимость мира» гораздо болѣе была бы обезпечена, если бы вмѣсто такого громкаго и хвастливаго перечисленія всѣхъ слишкомъ дорого-стоющихъ народу военныхъ силъ, императоръ французовъ объявилъ о сокращеніи колоссальной постоянной арміи. Безъ всякаго сомнѣнія, нація ощутила бы тогда несравненно болѣе «дѣйствительнаго довольства», чѣмъ теперь, когда она знаетъ, что по волѣ одного лица, отъ одного его слова зависитъ отдать сотни-тысячъ народа на страшныя бѣдствія, цѣлую страну обречь на тяжелыя жертвы. Вотъ въ сущности что́ значитъ: «все для народа, но все черезъ меня.» Приведенное нами мѣсто о военныхъ силахъ Франціи заключаетъ въ себѣ все, что́ главнымъ образомъ относится къ внѣшней политикѣ, потому что заключительное слово этой длинной тирады, что Франція находится въ дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми остальными державами, есть не что иное, какъ банальная дипломатическая фраза, которая служитъ какъ бы для того, чтобы горькая пилюля, заключающаяся въ готовности встрѣтить «всякую случайность», легче проскочила черезъ раздражительное горло Европы. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ свѣтъ, ни одна рѣчь еще необходилась безъ хорошо знакомыхъ словъ: «наши отношенія къ иностраннымъ державамъ самыя дружественныя.» Что́ означаетъ эта тирада о готовности Франціи, о ея удивительномъ вооруженіи: миръ предвѣщаетъ она или войну, есть ли это только маленькое обращеніе къ Пруссіи, нѣчто въ видѣ avis au lecteur или вѣрное ручательство близкой войны, мы не будемъ говорить, и не послѣдуемъ въ этомъ случаѣ примѣру тысячи публицистовъ, которые ломаютъ себѣ голову надъ разрѣшеніемъ этой задачи. Не послѣдуемъ потому, что мы какъ нельзя болѣе убѣждены въ томъ, что тамъ, гдѣ дѣло касается произвола одного лица или нѣсколькихъ лицъ, стоящихъ во главѣ различныхъ государствъ, тамъ не можетъ быть мѣста никакимъ размышленіямъ и соображе-

ніямъ о вѣроятности того или другого событія. Разсужденіе, разумъ не укладывается рядомъ съ бонапартистскимъ произволомъ, это два несовмѣстныя понятія.

Что касается до внутреннихъ дѣлъ Франціи, то въ рѣчи первое мѣсто принадлежитъ двумъ законамъ, вышедшимъ изъ знаменитаго письма 19 января 67 года — законамъ о печати и о правѣ собранія, которые, не смотря на всевозможныя стремленія правительства обрѣзать и ослабить ихъ примѣненіе, тѣмъ не менѣе составляютъ значительный шагъ на пути возвращенія къ утраченной свободѣ. Переходъ отъ административнаго произвола на судебную почву представляетъ собою значительный успѣхъ, не смотря на всю строгость судебной власти и на не безпристрастность «независимыхъ» судей. Мы видѣли въ самомъ дѣлѣ, какъ ожила печать, какъ свободно вздохнула пресса, когда французское правительство отказалось отъ изобрѣтенной имъ системы предостереженій. Вліяніе двухъ законовъ о печати и о правѣ собранія было громадное: вся жизнь приняла какъ бы другую физіономію, сотни новыхъ журналовъ основались въ теченіи двухъ, трехъ мѣсяцевъ, подняты были тысячи вопросовъ, которые долго томились подъ спудомъ запрещенія, въ обществѣ открыто заговорили о всѣхъ предметахъ, о всѣхъ сторонахъ жизни, каждое направленіе опредѣлилось болѣе или менѣе рѣзко, каждая партія выставила свою задачу, однимъ словомъ всюду почувствовалось обновленіе, пробужденіе, которое зовется Наполеономъ «искусственнымъ движеніемъ» и которое въ сущности есть самое естественное, самое необходимое для того, чтобы правильно могло совершаться развитіе народа. Только тогда, когда правительство Наполеона III открыто и искренно примирилось бы съ народною свободою, только тогда, когда оно отказалось бы отъ всѣхъ жалкихъ прерогативъ деспотіи и возвратило бы обществу все, что́ было отнято у него грубою силою, оставляя за собою одно право — быть покорнымъ исполнителемъ воли націи, только тогда могло бы случиться, что правительство Наполеона III утвердилось и укоренилось среди французскаго народа. Но такое предположеніе невѣроятно, чтобы не сказать невозможно.

Продолжая далѣе свою хвастливую рѣчь, Наполеонъ говоритъ: «Когда обращаешься къ прошедшему, какое правительство дало Франціи семнадцать лѣтъ спокойствія и постоянно возрастающее благосостояніе»? Хотя онъ и сознается, что всякое правительство можетъ ошибиться и что судьба не улыбается всѣмъ предпріятіямъ, онъ тѣмъ не менѣе приглашаетъ взглянуть на плоды, которыя дало дерево, посаженное, какъ онъ думаетъ, его счастливою рукою. Какіе же это такіе плоды,—можно было бы спросить у отвѣтственнаго передъ націею монарха? Внутри страны постоянно идущее crescendo безпокойство, волненіе и всеобщее недовольство; во внѣшней политикѣ одно пора-

женіе за другимъ и потеря Франціей той первенствующей роли, которую она играла до мексиканской экспедиціи, до польскаго вопроса, до событій 1866 года въ Германіи, до второй римской экспедиціи, и т. д. и т. д. Вотъ собственно истинный биланъ народа, упустившаго на время изъ своихъ рукъ свободу. Все это не такіе плоды, глядя на которые захотѣлось бы кому-нибудь воскликнуть: нѣтъ на свѣтѣ лучшаго порядка чѣмъ тотъ, который въ основаніи своемъ имѣетъ личное управленіе! «Плоды эти,—отзывается одинъ изъ самыхъ талантливыхъ публицистовъ, Прево-Парадоль,—вовсе не свидѣтельствуютъ такъ очевидно въ пользу дерева, какъ это склоненъ естественно думать садовникъ, посадившій его», и такъ какъ Наполеонъ призвалъ на свою помощь Евангеліе, говорящее: судите дерево по его плодамъ, то Прево-Парадоль призываетъ на свою помощь библію и говоритъ: «Въ послѣднемъ стихѣ удивительной главы книги Бытія, которая передаетъ о сотвореніи міра, мы читаемъ: «Богъ увидѣлъ все, чтó онъ сдѣлалъ и нашелъ, что все очень хорошо»; и все-таки мы узнаемъ далѣе, что Богъ раскаялся въ своемъ произведеніи и уничтожилъ его потопомъ». Какъ же, восклицаетъ послѣ этого извѣстный журналистъ, если самъ Творецъ поправляетъ свое произведеніе, какъ же кому-нибудь изъ нашего бѣднаго человѣчества не раскаяться и не увидѣть, что созданное имъ зданіе вовсе не непоколебимо. Впрочемъ, время самый лучшій учитель людей, и то, чтó сегодня кажется прочнымъ и непоколебимымъ, завтра можетъ показаться бреннымъ и эфемернымъ.

Можно однако сомнѣваться въ томъ, что Наполеону III все кажется такъ прочно, такъ свѣтло на горизонтѣ, какъ онъ представляетъ это въ своей рѣчи, особенно, если отъ этой самовосхваляющей рѣчи, законченной громкими словами о «тѣсной связи между властью и свободою», мы обратимся къ тѣмъ короткимъ рѣчамъ, которыя произнесъ онъ въ день новаго года. Тамъ слышалась другая нота, въ словахъ его отражалась нѣкоторая грусть и угрюмое сомнѣніе: «по тому, чтó совершается,—говорилъ онъ обращаясь къ представителямъ французскаго духовенства,—можно видѣть, насколько необходимо утвержденіе великихъ принциповъ христіанства». Можно было бы спросить, чтò же совершается именно теперь, если бы мы не видѣли сами, сколько грустнаго въ самомъ дѣлѣ творится въ настоящую минуту во Франціи, но грустнаго только для тѣхъ, кто представляетъ собою вторую имперію. Какъ въ самомъ дѣлѣ не пугаться имъ, когда во всѣхъ концахъ Франціи съ каждымъ днемъ либеральное движеніе послѣднихъ двухъ лѣтъ становится осмысленнѣе и рѣзче, когда вездѣ, въ прессѣ, на митингахъ идутъ споры, и раздаются бурныя рѣчи о всѣхъ вопросахъ и задачахъ стремящагося къ полному пользованію своими правами народа! Сильная струя всеобщаго обновленія заразительна, она начинаетъ подчинять себѣ и тѣхъ, кто до сихъ поръ были са-

мыми надежными защитниками существующаго порядка. Основатель второй имперіи, прочитавъ письмо барона Сегье, императорскаго прокурора, могъ, какъ Цезарь, воскликнуть: «Брутъ, и ты противъ меня»! Дѣйствительно, надѣлавшая столько шума отставка Сегье, императорскаго прокурора въ Тулузѣ, не могла не опечалить всѣхъ друзей имперіи. Это измѣна въ собственномъ лагерѣ. Она тѣмъ болѣе должна была опечалить, что сдѣлала явнымъ и гласнымъ то, что́ такъ тщательно старались скрывать, именно что магистратура во Франціи временъ второй имперіи не представляетъ собою идеала честности и независимости, или по крайней мѣрѣ того, что власть постоянно стремилась подчинить ее своему произволу. Въ письмѣ къ генеральному прокурору баронъ Сегье говоритъ, что онъ не можетъ болѣе занимать должность императорскаго прокурора, такъ какъ отъ него требуютъ того, что по совѣсти онъ не можетъ исполнить. «Судъ существуетъ не для того, чтобы оказывать услуги, а для того, чтобы давать рѣшенія»—напомнилъ Сегье министру юстиціи, который имѣлъ поводъ быть недовольнымъ имъ за то, что онъ, во время процесса по дѣлу Бодена, показалъ себя болѣе холоднымъ обвинителемъ, чѣмъ желали можетъ быть въ Парижѣ. Другая причина, которую даетъ Сегье своей отставкѣ, что министръ юстиціи «предоставляетъ тайной полиціи наблюдать за магистратурой и впередъ требуетъ заключеній противъ обвиненныхъ по дѣламъ печати». Письмо Сегье, получившее страшную гласность, пріобрѣло во Франціи значеніе большого событія, доставившаго бывшему прокурору самыя лестныя манифестаціи со стороны всей университетской молодежи Тулузы. Мы заносимъ этотъ случай въ хронику, какъ одинъ изъ новыхъ симптомовъ той счастливой перемѣны, которая ощущается въ политической жизни французовъ. Оппозиція правительству сказывается во всѣхъ слояхъ, во всѣхъ классахъ общества, и недостаетъ только, чтобы раздался оппозиціонный голосъ католическаго духовенства, чтобы хоръ былъ окончательно полный. Сколько меду ни расточаетъ передъ католическою партіею правительство, какъ ни старается оно угождать ей, но она такъ требовательна, что легко можетъ случиться, что императорское правительство провинится въ чемъ-нибудь и передъ ней. Въ послѣдніе дни, т. е. именно по прочтеніи тронной рѣчи, ревностные католики и то уже нахмурили нѣсколько свои брови. Что́ же случилось? Наполеонъ ни слова не упомянулъ о римскомъ вопросѣ, не поклялся лишній разъ, что онъ не допуститъ свѣтскую власть папы до паденія. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли не въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ въ тронной рѣчи нѣтъ ни слова ни объ Италіи, ни о папѣ. Что́ это значитъ? спрашиваетъ католическая пресса, какъ объяснить это молчаніе особенно послѣ того, что Наполеонъ имѣлъ смѣлость назначить министромъ иностранныхъ дѣлъ недруга свѣтской власти папы — Лава-

лета? Еще одна такая неловкость, и католическая партія придетъ въ положительное негодованіе. А что еще, если вдругъ Наполеонъ долженъ будетъ рѣшиться, въ виду тѣхъ или другихъ событій, вывести французскія войска изъ Рима? Тогда нѣтъ сомнѣнія, что вся католическая партія разомъ дезертируетъ изъ императорскаго лагеря.

Если во Франціи молчаніе относительно римскаго вопроса нѣкоторыми было принято съ большимъ недовольствомъ, то зато въ Италіи оно пробудило надежды, можетъ быть и неосновательныя, что италіянская почва избавится скоро отъ французскихъ солдатъ. Выходъ этихъ войскъ изъ римской области въ эту минуту былъ бы какъ нельзя болѣе кстати для министерства Менабреа, которое сильно покачнулось вслѣдствіе послѣднихъ событій въ верхней Италіи. Налогъ на помолъ вызвалъ всеобщій ропотъ въ странѣ, ропотъ, перешедшій на сѣверѣ, въ Болоньи, Пармѣ, Моденѣ въ открытое сопротивленіе, которое приняло такіе серьезные размѣры, что правительство нашлось вынужденнымъ отправить генерала Кадорна для возстановленія порядка. Многіе изъ умѣренныхъ либераловъ, поддерживавшихъ министерство, снова возстаютъ противъ него, такъ-что открывшаяся на дняхъ сессія можетъ быть будетъ свидѣтельницею паденія министерства Менабреа, при которомъ Камбре-Диньи такъ много сдѣлалъ для поправленія финансовъ Италіи. Не обратись онъ къ macinato, этому тяжелому налогу на помолъ, его управленіе министерствомъ финансовъ могло бы быть поставлено въ примѣръ всѣмъ будущимъ министрамъ Италіи. Первый примѣръ нападенія, впрочемъ не только на существующее министерство Менабреа, но вообще на правительство Виктора-Эммануила, подалъ любимый народный вождь Гарибальди. Избранный въ Сардиніи депутатомъ, онъ отвѣтилъ своимъ избирателямъ письмомъ, въ которомъ снова, принимая на себя званіе депутата, онъ сдѣлалъ жестокую аттаку всего поведенія правительства за послѣднія нѣсколько лѣтъ, и въ этой аттакѣ онъ не пожалѣлъ самыхъ горькихъ упрековъ, брошенныхъ въ лицо Виктору-Эммануилу.

Какъ не понять горечи, злобы, почти отчаянія въ груди этого героя, когда передъ нимъ вѣчно носятся образы лучшей италіянской молодежи, павшей подъ Ментаной. Только тогда, когда Гарибальди вдохнетъ въ себя воздухъ Капитолія, только тогда онъ въ состояніи будетъ забыть всѣ обиды, которыя перенесъ за свою дорогую Италію.

Нужно впрочемъ сказать, что тѣ жертвы и страданія, которыя перенесла за послѣдніе годы Италія и которыя современникамъ кажутся столь ужасными, что наполняютъ горечью ихъ душу, покажутся будущимъ поколѣніямъ такими мелкими и ничтожными, что они, безъ сомнѣнія, будутъ удивлены, какъ могло совершиться такое великое дѣло, какъ цѣлое возрожденіе страны, безъ болѣе грустныхъ событій, безъ бо́льшихъ бѣдствій. Ни одна страна не избавлялась еще

отъ ига чужеземнаго или внутренняго безъ того, чтобы не заплатить за свое освобожденіе болѣе или менѣе дорогою цѣною, и Италія должна быть счастлива, если въ ней укрѣпится навсегда свобода безъ бо́льшихъ испытаній чѣмъ тѣ, черезъ которыя она уже прошла. Возрожденіе страны никогда еще необходилось даромъ, и потому мы, хотя и безъ особенно веселаго чувства, но однако и безъ удивленія, смотримъ на трудныя минуты, которыя переживаетъ теперь Испанія, и нисколько не отчаяваемся, не смотря на грустныя событія, которыми ознаменовался истекшій мѣсяцъ, въ свѣтломъ будущемъ этой страны. События, совершавшіяся сначала въ Кадиксѣ, потомъ въ Малагѣ, запятнавшія кровью счастливо начатую революцію, должны быть поставлены въ вину временному правительству. Крутая декретированная мѣра о разоруженіи сформировавшейся во время вспыхнувшаго возстанія народной милиціи,—волонтеровъ свободы, и порученіе привести эту мѣру въ исполненіе такому невеликодушному и непонимающему обстоятельствъ человѣку, какъ генералу Кабальеро-де-Родасъ, вызвали какъ въ Кадиксѣ такъ и въ Малагѣ сильное сопротивленіе, которое окончилось въ послѣдней лютой борьбой между войскомъ и народомъ. Малага была побѣждена, но кровь лилась по всѣмъ ея улицамъ, кровь, которая могла зажечь страсти противоположныхъ партій и облечь въ трауръ цѣлую Испанію. Къ счастію, горестныя событія въ Кадиксѣ и, главнымъ образомъ въ Малагѣ не повторялись больше нигдѣ, и надо надѣяться, что соберущіеся на дняхъ кортесы сдѣлаютъ возвращеніе ихъ окончательно невозможнымъ. Выборы въ кортесы уже кончены, и если съ точностью еще неизвѣстенъ ихъ результатъ, то тѣмъ не менѣе вѣрно уже то, что партія монархическо-демократическая получила громадное большинство. Изъ 352 депутатовъ, изъ которыхъ должны состоять кортесы, почти 250 принадлежатъ партіи желающей строго конституціонной монархіи, напримѣръ англійской или италіянской, около 80 депутатовъ представляютъ собою республиканскую партію, которая во все время революціи вела себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ и умѣренностью, и наконецъ около 20 мѣстъ въ кортесахъ достались сторонникамъ Донъ-Карлоса и Изабеллы. Если вопросъ о формѣ правленія можно считать уже рѣшеннымъ, за то о выборѣ лица, которое должно занять снова воздвигнутый, хотя и окруженный другими условіями испанскій престолъ, господствуетъ полная неизвѣстность, и весьма вѣроятно, что прежде, чѣмъ кортесы остановятся наконецъ на какомъ-нибудь кандидатѣ, пройдетъ много еще дней и разразится еще не одна буря въ стѣнахъ учредительнаго собранія Испаніи. На кого падетъ жребій, кому достанется конституціонная корона — престарѣлому ли Эспартеро, молодому ли герцогу д'Аосто, герцогу Монпансье или.... это загадка, которая чѣмъ скорѣе будетъ разрѣшена, тѣмъ лучше для Испаніи.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТЪ

НА 1869 ГОДЪ.

I.

Роспись нашихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ въ первый разъ была обнародована въ 1862 году. Публикованіе бюджета въ свое время было встрѣчено общимъ сочувствіемъ, вполнѣ естественнымъ со стороны общества, которое до того времени могло только смутно знать, что оно вноситъ громадныя суммы на удовлетвореніе государственныхъ потребностей, и догадываться, что потребности эти растутъ и растутъ, тогда какъ ни изъ чего не видно, даже приблизительныхъ указаній, относительно какъ нормы, такъ и дѣйствительности собираемыхъ доходовъ и производимыхъ расходовъ. Немудрено, что общество, въ то время, въ догадкахъ своихъ преувеличивало неблагопріятность государственнаго баланса; такъ всегда бываетъ при отсутствіи гласности.

Съ тѣхъ поръ прошло уже семь лѣтъ, и передъ нами — восьмая публикованная роспись. Но напоминаніе о вредномъ впечатлѣніи, производившемся безгласностью въ финансовыхъ дѣлахъ въ прежнее время, напоминаніе, съ котораго мы начали — и теперь еще не совсѣмъ излишне, какъ въ томъ легко убѣдиться изъ послѣдующаго.

Первый напечатанный бюджетъ, бюджетъ 1862 года совсѣмъ не давалъ яснаго отчета о доходахъ государства и расходахъ на государственное управленіе, по самому несовершенству своего состава. Онъ былъ составленъ еще на основаніи старыхъ смѣтныхъ правилъ. При прежнемъ порядкѣ, смѣты не только не служили дѣйствительною гарантіею, что разъ установленный балансъ не будетъ нарушенъ дальнѣйшими, сверхсмѣтными требованіями и ассигнованіями, но не служили даже непреложною гранью для распредѣленія самыхъ смѣтныхъ суммъ на данныя потребности. Ассигновки нерѣдко производились въ теченіи года изъ такъ-называемыхъ «общихъ суммъ» разныхъ вѣдомствъ или государственнаго казначейства, съ тѣмъ, чтобы о покрытіи такихъ расходовъ представляемо было заключеніе впослѣдствіи, передъ сведеніемъ баланса. Смѣтныя ассигнованія, непотребовавшіяся еще, но тѣмъ не менѣе подлежащія исполненію въ теченіи или концѣ года, нерѣдко употреблялись на другія потребности болѣе спѣшныя, что

отнимало у смѣты даже значеніе ея какъ нормы распредѣленія средствъ между частями управленія. Наконецъ, отдѣльныя вѣдомства имѣли свои капиталы, свои доходы, изъ которыхъ производили издержки по собственному усмотрѣнію или по отдѣльному ходатайству передъ законодательной властью; ни доходы, ни издержки эти въ смѣту не входили.

Многія черты этого порядка, или, лучше сказать, безпорядка, теперь устранены единствомъ кассы и новыми смѣтными правилами. Первая роспись, составленная по новымъ смѣтнымъ правиламъ, была роспись на 1863 годъ.

На основаніи этихъ правилъ, государственный контроль обязанъ ко времени разсмотрѣнія смѣты представлять отчетъ о дѣйствительномъ исполненіи послѣдней *заключенной* передъ тѣмъ росписи. Такъ какъ смѣтный періодъ не можетъ быть заключенъ къ концу календарнаго года, и многія статьи росписи исполняются окончательно только въ началѣ слѣдующаго года, то, само собою разумѣется, что отчетъ, который представляется государственнымъ контролемъ ко времени обсужденія новой смѣты, относится только къ дѣйствительному исполненію предпослѣдняго бюджета. Такъ, ко времени обсужденія смѣты 1868 года былъ представленъ отчетъ контроля по исполненію смѣты на 1866 годъ, а ко времени обсужденія смѣты нынѣшняго года—отчетъ по исполненію росписи 1867 года. Оба эти отчета публикованы, и вотъ для общества открылся новый источникъ свѣдѣній повѣрочныхъ, относительно предположеній смѣтъ.

Смѣты на 1863 и послѣдующіе года были составлены уже на основаніи новыхъ правилъ и представляли болѣе ясное разграниченіе потребностей и средствъ, подлежащихъ росписи. Но какъ для ясности, такъ и для полноты картины въ нихъ еще слишкомъ многаго недоставало. Въ нихъ не входили обороты царства польскаго и Закавказскаго края; сверхъ того, цифры доходовъ въ этихъ росписяхъ все еще были *валовыя*, то-есть, безъ вычета изъ цифры каждаго дохода — цифры издержекъ на его взиманіе. Эта цифра не была выдѣлена и изъ итога государственныхъ расходовъ. Такимъ образомъ, оставалась неясность въ одной изъ существенныхъ чертъ для сужденія о государственномъ хозяйствѣ.

Первая смѣта, въ которую были уже включены обороты царства польскаго и Закавказскаго края и въ которой цифры взиманія доходовъ были выдѣлены, такъ-что по каждой статьѣ сдѣлалось извѣстнымъ количество дохода чистаго — была смѣта прошлаго, 1868 года. Составленіе ея даже значительно замедлилось именно по этимъ причинамъ, такъ какъ для управленія Закавказскаго края утверждались новые штаты, а въ царствѣ польскомъ происходили преобразованія.

Роспись 1869 года является еще болѣе полною, такъ какъ въ нее

включены еще нѣкоторыя смѣтныя статьи царства польскаго, невошедшія въ роспись 1868 года. Что роспись на 1869 годъ представляетъ совершенно ясную и полную картину для сужденія объ истинномъ положеніи финансовъ, этого мы сказать все-таки еще не можемъ, по причинамъ, которыя будутъ объяснены ниже. Здѣсь достаточно сказать, что она представляетъ новый успѣхъ собственно относительно порядка составленія бюджетовъ,—что̀ и само по себѣ имѣетъ уже немаловажное значеніе.

Существующій у насъ въ настоящее время порядокъ составленія государственной росписи доходовъ и расходовъ опредѣленъ слѣдующими узаконеніями: 1) смѣтныя правила общія по имперіи, высочайше утвержденныя 21 мая 1862 года; 2) временныя правила, утвержденныя 10 августа 1866 года, относительно перечисленія оборотовъ царства польскаго въ смѣту имперіи; и 3) высочайшія повелѣнія, послѣдовавшія 11 іюля 1866 г. и 1 ноября 1867 года, по мнѣнію государственнаго совѣта и положенію кавказскаго комитета, относительно исчисленія и оборотовъ кавказскаго управленія.

Самое составленіе государственной росписи, на основаніи новыхъ правилъ, происходитъ слѣдующимъ образомъ: на разсмотрѣніе государственнаго совѣта поступаютъ — смѣты по министерствамъ и главнымъ управленіямъ имперіи; смѣты по нѣкоторымъ (теперь уже почти по всѣмъ) управленіямъ царства польскаго и по гражданскому управленію Закавказскаго края; наконецъ, смѣты процентнаго сбора съ имѣній помѣщиковъ польскаго происхожденія въ западныхъ губерніяхъ.

Эти отдѣльныя смѣты на предстоящій годъ поступаютъ съ половины текущаго года, разновременно, до ноября мѣсяца или въ его началѣ. Онѣ поступаютъ въ одно время на разсмотрѣніе министерства финансовъ, которое обязано приводить ихъ въ цѣльную смѣту, и въ государственный контроль, который дѣлаетъ свои заключенія по предположеніямъ отдѣльныхъ управленій на основаніи не только соотвѣтствующихъ каждой статьѣ повелѣній, правилъ и распоряженій, но и на основаніи дѣйствительной потребности на тотъ или другой предметъ, какъ она ему извѣстна, по имѣющимся въ немъ свѣдѣніямъ.

Мы описываемъ порядокъ составленія бюджета по тѣмъ срокамъ, какіе соотвѣтствовали различнымъ фазисамъ его обработки въ минувшемъ году, когда составленіе бюджета шло совершенно своевременно, результатомъ чего и было окончательное утвержденіе бюджета еще до наступленія новаго года и обнародованіе его въ началѣ января, между тѣмъ, какъ въ прошломъ году, смѣта была обнародована только въ мартѣ.

Въ концѣ лѣта, и впродолженіе осени, министерство финансовъ и государственный контроль представляютъ въ государственный совѣтъ свои соображенія по отдѣльнымъ смѣтамъ.

Въ государственномъ совѣтѣ все это дѣло, то есть составленіе росписи, вырабатывается въ департаментѣ государственной экономіи, который обсуждаетъ всѣ отдѣльныя смѣты и требуетъ объясненій отъ министерства финансовъ и контроля. Министерство финансовъ и контроль представляютъ свои объясненія и въ первой половинѣ декабря дополнительныя свѣдѣнія къ смѣтѣ. Наконецъ, министръ финансовъ, приведя въ соотвѣтствіе отдѣльныя смѣты, какъ одну съ другою, такъ и съ замѣчаніями государственнаго контроля и департамента государственной экономіи, представляетъ, въ концѣ декабря, проектъ общей государственной росписи предстоящаго года, которая поступаетъ на разсмотрѣніе общаго собранія государственнаго совѣта.

По утвержденіи росписи государственнымъ совѣтомъ, министръ финансовъ подноситъ ее на высочайшее утвержденіе, при всеподданнѣйшемъ докладѣ, который за тѣмъ обнародуется во всеобщее свѣдѣніе.

Насколько намъ извѣстно, роспись, какъ она сперва представляется министерствомъ финансовъ, подвергается при разсмотрѣніи ея въ департаментѣ экономіи государственнаго совѣта значительнымъ измѣненіямъ. На этотъ разъ, впрочемъ, если свѣдѣнія наши вѣрны, измѣненія, которымъ подверглась роспись, при ея разсмотрѣніи, хотя уменьшили ее милліоновъ на 15-ть, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличили ее слишкомъ на 30-ть милліоновъ, такъ-что результатомъ этого разсмотрѣнія—кромѣ введенія въ предположеніе министерства финансовъ большей точности, сообразно съ предвидимыми въ дѣйствительности потребностями, было еще: уменьшеніе смѣты доходовъ почти на 13 милліоновъ, а смѣты расходовъ слишкомъ на 16 милл., и увеличеніе смѣты доходовъ на 36 милл., а смѣты расходовъ около 33 милліоновъ рублей, такъ что въ конечныхъ итогахъ, плодомъ разсмотрѣнія смѣты въ государственномъ совѣтѣ было увеличеніе предположенія доходовъ слишкомъ на 23 милл., а расходовъ почти милліоновъ на 17.

Итакъ, если наши свѣдѣнія вѣрны — изъ рукъ государственнаго совѣта общая роспись на 1869 годъ вышла въ болѣе оптимистскомъ видѣ, чѣмъ изъ рукъ министерства финансовъ.

Но всѣ измѣненія въ росписи, при прохожденіи ея чрезъ государственный совѣтъ, произведены именно въ департаментѣ государственной экономіи (при чемъ имѣлись въ виду и соображенія государственнаго контролера). Въ общемъ же собраніи государственнаго совѣта, бюджетъ прошелъ безъ всякихъ измѣненій. Естественно, что имѣя въ виду тщательную, предварительную обработку этого дѣла въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ департаментовъ, государственный совѣтъ, въ общемъ своемъ собраніи, не счелъ уже нужнымъ останавливаться на частностяхъ, и подвергать составъ бюджета и положеніе финансовъ—камералистской критикѣ.

Не говоря уже о недостаткѣ времени для всесторонняго обсужде-

нія бюджета въ общемъ собраніи, есть разныя причины, которыя отчасти дѣлаютъ его излишнимъ, отчасти препятствуютъ ему. Вникнемъ нѣсколько ближе въ эти обстоятельства, какъ они представляются намъ.

Обсужденіе бюджета въ общемъ собраніи законодательнаго учрежденія не можетъ имѣть характера ревизіоннаго. Для ревизіи счетовъ, повторяемъ, нѣтъ, во-первыхъ, времени. Во-вторыхъ—это не дѣло общаго собранія. Подобная ревизія предположеній, какъ мы выше показали, уже исполняется совершенно достаточно однимъ изъ отдѣленій нашего законодательнаго собранія, именно департаментомъ государственной экономіи.

Между тѣмъ, у насъ обсужденіе проекта государственной росписи имѣетъ исключительно характеръ ревизіонный. Оно заключается въ томъ, что предположенія провѣряются документально, то есть, подвергаются просмотру съ точки зрѣнія ихъ формальной законности—во-первыхъ, и во-вторыхъ, относительно исполненія заключенныхъ контрактовъ, сроковъ обязательныхъ уплатъ и требуемыхъ закономъ поступленій. Когда каждая изъ статей проекта смѣты приведена въ соглашеніе съ дѣйствительнымъ поступленіемъ минувшаго года — если это доходъ, и съ надлежащими постановленіями и обязательствами — если это расходъ, — то все дѣло сдѣлано.

Если бы бюджетъ обсуждался иначе, еслибы обсужденіе общности его было дѣйствительнымъ обсужденіемъ не только порядка составленія росписи, но и самаго финансоваго хозяйства страны, положенія ея финансовъ въ данный моментъ, и еслибы обсужденіе смѣтъ отдѣльныхъ управленій означало разборъ самой ихъ дѣятельности, съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ интересовъ, критику употребленія ими денегъ на тотъ или другой предметъ со включеніемъ соображеній о томъ, какіе результаты достигаются каждымъ управленіемъ въ дѣйствительности, производительно-ли ими употребляются деньги, и не слѣдуетъ-ли направить ихъ дѣятельность иначе, предоставленіемъ имъ на тотъ или другой предметъ бо́льшихъ или меньшихъ средствъ—въ такомъ случаѣ разсмотрѣніе бюджета было бы уже не ревизіонное, документальное только, но экономическое и политическое. Тогда бюджетъ, достигнувъ общаго собранія государственнаго совѣта, тутъ именно могъ бы подвергаться, съ пользою для страны, наибо́льшимъ измѣненіямъ, не смотря на всю документальную и бухгалтерскую аккуратность, какая была бы доставлена ему прохожденіемъ чрезъ предъидущія инстанціи.

Но такой порядокъ разсмотрѣнія бюджета въ государственномъ совѣтѣ, повидимому, еще не введенъ у насъ. Тѣ данныя, которыя представляются членамъ общаго собранія совѣта, не могутъ, по заведенному порядку, даже представлять, всѣхъ матеріаловъ необходимыхъ для пол-

наго уясненія себѣ дѣйствительнаго финансоваго положенія государства (не предположеній, а именно *положенія*, не баланса смѣты, а баланса финансовъ). Но объ этомъ мы скажемъ послѣ, при изложеніи общаго взгляда на нынѣшнюю смѣту. Теперь же, мы хотѣли только объяснить, почему мы выше замѣтили, что при нынѣшнемъ порядкѣ, смѣта въ послѣдней своей инстанціи, именно въ общемъ собраніи государственнаго совѣта должна проходить безъ измѣненій, послѣ обработки ревизіонной, которой она подверглась до того.

II.

Прежде нежели мы приступимъ къ финансовому обсужденію росписи, разсматриваемой въ ея общности, приведемъ самые главные итоги бюджета на 1869 годъ:

ДОХОДЫ:

		Издержки взиманія.	Чистый доходъ.
1. Обыкновенныхъ доходовъ (валовая цифра)	419,977,532 р.	46,438,983	373,538,549 [1]
2. Особые ресурсы	15,174,074 —	—	15,174,074
3. Оборотныя поступленія .	15,804,495 —	—	15,804,495
4. Спеціальные ресурсы на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и устройства одесскаго и рижскаго портовъ	31,123,303 —	—	31,123,303
Всего доходовъ . . .	482,079,406 р.	—	435,640,422 р.

РАСХОДЫ:

Обыкновенные расходы . .	385,712,623 р.	
На недоборъ въ доходахъ	3,000,000 —	
Оборотные расходы . . .	15,804,495 —	
Расходы экстраординарные по постройкѣ дорогъ и названныхъ портовъ . .	31,123,303 —	
Всего расходовъ . .	435,640,422 —	(безъ издержекъ взиманія).
Издержки взиманія . . .	46,438,983 —	
	482,079,406 р.	

Прежде всего сравнимъ главнѣйшія изъ этихъ цифръ съ соотвѣтствующими имъ цифрами прошлогодней росписи. При этомъ мы увидимъ особенности собственно нынѣшняго бюджета. Затѣмъ, мы бросимъ взглядъ на нынѣшнюю роспись по отношенію къ семилѣтнему періоду, истекшему со времени принятія новаго порядка въ составленіи бюджета.

Въ прошлогодней росписи сумма *доходовъ* за вычетомъ издержекъ

[1]) Копѣйки отброшены.

взиманія была предположена почти въ 426 милл. р. Нынѣ она предполагается, какъ приведено выше, около 435½ милл. Итакъ, цифра доходовъ увеличена около 9½ милліоновъ. Почти та же самая разница замѣчается между валовыми цифрами обыкновенныхъ доходовъ на прошлый и нынѣшній года, именно между 410½ м. (прошлаго года) и почти 420 м. р. нынѣшняго года. Мы впослѣдствіи увидимъ, по какимъ отдѣльнымъ статьямъ доходовъ произошло наибольшее увеличеніе, теперь же упомянемъ сперва о развитіи другихъ главныхъ итоговъ обѣихъ смѣтъ.

Издержки взиманія показаны нынѣ около 46½ милл. р., а въ прошлогодней росписи онѣ были исчислены слишкомъ 54½ милл. р. Эта разница, какъ видно изъ сравненія между цифрами издержекъ взиманія по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, зависѣла преимущественно отъ уменьшенія такихъ издержекъ по вѣдомству путей сообщенія, которыя въ прошломъ году составляли болѣе 12½ м., а въ нынѣшнемъ исчислены только слишкомъ въ 5 м. р. Различіе это произошло главнымъ образомъ отъ передачи эксплуатаціи Николаевской дороги въ руки частнаго общества.

На недоборъ въ доходахъ въ нынѣшней смѣтѣ полагается милліономъ рублей меньше чѣмъ въ прошлогодней, именно 3 м., вмѣсто четырехъ, вслѣдствіе исправнаго поступленія доходовъ, оказавшагося въ 1867 и 1868 годахъ. Эта сумма 3 м. заключается сама въ цифрѣ дефицита.

Особые ресурсы, показанные выше въ смѣтѣ доходовъ въ 15,174,074 р., соотвѣтствуютъ суммѣ *дефицита* по росписи. Въ этой цифрѣ, такъ сказать, ключъ всей росписи, поправка, возстановляющая балансъ, т. е. равенство между итогами дохода и расхода. Цифра дефицита въ прошломъ году показана была около 12½ м. р. и соотвѣтствовавшая ей статья въ доходахъ была названа *экстраординарными* рессурсами. Это различіе въ наименованіи одной и той же статьи въ прошлой и нынѣшней смѣтѣ имѣетъ существенное значеніе. Въ прошломъ году, на покрытіе дефицита назначалась сумма изъ иностранныхъ займовъ, а въ нынѣшнемъ году, дефицитъ предполагается покрыть изъ дѣйствительныхъ остатковъ отъ кредитовъ по смѣтамъ 1867 и 1868 гг., не прибѣгая къ рессурсамъ экстраординарнымъ.

Спеціальные рессурсы въ смѣтѣ доходовъ соотвѣтствуютъ статьѣ *временныхъ экстраординарныхъ* расходовъ, въ смѣтѣ расходовъ, и назначаются на постройку желѣзныхъ дорогъ и устройство одесскаго и рижскаго портовъ. Рессурсы, предназначенные на этотъ предметъ, называются спеціальными потому, что они состоятъ въ особомъ фондѣ желѣзныхъ дорогъ, который представляетъ въ наличности нѣсколько болѣе 33½ милл. рублей. По прошлогодней росписи на постройку желѣзныхъ дорогъ было ассигновано болѣе 38½ милл. р.; по нынѣшней

только 31 милл. слишкомъ. Разница на $7^1/_2$ милл. въ нынѣшнемъ ассигнованіи происходитъ отъ окончанія работъ на правительственныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

Мы сказали выше, что по росписи нынѣшняго года предвидится обыкновенныхъ доходовъ болѣе противу прошлаго года милліоновъ на $9^1/_2$. Эта разница представляетъ конечный выводъ, т. е. есть результатъ отъ вычета цифры уменьшенія по нѣкоторымъ статьямъ доходовъ изъ цифры увеличенія доходовъ по другимъ статьямъ. Именно: доходы обыкновенные противъ прошлогодней росписи увеличены по нѣкоторымъ статьямъ слишкомъ на $23^1/_2$ милл., а по другимъ уменьшены слишкомъ на 14 милл.; отсюда и выходитъ конечная цифра увеличенія дохода на $9^1/_2$ милл.

Что же представляетъ такое разительное увеличеніе доходовъ по нѣкоторымъ статьямъ и уменьшеніе по другимъ? Увеличеніе прихода главнымъ образомъ зависитъ прямо отъ предполагаемаго дѣйствительнаго возвышенія доходовъ (въ сложности около 19 милл.); уменьшеніе же преимущественно отъ исключенія нѣкоторыхъ статей изъ государственной росписи доходовъ, какъ-то: отъ передачи Николаевской дороги въ руки Главнаго Общества и обращенія части доходовъ съ нея въ пользу фонда желѣзныхъ дорогъ, отъ отмѣны дополнительныхъ сборовъ съ таможенныхъ пошлинъ, отъ обращенія доходовъ отъ рекрутскихъ квитанцій въ спеціальныя средства военнаго министерства, и другихъ исключеній.

Расходы увеличены противъ прошлогодней смѣты слишкомъ на 17 милліоновъ. Въ этомъ увеличеніи главное участіе принимаютъ: перенесеніе въ нынѣшній бюджетъ $3^1/_2$ м. изъ оборотныхъ расходовъ, назначенныхъ по прошлогодней росписи на покрытіе расходовъ по заключеннымъ смѣтамъ (это—только перечисленіе), и дѣйствительное увеличеніе расходовъ по нѣкоторымъ вѣдомствамъ, именно по духовному слишкомъ на 350 т., по военному на $5^1/_4$ милл., на пенсіи и пособія слишкомъ 529 тысячъ, на пожизненныя пособія инвалидамъ слишкомъ $2^1/_2$ милл., на усиленіе содержанія почтовыхъ мѣстъ около 400 тысячъ, на дальнѣйшее введеніе новаго судоустройства 444 тысячи, по смѣтамъ царства польскаго около 1 м. 350 т., отъ включенія въ роспись суммъ на ликвидаціонную операцію, по администраціи Закавказскаго края на 750 т.

Уменьшеніе расходовъ произведено: по государственному долгу на 541 т., частью вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія платежа по нѣкоторымъ займамъ, частью по уплатѣ государственному банку въ 1868 году, до срока, нѣкоторыхъ долговъ государственнаго казначейства, на 100 тысячъ уменьшены расходы вслѣдствіе благопріятности курса для заграничныхъ платежей, на нѣсколько бóльшую сумму уменьшены по той же причинѣ расходы по министерству иностранныхъ дѣлъ; по ми-

нистерству путей сообщенія, вслѣдствіе передачи Николаевской дороги Главному Обществу, расходъ уменьшился слишкомъ на 9 милл. р., но зато прибавился расходъ по содержанію управленій московско-курской и балтско-елисаветградской дорогъ на 1 милл. 721 т., внесенъ вновь расходъ на уплату купоновъ, погашеніе облигацій и др. издержки по Николаевской дорогѣ на 3 м. 671 т., наконецъ, на разныя другія надобности (между прочимъ 103 т. на сооруженіе памятника Екатеринѣ II въ Петербургѣ).

Въ конечномъ выводѣ, т. е. за вычетомъ уменьшенія расходовъ по однимъ статьямъ изъ увеличенія ихъ по другимъ, общее номинальное увеличеніе расходовъ на 1869 г., въ сравненіи 1868 г., составляетъ слишкомъ 13 милл. руб.

Самая интересная изъ всѣхъ приведенныхъ цифръ—съ точки зрѣнія практической—указанная уже цифра дефицита слишкомъ въ 15 м. руб. Выше сказано, что въ настоящемъ году предполагается покрыть его не прибѣгая къ чрезвычайнымъ ресурсамъ. Дѣлается это такимъ образомъ: по правилу смѣтной системы, смѣтный періодъ заключается 1 іюля послѣдующаго года, т. е. напр. періодъ 1867 г.—1 іюля 1868 г., періодъ 1868 г. — 1 іюля 1869 г. При этомъ, т. е. при заключеніи смѣтнаго періода, тѣ кредиты, назначенные по смѣтѣ, которые до 1 іюля послѣдующаго года не потребовались, обращаются въ свободный рессурсъ государственнаго казначейства, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ суммъ, которыя, по заключаемой росписи, подлежатъ въ выдачу кредиторамъ казны.

По періоду 1867 года, какъ оказалось изъ отчета государственнаго контролера (см. Хронику), за покрытіемъ смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ расходовъ, такихъ непотребовавшихся кредитовъ осталось болѣе 29½ милл. руб. Изъ этой суммы 20 слишкомъ милліоновъ отдѣлено на покрытіе сверхсмѣтныхъ расходовъ періода 1868 г., да слишкомъ 5 милл. внесено въ смѣту департамента государственнаго казначейства 1868 г. Такимъ образомъ остается около 4½ милл., которые и могутъ быть опредѣлены на расходы 1869 г. Затѣмъ, остатки, какіе окажутся дѣйствительно отъ смѣты 1868 года, уже будутъ совершенно свободны, такъ какъ сверхсмѣтные расходы по періоду 1867 года, какъ выше сказано, уже покрыты, а по періоду 1868 года, какъ полагаетъ министерство финансовъ, обезпечены.

Итакъ, вотъ эти-то вышеупомянутые остатки 4½ милл. отъ заключенной смѣты 1867 года и остатки отъ смѣты 1868 г. и будутъ употреблены на покрытіе дефицита 1869 года. Такъ какъ сумма дефицита исчислена слишкомъ въ 15 милліоновъ, то въ добавокъ къ названнымъ 4½ милл., приходится отчислить изъ остатковъ отъ смѣты 1868, какіе окажутся къ будущему іюлю, еще около 10½ милл. (непотребованныхъ, закрываемыхъ кредитовъ бываетъ не менѣе какъ на

13 милл. руб.; итакъ, сумма 10½ милл. здѣсь, повидимому, обезпечена). Эти-то двѣ суммы и показаны въ смѣтѣ доходовъ какъ «особые рессурсы».

III.

Изложивъ общую картину смѣты на 1869 годъ въ ея характеристическихъ чертахъ, и по сравненію съ цифрами смѣты прошлогодней, мы должны теперь посмотрѣть на нынѣшній бюджетъ въ ряду нѣсколькихъ лѣтъ.

Такъ какъ первая роспись, составленная на основаніи новыхъ смѣтныхъ правилъ, относится къ 1863 году, то и правильное сравненіе можетъ быть только между росписями послѣднихъ семи лѣтъ, какъ составленными одинаковымъ образомъ. О смѣтахъ, относящихся ко времени, предшествовавшему этому семилѣтнему періоду, мы можемъ упомянуть только во взаимномъ ихъ отношеніи между собою.

Возрастаніе дохода, которое замѣчается и по отчету о дѣйствительномъ исполненіи росписи 1867 г., и по нынѣ составленной смѣтѣ, не есть какой-либо необыкновенный фактъ. Г. министръ финансовъ имѣлъ полное право указывать въ своемъ докладѣ на возрастаніе нашихъ доходовъ какъ на фактъ утѣшительный, и видѣть въ немъ залогъ поправленія нашихъ финансовъ. Но онъ недаромъ сдѣлалъ при этомъ оговорку о *«мирномъ»* развитіи силъ страны. Ясно, что если одновременно съ возрастаніемъ доходовъ, расходы будутъ возрастать въ неменьшей прогрессіи, и при какихъ-либо особыхъ политическихъ обстоятельствахъ—въ прогрессіи еще гораздо большей, и сверхъ того, будутъ накопляться долги, то въ такомъ случаѣ на поправленіе финансовъ нельзя было бы надѣяться.

Возрастаніе доходовъ, конечно, зависѣло отчасти отъ развитія желѣзныхъ дорогъ, но въ какомъ смыслѣ здѣсь могли отразиться успѣхи желѣзнодорожнаго дѣла—объ этомъ мы поговоримъ въ концѣ статьи, когда упомянемъ объ общихъ заключеніяхъ доклада г. министра. Теперь мы хотимъ только напомнить, что возрастаніе доходовъ, одновременно съ возрастаніемъ расходовъ, однимъ словомъ, увеличеніе размѣровъ бюджета — фактъ совершенно нормальный и повсемѣстный. Втеченіи послѣднихъ трехъ, четырехъ десятковъ лѣтъ, бюджеты всѣхъ европейскихъ государствъ такъ выросли, что обращаясь теперь къ бюджетамъ первой четверти столѣтія, современникъ, привыкшій къ громаднымъ нынѣшнимъ цифрамъ, ощущаетъ нѣкоторое самодовольное (невполнѣ основательное, впрочемъ) пренебреженіе къ бюджетамъ временъ отцовскихъ. Только одна Англія, изъ великихъ державъ, увеличила свой бюджетъ съ двадцатыхъ годовъ не болѣе какъ на треть.

Другія великія державы за это время удвоили, даже утроили свои бюджеты.

Не обращаясь къ столь далекому періоду, скажемъ только, что у насъ въ 1832 году итогъ доходовъ составлялъ всего 137 милл. рублей, и расходовъ слишкомъ 141½ милл. руб. Прошло 37 лѣтъ, и вотъ эти скромныя цифры разраслись около 435 милл. доходовъ и 450 милл. расходовъ (не считаемъ расходовъ и рессурсовъ на желѣзныя дороги).

Въ 1832 и 1833 годахъ доходы наши составляли 134 и 132 милл. руб., расходы около 141½ милл. руб., дефицитъ былъ 4½ и 9½ милл. Въ 1834 году, доходъ, подъ вліяніемъ голода, упалъ до 129½ милл., а расходы превзошли 150½ милл., такъ что дефицитъ вдругъ сдѣлался болѣе 21 милл. руб. Съ 1835 и до 1840 года, цифра доходовъ колебалась между 152 и 165 милліонами, а цифра расходовъ между 167½ и 179½ милл.; ежегодные дефициты составляли отъ 5 слишкомъ милл., до 15 слишкомъ милл.

До этого времени дефициты покрывались займами исключительно внутренними, именно изъ государственныхъ кредитныхъ установленій и оборотнаго капитала коммиссіи погашенія долговъ. Къ выпуску билетовъ казначейства также не прибѣгали.

Въ 1840 году былъ такой балансъ: итогъ доходовъ превышалъ 165 милл., итогъ расходовъ доходилъ до 188 милл., и дефицитъ составлялъ уже 22¾ милл. Тогда около 21 милл. было взято изъ кредитныхъ установленій и на около 1½ милл. былъ сдѣланъ *внѣшній заемъ*. Цифра доходовъ отъ 1840 до 1846 года не доходила до 200 милл., но цифра расходовъ уже въ 1842 году перешла вторую сотню милліоновъ, именно составила 210½ милл. Дефициты возросли отъ 19 до 31 милліона, и покрывались уже постояннымъ обращеніемъ ко внѣшнимъ займамъ, въ дополненіе къ займамъ внутреннимъ, то-есть изъ кредитныхъ установленій.

Балансъ 1847 года былъ такой: доходы слишкомъ 209½ милл., расходы почти 245 милл. Итакъ, дефицитъ превысилъ уже цифру 35 милл. Если первый періодъ, т. е. 1832—1840 мы, посредствомъ покрытія дефицитовъ, назовемъ «внутренно-кредитнымъ», а второй 1840—1847 — «внѣшне-кредитнымъ», то съ 1847 года начался періодъ выпуска билетовъ государственнаго казначейства, такъ какъ, въ этомъ году, въ дополненіе къ прежнимъ средствамъ, было выпущено на 12 милл. р. такихъ билетовъ, а къ нимъ черезъ два года прибавился уже и усиленный выпускъ ассигнацій, т. е. такъ-называемыхъ кредитныхъ билетовъ.

Слѣдующій періодъ мы примемъ съ 1847 до 1855 года, то-есть до того года, когда на финансахъ отразилась всею своею тяжестью восточная война. Въ періодѣ, который мы сейчасъ опредѣлили, доходы держались между 209½ милл. и 260½ милл., а расходы съ 245 милл.

возрасли уже до 383$^3/_4$ милл. Дефицитъ, который въ 1847 году составлялъ еще всего 35 милл., въ 1854 году, подъ вліяніемъ восточной войны дошолъ уже до 123 милл., такъ-что, для покрытія его, пришлось одновременно и выпустить билетовъ государственнаго казначейства на 18 милл. р. с., и взять изъ кредитныхъ установленій громадную сумму почти 88 милл. и, наконецъ, слишкомъ 17$^1/_4$ милл. употребить изъ внѣшняго займа.

Итакъ, вліяніе восточной войны здѣсь уже сказывается въ огромныхъ размѣрахъ и можно было бы, собственно говоря, считать съ самаго перваго года восточной войны, именно съ 1853 года, особый періодъ, такъ какъ въ этомъ году расходы вдругъ увеличились на цѣлые 33 милліона. Но въ историческомъ взглядѣ на финансовую систему не такъ важны цифры произведенныхъ расходовъ, какъ *способъ* покрытія ихъ. Когда государство, напрягая всѣ свои силы, насилуетъ свою систему кредита, то это измѣняетъ самую сущность финансоваго положенія и производитъ послѣдствія, отражающіяся не только на балансѣ казначейства въ данный годъ, но и на самомъ обществѣ, пертурбарціею въ его экономическихъ отправленіяхъ.

Въ этомъ смыслѣ 1855 годъ былъ самымъ достопамятнымъ годомъ въ исторіи нашей финансовой системы, со времени выкупа прежнихъ ассигнацій и монетной реформы.

Балансъ 1855 года представился въ слѣдующемъ видѣ: доходовъ болѣе 264 милл. (замѣчательно, что, несмотря на войну, доходъ продолжалъ возвышаться: только въ 1854 году, онъ, подъ естественнымъ вліяніемъ остановки въ дѣлахъ, уменьшился, и то всего не болѣе 1$^1/_2$ милліона; но въ 1855 году, онъ на 40 милліоновъ превышалъ доходъ 1851 года, когда еще и слуховъ о войнѣ не было); расходы 1855 года составили почти 526 милл.

Такимъ образомъ оказывался дефицитъ болѣе 261$^3/_4$ милл. Хроническій заемъ изъ кредитныхъ установленій составилъ до 30$^1/_2$ милл., и сдѣлавшееся тоже хроническимъ обращеніе ко внѣшнимъ займамъ дало около той же суммы. Но все это составляло только 61 милл. на покрытіе дефицита, который превосходилъ эту сумму *двумя стами* милліонами рублей. Надо было прибѣгнуть къ радикальному средству, достать средствъ во чтобы то ни стало: и вотъ, въ 1855 году вдругъ выпущено ассигнацій почти на двѣсти милліоновъ рублей (198 м. 900 т.).

Въ 1856 году было выпущено ассигнацій еще почти на 192 милліона рублей, потому что, не смотря на увеличеніе дохода посредствомъ возвышенія налоговъ, до суммы 353$^1/_2$ милл., дефицитъ превзошолъ еще дефицитъ предшествовавшаго года, а именно составилъ сумму 265$^3/_4$ милл. р.

Вотъ это-то и была кульминаціонная точка того періода, который

мы назовемъ ассигнаціоннымъ, и который—намъ еще неизвѣстно до какой степени—можно считать уже минувшимъ.

Съ окончаніемъ крымской войны и непосредственныхъ издержекъ на передвиженіе войскъ, именно въ 1857 году расходы съ 619½ милл. были сокращены до 347½ милл., и доходъ уменьшился только съ 353½ милл. до 309½ милл., такъ что дефицита, вмѣсто громадныхъ цифръ двухъ предшествовавшихъ годовъ, оказалось всего около 38½ милл.; этотъ дефицитъ былъ покрытъ главнымъ образомъ изъ внѣшняго займа слишкомъ въ 35½ милл.

Однакоже расходы, въ которыхъ въ 1857 году вдругъ сдѣлано было столь значительное сокращеніе, уже не возвратились къ цифрамъ бывшимъ до восточной войны, а напротивъ, стали съ каждымъ годомъ возвышаться. Впрочемъ, возвращеніе расходовъ къ нормамъ начала пятидесятыхъ годовъ было немыслимо. Мы сказали выше, что насилованіе системы государственнаго кредита отражается своими послѣдствіями не только на финансовомъ балансѣ, но и на всей общности экономическихъ отправленій общества. Въ свою очередь, пертурбація въ отправленіяхъ общества неминуемо отражается потомъ на финансовомъ балансѣ государства въ послѣдующіе годы.

Всеобщее вздорожаніе продовольственныхъ припасовъ и вообще предметовъ потребленія, бывшее результатомъ громаднаго выпуска бумажекъ въ 1855 и 1856 годахъ—вотъ главная причина указаннаго нами явленія, именно: что нашъ бюджетъ расходовъ по окончаніи войны уже не возвратился къ нормѣ 280 милл., а понизясь однажды до суммы 347½ милл., не остановился и на ней, но сталъ колебаться около цифры 350 милл. Въ 1858 г. онъ уже составилъ 363 слишкомъ милл., въ 1859 году онъ уменьшился было до 350½ милл., но подъ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ 1859—1860 г., вызвавшихъ по всей Европѣ усиленіе вооруженій, нашъ бюджетъ расходовъ въ 1860 году разомъ перешолъ далеко за цифру 400 м., именно составилъ слишкомъ 438 милл. р., въ 1861 году опять нѣсколько уменьшился, именно до 413½ милл., но до нормы 400 милл. уже не возвращался (мы говорили о дѣйствительномъ исполненіи). Доходы за эти годы держались между цифрами: minimum 309½ (1857 г.) и 411½ (1861 г.) милл. Такимъ образомъ, дефициты были низведены до незначительныхъ, въ сравненіи съ прежними, цифръ: 5 милл., 5¾ милл., даже всего 2 милл. слишкомъ (1861 г.), за исключеніемъ, разумѣется 1860 года, когда внезапное увеличеніе расходовъ на цѣлые 88 милл., обусловило и дефицитъ слишкомъ въ 51 милл. р.

Для покрытія дефицитовъ въ года 1857—1862 употреблялись: суммы изъ внѣшнихъ займовъ (въ 1860 году болѣе 34½ м.); займы изъ государственныхъ кредитныхъ установленій (въ 1857 году болѣе 15 милл., въ остальные года уже гораздо меньше), наконецъ, выпускъ

билетовъ государственнаго казначейства. Этихъ билетовъ выпущено въ 1857 году на 6 милл., и въ 1860 году когда дефицитъ опять такъ сильно возросъ, на 15 милл. руб.

Это обозрѣніе нашего государственнаго тридцатилѣтія мы закончимъ итогомъ, который интересенъ самъ по себѣ, хотя для оцѣнки нынѣшняго финансоваго положенія и не можетъ имѣть прямого значенія: впродолженіи 30-ти лѣтъ, о которыхъ мы говоримъ, Россія израсходовала болѣе 8,182 милліоновъ рублей, изъ которыхъ 1,376 милліоновъ рублей (представляя итогъ дефицитовъ) получены не путемъ правильныхъ доходовъ, а путемъ внутренняго и внѣшняго займа. И такъ, изъ того, что̀ мы издерживали, болѣе шестой части было издержано сверхъ податныхъ силъ государства.

Цифры этого очерка взяты не изъ росписей, а изъ дѣйствительнаго ихъ исполненія. Мы не имѣемъ подобныхъ цифръ за 1862—1866 года. Съ 1866 года дѣйствительное исполненіе смѣтъ становится намъ извѣстнымъ изъ отчетовъ государственнаго контроля за 1866 и 1867 года. Судить обо всемъ періодѣ съ 1862 и до нынѣшняго года мы должны только по росписямъ за эти года, такъ какъ мы будемъ говорить о нихъ уже именно сравнительно съ нынѣшнею смѣтою. Вотъ почему цифръ доходовъ и расходовъ за послѣдній семилѣтній періодъ нельзя сравнивать съ приведенными выше цифрами, не однородными съ ними.

Новая смѣтная система примѣнена съ 1863 года. Въ 1862 году, обыкновенные доходы (вмѣстѣ съ оборотными) были исчислены въ 295½ милл. руб. слишкомъ, а расходы обыкновенные, опредѣлены въ сумму бо̀льшую противъ доходовъ на 14¾ милл. (цифра дефицита). Въ 1863 году, по преобразованной росписи балансъ представляется уже цифрою слишкомъ 347½ милл. (со включеніемъ дефицита слишкомъ въ 15½ милл.).

Періодъ съ 1862 года отличается отъ предшествовавшихъ между прочимъ тѣмъ, что смѣтные дефициты покрывались исключительно изъ суммъ внѣшнихъ и внутреннихъ процентныхъ займовъ; только въ 1863 году въ число экстраординарныхъ рессурсовъ занесены были остатки хозяйственныхъ и экономическихъ капиталовъ на сумму менѣе 708 тысячъ руб. Ассигновка спеціальныхъ рессурсовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ началась съ 1866 года, когда было назначено на этотъ предметъ почти 20 милл. руб. изъ 5% внутренняго займа.

Вотъ таблица, могущая служить для сравненія главныхъ итоговъ по росписямъ 1863—1869 включительно:

ГОДЫ.	ДОХОДОВЪ ОБЫКНОВЕННЫХЪ.	ДОХОДОВЪ ОБОРОТНЫХЪ.	СПЕЦІАЛЬНЫХЪ РЕССУРСОВЪ НА ЖЕЛ. ДОР.	ЭКСТРАОРДИНАРНЫХЪ РЕССУРСОВЪ (ДЕФИЦИТЪ).	БАЛАНСЪ, Т. Е. ИТОГЪ ДОХОДОВЪ И ИТОГЪ РАСХОДОВЪ.
1863	318 м. 830 т.	13 м. 329 т.	—	15 м. 707 т.	347 м. 867 т.
1864	346 „ 241 „	8 „ 366 „	—	46 „ 486 „	401 „ 094 „
1865	349 „ 945 „	7 „ 750 „	—	22 „ 398 „	380 „ 093 „
1866	349 „ 680 „	12 „ 872 „	19 м. 930 т.	21 „ 583 „	404 „ 068 „
1867	387 „ 092 „	16 „ 078 „	25 „ 473 „	15 „ 206 „	443 „ 850 „
1868	410 „ 467 „	18 „ 997 „	38 „ 665 „	12 „ 462 „	480 „ 593 „
1869	419 „ 977 „	15 „ 804 „	31 „ 804 „	15 „ 174 „	482 „ 079 „

Чтобы изъ цифры баланса получить соотвѣтствующую каждому году цифру расходовъ, надо только исключить изъ цифры баланса по 4 милліона, полагавшіеся на недоборъ въ доходахъ, кромѣ 1869 года, когда на этотъ предметъ предположено милліономъ меньше, такъ что цифра расходовъ, по росписи 1869 года, представляется цифрою 479 м. 079 т.

Итакъ, въ періодъ 1863—1869 включительно, росписи годъ отъ году растутъ, и увеличеніе расхода за семь лѣтъ представляетъ цифру около 135 милліоновъ, между тѣмъ, какъ обыкновенные доходы (включая цифру оборотныхъ) возрасли только на $103^1/_2$ м. Но если включить въ итогъ доходы спеціальные, рессурсы на желѣзныя дороги, именно болѣе $31^1/_2$ мил., которымъ соотвѣтствуетъ равная сумма въ итогѣ расходовъ, то получимъ въ цифру увеличенія доходовъ ровно тѣже 135 мил. руб., на которые возросли въ теченіи этого періода расходы. Итакъ, отношеніе между доходами и расходами въ нынѣшней смѣтѣ тоже самое, какъ въ смѣтѣ 1863 года, не смотря на увеличеніе обоихъ терминовъ баланса. Правда, спеціальные рессурсы на постройку желѣзныхъ дорогъ, заимствуемые изъ особаго желѣзно-дорожнаго фонда, не совсѣмъ можно относить къ другимъ доходамъ, такъ-какъ самый этотъ фондъ есть результатъ займа, но зато же и расходы на постройку желѣзныхъ дорогъ имѣютъ совершенно особое значеніе: это расходы въ высшей степени производительные для государства.

Но не одни эти, производительные расходы прибавились къ послѣднимъ смѣтамъ; сравненіе росписей, по отдѣльнымъ статьямъ расходовъ, указываетъ на постепенное увеличеніе расходовъ вообще. Прослѣдимъ теперь эту, самую интересную сторону бюджета.

Въ 1866 году, впервые было внесено спеціальное ассигнованіе на постройку желѣзныхъ дорогъ почти въ 20 милл., и вслѣдствіе того итогъ расходовъ этого года, въ сравненіи съ предъидущимъ, возросъ на 20 милл., да еще прибавилось 4 милліона другихъ расходовъ (по росписи). Въ 1867 году, къ прежней ассигновкѣ на постройку желѣз-

ныхъ дорогъ было прибавлено лишнихъ всего менѣе 6-ти милліоновъ, а между тѣмъ итогъ расходовъ увеличился противъ 1866 года почти на 40 милліоновъ (по росписи). Въ 1868 году, спеціальный желѣзно-дорожный кредитъ еще увеличенъ около 13 милліоновъ, а между тѣмъ общій итогъ расходовъ возросъ почти на 37 милліоновъ. Наконецъ, на нынѣшній годъ, спеціальный желѣзно-дорожный кредитъ уменьшенъ противъ прошлогодняго около 7 милліоновъ, вслѣдствіе окончанія работъ на двухъ правительственныхъ дорогахъ и еще нѣкоторыхъ иныхъ поводовъ, а между тѣмъ, общая сумма расходовъ на нынѣшній годъ не только не уменьшилась противу прошлогодней, но возрасла болѣе $1\frac{1}{2}$ милліона.

Намъ скажутъ пожалуй: что̀ за дѣло, когда и цифра доходовъ увеличивается соотвѣтственно? Правда, и цифра доходовъ возрастаетъ, а смѣтная цифра дефицитовъ даже уменьшилась съ 1865 и 1866 годовъ (на 6—7 милліоновъ). Но все-таки не все равно для государства, если балансъ бюджета увеличился. Если бы увеличеніе расходовъ зависѣло отъ возрастанія правильныхъ, обыкновенныхъ доходовъ и сообразовалось съ ними, тогда, конечно, было бы все равно, какова цифра бюджетнаго баланса: что̀ получаемъ, то и расходуемъ. Но вѣдь дѣло происходитъ не совсѣмъ такъ. Самая цифра увеличенія дохода не представляетъ исключительно возрастанія экономическихъ силъ всего государства, а представляетъ *напряженіе* его силъ, посредствомъ возвышенія тяготѣющаго надъ нимъ податного итога.

Показали же мы выше, что въ тягостную годину восточной войны, сумма доходовъ тоже возвышалась; при началѣ войны получалось 248 мил. дохода, а при концѣ ея—$353\frac{1}{2}$ милліоновъ. Въ четыре года, какое огромное увеличеніе дохода: на цѣлые 105 милліоновъ! Что же, означало-ли *все* это возвышеніе — экономическое благосостояніе страны, увеличеніе нашихъ податныхъ силъ? Нѣтъ, оно означало также и чрезмѣрное ихъ *напряженіе*. А чрезмѣрное напряженіе силъ ведетъ неизбѣжно къ истощенію—это простая физіологическая истина есть въ тоже время и истина экономическая. И вотъ, дѣйствительно, за войною въ первые два года послѣдовало паденіе нашихъ обыкновенныхъ доходовъ.

Мало того, постоянная система дефицитовъ, хотя бы она выражалась даже и такими только цифрами, какія мы видимъ въ нашихъ росписяхъ, ведетъ разумѣется къ увеличенію государственнаго долга. Къ сожалѣнію, долги въ бюджетѣ не показываются. Но изъ сравненія росписей разбираемаго нами семилѣтняго періода, мы видимъ, что по государственнымъ долгамъ намъ въ настоящее время приходится платить *ежегодно* 20-ю милліонами рублей больше, чѣмъ въ 1863 году. Въ нынѣшней росписи на платежи по государственному долгу назна-

чено почти 76 милліоновъ, менѣе противу прошлогодней росписи на 1 милл., отъ причинъ, о которыхъ мы уже упоминали.

Расходы въ теченіи 1863 — 1869 значительно увеличились рѣшительно по всѣмъ вѣдомствамъ, за исключеніемъ одного только морского министерства, въ которомъ, напротивъ, бюджетъ противъ 1863 года сокращенъ около 1½ милліона (въ нынѣшнемъ году на 11½ милліоновъ). По нѣсколькимъ другимъ вѣдомствамъ, расходы возросли въ эти семь лѣтъ милліоновъ на двадцать и болѣе по каждому.

Увеличеніе суммы обыкновенныхъ доходовъ само по себѣ, конечно, все-таки представляетъ утѣшительное явленіе. Изъ представленной нами выше таблицы видно, что въ теченіи семилѣтняго періода 1863 — 1869 сумма доходовъ обыкновенныхъ возрасла болѣе чѣмъ на 100 милліоновъ рублей (318 м. 830 т. въ 1863 году, а въ 1869 г. — 419 м. 977 т.).

Правда, нѣкоторыя доли этого увеличенія не представляютъ дѣйствительнаго возрастанія дохода, а простое перечисленіе; это именно — доходы царства польскаго, котораго бюджетъ составляетъ около 25 милл. рублей (1866 г.). Точно также и увеличеніе нашего бюджета расходовъ представляетъ соотвѣтствующую долю не дѣйствительнаго, наружнаго увеличенія. Бюджетъ царства началъ зачисляться въ общій бюджетъ имперіи съ 1867 года. Въ роспись на 1867 годъ около 16½ милл. рублей доходовъ и около 20 милл. руб. расходовъ изъ бюджета царства польскаго показывались отдѣльными статьями доходовъ и расходовъ на его управленіе. Нынѣ въ росписи доходовъ по имперіи показано доходовъ царства польскаго, не вошедшихъ въ смѣты отдѣльныхъ управленій, около 15¼ м. р., и расходовъ около 12¼ м. р.

Но если изъ итога росписи исключить примѣрно по 25 милл. р., представлявшихъ доходы царства, то мы увидимъ, все-таки, что въ теченіи послѣдняго семилѣтняго періода, въ нашихъ обыкновенныхъ доходахъ, оказалось дѣйствительнаго увеличенія около 75 м. р.

Но благопріятность этого результата нѣсколько уменьшается, если мы разложимъ возрастаніе доходовъ въ періодъ 1863 — 1869 по статьямъ, то-есть посмотримъ, гдѣ именно представляется наибольшее увеличеніе дохода.

Самую главную часть нашего бюджета доходовъ, какъ извѣстно, составляютъ косвенные налоги и изъ числа ихъ именно — доходъ акцизно-питейный. Косвенные налоги, какъ налоги на потребленіе, по самому существу своему, ограничены въ своемъ возрастаніи единственно только наличностью экономическихъ силъ страны и возрастаніе дѣйствительнаго поступленія косвенныхъ налоговъ свидѣтельствуетъ о возвышеніи степени благосостоянія въ странѣ, развитія потребностей ея поселенія, высотѣ заработковъ, усиленія производительности.

Въ иномъ положеніи представляются налоги прямые такъ, какъ они существуютъ у насъ, т. е. падая преимущественно на личность. Здѣсь возвышеніе дохода въ теченіи извѣстнаго года можетъ зависѣть отъ болѣе исправнаго взноса податей и означать, стало быть, возвышеніе народнаго благосостоянія; но въ періодъ нѣсколькихъ лѣтъ возвышеніе дохода отъ податей зависитъ прямо отъ усиленія или добавленія самыхъ податей.

Оказывается, что въ періодъ 1863—1869 гг. у насъ преимущественно возросъ доходъ не отъ косвенныхъ, а именно отъ прямыхъ налоговъ. Прямые налоги (въ которыхъ $^9/_{10}$ представляются именно податями) возрасли съ $43^1/_2$ м. до $94^1/_4$ м., болѣе чѣмъ вдвое; доходъ же съ косвенныхъ налоговъ увеличился съ 169 м., слишкомъ до $201^1/_2$ м., т. е. всего на нѣсколько болѣе пятой части. Главное увеличеніе здѣсь послѣдовало въ 1864 году по акцизно-питейному сбору.

Впрочемъ, повторимъ, во всякомъ случаѣ благопріятенъ тотъ фактъ, что по росписямъ 1868 и 1869 года предположено значительное возвышеніе доходовъ, и такихъ, которые свидѣтельствуютъ именно о возрастаніи экономическихъ силъ страны. Мы уже сказали выше, что общая сумма дѣйствительнаго увеличенія дохода (т. е. устраняя *перечисленіе*) доходитъ до 19 м.; упомянемъ теперь, какъ онъ распредѣляется. Оставимъ въ сторонѣ подати, которыя возвышены около $^1/_2$ милліона, вслѣдствіе включенія въ окладъ лицъ бывшихъ на льготѣ и исчисленія вновь общественнаго сбора съ бывшихъ южныхъ поселянъ. Тогда главными статьями, по которымъ исчислено возвышеніе дохода, остаются: таможенный доходъ почти на 3 милліона, акцизъ со свеклосахарнаго производства на 1 милліонъ, съ табаку на 419 т., питейный на 3 м. 219 т., съ горныхъ заводовъ и промысловъ на 662 т., отъ лѣсовъ 400 т., гербовыхъ пошлинъ на 371 т., телеграфовъ на 350 т. и т. д. Зато, по нѣкоторымъ статьямъ доходовъ (соляному, монетному и др.) предвидится и уменьшеніе. За исключеніемъ уменьшенія доходовъ изъ увеличенія, предполагается въ результатѣ, какъ уже сказано, увеличеніе цифры доходовъ на $9^1/_2$ милл. рублей.

IV.

Въ заключеніе всеподданнѣйшаго доклада съ представленіемъ росписи на 1868 годъ, г. министръ финансовъ выражалъ слѣдующее мнѣніе: «На увеличеніе текущихъ расходовъ по росписи 1868 года, значительное вліяніе имѣлъ *неурожай* минувшаго года, такъ-что при благопріятномъ урожаѣ по росписи текущаго (1868) года оказался бы дефицитъ весьма незначительный». Затѣмъ, г. министръ финансовъ

выражалъ надежду, что развитіе желѣзныхъ дорогъ положитъ твердое основаніе улучшенію нашихъ финансовъ.

Въ заключеніи доклада съ представленіемъ росписи на нынѣшній годъ, г. министръ финансовъ выразилъ такое мнѣніе: «Сравнительно-благопріятные результаты росписи (*результаты* росписи?) на 1869 годъ суть послѣдствія значительнаго превышенія доходовъ 1867 года и сколько до сихъ поръ извѣстно — и 1868 г. Возрастаніе доходовъ, по мнѣнію статсъ-секретаря Рейтерна, слѣдуетъ приписать отчасти случайнымъ причинамъ: изобильный повсемѣстно *урожай* 1866 года *повторился* въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ хлѣбныхъ губерній въ 1867 и 1868 годахъ; въ тоже время западная Европа нуждалась въ большемъ, противъ обыкновеннаго, количествѣ привознаго хлѣба, такъ что отпускная наша торговля въ эти годы чрезвычайно оживилась и сдѣлалась весьма выгодною, какъ для производителей, такъ и для торгующихъ». Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе благопріятныхъ послѣдствій для финансовъ отъ развитія нашихъ желѣзныхъ дорогъ: «въ 1867 году открыто для движенія 489 верстъ, въ 1868 году — 1,709, а въ 1869 году можно ожидать открытія болѣе 2,000 верстъ. Нѣтъ сомнѣнія, что увеличеніе почти всѣхъ отраслей государственнаго дохода, замѣтное въ послѣдніе два года, слѣдуетъ въ значительной степени приписать желѣзнымъ дорогамъ, которыя, во время сооруженія доставляютъ народу выгодные заработки, а по открытіи даютъ настоящую цѣнность произведеніямъ и землѣ».

«Поэтому — продолжаетъ докладъ 31 декабря 1868 года — если нельзя не признать, что увеличеніе государственныхъ доходовъ въ 1868 и въ особенности въ 1868 году происходили отчасти отъ случайнаго и счастливаго для насъ совпаденія *хорошихъ урожаевъ въ Россіи* съ высокими заграницею цѣнами, то, съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что желѣзныя дороги уже теперь оказываютъ свое живительное вліяніе на народное благосостояніе и слѣдовательно на государственные финансы».

При сравненіи этихъ двухъ заключеній, неизбѣжно навязывается читателю сожалѣніе, что они составлены, такъ сказать, не по одной программѣ: о чемъ говоритъ одно, о томъ другое умалчиваетъ, и наоборотъ.

Такъ, въ прошломъ году, признано было умѣстнымъ объяснить тотъ фактъ, что по росписи все еще оказывался дефицитъ, несмотря на всѣ старанія о приведеніи въ порядокъ нашего финансоваго хозяйства. Дефицитъ этотъ составлялъ менѣе $12\frac{1}{2}$ мил. и объясненъ былъ неурожаемъ, при чемъ выражена мысль, что при благопріятномъ урожаѣ, дефицитъ оказался бы «весьма незначительный». Неурожаемъ же, въ прошлогоднемъ докладѣ, объяснялось увеличеніе расходовъ.

Между тѣмъ, въ нынѣшней росписи дефицитъ оказался не только не незначительный, даже больше прошлогодняго, именно 15 милліоновъ, но докладъ не считаетъ умѣстнымъ объяснить его обстоятельствами. На неурожай уже сослаться было некстати, такъ какъ въ нынѣшнемъ докладѣ говорится объ урожаяхъ 1867 и 1868 года и ими объясняется, между прочимъ, возрастаніе дохода. Правда, говорится преимущественно объ урожаѣ въ «хлѣбныхъ» губерніяхъ, который усилилъ нашу отпускную торговлю. О повсемѣстномъ урожаѣ въ 1867 и 1868 годахъ было бы странно говорить, такъ какъ, напротивъ, извѣстно, что прошлою зимою на очень обширномъ пространствѣ Россіи былъ положительно голодъ.

Но если урожай, бывшій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, отозвался благопріятно на доходахъ, то не могъ же бѣдственный неурожай, бывшій въ другихъ мѣстностяхъ, не отозваться хотя бы на расходахъ. Иначе, почему же неурожай 1867 года отразился на смѣтѣ расходовъ 1868 года, какъ то было объяснено въ прошлогоднемъ докладѣ?

Важно, конечно, не то, что̀ сказано или пропущено въ докладѣ, но важно то, что расходы наши постоянно растутъ, а дефицитъ не уменьшается, и что урожай или неурожай очевидно не годятся для объясненія такого, не совсѣмъ утѣшительнаго факта. Какъ бы тамъ ни было дѣло съ урожаемъ или неурожаемъ 1867 и 1868 годо̀въ съ ихъ многоразличными послѣдствіями для росписей, важно то, что въ нынѣшней росписи, также какъ въ прошлогодней, есть дефицитъ, есть и увеличеніе расходовъ. Расходы обыкновенные въ прошлогодней росписи были исчислены почти въ 419 мил. (съ издержками на взиманіе доходовъ); въ нынѣшнемъ году они исчислены слишкомъ въ 432 милліона. Итакъ, послѣдова̀ло увеличеніе около 13 милл. Если же принять во вниманіе, что издержки на взиманіе доходовъ въ нынѣшнемъ году исчислены менѣе 8 милл., то выходитъ, что цифра обыкновенныхъ потребностей государства на нынѣшній годъ увеличилась около 21 милліона.

Мы уже приводили выше сравненіе между возрастаніемъ нашихъ расходовъ и доходовъ въ теченіи періода послѣднихъ семи лѣтъ. Тамъ же мы показали, что постоянное увеличеніе расходовъ зависѣло не только отъ чрезвычайныхъ средствъ, употребленныхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, но происходило въ значительной мѣрѣ и независимо отъ этихъ, производительныхъ расходовъ. Мы разбирали также, въ какой мѣрѣ увеличеніе нашихъ доходовъ — фактъ, самъ по себѣ, утѣшительный — можетъ быть относимо прямо къ возвышенію благосостоянія страны. Но какъ бы ни возвышались доходы, само собою разумѣется, что поправленія финансовъ ожидать нельзя, если расходы будутъ возвышаться въ той же или еще бо̀льшей мѣрѣ. Если, срав-

нительно съ прошлогоднею росписью, доходы увеличились на 9½ милл. и расходы въ тоже время на 13½ милл., при существованіи дефицита въ 15 милл., то это само по себѣ, конечно, не представляетъ такого положенія дѣлъ, которое, по сравненію съ нашимъ финансовымъ прошедшимъ, могло бы быть признано даже и неудовлетворительнымъ. Эта неблагопріятность баланса не отражается чувствительнымъ образомъ на силахъ государства и бытѣ общества. Собственно для общества гораздо чувствительнѣе, конечно, та особенность нашего финансоваго положенія, которая выражается въ обращеніи какихъ-нибудь 600—700 милліоновъ рублей неразмѣнныхъ денегъ и невозможностью даже предвидѣть, когда эта масса, тяготѣющая на рынкѣ и обусловливающая анормальное его положеніе, сократится и размѣнъ будетъ возстановленъ.

Нельзя не признать также, что въ послѣдніе два года оказалось замѣтное оживленіе нашей торговли и производительности, при чемъ большое вліяніе имѣло и развитіе желѣзныхъ дорогъ. Усиленіе нашей отпускной торговли произвело уже благопріятный результатъ—улучшеніе нашего заграничнаго курса. Въ свою очередь, самое усиленіе отпускной нашей торговли возбудило заграницею довѣріе къ экономическимъ силамъ Россіи и вызвало тотъ замѣчательный приливъ иностранныхъ капиталовъ на наши желѣзно-дорожныя предпріятія, который былъ бы немыслимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Нельзя не согласиться съ тѣми великими результатами, какихъ г. министръ финансовъ ожидаетъ отъ новыхъ успѣховъ желѣзно-дорожнаго дѣла у насъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что хотя развитіе желѣзныхъ дорогъ, какъ и всякое развитіе экономическихъ силъ страны, должно производить благопріятное вліяніе и на финансы государства, такъ какъ они солидарны съ благосостояніемъ самаго народа, однако эта солидарность, хотя и непрерывна, но до нѣкоторой степени эластична.

Объяснимся примѣрами: никто не можетъ сомнѣваться искренно въ томъ, что освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею должно увеличить экономическое благосостояніе государства, и стало быть отразиться благопріятно и на его финансахъ. Однако, пока это громадное экономическое улучшеніе произведетъ полное свое воздѣйствіе, нельзя сказать, чтобы самая мѣра выкупа улучшила положеніе финансовъ, которые она, напротивъ, неизбѣжно обременила новымъ огромнымъ долгомъ. Или наоборотъ: чрезмѣрное усиленіе налоговъ, котораго мы имѣли уже примѣры, истощая страну, въ концѣ концовъ, неизбѣжно ведетъ и къ неблагопріятнымъ для самыхъ финансовъ послѣдствіямъ; но сперва оно оказываетъ только непосредственное своє дѣйствіе — увеличеніе государственнаго дохода.

Точно также и пожертвованія государства на развитіе желѣзныхъ дорогъ. Соглашаясь вполнѣ съ общей мыслью о первостепенной важности для самихъ нашихъ финансовъ развитія нашихъ желѣзныхъ дорогъ, и производительномъ характерѣ этихъ пожертвованій, мы, однако, не можемъ возложить всей надежды относительно поправленія нашихъ финансовъ исключительно на развитіе желѣзныхъ дорогъ, въ особенности же за ближайшіе года. А между тѣмъ, изъ пересмотра двухъ послѣдующихъ докладовъ г. министра финансовъ инымъ читателямъ можетъ показаться, что таково именно его мнѣніе: что всю надежду въ поправленіи нашихъ финансовъ онъ возлагаетъ исключительно на самобытное возрастаніе нашихъ доходовъ, въ которомъ урожай играетъ роль случайную, а желѣзныя дороги — роль главную.

Для дѣйствительнаго поправленія финансовъ, нынѣ, какъ и во всѣ времена есть только одинъ вѣрный путь, путь непосредственный: сокращеніе расходовъ или по крайней мѣрѣ пресѣченіе ихъ постепеннаго роста, который поглощаетъ самое возрастаніе дохода, и затѣмъ — освобожденіе рынка отъ дальнѣйшаго выпуска внутреннихъ кредитныхъ обязательствъ казначейства, неограниченныхъ ни въ количествѣ обращенія, ни срокомъ погашенія.

Желѣзныя же дороги, конечно, и въ ближайшее время споспѣшествуютъ государственному доходу, такъ какъ самая постройка ихъ даетъ населенію тѣхъ мѣстностей, гдѣ она производиться средства къ исправному вносу податей. Но эта польза, во-первыхъ, ограничивается именно исправнымъ поступленіемъ прямыхъ податей, не производя столь же скоро и непосредственно *возрастанія* государственнаго дохода. Вовторыхъ, она именно — временная. Если государство дѣлаетъ пожертвованія на постройку желѣзныхъ дорогъ, а нѣкоторыя мѣстности отсюда получаютъ заработки, которые несутъ въ ту же казну на уплату обыкновенныхъ податей, — то въ результатѣ всего этого для поправленія финансовъ нѣтъ ничего, кромѣ опять-таки самаго созданія желѣзныхъ дорогъ. Дѣло въ томъ, что исправному вносу податей съ другой стороны соотвѣтствуютъ въ этомъ случаѣ и прямыя издержки государства на постройку казенныхъ дорогъ и его переплата по гарантіямъ частнымъ обществамъ. Благопріятность *непосредственнаго* результата отъ болѣе исправнаго взноса прямыхъ податей едва ли не уравновѣшивается ежегодною издержкою милліоновъ въ тридцать, которая далеко превышаетъ доходъ со строимыхъ казенныхъ дорогъ. Изъ отчета государственнаго контроля за 1867 годъ, мы узнаемъ, что казна уже переплатила частнымъ обществамъ по гарантіямъ болѣе 37 милл. рублей. Не надо забывать, что хотя рядомъ съ расходною статьею «Спеціальные расходы на желѣзныя дороги» въ нашемъ бюджетѣ и стоитъ статья: «Экстраординарные рессурсы» на ту же

сумму, но вѣдь эта сумма представляетъ не *доходъ*, а остатки отъ *займа* или новый заемъ.

Мы сдѣлали это замѣчаніе собственно потому, что въ двухъ докладахъ съ представленіемъ росписей, развитію желѣзныхъ дорогъ придано какъ-бы первостепенное значеніе въ поправленіи нашего финансоваго положенія съ одного года на другой—чего едва-ли ожидать можно уже такъ скоро. Для поправленія финансовъ въ ближайшемъ будущемъ необходимо вступить на единственный вѣрный путь: значительнаго сокращенія расходовъ и самоограниченія въ распоряженіи кредитными средствами—вотъ что́ нельзя достаточно повторять у насъ. Наша смѣта расходовъ не только не должна расти, а должна подвергнуться значительному, радикальному сокращенію, и *можетъ* подвергнуться ему. Вѣдь нынѣшняя наша смѣта расходовъ такова, не смотря на мирное время, что въ 1855 году, когда мы несли на себѣ все бремя двухлѣтней борьбы съ четырьмя государствами, мы издерживали только *сорока четырьмя* милліоннами рублей болѣе (по дѣйствительному исполненію смѣты 1855 года, издержано 526 милл.; нынѣ опредѣлено по росписи 482 милл.).

V.

Обратимся теперь къ разницѣ, оказывающейся въ балансѣ 1869 года, т. е. къ дефициту. Точная сумма дефицита, какъ она опредѣляется цифрами предположенныхъ доходовъ и расходовъ, есть 15.174,074 руб. 41½ коп., считая тутъ и 3 милл. руб. на недоборъ въ доходахъ. Какъ мы уже говорили, дефицитъ этотъ предполагается покрыть, не прибѣгая къ экстраординарнымъ рессурсамъ, т. е. къ займу. Съ этой цѣлью въ роспись внесено изъ остатковъ отъ заключенной смѣты 4.487,900 руб., а остальные 10.686,174 руб 41½ коп. внесены изъ «дѣйствительнаго остатка» отъ кредита 1868 года, который будетъ подлежать обращенію въ рессурсы государственнаго казначейства.

Мы уже выше объясняли этотъ разсчетъ, но здѣсь должны возвратиться къ нему при оцѣнкѣ общихъ выводовъ нынѣшняго доклада. Противъ этого расчета ничего сказать нельзя. Правда, остатки отъ смѣтъ употребляются прежде всего на покрытіе сверхсмѣтныхъ расходовъ того же года, но такъ какъ изъ отчета по дѣйствительному исполненію росписи 1867 года, видно, что къ заключенію ея, т. е. къ 1 іюля 1868 года осталось слишкомъ 29½ милл. и изъ нихъ слишкомъ 20 милл. отдѣлены именно на покрытіе сверхштатныхъ расходовъ, какіе могли и еще могутъ оказаться по исполненію росписи 1868 года, то свободные остатки, предвидимые собственно по этой росписи и могутъ уже быть обращены на покрытіе дефицита 1869 года.

Но, соглашаясь въ принципѣ съ этимъ разсчетомъ, мы не можемъ не замѣтить, что цифры его отчасти гадательны, отчасти просто произвольны. Почему министерству финансовъ извѣстно, что отъ смѣтнаго періода 1868 будутъ остатки? Потому что—какъ сказано въ докладѣ — суммы закрытыхъ кредитовъ, къ сроку заключенія смѣтнаго исполненія, бываютъ *неменѣе* 13 милліоновъ. Но въ такомъ случаѣ, почему же на покрытіе дефицита 1869 года ассигновано изъ этого минимума остатковъ 1868 года только 10 м. 686 тысячъ, а не весь минимумъ 13 милліоновъ?

Этотъ вопросъ нашъ касается, конечно, не дѣйствительнаго финансоваго положенія Россіи, какъ оно представляется нынѣ, а собственно способа подведенія баланса подъ смѣтами. Ясно, что министерство финансовъ могло бы, еслибы хотѣло, вовсе не показать дефицита, а оставивъ сумму расходовъ съ излишкомъ противъ суммы доходовъ, положимъ въ 15 милліоновъ, отнесть къ статьѣ прихода «Особые рессурсы изъ дѣйствительныхъ остатковъ отъ кредитовъ по смѣтамъ 1867 и 1868 гг.» во-первыхъ, около $4^1/_2$ милл. изъ остатковъ 1867 г., во-вторыхъ, минимумъ ожидаемыхъ остатковъ отъ кредитовъ 1868 года, т. е. 13 милліоновъ, и тогда роспись оказалась бы не только *безъ дефицита*, но еще съ превышеніемъ расходовъ доходами около $2^1/_2$ милліоновъ руб.; а какой эффектъ произвела бы такая роспись. Въ публикѣ—да и не только въ публикѣ—заговорили бы съ восторгомъ: «вотъ наконецъ-де мы достигли полнаго равновѣсія въ бюджетѣ, мало того, есть еще остатокъ въ $2^1/_2$ милл., который лучше всего обратить, напримѣръ, на облегченіе прямыхъ налоговъ, составляющихъ около 94 милліоновъ рублей».

Министерство финансовъ не сдѣлало этого, хотя бы и могло, и нельзя, конечно, винить его за это. Но наше замѣчаніе показываетъ, что въ опредѣленіи цифры показаннаго дефицита имѣется нѣкоторый просторъ [1]).

Точно такъ дефицитъ могъ бы выйти гораздо бо̀льшимъ, еслибы министерство финансовъ сочло, что 20 милліоновъ, которые оно отдѣляетъ изъ остатковъ 1867 года на покрытіе сверхштатныхъ расходовъ 1868 года будетъ, недостаточно. И для того, чтобы думать такъ— есть данныя предшествующихъ лѣтъ. Изъ отчета государственнаго контроля за 1867 годъ видно, что въ томъ году цифра дѣйствительно

---

[1]) Не неумѣстно привесть здѣсь, что по французскому бюджету на 1868 годъ, за отчисленіемъ остатковъ на покрытіе сверхсмѣтныхъ расходовъ, показывалось экстраординарныхъ рессурсовъ въ добавокъ къ остаткамъ только 22 милл.. франковъ, въ конечномъ послѣ этого результатѣ показывался всетаки и дефицитъ, но въ количествѣ 58 тысячъ франковъ.

открытыхъ сверхштатныхъ расходовъ составила 32½ милліона руб., т. е. превзошла слишкомъ на 27½ милл. руб., предвидѣнную по росписи 1867 года цифру сверхсмѣтныхъ расходовъ. До заключенія смѣтнаго періода 1868 года, въ это время, когда составлялась нынѣшняя роспись, оставалось еще шесть мѣсяцевъ. Итакъ, если бы 20 милліоновъ отдѣленные на покрытіе сверхштатныхъ расходовъ періода 1868, признать, по цифрѣ 1867 года, слишкомъ недостаточными, то нельзя было бы затѣмъ отдѣлить изъ предполагаемыхъ остатковъ 1868 года ничего на покрытіе нынѣшняго дефицита. (А сверхъ того, вѣдь и въ 1869 году, вѣроятно, не обойдется безъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, на покрытіе которыхъ прежнихъ остатковъ уже рѣшительно не будетъ). Такимъ образомъ, дефицитъ вышелъ бы необезпеченный ничѣмъ, и пришлось бы обращаться къ экстраординарнымъ рессурсамъ.

Въ публикѣ—скажемъ опять—это конечно произвело бы самое неблагопріятное впечатлѣніе. Стали бы говорить: «вотъ и опять обращеніе къ займамъ, и просто на покрытіе уже произведенныхъ издержекъ; когда же наконецъ установится въ нашихъ финансахъ желанное равновѣсіе»?

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ дефицитъ въ томъ видѣ, какъ его исчислило и обезпечило министерство финансовъ: правда, дефицитъ все-таки есть, но онъ вѣдь для насъ не новость, именно въ томъ, что онъ покрывается «дѣйствительными» остатками, стало быть какъ бы и не существуетъ.

Да не приметъ читатель сдѣланныхъ нами замѣчаній за выраженіе нашего мнѣнія, что балансъ бюджета 1869 года окажется вовсе не такъ благопріятенъ, какъ его выставляетъ роспись, или за увѣреніе съ нашей стороны, что въ текущемъ году, не смотря на предвидѣніе бюджета, новое обращеніе къ чрезвычайнымъ рессурсамъ окажется необходимымъ. Ничего подобнаго мы сказать не хотимъ, да и *не можемъ*, потому что это было бы опредѣлительное сужденіе о дѣйствительномъ положеніи нашихъ финансовыхъ средствъ, *которое, не смотря на роспись и докладъ, остается намъ въ сущности неизвѣстнымъ*. Въ изложенныхъ замѣчаніяхъ мы хотѣли только показать, что цифру дефицита, опредѣленную въ 15.174,074 руб. 41½ коп. никакъ нельзя признавать неизбѣжно истекающею изъ данныхъ самого доклада; ее можно было столь же раціонально совершенно покрыть, или признать высшею. Мы хотимъ только сказать, что стало быть на этомъ конечномъ результатѣ росписи никакъ не слѣдуетъ основывать рѣшительнаго сужденія о положеніи финансовъ.

Такого опредѣлительнаго сужденія о положеніи финансовъ составить нельзя потому, что къ росписи не прилагается изложенія всѣхъ рессурсовъ, какіе могутъ быть въ рукахъ министерства финансовъ. На-

примѣръ, еслибы мы захотѣли рѣшить вопросъ: потребуется ли въ нынѣшнемъ году новый заемъ—то рѣшить его мы были бы не въ состояніи, такъ какъ намъ неизвѣстно, сколько остается въ настоящее время въ рукахъ правительства наличныхъ чрезвычайныхъ рессурсовъ. Въ роспись внесена на покрытіе спеціальныхъ расходовъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ цифра изъ экстраординарныхъ рессурсовъ—31 слишкомъ милліонъ рублей. Положимъ, что эта сумма или сумма немного бо́льшая, представляетъ *все*, что́ еще осталось въ рукахъ министерства финансовъ отъ прежнихъ займовъ—что́ легко можетъ быть;—въ такомъ случаѣ новый заемъ можетъ быть отсроченъ только тогда, когда предвидѣчія росписи относительно дефицита оправдаются буквально (а мы видѣли, что данное вычисленіе дефицита никакъ не можетъ быть признано единственнымъ вѣрнымъ), или же будутъ превзойдены дѣйствительностью въ смыслѣ благопріятномъ. Но и въ такомъ случаѣ, предполагая, что сумма 31 милл. представляла бы все, что́ остается отъ чрезвычайныхъ рессурсовъ — новый заемъ потребовался бы все-таки на будущій годъ, уже для дальнѣйшаго желѣзнодорожнаго кредита.

Наши росписи, въ томъ видѣ, какъ онѣ составляются, не могутъ служить картиною положенія финансовъ, потому что онѣ не представляютъ дѣйствительнаго *актива* и *пассива* государственнаго казначейства. Въ росписяхъ мы имѣемъ передъ собою только балансъ смѣтный, балансъ распредѣленія суммъ, а не балансъ финансовый, который представлялъ бы положеніе финансовъ. Мы не видимъ, сколько добыто въ теченіи послѣднихъ семи лѣтъ путемъ займовъ, продажею американскихъ колоній, разсчетами съ государственнымъ банкомъ, однимъ словомъ — экстраординарнымъ путемъ, т. е. именно не знаемъ, когда и сколько требовалось и издерживалось изъ нихъ. Мы знаемъ только, сколько въ каждомъ году было отнесено смѣтнаго недочета на экстраординарные рессурсы, но сколько этихъ рессурсовъ состояло въ казначействѣ и имѣлось въ виду въ теченіи каждаго смѣтнаго періода, однимъ словомъ, какія были дѣйствительныя средства казначейства въ каждомъ періодѣ и какъ они распредѣлены—этого мы не знаемъ.

Вѣроятно, подобная вѣдомость представляется государственному совѣту, при внесеніи государственной росписи на его разсмотрѣніе. Департаменту государственной экономіи (на обязанности котораго лежитъ исправленіе смѣты, и которому приходится вникать въ малѣйшія статьи расходовъ и доходовъ, показанныхъ по росписи, дополнять и измѣнять ихъ сообразно съ установленіями и дѣйствительными потребностями года), казалось бы, необходимо имѣть свѣдѣнія о дѣйствительныхъ средствахъ, какими можетъ располагать каз-

начейство, свѣдѣнія не о сотняхъ или тысячахъ рублей, а о десяткахъ и сотняхъ милліоновъ экстраординарныхъ рессурсовъ, которыми дополняется наше смѣтное хозяйство. Имѣетъ-ли государственный совѣтъ такія же свѣдѣнія или нѣтъ — мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, они не обнародуются.

Если мы сложимъ цифры показанныхъ въ росписяхъ экстраординарныхъ рессурсовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ съ 1866 года (когда этотъ кредитъ открытъ впервые), то получимъ сумму 115 милл. 181 т. руб. Если сложимъ цифры экстраординарныхъ рессурсовъ употребленныхъ съ 1863 года на покрытіе дефицитовъ (считая и нынѣшнюю цифру дефицита, ибо хотя она и покрывается изъ остатковъ, но въ образованіи остатковъ участвовали и экстраординарные рессурсы прежнихъ годовъ), то получимъ сумму 149 милл. 016 рублей. Всего выходитъ 264 милл. 197 тыс. руб. Но эта цифра должна быть ниже дѣйствительнаго поступленія экстраординарныхъ рессурсовъ за послѣдніе семь лѣтъ потому, что уже одни два внутренніе, выигрышные займа, дали 200 милл. рублей, 5% внутренній 1863 года — около 10 милл. руб., заемъ подъ Николаевскую дорогу 75 милл. руб. Излишне было бы для нашей цѣли исчислять всѣ займы, сдѣланные съ 1863 года. Достаточно уже того, что̀ сказано, чтобы убѣдиться, что сумма ихъ превышаетъ сумму экстраординарныхъ рессурсовъ показанную по росписямъ. Изъ росписей же мы узнаемъ, между прочимъ, что ежегодный платежъ по государственному долгу увеличился съ 1863 года около 20 милл. рублей. Итакъ, говоря о смѣтѣ, мы могли только разбирать ея составныя части, но выводить изъ нея сужденія о положеніи нашихъ финансовъ—было бы съ нашей стороны весьма рисковано, какъ было бы рисковано для медика судить о здоровьи человѣка по его портрету.

Намъ остается теперь обратиться къ отдѣльнымъ министерствамъ, что мы и исполнимъ въ слѣдующей статьѣ.

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Хроника общественной жизни.

Мы прочли письма Милля и Андре Лео, съ пожеланіями успѣха русскимъ женщинамъ, которыя добиваются доступа къ высшему образованію; эти письма снова обратили на это дѣло общее вниманіе. Мы имѣемъ также и тѣ отзывы объ этомъ дѣлѣ, которые были выражены, по поводу его, разными представителями нашего министерства народнаго просвѣщенія. Сходны всѣ эти отзывы въ томъ, что предоставляютъ устройство всего дѣла самимъ просительницамъ. О томъ, чтобы дѣло это, дѣйствительно важное, взять на себя, чтобы принесть съ своей стороны небольшую матеріяльную жертву на его устройство— не было и мысли. Г. попечитель округа находитъ смѣту, представленную просительницами (на 6,000 руб.) слишкомъ недостаточною, но не признаетъ возможнымъ указать на какой-либо источникъ со стороны вѣдомства народнаго просвѣщенія. Неужели изъ девяти милліоннаго бюджета не нашлось бы лепты на закладку такого священнаго зданія, какъ высшее образованіе для женщинъ? Въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія одинъ чиновникъ можетъ получать 6,000 рублей въ годъ; неужели, какую бы пользу ни приносилъ этотъ чиновникъ, она можетъ равняться пользѣ того дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, дѣло, которое должно имѣть вліяніе на все воспитаніе, на цѣлый складъ нравовъ нашего общества? Или Россія такъ бѣдна, что, давая два милліона рублей на содержаніе мужскихъ университетовъ, не говоря о всѣхъ другихъ высшихъ мужскихъ училищахъ, издерживая слишкомъ полтораста тысячъ рублей на содержаніе одного центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія, не можетъ дать нѣсколькихъ тысячъ рублей на великое дѣло высшаго образованія для женщинъ?

Въ вопросѣ о доставленіи женщинамъ доступа къ высшему обра-

зованію—двѣ стороны, одинаково важныя: во-первыхъ, степень умственнаго развитія женщинъ имѣетъ огромное вліяніе на нравы всего общества, на первоначальное воспитаніе самихъ мущинъ, однимъ словомъ, на всю будущность поколѣній. Во-вторыхъ, вопросъ о высшемъ образованіи для дѣвушекъ многочисленнаго средняго класса есть вопросъ о хлѣбѣ, о самостоятельности. По природѣ своей женщины способны преимущественно къ исполненію тѣхъ обязанностей среди общества, которыя требуютъ болѣе всего умственнаго развитія,—болѣе всего, то есть болѣе, чѣмъ, напримѣръ, энергіи, хладнокровія, крѣпости и мускуловъ, и нервовъ. Самостоятельный трудъ для женщинъ средняго класса, т. е. для дочерей чиновниковъ, литераторовъ, художниковъ, офицеровъ, однимъ словомъ, всего болѣе или менѣе образованнаго рабочаго люда—можетъ быть доступенъ въ серьёзныхъ размѣрахъ только послѣ открытія этимъ женщинамъ доступа къ высшему образованію; тогда именно возникнетъ потребность допустить женщинъ къ занятію общественныхъ мѣстъ, къ широкому участію въ медицинской дѣятельности и т. д., а въ дѣятельности литературной онѣ тогда скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо найдутъ широкое поле для труда. Примѣръ значительнаго участія женщинъ въ литературѣ мы уже видимъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ; примѣръ участія ихъ въ дѣятельности врачебной—въ послѣдней изъ названныхъ странъ. Но для всего этого нужно сперва, чтобъ высшее образованіе было доступно женщинамъ. До тѣхъ поръ, границы примѣненія труда женщинъ все будутъ почти также узки какъ теперь: швейное дѣло, въ разныхъ его видахъ, дѣятельность гувернантокъ и компаньонокъ. Но швейное дѣло не можетъ дать самостоятельности по ничтожности въ немъ заработковъ, еще пониженныхъ машинами; а положеніе гувернантокъ и кампаньонокъ не даетъ самостоятельности по самому существу своему.

А между тѣмъ самостоятельность нужна. Я не стану утверждать, что всѣ женщины, при нынѣшнихъ правахъ, тяготятся зависимостью и рвутся къ независимому положенію, основанному на личномъ трудѣ. Но однакоже, мнѣ напрасно указываютъ на трогательную эмблему винограда, вьющагося около дуба, его украшающаго и имъ поддерживаемаго. Видалъ я дубы, слишкомъ жестко сжимавшіе въ своихъ узлахъ гибкія вѣтки винограда; видалъ я и хилые дубы, которые съ трудомъ носили свое украшеніе, не смотря на кажущуюся воздушность и несомнѣнную сладость его.

При настоящемъ положеніи женщины, можно сказать, бракъ для нея обязателенъ, потому что онъ одинъ доставляетъ женщинѣ положеніе. Но обязательность брака можетъ приводить къ тѣмъ же результомъ, какъ обязательность безбрачія. А общественныя отношенія сложились такъ, что бракъ почти обязателенъ для женщины. Внѣ брака она не найдетъ—не говоримъ объ исключеніяхъ—уважаемаго и обезпе-

ченнаго ея трудомъ положенія. Отсюда происходитъ то, что бракъ въ мысляхъ дѣвушки главная и существенная цѣль. И такъ какъ, для женщины бракъ предполагаетъ отреченіе отъ свободы, и является какъ плодъ побѣды ея чувства надъ простымъ разсчетомъ, то понятно, что молодые люди держатся по отношеніи къ нему, до поры до времени, въ положеніи естественной самозащиты. Отсюда является въ дѣвушкахъ далеко не нравственныя завоевательныя стремленія. Роли, въ силу хлѣбной необходимости брака женщинѣ, извращаются: преслѣдовательницами являются именно представительницы, такъ-называемаго, прекраснаго пола, виноградныя лозы являются завоевательницами, и сильный дубъ, опутанный, покоренный, стоитъ нахмурясь и несетъ, иногда и не безъ ропота, прекрасное бремя возложенное на него сюрпризомъ, благодаря именно его дубоватости.

Но если бракъ есть главная цѣль женщинъ именно въ борьбѣ за существованіе, то понятно, какую неизгладимую печать должны класть на все ихъ развитіе стремленія къ нему. Въ свою очередь понятно, что коль скоро мать, святая учительница общества, сама вышла изъ школы галантерейности и благодаря ей именно пріобрѣла свое высокое положеніе, то на все общество, вслѣдствіе того, падетъ наслѣдственное, изъ рода въ родъ вліяніе преданій этой школы. Изъ рода въ родъ, подъ вліяніемъ этихъ преданій, женщинамъ будутъ оказывать то высокопочитаніе, которое прилично божкамъ, то есть предметамъ очень возвышеннымъ, но не серьёзнымъ; будутъ примѣнять ко всякой женщинѣ мѣрку галантейной школы, то есть боготворить ее, если и пока она хороша собою, а дурныхъ и старыхъ будутъ презирать.

Для того, чтобы бракъ не былъ обязателенъ для дѣвушки средняго класса надо увеличить ея умственную силу, такъ какъ отъ физическихъ слабостей ее избавить нельзя. Только съ высшимъ образованіемъ она завоюетъ себѣ мѣсто внѣ школы галантерейности, серьёзное мѣсто въ общественномъ трудѣ.

Намъ указываютъ на гувернантокъ и компаньонокъ. Скажемъ прежде всего, что рѣдкая гувернантка берется за эту должность съ серьёзнымъ намѣреніемъ посвятить себя обученію дѣтей. Иногда идутъ въ гувернантки въ надеждѣ устроить свою судьбу вовсе не развитіемъ маленькихъ ученицъ, а возможною наклонностью ихъ братцевъ, кузеновъ и даже дяденекъ къ супружескому союзу. Но положимъ, что гувернантка останется гувернанткой; имѣемъ ли мы право ограничивать этимъ поприщемъ всѣ виды дѣвушки на самостоятельное существованіе? Не есть ли это выразительное глумленіе надъ стремленіемъ законнымъ и достойнымъ уваженія — указывать какъ единственное рѣшеніе вопроса о самостоятельности—положеніе гувернантки, то-есть едва ли не самое зависимое, самое несамостоятельное изъ всѣхъ положеній, существующихъ на свѣтѣ?

Когда бѣдная дѣвушка выходитъ за старика или за нелюбимаго ею человѣка, расчитывая найти у него обезпеченіе, имѣемъ ли мы, имѣетъ ли общество право говорить, что она продаетъ себя и презирать ее за это? Нѣтъ, такого права общество не имѣетъ, потому что оно само, не допуская женщину до самостоятельности трудомъ, не признавая за ней гражданскаго права на трудъ, сдѣлало для женщины изъ брака прежде всего вопросъ о существованіи. Бракъ облагородится, когда онъ очистится отъ этого чуждаго смыслу его значенія. Общество только тогда исполнитъ свой долгъ передъ женщиною, когда дастъ ей широкій просторъ для честнаго заработка, который бы ее обезпечивалъ. Теперь же, нелѣпая традиція галантерейной школы, что женщина создана только «плѣнять,» а не работать, до такой степени сильно въ обществѣ, что оно даже тогда, когда допускаетъ женщину къ какому нибудь труду, смотритъ на этотъ трудъ какъ на нѣчто предоставляемое женщинѣ сверхъ того, что ей слѣдуетъ, какъ на нѣкое благодѣяніе, за которое она должна быть «по гробъ жизни» благодарна. Подъ вліяніемъ такого нелѣпаго, неестественно-слѣдующаго изъ нынѣшнихъ отношеній предразсудка, общество цѣнитъ трудъ женщины непремѣнно ниже труда мущины, хотя бы даже женщина работала больше и лучше.

Укажемъ на близкій примѣръ. У насъ телеграфному вѣдомству принадлежалъ благородный починъ въ дѣлѣ допущенія женщинъ къ общественной службѣ. Эта попытка, дѣлающая великую честь просвѣщенному телеграфному управленію, произвела можно сказать блестящіе результаты, принесла краснорѣчивыя свидѣтельства о способности женщинъ къ службѣ совсѣмъ не легкой, требующей необыкновеннаго вниманія, и сопряженной со значительной отвѣтственностью. Работа телеграфистовъ-женщинъ, какъ то теперь уже достаточно показалъ опытъ — несравненно лучше работы телеграфистовъ-мужчинъ. Телеграфистки всѣ образованнѣе, искуснѣе и усерднѣе телеграфистовъ. Тѣмъ не менѣе, ихъ оклады ниже окладовъ ихъ товарищей — «царей природы». Для телеграфистокъ не полагается и пенсій; наконецъ, мы слышали что даже по новымъ штатамъ, которые предполагается составить для телеграфнаго вѣдомства, не предположено сравнять вознагражденіе женщинъ и служебныя права ихъ, въ телеграфномъ вѣдомствѣ, съ тѣмъ вознагражденіемъ и правами, какія предоставляются мущинамъ. Отчего можетъ происходить такая разница въ оцѣнкѣ въ ущербъ тому труду, который по опыту оказывается именно лучшимъ, какъ не отъ того предразсудка, о которомъ мы сейчасъ упомянули, именно, что трудъ не женское дѣло, что женщины на него права не имѣютъ, и что самое доставленіе его женщинамъ есть уже особая милость?

Возвратимся теперь къ вопросу о высшемъ образованіи для женщинъ, которое одно можетъ открыть женщинамъ значительный прос-

торъ для самостоятельнаго труда (замѣтимъ, что на телеграфъ принимаются только родственницы служащихъ въ томъ вѣдомствѣ чиновниковъ).

Совѣтъ здѣшняго университета, получивъ записку просительницъ, отозвался, что онъ готовъ принять на себя устройство учебной части курсовъ для женщинъ, съ тѣмъ именно условіемъ, «чтобы курсы эти не имѣли характера популярности, а были бы дѣльными (развѣ популярность исключаетъ дѣльность?) и правильными курсами.»

Г. попечитель округа, въ свою очередь, донесъ министру, что университетскій курсъ можетъ принесть пользу только лицамъ достаточно къ нему подготовленнымъ, а потому «въ настоящее время можетъ быть рѣчь объ устройствѣ для женщинъ не университетскихъ курсовъ,» а подготовительнаго учебнаго заведенія. Наконецъ, самъ г. министръ призналъ «болѣе удобнымъ въ настоящее время (?) устроить *общія* публичныя лекціи, то-есть совокупные для мущинъ и женщинъ, на основаніи существующихъ постановленій, буде гг. профессоры университета изъявятъ на то согласіе.»

Мнѣніе г. попечителя вполнѣ справедливо: для слушанія университетскихъ курсовъ нужна хорошая подготовка, но не однимъ женщинамъ, а также и молодымъ людямъ, а между тѣмъ молодыхъ людей принимаютъ въ университетъ, хотя относительно подготовки ихъ въ нашихъ гимназіяхъ существуютъ различныя мнѣнія.

Нельзя сомнѣваться въ сочувствіи министерства народнаго просвѣщенія стремленію женщинъ къ образованію. Тѣмъ неменѣе нельзя не замѣтить, что тутъ, независимо отъ добрыхъ намѣреній министерства, произошла съ этимъ вопросомъ нѣкоторая игра словъ, при чемъ вопросъ постоянно перевертывался то той, то другой стороной кверху, и нынѣ едва ли довертѣлся до конца.

Вѣдь весь вопросъ объ устройствѣ для женщинъ отдѣльныхъ курсовъ возникъ изъ-за того, что именно *общіе* курсы сочтены были неудобными, а теперь дѣло опять сводится къ общимъ курсамъ.

Мы говоримъ «сводится». Между тѣмъ, могутъ ли профессора согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое совершенно несогласно съ выраженнымъ ими самими? Публичныя лекціи, по существу своему, бываютъ всегда популярны и должны быть популярны именно, потому что они не представляютъ правильнаго курса. На открытіе публичныхъ лекцій въ каждомъ году надо испрашивать особое разрѣшеніе, которое проходитъ двѣ инстанціи. Сверхъ того, если публичныя лекціи будутъ происходить гдѣ-нибудь въ особо-нанятой залѣ, то тамъ не можетъ быть тѣхъ пособій, которыя необходимы для «дѣльности» этихъ лекцій; если же они будутъ происходить въ университетѣ, то это будетъ опять-таки допущеніе женщинъ въ университетъ совокупно съ мущинами.

Мало того; разрѣшеніе публичныхъ лекцій, если бы гг. профессоры согласились на нихъ, отказавшись отъ своего прежняго мнѣнія, будетъ зависѣть отъ г. попечителя. Но какъ же г. попечитель разрѣшитъ публичный университетскій курсъ для женщинъ, когда по мнѣнію, котораго онъ держится, слушаніе университетскаго курса, безъ достаточной подготовки къ нему, засвидѣтельствованной предварительнымъ экзаменомъ, не можетъ приносить пользы, а потому о немъ для женщинъ въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи?

Если свесть всѣ три отзыва по этому дѣлу, данные вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія, то едва ли, несмотря на видимое ихъ разнорѣчіе и даже противорѣчіе, въ нихъ не найдется та общая черта, что каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ отговорку; только отговорки различны, и послѣдняя едва ли не вѣрнѣе ведетъ къ цѣли, чѣмъ двѣ предыдущія.

Если можно быть почему-нибудь довольну отсутствіемъ женщинъ въ университетахъ, то это развѣ по поводу послѣдняго диспута въ здѣшнемъ университетѣ: все же не такъ много было свидѣтелей одной странной сцены, и «прекрасный полъ» не узнаетъ о многомъ, что дѣлается иногда въ стѣнахъ зданія, такъ мало доступнаго для него.

Истинный «любитель просвѣщенія», можетъ подумать, что диспутъ служитъ для провѣрки знаній магистранта или докторанта; но онъ ошибется: кто допущенъ факультетомъ до диспута, тотъ уже почти признанъ за dignus est intrare. Диспутъ — остатокъ отъ средневѣковыхъ университетскихъ учрежденій,—есть не что иное, какъ турниръ, происходящій только для соблюденія формы. За употребленіе въ дѣло слишкомъ серьёзныхъ аргументовъ, напримѣръ за уличеніе докторанта въ несомнѣнной ошибкѣ, здѣсь даже сердятся, какъ въ турнирахъ обижались на употребленіе въ дѣло копья отточеннаго или меча завостреннаго.

Такъ недавно, въ здѣшнемъ университетѣ диспутировалъ на доктора философіи г. Владиславлевъ. Все шло чинно и хорошо сначала. Спорили о такихъ невинныхъ предметахъ, какъ напримѣръ какое слово лучше «неоплатонизмъ» или «новоплатонство», «рожденіе» или «эманація». Однимъ словомъ, все шло по законамъ турнирскихъ схватокъ, въ которыхъ если и дозволяется иногда ссадить противника съ коня, то все-таки такъ, чтобы онъ падая не растерялъ всей своей учености; а бить на-повалъ и вовсе запрещено.

Оттого, когда впослѣдствіи битва пошла не на шутку, и кто-то пригрозилъ г. Владиславлеву фоліантами, то онъ и отвѣчалъ, что «фаліанты-де перевертывать не такъ-то легко», разумѣя, что законы турнира не дозволяютъ употребленіе такого тяжелаго оружія, а допускаютъ одни только armes courtoises (техническій терминъ турнирнаго дѣла).

Оттого и самъ деканъ факультета г. Срезневскій, видя, что рыцарь, состоявшій подъ его опекой упалъ, а между тѣмъ на арену является еще г. Ушинскій и хочетъ добить павшаго, закрылъ пораженнаго своимъ щитомъ — часами, и *предписалъ г. Ушинскому говорить недолѣе пяти (!) минутъ.* Понятно, что г. Ушинскій, уже изъ одной вѣжливости, не могъ взяться доказать въ пять минутъ, что диссертація одобренная факультетомъ, по серьезномъ разсмотрѣніи, одобренія не заслуживаетъ; хотя и говорятъ, что «разрушать легко, а созидать трудно», но въ пять минутъ трудно уничтожить даже бифштексъ, а не то что ученую диссертацію.

Но почему же г. Владиславлевъ хотя въ концѣ концовъ и вышелъ побѣдителемъ, т. е. докторомъ, какъ слѣдовало—испыталъ однако непріятное потрясеніе, во время борьбы? А потому, что нашлись люди, которые свели вопросъ съ мягкой и безобидной филологической почвы на неудобную, для изящности и правильности турнира, каменистую почву философіи. Ну, и доказали г. Владиславлеву, что слова его на диспутѣ, относительно философіи Плотина противорѣчатъ фактамъ, которые указаны въ собственной его диссертаціи, именно по вопросу о вліяніи христіянства на этого философа. Вотъ отъ этого, турниръ и измѣнилъ свой характеръ, превратясь въ серьезную битву, среди которой г. Владиславлевъ и былъ убитъ какъ ученый, хотя впослѣдствіи и воскресъ какъ докторъ.

А посудите, какъ все было бы прилично и съ рыцарскими законами сообразно, еслибы употреблялись только, какъ слѣдовало, копья тупыя, обтянутыя бархатомъ филологіи. Тогда, диспутъ доказалъ бы что г. Владиславлевъ дѣлается докторомъ по своей глубокой учености. А то нынче — странно сказать! — диспуты иногда, вмѣсто того чтобы засвидѣтельствовать какъ нужно быть ученымъ, чтобы получить ученую степень, свидѣтельствуютъ, какъ нарочно, совсѣмъ объ иномъ.

Самый злѣйшій врагъ университета не могъ бы такъ ужасно надсмѣяться надъ ученымъ диспутомъ, какъ-то сдѣлалъ г. Срезневскій своими «пятью минутами». Что̀ онъ отвѣтилъ бы г. Ушинскому, если бы этотъ предложилъ ему ограничивать свои лекціи также пятью минутами, въ видахъ выгоды слушателей? По окончаніи диспута, гг. члены филологическаго факультета, исключая г. О. Миллера, великодушно вступившагося за честь диспутовъ, должны были смотрѣть другъ на друга, подобно римскимъ авгурамъ со смѣхомъ. Но къ чему же филологамъ воскрешать именно эту сторону классицизма, пораженнаго деморализаціей, и такъ публично играть въ жрецы! Подумалъ ли г. Срезневскій, что наша публика въ послѣднее время такъ близко познакомилась съ Калхасомъ?

Одно изъ главныхъ событій въ Петербургѣ за прошлый мѣсяцъ—

начало процесса по такъ-называемому дѣлу «Гусева переулка». Намъ теперь еще неизвѣстенъ исходъ этого дѣла, но въ самомъ обвинительномъ актѣ мы нашли новость: лицъ обвиняемыхъ въ убійствѣ оказывается четверо. Между тѣмъ, когда извѣстная Дарья Соколова была отыскана въ Новгородской губерніи и привезена сюда, въ печати появилось описаніе всего этого дѣла, съ указаніемъ на Дарью Соколову, какъ единственную виновницу. Описаніе это было такъ подробно, что его всѣ приняли за оффиціяльное. Оно заключало въ себѣ то, что могло быть извѣстно только полиціи. Вотъ почему предъявленіе обвиненія на четырехъ лицъ не могло не вызвать нѣкотораго удивленія.

Конечно, бѣды тутъ никакой нѣтъ. Что полиція выпустила описаніе преждевременно, съ показаніями недостаточными—этотъ фактъ самъ по себѣ не могъ имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій. Мы обращаемъ вниманіе на него только потому, что вслѣдствіе перенесенія слѣдственной части изъ рукъ полиціи въ руки судебныхъ чиновниковъ, между этими властями, призванными дѣйствовать дружно вмѣстѣ къ раскрытію преступленій, могъ иногда проявляться вредный для дѣла антагонизмъ. Полиція такъ свыклась съ прежнимъ своимъ значеніемъ, когда она проникала и обнимала, такъ сказать, всѣ общественныя отправленія представляя въ лицѣ своемъ, по отношеніи къ гражданамъ, совокупность всѣхъ властей — что ей не легко было явиться въ слѣдственной дѣятельности орудіемъ подчиненнымъ судебной власти. Агентамъ полиціи приходится содѣйствовать судебному слѣдователю, а они, помня старое, могутъ быть не прочь не столько содѣйствовать судебному слѣдователю, сколько конкуррировать съ нимъ. Особенно лестно получить награду, за открытіе сдѣланное тамъ, гдѣ даже и судебный слѣдователь ничего не нашелъ.

Въ «гусевскомъ дѣлѣ», какъ мы слышали еще прежде открытія Дарьи Соколовой сыскною полиціею, были представляемы люди, винившіеся въ убійствѣ Ашмаренковыхъ, но собственныя показанія ихъ оказались ложными, и трудно понять зачѣмъ они клепали сами на себя.

Резюмируя, скажемъ, что самое появленіе упомянутой брошюры, хотя бы она и исходила отъ полиціи, едва ли можно серьезно вмѣнять полиціи въ вину. Но антагонизмъ между полиціею и судебною властью на слѣдствіяхъ — фактъ, который можетъ явиться вездѣ вслѣдъ за введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ—заслуживалъ бы серьезнаго вниманія высшихъ судебныхъ и полицейскихъ властей.

Другой судъ, о которомъ мы упомянемъ, болѣе похожъ на диспутъ, чѣмъ на судъ: это словопреніе между г. Лохвицкимъ и г. Дмоховскимъ, при предварительномъ мировомъ разбирательствѣ жалобы послѣдняго на перваго за оскорбленіе его личности во время защиты г. Лохвицкимъ г. Бильбасова. Въ то время мы упоминали о характерѣ нѣкото-

рыхъ юмористическихъ выходокъ, къ которымъ г. Лохвицкій увлекается во время защиты своихъ кліентовъ. Но мы потому-то и говорили объ этомъ, что по нашему мнѣнію только голосъ общества можетъ исправлять адвокатовъ, увлекающихся ролью каррикатуристовъ, уродующихъ, за деньги, не дѣло, а личности противниковъ. Что касается суда, то едва ли судебное преслѣдованіе подобныхъ уклоненій или увлеченій можетъ быть успѣшно: одурачить, даже озлословить человѣка можно не примѣняя къ нему ни одного прямо-оскорбительнаго выраженія. Г. Лохвицкій—слишкомъ ловкій адвокатъ, чтобы употребить выраженія, которыя подлежали бы судебному приговору.

Дѣло между г. Дмоховскимъ и г. Лохвицкимъ имѣетъ еще иной, чисто-юридическій интересъ: въ немъ возникаетъ вопросъ, подлежитъ ли адвокатъ за рѣчь произнесенную во время судебныхъ преній иной отвѣтственности кромѣ дисциплинарной отвѣтственности передъ предсѣдателемъ, во время самыхъ преній? Или адвокатъ долженъ пользоваться безотвѣтственностью парламентскаго оратора, который (кромѣ Пруссіи) подлежитъ контролю только президента своей палаты? Намъ кажется, что кромѣ юридической необходимости гарантировать свободу защиты, судъ долженъ гарантировать до нѣкоторой степени и личность по крайней мѣрѣ свидѣтелей.

Но какъ бы ни были велики въ этомъ мѣсяцѣ интересы общественные, ученые, юридическіе, мы бы однако были недобросовѣстны, еслибы не сознались, что Петербургъ теперь увлекается Аделиною Патти больше чѣмъ какимъ либо инымъ «сюжетомъ»—въ этомъ вы вольны сомнѣваться, если вы — одинъ изъ строгихъ жрецовъ религіи интересовъ общественныхъ; но сомнѣваться вы будете вопреки очевидности. Желалъ бы я знать, существуетъ ли на Руси такой гласный, который готовъ бы заплатить двадцать пять рублей, лишь бы не пропустить одного засѣданія? Такого гласнаго нѣтъ. Только паттіевскій культъ имѣетъ такихъ горячихъ исповѣдниковъ; онъ имѣетъ даже мучениковъ.

Намъ хотѣлось бы прійти, по этому поводу, въ достаточную степень негодованія и почерпнуть въ немъ грозное и вмѣстѣ трогательное слово нравоученія, способное остановить «пустые восторги» нашихъ современниковъ по случаю Патти. Намъ хотѣлось бы метнуть въ нихъ разные насущные, интересы чтобы отрезвить ихъ отъ опьяняющаго напитка трелей, и напомнить, что далеко еще не во всѣ петербургскіе домá проведена вода; что вопросъ о петербургскихъ мостовыхъ все еще томится въ обсужденіи; что дума отложила на неопредѣленное время и вопросъ о кладбищахъ, и вопросъ о бойняхъ; что почтамтъ и редакціи газетъ призываютъ васъ судьею въ вопросѣ о несвоевременномъ полученіи вами послѣднихъ. Но, сознаемся, все это было съ нашей стороны, одною аффектаціею.

Разсказываютъ, кто-то, встрѣтившись недавно съ капельмейстеромъ

Лядовымъ, сказалъ: «здравствуй лебедь!» Виновнику дней Аделины Патти можно бы сдѣлать привѣтствіе въ томъ же родѣ, если правда то, что сказалъ отъ лица ея нѣкій французскій критикъ:

Mon père était oiseau, ma mère était oiselle...

А это — правда. Патти не только доступны соловьиныя трели, но она даже превосходитъ соловья въ томъ отношеніи, что еще никогда въ жизни не взяла фальшивой ноты.

Г-жа Патти пѣла у насъ уже нѣсколько партій; очертимъ ея характеръ какъ пѣвицы, и остановимся преимущественно на той самой партіи, которая была ея первымъ дебютомъ, партіи Лючіи. Патти — чистое сопрано, съ большимъ регистромъ. Голосъ ея замѣчательно пріятенъ по звуку; въ верхнихъ нотахъ звукъ этотъ уподобляется звуку серебрянаго колокольчика — сравненіе совершенно вѣрно сдѣланное прежде насъ. Тотъ фейерверкъ чистыхъ, серебристыхъ нотъ, которымъ она удивляетъ, выводитъ изъ хладнокровія самаго апатичнаго слушателя — умѣла устроивать и Лагранжъ, пѣвица, которую мы слышали тому лѣтъ десять. Но у Лагранжъ это только и было, именно фейерверкъ. У Патти это и фейерверкъ и — концертъ, концертъ неслыханный. Я знаю, что есть люди, которые въ оперѣ ищутъ не музыки, а драмы; если либреттисту случилось вставить въ стихъ слово «сапоги», то эти господа желаютъ слышать и въ мысли композитора, и въ голосѣ исполнителя скрипъ сапоговъ. Я не придерживаюсь реальности до такой степени. Если на оперу смотрѣть исключительно съ точки зрѣнія драмы, то прежде всего оперу слѣдуетъ отрицать. Съ серьезно-драматической точки зрѣнія, речитативъ Руслана, обращенный къ полю: «О поле, поле», — незамысловатъ. Точно также незамысловато, съ точки дѣйствія, «отоприте, отоприте» Вани въ «Жизни за Царя»; ибо то время, которое онъ пропѣваетъ, можно бы, скажетъ реалистъ, съ бо́льшею для дѣйствія пользою, употребить на отысканіе дворника. Но въ оперѣ, изъ двухъ элементовъ, важнѣйшій все-таки музыка, хотя бы и независимо отъ словъ.

Ceci posé — ничто не препятствуетъ намъ восхищаться тѣмъ совершенствомъ вокальнаго искусства, какое г-жа Патти проявляетъ по поводу сумасшествія Лючіи. Конечно, сумасшедшіе не поютъ ни съ такою вѣрностью интонаціи, ни съ такою изящностью и вмѣстѣ прихотливостью отдѣлки, а преимущественно дико ревутъ или стонутъ. Но этой послѣдней правдѣ, я предпочитаю ту очаровательную неправду, какую мнѣ поетъ соловей—Патти.

Еще разница съ Лагранжъ: та нерѣдко фальшивила, увлекаясь импровизаціею. Патти импровизируетъ все, кромѣ фальши. Она, въ роли Лючіи, похожа на Віардо́ вѣрностью, округленностью и чистотою звука; на Фреццолини въ той же партіи она похожа прелестью го-

лоса (мы говоримъ о Фреццолини молодой), но далеко превосходитъ ее и въ этомъ отношеніи.

Тріумфъ Патти въ «Лючіи» — арія:

Deh spargi qualche pianto,
Sul mio terrestre velo.

Выходную каватину она поетъ какъ первостепенная артистка, но особаго впечатлѣнія не производитъ; тутъ нѣтъ простора ея соловьинымъ свойствамъ, ея изумительнымъ staccato, которыя приводятъ въ движеніе нервы самые тупые.

Для Патти—скажемъ при этомъ случаѣ—закрытъ богатый репертуаръ тѣхъ партій, которыя идутъ далѣе вокальнаго искуства, и волнуютъ, до нѣкоторой степени, чувство. Это репертуаръ Лукки, которая собственно въ вокализаціи далеко уступаетъ Патти (не говоря о несходствѣ по различію регистровъ чистаго сопрано и медзо-сопрано). Съ своенравностью генія, Патти хотѣла подчинить себѣ и драматическій родъ, пробовала, напримѣръ, партію Валентины (въ «Гугенотахъ») въ Парижѣ, и не смотря на всю деспотичность своей власти тамъ, большого успѣха не имѣла.

Впрочемъ, надо сказать, что въ «Лючіи» она удовлетворительно оттѣняетъ драматическія намѣренія композитора (вспомнимъ o ciel! въ дуэтѣ съ братомъ) и даже играетъ очень удовлетворительно. Видно, что все это разучено и обдумано въ достаточной степени. Даже г. Граціани такъ и принимаетъ именно тѣ позы, которыя font tableau, съ позами Патти. Но это все, все-таки только разучено и условлено. Не этимъ она увлекаетъ. Увлекаетъ она необыкновенною виртуозностью и не такою только виртуозностью, которая состоитъ въ «штукахъ», а именно тою, которая заключается въ свободности, отсутствіи всякаго усилія, вѣрности интонаціи и изяществѣ всѣхъ, даже иногда излишнихъ украшеній (второй части аріи сумасшествія, даже нельзя узнать подъ этими кружевами). Мы совершенно согласны съ тѣмъ французскимъ критикомъ, который говоритъ, что Патти заслушивается собственнаго своего голоса и увлекается имъ. Дѣйствительно, она поетъ просто потому что ей хочется пѣть, а не потому, что пѣть должно, или что пѣнію она обучена. Отсюда симпатичность ея. Ея фіоритуры и трели, ея staccato—coulent de sourie.

Относительно тэмбра, для сравненія между Патти и Луккою, замѣтимъ, что у Лукки голосъ болѣе скрипичный (болѣе свойственный для canto largo, sostenuto); въ голосѣ Патти болѣе общаго съ флейтою. Въ партіи «Лючіи» есть пассажъ, съ аккомпаниментомъ флейты, гдѣ едва можно отличить г-жу Патти отъ флейты г. Чарди.

—0—

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЯНВАРЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Раскольники и острожники. Очерки и разсказы. Сочин. *Ѳед. Вас. Ливанова.* Спб. 1868 г.

Въ то время, когда не только свѣтская литература, но и духовная, оставили безплодное обличительное направленіе противъ раскола и занялись изслѣдованіемъ его причинъ и развитія, съ указаніемъ на мирное и просвѣщенное миссіонерство, какъ единственное средство къ уменьшенію раскола, г. Ѳ. В. Ливановъ является съ книгою, болѣе чѣмъ обличительнаго направленія, идущею въ разрѣзъ съ тѣми статьями о молоканахъ и духоборцахъ, которыя онъ доставилъ намъ въ прошедшемъ году. Правда, въ этихъ статьяхъ, г. Ливановъ былъ собирателемъ матеріаловъ, и ничто тогда не обнаруживало тѣхъ намѣреній, которыми онъ воодушевился при изданіи своего новаго труда; но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что авторъ сдѣлалъ такой неожиданный поворотъ въ цѣляхъ своихъ трудовъ. Послѣ книги г. Кольсіева, мы не ожидали такъ скоро встрѣтиться съ подобнымъ же „сочиненіемъ".

Г. Ливановъ, какъ видно и изъ книги его, служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, изъ архива котораго ему перепало нѣсколько раскольничьихъ дѣлъ. Эти дѣла онъ перефразировалъ, придавъ имъ водянистую и довольно блѣдную форму беллетристическихъ очерковъ, украсилъ фанатическими измышленіями въ духѣ старинныхъ преслѣдователей раскола, и получился рядъ очерковъ и разсказовъ, не имѣющихъ значенія даже фактическаго матеріала, ибо трудно въ нихъ отдѣлить вымыселъ отъ канцелярской правды. Такой манерой онъ однакоже не ограничился: желая придать своей книгѣ интересъ скандала полицейско-сыскного характера, онъ рѣшился прямо уличать нѣкоторыхъ раскольниковъ, называя ихъ по именамъ, въ уголовныхъ преступленіяхъ. Такъ онъ поступаетъ съ гг. Мироновыми, Солодовниковыми, Солдатенковымъ и другими. Одна принадлежность къ расколу, одно участіе въ исканіи австрійскаго священства для г. Ливанова служитъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы публично позорить людей, бездоказательно обвинять въ эксплуатаціи русскаго народа, въ присвоеніи ими трудовыхъ его денегъ и, наконецъ, въ растратѣ общественныхъ суммъ. Въ правѣ ли дѣлать такія обвиненія г. Ливановъ? Полагаемъ, что подобнаго вопроса и ставить нельзя, хотя г. Ливановъ на каждой страницѣ своихъ сыскныхъ разсказовъ и очерковъ повторяетъ, что они составлены на основаніи „правительственныхъ свѣдѣній". Гдѣ они, эти правительственныя свѣдѣнія, были ли они опубликованы? Нѣтъ; кто же намъ поручится, что г. Ливановъ не исказилъ ихъ или не усилилъ

и кто, наконецъ, уполномочилъ г. Ливанова обнародывать эти свѣдѣнія?

Въ книгѣ его, мы находимъ слѣдующія строки: «Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предполагалось, въ бытность мою въ ономъ на службѣ по занятію расколомъ, составить очерки всѣхъ коноводовъ раскола въ Россіи, для всеобщаго, въ видахъ ослабленія ихъ значенія среди слѣпой раскольничьей массы, опубликованія. Но, къ сожалѣнію (?), доселѣ не всѣ еще матеріалы для этого приведены въ порядокъ». Мы не думаемъ, чтобъ въ министерствѣ было такое предположеніе, потому что оно, во-первыхъ, не принесло бы ни малѣйшей пользы, только раздраживъ «коноводовъ раскола» и заставивъ «слѣпую массу раскольничью» заподозрить и безъ того уже заподозрѣваемое ею въ разныхъ злоухищреніяхъ правительство; во-вторыхъ, опубликовываніе подобныхъ очерковъ со стороны правительства равнялось бы формальному обвиненію «коноводовъ раскола» въ разныхъ преступленіяхъ, на что у правительства есть вполнѣ сообразныя съ здравымъ смысломъ и съ законами средства, причемъ обвиненному дается право защиты. Г. Ливановъ, вѣроятно, захотѣлъ предупредить министерство, взявъ отвѣтственность за опозореніе частныхъ лицъ и обвиненіе ихъ въ уголовныхъ преступленіяхъ на себя одного, и въ результатѣ получился возмутительный пасквиль, гдѣ нѣтъ ни одного доказательства, гдѣ все залито желчью и инсинуаціями, простительными развѣ только членамъ сыскной полиціи, да и то потому лишь, что показанія этихъ лицъ повѣряются слѣдователями и прокурорскимъ надзоромъ, и въ общее свѣдѣніе публикуются въ строго провѣренномъ и очищенномъ видѣ, и только тогда, когда рядомъ съ обвиненіемъ есть защита. Г. Ливановъ, въ качествѣ добровольнаго сыщика, всѣмъ этимъ пренебрегъ; но предвидя отчасти то положеніе, въ которое ставилъ себя, и ту отвѣтственность, которую на себя бралъ, онъ принялъ нѣкоторыя, весьма грубыя, мѣры къ обезопасенію себя отъ преслѣдованій, именно, свои инсинуаціи и обвиненія въ уголовщинѣ, онъ обставилъ не только воздыханіями о «слѣпой» массѣ, просвѣтить которую, конечно, не гг. Ливановымъ, но и самой грубою лестью тѣмъ, кто въ такомъ подношеніи менѣе всего нуждается. Напр., начиная свой разсказъ о г. Солдатенковѣ, онъ причисляетъ его къ тѣмъ сектаторамъ, которые «причинили не мало огорченіе, всему русскому царскому дому(?), много хлопотъ русской литературѣ (?), а еще больше кровныхъ несчастій (?) всему русскому народу». Повторяя подобныя выраженія почти послѣ каждаго уголовнаго обвиненія, онъ еще чаще упоминаетъ о «правительственныхъ свѣдѣніяхъ», какъ бы указывая тѣмъ самымъ, что обвиненіе его, Ливанова, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обвиненіемъ самого правительства. Со стороны чиновника старыхъ порядковъ уловка весьма обыкновенная, со стороны же писателя, мало-мальски дорожащаго своимъ именемъ, дѣйствіе вполнѣ неодобрительное.

А г. Ливановъ считаетъ себя не просто писателемъ, но «ученымъ», который «изъ либеральныхъ побужденій желаетъ проникнуть въ тайны» раскольниковъ. Мало этого: г. Ливановъ съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ отзывается о становыхъ, квартальныхъ и исправникахъ; но изъ самыхъ «очерковъ и разсказовъ», гдѣ дѣйствуютъ становые и исправники, легко убѣдиться, что эти чиновники обладаютъ большимъ либерализмомъ, большимъ знаніемъ исторіи раскола и болѣе просвѣщеннымъ понятіемъ о свободѣ совѣсти, чѣмъ г. «ученый» Ливановъ, который прямо выражаетъ свое недовольство тѣмъ, что правительство терпитъ расколъ и не преслѣдуетъ его представителей (стр. 449—450); этотъ оригинальный ученый возмущается тѣмъ, что нѣкоторые члены земскихъ управъ молятся Богу въ молельныхъ, и доноситъ объ этомъ, какъ доносилъ недавно православный священникъ Бершацкій, что предсѣдатель одной земской управы не былъ въ табельный день въ православной церкви. Если г. Ливановъ ученый, то отецъ Бершацкій также ученый, ученые и всѣ сыщики. Что г. Ливановъ можетъ собирать матеріалы, но не знаетъ исторіи раскола, достаточно указать на его утвержденіе, что будто бы расколъ „въ теченіе 200 лѣтъ ничего не выработалъ жизненнаго, а остановилъ лишь развитіе государства“. Достаточно указать на важное значеніе раскола въ дѣлѣ нашей колонизаціи и промышленности, чтобъ положеніе г. Ливанова потеряло всякій смыслъ. Околомосковская промышленность, множество фабрикъ и заводовъ, созданныхъ московскими старообрядцами, обратили бѣдняковъ-хлѣбопашцевъ и лѣсниковъ въ зажиточныхъ промышленниковъ и вообще до значительной сте-

нени подняли благосостояніе рабочаго класса. Обвиненіе г. Ливановымъ московскихъ „коноводовъ раскола“ въ томъ, что будто бы они грабятъ крестьянъ, падаетъ само собою, если мы вспомнимъ, что ни одинъ изъ этихъ «коноводовъ» не участвовалъ въ откупахъ, и что, по признанію даже духовныхъ писателей, раскольничья масса „всегда отличалась и отличается трудолюбіемъ, бережливостью и трезвенностію, что̀, къ сожалѣнію, не всегда встрѣчается у православныхъ. Оттого раскольники всегда отличаются зажиточностію сравнительно съ своими сосѣдями-православными. Эта зажиточность всегда давала и даетъ раскольникамъ возможность говорить о правотѣ ихъ старой вѣры“ (Пр. Собесѣдникъ, т. III, 1867). Послѣднія слова указываютъ на тѣ мотивы, которые руководятъ расколъ: онъ поднималъ матеріальное благосостояніе только своихъ, и распространялъ его на новообращенныхъ. Это обыкновенная тактика всѣхъ сектаторовъ-пропагандистовъ, всѣхъ людей глубоко убѣжденныхъ въ извѣстныхъ истинахъ или заблужденіяхъ, которыя они принимаютъ за истины; наконецъ, матеріальное благосостояніе—идеалъ всѣхъ соціально религіозныхъ ученій, увлекающихъ въ свои нѣдра не только „слѣпую массу“, но и людей образованныхъ, какъ видимъ мы это въ Америкѣ, гдѣ многія секты отнюдь не раціональнѣе нашихъ.

Г. Ливановъ обвиняетъ расколъ въ тупости, застоѣ, во враждѣ къ просвѣщенію. Такое обвиненіе менѣе основательно, чѣмъ даже обвиненіе въ тупости, застоѣ и враждѣ къ просвѣщенію православной массы. Если мы станемъ сравнивать православную массу съ массой раскольничьей по отношенію къ развитію, то перевѣсъ едва ли не будетъ на сторонѣ послѣдней. Уже высшая степень экономическаго благосостоянія ручается намъ за высшую степень развитія нравственнаго. Замкнувшись въ плотную общину, расколъ не принималъ тѣхъ микроскопическихъ дозъ просвѣщенія, которыя предлагали и предлагаемъ мы православной массѣ, кажется, только для виду и краснорѣчивыхъ отчетовъ; но онъ искалъ этого просвѣщенія внутри себя; онъ распространялъ грамотность даже тогда, когда мы, православные, о томъ и не думали, онъ создалъ свою типографію, своихъ мыслителей и литераторовъ, свою обширную литературу, которая еще ждетъ безпристрастной оцѣнки. Не говорите, что все это—сухая догматика и схоластика, споры о двуперстіи, о преимуществѣ старыхъ книгъ предъ новыми—нѣтъ, литература эта, хотя и своеобразна, хотя и узка, но разработывала вопросы религіозные, философскіе и соціальные, возвышаясь иногда до западнаго раціонализма. Но еслибъ раскольничья литература и дѣйствительно вся посвящена была схоластическимъ и догматическимъ преніямъ, то и тогда мы должны были бы сказать, что это не застой, а жизнь, что это—работа интеллектуальныхъ способностей, а не физіологическихъ отправленій. По нашему мнѣнію, все это говоритъ въ пользу раскола, а не противъ него. Гонимый, преслѣдуемый, онъ не оставляетъ области духа: въ лѣсахъ заводитъ типографіи, въ тайныхъ коморкахъ учреждаетъ школы, въ подземельяхъ пишетъ свои книги. Отщепенецъ отъ православія, онъ, вѣрующій въ Бога и Христа, третируется не только хуже католичества и лютеранства, но и хуже магометанства. Магометанинъ можетъ получить образованіе въ общеобразовательныхъ и спеціальныхъ государственныхъ школахъ, учась догматамъ своей религіи у своихъ священниковъ; раскольникъ лишенъ этого права, если только не обратится въ православіе. Только въ послѣднее время раскольничьимъ дѣтямъ позволено слушать курсъ наукъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ безъ обязательства слушать законъ божій у православнаго священника. И мы знаемъ, что раскольники стали посылать своихъ дѣтей въ училища. Мы можемъ указать еще на богатый промышленный раскольничій посадъ Клинцы (Черниговской губ.), гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ раскольники заявляли желаніе объ устройствѣ первокласснаго училища съ тѣмъ, однако, чтобъ оно не называлось ни уѣзднымъ, ни приходскимъ, чтобъ въ немъ не существовало формы для учениковъ, чтобъ дѣти были освобождены отъ слушанія закона божія у православнаго священника, и чтобъ надзоръ за училищемъ былъ порученъ свѣтскому, а не духовному лицу. Кромѣ русскаго языка, ариѳметики, исторіи и географіи, въ програму училища были включены: краткія физико-химическія понятія, необходимыя въ примѣненіи къ ремесламъ и производствамъ, краткій обзоръ механическихъ производствъ: суконнаго, чулочнаго и т. д., и механическихъ фабрикацій: мыловаренной, свеклосахарной,

стеклянной и проч. Какая судьба постигла эту программу—не знаемъ, но убѣждены, что раскольники тотчасъ завели бы реальныя школы, столь соотвѣтствующія преобладающей практичности, реальности народнаго ума, еслибъ вообще учрежденіе школъ, не однихъ раскольничьихъ, у насъ не было обставлено утомительными формальностями, въ значительной степени превосходящими формальности, требуемыя отъ основателя кабака, и еслибъ представители русскаго общества хотя въ малой мѣрѣ усвоили себѣ понятіе о свободѣ совѣсти, понятіе, осуждающее всякое насиліе, всякое наказаніе, всякое внѣшнее давленіе, ибо все это принуждаетъ, останавливаетъ, заставляетъ идти назадъ, сбиваетъ съ пути, направляетъ деспотически, заграждаетъ дорогу мысли; свободная мысль, въ дѣлѣ религіозномъ, должна отвѣчать за свои заблужденія только передъ Богомъ, который одинъ можетъ судить, воодушевленъ ли человѣкъ разумомъ истины, или разумомъ лжи. А у насъ судятъ и осуждаютъ самозванные «ученые» въ родѣ г. Ливанова, который и самъ-то до того проникнутъ духомъ суевѣрія, что совпаденіе дня похоронъ извѣстнаго московскаго раскольника Елисѣя Морозова съ обращеніемъ инока Павла въ единовѣріе, наводитъ его на такое размышленіе: «Ужасъ объялъ всѣхъ свидѣтелей сихъ двухъ знаменательныхъ церемоній. Два друга въ одинъ день и почти въ одни часы, входили въ разныя врата, одинъ во врата раскаянія и новой жизни, другой во врата могилы и нераскаяннаго фанатическаго заблужденія... Странный рокъ судьбы и потрясающее сочетаніе фактовъ!»

И однако въ книгѣ г. Ливанова есть статьи, заслуживающія полнаго вниманія, хотя появленіе ихъ рядомъ съ измышленіями чиновника-преслѣдователя религіознаго разномыслія, почти необъяснимо. Это—нѣсколько статеекъ о молоканахъ и духоборцахъ. Тутъ г. Ливановъ является совсѣмъ другимъ человѣкомъ, какъ онъ былъ другимъ и въ статьяхъ, помѣщенныхъ нами въ прошломъ году. Онъ не только не другъ преслѣдованій, онъ не только осуждаетъ новороссійскаго генералъ-губернатора Ланжерона, который сказалъ духоборцамъ: «вы не знаете Бога и императора, и еслибъ я былъ императоромъ, то побилъ бы васъ всѣхъ изъ пушекъ и ружей», но и совсѣмъ уничтожается, со всѣмъ своимъ міросозерцаніемъ, передъ логикою этихъ сектаторовъ. Такая двойственность г. Ливанова можетъ быть объяснена или тѣмъ, что духоборческую секту онъ изслѣдовалъ, какъ въ самой жизни, такъ и въ исторіи, между тѣмъ, какъ о другихъ раскольничьихъ сектахъ судилъ единственно на основаніи канцелярскихъ документовъ, или тѣмъ, что, нагрѣшивъ относительно послѣднихъ ради скандала, онъ хотѣлъ очистить себя въ глазахъ либеральныхъ людей превознесеніемъ того, что уже до него превознесъ баронъ Гакстгаузенъ. Какъ бы то ни было, но такія статейки, какъ «Духоборцы и сенаторъ Лопухинъ», «Молоканы», «Молоканское село Тяглое Озеро», «Начало и происхожденіе молоканъ и духоборцевъ въ Россіи» и въ особенности «Молоканскій Попъ» читаются съ интересомъ и даютъ довольно обстоятельное понятіе объ этой сектѣ.

Молоканскій попъ, бесѣду котораго г. Ливановъ записываетъ, приближается къ идеалу духовнаго наставника, который съ необыкновенною простотою объясняетъ, конечно съ своей, молоканской точки зрѣнія, истины евангелія и практическое приложеніе ихъ къ жизни. «Образъ божій состоитъ въ „правдѣ и святости истины“, и въ духѣ нашемъ Богъ открывается намъ, какъ наша сущность, начало, причина, свобода, истина и цѣль... Кромѣ библіи и евангелія никакихъ источниковъ для богопознанія не признаемъ, потому что апостолъ Павелъ говоритъ: «хотя бы мы, или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы вамъ благовѣствовали, да будетъ анаѳема»... Истинный и единый глава церкви—Христосъ, потому всякій, именующій себя главою церкви, тѣмъ самымъ какъ бы хочетъ вступать въ соперничество со Христомъ и дѣлается его противникомъ... Мы не имѣемъ никакихъ изображеній и образовъ, ни Господа Бога, ибо «Его никто никогда не видалъ», никого другого. Таинствъ мы вообще никакихъ не признаемъ, ибо всякая тайна откроется съ пришествіемъ Іисуса Христа его послѣдователямъ... По примѣру церкви временъ апостольскихъ, мы собираемся для общественнаго богослуженія и поклоненія Богу. Для наблюденія принятаго порядка при богослуженіи, для чтенія св. писанія, а также для принесенія молитвъ, каждая изъ нашихъ мѣстныхъ церквей выбираетъ себѣ пресвитера или епископа; какъ Христосъ без-

возмездно пострадалъ и пролилъ кровь свою за церковь, такъ и пресвитеры наши считаютъ священною обязанностію безвозмездно служить Богу и церкви. Для богослуженія мы не имѣемъ особыхъ помѣщеній и не соблюдаемъ никакихъ обрядовъ, ни кажденія, ни кропленія водой, ни зажиганія свѣчей... Чистое и непорочное благочестіе передъ Богомъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ несчастіи; не словомъ или языкомъ должны мы любить ближняго, но дѣломъ и истиною. У насъ нѣтъ нищихъ: мы сѣемъ особыя десятины для ближнихъ и неимущихъ и убираемъ ихъ общимъ трудомъ... Въ дни страданій Іисуса Христа мы соблюдаемъ постъ въ память плотскихъ мученій, которыя добровольно принялъ и претерпѣлъ Онъ. Въ эти дни мы ничего не пьемъ и не ѣдимъ, и проводимъ ихъ въ молитвѣ. Всѣхъ же прочихъ постовъ, установленныхъ греко-россійскою церковью, не принимаемъ; также не принимаемъ раздѣленія пищи на скоромную и постную; всякая пища создана Богомъ и одинаково хороша; постной же пищи быть не можетъ, ибо постъ есть воздержаніе отъ всякой пищи, которое можетъ освободить духъ отъ плотскихъ помысловъ, сдѣлать его болѣе способнымъ къ добру, а не наполненіе желудка рыбой и грибами... Мы вѣруемъ, какъ и всѣ христіане, въ жизнь за гробомъ и въ воскресеніе мертвыхъ... Мы не принимаемъ присяги, а довольствуемся «честнымъ словомъ»... Не пріучай уста, говоритъ св. писаніе, къ клятвѣ, ибо какъ рабъ, котораго часто наказываютъ, не освободится отъ рубцовъ, такъ и тотъ, кто клянется именемъ Господнимъ, не будетъ чистъ отъ грѣха. Христосъ сказалъ: да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ, а что сверхъ сего, то отъ лукаваго... Проклятъ наушникъ и злоязычный, ибо онъ разстроилъ многихъ жившихъ въ мірѣ». (Стр. 390—410). Какъ жаль, что г. Ливановъ не усвоилъ себѣ нѣчто изъ этихъ правилъ...

Разсказы и біографическіе очерки изъ русской исторіи. Учебникъ для младшаго возраста. Составилъ *Александръ Шуфъ*, учитель московской 2-й гимназіи. М. 1869. XI—129.

Изъ предисловія къ этому учебнику видно, что онъ написанъ въ виду того, что въ нашихъ гимназіяхъ исторія проходится два раза: въ 3-мъ классѣ съ учениками 12—13 лѣтъ, и въ старшихъ классахъ съ молодыми людьми 16—17 лѣтъ. Предполагая для послѣднихъ, «въ непродолжительномъ времени», издать такой учебникъ, который могъ бы «познакомить учениковъ съ послѣдними результатами науки, представить имъ прагматически-сжатый очеркъ исторіи», г. Шуфъ настоящую книжку назначаетъ для мальчиковъ 12—13 лѣтъ, предпочитая для нея біографическую и эпизодическую форму, какъ такую, которая можетъ представить мальчикамъ «какъ можно болѣе живыхъ людей» и «цѣлый рядъ отдѣльныхъ и законченныхъ образовъ, которые могли бы произвести на нихъ извѣстное впечатлѣніе и возбудить въ нихъ умственную дѣятельность». Съ этой похвальной цѣлью г. Шуфъ написалъ 21 біографію и 3 разсказа (о славянахъ, нашествіе татаръ и междуцарствіе).

Но такъ какъ для выполненія похвальной цѣли недостаточно одного добраго намѣренія, то въ учебникѣ г. Шуфа не только не получилось «живыхъ людей» и «отдѣльныхъ законченныхъ образовъ», но не получилось даже самыхъ ординарныхъ, сухихъ біографическихъ очерковъ. Уже изъ предисловія видно, что г. Шуфъ боится всякой самостоятельности: высказывая самыя обыкновенныя, общепринятыя мысли о преподаваніи исторіи, онъ считаетъ своею обязанностію ссылаться на Шульгина, Овсянникова, Кампе, Шварца, Петера и проч. Въ самомъ учебникѣ это отсутствіе самостоятельности еще ярче бросается въ глаза, хотя г. Шуфъ тутъ и не столь добросовѣстенъ, какъ въ предисловіи. Въ самомъ дѣлѣ, руководящею нитью для своихъ разсказовъ онъ избралъ «Краткіе очерки русской исторіи» г. Иловайскаго и «Учебную книгу русской исторіи» г. Соловьева, не упомянувъ, однако, въ числѣ источниковъ, которыми пользовался, этихъ книгъ. Между тѣмъ, какъ и въ изложеніи, заимствованія встрѣчаются на каждомъ шагу, то дословныя, то въ перифразѣ, самой, впрочемъ, нехитрой. Предвидя этотъ упрекъ, г. Шуфъ допускаетъ забавныя неточности; напр., «Краткіе очерки» г. Иловайскаго начинаются такъ: «Восточная половина Европы имѣетъ видъ сплошной, однообразной равнины, предѣлы которой ограничиваются четырьмя морями и тремя горными хребтами». «Разсказы» г. Шуфа начинаются такъ: «Восточная Европа имѣетъ видъ обширной равнины, которая простирается отъ Бѣ-

лаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Уральскихъ горъ». У г. Иловайскаго опредѣленіе точно, у г. Шуфа — нѣтъ. Другой примѣръ: перефразируя характеристику славянъ изъ Иловайскаго, г. Шуфъ говоритъ: «Погребеніе *у славянъ* (у всѣхъ?) совершалось слѣдующимъ образомъ: родственники сожигали мертвеца на кострѣ, собирали его пепелъ въ сосудъ и ставили оный на столбѣ, *подлѣ дороги*». У г. Иловайскаго: «Въ *нѣкоторыхъ мѣстахъ* мертвеца сожигали на кострѣ; пепелъ его собирали въ сосудъ и ставили на столбѣ, гдѣ *сходилось нѣсколько дорогъ*». Третій примѣръ: перифразируя г. Иловайскаго, г. Шуфъ говоритъ, что «Хмельницкій получилъ отличное образованіе», между тѣмъ, какъ у г. Иловайскаго эта фраза выражена гораздо точнѣе, именно: «отличное *по тому времени* образованіе». Такихъ примѣровъ мы могли бы привести множество, но надѣемся, что и этихъ достаточно для опредѣленія степени самостоятельности труда г. Шуфа. Что касается плана, то онъ нисколько не отличается отъ плана учебниковъ гг. Иловайскаго и Соловьева: тотъ же матеріалъ (значительно сокращенный), то же его расположеніе насильственно вдвинуты въ біографію извѣстныхъ лицъ, причемъ происходятъ такія несоразмѣрности: въ біографіи Алексѣя Михайловича говорится гораздо больше о жизни Никона, чѣмъ о самомъ героѣ; въ біографію Петра Великаго включены біографическія замѣтки не только о Екатеринѣ I, но и о Петрѣ II, Аннѣ Іоанновнѣ, Биронѣ и Елисаветѣ Петровнѣ. Выборъ матеріала для біографій совершенно случайный, о чемъ можно судить по тому, что исторіи западной Руси посвящено всего нѣсколько строкъ; мятежъ Разина совсѣмъ пропущенъ; о внутреннемъ бытѣ, о такихъ личностяхъ, какъ Ломоносовъ — ни слова; о «Русской Правдѣ» и «Судебникѣ» Ивана III есть по нѣскольку словъ, объ «Уложеніи» Алексѣя Михайловича, о сожженіи разрядныхъ книгъ, объ екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія — ни слова; Екатеринѣ I, Петру II, Аннѣ и Елисаветѣ посвящено всѣмъ вмѣстѣ 30 строкъ, Петру III—3 стр., Павлу I—1½, между тѣмъ, какъ домовому — 4 страницы, русалкамъ еще болѣе. Не обладая ни талантомъ изложенія, ни самостоятельностью, ни способностью отличать важное отъ неважнаго, интересное отъ неинтереснаго, г. Шуфъ не отличается также высотою взглядовъ на событія, вещи и литературные памятники, что можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ его о «Наказѣ»:

«Замѣчательнѣйшимъ сочиненіемъ Екатерины считается книга, извѣстная подъ именемъ *Наказа*, гдѣ императрица высказываетъ свои (?) убѣжденія и взгляды; такъ, напр., она высказываетъ мысль, что для государствъ, такихъ обширныхъ, какъ Россія, самый лучшій образъ правленія монархическій неограниченный; далѣе (?) она говоритъ, что пытка при судебныхъ дѣлахъ не можетъ служить средствомъ узнать истину, *потому что* человѣкъ, имѣющій слабое сложеніе (а сильное?) не въ силахъ выносить страданій, причиненныхъ ему пыткою, *а потому* онъ можетъ обвинить себя въ такихъ преступленіяхъ, которыхъ никогда не совершалъ».

Какую «умственную дѣятельность» могутъ возбудить въ ученикѣ какъ эти строки, такъ и весь учебникъ? Своими противорѣчіями, сухостью, неточностями и проч. онъ можетъ породить въ головѣ мальчиковъ только путаницу и нелюбовь къ русской исторіи.

Русскіе писатели. Изданіе И. И. Глазунова. Сочиненія и переводы *В. И. Лукина* и *Б. Е. Ельчанинова*. Съ портретомъ Ельчанинова и со статьею о Лукинѣ *А. Н. Пыпина*. (Редакція изданія *П. А. Ефремова*). Спб. 1868 г. Стр. LXXII и 520.

Имена Лукина и въ особенности Ельчанинова извѣстны только записнымъ знатокамъ исторіи русской литературы. Г. Пыпинъ, въ статьѣ своей о Лукинѣ, приложенной къ настоящему изданію, причисляетъ Лукина къ «очень второстепеннымъ писателямъ временъ Екатерины», и притомъ къ писателямъ лишеннымъ таланта. Извѣстностью своею въ то время онъ обязанъ ожесточеннымъ нападкамъ, которые безпощадно сыпались на него со стороны мелкихъ журналовъ 1769—70 годовъ. Нападки эти, въ свою очередь, вызваны были драматическою дѣятельностью Лукина, въ которой онъ старался внести въ русскую комедію элементъ народности, какъ въ обширномъ смыслѣ этого слова, такъ и въ тѣсномъ, то-есть, элементъ простонародности. Тогдашнія комедія и драма, построенныя по мѣркѣ французскаго псевдо-классицизма, цѣликомъ переносили на русскую сцену

чужіе нравы. Сумароковъ владычествовалъ съ своими «славными россійскими сочиненіями», и авторитетъ его раболѣпно признавался почти всѣми литераторами того времени. Лукинъ былъ первый, который возсталъ противъ подражательности, переходившей всякія границы, французскимъ образцамъ, и осмѣлился выразить, въ предисловіяхъ къ своимъ комедіямъ, довольно независимое мнѣніе о «славныхъ россійскихъ сочиненіяхъ». Это вызвало цѣлую бурю въ тогдашней журналистикѣ. Литературные нравы и интересы того времени ярко выступили въ этомъ бою, которому посвящена большая часть статьи г. Пыпина, и какъ мы ни далеки отъ царствованія Екатерины, но нѣкоторые полемическіе пріемы въ современной, въ особенности мелкой журналистикѣ, какъ нельзя больше напоминаютъ его, главнымъ образомъ, относительно преобладанія личнаго элемента, безъ всякаго отношенія къ принципамъ. Впрочемъ, наше время разнится отъ того времени поклоненіемъ не личнымъ авторитетамъ, а принципамъ, что уже далеко не одно и тоже.

Возставая противъ слѣпой подражательности, Лукинъ совѣтовалъ передѣлывать иностранныя пьесы: «передѣлывать значитъ, говоритъ онъ, нѣчто включить или исключить, а прочее, то есть главное, оставить и склонять на наши нравы». Это «склоненіе на наши нравы», какъ извѣстно, существуетъ до настоящаго времени, какъ въ русской, такъ и въ иностранной драматической литературѣ, не оставляя въ нихъ никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ, но при умноженіи театровъ и относительной бѣдности оригинальнаго творчества, сдѣлавшееся почти необходимымъ. Лукинъ оставилъ нѣсколько образцевъ такихъ «склоненій» и написалъ оригинальную комедію: «Мотъ, любовію исправленный», въ которой выставилъ міръ игроковъ, самому ему очень хорошо извѣстный, такъ какъ онъ былъ нѣкоторое время однимъ изъ самыхъ усердныхъ поклонниковъ этого развлеченія. Какъ передѣлки Лукина, такъ въ особенности оригинальная его комедія, заключаютъ въ себѣ подробности, характеризующія нравы того времени, и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія историка русской цивилизаціи. Лукинъ обладалъ наблюдательностію, здравымъ смысломъ и даже чувствомъ литературной и общественной инициативы: послѣднее, далеко не дюжинное свойство, сказалось, какъ въ его критическомъ взглядѣ на современную ему комедію, такъ и въ высказанныхъ имъ мысляхъ о необходимости народнаго театра. Въ 1765 г. открылся въ Петербургѣ народный театръ, во время пасхи; онъ былъ сколоченъ изъ досокъ и помѣщался «на пустырѣ за Малою Морскою». Народъ повалилъ въ этотъ театръ, платя 50 к. за мѣсто: «Нашъ низкія степени народъ, говоритъ Лукинъ, толь великую жадность къ нему показалъ, что оставя другія свои забавы изъ которыхъ иныя дѣйствіемъ не весьма забавны, ежедневно на оное зрѣлище сбирался. Играютъ тутъ охотники, изъ разныхъ мѣстъ собранные, и между оными два-три есть довольно способностей имѣющіе, а склонность чрезмѣрную: Сія народная потѣха можетъ произвесть у насъ не только зрителей, но современемъ и писцовъ (т. е. писателей), которые сперва хотя и неудачны будутъ, но въ послѣдствіи исправятся»

У насъ теперь 1869 годъ, а народнаго театра все еще нѣтъ, и народъ предоставленъ „забавамъ, которыя дѣйствіемъ не весьма забавны", по удачному выраженію Лукина. Даже въ балаганахъ, устраиваемыхъ промышленниками на святой и масляницѣ, только недавно, года два тому назадъ, если не ошибаемся, со вступленіемъ въ дирекцію театровъ г. Гедеонова,—дозволено пантомимы перемежать діалогомъ. Да послужатъ же слова Лукина, больше ста лѣтъ тому сказанныя, урокомъ нашему времени.

Нечего говорить, что сочиненія Лукина и Ельчанинова изданы во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно и удовлетворятъ самаго взыскательнаго библіографа и книгоѣда. Къ сожалѣнію, мы опасаемся, что только библіографы и книгоѣды и пріобрѣтутъ эти изданія. Вполнѣ сочувствуя предпріятію гг. Глазунова и Ефремова, мы не можемъ не пожалѣть, что не видимъ въ немъ никакого плана и никакихъ здравыхъ коммерческихъ основаній, которыя необходимы въ предпріятіяхъ всякаго рода. Въ публикѣ, даже болѣе развитой, чѣмъ наша, не можетъ существовать потребности на писателей второстепенныхъ и третье-степенныхъ прошлаго вѣка, но она не осталась бы равнодушной къ писателямъ болѣе виднымъ. Гг. же Глазуновъ и Ефремовъ какъ будто умышленно уменьшаютъ интересъ къ своему предпріятію: начавъ Фонъ-Визинымъ, они дали затѣмъ писателей,

по степени своего таланта и значенію, все болѣе и болѣе незначительныхъ: Кантемиръ, В. Майковъ, Лукинъ, Ельчаниновъ.

Всемірная исторія Шлоссера. Томъ I. Второе, общедоступное, исправленное и умноженное изданіе. Изданіе книгопродавца типографа М. О. Вольфа. Спб. и Моск. 1868 г.

Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы Ф. К. Шлоссера. Переводъ съ четвертаго исправленнаго изданія. Изданіе второе. Спб. Изданіе книжнаго магазина Черкесова. 1868. 5 т.

Второе изданіе двухъ огромныхъ трудовъ знаменитаго историка говоритъ само за себя. Безъискусственный, небрежный, даже безпорядочный въ своемъ изложеніи, но исполненный благородныхъ побужденій, горячій защитникъ народа, ненавистникъ придворной спѣси, барства, грубой силы и всего того, что прикрываетъ свою ничтожность или посредственность наружнымъ блескомъ и двусмысленными заслугами, до придирчивости строгій моралистъ, презиравшій изящество литературной стороны въ томъ убѣжденіи, что оно растлѣваетъ читателя, Шлоссеръ очевидно пришелся по вкусу русской публикѣ, не избалованной изществомъ литературной формы въ историческихъ сочиненіяхъ, которыхъ къ тому же весьма мало. Сочиненія Шлоссера, обогащая читателя фактами, даютъ ему въ тоже время опредѣленный взглядъ не столько на извѣстныя событія, сколько на извѣстныя общественныя отношенія, исторически сложившіяся и весьма туго поддающіяся напору времени. Новѣйшія труды по исторіи могутъ освѣтить новыми подробностями, новымъ свѣтомъ тѣ или другіе факты, тѣ или другія историческія личности, литературная критика можетъ доказать невѣрность или односторонность сужденія Шлоссера о литературныхъ памятникахъ, но въ трудахъ нѣмецкаго историка навсегда останется одна привлекательная и поучительная сторона, которая долго еще заставитъ читателей искать въ немъ здоровой умственной пищи. Сторона эта заключается въ духѣ, которымъ проникнуты его труды и который обусловливается безукоризненнымъ характеромъ историка, его пламенной любовью къ истинѣ, его нравственнымъ одушевленіемъ и яснымъ взглядомъ на міровыя событія.

Первыя изданія Шлоссера явились еще при предварительной цензурѣ; вслѣдствіе этого вторыя значительно дополнены, особенно «Исторія восемнадцатаго столѣтія», но по цѣнѣ гораздо доступнѣе. «Всемірная исторія» будетъ издана въ шести огромныхъ томахъ, изъ которыхъ вышелъ только первый (до смерти Суллы); «Исторія восемнадцатаго столѣтія»— въ восьми томахъ, изъ которыхъ вышли пять.

Изъ жизни. Разсказы и повѣсти *Николая Ковалевскаго.* Спб. 1869.

Авторъ началъ свою беллетристическую дѣятельность давно, вначалѣ сороковыхъ годовъ: первая повѣсть помѣчена 1843 г., послѣдняя 1867 г. Это въ нѣкоторомъ родѣ лѣтопись авторской жизни, пережитыхъ имъ волненій и вліяній. Съ первыхъ же строкъ чувствуется сильное вліяніе Гоголя: манера, нѣкоторый юморъ, даже самая канва—все это навѣяно великимъ писателемъ и недурно воспринято впечатлительной душой. Затѣмъ слѣдуетъ вліяніе Тургенева, сначала его охотничьихъ разсказовъ, потомъ романовъ съ политическимъ содержаніемъ. Передъ вами забытые люди и забытыя страсти: мелкопомѣстные помѣщики, преимущественно малороссіяне, съ ихъ нехитрою жизнью, нехитрыми интересами, вращавшимися между сытнымъ обѣдомъ и перенесеніемъ Наполеонова праха съ острова св. Елены въ Парижъ, маленькіе герои въ синей альмавивѣ, подбитой бархатомъ, которые, по выраженію одного изъ тогдашнихъ стихотворцевъ, «жили и дышали—не напрасно», потому что имѣли страстишки, а иногда и страсти, превращавшіе этихъ героевъ либо въ горькихъ пьяницъ, либо въ людей ни къ чему неспособныхъ. Они такъ и говорили: «меня одолѣла страсть, и я сталъ ни къ чему неспособенъ.» Они «ласкали овальныя, нѣжныя, персиковыя щечки съ поцѣлуемъ амура», читали Жоржъ-Санда, брались ради скуки за Сея, Рикардо и Мальтуса, но скоро бросали ихъ для Поль-де-Кока, а Поль-де-Кока для новой страсти, сочиняя себѣ мученія и хвалясь «битвою жизни», которую они выдержали. Читая первые разсказы г. Ковалевскаго, доброе старое время вспоминаешь поминутно. Авторъ самъ словно

вглядывался въ него, записывая подробно какъ важныя, такъ ничтожныя черты съ тою любовью, которая отличаетъ человѣка съ инстинктами художественной натуры, рѣдко возвышаясь надъ тѣмъ міромъ, который его окружалъ.

Настало новое время, появились другіе интересы, по Россіи прозвучали слова: прогрессъ, эманципація, нигилизмъ и т. д. Тотъ же писатель берется и за изображеніе этого времени. Являются помѣщики, ораторствующіе о томъ, что пора «выработывать въ себѣ внутренняго человѣка, пора придти къ сознанію, что всѣ мы братья-люди-человѣки», началось «треніе вудлѣ народа» съ фразами: „люблю я нашего русскаго мужика,“ или «мужичка», потому что такъ оно сантиментальнѣе, хотя этотъ сантиментализмъ, это жантильничанье не мѣшало браться за карманъ, оттягивать у «мужичка» лучшія его угодья и сочинять бунты и требовать команды для ихъ усмиренія. Среди этихъ противорѣчій между словомъ и дѣломъ выросло нѣкое чудовище, окрещенное именемъ «нигилистъ,» въ котораго всѣ увѣровали какъ въ новаго антихриста. Нашлась причина всѣхъ причинъ, источникъ всѣхъ бѣдствій, и люди раздѣлились съ нѣкоторыми оттѣнками на нигилистовъ и благонамѣренныхъ, и стали другъ друга уязвлять и поражать. Вышелъ и «земскій человѣкъ», который сначала бодро поглядѣлъ вокругъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ довольно смѣлыхъ, потомъ запутался и какъ-то совсѣмъ стерся. Среди этого міра, который нарушалъ прежній покой и сонъ, кричалъ и волновался, поднималъ вопросы въ теоріи, примѣнялъ ихъ къ жизни, а иногда поднималъ и опускалъ, чтобы взяться за другіе, которымъ тоже надлежало опуститься, — среди этого міра, писателю, изображавшему мирныя страсти и маленькіе интересы, должно было показаться неловко. Онъ молчалъ долго, но въ 1867 г. записалъ свои впечатлѣнія, вѣрный своему учителю, автору „Отцовъ и Дѣтей,“ записалъ ихъ въ образахъ, которые вышли отчасти сколками съ тургеневскихъ героевъ, отчасти и совсѣмъ ничѣмъ не вышли. Вы чувствуете, что автору не по себѣ, что онъ никакъ не можетъ найдтись въ этой новой обстановкѣ: его тянутъ къ себѣ прежнія картины: мирная жизнь, роскошно-грустная природа, семейный очагъ, жена-красавица, изъ-подъ шляпки которой выпадали и отъ движенія колыхались разлетавшіеся локоны волосъ пепельнаго цвѣта — того чуднаго пепельнаго цвѣта, уподоблявшагося какъ бы цвѣту прозрачнаго облака“... Но рядомъ съ этимъ, какъ оторваться отъ этой бурной, хотя можетъ быть, и призрачной жизни? Она тоже имѣетъ свое обаяніе. Нельзя ли все это соединить, согласить, должное должному отдать, внести всюду необходимую гармонію, даже обойдтись безъ жертвъ, заблужденій и ошибокъ?..

Г. Ковалевскій обладаетъ талантомъ разсказщика, и усердно идетъ по стопамъ своихъ учителей, какъ каменьщикъ, который не знаетъ куда сложить ношу до тѣхъ поръ, пока не укажетъ ему мѣста архитекторъ или его помощникъ. Развѣ этого мало? А. С—нъ.

О вліяніи суда на приговоръ присяжныхъ. Сочиненіе Юлія Глазера, профессора вѣнскаго университета. Спб. 1868 г., 114 стр.

Строго-научная монографія вѣнскаго профессора трактуетъ объ одномъ изъ самыхъ интересныхъ и наиболѣе неуловимыхъ моментовъ европейской судебной практики, введенной теперь и у насъ.

«Проведеніе точной границы между степенью участія судей, съ одной стороны, и присяжныхъ съ другой» — говоритъ авторъ — «въ рѣшеніи вопросовъ, возникающихъ въ уголовномъ процессѣ, и въ связи съ этимъ, опредѣленіе отношенія присяжныхъ къ юридическому вопросу— всегда считалось, такъ сказать, центромъ всѣхъ изслѣдованій о присяжномъ судопроизводствѣ. На материкѣ Европы къ изслѣдованію этой стороны присяжнаго судопроизводства побуждала потребность уяснить сущность, основную идею учрежденія, которое въ однихъ изъ континентальныхъ государствъ только-что намѣревались ввести, а въ другихъ хотя и ввели, но при этомъ переняли лишь внѣшнія формы англійскаго джюри. Но и сами англичане, которые, вообще говоря, имѣютъ склонность восхищаться дѣятельностью своихъ учрежденій, не заботясь объ изслѣдованіи ихъ сущности и основной мысли, не устояли противъ искушенія установить руководящую формулу для присяжнаго судопроизводства, и въ теченіи многовѣковаго существованія института джюри, не разъ представлялся серьезный поводъ испытать справедливость этой формулы и разобрать ея логическія послѣдствія.

«Формула, о которой мы говоримъ»—продолжаетъ онъ — «и которая появилась уже въ самую раннюю эпоху существованія суда присяжныхъ, заключается въ слѣдующемъ: *присяжные должны рѣшать фактическій, а судьи — юридическій вопросъ*».

Авторъ, однако, доказываетъ, что отношеніе судей и присяжныхъ невозможно свести къ такой простой формулѣ, и доказываетъ это самой англійской практикою. Присяжные не только констатируютъ факты, но и оцѣниваютъ ихъ юридически, то-есть, рѣшаютъ вопросъ о виновности. Однако, приведенной формулы авторъ и не отрицаетъ безусловно. Сочиненіе его посвящено именно опредѣленію границы между задачею судей и задачею присяжныхъ, и изложенію тѣхъ мѣръ предосторожностей, какія принимаются для сохраненія этой раздѣльной черты между функціею присяжныхъ и функціею судей. Для этого онъ излагаетъ исторію этого отношенія, какъ оно опредѣлилось изъ судебной практики Англіи и сѣверной Америки.

Въ сочиненіи Глазера собрано множество интересныхъ, въ юридическомъ отношеніи, приговоровъ изъ судебной практики Англіи и Америки. Относительно самаго важнаго пункта, именно участія судей и присяжныхъ въ опредѣленіи вопроса о виновности, авторъ, на основаніи приводимыхъ имъ примѣровъ, приходитъ къ слѣдующему выводу: «Въ англійскомъ судопроизводствѣ присяжными постановляет[ся] одинъ нераздѣльный приговоръ по всему во[]просу о виновности. Этотъ приговоръ прои[з]носятъ одни присяжные. Но судья подгото[в]ляетъ ихъ къ произнесенію приговора, объя[с]няя имъ общія юридическія основанія къ су[ж]денію о силѣ доказательствъ, приведенныхъ [на] судѣ, и присяжные обязаны руководствовать[ся] при рѣшеніи этими основаніями. Лишь таки[мъ] образомъ судья раздѣляетъ съ присяжным[и] дѣло примѣненія закона къ фактамъ данна[го] случая. Мнѣніе судьи всегда имѣетъ значені[е] и если оно рѣшаетъ вопросъ въ отрицател[ь]номъ смыслѣ, то можетъ получить силу фо[р]мальнаго приговора. Напротивъ, мнѣніе судь[и] рѣшающее вопросъ, положительно связываетъ присяжныхъ лишь въ томъ отношеніи, чт[о] судья приводитъ общее юридическое прави[ло] подъ которое безусловно подходятъ факты д[ѣ]ла, такъ что нѣтъ надобности въ какой-либ[о] оцѣнкѣ ихъ. Эта оцѣнка фактовъ, съ указа[н]ной судомъ юридической точки зрѣнія, есть [и] право, и *обязанность* присяжныхъ.»

Сочиненіе Глазера, интересное для юри[]стовъ, какъ тщательное изслѣдованіе одно[го] изъ труднѣйшихъ вопросовъ судебной пра[к]тики, далеко не исчерпываетъ, однакоже, ма[]теріяла, потому именно, что ограничиваетс[я] практикою двухъ странъ, которыя, впрочем[ъ] представляютъ истинное отечество институ[та] присяжныхъ.

Л. А—въ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПО ПОВОДУ НОВАГО ПОРЯДКА РАЗСЫЛКИ ЖУРНАЛОВЪ И ГАЗЕТЪ

Вслѣдствіе увеличившагося количества желѣзныхъ дорогъ, время почтовых[ъ] сообщеній значительно сократилось, и потому въ нынѣшнемъ году жалобы на не получение январьской книжки явились несравненно ранѣе, но онѣ явились н[е] только ранѣе, сравнительно съ прежними годами, но и несравненно въ большем[ъ] числѣ. Считаемъ долгомъ, съ своей стороны, объяснить иногороднымъ подписчи[]камъ, что вина въ этомъ случаѣ не можетъ быть возложена никакимъ образом[ъ] на редакцію. При выпускѣ январьской книги, мы впередъ объявили въ газетахъ что въ нынѣшнемъ году введенъ новый порядокъ разсылки журналовъ, которому какъ согласятся наши подписчики, мы обязаны подчиниться, и сущность кото[]раго должна была затруднить редакціямъ сдачу экземпляровъ въ Газетную Экс[]педицію. Притомъ новый порядокъ былъ сообщенъ намъ почтовымъ вѣдомствомъ не ранѣе, какъ въ половинѣ декабря, а въ концѣ декабря приходилось уже сда[]

ать: 1) списки, въ двухъ экземплярахъ, 2) почтовыя карты и 3) адресса, въ поядкѣ, предписанномъ намъ Газетною Экспедиціею.

Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, не было ли обременительно для реакцій, уплачивая съ нынѣшняго года двойную плату за пересылку, понести на ебѣ самыя существенныя обязанности почтовыхъ чиновниковъ, а именно состављеніе не только списковъ, по порядку нумеровъ, но еще и составленіе списковъ ю *почтовымъ трактамъ*, и притомъ въ двухъ экземплярахъ, съ присоединеніемъ ретьяго экземпляра карты. При прежней платѣ за пересылку, Почтамтъ нахоилъ возможнымъ исполнять самъ почтовыя обязанности, и изъ нихъ самую суественную — веденіе трактовыхъ списковъ; теперь, получая вдвое болѣе, Почамтъ возложилъ эту обязанность на редакціи. Мы не говоримъ также и о томъ, то трудно было найти въ двѣ недѣли людей, знакомыхъ съ составленіемъ трактовыхъ списковъ, но все это только трудно, однако еще возможно, и это обстояельство не произвело бы значительнаго замедленія, тѣмъ болѣе, что Почтамтъ ручилъ намъ печатные трактовые списки почтовыхъ конторъ имперіи, съ раздѣеніемъ ихъ на 6 столовъ [1]).

Какъ бы ни велики были свѣдѣнія нашей журнальной Экспедиціи въ отеественной географіи, но почтовая географія представляетъ свои особенности; утъ вовсе не нужно знать, что, напр., Москва — столичный городъ и вмѣстѣ губернскій; тутъ нужно знать, въ какомъ столѣ она находится изъ тѣхъ шести, на оторые Почтамтъ раздѣляетъ всю имперію. Конечно, Москва, какъ Калуга, Рига, Гифлисъ и проч. будетъ напечатана одинаково крупнымъ шрифтомъ: а оказывается, то г. Москвы совсѣмъ нѣтъ въ трактовыхъ спискахъ, и наконецъ, съ величайшимъ рудомъ Москва отыскивается, если не ошибаемся, въ 3-мъ столѣ, заложенная ежду сотнями и тысячами маленькихъ почтовыхъ станцій, подъ именемъ: Московская станція. Потомъ вы ищете, напримѣръ, финляндскіе города, такъ какъ у асъ оказались подписчики въ Гельсингфорсѣ, Куопіо и т. д. Но Финляндіи совсѣмъ нѣтъ ни въ одномъ столѣ; не говоримъ о мелкихъ станціяхъ и станицахъ, оторыя также оказались пропущенными въ почтовыхъ спискахъ. Все это требоало сношеній съ Газетной Экспедиціей, которая, какъ видно, или затруднялась рѣшить вопросъ, къ какому столу относится та или другая станція, или, при значительно-уменьшенномъ нынѣ персоналѣ, не имѣла времени удовлетворить насъ а мѣстѣ. Однимъ словомъ, при сдачѣ оказывались различныя препятствія и отъ ашей неопытности — такъ какъ въ первый разъ намъ пришлось исполнять почовыя обязанности, да намъ и не дали времени къ нимъ приготовиться — и отъ едостаточности трактовыхъ списковъ, которые приводили насъ въ удивленіе, какимъ образомъ сама Газетная Экспедиція могла прежде руководиться подобными писками по настоящее время. Не разъ приходилось экспедитору нашего журнала быть Колумбомъ по отношенію маленькихъ станцій, малоизвѣстныхъ даже самой Газетной Экспедиціи, которая не знала навѣрное, какимъ трактомъ слѣдуетъ высылать на такую станцію экземпляры.

Судя по многочисленнымъ письмамъ, полученнымъ редакціею, начиная съ половины января, негодованіе подписчиковъ на журналы и газеты, и совершенно понятное и справедливое негодованіе, достигло до высокой степени, такъ что подписчики обращаются къ намъ съ жалобою не только по нашему журналу, но и въ досадѣ своей исчисляютъ всѣ непріятности по газетамъ, за которыя мы неот-

[1]) Не смотря на нашу просьбу получить такой списокъ въ двухъ экземплярахъ и готовность заплатить деньги, намъ было отказано выдать второй экземпляръ, такъ какъ число списковъ было отпечатано въ ограниченномъ числѣ. Между тѣмъ, листъ всегда можетъ затеряться, и потому не слѣдовало бы изъ трактовыхъ списковъ дѣлать библіографической рѣдкости.

вѣтственны. Такъ, одинъ подписчикъ, г. Т., со станціи Муравьево, жалуется, ч онъ получилъ нумера два «Спб. Вѣдомостей», но потомъ, къ его великому уди ленію, къ нему стали доставлять «Сынъ Отечества», за тѣмъ опять появило нѣсколько нумеровъ «Спб. Вѣдомостей», съ тѣмъ, чтобы опять чрезъ нѣсколь дней прекратиться. Другіе наши подписчики указываютъ на подобныя же врем ныя затмѣнія газетъ, съ убѣдительной просьбой заявить о томъ. Мы тѣмъ охо нѣе исполняемъ такую просьбу, что Почтовое Начальство не иначе можетъ пре отвратить зло, какъ узнавъ о его существованіи, а зло состоитъ не въ недостат доброй воли служащихъ въ Газетной Экспедиціи, на которыхъ жаловаться бы бы несправедливо, а въ томъ, что старый порядокъ былъ отмѣненъ слишкомъ бы стро, и вся реформа произведена поздно и не довольно опытно. Кромѣ того, По товое вѣдомство, усиливъ свои денежныя средства, двойнымъ сборомъ за пере сылку, сократило персоналъ Газетной Экспедиціи, и потому естественно Газетная Экспедиція не могла дѣйствовать даже и такъ, какъ она дѣйствовала прежде.

Не мѣсто здѣсь заявлять о мѣрахъ, какими можно было бы устранить страш ную путаницу, которая грозитъ намъ въ непродолжительномъ времени чуть не пре кращеніемъ сообщеній между Петербургомъ и губерніями; мы съ своей сторон просили бы только объ одномъ, а именно, исправить новую реформу *заблаговре менно*, чтобы не повторилось то, что произошло въ 1868 году, когда 15 декабр мы были въ первый разъ увѣдомлены о новомъ порядкѣ разсылки съ 30 декабря Почтовая служба не есть чиновническая въ полномъ смыслѣ этого слова, потом что она заключаетъ въ себѣ много техническаго, и что̀ еще болѣе важно, тре буетъ опытности. А потому, повторяемъ уже однажды сказанное нами, что По товое Вѣдомство, какъ и всякое другое техническое вѣдомство, едва ли въ этом случаѣ можетъ обойтись безъ экспертовъ, и не должно рѣшать подобные вопрос однимъ канцелярскимъ путемъ.

Новыя реформы не коснулись Иностранной Экспедиціи и Экспедиціи Горо ской Почты, и благодаря этому обстоятельству и личной энергіи непосредствен но завѣдующихъ этими отдѣленіями, мы не имѣли *ни одной* жалобы, въ течені трехъ лѣтъ, ни на то, ни на другое отдѣленіе. Значитъ, у насъ есть хорошіе об разчики, заслуживающіе подражанія. Говорятъ, что Газетная Экспедиція совер шаетъ болѣе сложный процессъ. Это совершенно несправедливо, или лучше ск зать, ея сложный процессъ сложенъ безъ всякой пользы. Собственно, и для ин городныхъ подписчиковъ дѣйствуетъ главнымъ образомъ городская мѣстная почт Россія покрыта многими сотнями городскихъ почтъ, и все дѣло состоитъ въ том чтобы привести ихъ въ простое и правильное отношеніе съ центромъ. Вотъ мысл которая должна лежать въ устройствѣ такъ-называемой иногородной отправк Примѣните правило петербургской почты ко всѣмъ многочисленнымъ городски почтамъ Россіи, съ одной стороны; и съ другой, предоставьте Газетной Экспедиціи до ставить каждой провинціальной Городской Почтѣ принадлежащій ей тюкъ: вот и вся операція. Но, повторяемъ, детали этихъ двухъ пріемовъ должны быть опре дѣлены не въ канцеляріяхъ, а въ коммиссіи изъ людей, дѣйствительно знакомых съ почтовымъ дѣломъ и съ дѣломъ журнальнымъ, и заготовляемы не къ концу год а по крайней мѣрѣ къ половинѣ, чтобы достаточно было времени для ознакомле нія съ машиной, какъ намъ, такъ и почтовымъ конторамъ.

М. Стасюлевичъ.